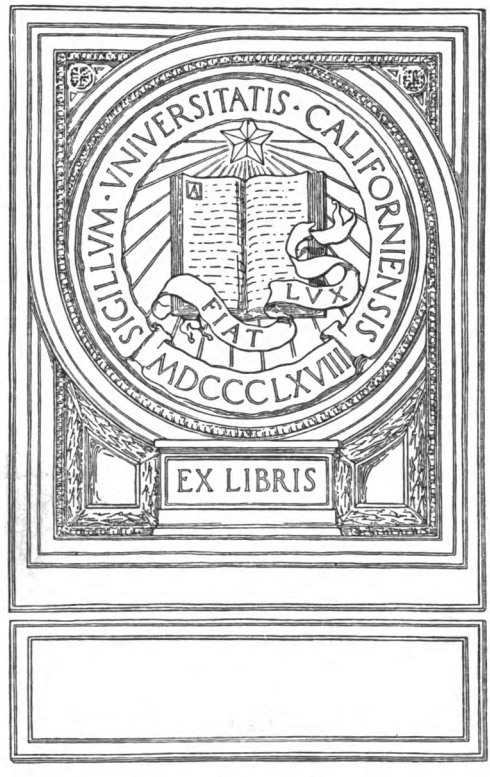
№ 60/12
имени А. С. ПУШКИНА.



Printed by

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VII-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VII-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 27 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. ОРИГИНАЛЬНАЯ: стихотворенія гг. Бальмонта, Бунина, Ладыженскаго, Минскаго, П. Я., О. Чуминой, Allegro и др. «Финикіянки», трагедія **Эврипида**, переводъ въ стихахъ съ греческаго **И. Ѳ. Анненскаго**, «Два счастья», романъ **И. Потапенко**; «Равнодушные», романъ **К. Станюковича**; разсказы **Ив. Бунина, В. Немировича-Данченко, Ю. Безродной**. ПЕРЕВОДНАЯ: «Христіанинъ» **Холлъ Кена**, романъ, переводъ съ англійскаго **З. Н. Журавской**; «Оводъ», романъ, переводъ съ англ. **З. А. Венгеровой**; «Пасынокъ вѣка», романъ, перев. съ финскаго **П. Морозова**; «Новый Тангейзеръ», романъ, перев. съ шведскаго **В. Тирсова**.

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ: «Страна чудесъ на рѣкѣ Еловстонѣ», проф. **А. Павлова**; «Физіологія растеній и раціональное земледѣліе», проф. **Тимирязева**; «Юліусъ Саксъ» (критико-біографическій очеркъ), проф. **Тимирязева**; «Самокалѣченіе и борьба за существованіе у животныхъ», проф. **Фаусека**. ПО МЕДИЦИНѢ И ГИГІЕНѢ: «Очерки общественной гигіены и государственнаго врачебновѣдѣнія», проф. **Н. А. Вельяминова**; «Рудольфъ Вирховъ», монографія д-ра **Ю. Г. Малиса**; «Популярные обзоры успѣховъ біологіи и медицины», проф. **И. Р. Тарханова**. ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ: «Очерки по исторіи роскоши», «Исторія классической системы въ Германіи», **Н. Сперанскаго**; «Къ исторіи русскаго театра», очеркъ **Н. Гурѣева**. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Исторія русской критики», ч. III, отъ Бѣлинскаго до Писарева включительно, **Ив. Иванова**; «В. Бѣлинскій» (къ пятидесятилѣтію смерти); «Изъ дневника Н. В. Шелгунова», извлеченія изъ переписки и дневника; «Адамъ Мицкевичъ» (къ столѣтней годовщинѣ рожденія). ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. «Капитализація земледѣльческой промышленности» (1) Вліяніе большого рынка, централизація земледѣльческихъ промысловъ. 2) Техническій переворотъ въ скотоводствѣ. Зоотехника. Послѣдствія переворота. 3) Переворотъ въ орудіяхъ труда. 4) Спеціальные районы производства, ихъ конкуррирующее вліяніе. 5) Переворотъ въ техникѣ посредничества. Хлѣбная биржа Элеваторы) **Людвига Крживицкаго**. ПО ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ: «Современное естествознаніе и психологія», академика **А. С. Фаминцына**; «Методы изслѣдованія въ современной психологіи», проф. **Г. И. Челпанова**; «Спиноза и его міросозерцаніе», популярный очеркъ канд. философ. **Б. Вельбеля**. ПУБЛИЦИСТИКА: «Забытый утопистъ», **С. Анскаго**; «Въ домѣ народа»; «Культура и народное хозяйство Фин-

ляндіи», **В. Фирсова**; «Общественныя увеселенія въ Америкѣ», **П. Тверскаго**; «Положеніе труда въ Лондонѣ», **Л. Давыдовой**; «Нищенство какъ промыселъ», **С. Сперанскаго**. ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: «Сравнительная литература», **Маколей-Поснета**, перев. съ англ. **Л. Давыдовой**; «Основы этики», **Мекензи**, перев. съ англ. подъ редак. проф. **Г. И. Челпанова**; «Чудеса воздуха» (очерки по метеорологіи), перев. съ франц. **В. Агафонова**.

Отдѣлъ III. Научное Обозрѣніе. Подъ общимъ заглавіемъ« НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» редакція предполагаетъ помѣщать рядъ оригинальныхъ статей, составленныхъ спеціалистами, въ видѣ обзоровъ по отдѣльнымъ наукамъ или по частнымъ научнымъ вопросамъ. Дополненіемъ къ этому отдѣлу должны служить «ТЕКУЩІЯ НАУЧНЫЯ НОВОСТИ», составляемыя по русскимъ и иностраннымъ научно-популярнымъ изданіямъ. Въ отдѣлѣ «НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» обѣщали принять участіе господа: В. К. Агафоновъ и лекторъ берлинской «Ураніи» H. Bürgel; профессора: Павловъ, Тархановъ, Тимирязевъ, Хвольсонъ, Холодковскій, Челпановъ и Фаусекъ.

Отдѣлъ IV. Критическія замѣтки. Очерки болѣе или менѣе выдающихся произведеній русской и переводной литературы. Съ будущаго года предполагается дополнить этотъ отдѣлъ «ОБЗОРОМЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ».

Отдѣлъ V. Изъ западной культуры. Критическій разборъ выдающихся иностранныхъ произведеній. **Ив. Ивановъ.**

Отдѣлъ VI. Разныя разности. НА РОДИНѢ. Свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ корреспонденціи изъ провинціи и небольшія статьи о текущихъ событіяхъ—выставкахъ, конгрессахъ, дѣятельности разныхъ обществъ и т. п. ЗАГРАНИЦЕЙ. Свѣдѣнія и сообщенія изъ западно-европейской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ рефераты статей, особенно интересныхъ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ, а также небольшія статьи и корреспонденціи о выдающихся текущихъ явленіяхъ заграничной жизни.

Отдѣлъ VII. Библіографія. Рецензія о русскихъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ и всѣмъ отраслямъ науки, кромѣ исключительно спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатый отзывъ о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ. . 8 руб.
Безъ доставки на годъ . . . . . 7 »
За границу на годъ. . . . . 10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.
За границу . . . . . 5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:
въ январѣ . . . . . 3 р.
» маѣ. . . . . 3 »
» сентябрѣ . . . . . 2 »

За границу: въ январѣ . . . . 4 »
» » » маѣ . . . . . 3 »
» » » сентябрѣ . . . 3 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной цѣны.

Книжные магазины при годовой и полугодовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. **Подписка по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„ВСХОДЫ".

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 5 до 6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го—небольшой книжкой—отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или, много, въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Программа журнала слѣдующая: повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти; сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей, ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ» помѣщается ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Въ номерахъ журнала, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца предположено напечатать между прочимъ: «Володя». К. Баранцевича. «Волченята». Ив. Бунина. «Чайка». Его же. «На дудкахъ». Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряка. «Тиранъ». И. Потапенко. «Въ штормъ». Разсказъ. К. Станюковича. «Матросикъ». Его же. «Матросы корабля «Надежда». Разсказъ. В. Сѣрошевскаго; разсказы: Н. Вагнера (Котъ Мурлыка), Н. Гарина, Н. Дементьевой, А. Ковленской, В. Немировича-Данченко, А. Паевской. Разсказы изъ русской исторіи И. Потапенко. Запорожская старина. В. Радича. Очерки изъ исторіи Малороссіи. Д. Эварницкаго.

«Біографіи». Сервантесъ. И. Иванова. Фарадей. А. Анненской. «Народные герои». Ея же. Другъ школы и народа. В. Ермилова. Зоологическіе очерки. Доктора зоологіи В. Львова. Очерки по исторіи культуры. Д. Коропчевскаго. Очерки по физической географіи и геологіи. А. Нечаева. Въ отдѣлѣ: «На родинѣ» будетъ помѣщенъ между прочимъ рядъ статей, знакомящихъ съ разными промыслами и фабрично-заводской дѣятельностью. Въ книжкахъ, выходящихъ 15-го числа каждаго мѣсяца, предполагается напечатать между прочимъ: «Пѣснь о Гайаватѣ», извѣстная индѣйская поэма Генри Лонгфелло, переводъ съ англійскаго въ стихахъ Ив. Бунина. «Исторія африканской фермы». Шрейнеръ, въ перед. Л. Дазыдовой. «Жаворонокъ». Историч. повѣсть. Беннетъ. «Бенъ-Гуръ». Ром. Уоллеса, въ перед. Л. Паевской; кромѣ того нѣсколько путешествій.

Подписчикамъ, внесшимъ всю годовую плату, будетъ разослано безплатное приложеніе: «Жизнь моря», по Келлеру и др., сост. Э. Пименова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ **5 руб.**, на 1/2 года **2 р. 50 к.** Безъ доставки **4 р. 50 к.** За границу **8 руб.** Подписчики, желающіе получать книжки, выходящія 15-го числа каждаго мѣсяца, въ **изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ**, благоволятъ доплатить сверхъ подписной суммы за годъ 1 руб. и за 1/2 года 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **С.-Петербургъ, Малая Итальянская, д. № 22**, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ (9-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ вышедшихъ за текущій годъ книжкахъ журнала (№№ 1—10) напечатаны, между прочимъ слѣд. статьи: 1) И. П. Деркачевъ (по поводу 35-лѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности). ***Н. Ѳ. Арепьева;*** 2) К. Д. Ушинскій въ Симферополѣ (по личнымъ воспоминаніямъ). ***И. П. Деркачева;*** 3) Изъ педагогической автобіографіи. ***Л. Н. Модзалевскаго;*** 4) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. ***П. Г. Мижуева;*** 5) Идеалы и дѣйствительность средняго образованія въ Англіи. ***Его-же;*** 6) О единой школѣ въ Западной Европѣ. Проф. ***А. Д. Вейсмана;*** 7) Образованіе и положеніе народнаго учителя въ Швейцаріи. ***А. Н. Каменской;*** 8) Новая русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели. ***П. Ѳ. Каптерева;*** 9) О нѣкоторыхъ дурныхъ привычкахъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Д-ра ***В. В. Гориневскаго;*** 10) О школьныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ, предупреждающихъ ихъ развитіе. Д-ра ***В. Ф. Якубовича;*** 11) О физическомъ воспитаніи. Д-ра ***Г. Явейна;*** 12) Физіологическая теорія воспитанія и обученія проф. Левенталя. Д-ра ***А. С. Виреніуса;*** 13) Новый способъ изслѣдованія умственныхъ способностей и его примѣненіе на учащихся проф. Эбингауза. ***Его-же;*** 14) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей. ***Л. Е. Оболенскаго;*** 15) О воспитаніи и обученіи дѣтей идіотовъ, тупоумныхъ и отсталыхъ по Сегену. ***М. Н. Лебедевой;*** 16) Воля и воспитаніе ея. ***К. В. Ельницкаго;*** 17) Объ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ. ***Ст. Никольскаго;*** 18) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ Салтыкова. ***С. Ашевскаго;*** 19) Новое поприще для дѣятельности русской интеллигентной женщины. ***А. М. Калмыковой;*** 20) Школьныя нормы ***В. П. Вахтерова;*** 21) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы. ***Кл. Тихомирова;*** 22) Начальная школа и профессіональныя знанія. ***Д. Д. Лобанова;*** 23) Къ двадцатипятилѣтію «Положенія» о городскихъ училищахъ. Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 года. ***Н. З.;*** 24) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896. ***И. П. Бѣлокопскаго;*** 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи. ***А. П. Раменскаго;*** 26) О наглядно-звуковомъ методѣ обученія грамотѣ. ***Н. Страхова;*** 27) Способы и пріемы обученія правописанію. ***В. Г. Зимницкаго;*** 28) Методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. ***К. Н. Шульгина;*** 29) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. ***И. Е. Евсѣева;*** 30) Замѣтка о чтеніи художественныхъ произведеній въ народной школѣ. ***А. Максимова;*** 31) О значеніи черченія при прохожденіи курса геометріи. ***Н. Гебеля;*** 33) Замѣтки о методахъ преподаванія спеціальныхъ предметовъ въ среднихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. ***П. Строева.***

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ ***Я. В. Абрамова,*** хроника воскресныхъ школъ ***Х. Д. Алчевской*** и ***М. Н. Салтыковой,*** хроника профессіональнаго образованія ***В. В. Бирюковича*** и пр.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногородныхъ съ пересылкою—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.**. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

За предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще небольшое число экз. по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Учебныхъ пособій и игръ

основана въ 1873 году.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію постоянной коммиссіи народныхъ чтеній, Московской коммиссіи публичныхъ народныхъ чтеній и др. медаль Императорскаго Русскаго Техническаго Общества за **самостоятельную установку** изготовленія волшебныхъ фонарей и ихъ **доброкачественность** медаль на выставкахъ въ Филадельфіи (медаль **«за изобрѣтательность, оригинальность и дешевизну»**), въ Парижѣ, Москвѣ, С.-Петербургѣ и многихъ другихъ.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ

на выставкѣ при второмъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Москвѣ 1896 г. и на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ 1896 года. Иллюстрированный спеціальный каталогъ № 7.

ВОЛШЕБНЫХЪ ФОНАРЕЙ

и КАРТИНЪ КЪ НИМЪ

съ прибавленіемъ къ нему изд. 1897 года.

Каталогъ заключаетъ въ себѣ **волшебные фонари и поліорамы** съ керосиновымъ, газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. (Аппараты изготовлены мастерской для большинства **аудиторій народныхъ чтеній**, для ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, для **профессорскихъ лекцій**, для многихъ **полковъ и военныхъ судовъ**. **КАРТИНЫ** (болѣе 8.000 №№) на стеклѣ черныя и раскрашенныя, простыя, поліорамныя, механическія и юмористическія.

Принадлежности для народн. аудиторій при чтеніи съ волшебнымъ фонаремъ. **Списокъ брошюръ**, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній. **Списокъ коллекцій** картинъ къ народнымъ чтеніямъ.

Каталогъ высылается вмѣстѣ съ прибавленіемъ за **50 к.** почт. марк.

Учебныя пособія. — Школьная обстановка. Гигіеническіе классные столы. — Дѣтскія книги.—Образовательныя игры и занятія для дѣтей, болѣе 200 собственныхъ изданій.

Справочный каталогъ учебныхъ пособій и игръ высылается за 14 коп. почт. марк.

ГИГІЕНИЧЕСКІЕ ПОДЪЕМНО-РАЗДВИЖНЫЕ УЧЕБНЫЕ СТОЛЫ

ДЛЯ ОДНОГО отъ 7 руб. до **35** руб. и дороже. Столъ этотъ необходимъ какъ для учащихся дома, такъ и для приготовленія уроковъ всѣми учащимися вообще. Одинъ и тотъ же столъ годится на все время ученія, измѣняя его размѣры сообразно съ ростомъ сидящаго. Предохраняетъ отъ искривленія позвоночника, отъ развитія близорукости и пр. Пересылка за 3 пуда. Упак. 2 руб.

9. Троицкая ул., 9.

Открыта подписка на новое изданіе:

Иллюстрированная Всеобщая Исторія Религій.

Составленная въ сотрудничествѣ д-ра *Э. Буклей* въ Чикаго, библіотекаря *Г. О. Ланге* въ Копенгагенѣ, д-ра *Ф. Іереміасъ* въ Лейпцигѣ, проф. д-ра *І. І. П. Валетонъ* въ Утрехтѣ, проф. д-ра М. Т. Гутсми въ Утрехтѣ и д-ра Э. Леманнъ въ Копенгагенѣ.

Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей.

Д-ра и орд. проф. теологіи въ Амстердамѣ.

Переводъ съ послѣдняго нѣмецк. изданія подъ ред. В. Н. Линдъ.

Сочиненіе будетъ выходить выпусками, въ количествѣ десяти, что составитъ два большихъ тома, болѣе 1.000 стр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Москвѣ безъ доставки 4 руб., съ доставкой и пересылкой 5 р. 50 к. Можно подписываться съ разсрочкой, внося за каждые два вы-

пуска впередъ по 1 руб., два же послѣдніе выпуска выдаются безплатно. Первый выпускъ выйдетъ въ серединѣ декабря 1897 года, остальные выпуски издатели надѣются выпускать ежемѣсячно, такъ чтобы все изданіе вышло никакъ не позже конца 1898 года.

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Подписываться съ разсрочкой можно у издателей (магазинъ «Книжное Дѣло», Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ).

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежемъ.

Продолжается подписка съ разсрочкой платежа на

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАГО Т-ВА „ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Фонтанка, 52.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ:

1) „ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ“.

Соч. проф. НЕЙМАЙРА.

Переводъ съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ *В. В. Ламанскаго* и *А. П. Нечаева*, подъ ред. засл. орд. проф. А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 т.), около 100 листовъ большого формата и убористой печати, около 1.000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 4 карты въ краскахъ, 12 рѣзанныхъ на деревѣ черныхъ картинъ и 22 хромолитографіи.

Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 р. 80 к. Вышелъ 21-й выпускъ.

Внесеніе не менѣе 3-хъ рублей задатка и обязующіеся уплачивать ежемѣсячно не менѣе 1-го рубля получаютъ всѣ имѣющіеся выпуски (1-й томъ, по желанію, въ переплетѣ) и остальные немедленно по выходѣ.

2) „ЖИЗНЬ РАСТЕНІЙ“.

Соч. проф. А. КЕРНЕРА Ф.-МАРИЛАУНЪ.

Переводъ съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ со 2-го, вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія А. ГЕНДЕЛЯ и В. ТРАНШЕЛЯ, подъ редакціей проф. И. П. БОРОДИНА.

30 выпусковъ (2 т.), свыше 100 листовъ большого формата и убористой печати на велен. бумагѣ, съ 2.100 художеств. иллюстраціями въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 24 рѣзан. на деревѣ черными картинами и 40 хромолитографіями.

Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 р. 80 коп. Вышло 3 выпуска.

3) „ЧЕЛОВѢКЪ“.

Соч. проф. І. РАНКЕ.

Переводъ со 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго изданія д-ра медицины Берлинскаго университета А. Л. СИНЯВСКАГО, подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО.

30 выпусковъ (2 т.), около 108 листовъ большого формата и убористой печати на велен. бумагѣ, 1.400 художеств. иллюстрацій, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 р. Вышло 3 выпуска.

Подробные иллюстрированные проспекты каждаго сочиненія высылаются т-вомъ по первому требованію безплатно. Первые выпуски продаются въ конторѣ съ 25 проц. уступки.

Подписывающіеся въ конторѣ Т-ва «Просвѣщеніе» (Спб. Фонтанка, 52), за пересылку и доставку не платятъ и пользуются, по желанію, разсрочкой платежа, начиная съ 1 р. въ мѣс.

Новыя изданія О. Н. Поповой.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ. Пер. съ англійскаго З. Журавской. 53 рис. Учен. Комит. М. Н. П. допущена въ ученичес. библ. средн. учеб. завед. младшаго возр. и въ ученич. библ. низш. училищъ. Цѣна 50 к., въ папкѣ 60 к. «Это сборникъ очень интересныхъ разсказовъ изъ жизни животныхъ». «Русская Школа».

Безъ семьи. Г. Мало. Перев. съ франц. (въ сокращеніи) М. Круковского, съ миог. рис. Цѣна 50 к., въ папкѣ 60 к.

«Безъ семьи» очень тепло рисуетъ «подкидыша», кочующаго по Франціи въ трупѣ уличного увеселителя Витали, состоящей изъ двухъ дрессированныхъ пуделей и обезьянъ. «Волгарь».

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Ф. Гольмсъ. Пер. съ англійс. 77 рис. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

Содержаніе книги во многихъ отношеніяхъ интересно и полезно въ воспитательномъ отношеніи, тѣмъ, что наглядно показываетъ намъ, что счастье человѣка, сила его, его господство коренится не въ жизни, а въ соединеніи, въ совмѣстныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ одной цѣли.

Давидъ Гривъ. Разсказъ о томъ, какъ человѣкъ нашелъ дорогу въ жизни. Гемфри Уордъ. Перев. (въ сокращеніи) съ англійс. А. Каррика, съ 10 ориг. рис. Цѣна 50 к., въ папкѣ 60 к.

«Смыслъ прекрасно написаннаго разсказа въ томъ, что человѣкъ, выдвинувшійся изъ народа, добившійся въ жизни благъ, не превратился въ самодовольнаго эгоиста, а остался въ народѣ, въ сферѣ его насущныхъ интересовъ». «Волгарь».

Печатаются и выйдутъ въ декабрѣ: **Старшины Вильбайской школы.** Тальботъ. Переводъ съ англійс. Шишмаревой, съ многоч. рисун.

Блестящая будущность. Ч. Диккенса, съ англ. состав. А. Н. Энгельгардтъ. Съ 10 оригин. рисун.

Продолжается подписка на «Образовательную библіотеку»: (серія 1897 г.) 10 номеровъ.

1—2. **Клоддъ: Картина міра.** Дѣтство человѣчества.—Піонеры эволюціи въ XIX ст. Пер. съ англ. Цѣна 1 р.

3. **Чемберсъ. Повѣсть о звѣздахъ.** Пер. съ англ. Ц. 40 к.

4—5. **Карышевъ, Н. А. Трудъ,** его роль и условія приложенія въ производствѣ. Цѣна 1 р. 20 к.

6—7. **Лампа. Силы природы** и естественные законы. Двѣ части. Цѣна за обѣ части 1 р.

8—9. **Сѣченовъ, Ив.** Проф. Физіологическіе очерки. Двѣ части. Цѣна за обѣ части 1 р. 20 к.

10. **Кроненбергъ.** Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Цѣна 40 коп.

За всю серію въ 10 номеровъ по подпискѣ 3 р. съ пересыл. 4 р. 50 к.

Только что вышли изъ печати: **Фритіофъ Нансенъ** «Во мракѣ ночи и во льдахъ». Путешествіе норвежской экспедиціи къ сѣверному полюсу на кораблѣ «Фрамъ». Полный перев. подъ редак. Н. Березина, съ 183 рисун. и 4 картами. Цѣна 4 р., съ пересыл. 5 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Происхожденіе науки. Ц. 30 к.

Летурно, Шарль. Соціологія, основанная на этнографіи. 3 вып. Многочис. рисун. Цѣна 2 р. 50 к.

Трачевскій, А., проф. Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Цѣна 1 р. 25 к.

Циглеръ, Т. Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка. Перев. подъ редакціею проф. Н. А. Карѣева. Цѣна 50 коп.

Жюссеранъ. «Исторія англійскаго народа въ его литературѣ». Перев. съ франц. Цѣна 1 р. 25 к.

Луи Бертранъ. Общества взаимопомощи въ Бельгіи. Цѣна 60 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Два тома. I т. Англійская литература. Т. II. Французская литература. Перев. и біографическая статья А. Н. Пыпина. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к.

Дюрингъ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Перев. съ нѣмец. Ю. Антоновскаго. Цѣна 3 р. 50 коп.

Контора и складъ изданій О. Н. Поповой. Спб. Невскій, 54. Выписывающіе изъ склада за пересыл. не платятъ, исключая «Образоват. библіотеки» и сочин. Нансена. Новый иллюстрированный каталогъ по требованію высылается безплатно.

Т-во И. Д. Сытина. Отдѣлъ н. А. Рубакина.

Приступая къ изданію научныхъ и научно-популярныхъ книгъ, Товарищество И. Д. Сытина поручило общее завѣдываніе новымъ отдѣломъ Н. А. РУБАКИНУ. Новый отдѣлъ заключаетъ слѣдующія серіи:

I. Библіотека классическихъ авторовъ. Собранія сочиненій выдающихся мыслителей и ученыхъ разныхъ вѣковъ и народовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на первые четыре выпуска «Библіотеки», заключающіе въ себѣ первую половину

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ слѣдующія сочиненія Спенсера: Т. I—II. **Основанія психологіи.** Т. III—IV. **Основанія соціологіи.** Первое русское изданіе этихъ переводовъ было сдѣлано И. И. Билибинымъ.

Подписная цѣна на всѣ 4 тома 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., при полученіи I, II и III томовъ по 1 р. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ **Т-ва И. Д. Сытина** (Москва, С.-Петербургъ, Варшава), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (С.-Петербургъ, уголъ Б. Садовой и Б. Подъяческой), въ книжн. магаз. «Издатель» (Спб., Невскій пр., у Аничкина моста).

Гг. учащіе и учащіеся, обращающіеся непосредственно къ издателю или редактору, пользуются 10% скидки съ подписной цѣны.

Томъ I выйдетъ въ началѣ мая 1897 г. Все изданіе будетъ окончено къ 1 января 1898 г. По выходѣ IV т. цѣна будетъ значительно повышена.

Подготовляется вторая (послѣдняя) серія «Собранія сочиненій Г. Спенсера». О подпискѣ на эту серію будетъ объявлено особо.

II. Историко-культурная библіотека. 1. **ГЕЙССЕРЪ, Л. Исторія французской революціи.** Пер. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., допущ. въ библіотеки средне-учебныхъ заведеній и нар. читальни. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 2. **ШТАЛЬБЕРГЪ. Очерки изъ исторіи гуманности.** (Приготовляется къ печати).

III. Политико-экономическая библіотека. 1. **ДЕМЕНТЬЕВЪ, Е. Фабрика что она даетъ населенію и что она у него беретъ.** Изд. 2-е, пересмотр. и допол. Съ прилож. библіографич. указателя по русской фабричнозаводской промышленности въ связи съ сельскохозяйственной. Спб. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. 2. **КОНРАДЪ. Краткій очеркъ политической экономіи.** Переводъ подъ ред. Туганъ-Барановскаго. (Приготовлено къ печати).

IV. Библіотека естественныхъ наукъ. 1. **АУЭРСВАЛЬДЪ и РОССМЕСЛЕРЪ. Ботаническія бесѣды.** Пер. академика А. Н. Бекетова. Новое изданіе, дополн. и перед. Со множествомъ хромо-литографій и рис. (Готов. къ печати). 2. **ТИНДАЛЬ, Д. Звукъ.** Новый переводъ съ англ. Н. С. Дрентельна. (Готовится къ печати).

V. Библіотека для дѣтей и юношества. 1. **ЗАСОДИМСКІЙ, П. Задушевные разсказы.** Изд. 3-е Допущено въ библіотеки народн. училищъ и народныя читальни. М. 1897 г. Ц. 1 р 25 к. 2. **Среди цвѣтовъ.** Ботаническій атласъ для дѣтей. Текстъ Н. А. Рубакина (Печатается).

VI. Изданія для народа. 1. **БЕРЕНЪ, М. В. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой.** Со многими рисунк. М. 1897 г. Цѣна 30 коп.

2. **БЕКЕТОВА, Е. Два міра.** Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. Съ рис. Изд. 2-е. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изд., допущ. въ библіотеки начальныхъ училищъ и нар. читальни. М. 1897 г. Ц. 35 к.

3. **Рубакинъ, Н. Чудо на морѣ или приключенія на волнахъ и подъ волнами.** Съ рисунк. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Годъ VI-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 27 ноября 1897 г. С.-Петербургъ.

ЛРЗР
М47
1897:12
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ-ЗАІОНЧКОВСКОЙ. (В. Крестовскаго псевдонима). **М. Цебриковой**. 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. **И. Бунина** 41
3. О СВОБОДѢ ВОЛИ. Проф. **Г. Челпанова**. (Окончаніе) 42
4. ТЯЖЕЛЫЙ ВОПРОСЪ. (Повѣсть). (Окончаніе). **А. Осипова** . 66
5. ТЕХНИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ И ЭМАНСИПАЦІЯ ЖЕНЩИНЫ (По статьѣ С. Л. Андрэ). **П. Ганзена**. 87
6. О ЦѢЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЪ ПРИРОДѢ. Публичная лекція. Проф. **А. Ѳ. Брандта** 95
7. СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ Н. БРАША. (Съ венгерскаго). Пѣснь грусти. **Вл. Ладыженскаго** 112
8. ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ **Іонаса Ли**. Переводъ съ норвежскаго **В. Фирсова**. (Окончаніе). 113
9. ГОЛОДЪ ВЪ ИНДІИ. **М. Рафаилова** 140
10. СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА. Голоса. **О. Чюминой**. . 153
11. ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. (Окончаніе). **Шарля Летурно**. Переводъ съ французскаго **Э. Пименовой** 155
12. ТРАГЕДІИ ЖИЗНИ. (Очерки Зибранда). Перев. съ нѣмецкаго **Т. Криль** 188
13. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть вторая. (Окончаніе II-ой части). **Ив. Иванова**. 193

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Талантъ мертвой полосы.—Первыя произведенія г. Ан. Чехова.—«Моя жизнь», его же.—Великая тоска жизни, лишенной цѣли.—Крупныя достоинства и недостатки этого произведенія.—Новые призывы въ деревню: «Образованные земледѣльцы» г. Осадчаго и «Мечты и дѣйствительность» г-жи Аргамаковой.—Двадцатилѣтіе смерти Некрасова. **А. Б.** 1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Результатъ нормировки рабочаго дня.—Положеніе заводскаго населенія на Уралѣ и золотопріискателей въ Маріинскомъ округѣ.—Пріюты городской голи въ нашихъ городахъ.—Что читаютъ крестьяне Пермской губерніи.—Къ исторіи артелей г. Левитскаго.—Самозванецъ судья.—Юбилей Н. Н. Златовратскаго . . . 13
16. **За границей**. Первая руководительница женскаго движенія.—Двойной юбилей Вирхова.—Тридцать двѣ профессіи, открытыя для женщинъ въ Германіи.—Помощь рыбакамъ.—Генри Джорджъ (Некрологъ). 25

884294

стр

17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes». 35
18. НОВЫЕ ЗОЛОТЫЕ ПРІИСКИ ВЪ АЛЯСКѢ. (Письмо изъ Нью-Іорка). **С. П—ина.** 41
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Старое и новое о планетѣ «Марсъ». **Бруно Бюргеля,** лектора берлинской «Уранiи». (Перев. съ рукописи **З. Н. Журавской**). 48
20. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Ближайшее солнечное затменіе. 2) Изъ планетнаго міра: Новое раздѣленіе кольца Сатурна. Меркурій. Три новыхъ астероида. 3) Новая звѣзда въ туманности Оріона. Новая комета. **Метеорологія.** 1) Изслѣдованіе высокихъ слоевъ нашей атмосферы. Опредѣленіе высоты тучъ. Привязные аэростаты. 2) Скорость вѣтра. 3) Атмосферное электричество и связь его съ атмосфернымъ давленіемъ. 4) Содержаніе углекислоты въ воздухѣ. **Химія.** Сжиженіе фтора. **Геологія.** 1) Землетрясеніе въ Индіи. Вліяніе луны на землетрясенія. 2) Геотермическій градусъ. 3) Источникъ углекислаго газа. **Біологія.** 1) Насѣкомыя и цвѣты. 2) Гебриды лягушки. 3) Непрерывность растительной протоплазмы. 4) Еще о туберкулезной бациллѣ. **Техника.** 1) Окрашиваніе безъ помощи красокъ. 2) Гигантскій телескопъ. 3) Электричество при приготовленіи дрожжей. 4) Новый способъ сохраненія и перевозки молока. **Научныя экспедиціи.** 1) Новая полярная экспедиція. 2) Нѣмецкая экспедиція въ Тихій океанъ. **В. Агафонова** . 58
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. Беллетристика.—Исторія всеобщая.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Естествознаніе.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1897 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 69
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 97

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Окончаніе) . . 353
24. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Въ отрывкахъ изъ подлинныхъ работъ. Д-ра **Фридриха Даннеманна.** Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. **В. К. Агафонова.** (Окончаніе). 211
25. ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКАГО МІРА. (Prehistoric man and beast). **Хётчинсонъ.** (Окончаніе). Пер. съ англ. **З. Журавской.** . 207
26. СОДЕРЖАНІЕ 1897-го ГОДА 1
27. СОДЕРЖАНІЕ ПОСТОЯННЫХЪ ОТДѢЛОВЪ. 4
28. КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ 9
29. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Н. Д. Хвощинская-Заіончковская.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ-ЗАІОНЧКОВСКОЙ *).

(В. Крестовскаго псевдонима).

I.

Надежда Дмитріевна Хвощинская родилась 20 мая 1825 г. Отецъ ея, Дмитрій Кесаревичъ, рано женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Юліи Дробышевой, русской по отцу, полькѣ—по матери. Кочевая жизнь офицера тяжела для семейнаго человѣка, и Хвощинскій перешелъ на службу въ гражданское вѣдомство. Это былъ человѣкъ талантливый, рѣдкой честности и служебнаго долга и, какъ всѣ артистическія натуры, плохой практикъ. Онъ хорошо пѣлъ необработаннымъ голосомъ, умѣлъ дѣлать эскизы портретовъ, вѣрно улавливая сходство. Дочери наслѣдовали его любовь къ искусствамъ. Надежда Дмитріевна рисовала, а сестра ея Софья недурно писала масляными красками.

Пострадавъ отъ несправедливаго обвиненія въ растратѣ казенныхъ денегъ, лишившись мѣста, Хвощинскій пробивался десять лѣтъ съ семьей на жалкія крохи. Небольшая земелька и винокуренный заводъ были описаны на пополненіе растраты, въ которой были виноваты лов-

*) При составленіи этой біографіи авторъ широко пользовался матеріаломъ, цитированнымъ въ біографіи Хвощинской, написанной г. Семевскимъ и напечатанной въ «Русской Мысли» 1889 г.,—дополняя тѣмъ, что приходилось слышать о жизни Хвощинской отъ нея самой и друзей ея.

кіе плуты, воспользовавшіеся довѣрчивостью этого «поэта въ жизни», какъ о немъ отзывались люди, знавшіе его. Это тяжелое время было памятно всю жизнь Надеждѣ Дмитріевнѣ, которая все хорошо понимала; оно принесло ей тѣ ранніе уроки жизни, въ которыхъ дѣтская душа растетъ не по лѣтамъ на добро или зло, смотря по натурѣ. Вспоминая это тяжелое время, Надежда Дмитріевна съ глубокой любовью говорила о матери, которая «геройски несла свое бремя». Мать была доброй семьянинкой, много работавшей въ семьѣ. Она дала дочери примѣръ «мужественнаго терпѣнія и труда, выше котораго ей не дала никакая книга»,—слова Надежды Дмитріевны. «Трудъ мелочной, не казистый, но когда его несутъ весело и бодро, то онъ своего рода геройство». Здѣсь надо искать основаніе того теплаго чувства, съ какимъ Хвощинская описывала простыхъ, добрыхъ людей. Посмѣиваясь иногда со мной надъ фразерствомъ барынь, которыя заявляли съ паѳосомъ, что онѣ посвятили жизнь семьѣ и своею дѣятельностью служатъ гражданскому долгу жены и матери и которымъ цѣлый штатъ прислуги, боннъ, гувернеровъ и гувернантокъ доставлялъ полный досугъ разглагольствовать о самыхъ простыхъ вещахъ, какъ о великихъ подвигахъ,— Надежда Дмитріевна всегда вспоминала мать, которая безъ похвальбы несла лишенія и трудъ бѣдной семьянинки. А какъ тяжело было это бремя, можно заключить изъ того, что бывали дни, когда не на что было купить хлѣба. Все было заложено или продано. «Жилось трудно, но сердечно и хорошо», говорила Надежда Дмитріевна и воспоминаніе объ этой порѣ отозвалось въ ея разсказѣ «Саша». Мужъ вспоминаетъ первую жену, надорвавшуюся надъ работой, болѣя чахоткой, начало которой можно было бы захватить, если были бы средства на лѣченье и отдыхъ. Образъ молодой труженицы всегда бодрой, не ропщущей, находящей силы утѣшать и веселить, навѣянъ былъ воспоминаніемъ о матери. Мать Надежды Дмитріевны получила обычное образованіе дѣвушекъ начала нашего вѣка, была очень не глупа, любила французскую литературу, читала съ разборомъ, благодаря природному вкусу, восторгалась Гюго и передала дочери этотъ культъ.

Воспитаніе Надежда Дмитріевна получила дома. Она была старшей изъ трехъ сестеръ; по обычаю того времени, державшемуся въ культурныхъ семьяхъ до реформы въ педагогическихъ понятіяхъ общества, дѣтей начинали рано учить. Трехъ-четырехъ-лѣтнія дѣти даже заурядныхъ способностей, умѣвшія читать, не считались диковинкой. Н. Д. говорила, что она не помнитъ того времени, когда не знала грамоты. Учили сами родители, не на что было нанимать учителей. Дѣвочка училась читать по «Телеграфу» Полевого. У отца была порядочная библіотека и она страшно полюбила чтеніе. Ранняя страсть къ чтенію— черта не однихъ талантливыхъ дѣтей, но и дѣтей, для которыхъ чтеніе вмѣстѣ и развлеченіе, и утѣшеніе; какъ бы дружно ни жила семья, какъ бы бодро и весело ни сносилась бѣдность, но неразлучныя съ нею

заботы и лишенія бросали тѣнь на чуткое дѣтское сердце. Квартира была холодная, въ щели просвѣчивало зимнее солнце. Приходилось считать каждый грошъ; даже лишній листъ бумаги для дѣтской забавы составлялъ разсчетъ. Надежда Дмитріевна всю жизнь писала четкимъ мелкимъ почеркомъ; привычка эта сложилась въ дѣтствѣ: надо было беречь бумагу. Она собирала въ сорной корзинѣ отцовскаго кабинета бумаги съ бѣлыми страницами и широкими полями, выгадывая каждый пробѣлъ. Маленькая Надя читала все, что попадалось въ книжномъ шкапу отца. Старые журналы, стихотворенія, критическія статьи—все чтеніе не дѣтское. Въ мистическихъ книгахъ и Дантовскомъ Адѣ она вычитала ужасы, доводившіе ее до бреда по ночамъ, что побудило родителей отбирать у нея книги. Она отличалась необыкновенною памятью и въ 6 лѣтъ привела въ изумленіе одного заѣхавшаго къ нимъ въ Рязань автора, вѣрно передавъ многое изъ критической статейки о его переводѣ Паризины Байрона. Не ранѣе тринадцати лѣтъ дѣвочка начала брать уроки у учителя, студента духовной семинаріи, который готовилъ брата въ корпусъ, а сестру Софью, будущую писательницу, извѣстную подъ псевдонимомъ Весеньевъ — въ институтъ. Надежда Дмитріевна обучалась, сверхъ того, русской словесности и латыни—и все это за три рубля въ мѣсяцъ.

Литературныя наклонности рано сказались въ талантливой дѣвочкѣ, и она, въ сотрудничествѣ съ братомъ и сестрой, издавала дѣтскій журналъ. Когда брата увезли въ корпусъ, сестру—въ институтъ, Надежда Дмитріевна продолжала этотъ журналъ вмѣстѣ съ подругой, съ которой она зачитывалась всѣмъ, что попадалось подъ руку и сочиняла историческіе романы. Сидя за пяльцами, подруги передавали другъ другу перипетіи своихъ героевъ и героинь. Романы писались по ночамъ, чтобы хранить творчество въ глубокой тайнѣ. Рукодѣліемъ занимались не только потому, что искусство поставлять разныя украшенія гостиныхъ и собственнаго туалета считалось предметомъ великой важности для дѣвушекъ, но еще потому, что оно приносило гроши въ домъ. Вышивали ковры и подушки на продажу и Надежда Дмитріевна помогала теткамъ. Это не мѣшало ни чтенію, ни ученію, она училась и сама по учебникамъ, и учила младшихъ сестеръ.

Мать, хорошо владѣвшая французскимъ языкомъ, научила дочь. Итальянскому языку Надежда Дмитріевна научилась самоучкой, проживъ долго въ Москвѣ у богатаго дяди, гдѣ нашла учебники. Она бывала въ театрѣ, видѣла игру Мочалова въ шекспировскихъ драмахъ, зачитывалась Шиллеромъ въ русскомъ переводѣ. Когда ее причесывали на первый балъ, а вообще для барышень первый выѣздъ такой роковой шагъ, передъ которымъ ничто не существуетъ въ мірѣ, кромѣ туалета, она читала «Послѣдній день приговореннаго къ смерти». Съ этого вечера начался ея культъ Гюго. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ 1885 г. она пишетъ: «Другое горе (послѣ слуховъ о войнѣ)—смерть Гюго. Я, вѣдь,

поколѣнія 50-хъ гг., на немъ выросла. Всѣ мои первыя впечатлѣнія, молодыя радости, старыя горести прошли надъ Гюго. Что-нибудь случается, чувствуется и его слова летаютъ въ памяти»... «Le dernier jour d'un condamné» она звала лучшей книгой на человѣческомъ языкѣ. «Мама моя его любила. Да всего не перескажешь. Особенно послѣ этой потери вспоминается, сколько хорошаго и хорошихъ ушло на моемъ вѣку, нашихъ, чужихъ, никогда невиданныхъ и близкихъ по душѣ, какъ самые близкіе»... Эта книга Гюго была для нея откровеніемъ: она поняла, что искусство должно имѣть цѣль. Знакомство съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Данте научило ее понимать идеальное въ искусствѣ и застраховало ее отъ плоскостей натурализма.

Съ русской современной литературой знакомство шло туго. Въ пору ранней юности Надежды Дмитріевны и гораздо позже можно было найти въ барскихъ семьяхъ французскіе романы всевозможныхъ авторовъ, а русское чтеніе было не въ «авантажѣ», Гоголя считали «не комъ-иль-фо»; его за неприличіе чинныя маменьки равняли съ Поль-де-Кокомъ. Русскихъ книгъ выходило мало, едва ли не вся литература сосредоточивалась въ журналахъ, а журналовъ не на что было выписывать въ семьѣ Хвощинскихъ. Приходилось довольствоваться случайно попадавшимися разрозненными книжками журналовъ. О Гоголѣ Надежда Дмитріевна узнала по враждебнымъ рецензіямъ. Позже она прочла Бѣлинскаго и считала его своимъ учителемъ. Она любила читать историческія сочиненія и увлекалась героями. Одно время она питала культъ къ Наполеону. Отецъ ея, человѣкъ образованный, сочувствовавшій идеямъ 1789 г., подшучивалъ надъ этимъ культомъ, видя въ немъ наносное явленіе.

Обстоятельства отца наконецъ поправились. Послѣ многихъ лѣтъ невинность его была доказана, и онъ получилъ, по вѣдомству государственныхъ имуществъ, мѣсто, дававшее очень скромныя средства. Десятилѣтіе, пока тянулось это «страшное дѣло», — Надежда Дмитріевна иначе не отзывалась о немъ,—дало молодой дѣвушкѣ понятіе о чиновничьей сторонѣ жизни. Служба отца познакомила ее съ людьми всѣхъ сословій и всего болѣе съ крестьянами. Жалованья едва хватало на необходимое для такой многочисленной семьи и, чтобы не расходоваться на письмоводителя, Надежда Дмитріевна исполняла эту должность, писала и, подъ руководствомъ отца, составляла бумаги, дѣловыя письма, дѣлала чертежи, разрѣшая такимъ образомъ на практикѣ женскій вопросъ, который еще не поднимался въ литературѣ. Всегда веселая, напѣвая, она ползала по полу, склеивая листы для плановъ, въ единственномъ черномъ люстриновомъ платьѣ, которое тщательно штопала.

Когда улучшилось положеніе семьи, Надежду Дмитріевну стали вывозить, какъ и младшихъ сестеръ. Наружность ея была не эффектна для баловъ, хотя въ ней была своеобразная привлекательность, особенно въ большихъ, умныхъ и добрыхъ, черныхъ и блестящихъ глазахъ, и въ

старости не утратившихъ огня, ярко вспыхивавшаго, когда что задѣвало ее заживо. Но дѣвушкамъ типа Надежды Дмитріевны, какъ то замѣтилъ Гончаровъ въ «Обломовѣ», случается нерѣдко сидѣть на балахъ. Даже дядя, когда Надежду Дмитріевну наряжали на первый балъ, сказалъ, что не стоитъ наряжать чернушку и что ни надѣнь на нее, все равно. Очень можетъ быть, что Надежда Дмитріевна сознавала это, преувеличивая тѣмъ болѣе, что въ ней живо было чутье красоты вообще. Объ этомъ говоритъ одно изъ ея стихотвореній:

«Нѣтъ, я не назову обманомъ
Того, чѣмъ жизнь сказалась мнѣ,
Надъ моремъ жизни нѣтъ тумана
Все видно на прозрачномъ днѣ.
Туда, въ раздумьи и гадая,
Руки не опускала я
И перловъ не искала, зная,
Что перлы тѣ не для меня.
Безмолвно, безотвѣтно ими
Я любовалась на другой,
Благоговѣя, какъ рабыня,
Передъ нарядной госпожей».

Здѣсь печальное чувство смиренія переходитъ даже въ униженіе. При подобномъ настроеніи, Надежда Дмитріевна рано перестала выѣзжать. Интереса для ума она не находила въ обществѣ и замкнулась дома, дѣля время между книгами и работой въ кабинетѣ отца. Это было школой, въ которую не заглядываютъ вообще дѣвушки. Многое подмѣчала она въ пору конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, когда крѣпостники еще не чуяли, что дни ихъ сочтены, и отношеніе баръ къ хамамъ были такъ вопіюще безобразны, даже когда «хамы» были не крѣпостными, а государственными крестьянами.

Въ молодой головѣ бродили невыясненныя чувства и стремленія, явилось тяжелое сознаніе розни своей съ окружающей средой. Нуженъ былъ исходъ, и этотъ исходъ дала поэзія.

II.

Послѣ дѣтскихъ сочиненій романовъ, шли болѣе сознательные опыты. Надежда Дмитріевна завела тетрадь, въ которую записывала мысли, замѣтки, разные эпизоды. Отецъ написалъ четверостишіе для эпиграфа, желая дочери скорѣе «втѣсниться въ кругъ вдохновенныхъ». Духовникъ, о которомъ она вспоминала всегда, какъ о «единственномъ священникѣ», узнавъ о ея писательскихъ опытахъ, сказалъ: «великъ или малъ будетъ твой даръ, не пиши никогда ни строки противъ совѣсти». Совѣтъ запалъ глубоко въ душу молодой дѣвушки, и она свято соблюла его всю жизнь. Но когда она переросла пору ребяческихъ попытокъ, то писала тайкомъ свои стихотворенія и, не говоря ни слова своимъ, посылала плоды своей музы въ журналы. Во всѣхъ ея стихотвореніяхъ

звучитъ грустная нота, сознаніе духовнаго одиночества среди окружающихъ, запросы на лучшую, свѣтлую, полную интереса жизнь.

«И знаю, завтра ли, сегодня ли напрасно
Томиться буду я и мысль живую звать,
Внимая голосамъ, скучающимъ иль праздным.
Мнѣ достается лишь скучать, иль сострадать.

Молодые запросы на счастье сказывались, жизнь не давала ничего кромѣ труженичества.

«....Друзья мои,
Вамъ все такъ щедро жизнь дала
Со всей роскошной красотою,
Страстями сильными, любовью и тоскою,
Кипитъ богатая, прекрасная она.

Въ другомъ стихотвореніи она говоритъ:

«Склоняюсь предъ тобой, судьба, молю пощады».

Оно было написано въ 1852 году, автору было 27 лѣтъ, и вылилось какъ душевное утомленіе отъ однообразной мелочной провинціальной жизни, съ ея узкимъ кодексомъ, ничтожными интересами и дрязгами; вмѣстѣ съ воплемъ муки, слышится и сомнѣніе въ своихъ силахъ взять лучшее.

«Не надо мысли мнѣ и чувства мнѣ не надо,
Ни солнца не хочу, ни грезъ».

И въ концѣ безотрадный призывъ могилы:

«Пусть все пройдетъ, пусть лучшій и достойный
Желаетъ, любитъ, ждетъ, творитъ и познаетъ,
А утомленная душа безъ сновъ, спокойно
Во тьмѣ своей заснетъ».

Это не «прострація», словечко, пущенное въ ходъ въ послѣднее десятилѣтіе и порожденное не столько внѣшними условіями, сколько скудостью силъ, инерціей, которой въ человѣческой природѣ иной полосы, къ сожалѣнію, болѣе, чѣмъ активной силы; нѣтъ, душевное состояніе, пережитое Надеждой Дмитріевной, можно сравнить съ тѣмъ, что чувствуетъ сказочный богатырь, которому не сносить своей силушки. Жоржъ Зандъ въ «Исторіи своей жизни» также говоритъ объ этомъ чувствѣ тоски и неудовлетворенности, доходившемъ до призыва смерти. Это ощущеніе тѣсноты жизни, какъ въ казематѣ, гдѣ нѣтъ довольно воздуха для легкихъ; это чувство одиночества среди людей, потому что въ нихъ нѣтъ отзыва на запросы ума и чувства—все это испытала Надежда Дмитріевна, которую г. Арсеньевъ не даромъ сравнилъ съ Жоржъ Зандъ. И ей также было тяжело носить свою силушку, которую она сама не вполнѣ сознавала, въ которой бродила еще только возможность будущихъ твореній. Эта сила, которая могла выясниться только въ будущемъ, годами творчества, въ переживаемую Надеждою Дмитріевною пору могла ощущаться только тревожными порывами, тѣмъ болѣе мучительными, что будущая писательница не терпѣла ничего похожаго на безплодныя мечтанія,

а цѣли этой тревоги она еще не могла видѣть. «Во тьмѣ своей заснетъ»,— это вопль настоящаго отчаянія, а не фантастическаго несчастія. Ходульности, фразерства Надежда Дмитріевна не выносила, и въ стихотвореніи «Сумерки», въ которомъ высказалось ея міросозерцаніе, она не считаетъ нужнымъ утѣшать женщину тоскующую отъ праздности. Она

«...отдастъ слезу и сожалѣнье
Тому, кто, наклонясь подъ игомъ и трудомъ,
Клянетъ и трудъ, и разумъ, и терпѣнье»...

Она говоритъ о горестяхъ трудовой бѣдности, о паденіи неустоявшихъ въ борьбѣ и желаетъ спасенія

«Всѣмъ горестнымъ душамъ, что низко страшно пали,—
Затѣмъ, что имъ никто руки не протянулъ»...

Сочувствіе ея принадлежитъ

«Всей ужасающей дѣйствительной печали,
Куда никто изъ насъ еще не заглянулъ».

Это стихотвореніе написано въ 1847 г. и въ немъ отразилось вліяніе гуманной романтики писателей сороковыхъ годовъ.

Стихотворенія Надежды Дмитріевны печатались въ «Иллюстрированной Газетѣ», безплатно, по обычаю того времени, доставлявшему редакціямъ даровой трудъ начинающихъ писателей. Редакція совѣтовала молодой поэтессѣ попытать свои силы въ прозѣ. Надежда Дмитріевна писала свою первую повѣсть по ночамъ, прятала рукопись подъ тюфякъ. Окончивъ свой трудъ, она подписала его псевдонимомъ, выбраннымъ случайно; она спросила перваго встрѣчнаго бѣднаго мальчика о его фамиліи и назвалась В. Крестовскимъ. Позже она познакомилась съ его матерью и помогала ей.

Первые опыты беллетристики принесли не мало огорченій Надеждѣ Дмитріевнѣ. Не только въ началѣ 50 гг., но и 60 въ патріархальныхъ углахъ на женщину-писательницу смотрѣли какъ-то странно. Прозвище синій чулокъ клеймило ее и выдѣляло изъ міра женственности. Стихотворенія еще, скрѣпя сердце, сносились семейнымъ и общественнымъ ареопагомъ, хотя плоды музы и свидѣтельствовали о мысляхъ и чувствахъ, на которыя наложено табу обычаемъ и преданіемъ; но въ лирическихъ изліяніяхъ все же нѣтъ опредѣленности разсказа или повѣсти, нѣтъ лицъ и характеровъ. Сейчасъ начинаются догадки: съ кого списаны герои и героини, называются имена живыхъ людей. Низменность литературныхъ понятій, вѣрнѣе отсутствіе всякихъ понятій о литературномъ творчествѣ, заставляетъ видѣть въ писателѣ врага, который *выводитъ* и осмѣиваетъ. Писать безъ натуры нельзя; но натуры это не А, В, С, а та категорія психологическихъ особей, къ которой принадлежатъ А, В, С. Герои, и героини писателя не могутъ быть копіями А, В, С, но въ нихъ есть черты общія имъ. Типы, создаваемые беллетристами, все-таки отвлеченности, «выдумка», какъ говорилъ Тургеневъ, а не рабская копія дѣйствитель-

ности. Эту рабскую копію, т. е. выставку на позорище того или другого живого человѣка, видятъ люди, которые и въ баснях Крылова способны видѣть намеки и указанія на свою особу. Надеждѣ Дмитріевнѣ приходилось слышать даже отъ родныхъ: съ чего это ты вздумала описывать меня? Мать ея огорчилась до слезъ, узнавъ о ея литературномъ успѣхѣ; дочь-писательница была противорѣчіемъ ея идеалу молодой дѣвушки. Какъ женщина, мать ея была въ сильной зависимости отъ того, что скажетъ кругъ родныхъ, какъ отнесутся дяди-генералы, кузины-фрейлины. Писательница переступала за тѣ шаблоны, въ которыхъ преданіе и обычай заключили мысль молодой дѣвушки.

Впечатлѣніе отъ всего вынесеннаго на первыхъ шагахъ въ литературу было такъ сильно, что незадолго до смерти, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ появленія «Анны Михайловны» въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, Надежда Дмитріевна задумывала повѣсть на такую тему: молодая дѣвушка вооружаетъ противъ себя родню первымъ опытомъ писательства; женихъ отказывается отъ нея отъ того, что она пишетъ о вещахъ, о которыхъ молодая дѣвушка не должна имѣть понятія. Г. Семевскій, упоминая объ этомъ планѣ повѣсти, не говоритъ, какую эпоху хотѣла изобразить Надежда Дмитріевна; но было довольно признаковъ мракобѣсія въ литературѣ и прессѣ, и въ повѣсти могъ быть изображенъ и какой-нибудь современный уголокъ мрака.

Темой «Анны Михайловны» была жизнь молодой дѣвушки съ родными, выше которыхъ она стояла и умомъ, и характеромъ. Оклеветанная ими за то, что отдала имъ часть своего состоянія, она ушла жить одна, какъ черная овца въ обществѣ. Плата 25 р. съ печатнаго листа показалась Надеждѣ Дмитріевнѣ цѣлымъ богатствомъ. Она не разъ вспоминала о своемъ восхищеніи, когда получила на почтѣ пакетъ за пятью печатями. Она вернулась съ подарками для всѣхъ членовъ семьи, и всегда, при полученіи гонорара, покупала имъ необходимыя вещи, себя же «баловала» сотнею сигаръ. Работая съ отцомъ, она переняла его привычку курить сигары. Пакетъ съ пятью печатями принесъ ей самостоятельное положеніе въ семьѣ.

Это было начало почти 40-лѣтней литературной дѣятельности. Литературный трудъ принесъ знакомства въ кругахъ редакцій «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературной Газеты». Въ 1852 г. отецъ ѣздилъ съ Надеждой Дмитріевной въ Петербургъ. Покойный В. Р. Зотовъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» по смерти В. Крестовскаго псевдонима, хвалитъ умъ молодой писательницы, «знаніе свѣта, большую начитанность, глубокую симпатію къ тѣмъ, кто страдаетъ и терпитъ, искреннее отвращеніе отъ неправды, низости и самое гуманное отношеніе ко всѣмъ слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ и проступкамъ Въ ней самой,—говоритъ онъ,—какъ и въ ея романахъ, не было ни желанія рисоваться, ни аффектаціи, ни утрировки».

Извѣстность Надежды Дмитріевны росла, росла и получаемая ею плата за трудъ. Въ «Пантеонѣ» ей уплатили 50 р. и Краевскій поднялъ плату съ 25 р. до сорока. Надежда Дмитріевна никогда не назначала цѣну своимъ произведеніямъ. Краевскій повысилъ плату до 50 руб., а когда «Русскій Вѣстникъ» за романъ «Въ ожиданіи лучшаго» уплатилъ по 100 р. за листъ, то «Отечественныя Записки» стали платить за беллетристику по 65 р., а за статьи по 50 р. Краевскій не только платилъ менѣе другихъ, но еще задерживалъ плату. Въ 1862 г. начавъ изданіе «Голоса» и купивъ типографію, Краевскій потратилъ крупную сумму и, жалуясь на безденежье, не выслалъ къ сроку деньги Надеждѣ Дмитріевнѣ и сестрѣ ея Софьѣ Дмитріевнѣ, которая начала писать съ 1858 г. подъ псевдонимомъ Весеньева; хотя казалось бы, человѣку, затѣвавшему крупныя предпріятія, не трудно было, хотя бы въ кредитъ, получить ту, сравнительно, ничтожную сумму, которая была нужна обѣимъ сестрамъ. С. Д., отправивъ въ половинѣ іюля повѣсть, просила половину платы до напечатанія, и въ октябрѣ не получила ни гроша. Напоминая объ этомъ, Надежда Дмитріевна писала Дудышкину: «У меня еще разъ на-дняхъ просили повѣсть въ «Русскій Вѣстникъ». Вотъ два дня, какъ у меня лежитъ готовая вещь и, если я рѣшусь отдать ее, всѣ наши затрудненія могутъ быть кончены въ недѣлю. Но рѣшиться я не могу. Такъ не могу, что говорю вамъ откровенно, со всею увѣренностью въ вашей хорошей дружбѣ, я не знаю и не могу придумать что-нибудь для себя тяжелѣе этого рѣшенія. Отдавая туда работу, поступлю противъ совѣсти. Этого со мной никогда не случалось. «Русскій Вѣстникъ» прошлыхъ годовъ не то, что теперь, и я не могу вообразить своихъ строкъ на этихъ страницахъ. Я рѣшилась еще разъ писать вамъ. Помогите мнѣ не идти противъ совѣсти. Скажите еще разъ Краевскому, можетъ ли онъ выслать мнѣ *этими днями* деньги, которыя просила сестра и прислать мнѣ столько же въ теченіе ноября. Ждать для меня большое затрудненіе, но такъ и быть—я жду. Это легче, нежели отдавать свою работу въ «Русскій Вѣстникъ», когда для меня тяжело объ этомъ подумать. Признаюсь вамъ, пишу въ какомъ-то чаду, голова идетъ кругомъ». Что бы сказала Надежда Дмитріевна, видя въ объявленіяхъ объ изданіи журналовъ, самыхъ противоположныхъ направленій, столько именъ беллетристовъ, пишущихъ гдѣ угодно на томъ основаніи, что чистое искусство не знаетъ тенденцій и обезпечиваетъ повсюду мѣсто сбыта.

Судя по нынѣшнимъ условіямъ, Надежда Дмитріевна и сестра ея получали очень скромный заработокъ, а со смерти отца бремя семьи легло на ея плечи. До 1865 г. Софья Дмитріевна дѣлила его. Оно было велико: мать, двѣ тетки, болѣзненныя, страдавшія глазами и впослѣдствіи ослѣпшія; братъ привезъ двоихъ сыновей; одинъ былъ отданъ въ корпусъ, другой жилъ въ семьѣ Хвощинскихъ. Г. Семевскій высчиталъ, что за десятилѣтіе съ 1850—1860 гг. Надежда Дмитріевна зара-

отала 9.000 руб., т. е. среднею цифрой 900 руб. въ годъ. Съ 1840 до 1850 г. средній заработокъ былъ 650 р.

Съ 1858 года начала печататься Софья Дмитріевна, извѣстная подъ псевдонимомъ Весеньевъ. Смерть рано оборвала литературную дѣятельность, обѣщавшую такъ много. Работа ея была менѣе тонка, чѣмъ ея сестры, но штрихи были смѣлѣе, порой пробивалась ѣдкая иронія. Весеньевъ, еще прежде Щедрина, показалъ помѣщика, прожившаго выкупъ и изрекающаго меланхолическое пророчество при видѣ хороминъ, воздвигаемыхъ Разуваемымъ на былой помѣщичьей вотчинѣ: «Cecі tuera cela».

За исключеніемъ рѣдкихъ поѣздокъ въ Петербургъ, жизнь сестеръ шла тихо и однообразно; тяжелъ былъ недостатокъ въ *своемъ* обществѣ. Въ концѣ 1850 гг. Рязань оживилась. Съѣзжалось дворянство для комитетовъ по эманципаціи. Лучшіе рязанскіе дѣятели бывали въ домѣ Хвощинскихъ. Съ 1855—1860 г. Салтыковъ-Щедринъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязани; Надежда Дмитріевна была съ нимъ знакома, но дружескія отношенія завязались не ранѣе семидесятыхъ годовъ. Члены комитетовъ разъѣхались и сонное затишье провинціи снова охватило жизнь. Софья Дмитріевна писала друзьямъ: «Скука такая, ну ее дери два волка, а глупости что кругомъ—и не перескажешь... Домъ нашъ до того патріархаленъ, до того прочищенъ отъ всякаго посторонняго элемента, что прелесть». Надежда Дмитріевна писала: «Ты спрашиваешь, какъ живемъ—романы пишемъ и ничего больше. С — вы въ настоящее время единственные наши знакомые. Живется намъ не весело. Это въ порядкѣ вещей, а не унываемъ мы по своему древнему порядку не унывать никогда, ибо уныніе хотя и не смертный грѣхъ, а отъ него романы не пишутся и бываютъ финансовые кризисы». Въ немногихъ шутливыхъ строкахъ очерчена скука мучительная, скука отъ безлюдья, вредная для творчества.

Сестры Хвощинскія изрѣдка ѣздили въ Петербургъ передохнуть отъ патріархальности въ кружкѣ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго. В. Р. Зотовъ, при нашихъ рѣдкихъ встрѣчахъ, когда случалось заговорить о Надеждѣ Дмитріевнѣ, отзывался о ней съ глубокимъ уваженіемъ, доходившимъ до культа. Въ 1865—1866 гг. съ сестрами Хвощинскими познакомился г. Боборыкинъ, въ статьѣ своей въ «Новостяхъ» 1889 г. подробно описавшій всѣ мелочи наружности и манеры обѣихъ. «Первое впечатлѣніе наружности Н. Д. было невыгодное: маленькій ростъ, сутуловатость, рѣзкія черты лица, но потомъ оно забывалось. Его изглаживали глаза умные, ласковые, милый задушевный тонъ и нервная пылкость рѣчи». Г. Боборыкинъ замѣтилъ въ сестрахъ Хвощинскихъ свѣтскость съ московскимъ дворянскимъ оттѣнкомъ и частое употребленіе въ разговорѣ французскихъ фразъ; онъ не нашелъ въ нихъ «склонности къ жизни писательской цыганщины, онѣ водились съ свѣтскими и великосвѣтскими домами. Ихъ интересовалъ тогдашній

tout Petersbourg». Изъ этого общества Надежда Дмитріевна вынесла много «натуры» для своихъ романовъ и повѣстей.

Г. Боборыкинъ встрѣтилъ у Хвощинскихъ Тургенева и поэта Щербину. Тургеневъ держался тона, показывавшаго, что онъ считаетъ обѣихъ писательницъ равноправными товарищами; Щербина относился къ нимъ по-пріятельски довольно безцеремонно, «подшучивалъ тономъ мужчины, который никакъ не можетъ поставить себя на одну доску съ бабами, хотя бы и даровитыми».

Щербина, какъ я слышала отъ друзей Надежды Дмитріевны, былъ безнадежно влюбленъ въ нее и предлагалъ ей свою руку. Надежда Дмитріевна отказала, и это было поводомъ дружбы. Въ романѣ «Недавнее», описывая вражду отвергнутаго поклонника къ героинѣ, Надежда Дмитріевна отъ лица ея высказываетъ мысль, что при человѣчныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста ни злобѣ мелкаго самолюбія, ни чувству мести, а есть основаніе для прочной дружбы. Съ одной стороны благодарность за любовь, желаніе смягчить невольно нанесенное горе; съ другой—если была любовь сердца, а не одно увлеченіе страстью, остается то пониманіе, та душевная близость, безъ которой нѣтъ хорошей любви. Надежда Дмитріевна всегда отзывалась о Щербинѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкой души и большого таланта. Щербина оставилъ нѣсколько прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній; какъ общественный дѣятель, онъ извѣстенъ брошюрой, составленной по порученію министра народнаго просвѣщенія, утверждавшей полнѣйшую непригодность учительскихъ семинарій и *пригодность* пономарей для обученія народа грамотѣ. Въ 1860 гг. ходили въ спискахъ его стихотворенія, осмѣивавшія молодежь этой поры. Бываютъ примѣры дружбы людей разныхъ лагерей. Въ дружбѣ, по мѣткому опредѣленію Герцена, связываетъ людей «химическое сродство» натуръ; но вообще оно связываетъ до раздѣленія людей на враждебные лагери, а послѣ раздѣленія вноситъ много трагизма въ отношенія, если связаны люди глубокихъ убѣжденій; является разладъ, есть цѣлая и важнѣйшая область мыслей и чувствъ, которыхъ обѣ стороны не должны касаться, если не хотятъ разрыва. Но въ годы дружбы съ Щербиной Надежда Дмитріевна еще не была постоянной сотрудницей «Отечественныхъ Записокъ» Некрасова и Салтыкова; а Щербина не дожилъ до появленія «Альбома» и «Счастливыхъ людей». Доживи онъ, Надеждѣ Дмитріевнѣ не пришлось бы говорить о немъ сквозь призму воспоминаній о былой дружбѣ.

Въ 1865 г. умерла Софья Дмитріевна. Надежда Дмитріевна не скоро оправилась отъ этого удара, потрясшаго ея жизнь. Въ дружескихъ бесѣдахъ она рѣдко вспоминала о сестрѣ; воспоминаніе было слишкомъ тяжело, и черезъ двадцать лѣтъ еще въ голосѣ слышалась скорбь о незамѣнимой утратѣ. Обѣихъ сестеръ роднило чувство болѣе крѣпкое, чѣмъ кровная связь, привычки дѣтства и родного крова; было то рѣдкое полное пониманіе и единодушіе, для которыхъ не нужно словъ. Онѣ

дѣлились планами работъ, обсуждали вмѣстѣ написанное и то, что хотѣли писать; ихъ соединяла лучшая связь товарищества взаимной опоры. По смерти сестры Надежда Дмитріевна чуть не сошла съ ума, хотѣла отравиться. Она не желала чтобы писали некрологи и разборы произведеній Весеньева, находя, въ своей безумной печали, что никто не съумѣетъ ни понять, ни оцѣнить ея сестру и что какая-нибудь строка можетъ быть профанаціей святой для нея памяти. Вотъ почему писательница, въ продолженіе своей недолгой карьеры, давшая прекрасныя произведенія и обѣщавшая еще большее, осталась забытой. Незадолго до своей смерти, Надежда Дмитріевна собиралась издать произведенія Весеньева и для предисловія просила мою статью, напечатанную въ «Недѣлѣ» 1876 г., т. е. ту главу, въ которой я говорила о Весеньевѣ, разбирая произведенія нашихъ писательницъ. Но до сихъ поръ изданіе это не появляется.

Чувство горькаго одиночества побудило Надежду Дмитріевну, черезъ нѣсколько недѣль по смерти сестры, выйти замужъ за врача Ивана Ивановича Заіончковскаго. Бракъ сорокалѣтней дѣвушки съ человѣкомъ, моложе ея на тринадцать лѣтъ, подалъ поводъ къ толкамъ несправедливымъ и неделикатнымъ. Заіончковскаго обвиняли въ разсчетѣ, Надеждѣ Дмитріевнѣ приписывали запоздалую страсть. Заіончковскій былъ высланъ въ Рязань, послѣ политической исторіи. Онъ былъ человѣкъ болѣзненный. Ночью бурей вышибло окно въ номерѣ, гдѣ онъ сидѣлъ во время своего заключенія въ крѣпости, онъ дрогъ всю ночь и получилъ на всю жизнь мучительный ревматизмъ. Занявъ въ Рязани мѣсто врача при больницѣ, онъ лишился его за рѣзкій протестъ противъ больничнаго начальства, не принявшаго опасно больного. Надеждѣ Дмитріевнѣ пришлось помогать ему своимъ заработкомъ во время его болѣзни и безработицы. Люди, близко знавшіе Заіончковскаго, признавали клеветой обвиненіе его въ разсчетѣ на женинъ заработокъ. Онъ былъ, какъ видно изъ его переписки съ женой, изъ тѣхъ мужскихъ характеровъ, которые не могутъ жить безъ попеченій и заботливости матери, сестры, жены, словомъ, духовной няньки. Онъ ходилъ за умиравшей Софьей Дмитріевной и это сблизило его съ Надеждой Дмитріевной. По смерти Софьи Дмитріевны онъ сказалъ Надеждѣ Дмитріевнѣ: «У васъ никого нѣтъ и у меня нѣтъ никого. Выходите за меня замужъ». Надежда Дмитріевна, съ ея любящей душой, очутившись въ одиночествѣ, не могла не согласиться. Она не понимала, какъ можно жить, не имѣя роднаго человѣка. Прочнаго счастья нельзя было ожидать, но въ томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ она находилась со смерти сестры, невозможно было трезво обсуждать предложеніе Заіончковскаго, и она, какъ утопающій, схватилась за соломенку—надежду имѣть своего человѣка.

Заіончковскій былъ человѣкомъ мягкимъ и деликатнымъ, въ медицинской академіи онъ тянулъ лямку бѣднаго студента, наживая ка-

тарры въ гро̀шовыхъ кухмистерскихъ; заключеніе въ крѣпости за распространеніе прокламацій въ конецъ разрушило его здоровье. Сенатъ вмѣнилъ ему заключеніе въ наказаніе. Высланный въ Рязань на житье къ роднымъ, онъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ, въ домѣ Хвощинскихъ.

Надежда Дмитріевна не нашла счастія въ замужествѣ. Заіончковскій былъ человѣкомъ увлеченій, и жена возвратила ему свободу, оставшись его другомъ. Полгода пролежалъ Заіончковскій въ Рязани, мучаясь ревматизмомъ, Надежда Дмитріевна ходила за нимъ съ изумительнымъ терпѣніемъ; больной былъ раздражительный. Засыпая невольно по ночамъ отъ утомленія, она устроила снарядъ—мужъ привязывалъ къ рукѣ ея веревочку, чтобы разбудить ее, когда нужна была помощь. Это повредило ей руку и Надежда Дмитріевна долго не могла писать. Она сама вскорѣ занемогла горячкой. Горе, забота мѣшали выздоровленію. Болѣзнь — это безработица, а на рукахъ ея былъ больной мужъ и семья. Она писала Краевскому, едва оправясь отъ болѣзни: «Собиралась умирать, а для чего-то осталась жива, все такою же, какою стала въ послѣднее время. Авось, теплые дни позовутъ на работу, безъ которой и пусто, и тяжело. Два года я ничего не дѣлала, перемѣнъ со мной и во мнѣ было много».

Приговоръ врачей послалъ Заіончковскаго на югъ за границу. Уѣзжая, Заіончковскій увезъ чувство теплой привязанности къ женѣ и часто и много писалъ ей. Въ ней онъ нашелъ душевную опору. Надежда Дмитріевна относилась къ нему съ горячимъ, почти материнскимъ чувствомъ; она любили его для него—не для себя. Это чувство не исключало и трезвой оцѣнки его характера. Въ тяжелыя минуты, когда горе гнетъ человѣка до того, что ему нужно участіе друга, она называла его взрослымъ ребенкомъ. Въ его чувствѣ къ ней былъ разладъ. Онъ сознавалъ ея душевную красоту, ея энергію и преданную любовь, все, чего онъ не находилъ въ своихъ увлеченіяхъ, и въ минуты унынія звалъ ее къ себѣ, а потомъ начинались неудовольствія; такъ было до отъѣзда его за границу. Онъ упрекалъ ее въ аристократизмѣ; все въ ней раздражало его.

Надежда Дмитріевна оцѣнила людей 60-хъ г.г. позже, ретроспективно. Говоря мнѣ о томъ, какъ была встрѣчена ея «Большая медвѣдица» и какъ рѣзко о ней отозвался Заіончковскій, она говорила: «меня упрекаютъ за то, что я не пишу героевъ; но я не могу писать того, чего не видѣла». Въ то время ей не удалось встрѣтиться съ лучшими людьми 60-хъ г.г. Въ мелочахъ внѣшности, въ безшабашныхъ рѣчахъ тѣхъ некрупныхъ представителей этой полосы, которыхъ она видѣла, было много коробившаго ея привычки, тѣмъ болѣе, что она отличалась впечатлительностью натуры художницы. Друзья за нее негодовали на трату силъ, на страданія, которыя ей стоилъ мужъ. Она писала въ отвѣтъ: «Не я забаловала его, его забаловали до меня,

а мнѣ онъ достался съ развинченными нервами, такъ что мнѣ мудрено было перевоспитать его. Но я сама тогда была не въ силахъ и тогдашнее глупо растрепанное время записывало меня въ число негодныхъ, отсталыхъ и хуже. Онъ дурѣлъ до того, что воображалъ во мнѣ—*во мнѣ*!—чувственную страсть къ нему и ничего болѣе, и меня годною единственно для кухни и аристократіи... Мнѣ было горько проводить его, не ради будущей разлуки, а ради неудачнаго, невозвратимаго прошлаго. У меня на рукахъ осталась семья. Я сама осталась въ положеніи 5-го августа 1865 г., когда у меня съ Соней все умерло. Я оглянулась—мать и сестра были въ конечной нищетѣ. Не оставалось, что и продать или заложить въ домѣ, чтобы имѣть (буквально) что̀ завтра пообѣдать. На меня въ отчаяніи налетѣло вдохновеніе, планъ, который я предложила сестрѣ». И Надежда Дмитріевна написала «Большую медвѣдицу» и «Первую борьбу». Далѣе она говоритъ въ письмѣ: «Чего мнѣ стоило это усиліе, вы можете понять, какъ никто. У насъ теперь 2.000 долгу, кромѣ необходимости жить; но я знаю, что справлюсь со всѣмъ, потому что должна это сдѣлать».

Въ 1868 г. Заіончковскій уѣзжалъ за границу и Надежда Дмитріевна рѣшила показать мужу, «что она такое». Она писала пріятельницѣ: «На глазахъ онъ не замѣчалъ, не слушалъ, не вѣрилъ,—ну скажу все—огорчалъ довольно для того, чтобы заставить потерять всякую энергію. Я начала съ того, что предоставила ему полную свободу и, наконецъ добилась своего оправданія въ этой подлой ревности (т. е. въ обвиненіи)... Теперь онъ меня понимаетъ и уважаетъ. Я предоставила ему полнѣйшее право любить, кого угодно и какъ угодно, съ однимъ условіемъ—его собственнаго счастья и достоинства и счастья и достоинства той, которую онъ выберетъ. Я—въ сторонѣ, хоть навѣки; думаю, что это будетъ навѣки. *Третьей* жить весьма неудобно ради людскихъ глазъ и своего собственнаго спокойствія, необходимаго для работы».

Весною 1870 г. Заіончковскій изъ за границы вздумалъ пріѣхать на дачу къ знакомымъ около Тосны и звалъ Надежду Дмитріевну. Онъ совѣстился пріѣхать въ Рязань съ *пустыми руками*. Отказываясь ѣхать въ Тосну, она отвѣчала, что «лучше было бы, если бы было кого совѣститься, это значило бы, что были бы люди... Своихъ старыхъ, кого не найдешь, кого не узнаешь». Въ ея тогдашнемъ душевномъ настроеніи она могла жить только въ своемъ углу за работой. Заіончковскій думалъ остаться въ Россіи, искать мѣста, переводовъ. Въ отвѣтѣ ея на его письмо объ этихъ планахъ, видно, какъ высоко она цѣнила мужа, при вѣрномъ пониманіи и его недостатковъ. «Все это, не скрою, для меня кажется и печально и страшно,—писала она.—*Переводить*, ты видишь на себѣ успѣхъ этихъ работъ, гдѣ все справляется какимъ-то кумовствомъ и гдѣ даютъ гроши. *Искать мѣста* гдѣ—милый, честнѣйшій!.. тебѣ нѣтъ мѣста, пишу это съ гордостью

и съ любовью къ тебѣ до благоговѣнія. Мѣста даются тѣмъ, кто кланяется, живутъ на нихъ тѣ, кто не думаютъ и усыпляютъ совѣсть. Ты не въ состояніи какъ У—въ защищать въ судѣ мошенниковъ... Ты скажешь: что жъ дѣлать? То, что ты задумалъ. Ты хотѣлъ заняться другими сторонами медицины. (Съ 1868 г., живя за границей, Заіончковскій слушалъ лекціи медицины въ Цюрихѣ и Гейдельбергѣ). Займись, добейся своего, и тогда есть Боткинъ, который доставитъ тебѣ мѣсто въ одномъ изъ нашихъ университетовъ поюжнѣе. Люди нужны, и ты будешь такимъ человѣкомъ. Вѣра, счастье мое, моей неослѣпленной любви, моей высокочеловѣческой оцѣнкѣ: такіе, какъ ты, не пропадаютъ, когда они на своемъ пути, а тотъ путь исканія мѣста не твой. Это путь ищеекъ, практическихъ господъ. А ты даже *врачъ непрактичный*». Далѣе она говоритъ, что короткій пріѣздъ (Заіончковскій звалъ ее за границу) принесетъ бездну хлопотъ, а удовольствія—одно свиданіе. «Взглянуть въ твои глаза мнѣ радость, но не возьму се за ту муку, что буду видѣть, какъ они потускнѣютъ. Я люблю тебя для тебя». Въ заключеніе она совѣтуетъ: «Не заглядывай въ Россію, пока не станешь бодро на ногахъ». Ѣхать къ нему она не могла; надо было работать для семьи и для него. Уговаривая его остаться за границей учиться, она сама уже не вѣрила тому, что онъ станетъ бодро на ноги, и только ободряла его. Она знала, что и исканье мѣста въ Россіи—фантазія, и, отводя, душу въ письмѣ къ пріятельницѣ, замѣчала, что какое же можетъ быть мѣсто, когда человѣкъ почти не медикъ. «Блажить—грѣхъ великій, а онъ опять имъ грѣшитъ. Что будетъ съ нимъ въ Россіи безъ мѣста, безъ занятій, безъ здоровья? Вы понимаете, что не для своего спокойствія я хлопочу. Мое спокойствіе—усиленная работа для насущнаго хлѣба. И ему пригодится моя работа; стало быть, я въ правѣ желать, чтобы ничто ее не смущало. Вы понимаете, какъ это меня встряхнуло. Хорошо могутъ идти разные умственные труды среди такой неурядицы. Теперь я могу что-нибудь сдѣлать для него, а тогда я буду никуда негодна. Но что сдѣлать для человѣка, котораго причины печали всѣ въ *немъ самомъ*, въ его болѣзни физической и болѣзненно настроенномъ характерѣ. Чѣмъ поправить и то, и другое, потому что одно помогаетъ портиться другому?.. То боленъ оттого, что скучаетъ, то скучаетъ оттого, что боленъ... Гдѣ у меня средства для разъѣздовъ?.. Я заработалась и конца не вижу работѣ, не одному роману, а тому, что, по волѣ судебъ, должно быть впереди. Станетъ ли головы—неизвѣстно, нужно, не сосчитаешь, сколько *нужно* и *куда* нужно». Далѣе она говоритъ: «Чѣмъ бы заниматься, жить и сходиться съ людьми, онъ все выписываетъ себѣ поддержку... Тащитъ горемычную меня, которая остановилась среди мукъ жизни на исполненіи своей обязанности, на трудѣ и работѣ, сознавъ, что въ этомъ *единственное*, что мнѣ осталось. Да поѣзжай я, черезъ недѣлю онъ заскучаетъ со мной по старому, а я только потеряю всѣ резуль-

таты годовъ терпѣнія, труда и покоя... По моему, если человѣкъ однажды сказалъ, что дѣлаетъ *для другихъ*, онъ уже не имѣетъ права брать своего слова назадъ».

Поправившееся немного здоровье Заіончковскаго снова и окончательно пошатнулось. Онъ заболѣлъ скоротечной чахоткой и умеръ въ 1872 г. въ Бэ. Отголоски того, какъ мучительно потрясла смерть его Надежду Дмитріевну, сказались въ письмѣ ея ко мнѣ въ 1885 г. Собирая матеріалы для заказанной мнѣ М. И. Семевскимъ статьи о женскомъ вопросѣ для «Русской Старины», я обратилась къ Надеждѣ Дмитріевнѣ съ просьбой сообщить, что она знала о женской швейной артели, которую въ 1872 г. устраивала г-жа Гаршина. Упоминаніе объ этомъ годѣ всколыхнуло все пережитое горе Надежды Дмитріевны и она отвѣчала: «Въ 1872 г. я прожила въ Петербургѣ три мѣсяца, по своему обыкновенію, сидѣла въ номерѣ на Лиговкѣ... Я не видѣла ничего и ничего не дѣлала. Усталость притягивала меня лежать цѣлые дни одной, читая только иностранные романы, читая на чужомъ языкѣ, не такъ скоро засыпаешь... Впечатлѣніе было такое, что я уже не заглядывала въ Петербургъ до марта 1879 г. Уѣхавъ, я окунулась въ свое житье и въ эти семь лѣтъ уже столько воды утекло и столько меня кружило... простите мнѣ, дорогая, если на этомъ останавливаюсь... Послѣ промежутка на одинъ мѣсяцъ на меня налетѣло еще большее—и вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ отчетъ въ пятнадцати годахъ, четверть моей жизни, когда я не только не принимала участія въ томъ, что люди дѣлали, но часто и вовсе не знала, что на свѣтѣ дѣлается. Какъ я писала это время, ужъ это одинъ Богъ знаетъ. Нужно было».

Въ 1879 г. Надежда Дмитріевна вынесла тяжелый ударъ—смерть крестницы и воспитанницы, дочери кухарки. Она привязалась къ дѣвочкѣ со всею горячностью своего любящаго сердца. Дѣвочка, прелестная наружностью и душой, замѣчательно умная, способная и любящая, была для нея радостью. Въ одномъ изъ писемъ къ своей давнишней пріятельницѣ, Надежда Дмитріевна по поводу замѣчаній первой о характерѣ ея дѣтей, припоминаетъ случай изъ жизни своей Сони. Дѣвочка хмурилась, приваливалась, ничего не хотѣла дѣлать, выносила замѣчанія и упреки за лѣнь и упрямство и, наконецъ, сказала, что эти два дня у нея сильно болѣла грудь и она скрывала, чтобы не огорчить Надежду Дмитріевну. «Ты лучше брани меня, да не тревожься», сказала она. Надежда Дмитріевна находила, что дѣвочка благотворно вліяетъ на ея творчество; фактъ былъ возможенъ и понятенъ, но объясненіе, данное ему Надеждой Дмитріевной, было крайне идеализировано. «Я яснѣе оглядѣла жизнь уже совсѣмъ свободная,—пишетъ она,—и у меня явилось утѣшеніе—дѣтская чистая любовь моей дѣвочки, которая въ свои одиннадцать лѣтъ понимала меня... Это никакъ не разскажешь. Этому не повѣрятъ, но это было. Она меня поддерживала и наставляла на все, что я дѣлала сноснаго, удерживала отъ дурного чувства и дурного

дѣла. Она все красила. Вотъ тебѣ секретъ этого расцвѣта, которому дивились рецензенты, считая мои годы. Онъ завершился *Свиданіемъ*, напечатаннымъ день въ день за два мѣсяца до ея смерти. Затѣмъ—темнота. Вѣдь мнѣ она больше сдѣлала для моей нравственной жизни въ эти четыре года, чѣмъ сестра Соня. У сестры было образованіе, авторитетъ, возрастъ. Мы росли и мужали вмѣстѣ. Этой досталась я расколоченная: ребенокъ едва умѣлъ читать и натурально не зналъ жизнь. Что же было въ ней? Назвать не съумѣю. А вотъ знаю, что безъ нея мнѣ буквально ничего не надо и все потеряло свой свѣтъ. Вѣдь ужъ годъ прошелъ и она мнѣ не дочь и—ну и пр. Понимай—мучусь и увѣрена, что отъ всего отрѣшена. Какъ же тутъ писать. Вотъ и нюхай «Семью и Школу».

Соня получила очень оригинальное воспитаніе. Надежда Дмитріевна давала ей читать все, что сама читала, на основаніи изреченія, что чистому все чисто. Того же мнѣнія держался и Достоевскій. Она разсказывала ей произведенія лучшихъ иностранныхъ пасателей. Дѣвочка приставала къ ней: прочитай Фауста, хоть разскажи. «Я разсказала, я вѣдь безумная, ты знаешь», прибавила Надежда Дмитріевна, написавъ объ этомъ пріятельницѣ. Дѣвочка начала писать повѣсти, подражая своей воспитательницѣ. Не мало упрековъ и осужденій пришлось слышать Надеждѣ Дмитріевнѣ за то, что готовитъ изъ дочери кухарки барышню. Она держалась мнѣнія, что каждый долженъ получать воспитаніе, смотря по способностямъ. По смерти дѣвочки дружба принесла утѣшеніе: Надежда Дмитріевна познакомилась съ г-жей Москалевой. Мужъ г-жи Москалевой перешелъ на службу въ Петербургъ и жена уѣхала съ нимъ. Въ 1880 г. Недежда Дмитріевна переѣхала въ Петербургъ и поселилась вмѣстѣ съ овдовѣвшей подругой, которая относилась къ ней съ теплой дочерней преданностью и все время ея продолжительной болѣзни ухаживала за ней самоотверженно, не смотря на то, что сама страдала болѣзнью сердца, и волненія и огорченія, неразрывныя съ ролью сидѣлки, вызывали сильные обмороки.

III.

В. Крестовскому-псевдониму долго не счастливилось въ русской критикѣ. Въ отзывѣ объ «Аннѣ Михайловнѣ» и «Сельскомъ учителѣ», рецензенты признали прекрасныя чувства, одушевлявшія писательницу, но отказали ей въ талантливости. Болѣе зрѣлыя произведенія были встрѣчены не только неблагосклонно, но прямо враждебно. Г. Скабичевскій помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1872 г. статью «Волны русскаго прогресса», въ которой доказывалъ, что произведенія В. Крестовскаго-псевдонима принесены волной прогресса. Отдавая справедливость таланту, «не смягчающему и не идеализирующему дѣйствительность глухихъ угловъ», критикъ упрекаетъ писательницу въ томъ,

что она «выводитъ рядъ свѣтлыхъ явленій, положительныхъ идеальныхъ типовъ, но эти типы являются совершенно въ духѣ смиренномудрія 50-хъ годовъ». Особенно не понравился критику Багрянскій, отецъ героини «Большой медвѣдицы». «Онъ написанъ какой-то полунадутой реторикой, полубиблейскимъ слогомъ, поставленъ въ какія-то заоблачныя выси, припахивающія запахомъ постнаго масла»... Критикъ не поскупился на такія выраженія, какъ «филистерство, тряпичность, ограниченность мѣщанской посредственности», и въ заключеніе пророчествовалъ: «Этотъ процессъ превращенія живо напоминаетъ намъ Гоголя въ его послѣдніе годы и намъ невольно думается: не издастъ ли Хвощинская переписку съ друзьями въ томъ же духѣ и въ томъ же тонѣ». Много лѣтъ спустя послѣ этой, огорчившей ее, статьи, Надежда Дмитріевна говорила мнѣ, что не понимаетъ, какъ могли видѣть въ Багрянскомъ проповѣдь постнаго масла. «Кажется, онъ у меня довольно несимпатиченъ», заключила она. Багрянскій жестокъ къ дочери и даетъ вертѣть собой негодяю сыну именно оттого, что свою живую душу изломалъ теоріей постнаго масла.

Критика, которой не понравился отказъ Катерины уйти съ женатымъ Верховскимъ, проглядѣла, что Верховской звалъ ее на роль содержанки, къ которой ходятъ украдкой отъ жены. Надо припомнить еще, что Надежда Дмитріевна не считала подвигомъ для женщины—все бросить и принести въ жертву любимому человѣку. Этотъ подвигъ ведетъ часто къ рабству женщины; бываетъ, онъ обусловленъ не самоотверженіемъ, а темпераментомъ, и избраннику сердца потомъ приходится за это горько расплачиваться.

Наиболѣе долгое и горестное впечатлѣніе оставила по себѣ статья Шелгунова въ «Дѣлѣ» подъ заглавіемъ «Женское бездушіе». Шелгуновъ сознался свою ошибку, выключивъ эту статью изъ собранія своихъ статей. О «Женскомъ бездушіи» Надежда Дмитріевна, дѣлясь съ пріятельницей своимъ огорченіемъ и обидой, писала: «Господь, при моемъ рожденіи, далъ мнѣ непогрѣшимость въ двухъ порокахъ. Это признавалъ когда-то мой духовникъ, единственный *священникъ*, какого я знала и признавала. Одинъ порокъ — это зависть; другой порокъ, въ которомъ мнѣ отказано и который до сихъ поръ напрасно старались развить во мнѣ близкіе и дальніе—это литературное самолюбіе. Нѣтъ его во мнѣ, хоть что угодно. Недавно я узнаю, что одинъ литераторъ прямо выражается, что я исписалась. Соглашаюсь, потому что предполагала это за собой еще съ самаго второго произведенія. Но еще недавно, дней пять тому назадъ, во мнѣ поднялось что-то совсѣмъ новенькое... Вы, конечно, прочли статью Шелгунова въ «Дѣлѣ». Скажите, *что́* я такое, по словамъ этой статьи? Все *литературное*: талантъ, наблюдательность, умъ, все въ сторону; я ни о чемъ (какъ сказано выше) никогда не заботилась. Но *направленіе*—то, изъ-за чего я билась, чѣмъ жила двадцать лѣтъ... коротко выразить однимъ сло-

вомъ: В. Крестовскій подлецъ и предатель!..» Далѣе Н. Д. спрашиваетъ: «Зачѣмъ это сдѣлалъ глава и авторитетъ молодого поколѣнія? Зачѣмъ ему было нужно оттолкнуть и опозорить того, кто всегда былъ за нихъ. Онъ знаетъ, что меня не читаютъ *), а его всегда прочтутъ, что, прочтя его, отъ меня отвернется даже желающій изъ любопытства узнать меня и что я, слѣдовательно, пропала»...

Далѣе она говоритъ: «Если бы я несомнѣнно не вѣрила въ свою честность, я бы стала, повѣся голову, ощупываться: не въ самомъ ли дѣлѣ какъ-нибудь по невѣдѣнію, я *то*, чѣмъ меня выставили. Но нѣтъ. У меня нѣтъ и поползновенія предлагать себѣ эти вопросы. Я не могла сказать того, чего не чувствую, я не могла проповѣдывать того, что презирала, бить по тому, что любила. Я могла выразить свои сочувствія вяло, — согласна. Но это дѣло *таланта*, а не направленія. Или талантъ такъ уже никуда негоденъ, что, воображая, будто дѣлаетъ одно, дѣлалъ другое? Языкъ или перо, вертясь направо, попадатъ налѣво. Это было бы чудо неслыханное во всей исторіи литературы, сколько я знаю. Но Ш—въ, къ несчастью, не отказываетъ мнѣ въ талантѣ и грѣха *по неразумѣнію* не допускаетъ»... Въ заключеніи она говоритъ: «Я даже не разсержена, находя, что сердиться мелко; но я обезпокоена, увидя врага тамъ, гдѣ его не ждала. Знаю, что вы мнѣ на это скажете; вы—молодое поколѣніе и вы меня любите. То же сказали здѣсь многіе изъ молодого поколѣнія. Но... друзья мои, вы меня знаете *лично*, а это очень важно».

Когда случалось Шелгунову съ друзьями вспоминать объ этой статьѣ, онъ оправдывался тѣмъ, что писалъ ее, когда былъ боленъ и подъ впечатлѣніемъ огорченій и личныхъ, и общихъ. Притомъ, надо еще припомнить, что онъ собственно не былъ литературнымъ критикомъ, а публицистомъ и только иногда писалъ литературно-критическія статьи. Онъ загладилъ свою ошибку другими статьями о Крестовскомъ-псевдонимѣ и всегда высоко цѣнилъ Н. Д.

Въ 1876 г. Шелгуновъ писалъ ей: «Сейчасъ прочиталъ вашъ «Альбомъ». Такъ хотѣлось бы мнѣ пожать вашу руку крѣпко, крѣпко... И не то поплакать, не то... нѣтъ, скорѣе поплакать. Васъ, можетъ быть, удивитъ, что все это пишу я. Но, Боже, Боже! Но если бы вы знали, что человѣкъ только потому и топчетъ своихъ боговъ, что имъ молится; только потому онъ злится на тѣхъ, кто напоминаетъ ему его болѣзнь, что самъ боленъ тѣмъ же... Какъ я жалѣю о томъ, что географическое положеніе, которое вѣчно некстати вмѣшивалось въ мою жизнь, не позволяетъ мнѣ лично засвидѣтельствовать вамъ, какъ я глубоко васъ уважаю. Простите мою смѣлость». Надежда Дмитріевна, передавая объ этомъ письмѣ пріятельницѣ, говорила: «Я отвѣчала

*) Молодое поколѣніе, дѣйствительно, въ то время мало читало В. Крестовскаго-псевдонима.

ему и все свое письмо исплакала». Съ этой минуты отношенія ея къ Шелгунову были вполнѣ дружественныя. Въ одномъ письмѣ ко мнѣ Надежда Дмитріевна говорила, какъ бы ей хотѣлось вырваться изъ города въ деревню Смоленской губерніи, гдѣ жилъ Шелгуновъ, и посылала ему привѣтъ за то, что «онъ, дорогой, вѣритъ». Она глубоко цѣнила несокрушимую вѣру въ торжество своего идеала, которая была причиной живучести людей типа Шелгунова, въ то время, когда люди гораздо моложе его казались отжившими.

Въ 1877 году г. Скабичевскій призналъ «Альбомъ» произведеніемъ, попадающимъ въ «жилку современности». Г. Боборыкинъ, разбирая въ «Словѣ» это произведеніе, находилъ, что въ Западной Европѣ, кромѣ Джорджа Элліота, нѣтъ женщины-писательницы, которую можно сравнить съ Крестовскимъ-псевдонимомъ. Рецензія «Отечественныхъ Записокъ» на первый томъ вышедшаго Суворинскаго изданія произведеній Крестовскаго-псевдонима говоритъ: «Для русскаго читателя, не удрученнаго современностью и не утратившаго остатковъ нравственнаго чутья, появленіе ряда произведеній г-жи Крестовской теперь въ особенности кстати. Такъ одинокіе путники встрѣчаются случайно въ глухомъ лѣсу и взаимно ободряются встрѣчей: не все же, значитъ, филины да вороны, и въ дикомъ концертѣ нечленораздѣльныхъ звуковъ отрадно и радостно слышать разумную человѣческую рѣчь. Произведенія г-жи Крестовской оставляютъ именно такое ободряющее и возвышающее впечатлѣніе».

Такая перемѣна настроенія критики не была вызвана перемѣной въ міросозерцаніи В. Крестовскаго-псевдонима. Оно осталось все тѣмъ же, что и было, когда ее громили за «Большую Медвѣдицу». До самой смерти своей Надежда Дмитріевна осталась чужда Базаровскаго отрицанья и не признавала крайнихъ политическихъ взглядовъ. Вина ея была въ томъ, что она не давала героевъ изъ новыхъ людей. Но ей не приходилось встрѣчать ихъ. Находясь въ первые годы своей литературной карьеры въ кружкѣ Дудышкина и Краевскаго, она могла получить очень невѣрныя представленія о молодомъ поколѣніи, которое группировалось около «Современника» и «Русскаго Слова».

Въ 1865 г., еще при жизни сестры, Надежда Дмитріевна писала: «Мы по чувству и духу не могли весь нашъ вѣкъ ни къ чему опредѣленно пристать,—ясно, что въ кружкѣ «От. Зап.» Краевскаго обѣимъ не было вполнѣ по себѣ,—несчастно прозорливыя, видя недостатки и достоинства обѣихъ сторонъ. Отъ насъ отходятъ, мол мы никому не годимся, мы ничьи, а сами по себѣ... Отъ того, что называютъ старымъ поколѣніемъ, мы отстали давно, оно даже насъ никогда не считало своими; мы носили прозваніе «мечтательницъ слишкомъ умныхъ» (а я даже сумасшедшей) въ очень молодые года».

Далѣе, въ томъ же письмѣ она говоритъ: «Теперь настала наша очередь разрыва съ «молодыми». Когда они потерпѣли въ виду стар-

ческой злобы и тупой лѣни, которыя осуждали ихъ толки и трудъ; въ виду барства, которое не прощало имъ ихъ наклонности жить по просту,—вспоминая, какъ сами бывали мы стѣснены и осуждаемы въ молодости,—мы сближались. Много тутъ дѣйствовала жалость. Было что-то не по насъ, а въ нихъ какое-то безсиліе, какое-то отсутствіе должной гордости; но мы охотно извиняли это, надѣясь, что трудная школа, начинающаяся для нихъ, все поправитъ и выйдутъ люди, на которыхъ мы еще успѣемъ порадоваться». Надежда Дмитріевна судитъ по шестерымъ молодымъ людямъ, высланнымъ въ Рязань, и, по впечатлительности своей натуры, обобщала видѣнное. Но выводы, сдѣланные изъ обобщеній, вѣрны. Она говоритъ: «Покуда я жива, я останусь сама собой, не отъ трусости, а отъ глубокаго убѣжденія, что правда на моей сторонѣ. Никогда не принимала я схватыванье верхушекъ на лету за науку, битье баклушъ за трудъ, богохульство за умственное развитіе, отрицаніе изящнаго за трезвость, растлѣніе ощущеній за любовь». Но все это относится къ искаженіямъ идей 60 гг., къ незрѣлому пониманію ихъ, къ фразерству. Надежда Дмитріевна говорила то же, что говорилъ и Герценъ о людяхъ, погнутыхъ сначала въ одну сторону и потомъ перегнувшихъ себя въ другую. Надежда Дмитріевна не терпѣла легковѣснаго отрицанія; были и такіе отрицатели, которые, когда ихъ прихлопывала бѣда, принимались за суевѣріе старыхъ бабъ. Не такъ относились люди убѣжденія къ отрицанію. Надо въ запискахъ Герцена прочесть то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ жена его отошла отъ преданій, въ которыхъ была вырощена и которыя, какъ видно изъ напечатанной въ журналахъ переписки ея съ нимъ, такъ глубоко и поэтично жили въ ея восторженной душѣ. Схоронивъ прежнія убѣжденія, она видѣла въ нихъ дорогихъ покойниковъ. При высоконравственномъ чутьѣ Надежда Дмитріевна не могла не встрѣтить враждебно политическихъ теорій, извѣстныхъ въ 70 г.г. подъ названіемъ нечаевщины, которыя, при полнѣйшимъ недостаткѣ у насъ политическаго воспитанія общества, проявлялись темнымъ макіавелизмомъ, то ужасающимъ, то комичнымъ по мелочности. Несочувственное отношеніе Надежды Дмитріевны къ людямъ этого движенія переносили и на людей 60 гг. и записывали ее въ ряды гасильниковъ. Еще до моей первой встрѣчи съ ней въ 1872 г. я слышала, будто она не сочувствуетъ женской эмансипаціи, и считала слухи эти вздоромъ. Въ ея повѣстяхъ и романахъ конца 50 г.г.—«Послѣднее дѣйствіе комедіи», «Недавнее»—такъ вѣрно и чутко подмѣчены всѣ муки молодой дѣвушки, задыхающейся въ ветхозавѣтной чиновничьей средѣ, гдѣ нѣтъ простора ни уму, ни чувству, гдѣ можетъ только накипать «мстительная жажда благообразія жизни». Женскій вопросъ только одна изъ сторонъ великаго общаго, и естественно, долженъ былъ быть понятъ женщиной-писательницей, переживавшей хотя въ иной формѣ, но все то же, что пережили ея намученные героини; но и въ этомъ пониманіи враждебная молва отказы-

вала В. Крестовскому-псевдониму. Что же послѣ этого сказать о томъ, какъ судили и рядили мнѣнія Надежды Дмитріевны о другихъ сторонахъ общественнаго движенія. «Охота вамъ съ ней знакомиться?» говорили мнѣ кое-кто изъ тогдашней молодежи. Многія открыто высказываемыя ею мнѣнія раздражали. Отголоски ихъ видны въ ея письмахъ. «Никогда не найду я позволительнымъ, писала она пріятельницѣ,—ругая правительство, брать казенное мѣсто подъ предлогомъ, что ѣсть нечего: умри съ голоду, но будь вѣренъ себѣ; или ужъ, какъ старички, не хвались высокой честностью, но мошенничай во славу».

Нравственное чутье привело Надежду Дмитріевну къ полному пониманію людей 60 г.г., когда улеглась накипь, неизбѣжная при плавленіи руды, когда все горче и ядовитѣе вызрѣвали плоды поворота назадъ. Но въ то время, когда она, по немногимъ видѣннымъ ею образцамъ, относилась несочувственно къ молодому поколѣнію 60 г.г., она умѣла цѣнить въ немъ то, чѣмъ оно было такъ ненавистно отживающему міру—искренность. Она говоритъ, что «грязная» (т. е. растрепанная и съ траурными ногтями, въ грязныхъ воротничкахъ) дѣльнѣе ложно-чувствительныхъ (т. е. фразерокъ) тѣмъ, что представляетъ много дѣйствительныхъ фактовъ и, когда не завирается, преслѣдуетъ честную цѣль».

IV.

Въ произведеніяхъ конца 70 и 80 г.г. Надежды Дмитріевны все ярче и ярче высказывается теплое и почти благоговѣйное воспоминаніе о 60 г.г. Прочтите тѣ строки въ «Семьѣ и Школѣ», гдѣ она сравниваетъ эту пору съ ночью передъ Пасхой—Свѣтлымъ Воскресеніемъ. Тѣ мелочи, которыя ее коробили, давно стушевались; остался памятнымъ тотъ подъемъ силъ, то духовное воскресеніе, какими памятны годы эти всѣмъ, кто жили, т. е. мыслили, чувствовали и дѣйствовали въ эту пору. Убыль души и забвеніе совѣсти, которыя все безотраднѣе выступали съ конца 70 и въ 80 г.г. заставили Надежду Дмитріевну глубоко тосковать по этой порѣ и съ чувствомъ жгучей обиды говоритъ: зачѣмъ оно пришло. Въ провинціи конца 70 г.г. жилось еще тяжелѣе, быть можетъ, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ можно было все-таки встрѣтить кружки, въ которыхъ Надежда Дмитріевна нашла бы отдыхъ душѣ. Рязань въ этомъ отношеніи была пустыней безъ оазисовъ. Вотъ какъ описываетъ Надежда Дмитріевна эту пустыню своей пріятельницѣ: «Шутовъ непочатой уголъ, только здѣсь они не безгласные разводятся... Жить нельзя, изъ всѣхъ Монрепо гонятъ. Я *полудоживаю* въ своемъ... Въ Питеръ, конечно, мнѣ боязно пріѣхать, обязательны намордники, вѣдь это что жъ такое? «Какъ свою чистоту доказать», какъ говорилъ редакторъ (Салтыковъ). А они за меня не заплатятъ. Будетъ того, скажетъ, что и за самого себя платить при-

дется, а то еще за неблагодарнаго и лѣниваго пса *), надувающаго меня самымъ безцеремоннымъ образомъ». Обратное движеніе въ столицѣ не выражалось такъ мелочно безобразно, какъ въ провинціи. Столица работаетъ надъ болѣе крупнымъ. За неимѣніемъ крупнаго, провинціальные охранители преслѣдовали сущій вздоръ, но отъ этого не легче было людямъ, провинившимся въ этомъ вздорѣ. Въ перепискѣ Н. Д. найдется не мало образцовъ въ этомъ родѣ. Одна пріятельница ея, пріѣхавшая изъ Скопина въ Рязань, разсказывала, какъ обезпокоила скопинскихъ друзей порядка тѣмъ, что она назвала собаку Катковымъ. «Песъ прескверный», замѣчаетъ Н. Д. «и самой хозяйкѣ пришлось безпокоиться»

Надежда Дмитріевна всѣмъ волновалась, все принимала глубоко къ сердцу; не было и въ личной жизни отдыха отъ общественной неурядицы. На свиданіе съ друзьями въ Петербургъ ее не тянуло, она дошла до той степени горечи, когда говорятъ себѣ: что толку свидѣться, только разберединшь другъ друга.

Восточная война 1877 г. обострила тяжелое настроеніе и разводила Надежду Дмитріевну со старыми друзьями. Она написала одной пріятельницѣ-писательницѣ письмо, которое неизвѣстно почему не отослала, но сохранила и, какъ говоритъ г. Семевскій въ своей біографіи, согласилась на то, чтобы оно было напечатано послѣ ея смерти. Благодаря пріятельницу за приглашеніе пріѣхать въ Москву, Надежда Дмитріевна объясняетъ, почему не пріѣдетъ. «Ты сама знаешь, что это невозможно. У меня есть, какъ тебѣ и (говорятъ!!!) міру извѣстно— убѣжденія. Ну вотъ видишь, куда я гожусь въ твою «коморку». Къ тебѣ пришелъ какой-то баринъ Б. и началъ остроумничать о моихъ людахъ. Если ты не помнишь за давностью лѣтъ, что было говорено имъ и отвѣчено мною, то, безъ сомнѣнія, помнишь, что тебѣ было непріятно. Я это видѣла тогда и тотчасъ умолкла. Какъ же ты, въ свою очередь, не догадываешься, что *мнѣ* тоже можетъ быть многое очень непріятно? И ты меня зовешь это смотрѣть и слушать?..» Разсказывая мнѣ лѣтъ черезъ десять объ этомъ посѣщеніи и о томъ, что ей пришлось услышать отъ Б., Надежда Дмитріевна передавала слова его съ живымъ негодованіемъ. Я забыла слова Б., но общее впечатлѣніе осталось такое, что говорилось то, чего бы въ 60 г.г. сказать не посмѣли въ интеллигентныхъ кружкахъ и чего не потерпѣла бы тогда хозяйка, женщина умная и дорожившая репутаціей своего салона.

Въ заключеніе разсказа объ этомъ эпизодѣ, Надежда Дмитріевна всегда замѣчала: «Почему онъ могъ говорить то, что было не по мнѣ, а я должна была молчать». «И ты хочешь заставить меня еще это смо-

*) Въ шутку Надежда Дмитріевна называла себя бульдогомъ и иногда, отъ лица бульдога, говорила о себѣ въ мужскомъ родѣ, вмѣсто подписи, рисуя чернилами собаку съ круто поднятымъ кверху хвостомъ, замѣчая въ P. S: «Хвостъ не опущенъ, а поднятъ и какъ бы съ достоинствомъ».

трѣть и слушать», писала далѣе Н. Д. «Гдѣ же логика и справедливость? Да мнѣ еще непріятнѣе, чѣмъ тебѣ, и я это докажу: ты мѣняешь мнѣніе. Вотъ въ этой *печатной* (значитъ, твое profession de foi) замѣткѣ ты противъ англичанъ. Ты?!.. Да что же ты думала два-три года тому назадъ?.. Перемѣнится политическое настроеніе, перемѣнишься и ты. Я—не то. Разсказывать—что я, долго и напрасно. Ты меня знаешь. Слѣдовательно, какъ я обѣщалась доказать, противорѣчіе убѣжденію для меня больнѣе, нежели для тебя. Изъ за чего же мнѣ подвергаться этой боли, противъ которой я изъ учтивости, изъ самосохраненія, изъ нежеланія быть идеально-смѣшной обязана была молчать?... Не я одна, *мы*, т. е. *мои* всѣ замолчали. Время такое. Я хорошо помню такія времена и надѣялась, что опять не доживу до нихъ. Что жъ дѣлать—Богъ привелъ... Его воля. Какъ въ тѣ вѣчно памятные годы, такъ и теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я ни словомъ, ни строкой не измѣняла себѣ. Я теперь старуха и стала еще крѣпче. Я теперь считаю даже измѣной молчать на то, что слышу неправды... Слишкомъ я прямой человѣкъ... Когда ко мнѣ обратятся и спросятъ, я всегда отвѣчаю, не уклоняясь. Ты *спросила*, т. е. прислала свою замѣтку. Ну, красиво написано. Газеты выработали себѣ языкъ, на которомъ говорится много, не сказавъ ничего. Въ концѣ концовъ, конечно, ничего и можно растолковать въ оба конца. Я этого не уважаю. Хоть бы разъ подумали, что за мишурными фразами стоятъ человѣческія жизни!.. Твоя замѣтка невѣрна по незнанію русской жизни... Удивительные вы!.. Не видите ничего сами, а толкуете... По твоему, славянскій вопросъ выводитъ насъ изъ какой-то тины! А если вглядѣться болѣе и не оставляя своего несчастнаго края, который я люблю не меньше, чѣмъ твои краснобаи газетчики, если я тебѣ скажу, что это не выводитъ насъ изъ «тины», а погружаетъ хуже съ головой! Если я скажу, что не мѣшаетъ изъ милліоновъ, которые собраны уловками, увертками, разглагольствованіями, навязчивостью, балами въ пользу убитыхъ и всѣмъ пр.—не мѣшало бы дать *нашему* мужику, который голоденъ, какъ вы, всѣ вы, понятія не имѣете».. Вспоминая съ друзьями время войны, она говорила, что «нелѣпо крыть чужую крышу, когда своя раскрыта». Письмо къ писательницѣ этой оканчивалось слѣдующими словами: «Я бы тебѣ ничего не сказала, если бы ты меня не вызвала. Я тебѣ всегда говорила: не трогай меня, я крайняя».

Война, кровь, страданія внушали Надеждѣ Дмитріевнѣ ужасъ, доходившій до болѣзненности. При ея впечатлительности и живомъ воображеніи она ярко представляла себѣ страданія, какія приноситъ война и всего болѣе народу. Она не видѣла никакого искупленія страданіямъ этимъ, «громъ побѣды раздавайся», и говорила, что торжество побѣды—сила кулака и только затемняетъ сознаніе общества. Въ 1884 г., когда ходили слухи о войнѣ, Надежда Дмитріевна писала мнѣ изъ Петербурга: «Дай Богъ мира, это первое, главное, единственное; безъ ма-

лѣйшаго преувеличенія говорю, что жизнь отдамъ на то, чтобы былъ миръ». И это былъ искренній порывъ души; Надежда Дмитріевна фразъ не говорила. Пусть читатель перечтетъ въ «Недавнемъ» то мѣсто, гдѣ она говоритъ о встрѣчѣ войска и ратниках.

Въ письмѣ Надежды Дмитріевны, приведенномъ выше, высказано глубокое сочувствіе къ положенію народа; но народъ она знала такъ мало, что въ произведеніяхъ своихъ не рѣшалась дать образы его. Она знала народъ по городскимъ мѣщанамъ, прислугѣ, если не считать крестьянъ, приходившихъ къ отцу ея по дѣламъ. Одной пріятельницѣ, отрезвляя ее, она писала: «Ты сказала: такой-то народъ; послѣ этого понятно увлеченіе имъ. Да такой-то, только далеко не весь и не большинство. Онъ нынче, не преувеличиваю, сталъ страшно портиться. Все чортова деньга при необразованности. Совсѣмъ невѣжество ужъ лучше. Если спросить по душѣ и по секрету даже страдающихъ за народъ, они признаются, что ихъ главная боль—черствость, намѣренная глупость (вѣроятно, подъ этимъ она разумѣла прикидыванье дуракомъ—маневръ крестьянъ съ чиновниками и барами), жадность и трусость этого самаго народа. Кто виноватъ? Послѣ насъ разберутъ черезъ сотню лѣтъ, а мы стучимъ лбомъ въ эту стѣну и ничего не видимъ. (Знаешь-ли, эта тема была одной изъ главныхъ темъ «Былого». Такъ я ничѣмъ и не кончила и тетрадь пропала)». Далѣе она говоритъ: «вдругъ ихъ охватываетъ хожденіе въ народъ... Не съ неба свалилось, а органически выросло чувство жалости». Въ одномъ изъ писемъ своихъ Надежда Дмитріевна вспоминаетъ объ одной дѣвушкѣ, которая была яркимъ примѣромъ воплощенія этой жалости еще въ ту пору, когда о хожденіи въ народъ не было и рѣчи; и жалость эта властно взяла всю жизнь ея! Орлова, гувернантка, начиталась сначала «Mystères de Paris», «а потомъ пошло поумнѣе, ну, и пошло о пролетаріатѣ», пишетъ Надежда Дмитріевна: Mystères не считались безуміемъ, но дальше не понравилось. Ей отказали отъ мѣста. «Все раздала, ходила за больными, провожала арестантовъ. Написала проповѣдь и просила попа сказать. Тотъ посмѣялся. Но я ее понимаю: сказать простымъ людямъ слово по душѣ должно быть отрадно». Надежда Дмитріевна встрѣтилась съ Орловой, исхудавшей, бѣдно одѣтой. Она спросила ее, и Орлова, которая, не смотря на свою робость съ людьми, всегда по душѣ разговаривала съ Надеждой Дмитріевной, не опасаясь насмѣшекъ, только отчаянно махнула рукой. Вскорѣ Орлова умерла отъ болѣзни и лишеній.

V.

Несчастно сложившуюся личную жизнь Надежды Дмитріевны много отравляли гоненія цензурныя, такъ обычныя въ жизни русскихъ писателей. Критика, отнесшаяся очень холодно къ первымъ произведеніямъ В. Крестовскаго-псевдонима, даже отказавшая ей въ талантѣ,

оказалась менѣе прозорливой, чѣмъ цензура, которая вычеркивала цѣлыя фразы или отдѣльныя, наиболѣе характеристичныя слова изъ самыхъ невинныхъ въ нынѣшнемъ цензурномъ смыслѣ произведеній ея. Надежда Дмитріевна говорила, что не имѣла намѣренія возродить человѣчество своими романами; и это правда въ томъ смыслѣ, что герои ея не были проповѣдниками того или другого общественнаго строя, т. е. не вели о томъ никакихъ преній и не обсуждали теоретически проклятые вопросы, но нравственною стороною своею они даже въ первыхъ молодыхъ произведеніяхъ ея были всегда радикальны, потому что честность, не мирящаяся со зломъ, жажда благообразія жизни всегда радикальны. Цензура не прощала ни честнаго негодованія противъ неправды и зла, ни чувства любви сострадающей всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ; все это было неблагонамѣренностью для цензуры, требовавшей, чтобы авторы докладывали читателямъ, что все обстоитъ благополучно и мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ. Надежда Дмитріевна начала писать въ ту пору, когда Герцена выслали изъ Петербурга за то, что онъ въ кондитерской Доминика громко разсказалъ о будочникѣ, который для грабежа убивалъ прохожихъ и бросалъ тѣла въ прорубь. Цензура во всемъ ловила «злой умыселъ» обличенія, хотя бы будочниковъ.

По отзыву покойнаго В. Р. Зотова, надъ повѣстью «Сельскій учитель», напечатанной въ 1850 г., порядочно-таки потрудился цензоръ Фрейгангъ, человѣкъ «неуступчивый и подозрительный, враждебно относившійся ко всякому выраженію, выходившему изъ общепринятаго литературнаго языка». Въ 1856 г. повѣяло болѣе живымъ духомъ даже въ цензурѣ, и Надежда Дмитріевна получила письмо отъ Краевскаго извѣщавшее, что къ роману «Послѣднее дѣйствіе комедіи» цензура отнеслась очень милостиво. Надежда Дмитріевна отвѣчала, что вѣсть о милосердіи цензуры поразила ее «пріятнымъ образомъ, какъ явленіе, утѣшительное для всѣхъ. Вы удивлены и даже приписываете это свѣтопреставленію, а я нахожу, что литературное свѣтопреставленіе уже началось, потому что многое, что было тайнымъ, пряталось по портфелямъ, становится явнымъ. Если бы я узнала, что конецъ міра близокъ, то иначе бы кончила свой романъ и выбрала бы другіе ужасы, болѣе въ духѣ времени и провинціи, нежели тѣ, которые позволила себѣ, не надѣясь на цензуру, и которыми я сама недовольна». Но въ 1859 г. «Баритонъ» сильно пострадалъ отъ духовной цензуры. Пятая часть была большею частью перечеркнута красными чернилами; выключенъ былъ даже разсказъ семинариста о танцахъ, на которые онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ. Послѣ этого нечего и говорить о томъ, что темныя стороны бурсы были вычеркнуты, хотя изображеніе ихъ не доходило до мрака картинъ бурсы Помяловскаго, которыя Надежда Дмитріевна считала чрезмѣрно мрачными. Наложено было табу на все сказанное о терніяхъ жизни сельскаго священника; на ту горькую чашу, которую пьютъ се-

минаристы живущіе лѣтомъ «на кондиціяхъ». Красныя чернила вычеркивали фразы въ родѣ: «другу и недругу закажу жить въ этихъ важныхъ домахъ», вмѣсто словъ «сельская поповна» чертили: «выросшая на селѣ», словомъ, обезцвѣчивали и обезличивали все, что можно было въ романѣ.

Въ 1862 г. разсказъ В. Крестовскаго-псевдонима «За стѣной» былъ задержанъ цензоромъ Бекетовымъ, понявшимъ эту вещь, какъ проповѣдь о ненужности брака. Редактору пришлось ѣхать съ объясненіями къ министру просвѣщенія Головину, который не нашелъ въ разсказѣ ничего разрушающаго бракъ. Напротивъ, какъ говорила Надежда Дмитріевна, въ этомъ разсказѣ видна вся мучительность положенія четы любящихъ внѣ брака. Прошло еще нѣсколько лѣтъ и стали невозможны темы современной жизни, пришлось ограничиваться темами изъ дореформенной поры. Когда писательница взялась за недавно пережитое и переживаемое въ романѣ «Былое», вторая часть была запрещена цензурой. Я прочла въ корректурѣ эту часть и вся бѣда заключалась въ томъ, что молодежь была «изображена въ человѣческомъ, а не пакостномъ видѣ»—слова Щедрина. Жаль, что тетрадь пропала; въ наше время «Былое», вѣроятно, могло бы быть напечатано, потому что прошло болѣе тридцати лѣтъ отъ поры, изображаемой въ романѣ.

Въ 1878 г. Надежда Дмитріевна писала пріятельницѣ: «И дернуло меня писать общественное! Пробавлялась бы страстью нѣжной, луной адвокатами, благо первое опять вошло въ моду, второе всякій день разнообразно, а послѣднее вышло изъ моды». Въ враждебномъ литературномъ лагерѣ провозгласили печатно, что В. Крестовскій-псевдонимъ не кончилъ романа «Былое», потому что не зналъ, чѣмъ кончить. И черезъ нѣсколько лѣтъ по поводу оборваннаго романа, на просьбы друзей продолжать его, Надежда Дмитріевна отвѣчала: «Въ настоящее время писать его, что воду толочь». «Я теперь *сокращаю* себя», говоритъ далѣе Надежда Дмитріевна: «и возвращаюсь къ семейно-общественнымъ вопросамъ, которые тоже вѣдь не безплодны для общества, которое отложило въ сторону всякій анализъ чувства и всякое размышленіе. А этихъ вопросовъ непочатый уголъ, какъ сказалъ разъ покойный Дудышкинъ. Экіе счастливцы эти покойники!» Когда Салтыковъ о повѣсти ея «Семья и школа» высказалъ опасеніе, что у нея опять молодые люди не въ пакостномъ, а человѣческомъ образѣ и какъ бы изъ за этого опять чего не вышло, Надежда Дмитріевна отвѣчала: «Чего жъ еще редактору? Тамъ молодое поколѣніе ужъ вовсе въ непечатномъ образѣ». «Пьяница, неучъ, котораго либеральная барышня беретъ учителемъ въ свою школу, отказавъ хорошей учительницѣ, и это потому, что пьяница былъ сыномъ приживалки, умѣвшей забрать maman барышни въ руки и обѣщавшей за мѣсто, избавлявшее сына отъ воинской повинности, выхлопать выдѣлъ усадьбы—приданое, нужное

земцу-жениху. Такъ, что писать его было противно. А *то́*, ну то въ тѣни, въ дали».

Другія картины, другіе образы носились въ воображеніи. Одинъ фактъ, сообщенный ей Н. К. Михайловскимъ въ письмѣ, вызвалъ мысль о повѣсти «по душѣ», но она знала, что писать это «непростительная роскошь» для нея. Она не могла тратить истомленныя работой силы на трудъ, который останется ненапечатаннымъ. Отъ этого печальнаго исхода опустятся руки и у обезпеченнаго писателя, а для нея каждый часъ даромъ потраченнаго труда уносилъ хлѣбъ изъ семьи. Одинъ эпизодъ повѣсти, носившейся тогда въ воображеніи писательницы, былъ написанъ—то былъ симпатичный разсказъ «Вьюга».

VI.

Надежда Дмитріевна писала критическія статьи о литературѣ и искусствѣ—художественныхъ выставкахъ; статьи печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго подъ псевдомимомъ Порѣчнаго и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» изданія Скворцова—подъ другими. Въ біографіи Хвощинской г. В. Семевскаго, «Русская Мысль» 1889 г., №№ 10, 11 и 12, подробно говорится о Надеждѣ Дмитріевнѣ, какъ о критикѣ. Она держалась взглядовъ Бѣлинскаго и всю жизнь помнила и напоминала о томъ, что искусство должно имѣть цѣль. Тенденціозной литературы съ картонными героями и ярлыками на лбу она не признавала за искусство и высоко цѣнила красоту формы. Это тонкое пониманіе художественной красоты порождало въ ней постоянное недовольство собственными произведеніями. Когда въ перепискѣ съ друзьями заходила рѣчь о ея недовольствѣ, она писала: «Общества, знаешь, трогать не хочется. Невозможно, не въ цензурномъ смыслѣ, ну его—а просто потому, что словъ нѣтъ и все безсильно. Какая еще выдумка, когда жизнь пересилила? Требованія (законныя) нынѣшняго времени больше, чѣмъ были во времена Гомера и Данте. Тѣ только *поминали* да двумя словами разсказывали о своихъ, а мы должны *показать*. А нашего времени все тѣ же люди, тѣ же страсти, тѣ же положенія, несчастія не менѣе серьезныя, только посложнѣе, побольнѣе. Всего не перескажешь, ну и не берись. Даже нынѣшнія занимательнѣе, осмысленнѣе тогдашнихъ. Припоминай и сравнивай, не правда ли? Чѣмъ же надо быть литератору, чтобы браться писать? А перебирать пустяки—силъ нѣтъ».

Надежда Дмитріевна подписывала статьи своими разными псевдонимами, а не Крестовскимъ, тайна котораго была извѣстна. При ея робкомъ характерѣ выставляться ей было непріятно: разоблаченіе ея псевдонима-критика однимъ писателемъ принесло ей непріятность, которую она не разъ вспоминала въ дружескихъ разговорахъ. Просьба Скворцова подписывать критическія статьи ея «В. Крестовскій» взволновала ее сильно. Въ письмѣ къ А. Г. Каррикъ она высказываетъ свои предпо-

ложенія о причинахъ такой просьбы редактора: боится ли онъ, что она поссоритъ его съ литераторами своими отзывами и что онъ, сознавая себя отвѣтственнымъ за малоизвѣстныя буквы, будетъ считать себя неотвѣтственнымъ за В. Крестовскаго-псевдонима? Но редакторъ «все-таки отвѣчаетъ за помѣщаемое,—заключаетъ она,—или тогда была бы оговорка, что помѣщается ради имени В. Крестовскаго-псевдонима... Должна я сознаться, что перессорила «Отечественныя Записки» Краевскаго съ Кохановской и Григоровичемъ и др., а графъ А. Толстой не хотѣлъ даже видѣть меня за своего «Серебрянаго» и «Донъ-Жуана». Было ли дѣйствительно такъ, или ей передали невѣрные слухи, но ей всегда была тяжела мысль вызвать чье-нибудь неудовольствіе. «Мои правила,—пишетъ она далѣе,—не хочу выставляться, хотя не боюсь. Я скажу свое мнѣніе въ глаза человѣку, но выставиться со своею подписью, какъ рецензентъ—это страхъ, это важничанье, которое мнѣ не впору. Я, кажется, ни слова не выговорю отъ конфуза (а можетъ быть, и выговорю?). И въ открытую, знаешь ли, труднѣе хвалить, чѣмъ бранить. Я однажды сказала, что Бѣловодова (Гончарова) и Іудушка (Салтыкова) классическіе образы, остающіеся въ литературѣ навѣчно. Если бы статья должна была быть подписанной, то я бы отъ страха этого не сказала. Вотъ и разбери...» Въ концѣ письма она говоритъ: «Мнѣ молчали (слѣдуютъ имена), потому что я была въ «Отечественныхъ Запискахъ». Теперь «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъ и обижай насъ кто можетъ. Подписаться—мнѣ будутъ возражать, полемика и я отписывайся. Конечно, я могу «благородно» не отвѣчать. Но какое у насъ время? Что у насъ за люди? Развѣ они понимаютъ молчаніе? Они молчащимъ натворятъ такого... «Чортъ ихъ возьми, съ ними жизни не обрадуешься», говаривалъ мой редакторъ (Салтыковъ). Если я какъ всегда помяну о немъ, вѣдь найдутся такіе, что назовутъ низкопоклонствомъ... Но вѣдь я себя знаю и очень твердо знаю, въ чемъ убѣждена. Кланяться—никому никогда не кланялась, слѣдуя общей модѣ, отъ чего всего труднѣе удержаться. Кажется, въ разсудкѣ не повреждена. Пишутъ же А, В, С *), а какъ они глупы и подлы. Я не смѣю подумать сравнивать себя съ этимъ народомъ... Но не было ли бы честнымъ дѣломъ, печатно подписавшись, сказать имъ дурака и пр.? Т. е. быть храбрѣй даже Салтыкова, который совѣтовалъ не связываться».

Въ литературныхъ приговорахъ Надежды Дмитріевны высказалась ея пылкая, увлекающаяся натура. Въ письмахъ къ своимъ она не стѣснялась въ выраженіяхъ, иногда, повидимому, негодовала на мелочи, но мелочи эти были изъ характерныхъ, и подъ негодованіемъ ея лежалъ глубокій принципъ. Въ отзывахъ о Тургеневѣ и Толстомъ она бывала порой несправедлива. Ея пылкой натурѣ, за которую еще съ

*) Здѣсь въ письмѣ выставлены имена.

дѣтства звали ее въ семьѣ пламенемъ, былъ нестерпимъ тотъ холодокъ, который чувствуется въ художественной натурѣ Тургенева.

Тургеневъ тоже отзывался недружелюбно о Надеждѣ Дмитріевнѣ. Въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ г-жи А., помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» изданія г-жи А. Евреиновой, былъ переданъ отзывъ его о Надеждѣ Дмитріевнѣ, что, не возносясь слишкомъ высоко, она могла считать себя головой выше всѣхъ окружающихъ, потому что была въ Рязани окружена такими посредственностями. Подлинныхъ выраженій я не помню, но таковъ былъ смыслъ. Напечатано это было безъ всякаго злого умысла, просто вслѣдствіе того беззавѣтнаго культа, какой питали къ Тургеневу многія его поклонницы, дорожившія какъ святыней каждымъ его словомъ. Какъ я слышала, авторъ воспоминаній очень жалѣлъ, что не вычеркнулъ этихъ строкъ, и здѣсь о томъ упоминается потому лишь, что изъ пѣсни слова не выкинешь, особенно такого слова, которое повело выходъ Надежды Дмитріевны изъ «Сѣвернаго Вѣстника». Она говорила мнѣ, что достоинство не позволяло ей остаться тамъ, гдѣ ее обругали—обругали лично. Къ мнѣнію Тургенева о томъ, что она не умѣетъ писать мужчинъ, она отнеслась философски, какъ и ко всякимъ оцѣнкамъ ея таланта; но ей было обидно за своихъ немногихъ рязанскихъ друзей. Она называла мнѣ профессора духовной семинаріи Ростиславова, у котораго была замѣчательная библіотека, и въ числѣ книгъ были произведенія иностранныхъ писателей, нѣмецкихъ философовъ, французскихъ энциклопедистовъ. Пользуясь его книгами, она пользовалась и его совѣтами, и указаніями, и не только не считала себя выше его, но признавала, что многимъ обязана ему.

Къ Толстому она относилась несправедливо; его ученіе портило для нея его произведеніе. Анну Каренину она не любила.

Къ религіозному ученію Толстого она относилась съ страстною нетерпимостью за то, что онъ уводитъ человѣка изъ міра борьбы въ міръ внутренняго копошенья. «Я взяла бы одинъ кусочекъ толстовскихъ чудесъ,—писала она мнѣ,—зло суевѣрія, которое онъ сѣетъ подъ видомъ правды; я бы ему показала, что онъ такое. Кажется, гдѣ-то въ этомъ родѣ говорили ему; духовные понимаютъ зло по своему, а это не то, что надо. Читать ихъ и Толстого, подчасъ не знаешь, съ кѣмъ спорить». Она была глубоко вѣрующей, но вѣрила по своему. Съ ученіемъ Толстого она сопоставляла «Religion» Виктора Гюго. «Онъ создавалъ свою Année Terriale и точно *училъ*, а не проповѣдывалъ, его ангелы сапоговъ не тачаютъ, а ханжа ли онъ (она пристрастно обвиняла Толстого въ ханжествѣ), загляните въ его «Religion». Знаю я многихъ, въ комъ онъ поднялъ истинную вѣру».

Изъ русскихъ женщинъ-писательницъ своей поры она цѣнила всего больше г-жу Смирнову за ея крупный талантъ, огорчаясь ея небрежнымъ отношеніемъ къ нему. То мѣтко выхваченныя изъ жизни, ма-

стерски переданныя черты, то что-нибудь «несодѣянное». Привѣтствовавъ разсказъ О. Шапиръ «Кандидатъ Курбатовъ», она о прочихъ произведеніяхъ, равно какъ и произведеніяхъ другихъ романистокъ, замѣчала очень вѣрно, что, когда онѣ захотятъ затронуть общественные мотивы, то все это совершается гдѣ-то неизвѣстно и подъ туманомъ, такъ что трудно разобрать, о чемъ собственно идетъ дѣло.

Натуралистически-документальная французская литература была «не по душѣ» Надеждѣ Дмитріевнѣ и въ письмахъ своихъ она рѣзко отзывалась о ней. Зола и золаистовъ она не любила, находя вполнѣ основательно, что за избыткомъ мельчайшихъ физіологическихъ подробностей терялась «психологическая натура»; но въ своемъ осужденіи она переходила мѣру и не цѣнила высокихъ достоинствъ Зола. Въ Альфонсѣ Додэ она признавала талантъ и особенно любила его «Фромона»; о «Rois en exil» отозвалась въ письмѣ, что это «дичь отпѣтая» и, кромѣ одной главы *En chapelle*, мелко задумано.

Надежда Дмитріевна писала въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» фельетоны о художественныхъ выставкахъ. Къ Иванову она всю жизнь сохранила почти благоговѣйное восхищеніе. Когда онъ былъ у сестеръ Хвощинскихъ, онѣ встрѣтили его, какъ отца и учителя. Софья Дмитріевна вызывалась ѣхать съ нимъ въ Италію, какъ дочь беречь его, «мыть его кисти». Ивановъ стоитъ особнякомъ въ нашей живописи и школы не основалъ, какъ то замѣтилъ Вл. В. Стасовъ. Но въ переходныя эпохи вообще не основываются школы. Надеждѣ Дмитріевнѣ дороги были искренность и правдивость Иванова; за это Герценъ ставитъ его въ примѣръ другимъ художникамъ. Ивановъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ. Изъ современныхъ живописцевъ она очень любила Крамскаго. Гэ не нравился ей и его Христосъ въ картинѣ «Милосердіе» казался ей двойственнымъ, какъ будто художникъ хотѣлъ угодить двумъ сторонамъ.

По своей впечатлительности и нервности, Надежда Дмитріевна не могла не отнестись пристрастно къ Верещагину и въ письмѣ къ г-жѣ Каррикъ говорила: «Что это за береженіе нервовъ публики? Видъ крови волнуетъ, а цѣлая галлерея бойни хоть кого хочешь проймetъ. Написано чудесно, но вѣдь о техникѣ говорить нечего. Для чего-нибудь учатся люди мѣшать кадмусъ съ шифервейсомъ. Верещагинъ поучаетъ... Это иллюстрація, а не созданіе. Если онъ имѣетъ пѣлью поучать, то рисуй акварели, снимай фотографіи да продавай общедоступные альбомы и царямъ, и народамъ, тогда это будетъ историческая заслуга и историческая проповѣдь въ картинахъ...» Послѣ этого приговора, она замѣчаетъ: «Ты видишь, я ни во что не вѣрю (т. е. въ настоящее и людей его), очень тяжело такъ жить». Она не видѣла въ русскомъ искусствѣ того геніальнаго учителя, какими были Рафаэли и Микель-Анджело, и это огорчало ее, и она писала: «А вѣдь искусство-то бухнуло».

VII.

При такой строгой оцѣнкѣ искусства Надежда Дмитріевна строже всего относилась къ себѣ самой. Ея требованія отъ икусства былис высоки и со стороны идеи, и со стороны формы. Собой она была постоянно недовольна и это не было рисовкой; трудно было найти въ жизни болѣе искренняго человѣка, чѣмъ она. Въ минуты раздраженія она такъ отзывалась о своихъ произведеніяхъ, что приводила въ негодованіе друзей. Причины недовольства были сложныя. Она чутко и болѣзненно сознавала положеніе общества, вымираніе идеаловъ, и говорила, чтобы пронять нужны витіи, куда погромче ея. Это было высказано въ письмахъ ея 80-хъ г.г. «Я *все* вижу, все слышу, всѣхъ знаю, и бомондъ, и скверномондъ, и демимондъ—все. Но вообще для всего нашего русскаго люда пришла пора такого застыванья, что никакая идея въ немъ не выскакиваетъ. (Предположимъ разъ навсегда, что всѣ исключенія оговорены, ограниченія сдѣланы, а то на вѣки не выскажешься до конца). Основная идея всего русскаго люда (общества, народа, бомонда) выражается и заключается въ словахъ: «не то севрюжинки, не то конституціи, не то кого-нибудь ободрать, послѣднее вѣрнѣе» (Щедринъ). Вглядись въ людей и увидишь, какая это правда, никто не *думаетъ*... Въ 65-хъ г.г. мысль бѣгала по улицѣ; *все* кипѣло, ждало, рвалось. Ты скажешь, что то же и теперь. Нѣтъ—тогда именно все рвалось и металось, отыскивая, и въ исканіяхъ наталкивались на сотню идей. Теперь, какъ бы страшно, даже кроваво ни было движеніе, у него одна идея—кусокъ хлѣба. Только въ большинствѣ. (Вѣдь, я уже сказала, что оговорки всѣ сдѣланы и исключенія признаны, они не въ счетъ). Мнѣ вѣдь нѣтъ надобности произносить присягу, что я признаю необходимость хлѣба. Но не исключительно, не одного. *Хлѣбъ*, расширь это слово, выйдетъ севрюжинка, «народъ» и, при помощи извѣстной «конституціи», кончится обдираньемъ. Вотъ большинство. Оно—мракъ. Гибнущихъ — тысячи. Въ массѣ — отдала бы жизнь за нихъ. По одиночкѣ—спасла бы каждаго; но, потолковавъ съ каждымъ по очереди, чувствуешь, что (помни исключенія, ради Бога) поставила бы такого въ уголъ носомъ поразмыслить, припомнить идеалы пошире. Это ужасно—но это *такъ*. Вотъ тебѣ *первый* пунктъ затрудненій писателя. Что́ можетъ онъ сказать—онъ, полный идеаловъ, поколѣнію безъ идеаловъ! Свои идеалы? Они надъ ними насмѣются (фактъ). Идеализировать ихъ самихъ? Но, по совѣсти, возможно ли это? Когда *лучшій* изъ нихъ прежде всего думаетъ о наживѣ! Скажутъ «семья, молодость...» Охъ, мы все это тоже знали! И отвѣтъ—опять смѣхъ. Ну, пусть они смѣются надъ старой дурой писательницей, но надъ прелестью и чистотой моихъ идеаловъ я не хочу, чтобъ они смѣялись...

«Пунктъ *второй*. Говорятъ: все-таки должно говорить; имѣющій свѣтъ въ рукахъ не долженъ его прятать. Да, но осмотрись (помни исклю-

ченія), *они* доказываютъ это на дѣлѣ и проживаютъ легче нашего... Толчокъ данъ,—гдѣ, когда, кѣмъ и чѣмъ, разбирать долго, и машина пошла и давитъ насъ и насъ не нужно. Что жъ тутъ скажешь? То, что сказалъ мнѣ Салтыковъ: «Иногда, кажется совсѣмъ напрасно повторяешься, высказываешься, глядишь, кому-нибудь это понадобилось, въ комъ-нибудь отозвалось»... Значитъ, на всякій случай? Хорошо, признаю, что «на всякій случай», что даже въ большинство проникаетъ такое слово, отъ души вырванное. И, слѣдовательно, обязанность писателя, рискуя быть осмѣяннымъ или ненужнымъ, все-таки *говорить*. Остается только догадаться, что́ говорить.

«Вотъ тутъ *пунктъ третій*, уже мой личный... Дѣло въ томъ, что ты моей проповѣди о сверчкѣ и шесткѣ себѣ не усвоила. Ты *моя*, читаешь меня сквозь себя, ты дополняешь собою то, что́ у меня скомкано; ты мени любишь на бѣду критикѣ моего писательства. Возненавидь меня на два часа, вотъ хоть бы для чтенія «Семьи и школы», и ты явственно увидишь, что я свищъ. Такъ *мнѣ* и браться говорить нужныя слова среди ужаснѣйшаго изъ всѣхъ разгромовъ—цѣлаго молодого поколѣнія, взросшаго и живущаго безъ идеаловъ, безъ нравственныхъ стремленій, скучающихъ жирѣющихъ, или скучающихъ-пропадающихъ. Такъ какого же тутъ нужно писателя? Эсхилъ, Данте, апостолъ Павелъ (читала его у Ренана?). Вотъ и бѣда-то моя, что *думая* очень широко, я также безошибочно знаю свою мѣрку»...

Такой живучей натурѣ, какъ Надежда Дмитріевна, мучительно было писать среди общества, изъ котораго уходила «живая душа». Это видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Ты говоришь: публика тамъ-то и тамъ-то интересуется, что́ скажетъ В. К. о томъ-то и томъ-то. Смѣшная она публика, посуди сама. Все глядитъ на писателя, какъ будто онъ изъ чрева своей мамаши вылѣзъ съ перышкомъ и ужъ ничего другого не можетъ, какъ писать... Но если онъ такой-сякой, честный и пр., слѣдовательно, въ тяжелое время ему тяжко, какъ всѣмъ, ни болѣе, ни менѣе, и сказать онъ не можетъ больше того, что́ говоритъ вся площадь, когда она охнетъ. Я никакъ не могу и не умѣю отдѣлить писателя отъ человѣка и потому часто и не читаю многаго: подпись говоритъ за статью. И читаешь именно враговъ, потому что ложь разнообразна, а правда одна, и то, что скажутъ друзья, мнѣ извѣстно, хоть не читай. Вотъ такого отношенія публики къ себѣ я-бъ хотѣла: вѣрь заранѣе. А этого нѣтъ. Еще «ждутъ». Правда, это значитъ хотѣть отъ постороннихъ того же, что даешь мнѣ *ты*, ну, а это роскошно».

Какъ женщинѣ, Надеждѣ Дмитріевнѣ не приходилось спрашивать себя: куда же себя то пристроить, кромѣ письменнаго стола? Съ ея трезвымъ пониманіемъ жизни она не могла мечтать о томъ, что можетъ осуществиться черезъ столѣтія. Но она сознавала себя гражданкой родной земли. Геніи могутъ находить утѣшеніе въ сознаніи, что живутъ для вѣковъ грядущихъ; для счастья людей съ чуткой душой, какъ На-

дежда Дмитріевна, надо «чтобы былъ вправленъ сорвавшійся съ петель міръ». Вотъ почему она говорила, что читатель воображаетъ, будто писатель съ перышкомъ вышелъ изъ утробы маменьки и ему только писать и писать. А писатель живой человѣкъ, «ему больно»,—больно отъ того, отъ чего и всѣмъ больно. По Тургеневу и, позже, по Достоевскому, французская критика замѣтила, что у русскихъ писателей въ глубинѣ души великая грусть.

Кромѣ этой общей причины утомленія русскихъ писателей, у Надежды Дмитріевны была личная необходимость работать для содержанія семьи. Никогда не ставила она своихъ условій редакторамъ и брала, что давали. Случалось, что она перечеркивала цѣлыя страницы и результатомъ труда нѣсколькихъ часовъ оказывалось всего нѣсколько строкъ. Окончивъ романъ или повѣсть, она не могла отдыхать и бралась за переводы. Она переводила съ строгимъ выборомъ и рѣдкою добросовѣстностью и уваженіемъ къ автору, котораго переводила. Она замѣтила въ письмѣ, что переводы «портятъ руку» для творческой работы. Послѣ нихъ она не могла чувствовать свѣжесть головы, необходимую для новой работы. Къ тому же, она переводила въ стихахъ драмы, какъ «Неронъ» и др., и это уже трудъ болѣе утомительный, чѣмъ переводъ прозой. Прибавьте къ утомленію печальную жизнь послѣднихъ годовъ въ Рязани. «Домъ нашъ полонъ больныхъ и слѣпыхъ», писала она друзьямъ. Переѣхавъ въ Петербургъ и наѣзжая въ Рязань только лѣтомъ для свиданія съ матерью, она попрежнему не знала отдыха. Оставаясь постоянно въ Петербургѣ по смерти матери, она не знала лѣтняго отдыха на свѣжемъ воздухѣ. «Если бы вы посмотрѣли на меня въ эти три недѣли, вы бы пожалѣли меня (жара въ городѣ),—писала она мнѣ. — Совсѣмъ засѣла за «Обязанности» (чтобъ ихъ). И всегда пишу какое-нибудь нелѣпое заглавіе, не умѣю придумать, а оно приходится пророческимъ. Такъ написала «Прощанье» и простилась съ моими родными «Отечественными Записками». Нарекла «Обязанности» и ужъ точно, что повязалась на цѣлый годъ. Тороплюсь дать на іюль, пойдетъ на августъ и все еще не конецъ. А что это такое—я, конечно, не судья. Замѣчаю оригинальность формы, весь разсказъ ведется наизнанку—прошлое. А случилось, не знаю какъ, право, не преднамѣренно. Кромѣ «Обязанностей», напала на меня хворость. Не знаю, что дѣлается. Отъ жары или отъ дождя, отъ нервовъ, отъ зимней болѣзни, а точно нѣтъ ни рукъ, ни ногъ. Нервовъ мнѣ не полагается, и я думаю, что это просто старость»...

Неизбѣжный удѣлъ старости — переживанье друзей и близкихъ, и людей незнакомыхъ, но дорогихъ по ихъ трудамъ и значенію. Кружокъ своихъ рѣдѣлъ. Въ 1879 г. Надежда Дмитріевна писала изъ Рязани: «Въ сравненіи съ моимъ затворничествомъ, «скитъ аѳонскій» покажется демидрономъ»... Далѣе вырывается фраза—вопль тоски: «Господи! хоть бы полуживая душа сказала слово!» При переѣздъ ея въ Петер-

бургъ она нашла небольшой кружокъ короткихъ знакомыхъ; бывали писатели изъ стараго поколѣнія, преданій «От. Зап.», бывала и женская молодежь, городскія учительницы. Лѣтомъ Петербургъ пустѣлъ и она оставалась въ одиночествѣ... «Пусто-таки становится», писала она, жалуясь и на опустѣніе своего кружка знакомыхъ, и тоже на пустоту общественную. «Страшно. Да еще вообразить кровь и вражду среди этой нравственной пустоты. Право, иногда прибѣгаешь къ нынѣшнему общему средству—ничего не думать. Но и тутъ не ладится. Житейскимъ, какое бы оно ни было, озабочиваться никогда не умѣла я, дѣлаешь свое дѣло, а тамъ что выйдетъ—и кончено. Удовольствій (разумѣю развлеченія) я никогда не любила, да и какія мнѣ къ лицу, особенно теперь. Оглянешься, да и опять принимаешься думать, да и кружокъ своихъ все рѣдѣетъ, а то, чему удивлялся, все гаснетъ».

VIII.

Оглядываясь на жизнь Надежды Дмитріевны, удивляешься тому, какъ мало вниманія она видѣла отъ своей братіи.

Сочувственною теплою оцѣнкою товарищей Надежда Дмитріевна не могла похвалиться. Справлялись юбилеи писателей, не имѣвшихъ далеко того же значенія, какъ она. Ей не справляли юбилеевъ и ей не приходилось отказываться отъ юбилеевъ, какъ отказывались по скромности или инымъ, независящимъ причинамъ наиболѣе крупныя изъ нашихъ литературныхъ силъ. О двадцатипятилѣтіи ея литературной дѣятельности вспомнила одна пріятельница, приславшая ей въ письмѣ листокъ лимоннаго дерева. Въ 1883 г. почитатели таланта и собратія по перу поднесли ей адресъ. Инициатива принадлежала Надеждѣ Ивановнѣ Мёрдеръ (Северинъ), тогда еще не подвизавшейся на страницахъ «Рус. Вѣстн.» произведеніями, въ которыхъ оплевывалось то, чему она прежде поклонялась, и не поставлявшей еще разсказы, въ которыхъ учащіяся и трудящіяся женщины были представлены не въ «человѣческомъ, а пакостномъ образѣ». Первая часть адреса—вступленіе и обращеніе къ Надеждѣ Дмитріевнѣ—принадлежали г жѣ Мёрдеръ, оцѣнка дѣятельности В. Крестовскаго-псевдонима—автору этой біографіи. Для выработки адреса была выбрана коммиссія, въ числѣ которой была Надежда Васильевна Стасова, г-жа О. Шапиръ и Александръ Константиновичъ Шеллеръ. Адресъ, представленный коммиссіею собравшемуся довольно многочисленному кружку женщинъ, вызвалъ много препирательствъ. Сильно не по сердцу пришлась моя высокая оцѣнка гражданскаго значенія В. Крестовскаго-псевдонима. Въ числѣ собравшихся было нѣсколько свѣтскихъ дамъ, которыя въ этомъ видѣли чуть ли не «жупелъ». Я стояла не столько за свою формулировку, сколько за цитату изъ «Большой Медвѣдицы». Въ этой цитатѣ вылилась душа автора. Цитата была сохранена.

Вотъ адресъ: «Дорогая Надежда Дмитріевна! Съ глубокимъ чувствомъ уваженія и признательности привѣтствуемъ мы васъ. Слова эти пишутся ранѣе юбилейнаго срока, въ тридцать четвертый годъ вашей литературной дѣятельности, и пусть это послужитъ вамъ лучшимъ ручательствомъ въ томъ, что въ нихъ вылилось свободное чувство искренняго уваженія и горячей симпатіи, что всѣ подписавшіеся сошлись въ этомъ чувствѣ, какъ одинъ человѣкъ. Сегодня васъ привѣтствуютъ почитатели вашего таланта и представители нѣсколькихъ поколѣній. Такое единодушіе возможно только тогда, когда художникъ затронулъ глубокія общечеловѣчныя струны, когда его творенія, отражая злобу дня, заставляютъ стремиться къ лучшему будущему. Вы выразили ожиданіе этого лучшаго и тоску по немъ и намѣтили задатки, которые намъ его обѣщаютъ. Въ произведеніяхъ вашихъ отражались многія стороны нашей общественной жизни; тонкимъ, неумолимымъ анализомъ вы обличали всю ложь и фразерство своекорыстія, прикрывающагося служеніемъ идеѣ. Вы одна изъ первыхъ подали свой голосъ за право женщинъ стать участницами общаго движенія и, съ глубокимъ пониманіемъ женскаго сердца, дали много правдивыхъ и художественныхъ картинъ ея борьбы и страданій. Если успѣхъ этой борьбы, хотя до нѣкоторой степени, можно считать обезпеченнымъ, то потому только, что были женщины, подобно вамъ умѣвшія показать, что дѣло общее—ихъ дѣло. Вы выразили не одну скорбь женской доли, но и глубокую скорбь гражданскую, когда сказали словами Катерины: «а тутъ, въ сторонѣ отъ всего, смотри, молчи, рвись, связанная по рукамъ и ногамъ; плачь безъ толку, пока слезъ хватитъ, раздавай гроши, если есть они, утѣшай фразами, если хватитъ совѣсти. И въ заключеніе не смѣй вымолвить, что это тебя терзаетъ: не твое дѣло!» Живите долго и порадуйте насъ новыми, такъ же глубоко прочувствованными и высокохудожественными произведеніями».

Виньетка къ адресу была нарисована г. Каразинымъ. По подпискѣ былъ поднесенъ подарокъ—золотые часы съ цѣпочкой, которые тотчасъ же и были отосланы Надеждой Дмитріевной къ закладчику,—такъ велика была нужда, хозяинъ требовалъ за квартиру. Желаніе помочь Надеждѣ Дмитріевнѣ и вызвало не срочный, т. е. не юбилейный адресъ.

Вскорѣ послѣ того московскія почитательницы ея таланта, узнавъ, что она нуждается, устроили вечеръ въ ея пользу, конечно, не гласно; собранная сумма оказалась бы незначительной, если бы не крупный взносъ одной богатой меценатки. Мнѣ невольно пришлось быть причиной сильнаго огорченія Надежды Дмитріевны. Посылка—альбомъ для фотографій, въ который были вложены 700 р., была выслана мнѣ для передачи. Я передала, не зная о деньгахъ. Было при посылкѣ письмо безъ подписей, выражавшее сочувствіе и оцѣнку значенія Надежды Дмитріевны. Выходило, будто помощь отъ неизвѣстныхъ благодѣтелей; все было, конечно, извѣстно, и въ одной мелкой московской газеткѣ было напечатано о концертѣ, и о цѣли его. Это такъ потрясло Надежду

Дмитріевну, что, по словамъ г. Семевскаго, она, вообще рѣдко выѣзжавшая, теперь совсѣмъ заперлась дома. Не могу сказать, доходило ли огорченіе ея до такой степени, но мнѣ она говорила, что ей теперь стыдно носъ показать куда-нибудь, приняла милостыню; она не хотѣла слушать убѣжденій, что это не милостыня, а выраженіе общественнаго сочувствія. Въ то время въ газетахъ говорилось объ общественной подпискѣ въ Европѣ, не помню въ какой странѣ и въ пользу кого изъ знаменитостей литературы, и я воспользовалась этимъ фактомъ, чтобы успокоить Надежду Дмитріевну: у насъ такія подписки не были бы допущены, то естественно, устраиваются кружковыя. Она отвѣчала горячо, что если бы общественная подписка, тогда каждый гривенникъ былъ бы ей дорогъ; а то сзывали концертомъ, значитъ—не разсчитывали, что Крестовскій-псевдонимъ что-нибудь да значитъ. Но никакіе доводы не помогали, она упорно твердила свое: милостыня, милостыня. То же говорилъ мнѣ и Н. В. Шелгуновъ, когда ему приходилось пользоваться займами въ Литературномъ фондѣ. Милостыня заключалась въ небольшихъ процентахъ или безпроцентности займа.

Лучшей оцѣнкой и самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ Надежды Дмитріевны была овація, устроенная ей рязанской учащейся молодежью, гимназистами и семинаристами, 19 февраля 1880 г. Разсказывала она мнѣ о ней голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, и съ глазами, полными слезъ, и заключила разсказъ словами: «ревѣла я, ревѣла потомъ — и радость дали, и горе разбередили — и я ревѣла и за себя, а больше за этихъ дѣтей»,—за все, чего она боялась для нихъ и чего имъ желала. Вмѣсто передачи ея разсказа, которая на разстояніи столькихъ лѣтъ можетъ выйти неточной, не смотря на все желаніе автора статьи быть вполнѣ точнымъ пересказчикомъ, пусть говоритъ сама Надежда Дмитріевна въ письмѣ. «Сижу надъ повѣстью. Входитъ младшій племянникъ. Не забудь—9 часовъ вечера. «Тамъ на улицѣ толпа молодыхъ людей; тебя зовутъ».—«Меня?» Что за исторія? Вѣтеръ страшный, ужъ всѣ плошки погасли. Иду на крыльцо. Человѣкъ сотни три-четыре, гимназисты и семинаристы. Они были распущены и «безпрепятственно» гуляли сходкой. Меня окружили на крыльцѣ: «пользуемся возможностью придти поблагодарить васъ за сочувствіе къ молодому поколѣнію».—Ура! (это мнѣ-то!) Другой: «Я отъ семинаріи; вы насъ вызвали къ жизни». Опять крикъ. Такъ мнѣ стало тяжело и больно. Протягиваютъ мнѣ руки, тѣснятъ такъ ласково. «Господа,—говорю,—еслибъ мы могли теперь поздравить другъ друга съ какою-нибудь радостью, — еслибъ вамъ хоть немного получше пожилось»... Какъ я это выговорила, — натурально слышали, что̀ были близко,—но они подняли такой крикъ, а за ними всѣ, что ужъ ни я, ни меня, ничего больше не слышали. Два фонаря на улицѣ, ряды головъ и надъ всѣмъ вѣтеръ. Я, наконецъ, успѣла близкимъ сказать: Уходите, простудитесь. Они кричатъ пуще, но я ушла. Хорошо это

было и ужасно. Не знаю, какъ тяжело. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ намъ было чѣмъ порадовать другъ друга. Смыслъ былъ бы. Положимъ, и теперь смыслъ: отъ молодыхъ мизераблей поклонъ старому мизераблю. Но что жъ это. По сердцу знаю, что это не прошлогоднія тургеневскія овацiи. Нѣтъ, это точно припаданіе бѣдныхъ дѣтей къ вдовѣ-матери. И хорошо, что темно было и бурно. Ревѣла я одна много, и, конечно, никому, кромѣ тебя, не разсказываю. Ну, конечно, въ городѣ знаютъ. Но, вѣдь, я никого не вижу и не выхожу, все равно мнѣ, знаютъ, или не знаютъ».

Послѣдніе годы жизнь складывалась все печальнѣе для Надежды Дмитріевны, болѣзнь подтачивала силы. Нуженъ былъ чистый воздухъ, ради этого она жила въ пятомъ этажѣ во дворѣ большого дома близъ Невы. Сходить внизъ и подниматься по лѣстницѣ она была не въ силахъ и по году не выходила изъ квартиры. Квартирный вопросъ былъ для нея «трагичнымъ» вопросомъ; ей нужна была, по предписанію врача, большая комната. Она говорила, что будь здорова, не допустила бы такой роскоши, за которую ее и теперь упрекаютъ. Когда я уѣзжала въ деревню на лѣто, она писала, какъ завидуетъ всѣмъ, кто можетъ дышать свѣжимъ воздухомъ; дача была для нея недоступною роскошью и она дышала петербургскимъ воздухомъ въ знойные дни, больными легкими. «Квартирный вопросъ» былъ «трагичнымъ», благодаря непріятностямъ, которыя приходилось Надеждѣ Дмитріевнѣ терпѣть отъ сосѣдей, и въ этомъ выразилась некультурность нашего общества. Сосѣди, занимавшіе большую квартиру, одна комната которой отдѣлялась не капитальной стѣной отъ гостиной Надежды Дмитріевны, выражали постоянно неудовольствіе, когда она играла на роялѣ; въ какой бы часъ она ни играла, она мѣшала спать то дѣтямъ, то хозяину или хозяйкѣ. Жизнь вели эти сосѣди довольно шумную, ихъ журфиксы, споры за картами, дѣтскій визгъ и крикъ тоже не мало мѣшали сну Надежды Дмитріевны. Но хозяинъ дорожилъ этими жильцами и на это не обратилъ бы вниманія, если бы Надежда Дмитріевна и жаловалась. То дворникъ, то прислуга сосѣдей являлись съ просьбой не играть. Отвѣтъ, что она хозяйка въ своей квартирѣ и не играетъ по ночамъ, въ тѣ часы, когда у сосѣдей шумно, вызывалъ непріятности. Она съ веселой шуткой разсказывала объ этихъ невзгодахъ, но онѣ были очень непріятны: больную старуху, запертую въ квартирѣ болѣзнью, лишали любимаго удовольствія—музыки. Съ помощью Литературнаго фонда она разсчиталась съ своимъ домохозяиномъ и переѣхала на дачу въ Старый Петергофъ.

Ее не щадили и ей приходилось испытывать и болѣе горькія непріятности. Какъ-то вечеромъ, зайдя къ ней, я застала ее сильно разстроенною. Мы были съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но той дружбы, когда сознаешь, что въ горькія минуты, что не будешь въ тягость и имѣешь право на полное довѣріе—не было. Я подумала, что

это одно изъ тѣхъ огорченій, когда гость хуже татарина, и сказала, что хоть я не бѣгаю отъ огорченныхъ лицъ, но не лучше ли мнѣ уйти. Надежда Дмитріевна со слезами на глазахъ, вся пунцовая отъ негодованія, задыхающимся голосомъ передавала, что получила письмо съ упреками въ томъ, что она «ѣстъ и пьетъ на серебрѣ, когда другіе нуждаются». Дѣйствительно, за чаемъ я видѣла у нея новое и очень обыкновенное серебро—молочникъ, масляница и т. п. То было приданое г-жи Москалевой; все серебро Надежды Дмитріевны и старое серебро г-жи М. давно было заложено и частью пропало въ закладѣ и потому употребляли вещи изъ приданаго послѣдней. Всего обиднѣе и больнѣе оскорбило Надежду Дмитріевну обвиненіе въ роскоши,—ее, которая всегда говорила о простой жизни и была врагомъ роскоши. «Будто всю жизнь свою лгала, на старости лѣтъ лгуньей ставятъ», говорила она. Огорченіе вызвало припадокъ удушливаго кашля и г-жа Москалева тревожилась, что теперь Надежда Дмитріевна не будетъ спать большую часть ночи, какъ всегда послѣ волненія.

Мои пріятельскія отношенія съ Надеждой Дмитріевной продолжались съ 1884 по 1889 г. Видѣться приходилось не часто, мы жили на разныхъ концахъ города. Меня тянуло къ ней отдохнуть душой, хотя нерѣдко, вмѣсто отдыха, мы обѣ горячились, волновались о текущей злобѣ дня. Но и это было для меня легче, потому что я была съ чуткимъ человѣкомъ, понимавшимъ съ полуслова, понимавшимъ и безъ словъ. Бывало, отложивъ всякія злобы дня, Надежда Дмитріевна разсказывала разные комичные случаи и ея веселый юморъ разсмѣшилъ бы самаго отчаяннаго пессимиста; шла веселая болтовня подъ рукодѣлье или пасьянсы, съ гаданьемъ о знакомыхъ и на забавныя темы; иногда хохотали до слезъ и г-жа Москалева въ шутку стыдила насъ, «серьезныхъ женщинъ», за такой примѣръ «молодому поколѣнію». «Не обижай себя, это ты-то—молодое», возражала Надежда Дмитріевна. Смѣхъ ея былъ заразительный веселый, свѣтлый смѣхъ чистой, доброй души; мнѣ всегда припоминались, когда я слышала его, слова Достоевскаго о томъ, что душа человѣка всего лучше узнается по смѣху.

Въ маѣ 1889 г. я простилась съ Надеждой Дмитріевной, унося грустное чувство, что навсегда. «Мы не увидимся, два года мнѣ не протянуть», говорила она, думая, что я уѣзжаю путешествовать. Какъ теперь вижу ея маленькую фигурку въ порыжѣломъ отъ носки черномъ платьѣ, черное кружево на головѣ, сѣдые волосы, причесанные въ бандо на манеръ собачихъ ушей, большіе грустные глаза съ болѣзненно-расширившимися и искрившимися зрачками и восковую желтизну лица. Въ іюнѣ ея не стало. Не ожидала я, чтобы смерть такъ скоро унесла ее. Она умерла на дачѣ въ Старомъ Петергофѣ и похоронена тамъ на кладбищѣ. Литературный фондъ помогъ; въ домѣ не нашлось бы средствъ на похороны. Теперь идетъ подписка на ея

памятникъ. Кто, не помню, нашелъ могилу ея заброшенной и напечаталъ въ газетахъ.

Лучшей эпитафіей Надежды Дмитріевны будетъ ея же стихотвореніе, напечатанное въ «Иллюстраціи» 1859 г.:

«И мнилось мнѣ, блаженъ, кто жизнь свою
Могъ посвятить служенью высшей цѣли,
Передъ людьми, одинъ, въ тиши, въ бою,
Въ желаньи, въ мысли, въ словѣ или дѣлѣ;
Чьи дни полны труда, борьбы, заботъ,
А ночи думъ, восторженной тревоги,
Кто ни одной своей, а жизнью всѣхъ живетъ,
Кому горитъ столбъ огненный въ дорогѣ».

Потеря Надежды Дмитріевны до сихъ поръ еще незамѣнима въ рядахъ русскихъ писательницъ; ни одной изъ нихъ она не бросила своей мантіи, какъ Илія Елисею. Талантъ посылается неисповѣдимыми судьбами природы, но то, что̀ дѣлаетъ его плодотворнымъ, то, что̀ одно цѣнила въ себѣ Надежда Дмитріевна—идея, направленіе—это уже не приходится молодымъ поколѣніямъ женщинъ брать цѣною той борьбы, какую въ молодости выносила она, ища правды и свѣта.

М. Цебрикова.

Ночь наступила, день угасъ...
Сонъ и покой... И всей душою
Я покоряюсь въ этотъ часъ
Ночному кроткому покою.
Какъ облегченно дышитъ грудь,
Какъ мягко свѣжесть обнимаетъ!
Какъ мирно свѣтитъ и сіяетъ
Въ далекомъ небѣ Млечный Путь!..

Опять я здѣсь, опять со мною
Мой тихій хуторъ—и кругомъ
Все вѣетъ ласкою степною
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ.
И безмятежно спятъ селенья,
И безмятежно спитъ земля...
Миръ вамъ, родимыя поля!
Миръ вамъ, былыя треволненья!

За все, что пережито днемъ,
За все, что съ болью я скрываю
Глубоко въ сердцѣ молодомъ,
Я никого не обвиняю;
За счастіе минутъ такихъ,
За свѣтлыя воспоминанья—
Благословляю каждый мигъ
Былого счастья и страданья!

И. Бунинъ.

О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Проф. Г. Челпанова.

(*Окончаніе* *).

Въ прошлой статьѣ мы разсмотрѣли какъ ученіе *защитниковъ* свободы воли, такъ и ученіе *противниковъ* ея. Мы видѣли, что защитники свободы воли, которые считали ее необходимой для того, чтобы человѣку могли вмѣняться его дѣйствія, всячески старались доказать, что воля не зависитъ отъ общемірової причинности, что она является самостоятельнымъ началомъ дѣйствій. Для этой цѣли они старались показать, что воля человѣка можетъ дѣйствовать безъ мотивовъ (или безъ причины), что она можетъ выбирать между двумя безразличными дѣйствіями, что она, наконецъ, можетъ дѣйствовать, не затрачивая энергіи. Какъ мы видѣли, противъ этихъ аргументовъ *противники* свободы воли доказывали, что воля не можетъ дѣйствовать безъ мотивовъ, что она не можетъ дѣйствовать, не затрачивая извѣстнаго количества энергіи, что она не можетъ быть *безпричинной*, и что, какъ разъ наоборотъ, факты моральной статистики убѣдительно доказываютъ, что волевыя дѣйствія человѣка такъ же подчинены закону причинности, какъ и явленія физической природы.

Въ настоящей статьѣ я долженъ отвѣтить на вопросъ, кто же изъ нихъ правъ: тѣ ли, которые признаютъ свободу воли, или тѣ, которые ее отвергаютъ? Я на сторонѣ тѣхъ, которые ее признаютъ, хотя пользуюсь совсѣмъ другими аргументами для доказательства, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно приводятся. Я уже предчувствую то возраженіе, которое мнѣ будетъ сдѣлано по этому поводу. Мнѣ скажутъ, конечно: «вы хотите доказать, что воля свободна, т. е., что она безпричинна, что она не входитъ въ механизмъ вселенной; любопытно послушать, какъ это вамъ удастся сдѣлать, въ виду признаннаго наукой закона всеобщей причинности». На это я спѣшу отвѣтить, что причинности воли отрицать я не предполагаю, тѣмъ не менѣе свободу воли думаю защищать. «Въ такомъ случаѣ ваше доказательство утрачиваетъ для насъ инте-

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

ресъ: другое дѣло, если бы вы взялись доказать, что воля безпричинна».

Но на это мнѣ остается замѣтить, что проблема свободы воли ставилась въ виду совершенно особенныхъ, спеціальныхъ цѣлей, главнымъ образомъ этическихъ, и, по моему мнѣнію, можетъ быть рѣшена независимо оттого, какъ мы будемъ рѣшать вопросъ о причинности воли.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію вопроса, я хочу указать на то обстоятельство, что факты моральной статистики, о которыхъ я говорилъ въ прошлой статьѣ, вовсе не приводятъ къ фатализму, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ. На первый взглядъ кажется, что дѣйствительно факты моральной статистики доказываютъ фатальность человѣческихъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы, напр., видѣли въ прошлой статьѣ, изъ того, что при увеличеніи цѣны на рожь *неизбѣжно* число преступленій возрастаетъ, кажется, что въ извѣстный моментъ *непремѣнно* извѣстное число лицъ должно совершить кражу; это дѣйствіе должно совершиться съ такою же необходимостью, съ какою наступаютъ извѣстныя физическія событія, когда возникаютъ соотвѣтствующія имъ причины. Какъ кажется, *внѣшнія событія* сами направляютъ дѣйствія человѣка; внѣшнія событія *всецѣло* и только одни опредѣляютъ его дѣйствія, такъ что человѣкъ съ его волей собственно есть *ничто* въ дѣлѣ совершенія того или другого дѣйствія; воля человѣческая получитъ извѣстный толчекъ и совершитъ извѣстное дѣйствіе; сама же отъ себя она въ этомъ случаѣ ничего не привноситъ. Внѣшнія событія какъ бы *принуждаютъ* человѣка совершить то или другое дѣйствіе; въ этомъ смыслѣ человѣкъ не можетъ избѣжать необходимости совершить то или иное дѣйствіе, въ этомъ смыслѣ дѣйствія его фатальны; а если такъ, то отсюда неизбѣжны всѣ тѣ послѣдствія, о которыхъ я говорилъ въ концѣ прошлой статьи.

Но мнѣ кажется, что факты моральной статистики допускаютъ толкованіе, дѣлающее совершенно невозможнымъ какой бы то ни было фатализмъ. Видимость фатальности человѣческихъ дѣйствій происходитъ отъ того, что при разсмотрѣніи цифръ моральной статистики получается впечатлѣніе, что *человѣческія дѣйствія опредѣляются только лишь извѣстной внѣшней причиной*, а это происходитъ отъ того, что по самому характеру своихъ изслѣдованій статистикъ не обращаетъ никакого вниманія на причины, касающіяся только *индивида*. Между тѣмъ такія причины существуютъ. Вотъ почему, когда психологъ изслѣдуетъ такія массовыя явленія, какъ самоубійства, браки и т. п., то онъ долженъ изслѣдовать, нѣтъ ли, кромѣ естественныхъ и соціальныхъ причинъ, еще какой-нибудь индивидуальной причины, происходящей отъ тѣхъ особенностей, которыя присущи только дѣйствующему индивидууму.

Совершеніе того или другого дѣйствія можетъ быть объяснено вполнѣ только въ томъ случаѣ, если мы примемъ въ соображеніе не

только внѣшнія соціальныя причины, но также и *внутреннія* причины. Это именно и есть то, что называютъ *личнымъ факторомъ* какого-либо дѣйствія. Но что такое этотъ личный факторъ? Поясню на примѣрѣ. Положимъ, мы имѣемъ случай самоубійства двухъ лицъ, алкоголиковъ, обладающихъ совершенно различными индивидуальными особенностями или характерами. Одинъ въ состояніи подавленнаго настроенія духа, которое является такимъ частымъ спутникомъ алкогольнаго отравленія, безъ всякой борьбы наложилъ на себя руки. Другой подъ вліяніемъ чувства стыда, вслѣдствіе сознанія унизительнаго положенія, отъ котораго онъ не можетъ освободиться, вслѣдствіе своей пагубной страсти, пережилъ мучительнѣйшія состоянія борьбы, колебанія; онъ пережилъ много чувствъ, онъ много передумалъ, пока рѣшился на такой поступокъ. А посмотрите на статистическія таблицы, говорятъ ли онѣ что-нибудь объ этомъ? Рѣшительно ничего. Онѣ говорятъ только, что два человѣка совершили самоубійства, а эти различныя индивидуальныя вліянія, дѣйствовавшія на индивидуума въ моментъ его рѣшенія, въ статистику войти не могутъ, но, тѣмъ не менѣе они, вѣдь тоже должны быть признаны причинами, опредѣлившими ихъ къ дѣйствію. Слѣдовательно, эти причины, являющіяся выраженіемъ особенностей *характера* даннаго индивидуума и вліяющія на его рѣшеніе, отсутствуютъ въ статистическихъ данныхъ *).

Или вотъ еще примѣръ для иллюстраціи того, что мы называемъ личнымъ факторомъ. Положимъ, идутъ два прохожихъ; встрѣчается нищій. Одинъ проходитъ, ничего не подавъ нищему, другой дѣлаетъ то же самое. Статистикъ, который задался цѣлью опредѣлить доходность промысла нищихъ, незамѣтно для нихъ, отмѣтилъ бы въ своей записной книжкѣ: «вотъ два прохожихъ, которые не подали нищему», но о *внутреннихъ* причинахъ этого явленія онъ рѣшительно ничего не могъ бы сказать. Можетъ быть, одинъ не подалъ нищему потому, что по природѣ своей безжалостный человѣкъ, а другой прохожій хотя по природѣ своей и очень жалостливый человѣкъ, но не подалъ потому, что по принципу онъ противъ уличной благотворительности. Вотъ два одинаковыхъ дѣйствія, вызванныхъ двумя совершенно различными мотивами, происходящими отъ того, что личный факторъ различенъ, въ зависимости отъ различія характеровъ. Эти причины, принадлежащія личному фактору, часто совершенно не могутъ быть раскрыты, потому что дѣйствіе ихъ бываетъ скрыто. Въ этомъ смыслѣ существуетъ несомнѣнное различіе между *физической* причиной и *психической* или мотивомъ. Физическая причина можетъ быть уничтожена другой причиной, или дѣйствіе ея можетъ быть измѣнено, но и въ этомъ измѣненіи всегда можетъ быть найдено дѣйствіе первой причины и даже величина ея можетъ быть измѣрена, мотивъ же

*) Ср. *Вундтъ*. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Спб. 1894. Стр. 442—443. *Wundt*. «Vorlesungen über die Menschen und Thierseele». 2-е изд. 1892. Стр. 469—470.

можетъ *опредѣлять* и *не опредѣлять* волю; въ послѣднемъ случаѣ нельзя открыть никакого слѣда ея воздѣйствія. Напр., когда ядро вылетаетъ изъ пушки, то оно находится подъ дѣйствіемъ двухъ силъ (или причинъ): силы земного притяженія и силы газовъ, толкающей его въ горизонтальномъ направленіи; хотя земное притяженіе есть значительно болѣе слабая причина, чѣмъ упругость газовъ, тѣмъ не менѣе, воздѣйствіе его замѣчается въ томъ, что путь ядра, вмѣсто того, чтобы быть горизонтальнымъ, дѣлается кривой линіей. Совсѣмъ не то въ дѣйствіи психическихъ причинъ или мотивовъ. Если я размышляю относительно того, идти ли мнѣ къ знакомымъ, или въ театръ, и наконецъ, мотивы, побуждающіе меня идти въ театръ, побѣждаютъ, то въ моемъ дѣйствіи никакъ нельзя открыть существованія мотивовъ, побуждавшихъ меня идти къ знакомымъ. Вотъ почему въ фактахъ моральной статистики никогда нельзя открыть существованіе различныхъ побочныхъ вліяній, которыя на самомъ дѣлѣ всегда существуютъ; между тѣмъ изслѣдованіе этихъ побочныхъ вліяній, принадлежащихъ исключительно нашему характеру, представляется дѣломъ въ высокой мѣрѣ важнымъ.

Если мы пожелаемъ должнымъ образомъ оцѣнить статистическіе факты, то мы должны будемъ сказать, что въ нихъ имѣются указанія на *соціальныя* причины извѣстнаго дѣйствія, что же касается *индивидуальныхъ* причинъ (воздѣйствія того, что мы называемъ личнымъ факторомъ), то онѣ въ статистическихъ фактахъ отсутствуютъ. Факты моральной статистики только говорятъ, что въ *среднемъ* умственное и нравственное состояніе общества въ данный періодъ времени остается почти *неизмѣннымъ*, а потому однѣ и тѣ же внѣшнія причины (цѣна на рожь, новый законъ и т. п.) дѣйствуютъ приблизительно *одинаковымъ* образомъ; оттого замѣчается такое однообразіе въ цифрахъ.

Такимъ образомъ ясно, что факты моральной статистики доказываютъ только, что вліяніе соціальныхъ условій принадлежитъ къ причинамъ, которыя опредѣляютъ волю, но суть ли онѣ единственныя, или на ряду съ ними существуетъ еще неопредѣленное число причинъ, объ этомъ факты моральной статастики ничего намъ не говорятъ.

Я привожу это разсужденіе не для того, чтобы доказать, что воля *безпричинна*, а для того, чтобы показать, что въ опредѣленіи человѣческихъ дѣйствій существенную роль играетъ еще *внутренній* факторъ, это именно его *характеръ*, его индивидуальныя особенности. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ фактовъ моральной статистики мы должны принять въ соображеніе и то, что мы называемъ личнымъ факторомъ; онъ играетъ очень существенную роль въ созиданіи того или иного дѣйствія и находится въ зависимости отъ нашего характера.

Повторяю, я вовсе не желаю доказывать, что воля безпричинна; напротивъ того, я утверждаю то, что я и раньше говорилъ, именно что психологически нельзя никакъ доказать, что *воля можетъ дѣй-*

ствовать безъ причинъ (мотивовъ). Признать волю безъ причины мы не можемъ еще и потому, что существуетъ въ психической области особая причинность, которую называютъ психическою. Что такая причинность на самомъ дѣлѣ существуетъ, показываетъ закономѣрность въ психической жизни дѣйствующаго индивидуума, благодаря которой мы можемъ болѣе или менѣе точно предугадывать человѣческія дѣйствія, а это было бы невозможно, если бы въ психической сферѣ не дѣйствовала причинность, т. е. если бы въ дѣйствіяхъ человѣка царила случайность, и извѣстныя причины не вызывали, болѣе или менѣе постоянно, одни и тѣ же дѣйствія. Если бы человѣкъ сегодня подъ вліяніемъ опредѣленныхъ причинъ дѣйствовалъ такъ, а завтра подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ дѣйствовалъ бы совсѣмъ иначе, то мы сказали бы, что дѣйствія человѣческія случайны, что они не подчинены никакому закону, а такъ какъ въ дѣйствительности человѣческія дѣйствія таковы, что мы можемъ ихъ предугадывать до извѣстной степени, то это позволяетъ намъ сказать, что человѣческія дѣйствія подчинены закону причинности, что они законосообразны.

Если такимъ образомъ подъ свободой понимать безпричинность воли, то свобода съ этой точки зрѣнія невозможна. Но слѣдуетъ ли отсюда, что она вообще невозможна? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ слѣдуетъ вспомнить, каковъ былъ первоначальный смыслъ проблемы свободы воли; разсмотримъ, для чего философы поднимали вопросъ о свободѣ. Оставимъ всѣ позднѣйшія метафизическія и психологическія надстройки, спеціально созданныя для доказательства этой теоріи, и мы увидимъ, что за этой проблемой остается еще этическій смыслъ: *вмѣняется ли человѣку его грѣхъ, отвѣтственъ ли онъ за свои поступки вообще?* Мнѣ кажется, что съ этой точки зрѣнія свобода воли можетъ быть защищаема съ сохраненіемъ первоначальнаго смысла.

Чтобы устранить возможныя недоразумѣнія, я считаю нужнымъ напомнить объ ошибкѣ, въ которую обыкновенно впадали какъ противники, такъ и защитники свободы воли. Именно, обыкновенно отождествляли *свободу* съ *безпричинностью* или *случайностью* и ей противополагали понятіе *причинности,* которую отожествляли съ *необходимостью,* между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ понятія *свободы* и *необходимости* не противорѣчащія, а вполнѣ другъ съ другомъ совмѣстимыя.

Философы, которые доказывали свободу воли, думали, что только при признаніи *безпричинности* ея, въ вышеуказанномъ смыслѣ, можно считать человѣка отвѣтственнымъ за его дѣянія. Если же безпричинности воли нельзя доказать, то его дѣйствія не зависятъ отъ него, слѣдовательно, его дѣйствія не могутъ быть ему вмѣняемы. Я же думаю, что для того, чтобы доказать, что человѣческія дѣйствія ему вмѣняемы, вовсе нѣтъ надобности доказывать, что его дѣйствія безпричинны; по моему мнѣнію, дѣйствія человѣческія могутъ быть *необ-*

ходимы, *законосообразны*, они могутъ подчиняться закону причинности и, тѣмъ не менѣе, они могутъ быть свободными, т. е. быть вмѣняемыми. Такъ понимали отношеніе свободы и необходимости такіе выдающіеся философы, какъ Кантъ, Шопенгауэръ, Милль, Паульсенъ и Вундтъ. Для того, кто не пойметъ, что свобода и необходимость суть соединимыя понятія, истинный смыслъ этическаго пониманія свободы воли будетъ недоступенъ.

Сущность той теоріи свободы воли, которую я предполагаю защищать, заключается въ доказательствѣ свободы изъ существованія въ насъ чувства отвѣтственности. Чувство отвѣтственности представляется моему сознанію слѣдующимъ образомъ. Во мнѣ живетъ сознаніе моего «я». Когда я говорю, что «я» совершилъ извѣстныя дѣйствія, то у меня въ сознаніи является представленіе этого «я». Это «я» я сознаю, какъ личность, характеризующуюся совершенно опредѣленными признаками. Я думаю о моемъ «я», имѣющемъ извѣстное имя, фамилію, извѣстный внѣшній обликъ, т. е. наружность, одежду, ростъ, извѣстное общественное положеніе, извѣстное прошлое, извѣстныя особенности характера: то, что онъ мягкій, спокойный или жестокій, раздражительный и т. под. Всѣ эти признаки и многіе другіе приходятъ мнѣ на память, когда я говорю о моемъ «я», совершившемъ извѣстное дѣйствіе. Кромѣ того, когда я думаю, что «я» совершилъ извѣстное дѣйствіе, то я при этомъ думаю, что я совершилъ это дѣйствіе потому, что обладаю извѣстнымъ характеромъ; обладай я инымъ характеромъ, я бы этого дѣйствія не совершилъ. Вчера меня обидѣли грубымъ словомъ; сегодня я вспоминаю объ этомъ, я вспоминаю, что не далъ отпора своему противнику и думаю, «будь я инымъ человѣкомъ, будь у меня другой характеръ, я бы, конечно, постоялъ за себя...» Я чиновникъ, меня захотѣли подкупить и я согласился взять взятку. Теперь я раскаиваюсь въ этомъ, боясь опасныхъ послѣдствій, и думаю себѣ, «не будь я такимъ корыстнымъ, то я бы этого, конечно, не сталъ бы дѣлать». Такимъ образомъ ясно, что причиной извѣстнаго дѣйствія я считаю тѣ или другія индивидуальныя особенности моего «я», тѣ или другія особенности моего характера. Поэтому-то характеръ или то, что я выше называлъ личный факторъ, мнѣ представляется главной причиной моихъ дѣйствій. Отсюда легко понять, какъ мы должны отвѣтить на вопросъ, могутъ ли личности вмѣняться ея дѣйствія?

Если бы дѣйствія личности опредѣлялись только лишь соціальными или вообще внѣшними причинами, какъ это, кажется, слѣдуетъ изъ фактовъ моральной статистики, то индивидууму его дѣйствія не могли бы вмѣняться, такъ какъ вѣдь не онъ является причиной, а что-то внѣшнее. Но это возраженіе неправильно потому, что, кромѣ внѣшнихъ причинъ, на совершеніе извѣстнаго дѣйствія опредѣляющимъ образомъ вліяютъ тѣ или другія особенности его характера. Да къ тому же, въ сознаніи дѣйствующаго субъекта никогда не появляются тѣ *внѣшнія* причины,

которыя побуждаютъ его къ дѣйствію, а исключительно только лишь *внутреннія*, т. е. особенности его характера. Вотъ почему чувство отвѣтственности вполнѣ соединимо съ ученіемъ о причинности воли, въ томъ смыслѣ, какъ этому учитъ моральная статистика.

По статистикѣ выходитъ, что даже поступки, кажущіеся совершенно *произвольными*, въ дѣйствительности какъ бы заранѣе предопредѣлены соціальными или вообще внѣшними условіями. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ предопредѣленности не можетъ привести къ *фатализму*, потому что эти внѣшнія опредѣляющія причины дѣйствованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не могутъ быть ясны для самого дѣйствующаго индивидуума: онъ не можетъ думать, что надъ нимъ тяготѣетъ рокъ. Какъ бы онъ ни былъ убѣжденъ въ необходимости, съ которою наступаютъ его дѣянія, ему никогда не придетъ въ голову оправдывать свой поступокъ этой необходимостью *). Если бы онъ это попытался сдѣлать, то навѣрное показался бы очень смѣшнымъ въ нашихъ глазахъ. Сохранился изъ греческой жизни времени стоиковъ слѣдующій разсказъ. Какой-то слуга совершилъ кражу и былъ въ этомъ уличенъ. Хозяинъ собирается его наказать. Тогда слуга обращается къ нему съ рѣчью, въ которой доказываетъ, что онъ не виновенъ, потому что судьба предназначила, чтобы онъ совершилъ кражу, т. е., другими словами, онъ считалъ, что его вина ему не вмѣняема, такъ какъ конечной причиной его дѣйствія была судьба. Хозяинъ, впрочемъ, нашелъ очень остроумный выходъ изъ этого положенія. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—судьба предназначила, чтобы я наказалъ тебя за совершенную тобою кражу». Или вотъ еще примѣръ для поясненія того же самаго. Представьте себѣ, что убійца въ свое оправданіе предъ судомъ произноситъ приблизительно слѣдующую рѣчь: «гг. судьи, вы должны меня оправдать, я не виновенъ въ совершенномъ злодѣяніи: причиной его являются совершенно постороннія обстоятельства — соціальныя условія, окружающая среда, наслѣдственность и т. п.; мой отецъ умеръ на висѣлицѣ, дѣдъ покончилъ самоубійствомъ, прабабка умерла отъ запоя, я являюсь послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи бѣдствій, которая сама является порожденіемъ различныхъ соціальныхъ золъ и т. д.». Судьи, если бы желали поступить совершенно правильно, должны были бы поставить вопросъ: «когда вы совершали убійство, вполнѣ ли ясно вы *сознавали* то, что вы дѣлаете или же нѣтъ?»—«Да, вполнѣ ясно», положимъ отвѣчаетъ преступникъ.—«Знали ли вы, что совершеніе подобнаго дѣйствія сопровождается наказаніемъ?»—«Да, зналъ».—«Въ такомъ случаѣ вы вполнѣ *отвѣтственны* за совершенное вами дѣйствіе». Приговоръ суда былъ бы вполнѣ правиленъ и понятно, почему. Потому что при указанныхъ условіяхъ преступникъ могъ не совершить преступленія, которое онъ совершилъ; въ его сознаніи *не* было тѣхъ причинъ, которыя онъ при-

*) Слова Шопенгауэра.

водитъ въ свое оправданіе и, напротивъ, у него было сознаніе, что именно онъ, или его «я» совершаетъ данное дѣйствіе.

Всякій согласится съ тѣмъ, что совершеніе дѣйствій сопровождается сознаніемъ дѣйствующаго лица, что «при данныхъ обстоятельствахъ, слѣд. подъ дѣйствіемъ опредѣлившихъ его мотивовъ, вполнѣ былъ возможенъ совершенно иной, даже вполнѣ противоположный поступокъ, который и могъ бы осуществиться, если бы только онъ былъ другимъ человѣкомъ... Отвѣтственность, которую онъ сознаетъ... падаетъ на его характеръ: за него человѣкъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ, за него его дѣлаютъ отвѣтственнымъ и другіе» *). Это значитъ, что хотя наши дѣйствія, разсматриваемыя объективно, и подчинены всецѣло закону причинности, хотя они въ этомъ смыслѣ и необходимы, но, тѣмъ не менѣе, мы свободны, т. е. отвѣтственны за наши дѣйствія, и это станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы разсмотримъ ближе связь понятія о *нравственной свободѣ* съ понятіемъ *отвѣтственности* за наши поступки и за нашъ характеръ.

Между ними существуетъ несомнѣнная связь и этой связью объясняется справедливость *наказаній*, такъ какъ сознаніе отвѣтственности, присущее всякому лицу, приводитъ къ воздержанію отъ извѣстныхъ дѣйствій, къ совершенію другихъ.

Я говорю, наказаніе справедливо, потому что человѣкъ, благодаря ему, можетъ воздерживаться отъ однихъ дѣйствій и совершать другія, между тѣмъ есть ученые, которые относительно справедливости наказанія склонны утверждать какъ разъ обратное. Они разсуждаютъ слѣд. образомъ. Наши поступки суть результатъ особенностей нашего характера, а нашъ характеръ въ свою очередь есть результатъ нашей физической организаціи, нашего воспитанія, общественной среды. Эти внѣшнія обстоятельства создаютъ характеръ человѣка, измѣнить который онъ не въ состояніи. Отсюда легко понять его совершенную *невмѣняемость*. Въ самомъ дѣлѣ, если наши поступки обусловливаются нашимъ характеромъ, а нашъ характеръ дѣлается *не нами*, а *для насъ* общественными обстоятельствами и физическою организаціею, то вся отвѣтственность за наши поступки должна лечь на тѣхъ, кто создавалъ нашъ характеръ, т. е. на общественныя обстоятельства или на само общество **), т. е. по этой теоріи выходитъ, что *человѣкъ не наказуемъ*, такъ какъ все то, что онъ совершаетъ и можетъ совершить, является продуктомъ различныхъ постороннихъ условій; не человѣкъ долженъ быть наказуемъ, а общество. Если вообще слѣдуетъ говорить о наказаніи, то только лишь о наказаніи *причины*, т. е. въ данномъ случаѣ общества. А такъ какъ это не мо-

*) *Шопенгауэръ*. Свобода воли и основы морали. Спб. 1887, стр. 96. Schopenhauers Werke изд. Giesebach'a, т. III, стр. 472.

**) *Д. С. Миллъ*. Логика, кн. VI, гл. II. Англ. изд. People's edition, стр. 549 и д.

жетъ быть осуществлено, то «мы поступили-бы всего лучше,—говоритъ одинъ изъ писателей этого направленія,—если бы никого не судили и не осуждали; спустя нѣсколько столѣтій, когда человѣчество будетъ лучше, мудрѣе и счастливѣе, чѣмъ оно есть теперь, на уголовные процессы настоящаго времени будутъ смотрѣть приблизительно съ тѣми же самыми чувствами, съ какими мы теперь смотримъ на процессы о вѣдьмахъ или инквизиціонные процессы». По этой, довольно распространенной теоріи выходитъ, что наказаніе вообще должно быть совершенно устранено изъ человѣческой жизни. Но, какъ кажется, это разсужденіе совершенно невѣрно.

Когда мы обсуждаемъ какое-либо явленіе или дѣйствіе, то мы должны разсмотрѣть, для чего оно существуетъ, какая *цѣль* имъ достигается: каждое явленіе или дѣйствіе должно оправдываться тѣми цѣлями, которымъ оно удовлетворяетъ. И именно можно легко показать, что происхожденіе и цѣль наказанія находятся въ самой тѣсной связи съ благомъ общественной жизни и, разумѣется, только съ этой точки зрѣнія и могутъ быть разсматриваемы его справедливость и цѣлесообразность. Наказывать, дѣлать отвѣтственнымъ имѣетъ смыслъ только лишь *человѣка*, какъ члена соціальной среды, для достиженія цѣлей общественнаго блага. Наказывать неодушевленные предметы, какъ это, напр., дѣлалъ Ксеркъ, который велѣлъ наказать море за погибель своихъ кораблей, было бы совершенно безсмысленно, потому что такимъ наказаніемъ рѣшительно ничего не достигается. Цѣлесообразность наказанія тѣмъ именно и доказывается, что мы при помощи его достигаемъ извѣстныхъ общественныхъ цѣлей.

Что наказаніе справедливо, можно показать изъ его происхожденія и цѣли. Мы знаемъ, что какъ на первоначальной, такъ и на высшей стадіи развитія общественной жизни, необходимо должны существовать извѣстныя *нормы* или законы, которымъ должны подчиняться отдѣльные индивидуумы. Неповиновеніе этимъ законамъ должно приводить за собою наказаніе; наказаніе или угроза наказанія должны удерживать того или другого члена общества отъ совершенія преступленія. Каждый индивидуумъ, имѣющій болѣе или менѣе ясное *сознаніе* существующихъ нормъ и знающій, что влечетъ за собою неповиновеніе этимъ нормамъ, долженъ считаться отвѣтственнымъ за неповиновеніе имъ, и въ этомъ смыслѣ наказаніе вызывается общественной необходимостью. Тотъ или другой индивидуумъ можетъ страдать недостаткомъ способностей сдерживать свои влеченія и порывы, и поэтому мысль о наказаніи можетъ приводить его къ обузданію страстей и порывовъ, къ развитію привычки къ труду и т. п. Словомъ сказать, цѣль наказанія есть нравственная; оно имѣетъ цѣлью удерживать противообщественные порывы и такимъ образомъ способствовать поднятію нравственнаго уровня. Само собою разумѣется, что когда я говорю о наказаніи, то я имѣю въ виду, конечно, наказаніе не въ его грубой

формѣ, какъ, напр., тѣлесное наказаніе или заключеніе въ тюрьму, но я имѣю въ виду вообще тѣ непріятныя послѣдствія, которыя связаны съ совершеніемъ противообщественныхъ дѣйствій; сюда могутъ относиться и такія формы наказанія, какъ осужденіе общественнаго мнѣнія и т. п. Такимъ образомъ наказаніе можетъ считаться оправданнымъ, а если кто-нибудь станетъ все-таки утверждать, что разъ общество виновато, оно и должно быть наказуемо, то на это можно отвѣтить слѣдующими словами одного юриста: «Насколько преступленіе является продуктомъ условій, лежащихъ въ самомъ соціальномъ организмѣ, общество можетъ бороться съ нимъ, измѣняя самыя условія своего быта, насколько оно является проявленіемъ индивидуальной воли, оно можетъ противодѣйствовать ему наказаніемъ» *). Эта мысль вполнѣ справедлива и указываетъ на то, что въ причинахъ, опредѣляющихъ человѣческія дѣйствія, мы различаемъ два фактора—*личный* и *внѣшній*, въ данномъ случаѣ общественный; личный факторъ мы вмѣняемъ человѣку, а общественный не вмѣняемъ, а стараемся его всячески устранить, видоизмѣнить.

Такимъ образомъ наказаніе цѣлесообразно, но достигать цѣли оно можетъ только потому, что человѣку присуще *чувство отвѣтственности*, которое вообще можетъ существовать только лишь при наличности опредѣленныхъ психологическихъ условій, о которыхъ я скажу ниже. Теперь отвѣчу на одно выраженіе, которое обыкновенно приводится противъ теоріи причинности воли.

Обыкновенно противъ теоріи причинности воли возражаютъ слѣдующимъ образомъ. Если человѣческія дѣйствія подчинены причинности, то мы должны придти къ *фатализму*, могущему оказать самое пагубное вліяніе на человѣческую волю, потому что въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ находится въ положеніи восточнаго фаталиста, который думаетъ, что безполезно *противиться* тому, что будетъ: оно случится, какъ бы ни старался тому воспрепятствовать; то онъ, конечно, предастся полной пассивности.

На самомъ же дѣлѣ признаніе причинности человѣческихъ дѣйствій вовсе не приводитъ къ этому выводу. Это легко видѣть изъ разсужденій Д. С. Милля, одного изъ самыхъ выдающихся защитниковъ теоріи причинности воли. Ему тоже сначала казалось, что теорія необходимости приводитъ къ фатализму. «Вѣроятно, что тѣ, которые придерживаются теоріи необходимости, въ своихъ чувствахъ болѣе или менѣе фаталисты,—говоритъ Д. С. Милль.—Фаталистъ вѣритъ не только въ то, что все, что случится, будетъ неизбѣжнымъ результатомъ своихъ производящихъ причинъ, но что, кромѣ того, безполезно *противиться* тому, что будетъ: *оно случится, какъ бы мы ни старались ему воспре-*

*) См. Таганцевъ. Учебникъ уголовнаго права. Ср. Mill's Examination of Hamilton's Philosophy 1878. Стр. 586 и д.

пятствовать» *). Самъ Д. С. Милль испыталъ на себѣ гнетущее вліяніе фатализма, происходящаго отъ теоріи необходимости. «Въ теченіе одного изъ моихъ припадковъ унынія,—говоритъ Милль **),—доктрина, носящая въ философіи названіе необходимости, давила меня, подобно кошмару. Я чувствовалъ, что я только рабъ предыдущихъ обстоятельствъ, что мой характеръ и характеры другихъ людей образованы факторами, вполнѣ независимыми отъ нашей воли и власти. Я часто говорилъ себѣ, какъ былъ бы я счастливъ, если бы могъ доказать ложность теоріи, по которой характеръ образуется съ помощью обстоятельствъ, находящихся *внѣ* нашей власти. Я часто говорилъ себѣ, какъ хорошо я почувствовалъ бы себя, если бы пересталъ вѣрить въ ученіе *объ образованіи характера посредствомъ внѣшнихъ обстоятельствъ*. Припоминая желаніе Фокса ***) касательно ученія о возстаніи противъ правительства, который хотѣлъ, чтобы это ученіе короли никогда не забывали и подданные никогда не помнили, я сказалъ: счастливы были бы люди, если бы въ ученіе о необходимости вѣрили лишь настолько, насколько оно касается характера другихъ и отвергали бы это ученіе относительно образованія своего личнаго характера. Я печально размышлялъ объ этомъ вопросѣ, пока свѣтъ понемногу не озарилъ меня; я понялъ, что слово *необходимость*, какъ названіе теоріи причинности, примѣненное къ человѣческой дѣятельности, влечетъ за собою ассоціацію идей, приводящихъ насъ къ заблужденію». Т. е. употребленіе слова *необходимость* для обозначенія причинной связи вещей вызывало иллюзію, что между причиной, дѣйствующей на человѣческую волю, и дѣйствіями человѣка существуетъ необходимая связь: причины какъ бы *принуждаютъ* человѣка дѣйствовать такъ или иначе. Такой взглядъ на отношеніе между мотивомъ и дѣйствіемъ основывался на ложныхъ теоріяхъ причинности. Именно по прежнимъ теоріямъ, между причиной и слѣдствіемъ находится такая внутренняя связь, что если наступаетъ какая-нибудь причина, то она *необходимо* влечетъ за собою слѣдствіе, т. е. она какъ бы *принуждаетъ* появленіе слѣдствія, между тѣмъ какъ, по теоріи Милля и др., ни о какомъ принужденіи между причиной и дѣйствіемъ или о какой-нибудь внутренней связи между ними рѣчи быть не можетъ. Вотъ почему тѣ, которые понимали причинность по старому и употребляли для обозначенія причинной связи понятіе *необходимости*, думали, что признаніе причинности воли непремѣнно приводитъ къ *фатализму* ****).

Надо замѣтить, что даже во внѣшней природѣ дѣйствія не слѣдуютъ другъ за другомъ съ тою необходимостью, какъ это кажется

*) «Логика», кн. VI, гл. II, стр. 249.

**) Автобіографія. М. 1896, стр. 150—151.

***) Извѣстный парламентскій дѣятель.

****) «Логика», кн. VI, гл. II, § 2—3. Ср. *Паульсенъ*. «Введеніе въ философію». М. 1894, стр. 212 и д. *Риль*. Теорія науки и метафизики. Стр. 292—295.

на первый взглядъ. Намъ кажется, что если дана какая-либо причина, то за ней необходимо будетъ слѣдовать извѣстное дѣйствіе; но мы забываемъ, что въ опредѣленіи того или другого дѣйствія участвуютъ *нѣсколько* причинъ, изъ которыхъ одна или совсѣмъ уничтожаетъ или вообще подавляетъ дѣйствіе другихъ причинъ. Точно такимъ же образомъ и въ человѣческой жизни одни побужденія или мотивы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ другими, изъ которыхъ одни способны подавлять другіе. Изъ этого слѣдуетъ, что мы иногда можемъ дѣйствовать вопреки нашимъ господствующимъ склонностямъ и стремленіямъ, т. е., другими словами, дѣйствовать вопреки нашему врожденному характеру. Это значитъ, что мы можемъ *измѣнять* нашъ характеръ или вообще воздѣйствовать на него; а это обстоятельство совершенно избавляетъ насъ отъ фаталистическаго взгляда на человѣческія дѣйствія.

«Приверженецъ теоріи необходимости, признающій, что наши дѣйствія зависятъ отъ нашихъ характеровъ, а наши характеры отъ нашей организаціи, отъ воспитанія и отъ нашихъ обстоятельствъ, способенъ съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ, стать фаталистомъ въ отношеніи къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ и думать, что его природа такова или что его воспитаніе и его обстоятельства такъ образовали его характеръ, что ничто не можетъ воспрепятствовать ему чувствовать и дѣйствовать совершенно особеннымъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, что этого не могутъ сдѣлать его собственныя усилія» *).

Но это, какъ мы только что видѣли, Милль не считаетъ правильнымъ. Мы не получили отъ природы,—по мнѣнію Милля,—характера совершенно сформированнаго, въ которомъ мы ничего не могли бы *измѣнить*. Напротивъ, употребляя соотвѣтствующія средства, мы можемъ улучшить нашъ характеръ, мы нравственно обязаны работать надъ его усовершенствованіемъ. Человѣческій характеръ образуется условіями его существованія (включая туда его особенную организацію), но желаніе человѣка придать ему тотъ или другой видъ есть также одно изъ такихъ условій и притомъ изъ довольно вліятельныхъ. Мы можемъ *видоизмѣнять* нашъ характеръ, если мы этого *пожелаемъ*. Это чувство способности видоизмѣнять нашъ собственный характеръ, есть именно *чувство нравственной свободы*, о которой мы имѣемъ сознаніе **).

Сторонники необходимости думаютъ, что человѣкъ появляется на свѣтъ съ извѣстнымъ характеромъ, который опредѣляется различными условіями: его физической организаціей, его воспитаніемъ, внѣшними условіями; онъ совершенный рабъ внѣшнихъ условій и, разумѣется, онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ давленія своего характера. Его дѣйствія необходимо *предопредѣлены* его характеромъ, который, въ свою очередь, опредѣляется цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ условій, а изъ этого слѣдуетъ,

---

*) Милль, тамъ же.

**) *Mill* Examination etc, стр. 601.

что собственно *внѣшнія условія всецѣло опредѣляютъ человѣческія дѣйствія*. Но Милль находитъ, что нашъ характеръ не представляетъ на самомъ дѣлѣ чего-то абсолютно неизмѣннаго, что въ нашемъ сознаніи онъ представляется чѣмъ-то способнымъ измѣняться подъ вліяніемъ нашихъ собственныхъ усилій, а это значитъ, что дѣйствія человѣческія не необходимы въ фаталистическомъ смыслѣ; а напротивъ, человѣкъ свободенъ. И вотъ Милль, который признавалъ причинность человѣческой воли, находилъ возможнымъ признавать свободу воли въ смыслѣ возможности вліять на свой характеръ или измѣнять его. Такъ какъ человѣкъ обладаетъ такою способностью, то въ этомъ смыслѣ и воля его должна быть признана свободной. «Только тотъ чувствуетъ себя *нравственно свободнымъ*, который сознаетъ, что его привычки и искушенія не властвуютъ надъ нимъ, что онъ самъ господинъ надъ ними, что если онъ и подчиняется имъ, то все-таки съ сознаніемъ возможности противодѣйствія» *).

Мы такимъ образомъ незамѣтно подошли къ признанію свободы воли въ этическомъ смыслѣ. Но такъ какъ свободу воли въ этомъ смыслѣ я признаю въ то время, какъ призналъ подчиненность человѣческихъ дѣйствій закону причинности, то необходимо ближе разъяснить отношеніе защищаемой мною свободы къ причинности человѣческихъ дѣйствій.

Прежде всего та свобода, о которой я говорю, возможна только лишь при признаніи причинности человѣческихъ дѣйствій, и не трудно понять почему. Если бы человѣческія дѣйствія не подчинялись закону причинности, то человѣкъ не могъ бы быть ни порицаемъ, ни одобряемъ за свои поступки. Если бы человѣкъ одинъ разъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ поступалъ такъ, другой разъ подъ вліяніемъ *тѣхъ же* причинъ сталъ бы дѣйствовать иначе, то само собою разумѣется, что въ его душевной жизни воцарился бы такой хаосъ, что мы совершенно не были бы въ состояніи предугадывать его дѣйствій и еще меньше вмѣнять ихъ ему. Вотъ почему защитникъ свободы воли въ смыслѣ ея безпричинности «самъ не знаетъ, сколь роковымъ было бы для человѣка обладаніе тою способностью, которую онъ ему приписываетъ. То, что кажется ему добромъ, было бы поистинѣ пагубнѣе всякаго другого зла на свѣтѣ. Если бы ничто не опредѣляло воли, если бы воля не опредѣлялась ни чѣмъ, кромѣ самой себя, то ее не могло бы вѣдь опредѣлять и состраданіе, и чувство долга, и представленіе добра, самое сознаніе отвѣтственности, къ которому обыкновенно взываютъ въ доказательство свободы воли должно было бы утратить всякое на нее вліяніе». «Быть способнымъ рѣшаться безъ малѣйшихъ побудительныхъ причинъ въ пользу А и не-А,—говоритъ Шеллингъ,—было бы, правду сказать, преимуществомъ поступать безумно» **). Въ самомъ дѣлѣ, если мы говоримъ,

*) Милль, тамъ же.

**) См. *Риль*. Теорія науки и метафизики. М. 1887, стр. 295. Der philosophische Kriticismus B. II. П. II. Стр, 249—250.

что у человѣка воля подчинена причинности, то мы разумѣемъ, что у него за извѣстными дѣйствіями въ большинствѣ случаевъ приблизительно постоянно слѣдуютъ другія, болѣе или менѣе опредѣленныя дѣйствія: дѣйствія такого человѣка могутъ быть болѣе или менѣе предугаданы. Если же въ его дѣйствіяхъ такого рода закономѣрности нельзя усмотрѣть, то нужно думать, что такой человѣкъ ненормаленъ. Слѣдовательно, моралистъ не только не долженъ искать безпричинности воли, а какъ разъ напротивъ, долженъ признать, что воля подчинена закону причинности.

Замѣтивши это, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію того положенія, что въ насъ есть чувство отвѣтственности, есть сознаніе того, что мы или нашъ *характеръ* есть истинная причина даннаго дѣйствія. Это то *чувство отвѣтственности и есть причина того, что мы волю считаемъ свободной.*

Вотъ собственно то, къ чему стремились моралисты всѣхъ временъ; свобода воли является необходимымъ послѣдствіемъ признанія въ человѣкѣ чувства отвѣтственности. Психологически самое существованіе чувства отвѣтственности объясняется тѣмъ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ чувствуетъ себя *независимымъ* отъ внѣшней природы, причиной своего дѣйствія онъ считаетъ не внѣшнюю природу, а исключительно свой характеръ. Кромѣ того, онъ сознаетъ, что и характеръ его не зависитъ исключительно отъ какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, а можетъ быть имъ же видоизмѣненъ. Каждый человѣкъ обладаетъ извѣстнымъ характеромъ, т. е. извѣстными индивидуальными психическими особенностями, благодаря которымъ онъ въ томъ или въ другомъ случаѣ дѣйствуетъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ; онъ сознаетъ, что онъ въ томъ или въ другомъ случаѣ поступаетъ извѣстнымъ образомъ, благодаря тому, что обладаетъ извѣстнымъ характеромъ. Обладай онъ инымъ характеромъ, онъ и дѣйствовалъ бы совсѣмъ иначе. Кромѣ того, онъ обладаетъ сознаніемъ *личности*, благодаря которому всѣ отдѣльныя переживанія относятся къ одному центру, къ одному я. Когда кто-нибудь совершаетъ какое-либо дѣйствіе, то у него существуетъ сознаніе, что это именно онъ, опредѣленная личность, имѣющая опредѣленное имя, видъ, наружность, извѣстное прошлое, совершаетъ это дѣйствіе. То обстоятельство, что дѣйствующая личность въ моментъ совершенія дѣйствія сознаетъ, что именно она дѣйствуетъ, а не кто-нибудь другой— эта способность связывать настоящее съ прошлымъ и производитъ то, что мы вмѣняемъ личности хорошіе и дурные поступки. Мы вмѣняемъ— это значитъ мы одобряемъ тѣ или другіе хорошіе поступки и порицаемъ тѣ или другіе поступки дурные. Цѣль вмѣненія, какъ я уже сказалъ выше, состоитъ въ томъ, чтобы личность, благодаря способности связыванія настоящаго съ прошлымъ, приписывая данное дѣйствіе себѣ, стала бы избѣгать однихъ дѣйствій и стремиться къ совершенію другихъ. Слѣдовательно, сознаніе личности, сознаніе нашего «я» есть необходимое условіе свободы; если при совершеніи дѣйствія у дѣйствую-

щаго лица нѣтъ ни того, ни другого, отсутствуетъ сознаніе «я», то мы его дѣйствія не считаемъ свободными.

«Свобода, по опредѣленію Вундта, есть способность существа опредѣляться въ своихъ дѣйствіяхъ посредствомъ самосознательныхъ мотивовъ», т. е. мотивовъ, которые сопровождаются сознаніемъ нашего «я». Душевно-больной дѣйствуетъ несвободно, потому что, хотя его дѣйствія опредѣляются мотивами, но у него нѣтъ полнаго сознанія его «я». «Точно такимъ же образомъ всѣ дѣйствія, которыя основаны на *влеченіяхъ*, несвободны; одинъ мотивъ, посредствомъ котораго они опредѣляются, дѣйствуетъ принудительно, потому что не существуетъ никакихъ побужденій, которыя могли бы его уничтожить. Свободѣ прежде всего принадлежитъ *выборъ*, но и его недостаточно: душевно-больной взвѣшиваетъ мотивы по отношенію другъ къ другу, но мы отказываемъ ему собственно въ свободѣ рѣшеній. Воля кажется намъ свободной не потому, что существуетъ выборъ, но потому, что самъ выборъ свободенъ, и свободнымъ мы называемъ тотъ выборъ, который совершается съ *самосознаніемъ*. Самосознаніе мы въ этомъ случаѣ признаемъ не въ томъ общемъ психологическомъ смыслѣ, въ которомъ оно тождественно съ простымъ сознаніемъ, но въ болѣе глубокомъ значеніи сознанія собственной *личности* со всѣми ея свойствами. Сознавать самого себя значитъ сознавать свою личность, опредѣленную предшествующимъ развитіемъ воли, и дѣйствовать самосознательно значитъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать съ сознаніемъ значенія, которое имѣютъ мотивы и цѣли для характера дѣйствующаго лица. Душевно-больной дѣйствуетъ не только произвольно, но даже въ общемъ смыслѣ самосознательно, такъ какъ онъ имѣетъ представленіе о своемъ «я», но онъ не дѣйствуетъ самосознательно въ томъ смыслѣ, въ которомъ это «я» содержитъ въ себѣ *личность*, опредѣляемую всѣмъ предварительнымъ духовнымъ развитіемъ и не измѣненную болѣзнью» *). *Человѣкъ дѣйствуетъ въ этическомъ смыслѣ свободно, когда онъ слѣдуетъ только внутренней причинности, которая опредѣляется частью первоначальными способностями, частью развитіемъ его характера. Человѣкъ, который опредѣляется въ своихъ дѣйствіяхъ минутными мотивами, дѣйствуетъ несвободно, онъ является игрушкой влеченій.* Въ этическомъ смыслѣ только тотъ человѣкъ свободенъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется мотивами, которые онъ приводитъ въ связь съ *идеей своей личности*. Напр., человѣкъ честный находитъ кошелекъ съ деньгами; сознаніе, что деньги эти могли бы доставить ему много удовольствія, толкаетъ его на то, чтобы присвоить себѣ эти деньги, но въ то же время сознаніе, что присвоеніе чужой собственности не согласно съ идеей его личности, удерживаетъ его отъ этого.

Мнѣ кажется, легко понять, отчего, напр., *животныя невмѣняемы*, отчего мы не можемъ имъ приписать свободы. Оттого, что жизнь ихъ

*) Wundt. Ethik. 1886, стр. 397—398.

не связана въ одно цѣлое, не представляетъ того единства, которое необходимо для того, чтобы животное обладало *самосознаніемъ*. Жизнь животнаго сводится къ извѣстной группѣ *влеченій*, другъ съ другомъ совершенно не связанныхъ; влеченія вчерашняго дня не связываются съ влеченіями сегодняшняго, нѣтъ одного центра, который объединилъ бы всѣ эти побужденія въ одно цѣлое; поэтому у животныхъ нѣтъ *самосознанія*, нѣтъ идеи *личности* и потому они не могутъ быть вмѣняемы. Въ нихъ нѣтъ того единства, которое дѣлало бы возможнымъ ихъ вмѣненіе. Совершенно такимъ же образомъ и ребенокъ въ извѣстную пору его жизни, пока онъ не обладаетъ самосознаніемъ, полнымъ сознаніемъ своего «я», до тѣхъ поръ онъ не вмѣняемъ, до тѣхъ поръ онъ не отвѣтственъ за свои дѣйствія. Мы не можемъ сказать, что ребенокъ въ эту пору жизни обладаетъ свободой воли.

Надо думать, что животныя не могутъ выработать въ себѣ идеи личности оттого, что въ нихъ отсутствуетъ способность *разумнаго* мышленія, которое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ способностью рѣчи; а такъ какъ эта послѣдняя у животныхъ отсутствуетъ, то у нихъ отсутствуетъ и способность созиданія идеи о «*я*».

«Животныя побуждаются къ дѣятельности посредствомъ влеченія,— говоритъ Паульсенъ.—Животное видитъ добычу, слышитъ приближеніе врага: воспріятія непосредственно освобождаютъ соотвѣтствующія движенія: движенія преслѣдованія, самозащиты. Размышленіе, сравненіе, рѣшеніе находятся лишь въ зачаточномъ состояніи даже у высоко стоящихъ животныхъ, а для человѣка характеристичны именно эти послѣднія способности. Онъ опредѣляетъ свои дѣйствія посредствомъ рѣшеній, рѣшенія суть результатъ размышленій. Въ размышленіи сопоставляются многія возможныя дѣйствія или положенія съ конечными цѣлями собственной и общественной жизни. Человѣкъ опредѣляется не посредствомъ *влеченій*, но посредствомъ *мысли о цѣли*. Въ мысляхъ о цѣли человѣкъ соединяетъ воедино всю свою дѣятельность и объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ рѣшаетъ изъ идеи цѣлаго. Животная жизнь распадается на множество отдѣльныхъ безсвязныхъ дѣйствій. Человѣческая жизнь связывается воедино одной идеей. Единство самосознанія или *совѣсть* производятъ постоянный контроль надъ отдѣльными чувствами, стремленіями, дѣйствіями, мыслями. Эта *способность опредѣляться посредствомъ идеи своей жизни и есть собственно то, что мы называемъ свободой воли*» *).

Ясно, что, говоря о свободной волѣ, я имѣю въ виду, конечно, *разумную* волю, т. е. волю, которая соединяется съ мышленіемъ въ понятіяхъ, а это, другими словами, значитъ, что дѣло идетъ только лишь о человѣческой волѣ, ибо только человѣкъ обладаетъ разумнымъ мыш-

*) *Paulsen.* System d. Ethik. Berlin, 1894. B. 1, стр. 425 ср. *Mackenzie.* A Manual of Ethics. 1894. Гл. VIII.

леніемъ, только у него можетъ быть идея личности, только о его дѣйствіяхъ можно говорить какъ о свободныхъ и несвободныхъ.

На это могутъ сказать, что и у животныхъ можетъ быть ясное сознаніе того, что *слѣдуетъ* дѣлать и чего *не слѣдуетъ* дѣлать, и въ дѣйствительности они способны воздерживаться отъ того или другого дѣйствія, если только выдрессировать ихъ въ этомъ направленіи. Но этотъ фактъ, который, конечно, никто не станетъ отрицать, ровно ничего не доказываетъ, потому что животное можетъ воздерживаться отъ того или другого дѣйствія не потому, что у него есть сознаніе личности, а только изъ воспоминанія могущихъ возникнуть страданій. Животное не можетъ разсуждать такимъ образомъ: «вотъ я собака такая-то, живу у того-то, связана такими-то и такими-то обязанностями, имѣю такое-то и такое-то прошлое и т. п.». Скорѣе можно сказать, что собака разсуждаетъ такъ: «я знаю, что всякій разъ, какъ я совершала вотъ это дѣйствіе, слѣдовало нанесеніе мнѣ страданія, по всей вѣроятности, произойдетъ то же самое и въ настоящее время». Слѣдовательно, фактъ дрессировки отнюдь не говоритъ въ пользу сознанія личности у животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознанія свободы.

Противъ приведенной теоріи могутъ возразить также и въ томъ смыслѣ, что она *противорѣчитъ эволюціонной теоріи,* такъ какъ она проводитъ рѣзкую разграничительную черту между животнымъ и человѣкомъ, въ то время какъ наука стремится доказать полную непрерывность въ развитіи отъ животныхъ къ человѣку; возражающій можетъ сказать, что у животныхъ, напр., тоже существуетъ *нравственное чувство*, и что въ этомъ отношеніи они ничуть не отличаются отъ человѣка.

Но я нахожу, что защищаемая мною теорія вовсе не противорѣчитъ эволюціонной теоріи. Я признаю, что между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ той пропасти, которую признавала старая психологія, но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній изъ психологіи животныхъ, мы не въ состояніи указать, *какимъ образомъ пополняется пропасть между животными и человѣкомъ* въ такихъ способностяхъ, какъ способность рѣчи, образованіе общихъ понятій, самосознаніе и т. п. Что касается утвержденія о существованіи у животныхъ «нравственнаго чувства», то оно основывается на разсказахъ, не выдерживающихъ никакой научной критики *).

---

*) Вотъ, напр., какіе случаи приводятся въ доказательство существованія у животныхъ *чувства справедливости* и *чувства раскаянія*, которыя я нахожу у *Ромэнса.*

«Если хозяинъ обращается со своими собаками неравно, онѣ сейчасъ же замѣчаютъ и глубоко чувствуютъ несправедливость. Типично въ этомъ отношеніи извѣстное наблюденіе великаго Араго. Задержанный бурею въ деревенской гостинницѣ, Араго заказалъ себѣ къ обѣду цыпленка и сталъ грѣться въ кухнѣ у огня. Хозяинъ гостинницы надѣлъ птицу на вертелъ и хотѣлъ заставить лежавшую въ

Такимъ образомъ, я бы могъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ резюмировать защищаемую мною теорію. На вопросъ: свободна ли человѣческая воля, или же нѣтъ, я отвѣчаю въ утвердительномъ смыслѣ. По моему мнѣнію, человѣческая воля свободна, но не въ томъ популярномъ

кухнѣ барсучью собаку вертѣть колесо. Но собака спряталась подъ столъ и стала огрызаться, отказываясь войти въ колесо. Араго спросилъ, что значило такое странное поведеніе собаки, и хозяинъ объяснилъ ему, что она не такъ виновата, какъ кажется, такъ какъ вертѣть колесо очередь не ея, а ея товарища, котораго въ эту минуту не случилось въ кухнѣ. Послали за другой собакой и та добровольно вошла въ колесо и стала его вертѣть. Когда цыпленокъ изжарился на половину, Араго вывелъ собаку изъ колеса и тогда другая собака, не страдая больше отъ *чувства несправедливости*, заняла ея мѣсто безъ малѣйшаго сопротивленія и дожарила птицу» (Умъ животныхъ. Спб. 1889, стр. 450. Ср. *Bastian.* Brain as an organ of mind 1880, стр. 314).

А вотъ другой примѣръ.

«У меня была,—говоритъ Ромэнсъ,—собака такса, которую мнѣ пришлось однажды запереть одну въ комнатѣ въ то время, какъ я ушелъ къ пріятелю. Собака пришла въ ярость, увидѣвъ себя покинутой въ домѣ, потому что, возвратясь, я увидѣлъ, что она разорвала въ клочья оконныя занавѣси. Она была очень довольна, увидѣвъ меня; но какъ только я поднялъ одинъ изъ клочковъ занавѣси, животное испустило ворчаніе и съ лаемъ скрылось въ верхній этажъ. Такъ какъ эта собака никогда въ своей жизни не была наказана, то я не могъ объяснить себѣ ея поведенія иначе, какъ угрызеніями совѣсти, которыя она испытывала, совершивъ въ порывѣ гнѣва поступокъ, который, какъ она знала, будетъ мнѣ непріятенъ. Съ моей точки зрѣнія, ея любовь ко мнѣ, въ соединеніи съ воспоминаніемъ о ея проступкѣ, пробудили въ ея умѣ истинное раскаяніе. Та же самая собака, однажды сильно проголодавшись, стащила со стола котлетку и унесла ее подъ канапэ. Я былъ свидѣтелемъ ея покражи, но сдѣлалъ видъ, что ничего не вижу, и виновная оставалась нѣсколько минутъ подъ канапэ, борясь, съ одной стороны, съ чувствомъ голода, и съ другой стороны—съ *чувствомъ долга*. Это послѣднее восторжествовало и собака принесла къ ногамъ моимъ котлетку, которую она украла. Сдѣлавъ это, она возвратилась и спряталась подъ канапэ, откуда никакія призывы не могли заставить ее выйти».

Lloyd Morgan въ Animal Life and Intelligence, 1890—1891 (стр. 403 и д.), справедливо указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ вовсе нельзя видѣть какого-либо обнаруженія *чувства справедливости*. Скорѣе можно сказать, что у собаки установилась привычка держаться въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣленнаго порядка, привычка, созидающая у нея извѣстную *ассоціацію*. Когда эта ассоціація нарушается, то и дѣйствія животнаго не могутъ совершаться.

При изложеніи чувствъ животныхъ многіе писатели впадаютъ въ удивительный антропоморфизмъ. «Я не отрицаю,—говоритъ Морганъ,—что у животныхъ можно найти нѣкоторые зародыши высшихъ эмоціональныхъ состояній. Тѣмъ не менѣе, когда мы въ объясненіи дѣйствій животныхъ употребляемъ такіе термины, какъ «угрызеніе совѣсти», «чувство справедливости» и «несправедливости», «идея справедливости», «склонность къ обману», «мстительность», «стыдъ» и т. под., то мы не должны забывать, что эти термины могутъ примѣняться только къ человѣческому поведенію, что они насквозь проникнуты мышленіемъ въ понятіяхъ и что они должны въ значительной мѣрѣ освободиться отъ своего содержанія прежде, чѣмъ прилагаться къ эмоціональному состоянію животныхъ».

Ср. совершенно справедливыя замѣчанія по этому же вопросу у *Вундта*. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Лекціи 23 и 24.

значеніи слова, что она *безпричинна*, а въ томъ, что наше «я» само является причиной передъ судомъ нашего самосознанія; мы или наше «я» есть истинная причина нашего дѣйствія. Такъ какъ мы въ нашихъ нравственныхъ дѣйствіяхъ стремимся къ осуществленію тѣхъ или иныхъ идеаловъ, то мы и нашу личность представляемъ себѣ осуществляющей эти идеалы, или ихъ носительницей, мы стремимся совершать только тѣ дѣйствія, которыя отвѣчаютъ идеѣ нашей личности; мы стремимся дѣйствовать независимо отъ случайныхъ чувственныхъ побужденій, а всякое дѣйствіе стремимся привести въ связь съ представляемымъ нами идеаломъ и такая именно способность и называется нами свободой воли. «Свобода воли обозначаетъ способность опредѣлять свою жизнь независимо отъ чувственныхъ побужденій и склонностей посредствомъ разума и совѣсти, согласно цѣлямъ и законамъ, а что такая способность существуетъ въ человѣкѣ и что въ этомъ именно состоитъ *сущность* человѣка, то это не подлежитъ сомнѣнію» *).

Уже изъ этого легко понять, что воля и свобода вовсе не суть понятія синонимныя: нельзя сказать, что гдѣ есть воля, тамъ непремѣнно должна быть свобода; только воля, обладающая извѣстнымъ признакомъ, можетъ быть названа свободой. Такъ что у одного человѣка воля можетъ быть названа болѣе свободной, у другого менѣе. *Вполнѣ свободенъ только тотъ человѣкъ, который дѣйствуетъ согласно идеалу, согласно идеѣ своей личности* **).

Слово *свобода* въ примѣненіи къ данному случаю хотя и употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ, однако, можетъ быть приведено съ нимъ въ согласіе. Если человѣкъ все болѣе и болѣе опредѣляется самимъ собою, своимъ идеаломъ, своею личностью, а не чѣмъ-либо, внѣ его лежащимъ, то это значитъ, что онъ освобождается отъ вліяній внѣшнихъ условій, а опредѣляется все больше и больше своимъ «я». Это значитъ, что онъ становится все болѣе и болѣе свободнымъ.

«Въ извѣстномъ смыслѣ справедливо то воззрѣніе, по которому человѣческая воля представляетъ собою нѣчто изъятое изъ всей остальной природы. Животное само по себѣ составляетъ переходный моментъ для естественныхъ процессовъ, есть часть природы, опредѣляется извнѣ посредствомъ постоянно дѣйствующихъ возбужденій и воздѣйствій. Человѣкъ же какъ будто выходитъ за предѣлы естественныхъ процессовъ, онъ поднимается надъ природой и противопоставляетъ себя ей, опредѣляя ее и пользуясь ею, но не опредѣляясь ею; человѣкъ въ этомъ смыслѣ становится *личностью*. Какъ таковая, онъ въ каждую минуту своей жизни можетъ представлять все свое «я», и поэтому онъ является отвѣтственнымъ за каждое единичное обнаруженіе жизни. Само собою разумѣется, что свобода въ этомъ смыслѣ не есть первоначальная

*) *Паульсенъ.* Ук. соч., стр. 429.

**) Идею нравственной свободы въ русской литературѣ защищалъ проф. *Н. Я. Гротъ.* См. «Труды Моск. Псих. Общ., «О свободѣ воли». М. 1889 г. Стр. 1—96.

способность человѣческаго существа, но способность *пріобрѣтенная*: она пріобрѣтена въ теченіе исторической жизни всѣмъ родомъ, но каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ должна быть *вновь* пріобрѣтена. Новорожденное дитя не приноситъ съ собою готовой свободы воли, наоборотъ, вначалѣ оно, подобно животному, побуждается желаніями даннаго мгновенія. Постепенно поддерживаемая воспитаніемъ, разумная воля поднимается надъ животною жизнью влеченій въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Это происходитъ въ различной мѣрѣ. Нѣкоторые всю свою жизнь остаются подчиненными влеченіямъ, другіе поднимаются до такого владычества надъ своей природой, что регулируютъ свою жизнь до послѣднихъ мелочей при помощи разумнаго размышленія, такъ что *они никогда не дѣлаютъ того, чего они не желаютъ*» *).

Свобода человѣка, какъ существа разумнаго, есть его *способность опредѣляться къ дѣйствію независимо отъ чувственныхъ побужденій* и кажется, что въ этомъ случаѣ мы можемъ съ полнымъ правомъ употреблять слово *свобода*: именно оно указываетъ на способность человѣка не дѣлаться *зависимымъ* отъ внѣшней природы, а опредѣляться лишь внутренними причинами, именно идей своей личности. Оттого человѣка, который освободился отъ своихъ страстей, мы называемъ человѣкомъ свободнымъ, а человѣка, который подчиняется своимъ чувствамъ, мы называемъ рабомъ своихъ страстей. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ истинное примѣненіе слова «свобода», какъ независимость отъ чего-то внѣшняго, принудительнаго и опредѣляемость нашимъ внутреннимъ «я», за которое мы и дѣлаемъ себя отвѣтственными и благодаря которому мы обладаемъ чувствомъ отвѣтственности.

На это мнѣ могутъ замѣтить слѣдующее: «если вы признаете, что человѣческая воля не безпричинна, что она входитъ въ общую цѣпь міровой причинности, то признаваемая вами *свобода есть иллюзія*». На это возможное возраженіе я замѣчу, что здѣсь иллюзіи никакой нѣтъ. Вопросъ о свободѣ воли философы обыкновенно неправильно понимали; они думали, что для свободы необходимо, чтобы она не входила въ міровую причинность, а между тѣмъ въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Многіе, употребляя въ этомъ случаѣ терминъ *иллюзія*, какъ бы этимъ хотятъ сказать, что такъ какъ свобода воли есть иллюзія, какъ бы своего рода обманъ, то человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы возможно скорѣе отрѣшиться отъ этого обмана и признать себя несвободнымъ и, разумѣется, признать всѣ практическія послѣдствія, связанныя съ этимъ признаніемъ. Но это невѣрно вотъ почему. Свобода воли была бы иллюзіей въ томъ случаѣ, если бы воля въ своихъ дѣйствіяхъ *должна* была бы казаться намъ независимой отъ всеобщей міровой причинности. Напр., какая-нибудь линія кажется намъ короче, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; мы говоримъ, что въ этомъ случаѣ мы

*) *Paulsen*, ук. соч., стр. 426, ср. Mackenzie, гл. VIII.

имѣемъ дѣло съ иллюзіей, потому что эта линія *должна* намъ казаться длиннѣе. Но *должна ли* воля казаться намъ независимой отъ всеобщей причинности? Воля передъ судомъ самосознанія *не должна* быть внѣ зависимости отъ міровой причинности. Слѣдовательно, если бы даже научно было бы доказано, что воля входитъ въ міровую причинность, то изъ этого не слѣдуетъ, что свобода воли есть иллюзія *).

Лучшіе философы признавали, что *свобода воли соединима съ ея причинностью*. Мы уже видѣли, что такъ понималъ свободу, напр., Кантъ. «Неотразимый фактъ,—говоритъ Вундтъ,—что мы имѣемъ *сознаніе свободы* дѣлаетъ невозможнымъ всякій фатализмъ, если мы допустимъ, что даже то сознаніе свободы должно быть признано заключеннымъ въ общую связь причинности. Ибо сознаніе свободы, которое мы носимъ въ себѣ, говоритъ, что мы свободны дѣйствовать безъ внѣшняго или внутренняго *принужденія*, доходящаго до нашего сознанія, но оно не говоритъ, что мы дѣйствуемъ *безъ причины*». Точно такимъ же образомъ разсуждаетъ Д. С. Милль, который также признаетъ причинность воли **).

Легко видѣть, что я признаю *свободу* человѣка и въ то же время нахожу возможнымъ допустить, что человѣческія дѣйствія подчинены закону причинности; коротко сказать, я присоединяюсь ко взгляду тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ *совмѣщеніе свободы и необходимости*.

По обычному представленію, свобода предполагаетъ, что человѣческая воля вмѣшивается въ ходъ событій, нарушаетъ ихъ причинность, разрываетъ эту причинность и тѣмъ какъ бы вводитъ элементъ *случайности* какъ въ индивидуальную, такъ и въ міровую жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и въ соціальную жизнь. Это пониманіе свободы пришло въ соприкосновеніе съ особеннымъ толкованіемъ историческаго процесса, которое въ послѣднее время въ нашей литературѣ служитъ предметомъ живѣйшаго обсужденія, и которое называется *матеріалистическимъ* толкованіемъ исторіи, или *экономическимъ матеріализмомъ*. Сущность его въ связи съ ученіемъ о свободѣ воли сводится къ слѣдующему.

Философы и историки давно уже стараются дать отвѣтъ на вопросъ, что приводитъ въ движеніе соціальную жизнь народовъ? Нѣ-

---

*) Ср. слѣд. слова Вундта: «Нужно согласиться, что вполнѣ убѣдительнаго опытнаго доказательства опредѣленности воли посредствомъ причинъ (Determination) не существуетъ». См. его «Grundz. d. Psych.». 1894. B. II, стр. 582.

**) См. *Wundt*. Vorlesungen über die Menschen u. Thierseele стр. 464. Ср. слѣд. слова Милля: «Смѣшеніе идей, которое производитъ то, что подчиненіе волевыхъ дѣйствій человѣка закону причинности кажется несовмѣстимымъ съ вмѣняемостью, должно быть признано одной изъ ошибокъ, при томъ словеснаго характера». Examination of S. Hamiltons Philosophy 1878. Стр. 586.

которые думали, что тѣ или другія *идеи* *). Достаточно, чтобы какой-нибудь великій мыслитель, государственный человѣкъ или правитель создалъ какую-нибудь теорію общественнаго переустройства и постарался бы воплотить свои идеи въ жизнь, и онъ можетъ придти къ желаемымъ результатамъ. Въ этомъ смыслѣ великіе люди съ ихъ теоріями, энергично проводимыми въ жизнь, являются весьма важными факторами соціальной жизни. По этой теоріи казалось, что какъ будто бы человѣкъ вмѣшивается въ ходъ міровой жизни; здѣсь единичной *личности*, *идеямъ* приписывается огромное значеніе. въ исторической жизни отводится мѣсто даже *случайности*. Сторонникъ этой теоріи могъ бы сказать словами Паскаля: «Если бы носъ Клеопатры былъ немножко короче, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то вся человѣческая исторія получила бы совсѣмъ другое направленіе». Въ самомъ дѣлѣ, если бы Клеопатра была менѣе красива, то Антоній не влюбился бы въ нее, не поссорился бы съ Октавіемъ, Октавій не сдѣлался бы императоромъ и т. д. Или вотъ другой примѣръ. Если бы Маркъ Аврелій вмѣсто того, чтобы поддерживать монархическое правленіе, ввелъ республиканскій образъ правленія и, такимъ образомъ, пересоздалъ бы Римъ, то этотъ, повидимому, совершенно случайный фактъ глубоко видоизмѣнилъ бы весь послѣдующій рядъ явленій; исторія Европы приняла бы совсѣмъ иной ходъ. Средніе вѣка съ ихъ режимомъ — теократическимъ и монархическимъ, не имѣли бы мѣста. Казалось, достаточно было бы случайнаго явленія, рѣшенія свободной воли Марка Аврелія, и мы получили бы совсѣмъ иную картину европейской исторіи.

Но вотъ въ новѣйшее время возникаетъ какъ разъ противоположная теорія, которая утверждаетъ, что роль идей вовсе не такова, какъ обыкновенно принято думать, что вовсе не идеи являются главными факторами соціальной жизни, что на самомъ дѣлѣ только тѣ идеи въ соціальной жизни могутъ играть какую-нибудь роль, которыя отвѣчаютъ тѣмъ или инымъ уже существующимъ отношеніямъ экономическаго характера. «Въ отправленіи своей общественной жизни люди,—говоритъ Марксъ,—вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго со-

*) Наилучшее изложеніе двухъ противоположныхъ теорій находится у *Бельтова*. Монистическій взглядъ на исторію. Спб. 1893. Взгляды идеалистовъ формулируются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Идеи правятъ міромъ», «Мнѣніе правитъ міромъ» (стр. 120 ук. соч.). «Вѣчно развивающійся человѣческій разумъ создаетъ общественныя формы». «Разумъ есть движущая сила всемірной исторіи» (стр. 119).

знанія. Способъ производства матеріальной жизнв обусловливаетъ соціальный, политическій и вообще духовный жизненный процессъ. *Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія»*... *) Т. е. тѣ или другія теоріи сами являются результатомъ извѣстныхъ общественныхъ формъ; человѣкъ и теоріи своего общественнаго переустройства созидаетъ только лишь подъ вліяніемъ экономическихъ условій. Кромѣ того, какія бы идеи общественной реорганизаціи человѣкъ ни созидалъ, провести ихъ въ жизнь нельзя будетъ до тѣхъ поръ, пока не установятся соотвѣтствующія имъ экономическія отношенія. Какъ бы ни была велика личность, роль ея въ историческомъ процессѣ весьма ограничена, такъ какъ въ дѣйствительности экономическія явленія приводятъ въ движеніе человѣческую исторію.

Казалось, что эта теорія приводитъ къ *фатализму*; въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ ни старайся, его усилія ни къ чему привести не могутъ, человѣкъ долженъ опустить руки и покорно отдаться теченію событій: сами экономическія отношенія сложатся опредѣленнымъ образомъ и приведутъ къ опредѣленнымъ послѣдствіямъ. На сторонниковъ экономическаго матеріализма напали со всѣхъ сторонъ, ихъ стали упрекать въ фатализмѣ, обезсиливающемъ волю. На эти возраженія они дали отвѣтъ, который они заимствовали у нѣмецкихъ идеалистовъ; именно они стали утверждать, что признаніе закономѣрности въ общественныхъ явленіяхъ, признаніе необходимости человѣческихъ дѣйствій не противорѣчитъ признанію его свободы; другими словами, они заговорили о *соединимости свободы съ необходимостью*.

«Человѣчество,—говоритъ Марксъ,—поставляетъ себѣ только тѣ задачи, которое оно можетъ разрѣшить, ибо, если разсмотрѣть ближе, то всегда окажется, что и самая *задача* (общественнаго переустройства) возникаетъ въ тотъ моментъ, когда матеріальныя условія его разрѣшенія уже существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ осуществленія».

Въ соціальныхъ явленіяхъ царитъ необходимость, т. е. извѣстная закономѣрная связь событій, опредѣляющаяся, главнымъ образомъ, экономическими отношеніями. Задача человѣка заключается въ томъ, чтобы изучить ходъ событій, понять, куда идетъ исторія, и тогда вмѣшиваться въ событія; тогда онъ можетъ разсчитывать на то, что его дѣятельность можетъ привести къ цѣлесообразнымъ результатамъ. Тогда именно онъ и создаетъ что-либо *новое*, еще не существовавшее, тогда онъ не будетъ пассивнымъ зрителемъ совершающихся событій, а будетъ *активнымъ* ихъ участникомъ, тогда онъ почувствуетъ, что онъ *дѣятель*, что онъ *свободенъ*. Слѣдовательно, въ этомъ признаніи

*) См. Marx. Zur Kritik d. politischen Oekonomie. 1897, стр. XI. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М. 1896, стр. X.

закономѣрности историческихъ событій нѣтъ никакого фатализма, а даже, какъ разъ наоборотъ,—необходимость или закономѣрность есть необходимое условіе свободы въ только что указанномъ смыслѣ.

Я не рѣшаюсь здѣсь разбирать вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ отвѣтъ, который даютъ сторонники экономическаго матеріализма, можетъ считаться правильнымъ и можно ли назвать свободой то, что они называютъ; разсмотрѣніе этихъ вопросовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Несомнѣнно то, что они правильно указывали на совмѣстимость свободы съ необходимостью.

Можетъ быть, читатель, предполагавшій, что о свободѣ воли можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если можно признать безпричинность воли, станетъ удивляться тому, что я вышеуказанную способность опредѣляться внутренними причинами называю *свободой* и считаю нужнымъ удерживать этотъ старый терминъ. На это я спѣшу замѣтить, что указанная мною способность имѣетъ важное этическое значеніе. При такомъ пониманіи свободы мы отрѣшаемся отъ фаталистическаго взгляда на человѣческія дѣйствія. При такомъ пониманіи свободы человѣкъ пріобрѣтаетъ сознаніе самоподчиненности своихъ дѣйствій, сознаніе, возвышающее его личность на степень существа, играющаго самостоятельную роль въ исторической и міровой жизни. Такое сознаніе приводитъ человѣка къ вѣрѣ въ способность самостоятельнаго творчества идеаловъ, имѣющихъ цѣлью пересоздать жизнь и міръ.

ТЯЖЕЛЫЙ ВОПРОСЪ.

(Повѣсть).

(*Окончаніе* *).

Глава четвертая.

I.

Александръ Ивановичъ долженъ былъ обѣдать у знакомыхъ. Передъ обѣдомъ Соловцовъ заѣхалъ къ себѣ, чтобы вымыть руки и почиститься отъ пыли, которая столбомъ стояла надъ городомъ.

— Вамъ есть телеграмма,—доложилъ ему швейцаръ.

— Гдѣ?—быстро спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Наверху, я передалъ номерному.

— Давно?—спросилъ Александръ Ивановичъ, взбѣгая по чугунной лѣстницѣ.

— Съ полчаса, не больше.

Человѣкъ подалъ ему телеграмму, онъ быстро вскрылъ ее и прочелъ слѣдующее: „Надежда Васильевна больна, захватите доктора. Пріѣзжайте немедленно. Глушевичъ".

Александръ Ивановичъ съ встревоженнымъ лицомъ взглянулъ на часы.

— Ровно четыре, какъ разъ Чемодурова можно будетъ дома застать,—подумалъ онъ.

Черезъ минуту онъ уже летѣлъ на извозчикѣ къ доктору, а черезъ два часа коляска несла его и доктора въ Богородское. Чемодуровъ, небольшого роста брюнетъ въ очкахъ, въ надвинутой на глаза шляпѣ спокойно курилъ папиросу за папиросой и съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя чистый воздухъ. Александръ Ивановичъ волновался. Ночныя сомнѣнія и мысли какъ-то разомъ исчезли. Онъ снова почувствовалъ приливъ любви и нѣжности къ Надеждѣ Васильевнѣ. Телеграмма своей краткостью и неопредѣленностью давала поводы къ тысячамъ предположеній.

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

— Какъ больна, чѣмъ больна, можетъ быть, уже никакой надежды нѣтъ, какая-нибудь ужасная случайность, все можетъ быть.— И онъ чувствовалъ, что жизнь его такъ крѣпко срослась съ жизнью Надежды Васильевны, что ничто, ничто не раздѣлитъ ихъ.

Александръ Ивановичъ выглядывалъ впередъ. Ему казалось, что лошади какъ-то медленно бредутъ, не подвигаются впередъ, а время, между тѣмъ, летитъ. Въ такихъ случаяхъ бываетъ дорогъ каждый часъ, каждая минута.

— Пошелъ, пошелъ Антипъ, — повторялъ онъ, не обращая вниманія на то, что лошади давно уже были въ мылѣ.

Антипъ неодобрительно покачивалъ головой и понукалъ лошадей, оставлявшихъ за собой цѣлое облако пыли.

— Что, докторъ, эпидемій никакихъ въ городѣ нѣтъ?—спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Ничего не слышно,—отвѣчалъ тотъ, спокойно закуривая новую сигару,—за послѣднее время изъ инфекціонныхъ болѣзней у меня были случаи кори у Дементьева.

— Правда, что его жена бросила?

— Да, бросишь, коли онъ полюбилъ другую.

— Вы, значитъ, осуждаете его?

— Я? да нисколько!—удивился Чемодуровъ,—барыня, которой онъ увлекся, красивая, интересная, а жена его... положимъ, она женщина прекрасная, благовоспитанная женщина, но... Знаете, ангелы-то хоть они хороши, да намъ все-таки лучше человѣка давайте...

— Какъ это вѣрно!—подумалъ Соловцовъ.

— Ну, бросила она его,—продолжалъ спокойно докторъ,— а онъ давай на весь городъ про нее сплетни всякія распускать; никто, впрочемъ, не вѣритъ ни одному слову, только самъ себѣ же портитъ.

— Ну, а новая то хороша?

— Да ужъ чего я къ ихнему сословію всегда равнодушенъ, такъ даже меня задѣла. Вернулся послѣ вечера у нихъ я къ себѣ домой, посмотрѣлъ на свою обстановку, одинъ какъ крыса, вездѣ грязь, такъ, вѣрите ли, чуть не заплакалъ. У васъ гоститъ кто-то, я слышалъ?—обернулся онъ къ Соловцову.

— Да, подруга жены, нѣкто Нератова,—небрежнымъ тономъ отвѣтилъ Соловцовъ.

— Хороша?

— Такъ себѣ, на чей вкусъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ, краснѣя и отворачиваясь.

Воцарилось молчаніе.

Александръ Ивановичъ снова сталъ думать о Павлѣ Николаевнѣ. Вотъ увлекаются же люди, напримѣръ, вотъ этотъ Де-

ментьевъ и всѣ находятъ это вполнѣ естественнымъ и не осуждаютъ этого. А онъ? Онъ, конечно, привязанъ къ своей женѣ, ему теперь невыразимо безпокойно, но онъ привязанъ къ ней какъ къ другу, какъ къ сестрѣ. А Павлу Нератову онъ будетъ любить, да чего будетъ—онъ любитъ ее, это рѣшено... Александру Ивановичу разомъ припомнилась ночь въ коляскѣ,—какъ все это было мучительно, какъ больно! Нѣтъ, лучше не вспоминать объ этомъ! Онъ рѣшилъ, что любитъ ее и лучше не возвращаться къ этому вопросу. А что, если она не только меня не любитъ, но даже и въ будущемъ я не понравлюсь ей, пришло ему въ голову. Нѣтъ, не можетъ быть этого никогда, никогда... И онъ началъ припоминать, не замѣтилъ ли онъ въ этомъ отношеніи чего-нибудь въ ней. Ея пѣніе, эта страстность, прозвучавшая въ этомъ романсѣ... вотъ первое доказательство. Какія же доказательства? — сейчасъ опровергалъ онъ себя,—это все дѣланное, искусственное. А глаза, глаза? Да развѣ взгляды ея, которые такъ часто останавливаются на немъ—доказательство?!. Можетъ быть, ему просто это кажется, потому что ему хочется, чтобы это было такъ. Онъ началъ припоминать снова, комбинировать... А общность мнѣній? Какъ во многомъ онъ сходится съ ней?

Что же сближаетъ людей, какъ не одинаковыя мысли, воззрѣнія... И довольный тѣмъ, что успокоилъ себя, онъ обернулся къ доктору и весело сказалъ:

— Можетъ быть, докторъ, это все устроится?

— Что?—проснулся тотъ.

— Устроится, говорю.

— Да вы о чемъ?—все еще недоумѣвалъ Чемодуровъ.

— Такъ, мысль одна пришла,—и онъ снова замолчалъ.

— Она кто же такая, эта Нератова?—черезъ нѣсколько времени спросилъ докторъ.

— Пѣвица!

— А, значитъ, интересная?

— Потерпите, увидите, — сказалъ, насильственно улыбаясь, Соловцовъ.

— Смотрю я,—сказалъ докторъ, и взоръ его устремился къ горизонту,—какая у васъ тишь, да гладь, да Божья благодать, не ушелъ бы отсюда!..

— Ну, знаете, эта тишь, — внезапно какъ-то противъ воли вырвалось у Александра Ивановича,—и надоѣсть можетъ.

— Будто?!—прищурился докторъ.—Это, какъ у Лермонтова:

А онъ мятежный ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой...

Было уже почти совсѣмъ темно, когда коляска въѣхала во дворъ. На крыльцѣ ихъ встрѣтилъ Глушевичъ и объяснилъ, что ни-

чего, кажется, опаснаго нѣтъ. Надежда Васильевна упала на птичьемъ дворѣ и вывихнула ногу.

II.

Надежда Васильевна, лежа въ постели, съ нетерпѣніемъ ожидала мужа и доктора. Боль въ ногѣ отъ компресса утихла, опухоль не увеличивалась и она думала, что все не такъ опасно и серьезно, какъ представлялось сначала. Когда Александръ Ивановичъ вошелъ въ спальню къ женѣ и увидалъ ее всю въ бѣломъ, при слабомъ свѣтѣ лампы, заслоненной зеленымъ экраномъ, она показалась ему похожей на мальчика, и чувство жалости и нѣжности разомъ охватило его.

— Что съ тобой, дорогая моя?—спросилъ онъ, обнимая ее и присаживаясь на край постели.

— Видишь, какая я,—могла только сказать Надежда Васильевна, и, черезъ силу поднявшись и простонавъ, она прижалась къ мужу.

— Ты не сердишься на меня?—спросила она и глаза ея мягко глядѣли на него.

— Милая, отчего ты это думала?—спросилъ онъ, обнимая ее.

— А любишь меня?

— И тебѣ не грѣхъ сомнѣваться? — спросилъ Александръ Ивановичъ, цѣлуя ея волосы.

— Я, кажется, помѣшала, простите!—послышался голосъ Нератовой.

Александръ Ивановичъ разомъ всталъ и пошелъ ей на встрѣчу.

— Пожалуйста, войдите!—сказалъ онъ.

Нератова въ красивомъ капотѣ съ широкими рукавами, позволявшими видѣть ея руки, бодрая и веселая, шла ему на встрѣчу. Она подала ему руку и сколько наслажденія почувствовалъ онъ въ пожатіи этой руки.

— Видите, какъ мы себя скверно ведемъ, — сказала она, смѣясь,—въ другой разъ не оставляйте насъ. Доктора привезли?

— Какъ же, какъ же... Онъ ждетъ въ гостиной.

— Ну, посылайте его скорѣе!

Соловцовъ пошелъ за Чемодуровымъ.

— Ну, успокоилась? — спросила Павла Николаевна Надежду Васильевну.

— Да, я теперь совсѣмъ спокойна и счастлива, —отвѣтила ей та, блаженно улыбаясь.

Потирая руки и покашливая, вошелъ Чемодуровъ.

— Что это вы, милая барыня, надъ собой продѣлали?—спросилъ онъ.

— Да вотъ, упала.

— Посмотримъ, посмотримъ!

Павла Николаевна вышла въ гостиную. Чемодуровъ остался съ Надеждой Васильевной.

Глушевичъ и Соловцовъ сидѣли и разговаривали въ гостиной, когда Нератова вошла.

— Павла Николаевна,—обратился къ ней Александръ Ивановичъ,—объясните мнѣ, какъ это все произошло?

— Очень просто, — сказала Нератова, садясь въ качалку и перелистывая альбомъ,—мы съ Натой пошли смотрѣть какихъ-то удивительныхъ цыплятъ; она поскользнулась, упала, а встать больше уже не могла. Я перепугалась, бѣгу за Василіемъ Николаевичемъ...

— Ну, и принесли ее на рукахъ, — докончилъ Глушевичъ, вставая и выходя.

Соловцовъ молча сидѣлъ въ креслѣ и курилъ. Павла Николаевна перелистывала альбомъ.

— Вы испугались телеграммы?—спросила она.

— Конечно.

— А если бы со мной случилось что-нибудь подобное, вы бы тоже такъ прилетѣли или нѣтъ?—спросила она, продолжая качаться, причемъ лицо ея то попадало въ кругъ свѣта отъ лампы, то вновь погружалось въ темноту.

— Павла Николаевна...—могъ только сказать Соловцовъ.

— Или подумали бы можетъ быть, все равно, подождетъ?

Александръ Ивановичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Слова любви такъ и просились вырваться наружу.

— Ну, что же вы мнѣ не отвѣчаете?

— Что вы со мной дѣлаете, что вы со мной дѣлаете?—схватился онъ за голову.

— Я не понимаю, Александръ Ивановичъ, что это васъ такъ волнуетъ?—сказала Нератова, вставая и поправляя рукава.

— Волнуетъ не этотъ разговоръ, а... да что говорить,—вдругъ какимъ-то совсѣмъ чужимъ ему голосомъ сказалъ онъ и почти выбѣжалъ изъ гостиной. Онъ бѣжалъ отъ искушенія, отъ чего-то страшнаго, что волной подступило къ нему и захватило его. Бѣжать скорѣе въ спальню жены, гдѣ такая тишина, такое спокойствіе. Ему вспомнилось, какъ бывало въ дѣтствѣ, въ минуты горя, онъ всегда бѣжалъ къ матери и, прижавшись къ ея колѣнамъ, изливалъ свои дѣтскія невзгоды.

Въ залѣ онъ встрѣтилъ Чемодурова.

— Ну что?—спросилъ онъ.

— Никакого вывиха нѣтъ, а просто легонькое растяженіе связокъ. Полежитъ нѣсколько дней въ постели, какъ рукой сниметъ.

— А что винтъ будетъ?—спросилъ онъ, видя, что Александръ

Ивановичъ хочетъ идти къ женѣ и прибавилъ:—Вы что, къ Надеждѣ Васильевнѣ? Лучше не ходите, она, кажется, заснуть собиралась...

Нератова, оставшись одна въ гостиной, медленно прошлась, поправила зачѣмъ-то абажуръ и задумалась.

— Такъ это любовь? То чувство, о которомъ она много думала, слышала и читала. Это совсѣмъ другое чувство, чѣмъ тѣ увлеченія, которыя она испытывала въ театральной жизни. Чувство, граничащее съ страданіемъ, чувство, отъ котораго люди плачутъ и бѣгутъ, какъ отъ несчастья, какъ отъ горя... Неужели онъ ее любитъ? Неужели онъ понялъ, какъ онъ ей дорогъ и какъ давно съумѣлъ покорить ея сердце своими вѣрными, простыми взглядами и своей красивой наружностью. Въ немъ было что-то такое, чего она не видала въ другихъ мужчинахъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться.

— Милый!—думала она, садясь и закрывая глаза,—какъ бы я ласкала тебя, какъ бы училась у тебя жить, но жить по настоящему, а не при свѣтѣ газовой рампы. Но я хотѣла бы, чтобы ты былъ мой безраздѣльно, мой, чтобы все было у насъ общее, всегда, всегда вмѣстѣ... Ната?—подумала она,—она такъ его любитъ. Это было бы нехорошо, нечестно разбить ея жизнь, ея счастье!—И ей вдругъ представилось, что Александръ Ивановичъ тихо крадется сзади, чтобы обнять ее...

Вотъ она слышитъ чьи-то шаги все ближе и ближе...

Она открыла глаза.

Передъ ней стоялъ Глушевичъ.

— Заснули?—сказалъ онъ,- широко улыбаясь,—а я къ вамъ съ вопросомъ: вы не винтите? а то у насъ четвертаго нѣтъ.

Павла Николаевна разсмѣялась ему въ лицо и, ни слова не говоря, ушла въ свою комнату.

Придя къ себѣ, она отворила окно. Тихая ночь съ ея обаяніемъ тотчасъ вошла къ ней, но она не успокаивала ее. Напротивъ, шорохъ листьевъ и запахъ цвѣтовъ говорили ей о любви и ей хотѣлось объятій и поцѣлуевъ.

III.

Надежда Васильевна поправлялась съ каждымъ днемъ, но спальни своей еще не покидала. Дѣятельная по натурѣ, она посвящала все свое время чтенію журналовъ, которые за послѣднее время лежали неразрѣзанными. Александръ Ивановичъ и Нератова сидѣли часто около нея, да и Глушевичу, въ качествѣ стараго друга, былъ разрѣшенъ входъ въ ея спальню. Они бесѣдовали, спорили и даже пытались учить Павлу Николаевну играть

въ винтъ, но она отъ этого положительно отказалась, заявивъ, что не чувствуетъ въ себѣ никакихъ способностей. Александръ Ивановичъ предложилъ читать что-нибудь вслухъ и всѣ съ радостью согласились. Читалъ онъ хорошо, спокойно и съ выраженіемъ. Выборъ ихъ палъ на мелкія прозаическія произведенія Пушкина.

Глушевичъ просто не давалъ читать, ежеминутно прерывая криками восторга.

— Василій Николаевичъ, ради Бога,—смѣялась Надежда Васильевна.

— Не могу, матушка, вѣдь это настоящій языкъ, а не тотъ, суконный, которымъ пишутъ теперь.

— Ну, положимъ, Василій Николаевичъ,—сказалъ Александръ Ивановичъ,—можно и теперь указать на беллетристовъ, которые владѣютъ изящнымъ перомъ.

— Знаемъ, знаемъ! Нѣтъ, ужъ увольте отъ нихъ.

— Вы и западную современную литературу отрицаете?—спросила Нератова.

— Что вы называете современной? Это декаденты, символисты и проч. Это все больные умственно люди, которые ищутъ окольныхъ путей, когда передъ ними лежитъ большая дорога, ведущая къ красотѣ. Небольшой примѣръ, позвольте? Изъ нашего богоспасаемаго города въ сосѣдній проложено шоссе, такъ крестьяне по немъ никогда не ѣздятъ. Почему?—спрашиваю я какъ-то одного. „Телѣга плоха,—отвѣчаетъ,—тутъ мягче, да и если, грѣшнымъ дѣломъ, заснешь, такъ ни на начальство, ни на барина не наѣдешь“. Такъ и эти: экипажи у нихъ плохи, таланта никакого, а выдвинуться хочется, вотъ они стараются бить на оригинальность, да и на окольныхъ дорогахъ съ начальствомъ или баріномъ, т. е. въ данномъ случаѣ съ крупнымъ талантомъ, не столкнешься, а то вѣдь такія столкновенія часто бываютъ опасны, приходится въ ровъ сворачивать, а изо рва-то не скоро вылѣзешь.

— Если ты талантъ, иди прямо, не бойся, ничего тебя не собьетъ, всегда дойдешь до цѣли. Да и какая это, я васъ спрашиваю, поэзія, для пониманія которой нуженъ цѣлый томъ комментаріевъ. Можетъ быть, я устарѣлъ, но, воля ваша, я ихъ не понимаю, да и скажу вамъ больше, понимать не хочу.

— Совершенно съ вами согласенъ,—сказалъ Соловцовъ,—и боюсь только одного, чтобы это насъ не заразило.

— Не бойтесь, выдержимъ, переживемъ и ни на минуту не свернемъ съ своей дороги.

Чтеніе продолжалось и Глушевичъ снова вскакивалъ и восхищался. Покончили съ Пушкинымъ и перешли на Лермонтова. Глушевичъ настоялъ на чтеніи „Демона“. Читать онъ вызвался самъ, но читалъ онъ стихи съ такимъ пафосомъ и такимъ уда-

реніемъ на первомъ слогѣ каждой строки, что слушатели его помирали со смѣху.

Прочтя первую главу, онъ отказался читать далѣе.

— Нѣтъ, не могу,—сказалъ онъ,—а то со мной еще ударъ сдѣлается.

На этомъ чтеніе въ этотъ вечеръ и прекратилось.

Вскорѣ послѣ этого Глушевичъ привезъ съ собой какую-то переплетенную тетрадь; долго онъ ходилъ съ ней, стараясь обратить на нее вниманіе, пока, наконецъ, Надежда Васильевна спросила: что это такое у васъ?

— Такъ ничего, одинъ рукописный разсказикъ привезъ...

Послѣ долгихъ упрашиваній Глушевичъ прочелъ, наконецъ, разсказъ. Это оказалось трогательный и интересный эпизодъ изъ временъ уничтоженія крѣпостного права. Разсказъ дышалъ правдой, простотой и наблюдательностью. Глушевичъ красный, съ лоснящимся лицомъ, старался читать его съ выраженіемъ, но мѣстами доходилъ до такой скорости чтенія, что никто ничего не могъ понять.

— Кто-же авторъ этого произведенія?—спросилъ Александръ Ивановичъ, послѣ цѣлаго ряда комплиментовъ и похвалъ, адресованныхъ неизвѣстному автору. Глушевичъ молчалъ.

— Авторъ—скромная фіалка,—продолжалъ, смѣясь, Александръ Ивановичъ,—я тебя узнаю. Сознавайтесь-ка лучше, Василій Николаевичъ.

— Василій Николаевичъ, это вы?—вскрикнули разомъ Надежда Васильевна и Павла Николаевна,—браво!... браво!...

— Да-съ, мое,—скромно потупился Глушевичъ,—а теперь позвольте ручки, поблагодарить васъ, что прослушали меня, старика,—и онъ почтительно поцѣловалъ руки у барынь.

Александръ Ивановичъ скрылся на минуту и совершенно неожиданно явился съ бутылкой шампанскаго и четырьмя стаканами.

— Надо выпить за новый талантъ,—смѣялся онъ.

— Вы, кажется, надо мной, старикомъ, смѣяться хотите.

Вино запѣнилось въ бокалахъ.

Пили, чокались и веселились отъ души. Василій Николаевичъ разошелся, началъ разсказывать анекдоты изъ студенческой жизни, копировалъ давно уже умершихъ профессоровъ, и безостановочно хохоталъ. Павла Николаевна пропѣла, сидя на краешкѣ постели Надежды Васильевны, нѣсколько народныхъ неаполитанскихъ пѣсенъ. Разошлись поздно. Глушевича уговорили остаться ночевать.

Какъ-то дня черезъ два, Надеждѣ Васильевнѣ, все еще лежавшей въ постели, захотѣлось отдохнуть послѣ завтрака и всѣ ее оставили.

Глушевичъ пошелъ бродить по саду. Александръ Ивановичъ

уѣхалъ въ поле, а Нератова сѣла къ роялю и начала разбирать романсъ за романсомъ. Она начала пѣть, сначала тихо, затѣмъ все громче и громче. Въ открытыя окна несло звойнымъ неподвижнымъ воздухомъ, все въ домѣ было тихо.

Вдругъ въ дверахъ показался Александръ Ивановичъ; блѣдное лицо его было искажено судорогой, точно онъ старался сдерживаться, чтобы не кричать отъ сильной боли. Нератова не слышала его прихода. Соловцовъ смѣлыми, рѣшительными шагами подошедъ къ ней, властнымъ движеніемъ откинулъ ея голову назадъ и дрожащими губами прильнулъ къ ея рту. Нератова разомъ вырвалась и вскочила. Грудь ея порывисто и высоко дышала. Блѣдная, съ темными, точно потухшими глазами, она поглядѣла на него и вдругъ рѣшительнымъ движеніемъ бросилась къ нему на грудь и обняла за шею. Оба они чувствовали въ этотъ мигъ, что то, что должно было случиться—наконецъ случилось, и объятія эти были похожи на объятія людей, встрѣтившихся послѣ долгой, долгой разлуки.

Глушевичъ, шедшій мимо окна къ террасѣ, разомъ остановился и тихо, чуть дыша, стараясь не скрипѣть по песку, пошелъ назадъ, покачивая грустно головой и разводя руками. Лицо его имѣло растерянное выраженіе.

Глава пятая.

I.

Глушевичъ подъ руку съ Надеждой Васильевной, все еще немного хромавшей, тихо шли по аллеѣ изъ акацій. Нѣсколько часовъ тому назадъ прошумѣлъ дождь и съ акаціи капала на дорожки крупными каплями вода. Глушевичъ послѣ того момента, когда онъ увидѣлъ Павлу Нилолаевну въ объятіяхъ Александра Ивановича, мучился и страдалъ за друга своего—Надежду Васильевну. Онъ пріѣхалъ сегодня изъ своей усадьбы съ цѣлью слегка намекнуть Надеждѣ Васильевнѣ о ея подругѣ, пока дѣло не зашло еще слишкомъ далеко.

Надежда Васильевна давно не чувствовала себя такъ весело и хорошо, какъ въ этотъ день.

— Что вы такой грустный, Василій Николаевичъ?—спросила она,—съ вами случилось что-нибудь? скажите мнѣ!

— Нѣтъ, ничего, я нисколько не грустный, такъ, просто усталъ. Что, Павла Николаевна скоро собирается отсюда уѣзжать?—спросилъ онъ.

— А что, развѣ она говорила вамъ, что хочетъ уѣзжать? Мнѣ было бы очень жаль, я бы хотѣла, чтобы она подольше пожила у насъ...

— Напрасно!—вырвалось у Василія Николаевича такимъ мрачнымъ звукомъ, что онъ даже самъ удивился и испугался.

— Отчего напрасно? Она вамъ надоѣла? А, понимаю, Вы боитесь за ваше сердце, ахъ вы прекрасный Іосифъ,—и Надежда Васильевна звонко разсмѣялась.

Глушевичъ задумался и замолчалъ.

— Сядемте здѣсь,—сказала Надежда Васильевна, указывая на скамейку,—а то у меня нога начинаетъ болѣть.

Василій Николаевичъ мрачно сѣлъ на скамейку и закурилъ папиросу. Надежда Васильевна зонтикомъ водила по песку, вырисовывая какіе-то узоры.

— Знаете,—сказала она послѣ долгой поузы,—я пойду домой, съ вами скучно сегодня, вы все молчите, слова отъ васъ не добьешься...

— Надежда Васильевна,—сказалъ Глушевичъ, не глядя на нее, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ стараясь зажечь спичку,—простите меня за нескромный вопросъ: сколько у васъ было приданаго, когда вы выходили замужъ?

— Что съ вами сегодня, Василій Николаевичъ? вы какой-то мрачный, странные вопросы мнѣ задаете. Саша мой отказался отъ всякаго приданаго, но отецъ далъ мнѣ наканунѣ свадьбы сорокъ тысячъ.

— И они цѣлы?

— Да, въ банкѣ лежатъ.

Глушевичъ замолчалъ опять.

— А, понимаю, — улыбнулась Надежда Васильевна, — вамъ, можетъ быть, деньги нужны, хотите у меня занять, такъ берите сколько хотите.

— Никакихъ мнѣ вашихъ денегъ не нужно, — разсердился даже Глушевичъ,—просто, такъ спрашиваю.

Они встали и пошли къ рѣкѣ. Дорожки около рѣки были совсѣмъ еще мокры и ходить было неудобно.

— Пойдемте домой!—сказала Надежда Васильевна.

— Нѣтъ, погуляемте еще,—сказалъ Глушевичъ.—Какъ ей сказать?—думалъ онъ.—Сказать прямо, это значитъ, просто-на-просто, убить ее. Намекаю ей все время, ясно намекаю, а она не хочетъ меня понять и смѣется.

— Надежда Васильевна!—сказалъ онъ, останавливаясь,—а что бы вамъ съ Александромъ Ивановичемъ въ Крымъ поѣхать? Тамъ теперь уже чудесно, жары скоро пройдутъ, масса винограда, поѣздки въ горы, катаніе на лодкахъ, прелесть!

Надежда Васильевна изумленно посмотрѣла на него.

— Василій Николаевичъ, что съ вами? Вы всѣхъ насъ разогнать хотите: то начинаете мечтать объ отъѣздѣ Пали, то меня

съ Сашей уговариваете уѣхать. Но вы еще въ прошломъ году отговаривали меня и Сашу отъ поѣздки на Кавказъ, да, наконецъ, что же вы безъ насъ дѣлать будете?

— Я?.. Я съ вами поѣду.

— Полноте, а ваше имѣніе? ваши овцы? Кому вы это разсказываете?—Василій Николаевичъ окончательно смутился. Они повернули къ дорожкѣ, ведшей въ домъ. На террасѣ сидѣли Нератова и Соловцовъ и о чемъ-то весело разговаривали. Глушевича при видѣ ихъ всего передернуло.

— Удивляюсь я этимъ женщинамъ! Шлялись бы себѣ за границей и оставили бы насъ, грѣшныхъ, въ покоѣ,—бормоталъ онъ.

— Василій Николаевичъ, что съ вами? О комъ это вы говорите?

Но Глушевичъ не слушалъ ее.

— Ни за что, ни за что не допущу этого! произнесъ онъ.

— О чемъ вы говорите, Василій Николаевичъ?

Глушевичъ наклонился, схватилъ ее руку, поцѣловалъ, причемъ прошепталъ: Бѣдная моя, бѣдная! потомъ повернулся и, бросивъ ее посреди дорожки, пошелъ къ выходу, Надежда Васильевна добралась до террасы одна.

— Паля,—сказала она,—поздравляю тебя съ побѣдой!

— Съ какой? — даже испугалась Нератова и рука ея, опиравшаяся на перила, какъ-бы задрожала.

— Ты окончательно покорила сердце Василія Николаевича. Онъ странный какой-то сдѣлался, все молчитъ, на что-то намекаетъ, все какъ будто что-то хочетъ сказать мнѣ и боится,— сказала Надежда Васильевна, усаживаясь.

Александръ Ивановичъ и Нератова невольно переглянулись.

— Неужели онъ что-нибудь видѣлъ? — мелькнула у обоихъ одновременно одна и та же мысль.

— Онъ спрашивалъ, скоро ли ты уѣзжаешь, Паля,—продолжала Надежда Васильевна,—и уговаривалъ меня поѣхать съ Сашей въ Крымъ. Такой смѣшной!

— Это совсѣмъ не смѣшно,—подумалъ Александръ Ивановичъ,—старикъ что-нибудь замѣтилъ и хочетъ во что бы то ни стало передать. Яго проклятый! А, впрочемъ, что онъ могъ видѣть?

Нератова задумчиво смотрѣла на постепенно темнѣвшее небо. Сѣдой туманъ поднимался надъ рѣкой и расходился по нижней части сада.

— А вотъ и звѣздочки начинаютъ уже показываться,—сказала Надежда Васильевна, поднимаясь съ кресла.—Правда, Паля, хорошо у насъ въ Богородскомъ, ты не жалѣешь, что пріѣхала къ намъ?

— О нѣтъ, я такъ счастлива,—искреннимъ звукомъ вырвалось у Павлы Николаевны.

— Пойдемте въ домъ,—сказала Надежда Васильевна,—уже пора чай пить, я слышу ложечками гремятъ, а здѣсь совсѣмъ сыро становится, я боюсь себѣ ногу простудить.

II.

— Кто-то пріѣхалъ!—сказала Надежда Васильевна, прислушиваясь. Александръ Ивановичъ и Нератова, сидѣвшіе съ нею вмѣстѣ на террасѣ, тоже стали слушать.

— Вѣроятно, Глушевичъ,—сказала Павла Николаевна.

— Нѣтъ, бѣдный Василій Николаевичъ, что-то не показывается, не захворалъ ли онъ?

— Николай Николаевичъ Кушнеръ съ супругой!—доложилъ Никаноръ.

Надежда Васильевна встала и пошла на встрѣчу; въ эту минуту на порогѣ террасы уже показались Кушнеръ и его жена. Лукреція Викторовна была красивая, полная итальянка.

— Позвольте васъ познакомить съ моей женой, — сказалъ Кушнеръ, кланяясь Надеждѣ Васильевнѣ.

Надежда Висильевна по французски привѣтствовала гостью, но та, улыбаясь, отвѣтила ей по русски.

— Какъ, вы говорите по русски?—воскликнули всѣ съ единодушнымъ изумленіемъ.

— Да, немножко,—улыбнулась та.

Разговоръ перешелъ на трудность русскаго языка. Кушнеръ много разсказывалъ о своемъ хозяйствѣ и находилъ, что все это очень просто; онъ удивляется, что въ хозяйствѣ находятъ труднаго?

— Вы знаете, что онъ на дняхъ сдѣлалъ? — сказала жена Кушнера.

— Что?..

— Одѣлъ русскій костюмъ и отправился съ мужиками въ поле работать; вечеромъ они варили ужинъ въ полѣ и онъ „травушку“ имъ пѣлъ.

— Ну и, конечно, Николай Николаевичъ, всѣ были въ восторгѣ? — сказалъ Соловцовъ.

Кушнеръ скромно потупился.

— Какъ ваша нога?—спросилъ онъ.

— Благодарю васъ, болитъ и ноетъ, но теперь гораздо меньше...

— Насъ влекло сюда дѣло. Павла Николаевна такъ внезапно покинула Неаполь, что не потрудилась даже оставить своего адреса театральному агенту. Я веду переписку со многими лицами въ Италіи и, конечно, въ письмахъ своихъ не преминулъ высказать удовольствіе, которое мы испытываемъ здѣсь, видя примадонну въ сосѣдствѣ съ собою въ теченіе всего лѣта.

Теперь я получилъ письмо отъ антрепренера Gala и онъ приглашаетъ меня, мою жену и васъ, Павла Николаевна, заключить съ нимъ контрактъ на зимній сезонъ въ Миланъ. Вотъ, извольте прочесть,—и онъ вынулъ изъ кармана письмо. Павла Николаевна взяла его, медленно прочла и рука ея съ письмомъ машинально опустилась на колѣни. Глаза ея растерянно бѣгали... Она имѣла видъ человѣка, разомъ пришедшаго въ себя и вспомнившаго что-то ужасное.

— Ты не рада, Паля? — воскликнула Надежда Васильевна.

Та не отвѣчала ей. Машинально перевела Надежда Васильевна свои глаза на мужа и даже вздрогнула отъ выраженія его лица. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, нервно покусывалъ кончики своихъ усовъ и рука его замѣтно дрожала. Глаза были устремлены въ даль...

Воцарилось неловкое молчаніе, которое нарушилъ Кушнеръ.

— Что же прикажете мнѣ отвѣчать? — спросилъ онъ.

— Подождите, Николай Николаевичъ, дня два, я подумаю,— сказала она, съ усиліемъ поднимая на него свои глаза.

— О чемъ тутъ думать, голубушка,—съ искреннимъ изумленіемъ воскликнулъ онъ, — вѣдь, это первый театръ въ Европѣ. Мы съ женой такъ и рѣшили, что отсюда втроемъ поѣдемъ.

— Пожалуйста! Николай Николаевичъ.

— Извольте, приказаніе дамъ для меня всегда законъ — галантно раскланялся онъ.

Надежда Васильевна молчала. Ее поразило это смущеніе мужа и Нератовой и, главное, нежеланіе послѣдней воспользоваться приглашеніемъ. Какія-то смутныя подозрѣнія, предчувствіе чего-то нехорошаго, о чемъ лучше не думать, зашевелились въ ней.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Кушнеры уѣхали.

На террасѣ снова воцарилось молчаніе. Александръ Ивановичъ не отвѣчалъ на вопросы жены, а Павла Николаевна точно застыла въ одной и той же позѣ.

Никаноръ показался въ дверяхъ.

— Чего тебѣ?

— Надежда Васильевна, васъ птичница видѣть хочетъ, очень ей нужно переговорить съ вами.

Надежда Васильевна встала и вышла.

Прежде чѣмъ видѣть птичницу, она рѣшилась пройти въ спальню и одѣть мягкія туфли, такъ какъ нога ея начинала разбаливаться. Въ это время Александръ Ивановичъ велъ съ Нератовой слѣдующій разговоръ. Когда жена вышла, онъ былъ въ силахъ только спросить ее:

— Такъ какъ же?

— Надо ѣхать,—сказала Павла Николаевна рѣшительно.

— Какъ ѣхать? Ѣхать теперь, бросить меня послѣ того, какъ мы убѣдились, что любимъ другъ друга! Такъ это была одна игра съ твоей стороны?..

— Нѣтъ, Саша, это не была игра, это былъ сладкій сонъ, а теперь дѣйствительность.

— Но что же, что же я буду теперь дѣлать?

— Не знаю, не знаю... но жить такъ дольше я не могу... Скрываться, лгать, прятать свое чувство... Не могу, не могу...—и Нератова въ отчаяніи заломила руки.

— Ты знаешь, какъ я люблю тебя!..

— Милый, милый! — сказала Нератова, — я первый разъ въ своей жизни люблю. Мое чувство такъ не похоже на прежнія увлеченія, что мнѣ даже страшно дѣлается за всю силу, за всю глубину моего чувства къ тебѣ, но продолжать такъ я больше не могу, и...—голосъ у нея задрожалъ...—и разстаться съ тобой не въ силахъ..

— Милая моя, сердце мое, золотое...—вскочилъ Александръ Ивановичъ,—я люблю тебя всѣми силами своей души...

Они не замѣтили, какъ въ дверяхъ безшумно показалась Надежда Васильевна.

— Нѣтъ, я должна ѣхать, и я не хочу, не имѣю права разбивать жизнь Наты, красть ея счастье.

— Я люблю ее, продолжаю благоговѣть передъ ней, но она слишкомъ святая для меня, а ты заставила меня полюбить тебя и я не могу, не въ силахъ разстаться съ тобой.

— Обманывать твою жену я не хочу, я люблю ее съ дѣтства, и должна, должна уѣхать!

Какъ прикованная къ мѣсту, слушала Надежда Васильевна эти рѣчи. Точно что-то большое, большое, холодное почувствовала она внутри себя. Кровь ударила ей разомъ въ голову, она хотѣла крикнуть, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, тихо повернулась и безшумно ушла въ залъ.

III.

Въ залѣ было полутемно, свѣтъ проникалъ изъ гостиной, гдѣ методичный Никаноръ въ тотъ моментъ, когда Надежда Васильевна проходила, поставилъ лампу.

Надежда Васильевна медленно прошлась по залѣ. Она не понимала, не могла дать себѣ отчета, что съ ней случилось... Ей казалось только, что что-то громадное, тяжелое, черное легло на нее и придавило ее. Точно передъ ней вдругъ открылась яма, въ которой дна не видно, на которую страшно взглянуть, но въ которую, вотъ, вотъ сейчасъ надо броситься...

— Господи, что же это? — подумала она и глаза ея машинально обратились въ уголъ, гдѣ, освѣщенный падающимъ на него лучемъ, виднѣлся кроткій ликъ Спасителя. — Неужели, — продолжала она думать, — это правда — онъ, мой Саша, не любитъ больше меня, а любитъ другую, безъ которой жить не можетъ. Ей вспомнился моментъ кончины дочери. На кровати лежитъ успокоившееся, еще за минуту такъ страдавшее и бившееся, тѣльце ихъ дѣвочки. Все замолкло передъ великой загадкой смерти. И какъ нелѣпы казались въ эту минуту эти безсмысленныя стклянки и пузырьки, которымъ только что такъ вѣрили, придавали такую цѣну! Помнитъ Надежда Васильевна, какъ ея мужъ съ какимъ-то дѣтски виноватымъ выраженіемъ лица, весь въ слезахъ обнялъ ее и зарыдалъ.

— Все, все,—говорилъ онъ, всхлипывая и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, — пополамъ, на всю жизнь! Милая моя! утѣшь меня, люблю тебя, люблю.—И она старалась утѣшить его, сдерживать свои слезы и успокаивать его порывы...

Все это теперь только воспоминанія...

Ей снова припомнился весь слышанный ею разговоръ. Онъ говорилъ ей „ты“ и такъ легко, видимо, что это вошло у него уже въ привычку, можетъ быть, это уже давно продолжается. Всѣ видятъ, замѣчаютъ, одна она только ничего не знаетъ. Ей разомъ пришелъ въ голову разговоръ съ Глушевичемъ. Все сдѣлалось ей ясно. Онъ знаетъ, онъ намекалъ ей, ему было больно за нее, а она... она смѣялась надъ нимъ. Возврата нѣтъ, это не легкое увлеченіе въ немъ, это сильная страсть, бороться съ которой она больше не можетъ. Онъ мучается, страдаетъ, а ей развѣ теперь легко? и она снова начала теперь ходить по залѣ, стараясь не задѣвать за стулья.

— Надя, Надя, гдѣ ты? — послышался голосъ Александра Ивановича.

— Господи, силъ дай мнѣ, силъ!—прошептала она и перекрестилась.

— Я здѣсь! — отвѣтила она, стараясь говорить спокойнымъ голосомъ.

— Куда ты, голубка, отъ насъ ушла? — сказалъ Александръ Ивановичъ, подходя къ ней,—мы ждали, ждали тебя...

— Я такъ, задумалась...—отвѣтила она. И онъ можетъ такъ лгать, такъ скрывать отъ меня, что любитъ другую,—подумала Надежда Васильевна.

— Пойдемъ спать,—сказалъ Соловцовъ, обнимая жену за талію.

— А она?—спросила Надежда Васильевна.

Она не въ силахъ была назвать Нератову именемъ дѣтства и ласки.

— Павла Николаевна? Она давно ушла.

Когда они пришли въ спальню, Александръ Ивановичъ еще ходилъ по комнатѣ и продолжалъ заговаривать съ женой, но та еле-еле отвѣчала ему.

— Что съ тобой, ты нездорова?—спросилъ онъ.

— Нога болитъ, — отвѣтила она, укладываясь и укрываясь одѣяломъ.

Александръ Ивановичъ тоже скоро улегся и по его ровному дыханію Надежда Васильевна убѣдилась, что онъ спитъ. Она тихо поднялась, сѣла на постели и нащупала ногой туфли. Александръ Ивановичъ вдругъ зашевелился, она притаила дыханіе, но онъ ужъ опять спалъ, однозвучно похрапывая. Надежда Васильевна тихо, тихо встала, надѣла туфли и вышла безшумно, затворивъ за собой дверь. Въ будуарѣ у нея было отворено окно и свѣжій ночной воздухъ сразу охватилъ ее. Она сѣла и задумалась.

Теперь передъ ней стоялъ роковой вопросъ, требовавшій разрѣшенія: что дѣлать? Оставаться жить въ этой сферѣ обмана она не можетъ, это слишкомъ чуждо ея чистой натурѣ. Разлучить ихъ,—думала Надежда Васильевна, внимательно всматриваясь въ темныя группы деревьевъ,—завтра же сказать имъ, что я знаю все, и попросить ее немедленно уѣхать? Да, она уѣдетъ, она сама даже хочетъ уѣхать, но онъ развѣ полюбитъ ее? Онъ еще съ большей ненавистью будетъ смотрѣть на нее, какъ на причину разлуки его съ женщиной, для которой онъ забылъ свой домъ. Ему будутъ ненавистны эти цѣпи, которыя приковываютъ его къ дому, онъ будетъ искать, какъ порвать ихъ, и дѣйствительно порветъ, уйдя къ Нератовой или можетъ даже къ другой женщинѣ, которая приласкаетъ или только пообѣщаетъ приласкать въ эти минуты.

Что дѣлать, что дѣлать? Надежда Васильевна подняла свой взоръ къ небу. Миріады звѣздъ спокойно и торжественно совершали свой круговоротъ. Онѣ смотрѣли безстрастно на все совершавшееся на землѣ. Пусть на землѣ неправда, зло, насиліе, онѣ уйдутъ отъ нихъ такія же чистыя, свѣтлыя.

Ей стало легче. Не надо бороться, не надо обвинять людей...

Чѣмъ виноватъ ея мужъ, что онъ полюбилъ другую. Развѣ онъ не боролся съ своимъ чувствомъ? Можетъ быть, Нератова, много видѣвшая, много испытавшая, больше подходитъ къ Александру Ивановичу, чѣмъ она?! А Нератова? Развѣ она не хочетъ бѣжать отсюда, потому что оставаться и скрывать любовь, обманывать ее, она не хочетъ и не можетъ. Значитъ она тоже страдаетъ и жизнь ея будетъ разбита. Можетъ быть, судьба послала ей единственный разъ за всю ея жизнь настоящую любовь и она никогда не увидитъ ее больше!

Надежда Васильевна встала и тихо прошлась по комнатѣ.

— И все зависитъ теперь отъ меня,—думала она:—разбить ихъ счастье или дать имъ его на всю ихь долгую жизнь. Они скрываютъ свою любовь отъ меня, хотятъ разойтись, любя и уважая меня. Они щадятъ меня. А я? Я разобью ихъ счастье? Я не должна, я не имѣю права это дѣлать... Я сойду съ ихъ дороги, пускай они будутъ счастливы.

Она снова подошла къ окну. Ночь все также держала землю въ своихъ объятіяхъ. Набѣжавшій вѣтерокъ, точно сонный вздохъ, заигралъ кустами и снова все стихло.

Гдѣ-то далеко погромыхивала телѣга и кто-то пѣлъ протяжную, грустную пѣсню.

— Я найду себѣ другое, новое счастье. Много во мнѣ еще осталось нѣжности и любви... Мой ребенокъ умеръ—я найду дѣтей, не имѣющихъ матерей, нуждающихся въ ласкѣ, и буду счастлива. Прощай, мой дорогой садъ въ которомъ я такъ часто гуляла, прощайте и вы, старыя липы, невольныя свидѣтельницы моей любви! Я скоро покину васъ, но не забуду васъ никогда, никогда...

И садъ шумѣлъ, охваченный вновь набѣжавшимъ вѣтеркомъ, точно прощался съ ней.

Востокъ началъ разгораться. Вотъ брызнули первые лучи и заалѣли верхушки деревьевъ. Туманъ, клубившійся по рѣкѣ, свернулся и поднялся къ облакамъ. Всѣ предметы одинъ за другимъ теряли свою таинственность и облекались въ дневную яркую окраску. Трава блестѣла крупными каплями, цвѣты лили благоуханіе...

Въ свѣжемъ, полномъ влагой, воздухѣ зазвучали рѣдкіе, однообразные удары церковнаго колокола.

Глава шестая.

I.

На слѣдующее утро послѣ чая, къ которому Надежда Васильевна вышла въ обычное время, когда Александръ Ивановичъ всталъ, чтобы ѣхать въ поле, а Павла Николаевна хотѣла пройти къ себѣ въ комнату,—она остановила ихъ.

— Подождите немного, друзья мои!—сказала она,—мнѣ нужно съ вами переговорить.

Тонъ ея голоса былъ серьезенъ и грустенъ.

Александръ Ивановичъ и Нератова невольно переглянулись.

— Вчера вечеромъ,—продолжала Надежда Васильевна спокойно,—я нечаянно услышала вашъ разговоръ и изъ него поняла, что вы любите другъ друга.

— Надя,—бросился къ ней Александръ Ивановичъ,—клянусь тебѣ...

— Зачѣмъ ты будешь клясться, Саша, зачѣмъ? Не лги, имѣй мужество и выслушай меня!

Нератова опустилась на стулъ, колѣни ея подгибались. Блѣдность покрыла щеки.

— Паля,—сказала Надежда Васильевна, — хотѣла уѣхать...

— Да, я и уѣду,—вырвалось у Павлы Николаевны и слезы разомъ брызнули у нея изъ глазъ.

— Хотѣла уѣхать, чтобы не разбивать моего счастья, не обманывать меня, ты не уѣдешь, дорогая моя!.. — Ты останешься, ты любишь его, онъ любитъ тебя, зачѣмъ же вамъ разставаться?

— Надя!—сказалъ Александръ Ивановичъ, — что ты хочешь сказать? Вѣдь ты любишь меня?

— Любила,—тихо сказала она.

— Прости меня, прости!—бросился онъ передъ ней на колѣни,—я виноватъ.

— Въ чемъ,—сказала она,—что разлюбилъ меня?

— Я люблю и тебя, Надя моя, ты мнѣ дорога и я не могу себѣ представить жизни безъ тебя...

— Нѣтъ, милый мой, жить намъ вмѣстѣ нельзя, бери ее...— и Надежда Васильевна указала рукой на Нератову. Павла Николаевна схватила эту руку, прижалась къ ней мокрымъ отъ слезъ лицомъ, и замерла.

— Надя, святая ты!..—могла она только сказать.

— Но что же ты хочешь съ собой дѣлать?—воскликнулъ Александръ Ивановичъ.

— Я все обдумала за сегодняшнюю ночь. Вотъ что я сдѣлаю: черезъ нѣсколько дней я поѣду въ городъ и переговорю съ адвокатомъ, начну дѣло о нашемъ разводѣ. Вину или... какъ тамъ говорится,—я возьму на себя, и когда дѣло будетъ окончено, вы обвѣнчаетесь, я благословлю васъ и уѣду...

— Ната, Ната,—могла только сказать Нератова,— клянусь, вся моя жизнь будетъ направлена къ тому чтобы походить на тебя и такъ же любить Александра Ивановича, какъ ты его любишь.

Надежда Васильевна обняла ихъ обоихъ, какъ обнимаетъ другъ, вѣрный испытанный другъ, своихъ друзей, отправляющихся въ далекій, трудный путь...

II.

Прошло полгода.

Короткій зимній день уже умиралъ и становилось темно. Темнота усиливалась еще падающими большими хлопьями снѣга.

Съ задняго крыльца Богородскаго дома выносили сундуки и привязывали ихъ къ большимъ троечнымъ санямъ.

— Ну и тяжелы же они!—сказалъ одинъ изъ работниковъ, отдуваясь.—Мы на лѣстницѣ сейчасъ чуть не грохнули его.

— Отъ васъ, мужиковъ, станется,—пропищала, выбѣжавшая взглянуть на укладку, горничная Таня.

— Покидаете насъ, Татьяна Васильевна, съ барыней вмѣстѣ?

— Да, въ городъ поѣдемъ, что тутъ у васъ дѣлать?!—небрежно отвѣтила она, не поворачивая къ нему головы.

— Мы безъ васъ скучать будемъ.

— Ничего, а мы тамъ васъ и не вспомнимъ,—сказала она, убѣгая.

— Ну, дѣвка!—отчаянно махнулъ рукой работникъ и отправился за слѣдующими сундуками.

Между тѣмъ въ церкви, освѣщенной по праздничному, оканчивался обрядъ вѣнчанія Александра Ивановича съ Павлой Николаевной.

Огоньки восковыхъ свѣчей у иконостаса и въ паникадилѣ ласково мигали. Церковь смотрѣла весело. Народу въ ней не было почти никого, кромѣ необходимыхъ для брака лицъ. Александръ Ивановичъ стоялъ блѣдный и задумчивый. Рой воспоминаній неотвязно толпился въ его головѣ. На несчастіи своего ближняго не построишь своего счастья!—думалъ онъ. Ему сдѣлалось страшно. Неужели онъ будетъ несчастенъ? Нѣтъ!—успокаивалъ онъ себя и усиленно крестился. Нератова все время плакала, но слезы эти были не горькія слезы: плакала она отъ счастья, что давно желаемое, давно ожидаемое, наконецъ, сбывается. Шаферами были у Александра Ивановича сельскій учитель, молодой человѣкъ съ усталымъ лицомъ, и братъ священника, семинаристъ, болѣвшій грудью и потому пользовавшійся отпускомъ. У Павлы Николаевны шаферами были: Глушевичъ и какой-то отставной капитанъ. котораго привезъ съ собой Василій Николаевичъ.

Надежда Васильевна все время горячо молилась. Она молилась въ послѣдній разъ въ этой церкви и въ послѣдній разъ глядѣла на свою любимую икону. Пресвятой младенецъ, казалось, ласково ей улыбался, глядя на нее.

Вѣнчающихъ начали обводить вокругъ аналоя. Шафера путались и отставали, Павла Николаевна два раза обернулась, кто-то наступилъ ей на платье.

Отецъ Михаилъ, сильно постарѣвшій за послѣднее время, смотрѣлъ на нихъ грустными глазами. Онъ такъ часто видѣлъ передъ собой женіховъ и невѣстъ, надѣющихся на счастье и любовь, и затѣмъ отъ нихъ же приходилось выслушивать столько жалобъ на жизнь, что ему дѣлалось страшно и жутко.

Пѣвчіе, все тотъ же дьячекъ, волостной писарь и сынъ кабатчицы, старались превзойти самихъ себя. Тщетно! Тѣ, для ко-

торыхъ они пѣли, слишкомъ были заняты своими мыслями и заботами.

Обрядъ вѣнчанія кончился.

Надежда Васильеина вспомнила, какъ и они вѣнчались, какъ веселились на ихъ свадьбѣ, кричали „горько“ и заставляли цѣловаться.

— Господи! Господи! — шептали ея сохнувшія губы, — дай мнѣ силъ, силъ и забвенія!...

Все было кончено... Шафера поздравляли молодыхъ и пошли въ алтарь расписываться въ книгѣ. Церковный староста началъ тушить свѣчи. Надежда Васильевна подошла къ Павлѣ Николаевнѣ и молча обняла ее.

— Будь счастлива!..—могла она ей только шепнуть.

Подали сани и быстро помчались домой.

Въ ярко освѣщенной столовой былъ накрытъ ужинъ.

Всѣ усѣлись за столъ и Никаноръ, поздравившій Александра Ивановича съ законнымъ бракомъ отъ лица всѣхъ служащихъ, началъ подавать. Онъ былъ торжественъ, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Послѣ перваго блюда онъ явился съ бутылкой шампанскаго, хотѣлъ съ шикомъ откупорить, но половину вылилъ на себя.

— Старъ, старъ!—сказалъ онъ, съ сердцемъ.

Начали чокаться, поздравлять молодыхъ, но разговоръ не клеился. Глушевичъ пробовалъ разсказывать что-то смѣшное, но и онъ скоро замолчалъ, пораженный звуками своего голоса въ этой большой комнатѣ.

Ужинъ приходилъ къ концу, когда Никаноръ доложилъ, что тройка для барыни Надежды Васильевны подана.

Всѣ переглянулись и еще тише стало въ столовой.

Никаноръ налилъ бокалы.

Надежда Васильевна встала, взяла въ руку бокалъ, начала было что-то говорить, но голосъ у нея прервался и она заплакала.

Павла Николаевна бросилась къ ней, Александръ Ивановичъ закрылъ себѣ лицо платкомъ, Глушевичъ началъ какъ-то страшно морщиться и даже Никаноръ выбѣжалъ въ буфетную.

— Что вы плачете, Никаноръ Ильичъ?—спросилъ его кухонный мальчишка, перетиравшій тарелки.

— Я тебѣ такой плачъ покажу, что ты у меня своихъ не узнаешь,—огрызнулся онъ и началъ усиленно сморкаться.

Пора было ѣхать. Надежда Васильевна встала, за ней всѣ пошли въ залу. Тамъ ожидала ее уже одѣтая Таня съ шубой. Она какъ-то сурово надѣла ее и, не глядя ни на кого, сказала:

— Ну, теперь надо присѣсть.

Всѣ сѣли, черезъ минуту встали и начали прощаться.

— Прощайте, прощайте, будьте веселы и не думайте обо мнѣ!— говорила она.

Вытирая слезы, всѣ вышли провожать ее на крыльцо. Ровный крупный снѣгъ продолжалъ падать. Онъ все покрывалъ густымъ слоемъ, точно хоронилъ подъ собой. Было что-то невыразимое-грустное и такое, съ чѣмъ бороться нѣтъ силъ въ этомъ сплошномъ, мѣрномъ паденіи снѣжныхъ хлопьевъ.

Надежда Васильевна еще разъ простилась и усѣлась въ сани.

Тройка разомъ приняла съ мѣста. Сани заскрипѣли и понеслись. Колокольчикъ заливался яркимъ звономъ. Вотъ сани начали пропадать, сливаться съ темнотой, вотъ они видны, вотъ... вотъ... совсѣмъ исчезли... Александръ Ивановичъ и Павла Николаевна продолжали стоять на крыльцѣ. Колокольчикъ все еще звенѣлъ. Вотъ смолкъ, нѣтъ, звякнулъ—разъ, два... Все тихо... но вотъ снова залился... все тише, тише... и наконецъ совсѣмъ затихъ...

А. Осиповъ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ И ЭМАНСИПАЦІЯ ЖЕНЩИНЫ.

(По статьѣ С. Л. Андрэ).

Главная честь освобожденія женщины изъ подчиненнаго положенія въ семьѣ и въ обществѣ издавна утвердилась за мыслителями и писателями, людьми чистой науки и печатнаго слова; но нашъ практическій вѣкъ, вѣкъ торжества промышленности, прикладныхъ знаній и всевозможныхъ техническихъ изобрѣтеній, выдвинулъ и иное истолкованіе вопроса. Горячимъ поборникомъ новаго воззрѣнія является между прочимъ извѣстный теперь всему цивилизованному міру, шведскій инженеръ Андрэ, долго стоявшій во главѣ шведскаго бюро выдачи привилегій на изобрѣтенія. Человѣкъ практики по преимуществу, онъ имѣлъ возможность собрать богатый матеріалъ для освѣщенія вопроса съ практической точки зрѣнія и изложилъ свои взгляды въ весьма интересной брошюрѣ, озаглавленной «Значеніе промышленности и изобрѣтеній въ дѣлѣ установленія трудоваго и общественнаго равноправія женщинъ съ мужчинами» (1892 г.). Въ заключеніи упомянутой брошюры мы и находимъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи данной статьи.

Андрэ, разсматривая шагъ за шагомъ положеніе сѣверной (преимущественно шведской женщины) въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ столѣтій, устанавливаетъ, опираясь на цѣлый рядъ убѣдительныхъ фактовъ, что честь освобожденія женщины изъ подъ семейнаго и общественнаго ига принадлежитъ, наравнѣ съ людьми отвлеченной науки и слова, людямъ прикладной науки, труженикамъ промышленности и—самое главное—изобрѣтателямъ. Это они главнымъ образомъ сняли съ женщинъ камень за камнемъ придавливавшее ихъ къ землѣ бремя, освободили женщинъ изъ трудового рабства. Они своей дѣятельностью, своимъ трудомъ дарили женщинамъ секунду досуга за секундою, изъ этихъ секундъ составились минуты, часы, дни, мѣсяцы и цѣлые годы; посвящая освободившееся время умственному развитію, изощренію своихъ способностей, женщина, прежде всецѣло поглощенная изнурительнымъ примитивнымъ физическимъ трудомъ въ семьѣ,

въ домѣ, вступила на путь, ведущій къ полному семейному и общественному равноправію съ мужчиной.

Такъ какъ семейное экономическое освобожденіе женщины почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ совершалось приблизительно одинаковыми путями и по одинаковымъ причинамъ, то изслѣдованіе Андрэ, посвященное обрисовкѣ постепеннаго измѣненія въ положеніи шведской женщины, имѣетъ и общій интересъ.

Изъ рисуемой Андрэ картины стариннаго быта въ Швеціи видно, что шведскія женщины конца XVI вѣка, даже принадлежавшія къ привилегированнымъ и зажиточнымъ классамъ общества (дворянству), были до того обременены всякаго рода домашними работами, что нужно удивляться, какъ онѣ не изнемогали подъ этимъ бременемъ, и еще находили силы и время заботиться о воспитаніи дѣтей. Яркими иллюстраціями тогдашняго быта служатъ сохранившіяся съ того времени «Руководства для хозяекъ» и различнаго рода «Практическіе руководители для молодыхъ дѣвицъ». Въ одномъ изъ такихъ руководствъ, составленномъ нѣкіимъ Перомъ Браге въ 1581 г., можно найти слѣдующій перечень обязанностей, лежавшихъ тогда на каждой «доброй хозяйкѣ» дворянкѣ: «умѣніе прясть и ткать, какъ ленъ, такъ и шерсть, шить и чинить бѣлье и платье, плести и чинить невода и сѣти, приготовлять солодъ, варить пиво, сѣять муку, доить, сбивать масло, дѣлать творогъ, стряпать, трепать коноплю и ленъ, и вести счетъ доходамъ и расходамъ». И о томъ, что перечисленныя требованія не были пустыми словами, а дѣйствительно проводились въ жизнь, свидѣтельствуютъ бытописанія многихъ извѣстныхъ старинныхъ шведскихъ писателей. Убѣдившись въ сложности и трудности обязанностей женщины-дворянки, не станешь сомнѣваться въ томъ, что обязанности женщинъ изъ простыхъ классовъ были еще многочисленнѣе и труднѣе, такъ какъ послѣднія несли, кромѣ того, всѣ тяготы полевого и огороднаго хозяйствъ и, наконецъ, черныя работы по дому, вродѣ стирки, мытья половъ и проч.

Въ послѣдующія два столѣтія обязанности женщины-хозяйки скорѣе еще увеличились, чѣмъ уменьшились. По крайней мѣрѣ, въ «Хозяйственной книгѣ» Брокмана, изданной въ 1736 г., въ числѣ отраслей женскаго домашняго труда можно найти новыя: изготовленіе уксуса — да еще 7 различныхъ сортовъ!—винокуреніе и литье свѣчъ. «Куреніе и потребленье водки, — говоритъ Брокманъ въ этой книгѣ, — такъ распространено у насъ въ Швеціи, что не найдется хозяйства, какъ бы оно ни было мало, гдѣ бы не курили водки. И такъ какъ вслѣдствіе этого каждой порядочной горожанкѣ и крестьянкѣ достаточно извѣстны обычные пріемы винокуренія, то я и пройду ихъ молчаніемъ и приведу только описаніе новаго способа, доставленное мнѣ однимъ изъ моихъ друзей». Изъ той же книги видно, что число сортовъ курившейся домашнимъ способомъ водки доходило до 40,—яркое свидѣтельство раз-

витія этой отрасли хозяйства, также возложенной на женщинъ. Относительно литья свѣчъ Брокманъ говоритъ слѣдующее: «Въ Швеціи уже издавна въ широкихъ размѣрахъ практикуется литье свѣчъ въ стеклянныхъ формахъ, представляющее не мало удобствъ. Случись невзначай явиться почетному гостю, и въ домѣ не окажется цѣлой свѣчи, чтобы подать на столъ,—всегда отыщется кусокъ сала съ куриное яйцо, изъ котораго посредствомъ стеклянной формы и можно вылить свѣчу въ какіе-нибудь полчаса». И литье свѣчъ въ домашнемъ хозяйствѣ перестало практиковаться лишь какія-нибудь 50 лѣтъ назадъ.

Изъ другихъ книгъ по домоводству и хозяйству можно почерпнуть свѣдѣнія еще о нѣсколькихъ отрасляхъ домашняго труда женщинъ, какъ, напр., мыловареніе, окраска шерсти, льняной пряжи и матерій и даже изготовленіе самыхъ красокъ изъ собственноручно собранныхъ и обработанныхъ растительныхъ и другихъ матеріаловъ.

Прибавивъ ко всѣмъ перечисленнымъ работамъ еще вязанье, вышиванье, уборку бѣлья, откармливанье, битье и свѣжеванье домашней птицы и животныхъ, заготовленіе впрокъ и сбереженіе разной провизіи и различныя другія, трудно классифицируемыя занятія, мы получимъ внушительную картину женскаго труда въ старину, тѣмъ болѣе тяжелаго и неблагодарнаго, что на помощь труженицамъ еще не являлись со своими приспособленіями и усовершенствованіями промышленность и изобрѣтательность. Начать съ того, что въ тѣ времена не было даже зажигательныхъ спичекъ, и охранительницы огня «священнаго домашняго очага» должны были или «прятать огонь» въ печи съ вечера до утра, или добывать его посредствомъ огнива и трута. Затѣмъ, стряпня велась на самомъ жару, передъ открытой печкой, при помощи самой неуклюжей тяжелой утвари. Бѣдныя хозяйки не знали ни нынѣшнихъ усовершенствованныхъ плитъ, ни вмазанныхъ въ нихъ котловъ для кипятку, ни духовыхъ шкафовъ, ни водопроводовъ, ни ручныхъ мельницъ, ни мясорубокъ и проч., какъ не знали ни швейныхъ, ни другихъ машинъ, столь облегчающихъ теперь женскій трудъ, упрощая его и сокращая нужное для него время. Наконецъ, не мало осложняло и замедляло выполненіе работъ еще то обстоятельство, что ими приходилось заниматься вечерами при слабомъ свѣтѣ очага или лучины и, въ лучшемъ случаѣ, сальной свѣчи.

Еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи положеніе женщины, хотя и значительно измѣнившееся къ лучшему, было довольно обременительнымъ по количеству лежавшихъ на ней обязанностей. Такъ, по свидѣтельству матери Андрэ, въ число обычныхъ занятій шведской женщины въ 30-хъ годахъ входила: стряпня, печеніе хлѣба, варка пива, литье свѣчъ, стирка бѣлья, пряжа, тканье, шитье, вышиванье, откармливанье и битье домашней птицы и мелкихъ животныхъ, заготовленіе провизіи впрокъ, изготовленіе уксуса, а въ деревенскихъ хозяйствахъ и мыловареніе, и винокуреніе, и окраска матерій. Разсказы госпожи Андрэ вообще харак-

терно рисуютъ тогдашній домашній бытъ средняго городского сословія. Въ домѣ родителей ея, когда она была еще дѣвочкой, постоянно работали въ зимнее время 6 прялокъ, за которыми сидѣли ея мать, она, три ея сестры и служанка. Лѣтомъ же работали два ткацкихъ станка. Самой госпожѣ Андрэ, оставившей радительскій домъ 20-лѣтней дѣвушкой, въ качествѣ домашней учительницы, довелось провести за прялкою всего 7—8 зимъ, а за ткацкимъ станкомъ 3—4 лѣта, такъ что она «научилась ткать только съ грѣхомъ по поламъ». Одна же изъ ея сестеръ, работавшая по заказу, провела за прялкою 25 — 30 зимъ и столько же лѣтнихъ сезоновъ за ткацкимъ станкомъ, причемъ работа шла цѣлый день сплошь, съ 5—6 часовъ утра.

Такимъ образомъ, женщина среднихъ классовъ лѣтъ 60 — 70 тому назадъ все еще несла на себѣ тяжелый, отнимавшій у нея почти весь день физическій и ручной трудъ, хотя изъ него и были уже изъяты кое-какіе наиболѣе хлопотливыя и сложныя отрасли. Такъ, изъ книги г-жи Ланглетъ «Хозяйка въ городѣ и въ деревнѣ», изданной въ 1844 г., видно, что литье свѣчъ въ это время практиковалось только въ деревняхъ, да и то рѣдко, такъ какъ керосинъ началъ уже вытѣснять это освѣщеніе, а пряжа, тканье и окраска стали большею частью производиться фабричнымъ способомъ, точно такъ же, какъ варка пива, винокуреніе и мыловареніе. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени съ плечъ женщины одно за другимъ были сняты и многія другія отрасли труда, ставшія излишними по мѣрѣ расширенія фабричной производительности и развитія торговли, вродѣ, напр., печенья хлѣбовъ, заготовленія впрокъ различныхъ припасовъ и пр. Кромѣ того, благодаря массѣ различныхъ новыхъ, крупныхъ и мелкихъ приспособленій, оставшіяся на женщинѣ обязанности по дому стали куда легче, и времени на выполненіе ихъ стало уходить гораздо меньше. Образовавшійся досугъ позволилъ женщинѣ пріобщиться къ духовной жизни общества, составлявшей прежде какъ бы привилегированную область мужчины, тогда какъ женщину непрерывный утомительный физическій трудъ держалъ почти въ состояніи умственнаго отупѣнія.

Разсмотримъ же подробнѣе, какъ повліяло на измѣненіе положенія женщины уменьшеніе лежащаго на ней физическаго труда по дому.

Прежде всего исчезновеніе изъ обихода многихъ отраслей этого труда повело къ тому, что дѣвочекъ избавили отъ необходимости прекращать посѣщеніе школы въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ прежде, когда этого требовала нужда въ ихъ посильной помощи въ домашнемъ хозяйствѣ, и, кромѣ того, сократили число часовъ, посвящавшихся какъ въ школѣ, такъ и дома ручному труду, въ пользу труда умственнаго. Въ самомъ дѣлѣ, преобладаніе въ жизненной дѣятельности женщины физическаго труда вело за собою и преобладаніе того же труда въ общей воспитательно-образовательной системѣ, примѣнявшейся къ дѣвочкамъ. Главнымъ базисомъ ея считалось обученіе всякимъ отра-

слямъ домашняго хозяйства и ручнымъ работамъ, остальному же, весьма, впрочемъ, немногому, учили только «въ придачу». Любопытный образчикъ воспитанія, дававшагося молодымъ дѣвушкамъ хорошихъ семей въ концѣ прошлаго столѣтія (1780 г.), приводитъ Андрэ изъ книги прапорщика К. Лилеберга «Воспоминанія о нравахъ и обычаяхъ старины».

«Гувернантки или «шведныя мамзели»—какъ ихъ тогда величали—выписывались въ провинцію обыкновенно изъ Стокгольма или Гётеборга. Главною ихъ обязанностью было обученіе своихъ воспитанницъ разнаго рода рукодѣльямъ, изящнымъ манерамъ и умѣнью одѣваться по модѣ. Ни музыка, ни иностранные языки въ предметы обученія не входили. Закону Божію и родной грамотѣ обучали дѣтей или сами родители, или какой-нибудь домашній учитель».

Около 30-хъ годовъ нашего столѣтія программа городскихъ дѣвичьихъ школъ низшаго разряда включала, по свидѣтельству матери Андрэ, слѣдующіе предметы: чтеніе, письмо, катехизисъ и священная исторія, чистописаніе, первыя четыре правила ариѳметики и простое рукодѣліе. Въ школахъ средняго разряда, сверхъ этихъ предметовъ, преподавались еще исторія и географія Швеціи, рисованіе и плетеніе тонкихъ кружевъ. Въ школахъ высшаго разряда образованіе давалось то же минимальное, только съ прибавленіемъ обученія языкамъ французскому и нѣмецкому, сводившагося, впрочемъ, къ простому заучиванью словъ и фразъ; о грамматикѣ же почти не заботились. Главную роль, какъ уже сказано, играло рукодѣліе, на которое и уходило не менѣе 20 часовъ въ недѣлю, и, оканчивая школу 13—14 лѣтъ отъ роду, дѣвочка продолжала учиться всѣмъ необходимымъ отраслямъ женскаго труда дома, помогая домашнимъ во всѣхъ ихъ занятіяхъ.

Въ 40-хъ годахъ въ учебно-воспитательной системѣ произошли измѣненія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ приводимая Андрэ въ его брошюрѣ программа дѣвичьей школы высшаго разряда, находившейся въ г. Карлсгамѣ (1840—1843 гг.). Изъ программы этой видно, что 24 часа въ недѣлю отводились на научные предметы (тѣ же, что и перечислены были выше) и всего 15 часовъ на рукодѣлье, которое, слѣдовательно, утратило уже свое преобладающее значеніе въ ряду другихъ предметовъ. И курсъ ученія стали въ это время кончать позже, лѣтъ въ 16-ть, такъ какъ общее уменьшеніе домашняго труда женщины-хозяйки обусловило меньшую необходимость для нея въ помощи младшихъ членовъ семьи. Изъ числа предметовъ домашняго обученія были исключены пряжа и тканье.

Съ 40-хъ годовъ уменьшеніе часовъ, отводимыхъ въ школѣ рукодѣлію, шло все crescendo, и къ концу 80-хъ годовъ установилась норма—отъ 1 часу до 4-хъ часовъ въ недѣлю, т. е. столько, сколько въ 30-хъ годахъ приходилось на каждый день. Такое значительное уменьшеніе числа часовъ ручного труда въ пользу умственнаго Андрэ прямо связываетъ съ развитіемъ промышленности, съигравшей, по его мнѣнію,

роль главнаго фактора въ преобразованіи воспитанія и образованія женщинъ, въ смыслѣ уравненія ея образовательнаго ценза съ образовательнымъ цензомъ мужчины. А такъ какъ общее соціальное равенство половъ зиждется, главнымъ образомъ, на равенствѣ получаемаго образованія, то отсюда ясно вытекаетъ, что промышленность приходится считать и главнымъ факторомъ въ утвержденіи общаго равноправія мужчинъ и женщинъ, тѣмъ болѣе, что освободительное вліяніе промышленности на занятіе женщины не ограничивается однимъ школьнымъ періодомъ жизни послѣдней, но распространяется на всю ея жизнь, предоставляя ей все новыя и новыя облегченія и преимущества.

Вслѣдствіе въ высшей степени значительнаго сокращенія занятій женщины по дому, онѣ могутъ найти время и для отдыха, и для интеллектуальныхъ наслажденій, и прежде всего для продолженія своего образованія, а также для сближенія между собою, совмѣстной выработки новой программы женской дѣятельности, для участія въ общественныхъ дѣлахъ и, наконецъ, для сотрудничества или конкурренціи съ мужчинами во всевозможныхъ отрасляхъ труда. Словомъ, уравненіе образованія ведетъ къ уравненію обязанностей, а уравненіе обязанностей къ уравненію правъ мужчинъ и женщинъ.

Все сказанное до сихъ поръ относилось главнымъ образомъ къ положенію женщинъ среднихъ классовъ или интеллигентной части общества, но не трудно убѣдиться, что все вышеизложенное примѣнимо и къ женщинамъ рабочихъ классовъ. Положимъ, нужда все еще заставляетъ ихъ выполнять многія устарѣвшія тяжелыя работы по дому, не позволяя притомъ пользоваться въ своихъ трудахъ многочисленными облегчающими дѣло усовершенствованіями и приспособленіями, изобрѣтенными промышленностью, но, тѣмъ не менѣе, и онѣ освобождены тою же промышленностью отъ большей доли лежавшей на нихъ прежде работы. Освобожденіе это также сказалось измѣненіемъ къ лучшему получаемаго женщинами рабочихъ классовъ образованія. Въ 30-хъ годахъ почти все время, проводимое ими въ школѣ, уходило на изученіе всевозможныхъ ручныхъ работъ (болѣе простыхъ), какъ, напр., трепаніе и чесаніе льна, пряжа, тканье (въ школахъ имѣлось обыкновенно 2—3 ткацкихъ станка и множество гребней и прялокъ), и лишь остатокъ времени употреблялся на умственное развитіе — изученіе катехизиса, св. исторіи, чтенія, письма и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Сравнивъ съ этою программою программу современныхъ народныхъ школъ, нельзя не видѣть, насколько въ наше время, благодаря исключенію изъ школьной программы всѣхъ упомянутыхъ отраслей ручного труда, повысился уровень образованія, а слѣдовательно, и умственнаго развитія женщинъ простыхъ классовъ.

Въ общемъ развитіе промышленности съиграло, пожалуй, еще болѣе существенную роль въ жизни низшихъ классовъ общества, нежели въ жизни высшихъ, такъ какъ для бѣднѣйшихъ классовъ освобожденіе

женской силы и энергіи отъ домашняго труда имѣетъ куда болѣе насущное значеніе: теперь эта сила и энергія можетъ идти на увеличеніе заработка семьи, добыть который гораздо легче внѣ дома, на путяхъ, открытыхъ женщинѣ тою же промышленностью. Своимъ неустаннымъ движеніемъ впередъ по пути прогресса промышленность открыла женщинѣ, между прочимъ, доступъ къ фабричной дѣятельности, облегчивъ путемъ всевозможныхъ техническихъ приспособленій самый трудъ, который сталъ уже требовать отъ исполнителей не столько физической силы, сколько ловкости, терпѣнія и аккуратности,—качествъ преимущественно женскихъ. И статистика, указывая на гигантскій ростъ промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на быстрый ростъ внѣдомашней дѣятельности женщинъ, который, въ свою очередь, говоритъ о соотвѣтствующемъ ростѣ женской самостоятельности и семейныхъ и общественныхъ правъ женщины простыхъ классовъ. Вотъ цифры, рисующія этотъ ростъ. Въ 1861 г. по свидѣтельству Бебеля, въ англійскихъ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ общему закону о фабричномъ трудѣ, работало 308.278 женщинъ и 467.261 мужчина; въ 1868 г. число женщинъ увеличилось до 525.154, а число мужчинъ уменьшилось до 328.810. Въ Швеціи въ 1865 г. число рабочихъ мужчинъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ равнялось 3.200, а въ 1885 г. — 3.470, тогда какъ число женщинъ работницъ съ 400 (въ 1865 г.) возросло до 7.350 (1885 г.).

Правда, энергичное наступательное движеніе женщинъ на рынокъ труда, фабрично-заводскаго и интеллектуальнаго, бывшій нѣкогда почти въ безраздѣльномъ пользованіи у мужчинъ, многимъ кажется явленіемъ далеко не отраднымъ и даже прямо грознымъ и пагубнымъ. Но это уже вопросъ другой, требующій особаго разсмотрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Андрэ со своей стороны полагающій, что «чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ» и что противники женской самостоятельности черезчуръ ужъ сгущаютъ краски, рисуя печальныя стороны отвлеченія женщинъ отъ ихъ исконнаго и настоящаго поприща—дѣятельности въ лонѣ семьи. И покончивъ съ доказательствами того, что пріобрѣтенія и общій прогрессъ промышленности сильно подвинули впередъ рѣшеніе вопроса объ установленіи полнаго равноправія женщинъ съ мужчинами, онъ приводитъ въ концѣ своей брошюры возраженія упомянутымъ противникамъ женской самостоятельности.

По мнѣнію Андрэ, освободительное вліяніе промышленности и изобрѣтеній на положеніе женщинъ должно во всякомъ случаѣ считаться благомъ не только съ точки зрѣнія общихъ интересовъ человѣческой культуры, но и съ точки зрѣнія чисто-семейныхъ интересовъ. Оспаривать это можетъ, по его утвержденію, лишь тотъ, кто полагаетъ, что семья держится только главенствомъ мужа и подчиненіемъ и терпѣніемъ жены. Но не вѣрнѣе ли будетъ основывать семейное благополучіе на равенствѣ мужа и жены, замѣнивъ прежніе устои—командованіе съ одной стороны

и повиновеніе съ другой—взаимнымъ уваженіемъ и вниманіемъ? И не исходятъ ли жалобы на измѣненіе прежнихъ условій главнымъ образомъ отъ лица властолюбивыхъ или неразвитыхъ мужчинъ? Андрэ, впрочемъ, готовъ допустить, что семейныя отношенія мужчины и женщины до извѣстной степени всегда останутся дѣломъ вкуса и нрава, но не понимаетъ иного рѣшенія вопроса съ общечеловѣческой точки зрѣнія,—т.-е. съ точки зрѣнія человѣческаго достоинства и культурности,—какъ въ пользу равенства.

Можно еще возбудить вопросъ, говоритъ Андрэ, нельзя ли дойти до этого равенства чисто теоретическимъ путемъ — ограничиться признаніемъ равноправія женщины съ мужчиною, какъ человѣкомъ и членомъ общества, давать ей одинаковое образованіе, но не переносить дѣла на практическую почву, не доводить до конкурренціи женщины съ мужчиною на рынкѣ труда? Андрэ полагаетъ, что нельзя. Практическая жизнь иначе воспитываетъ людей, нежели теорія. Лишь принужденный самъ бороться за существованіе, человѣкъ постигаетъ трудности борьбы и преимущества совмѣстнаго труда, справедливость требованій, предъявляемыхъ обществомъ къ отдѣльнымъ личностямъ, и необходимость жертвовать мелкими интересами ради крупныхъ. Участвуя въ трудовой жизни общества въ болѣе широкой области, нежели область семьи, женщина развивается духовно и становится болѣе полезнымъ членомъ и общества, и самой семьи, куда она вноситъ свой опытъ, свои знанія, свое духовное развитіе.

П. Ганзенъ.

О ЦѢЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЪ ПРИРОДѢ.

Публичная лекція.

Проф. **А. Ѳ. Брандта.**

Идея о цѣлесообразности въ природѣ зародилась, надо полагать, вмѣстѣ съ философіей. По крайней мѣрѣ еще у *Анаксагора*, жившаго во времена *Перикла*, въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х., она высказывается съ достаточною ясностью, и притомъ въ связи съ представленіемъ о высшемъ разумѣ, какъ внѣшней движущей причинѣ, установившей эту цѣлесообразность. Вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялось и противоположное теченіе. Такъ, не менѣе знаменитый мудрецъ *Демокритъ*, первой половины IV вѣка, отрицаетъ цѣли въ природѣ и, предполагая движущую причину въ ней самой, всюду и вездѣ усматриваетъ однѣ только причины, правда, въ большинствѣ случаевъ намъ неизвѣстныя. *Аристотель* занялся болѣе основательнымъ анализомъ причинности вообще и признаетъ двоякаго рода причины: производящія и конечныя (или цѣли). Такъ, работа скульптора является производящей причиной (Causa efficiens), выдѣляющей статую изъ безформенной глыбы мрамора, а руководящая при этомъ тѣмъ же скульпторомъ грядущая слава—причиной конечной (Causa finalis). Въ совокупности природы производящей причиной является по его представленію божество, а конечной—общее благо.

Едва ли не рѣзче всего идея цѣлесообразности выразилась въ древности у *Клавдія Галена*, жившаго отъ 131 до 201 г. по Р. Х. Попробуй, если сможешь, говоритъ онъ, придумать такую обувь, которая хотя бы на половину была такъ удобна, какъ кожа, обтягивающая нашу ногу. Возможность создать что-либо совершеннѣе устройства человѣка, по его словамъ, способны допускать развѣ только такіе «скоты», вразумлять которыхъ значило бы нарушать святость собственнаго сочиненія, на которое *Галенъ* смотритъ, какъ на гимнъ въ честь Творца.

Начало XVI вѣка было эпохою возрожденія и для анатоміи, какъ человѣческой, такъ и животной. Отъ голословныхъ повтореній древнегреческой премудрости, въ особенности, для своего времени дѣйствительно изумительной аристотелевой, обратились къ непосредственному изученію самой природы, къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. При этихъ

изслѣдованіихъ не могла не бросаться въ глаза приноровленность организаціи животныхъ существъ къ разнороднымъ отправленіямъ. Заговорили усиленно о цѣлесообразности организаціи; ученые, вооруженные скальпелемъ, а позже и микроскопомъ, стали всюду и вездѣ доискиваться цѣлей и намѣреній, руководившихъ Творцомъ при созиданіи того или другого органа, того или другого рода животныхъ. Это направленіе продолжалось добрыхъ два столѣтія. Во второй половинѣ XVII в. прославившійся многочисленными открытіями голландецъ *Янъ Свammердамъ*, забывая въ своей мансардѣ и холодъ, и голодъ, просиживалъ согбенный надъ только что изобрѣтеннымъ микроскопомъ и, восторгаясь міромъ до того времени незримыхъ организмовъ, лелѣялъ надежду застать Творца за самой работой созиданія первоначальныхъ оживленныхъ существъ. Мало того, еще въ прошломъ столѣтіи вюрцбургскій профессоръ *Беринге*ръ возмечталъ о томъ, что ему удалось открыть вещественныя доказательства творческихъ попытокъ Создателя. Создатель же представлялся ему, да и многимъ его предшественникамъ, подъ видомъ мастерового-самоучки, сначала неудачно упражняющагося надъ своими будущими фабрикатами. Положимъ, *Беринге*ръ окончилъ свои дни въ домѣ умалишенныхъ, такъ какъ разнаго рода окаменѣлыя лягушата, птички, букашки, человѣчки, описанные имъ въ дорогомъ иллюстрированномъ изданіи, на которое онъ истратилъ все свое состояніе, оказались не болѣе, какъ глиняными издѣліями студентовъ-школяровъ; тѣмъ не менѣе, вся эта печальная, сенсаціонная исторія не лишена характерности: въ ней ясно рисуется антропоморфическое представленіе ея злосчастнаго героя о высшемъ существѣ. Заблужденіе *Беринге*ра является какъ бы сатирой на цѣлый потопъ еще раньше наплодившихся ученыхъ сочиненій, носившихъ громкія названія инсектотеологій, тестацео-теологій, ихтіо-теологій, лито-теологій, и т. д., т. е. богословій насѣкомыхъ, раковинъ, рыбъ, камней и т. п. Все это были трактаты, главнѣйшимъ образомъ обсуждавшіе тѣ цѣли и намѣренія, которыя преслѣдовались Богомъ при созиданіи тѣхъ или другихъ тѣлъ природы, а затѣмъ, его одобреніе и прославленіе. Какого схоластическаго характера было данное направленіе, образчики тому приводятся *Бэром*ъ въ двухъ его статьяхъ *). Такъ, одинъ изъ анатомовъ вопрошаетъ, почему у человѣка одна, а не двѣ спины, и тутъ же отвѣчаетъ, что будь ихъ двѣ, то это было бы смѣшно. А еслибъ ихъ было дѣйствительно двѣ, то, конечно, никто бы не помѣшалъ тому же восторженному апологету признать это симметричнымъ и красивымъ. Отвѣсная поза и походка, одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка, предполагаетъ исключительное развитіе той мускулатуры, которая перекидывается со спины на бедра и балансируетъ тѣло. Анатомъ *Шпигель*

*) K. E. v. Baer. I. «Ueber Zweckmässigkeit oder Zielstrebigkeit überhaupt». II. «Ueber Zielstrebigkeit in den organischen Körpern insbesondere». Въ сборникѣ «Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften». T. II. St.-Petersburg 1873 и 1876.

XVII столѣтія, однако, не удовлетворяется этимъ назначеніемъ данной мускулатуры и усматриваетъ въ ней болѣе возвышенную цѣль. Эти мускулы даны-де человѣку затѣмъ, чтобы служить мягкой подушкой, на которой было бы удобно сидѣть и размышлять о величіи Творца: «какъ будто сидя, невозможно и богохульствовать», замѣчаетъ *Бэръ*.

Такимъ ретивымъ и опрометчивымъ энтузіастамъ пригодилось бы столь извѣстное обращеніе *Талейрана* къ молодымъ дипломатамъ: «Surtout pas trop de zèle, Messieurs». Избыткомъ рвенія нерѣдко роняются самыя возвышенныя дѣла и мысли. Такимъ образомъ и въ нашемъ случаѣ черезъ чуръ опрометчивая, а потому близорукая, восторженная оцѣнка всего и вся въ природѣ вызвала неизбѣжную реакцію. Ни *Галилей*, ни *Кеплеръ*, ни *Ньютонъ* сами не были атеистами, тѣмъ не менѣе, открытые ими механическіе законы, управляющіе вселенной, указывая на взаимную причинную связь явленій, могли быть истолкованы въ смыслѣ отрицанія въ природѣ какихъ бы то ни было цѣлей и цѣлесообразностей. Оно такъ и случилось. Изъ одной крайности впали въ другую. Дальше, больше, и матеріализмъ такъ высоко поднялъ голову, что извѣстный афоризмъ: «Трое естествоиспытателей—двое атеистовъ» (Tres physici—duo athei) не могъ казаться преувеличеніемъ, мало того, простительная въ подобныхъ случаяхъ гипербола скорѣе допустила бы передѣлку афоризма въ «Tres physici—tres athei». И по наше время изъ крайняго лагеря продолжается метаніе громовъ и молній на *телеологію*, на ученіе о цѣлесообразности. (Да не смѣшаетъ менѣе посвященный читатель этотъ терминъ съ теологіей или богословіемъ. Telos—въ родительномъ падежѣ teleos—означаетъ цѣль; телеологія—ученіе о цѣляхъ или о цѣлесообразности). Для вящшаго подчеркиванія своего отрицательнаго отношенія въ телеологіи одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ германскихъ зоологовъ *Эрнстъ Геккель* придумалъ даже особое ученіе подъ названіемъ *Дистелеологіи*, т. е. ученія о нецѣлесообразности. Мы ниже увидимъ, что собственно онъ подъ этимъ разумѣетъ. Теперь же намъ пора приступить къ самому дѣлу, и для этого представить на обсужденіе читателя рядъ фактовъ. Такова привилегія, скажу сильнѣе, обязанность философіи натуральной—въ противоположность отживающей свой вѣкъ умозрительной—держаться на почвѣ фактовъ. Какъ бы ни была глубока и широка сокровищница разума умозрительнаго философа, развиваемое имъ тенето изъ посылокъ и выводовъ, безъ скрѣпляющихъ узловъ, твердо установленныхъ фактовъ, рискуетъ расползтись и пойти на смарку, подобно сложному математическому вычисленію, въ которое вкралась ошибка. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе факты, тѣмъ легче операція ума мыслителя сводится къ простому ихъ сопоставленію, тѣмъ болѣе устраняется субъективность философскихъ разсужденій. На англійскомъ языкѣ Philosophy обозначаетъ одновременно и философію, и естествознаніе, да и въ Германіи физикоматематическіе факультеты именуются философскими, и, право,

это не такъ дурно. Знай мы основательно всю внѣшнюю природу и все, что совершается въ нашемъ собственномъ организмѣ, тѣлесномъ и духовномъ, мы и не нуждались бы въ философіи: она приложилась бы сама собою вмѣстѣ съ рѣшеніемъ всѣхъ ея вопросовъ, даже тѣхъ, которые нынѣ представляются намъ недосягаемыми для человѣческаго ума, ограниченнаго, неспособнаго охватить необъятное въ пространствѣ и времени мірозданіе и постичь его первопричины. Въ сравненіи съ такими основными вопросами философіи предлагаемый нами на обсужденіе является весьма скромнымъ, детальнымъ. За то фактическій матеріалъ къ его освѣщенію подавляетъ своей обширностью. Конечно, рамка настоящей статьи позволитъ намъ воспользоваться лишь нѣсколькими примѣрами къ иллюстраціи защищаемыхъ положеній.

Начнемъ съ любого примѣра, приходящаго намъ въ голову, хотя бы съ организаціи птицъ. Въ ней вся совокупность и всѣ детали направлены къ созданію существъ, способныхъ къ полету. Ихъ тѣло упирается въ землю и передвигается по ней лишь помощью задней пары конечностей, тогда какъ передняя освобождена отъ обязанности служить носительницею тѣла и преобразована въ воздушныя весла. Такъ какъ полетъ совершается въ чрезвычайно разряженной средѣ, то отталкивающіяся отъ нея крыловыя поверхности должны быть возможно обширныя, несравненно обширнѣе обыкновенныхъ веселъ, которыя, надавливая на менѣе податливую воду, толкаютъ впередъ лодку. Столь обширныя крыловыя поверхности созидаются, съ соблюденіемъ необычайной бережливости въ матеріалѣ, не столько изъ костей и мускуловъ, сколько изъ перьевъ, т. е. легкихъ, въ стержневой части пустыхъ, широкихъ, упругихъ пластинокъ изъ рогового вещества. На придачу къ крыльямъ птицы одарены воздушнымъ рулемъ, опять-таки изъ перьевъ. Послѣднія расположены вѣеромъ на очень укороченномъ хвостѣ, который, только благодаря своему укороченію, и можетъ съ достаточною силою управлять этимъ рулемъ. Независимо отъ этихъ активныхъ органовъ полета, птицы обладаютъ еще весьма цѣлесообразными приспособленіями, пассивно облегчающими полетъ, эту труднѣйшую изъ формъ передвиженія, труднѣйшую потому, что воздухъ, при ничтожномъ своемъ вѣсѣ, не поддерживаетъ находящихся въ немъ тѣлъ, какъ это дѣлаетъ вода, въ которой, по закону Архимеда, животныя утрачиваютъ свой вѣсъ почти цѣликомъ. Въ расправленномъ положеніи крылья и хвостъ составляютъ обширный парашютъ, который даетъ птицѣ возможность парить, т. е. покоиться въ воздухѣ почти недвижимой. Далѣе, приняты мѣры къ уменьшенію удѣльнаго вѣса птицы. Опереніе образуетъ весьма рыхлый и сравнительно толстый покровъ на птичьемъ тѣлѣ. Всѣ пространства между пухомъ и покровными перьями заняты воздухомъ, да къ тому же, еще нагрѣтымъ, стало быть особенно легкимъ. На сколько пухла эта воздушная шубка, объ этомъ свидѣтельствуетъ сличеніе объема неощипанной и ощипанной птицы.

Шубка, значительно увеличивая объемъ птицы на счетъ очень легкихъ перьевъ и еще болѣе легкаго воздуха, уменьшаетъ ея удѣльный вѣсъ. Къ тому же уменьшенію удѣльнаго вѣса съ наилучшимъ успѣхомъ направлены извѣстныя приспособленія органовъ дыханія. Нѣкоторыя изъ вѣтвей дыхательнаго горла, вмѣсто того, чтобы, дробясь все больше и больше, теряться въ массѣ мельчайшихъ легочныхъ трубочекъ и воронокъ, раздуваются еще у птенца въ обширные мѣшки, которые, въ числѣ нѣсколькихъ паръ, располагаются въ полости тѣла между внутренностями. Пока птица находится на землѣ, эти мѣшки лишь слегка наполнены воздухомъ; но въ моментъ, предшествующій взлету, птица однимъ, двумя усиленными вдыханіями накачиваетъ въ нихъ большое количество воздуха, при чемъ объемъ тѣла значительно увеличивается, а удѣльный его вѣсъ падаетъ. У иныхъ птицъ воздухоносные мѣшки на столько обширны, что выступаютъ изъ полости тѣла; а у одной изъ голенастыхъ птицъ (Psophia crepitans) они простираются подъ кожей по всему туловищу. Такая птица, при надавливаніи на нее руками, издаетъ особый трескъ, крепитацію, откуда и ея названіе. Мало того, у всѣхъ летающихъ птицъ отростки воздухоносныхъ мѣшковъ вростаютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ въ извѣстныя кости, разумѣется, пока кости еще мягкія, хрящеватыя, т. е. у птенца. Такимъ образомъ костный мозгъ трубчатыхъ костей у птицъ замѣщается еще болѣе легкимъ воздухомъ. Есть такіе отличные летуны, у которыхъ почти весь скелетъ оказывается пневматичнымъ.—Въ способѣ размноженія яйцами опять-таки усматривается одинъ изъ способовъ къ уменьшенію объема и вѣса птицъ. Обладая способностью передвиженія и по землѣ, и по воздуху, птицы особенно легко пріискиваютъ себѣ пищу, да еще въ томъ избыткѣ, котораго вполнѣ достаточно для того, чтобы за короткій періодъ, предшествующій насиживанію, накопить достаточно матеріала для отращиванія извѣстнаго числа желтковъ, для покрытія ихъ слоемъ бѣлка и скорлупой; но эти яйца, сами по себѣ довольно тяжелыя, не долго задерживаются въ материнскомъ тѣлѣ; происходя послѣдовательно одно за другимъ, они быстро же и откладываются. Недоразвитіе у птицъ праваго яичника можетъ разсматриваться какъ предупрежденіе одновременнаго скопленія въ полости тѣла двухъ или болѣе сильно развитыхъ, тяжелыхъ яицъ.

Возьмемъ еще другой примѣръ, гдѣ цѣлесообразность организаціи животныхъ также особенно рѣзко бросается въ глаза. Китообразныя животныя изо всѣхъ млекопитающихъ полнѣе всего приноровлены къ водяному образу жизни. Ихъ форма тѣла рыбообразная, а потому удобна для врѣзыванія въ воду. Шаткость и валкость движеній—какъ у рыбъ—устраняется килями, расположенными по хребту. Передняя пара конечностей преобразована въ весла, въ которыхъ снаружи не видно отдѣльныхъ пальцевъ; а, ради наипрочнѣйшаго скрѣпленія костей, всѣ сочлененія между ними, не исключая и локтевого, замѣнены хрящевыми

спайками; осталось одно лишь плечевое сочлененіе, въ которомъ плавникъ вращается какъ весло въ уключинѣ. Въ отличіе отъ всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, главнѣйшее двигательное отправленіе передано, однако, хвосту, который, какъ у рыбъ, работаетъ наподобіе пароходнаго винта, точно также придѣланнаго сзади. Значительнѣйшая часть мускулатуры, опять-таки какъ у рыбъ, пріурочена именно къ хвосту. Китообразныя не тратятся на производство волосянаго покрова, который не имѣлъ бы никакого смысла для тепловой защиты у животнаго, никогда не покидающаго воду. Природа одарила китовъ болѣе цѣлесообразной, такъ сказать, внутренней шубой подъ видомъ чрезвычайно мощнаго пласта подкожнаго сала, которымъ, какъ веществомъ весьма легкимъ, кромѣ того, значительно облегчается удѣльный вѣсъ тѣла. Необычайная рыхлость костей, даже у гигантскихъ представителей отряда, можетъ быть сведена на экономію въ тяжеловѣсномъ костномъ веществѣ, экономію тѣмъ болѣе допустимую, что все тѣло поддерживается со всѣхъ сторонъ водою, въ которой движенія совершаются безъ особаго напряженія силъ и безъ чрезмѣрнаго тяженія мускуловъ на костную систему. Съ быстротою стрѣлы китообразныя обгоняютъ любой, самый скорый пароходъ. Благодаря отсутствію ушной раковины, слуховой проходъ легко остается незамѣченнымъ. Онъ на столько узокъ, что въ него не можетъ забираться вода. Звуковыя волны достигаютъ слухового аппарата главнымъ образомъ по костямъ черепа, которыя въ водѣ представляютъ хорошій проводникъ для звука. Носовыя отверстія смѣщены съ конца морды на верхнюю поверхность головы, на лобъ. Этимъ достигаются двѣ выгоды: во-первыхъ, они не такъ легко захлестываются волнами, и, во-вторыхъ, и это главное, животное въ моментъ вдыханія, выставляя ноздри изъ воды, сохраняетъ свое горизонтальное положеніе. Оригинально устройство гортани, которая, продолжаясь кверху длинной трубкой, выступаетъ надъ небной зановѣской. Благодаря этому, китообразныя пользуются способностью одновременно и дышать, и глотать: единственная въ своемъ родѣ привилегія, особенно цѣнная для млекопитающаго водяного, рискующаго не только поперхнуться, но и захлебнуться. Необычайно емкія легкія являются своего рода плавательными пузырями. Захватываемый ими запасъ воздуха настолько значителенъ, что китъ дѣлаетъ въ минуту всего по пяти вдыханій и выдыханій, а въ случаѣ надобности, можетъ оставаться подъ водою, утверждаютъ, безъ малаго часъ. Весьма остроумнымъ и цѣлесообразнымъ аппаратомъ у настоящихъ китовъ является частоколъ изъ китоваго уса, которымъ усажены верхнія челюсти взамѣнъ зубовъ. Нуждаясь для своего прокормленія въ громадныхъ количествахъ питательнаго матеріала, киты не могутъ преслѣдовать добычу, плавающую врозь, а должны хватать ее цѣлыми стаями сразу. Забравъ въ широкую пасть стаю рыбъ, ракообразныхъ или мягкотѣлыхъ, китъ выцѣживаетъ избытокъ воды, черезъ китовый усъ.

Мы взяли тутъ на удачу двѣ группы животныхъ; но съ такимъ же правомъ могли бы выбрать, вмѣсто нихъ, сколько угодно другихъ и съ такимъ же успѣхомъ пояснить на нихъ цѣлесообразность организаціи. Ради дальнѣйшаго примѣра, отъ организаціи животнаго въ цѣломъ перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію одной опредѣленной системы органовъ. Какъ таковую, возьмемъ костную, какъ особенно хорошо изученную.

Будучи положена въ разбавленную водою кислоту, хотя бы соляную, кость лишается мало-по-малу своихъ минеральныхъ частицъ, главнымъ образомъ фосфорнокислой и углекислой извести. Онѣ растворяются, а изъ раствора могутъ быть получены въ твердомъ видѣ выпариваніемъ или осажденіемъ помощью подходящихъ реактивовъ. По мѣрѣ извлеченія изъ кости известковыхъ частицъ, она становится слегка просвѣчивающей и, что насъ особенно интересуетъ, становится совсѣмъ гибкой, упругой наподобіе хряща или резины. Въ кипящей водѣ эта органическая, лишенная извести, декальцинированная, кость растворяется безъ остатка, а ея растворъ застываетъ въ студень, который, будучи высушенъ, даетъ пластинку обыкновеннаго, столярнаго, клею. По своимъ результатамъ обратный опытъ надъ костями заключается въ ихъ обжиганіи. При этомъ онѣ сначала обугливаются, чернѣютъ, а потомъ, по сгораніи и угля, становятся бѣлыми какъ мѣлъ, звонкими и до того хрупкими, что не только растрескиваются и ломаются отъ ничтожнаго удара, но и совершенно легко могутъ быть искрошены пальцами въ порошокъ. Таковы физическія свойства кости, въ которой выгорѣли всѣ органическія вещества и остались одни только неорганическія. Ясно, что какъ хрупкій минеральный, такъ и гибкій органическій матеріалъ, взятые каждый самъ по себѣ, были бы никуда негодны для построенія костей. Иное дѣло ихъ химическое соединеніе, которое получаетъ свои собственныя физическія свойства. Вещество костей изслѣдовано весьма многими механиками, тѣми же способами какъ изслѣдуются вообще всякаго рода матеріалы, находящіе себѣ примѣненіе въ техникѣ, т. е. на сопротивленіе давленію, разрыву и изгибу. При этомъ получились изумительныя данныя. Такъ, напримѣръ, извѣстной величины костяной кубикъ выдерживаетъ такую же нагрузку какъ такой же величины кубикъ изъ шведскаго желѣза; къ костяному пруту съ поперечникомъ всего въ квадратный дюймъ (примѣрная толщина нашихъ костей бедренной и плечевой) можетъ быть подвѣшено столько же, сколько къ мѣдному пруту такого же калибра, а именно, болѣе девятисотъ пудовъ: цѣлый слонъ. Послѣ этого понятно, что у атлетовъ не разрываются и не ломаются кости, когда они подымаютъ коня со всадникомъ.

Большое сомнѣніе въ цѣлесообразности устройства костей возбуждаетъ съ перваго взгляда ихъ такъ называемое губчатое вещество. Дѣло въ томъ, что преобладающее число костей имѣетъ лишь очень тонкій,

съ картонъ или даже писчую только бумагу, поверхностный слой плотнаго костнаго вещества, тогда какъ вся остальная ихъ масса состоитъ лишь изъ мелкихъ, очень тонкихъ костяныхъ пластинокъ, переплетающихся сѣтообразно, при чемъ промежутки между ними наполнены кровью, а иногда также отчасти и жировою тканью. На повѣрку оказывается, что, на основаніи механическихъ вычисленій, пластинки губчатаго вещества расположены въ каждой изъ костей по своему, сообразно ея службѣ, т. е. примѣнительно къ направленію давленія испытываемаго ею въ организмѣ. Пластинкамъ присвоено тоже значеніе, какое имѣютъ мостовыя фермы, т. е. ими достигается громадное сбереженіе въ матеріалѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его вѣсѣ, безъ сколько-нибудь существеннаго ущерба сопротивленію. Такого рода математически точно расположенныя пластинки, образующія системы арокъ, представляютъ особый интересъ въ наконечникахъ (эпифизахъ) длинныхъ или трубчатыхъ костей, хотя бы нашихъ бедренныхъ. Ими безъ лишней затраты вещества достигается значительное раздутіе эпифизы, которое, въ свою очередь, представляетъ двоякаго рода выгоды. Такъ оно сопряжено съ увеличеніемъ площади сочленовныхъ поверхностей и съ распредѣленіемъ давленія и сотрясеній, испытываемыхъ сочлененіями, на большее число точекъ; а этимъ сберегаются сочлененія. Далѣе раздутыя эпифизы служатъ какъ бы блоками, черезъ которые перекидываются сухожилія мускуловъ, для которыхъ необходимо прикрѣпляться къ костямъ подъ извѣстными углами. На самомъ дѣлѣ, еслибъ сухожилія прикрѣплялись къ костямъ плашмя то сокращенія мускуловъ не могли бы вывести кость изъ мертвой точки, а лишь крѣпче притянули бы ее къ смежной кости. Мы уже сказали, что раздутіе эпифизъ достигается безъ лишней затраты костнаго вещества. Поясникъ это положеніе сообщеніемъ, что поперечная пластинка, выпиленная изъ эпифизы, вѣситъ отнюдь не больше пластинки такой же толщины, выпиленной изъ средней части той же кости.

Эта средняя часть кости, такъ называемая діафиза, содержитъ пустоту, дупло, съ очень легкою жировою тканью—костнымъ мозгомъ. Мы напрасно подозрѣвали бы въ этой чертѣ организаціи ущербъ для прочности костяка. Ни одинъ архитекторъ не закажетъ массивной чугунной или вообще металлической колонны, скажемъ, для портика, а непремѣнно пустую: пустая дешевле, легче, удобнѣе переносится и водружается, и при этомъ обладаетъ почти такимъ же сопротивленіемъ какъ колонна массивная такого же объема. Такъ, напримѣръ, колонна съ пустотою въ половину ея діаметра, при громадномъ сбереженіи матеріала, разнится отъ колонны массивной лишь на одну шестнадцатую своего сопротивленія. Это значитъ, что если максимальная возможная нагрузка массивной колонны выражается, скажемъ, въ 100 пудахъ, то эта нагрузка для пустой выражается, приблизительно, въ 94 пудахъ. Несомнѣнно, выгодно поступиться этими пятью процен-

тами сопротивленія, если въ вѣсѣ и цѣнѣ колонны можетъ быть сдѣлано сбереженіе на двѣнадцать процентовъ. Мало того, оказывается, что можно обойтись при конструкціи пустыхъ колоннъ и вовсе безъ ущерба въ сопротивленіи, для чего достаточно лишь увеличить ихъ діаметръ. На самомъ дѣлѣ, изъ двухъ одинаковыхъ глыбъ чугуна можно отлить двѣ колонны, массивную и пустую, при чемъ сопротивленіе послѣдней будетъ втрое больше сопротивленія первой. Для этого стоитъ только, при одинаковой высотѣ колоннъ, придать просвѣту пустой колонны размѣръ колонны массивной. Эпифизы нашихъ бедренныхъ костей не были бы въ состояніи нести на себѣ тяжесть туловища, еслибъ волшебная сила выжала изъ нихъ костный мозгъ и уплотнила бы ихъ въ массивную палочку соотвѣтственной тонины.

Однако, довольно! Слышатся энергическіе протесты, обвиняющіе насъ въ отсталости, въ преклоненіи предъ *Анаксагоромъ* и *Галеномъ*. Дѣйствительно, мы увлеклись, мы забыли, что телеологія сдана нынѣ въ архивъ, чуть ли не предана анаѳемѣ, какъ вреднѣйшая научная ересь. Остается только покаяться и исправиться.

Вернемся хотя бы къ хваленому составу костей. Не долговѣчны его отмѣнныя качества. Въ пожиломъ возрастѣ отложеніе въ костной ткани минеральныхъ частицъ и вытѣсненіе ими органическихъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что кости становятся хрупкими, и всякое паденіе, хотя бы на паркетѣ, угрожаетъ старцу переломами. Восторгаются глазомъ, считая его драгоцѣннѣйшимъ даромъ природы; а между тѣмъ, сколько въ немъ, на повѣрку, оказывается недостатковъ! Его преломляющія среды мутноваты, недостаточно симметричны и ахроматичны, не свободны отъ сферической аберраціи свѣтовыхъ лучей; въ глазу не только обширный поясъ плохого видѣнія, но и въ области хорошаго видѣнія прямо-таки большое слѣпое пятно и т. д. Все это, взятое вмѣстѣ, заставляло такого вполнѣ трезваго первокласснаго ученаго, какъ *Гельмгольцъ*, заявить, что еслибъ механикъ принесъ ему оптическій инструментъ съ такими погрѣшностями, то онъ не задумался бы возвратить его при строгомъ выговорѣ.

А сколько ненужнаго, нецѣлесообразнаго балласта поразсовано по разнымъ отдѣламъ хотя бы человѣческаго тѣла! Мы говоримъ о зачаточныхъ органахъ, явно унаслѣдованныхъ отъ животныхъ, а у насъ лишенныхъ всякаго значенія. Ихъ насчитываются многіе десятки. Между ними есть и такой прямо вредный, какъ червеобразный отростокъ, т. е. отставшій въ ростѣ конецъ слѣпой кишки. Въ него нерѣдко забиваются косточки вишенъ, сливъ и т. п. твердыя примѣси пищи, раздражаютъ его стѣнки и вызываютъ воспаленіе брюшины, одну изъ мучительнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для жизни болѣзней. Не станемъ утомлять читателей длиннымъ перечнемъ нашихъ зачаточныхъ органовъ. Интересующимся ими основательнѣе рекомендуемъ брошюру извѣстнаго сравнительнаго анатома *Видерсгейма* «Der Bau des Menschen

als Zeugniss für seine Vergangenheit». Присутствіе въ тѣлѣ животныхъ зачаточныхъ, безполезныхъ, а потому обременительныхъ, органовъ и послужило *Геккелю* поводомъ къ установкѣ *дистелеологіи*, ученія о нецѣлесообразности въ природѣ, какъ противовѣса телеологіи. Дистелеологія усматриваетъ смыслъ организаціи въ прошломъ, на которое и указываютъ зачаточные органы, а не въ предрѣшеніи этой организаціи извѣстными цѣлями. Ученіе о дистелеологіи могло бы быть расширено и упоминаніемъ въ немъ другого рода недостатковъ организаціи, въ родѣ только что указанныхъ относительно глаза. Мало того, сюда могло бы быть присоединено и разсмотрѣніе извѣстныхъ животныхъ формъ, по своей неуклюжести или другимъ недостаткамъ, плохо приноровленныхъ къ борьбѣ за существованіе. Многія исполинскія ящерицы первобытнаго міра, надо полагать, угасли прямо вслѣдствіе своей неуклюжести, неповоротливости. Гибельной дистелеологической утрировкой отзываются непомѣрно тяжелые, спирально извитые бивни мамонтовъ, саженные рога исполинскаго оленя доисторической эпохи. Еще не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, мореплавателями перебиты поголовно сѣверныя морскія коровы или капустницы (Rhytina Stelleri), водившіяся у береговъ Камчатки и острововъ Беринговаго и Мѣднаго. Эти беззащитныя, глупыя, крайне грузныя, неповоротливыя на берегу и въ мелкой водѣ животныя отдавали себя въ руки людей, вооруженныхъ даже одними кольями. Еще столѣтіемъ раньше подверглась той же участи птица додо или дронтъ, острововъ св. Маврикія и Родригецъ, точно также глупая, неуклюжая, и притомъ лишенная летательной способности.

Смѣемъ увѣрить читателей, что хорошо помнимъ такого рода факты, мало того, мы даже сами писали еще недавно о роковыхъ послѣдствіяхъ для животныхъ утрировки извѣстныхъ признаковъ, первоначально для нихъ полезныхъ, какъ, напр., бивней мамонтовъ и роговъ исполинскаго оленя. Такія, доведенныя до невозможныхъ предѣловъ орудія обороны и нападенія, въ концѣ концовъ, должны были превратиться въ своего рода капканы или ловушки, благодаря которымъ ихъ обладатели застрявали нерѣдко въ лѣсной чащѣ и погибали *). Однако, несмотря на всѣ дистелеологическіе аргументы, которыхъ мы и не намѣрены отрицать, мы, тѣмъ не менѣе, передумали идти въ Каноссу и попытаемся заступиться за ученіе о цѣлесообразности въ природѣ, правда, не безъ указанія ему естественныхъ границъ.

Въ основѣ рѣзкаго отрицательнаго отношенія къ телеологіи лежатъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Такъ, прежде всего весьма часто цѣлесообразность смѣшивается съ совершенствомъ, тогда какъ цѣлесообразность какого-либо устройства выражаетъ лишь его пригодность къ извѣстнаго рода отправленіямъ и достаточное приноровленіе къ даннымъ

*) «Направленія въ измѣнчивости вида». «Вѣстникъ Европы» 1893, сентябрь.

внѣшнимъ условіямъ жизни. Было бы смѣло утверждать невозможность болѣе совершенной птицы, болѣе совершеннаго кита, чѣмъ нынѣ существующіе. Совершенство мы имѣемъ право приписывать только всемогущей причинѣ всего бытія и ея воплощенію, т. е. вселенной во всей ея совокупности. Въ частности же совершенство мыслимо только въ сферѣ идеала; идеалъ же нѣчто существующее лишь въ идеѣ—таковы его суть и опредѣленіе. Конкретныя тѣла могутъ лишь болѣе или менѣе стремиться и приближаться къ идеалу. Тончайшіе математическіе инструменты, истинный тріумфъ современныхъ теоретическихъ вычисленій и технической умѣлости, повидимому, ближе всего подходятъ, въ предѣлахъ возможнаго, къ намѣченному идеалу; но и они имѣютъ свои погрѣшности, поддающіяся вычисленію и коррекціи съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ абсолютной точности. Если возмужалый человѣкъ во всеоружіи ума и техники не въ состояніи построить идеально точнаго снаряда, то имѣемъ ли мы право ожидать такой работы отъ формативныхъ процессовъ, разыгрывающихся въ зародышѣ? Для того, чтобы по достоинству оцѣнить, напр., дивный даръ природы, нашъ органъ зрѣнія, слѣдуетъ подчеркивать не его недостатки, а его преимущества передъ менѣе совершенными подобными органами. Глаза въ самомъ простѣйшемъ видѣ встрѣчаются еще у нѣкоторыхъ инфузорій и водорослей и состоятъ здѣсь изъ краснаго или бураго пятнышка въ периферическомъ слоѣ одноклѣтнаго тѣла—и только. Такое пятнышко должно обладать способностью сгущать свѣтовые (и тепловые) лучи. Въ этомъ дѣлѣ ему помогаетъ сплошь да рядомъ у тѣхъ же низшихъ организмовъ чечевицеобразное прозрачное тѣльце, своего рода хрусталикъ, который есть ничто иное, какъ крошечный участокъ периферическаго слоя одноклѣтнаго существа. Въ сравненіи съ такимъ простѣйшимъ зачаткомъ, глаза низшихъ мягкотѣлыхъ, составленные изъ слоя свѣточувствительныхъ клѣточекъ и пигмента на днѣ углубленія кожи, представляютъ уже нѣчто весьма совершенное. То же самое слѣдуетъ сказать и о глазкахъ червей и членистоногихъ животныхъ, которые образуются выступающею на периферіи тѣла группою свѣточувствительныхъ клѣточекъ и утолщенной чечевицеобразно кожицей. Длиненъ путь, пройденный природой при выработкѣ изъ подобныхъ простыхъ началъ органовъ зрѣнія позвоночныхъ животныхъ. Къ тому же, возможно и ихъ дальнѣйшее усовершенствованіе. Настойчиво, неуклонно и безостановочно и поднесь преслѣдуя путь прогресса, человѣческій организмъ стремится также отдѣлаться—мы въ этомъ не сомнѣваемся—отъ обременяющихъ его безъ пользы всякаго рода зачаточныхъ органовъ, этого давняго наслѣдія. Разумно ли сокрушаться надъ тѣмъ, что съ годами портится составъ нашихъ костей, что онѣ становятся хрупкими, когда и стальные рычаги и колеса наилучшихъ машинъ отъ сотрясеній измѣняются въ молекулярномъ строеніи и точно также дѣлаются хрупкими? Только предвѣчное совершенно и несокрушимо. Мало того, жизнь вселенной осно-

вана на бренности ея неодушевленныхъ и одушевленныхъ созданій. Совершенство вселенной, какъ цѣлаго, и ея первопричины исключаетъ совершенство всякаго конкретнаго созданія въ отдѣльности, ибо такое совершенство предполагало бы несокрушимость созданій, а несокрушимость исключала бы неустанную ихъ смѣну, на которой зиждется жизнь природы. Наше собственное тѣло, какъ механизмъ самообновляющійся, съ несомнѣннымъ гармоническимъ приспособленіемъ его частей, какъ механизмъ, къ которому пріурочены и душевныя проявленія (сознаніе, воля, разумъ, творчество), стоитъ неизмѣримо выше самаго точнаго математическаго прибора. Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ право приписывать нашему организму, да и всѣмъ сочленамъ окружающей насъ органической природы, *относительное совершенство* или цѣлесообразность.

Переходимъ къ другому недоразумѣнію, которымъ точно также затемняется правильная оцѣнка вопроса о цѣлесообразности въ природѣ. Говорятъ, что цѣлесообразность обязательно предполагала бы предначертанную цѣль и лицо, не только намѣтившее эту цѣль, но и намѣтившее ее по собственному произволу или собственнымъ соображеніямъ. На мѣсто цѣлей этими критиками ставится сутолока видовъ матеріи и энергіи, которые, такъ или иначе удачно сочетавшись между собою въ первоначальномъ хаосѣ, привели, въ силу причинности, т. е. роковымъ образомъ, къ безконечному сцѣпленію феноменовъ, называемому нами мірозданіемъ, со всѣми его неоживленными и оживленными существами, со всей его гармоничностью. Мыслимо ли это?

«Все мірозданіе,—говоритъ *Бэръ*, за которымъ мы охотно послѣдуемъ въ этой части нашего изложенія,—все мірозданіе приходилось бы считать одною необъятною случайностью, если силы, имъ двигающія, не были бы цѣлесообразно соразмѣрены». Почему же, спрашивается, эти силы такъ часто попадаютъ въ цѣль, если цѣлей не существуетъ? На стрѣльбищѣ, мимо мишени, скачетъ всадникъ; лошадь подбрасываетъ копытами камешки, и одинъ изъ нихъ попадаетъ въ центръ мишени. Анализируя это происшествіе, мы устанавливаемъ рядъ причинъ, которыя приподняли съ земли данный камешекъ и направили его въ центръ мишени. Все это такъ; но, тѣмъ не менѣе, между бѣгомъ лошади и мишенью нѣтъ никакого соотношенія и достиженіе камешкомъ цѣли мы имѣемъ полное право назвать чисто случайнымъ. Другое дѣло, когда предъ мишенью появляется умѣлый стрѣлокъ. Онъ избираетъ ее *цѣлью*, опытною рукою и опытнымъ глазомъ *прицѣливается*. Поэтому никто не говоритъ о случайности, если метательный снарядъ такого стрѣлка всаживается въ самый центръ; напротивъ, скорѣе говорятъ о какой-либо неожиданной случайности, помѣшавшей стрѣлку попасть въ намѣченную цѣль. Изъ сопоставленія этихъ двухъ примѣровъ вполнѣ явствуетъ различіе между случайнымъ и законнымъ достиженіемъ цѣли. Мыслимы и такіе случаи, гдѣ элементы случайности и законности комбинируются. На постройкѣ, отъ какой бы то ни было причины, съ кар-

низа оборвался еще не прочно укрѣпленный кирпичъ; направленіе его паденія предопредѣлено, такъ какъ дается положеніемъ центра земного шара, какъ идеальною цѣлью паденія; а по причинѣ непроницаемости земли и недостигаемости ея центра, реальною цѣлью является извѣстная точка земной поверхности. Паденіе кирпича именно въ эту, а не другую точку вполнѣ закономѣрно; зато является незакономѣрнымъ, а дѣломъ случайности, если при этомъ будетъ убитъ рабочій, такъ какъ послѣдній могъ избрать для своего послѣобѣденнаго отдыха и другое мѣсто, хотя бы на какой-нибудь футъ въ сторону отъ рокового.

Въ колодѣ 52 игральныя карты. Распредѣленіе ихъ между участниками партіи должно быть случайное, для чего карты передъ раздачею основательно перетасовываются. Представимъ себѣ такого рода происшествіе, что у каждаго, или хотя бы у одного изъ игроковъ, оказались всѣ карты одной и той же масти. Или, другой примѣръ, представимъ себѣ счастливца, который изъ года въ годъ на свой билетъ выигрываетъ по двѣсти тысячъ. И тотъ, и другой случай, вѣдь, вполнѣ возможны; но осуществись они на самомъ дѣлѣ, всякій былъ бы въ правѣ подозрѣвать подлогъ, фокусъ, подкупъ, словомъ сказать, умыселъ. На самомъ дѣлѣ такого рода результаты лотерейнаго тиража и карточной раздачи слишкомъ сложны и гармоничны для признанія ихъ лежащими *внѣ* сферы какой-либо направляющей причины, внѣ *цѣлемѣрности*. А вотъ, природою-то какъ разъ всюду и вездѣ и достигаются аналогичные сложные результаты. Въ ихъ основѣ лежитъ никакъ не менѣе сложное сцѣпленіе причинъ, чѣмъ въ приведенныхъ примѣрахъ; а результатъ ихъ все же предрѣшенъ, безошибочно нами предугадывается. Что же въ такомъ случаѣ, спрашивается, мѣшаетъ намъ усматривать въ данномъ сцѣпленіи причинъ и явленій стремленіе къ опредѣленной цѣли, т. е. цѣлесообразность? Опять пояснимъ примѣромъ.

Въ яичкѣ, снесенномъ бабочкой—мы это знаемъ напередъ—разыграется рядъ весьма сложныхъ, до сихъ поръ лишь въ очень малой долѣ раскрытыхъ наукой химическихъ, физическихъ и механическихъ процессовъ, которые, въ концѣ концовъ, приведутъ къ заранѣе намъ извѣстному результату, къ сформованію гусеницы. На счетъ накопленныхъ въ яйцѣ матеріаловъ будутъ развиваться и такіе органы, которые для зародыша, какъ такового, совершенно не нужны, а найдутъ себѣ примѣненія лишь впослѣдствіи, въ свободной жизни гусеницы. Таковы, для примѣра, челюсти, коими прожорливое червеобразное существо будетъ обгрызать листья. Съ ихъ помощью гусеница присвоитъ себѣ массу питательнаго матеріала, необходимаго для ея роста, для нормальнаго развитія ея органовъ и для скопленія запасовъ въ громадномъ такъ называемомъ жировомъ тѣлѣ, которымъ какъ бы укутаны всѣ ея внутренности. Всѣмъ этимъ подготовляются послѣдующіе процессы, точно такъ же безошибочно нами предсказываемые, несмотря на ихъ слож-

ность. По достиженіи полнаго роста гусеница перестанетъ принимать пищу и временно всецѣло предастся работѣ оплести себя плотнымъ защитнымъ футляромъ или кокономъ. Матеріаломъ для кокона явится тягучая жидкость, выдѣляемая особыми, громадными железами и застывающая въ шелковую нить. Эти шелковичныя железы, не смотря на то, что понадобятся такъ поздно, закладываются, подобно челюстямъ, еще у зародыша. Внутри кокона гусеница успокоится надолго, предоставляя себя въ полное распоряженіе внутреннимъ реформамъ, которыя будутъ направлены прежде всего къ формовкѣ куколки, а затѣмъ и готовой бабочки со всѣми ея аттрибутами: крыльями, хоботомъ и т. д., и т. д. Внѣшними проявленіями этой внутренней усиленной строительной работы явится сначала сбрасываніе куколкой гусеничной кожи, а напослѣдокъ вылѣзаніе бабочки изъ покрововъ куколки и изъ кокона. Готовая бабочка расправитъ свои пока еще сложенныя вдоль и поперекъ крылья и взлетитъ на воздухъ. Все развитіе бабочки, да и всякаго другого животнаго, начиная съ яйца, совершается какъ по писанному, можетъ быть предусмотрѣно, предсказано и неукленно ведетъ къ заранѣе извѣстной цѣли. Это совершается съ такою же точностью и вѣрностью, съ какою ядро попадаетъ въ цѣль при автоматической пальбѣ.

Намъ возражаютъ: процессы развитія совершаются роковымъ образомъ, при чемъ одни, предшествующіе, неминуемо влекутъ за собою другіе, послѣдующіе. Такъ съ высоты утеса на горной вершинѣ сорвался снѣжный комъ и, скатываясь, захватываетъ все новыя и новыя массы снѣга, льду и камней, растетъ съ минуты на минуту, пока не обрушится съ грохотомъ въ долину. Охотно вѣримъ въ такого рода преемственный механизмъ, образчики котораго уже и теперь раскрыты. Въ Германіи издается даже спеціальный журналъ по механикѣ развитія. Издателю этого журнала *Вильгельму Ру* принадлежитъ общепринятое нынѣ объясненіе столь цѣлесообразнаго расположенія пластинокъ въ губчатомъ веществѣ костныхъ эпифизъ мостовыми фермами. У новорожденнаго расположенію этихъ пластинокъ еще чужда всякая правильность: они сплетаются по всѣмъ направленіямъ. Впослѣдствіи, когда младенецъ начинаетъ пользоваться своимъ скелетомъ, принимая нормальную позу и передвигаясь обычнымъ для взрослаго образомъ, на эпифизы дѣйствуетъ тяжесть тѣла. Эта тяжесть въ видѣ давленія передается опредѣленнымъ пластинкамъ изъ числа неправильно расположенныхъ въ губчатомъ веществѣ, понятно именно тѣмъ, которыя по своему положенію противопоставлены давленію и обречены играть роль опоръ. Для этихъ, и только для этихъ, пластинокъ давленіе служитъ раздражителемъ, заставляющимъ ихъ усиленно питаться и расти, тогда какъ остальныя пластинки, расположенныя механически ирраціонально, всасываются. По выраженію нашего автора, тутъ происходитъ борьба изъ-за питательнаго вещества, своего рода борьба за существованіе между частицами одного

и того же организма и естественный подборъ частицъ съ сохраненіемъ наиболѣе пригодныхъ. Аналогично этому въ многовѣковой борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ производителей выработались всѣ признаки цѣлесообразной организаціи животныхъ, которые нами подчеркнуты выше, въ видѣ примѣровъ, на птицахъ и китахъ. Упражненіе врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ выгодныхъ индивидуальныхъ отклоненій въ извѣстномъ направленіи, споспѣшествуемое борьбой за существованіе и естественнымъ подборомъ, дало начала и такимъ спеціально приспособленнымъ къ извѣстной цѣли группамъ животныхъ, каковы, напр., птицы. Столь характерные для нихъ воздухоносные мѣшки, поясним для наглядности, появились первоначально, быть можетъ, безъ всякаго отношенія къ полету, такъ какъ имѣются въ зачаточномъ видѣ у хамелеоновъ: наполняя ихъ воздухомъ, эти животныя раздуваются съ цѣлью устрашенія враговъ. Воздухоносными костями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, и воздухоносными мѣшками, обладали и нѣкоторыя исполинскія ящерицы первобытнаго міра, у которыхъ воздушными вмѣстилищами, очевидно, достигалось облегченіе относительнаго и абсолютнаго вѣса тѣла.

Все это прекрасно. Предположимъ даже, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ удастся проанализировать всѣ процессы индивидуальнаго и видового развитія, свести ихъ на неизбѣжную механическую преемственность, на причинность: развѣ этимъ устранятся тѣ цѣли, къ которымъ столь явно стремилось и стремится это развитіе? Всякому понятно, да и само собою разумѣется, что никакая цѣль сама по себѣ никогда и ничего не создавала, а для своего осуществленія всегда требуетъ извѣстныхъ орудій, средствъ. Средства эти должны быть естественными, а уже никакъ не колдовствомъ. Двигателемъ является всегда Causa efficiens, и отнюдь не Causa finalis. Послѣдняя есть только желаемое послѣдствіе, какъ иллюстрируется приведеннымъ нами опредѣленіемъ *Аристотеля*. По этому поводу нельзя не пожалѣть, что латинскій языкъ, на которомъ выпколилась философія, не имѣетъ опредѣленнаго слова для обозначенія цѣли (за исключеніемъ, конечно, той, въ которую воинственный римскій народъ металъ копья и стрѣлы). Causa finalis—конечная причина—терминъ искусственный и въ сущности не лишенный внутренняго противорѣчія (contradictio in adjecto). Въ умозрительной же философіи и діалектикѣ неудачные термины не мало надѣлали бѣды. Тутъ къ слову можно упомянуть и о нѣмецкой терминологіи. Слова Zweck, Zweckmässigkeit сопряжены съ представленіемъ о преднамѣренной цѣлесообразности и въ этомъ смыслѣ дискредитированы избыткомъ рвенія телеологовъ старинной школы. Поэтому *Бэръ* предлагаетъ замѣнить ихъ новымъ терминомъ Zielstrebigkeit, т. е. стремленіемъ къ цѣли. Этотъ терминъ дѣйствительно нейтральный, ничего непредрѣшающій. Русскому слову *цѣль* соотвѣтствуетъ болѣе растяжимое понятіе. Но вернемся къ нашимъ разсужденіямъ.

Однимъ изъ тріумфовъ братоубійственной техники является, несомнѣнно, автоматическая пальба изъ орудій, осуществленная, если не ошибаюсь, впервые у насъ въ Россіи *Петрушевскимъ* для защиты крѣпостей. На большомъ столѣ нанесена карта окружающей мѣстности, разграфленная на квадратики. Каждому квадратику соотвѣтствуетъ опредѣленная установка орудія. Помощью зрительныхъ трубъ, направляемыхъ на непріятельскій корабль или отрядъ, опредѣляется тотъ квадратикъ карты, который соотвѣтствуетъ его положенію и... смертоносное орудіе можетъ быть направлено на намѣченный пунктъ съ почти математическою точностью. Снарядъ достигаетъ своей цѣли. Всѣ условія для успѣшности выстрѣла тутъ даны: правильное направленіе, рядъ дѣйствій, слѣдующихъ неминуемо одно за другимъ: искра, взрывъ, напоръ газовъ, выбрасываніе снаряда и т. д. Все совершается тутъ, повидимому, автоматично, само собою. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь дѣло не обходится безъ направляющей воли, прежде всего остроумнаго изобрѣтателя, а затѣмъ и руководителей пальбы. Но возьмемъ еще примѣры, въ которыхъ воля и преднамѣреніе въ достиженіи цѣли были бы безусловно устранены. На рельсахъ стоитъ паровозъ подъ парами. Совершенно невзначай механизмъ (отъ какой-нибудь случайной причины) приходитъ въ дѣйствіе. Паровозъ покатится роковымъ образомъ именно по рельсамъ; онъ пойдетъ при этомъ именно по тѣмъ путямъ, которые сообщаются съ его парою рельсъ, а не по другимъ, и примчится къ конечной цѣли или, по крайней мѣрѣ, помчится по направленію къ ней. Ему ясно предначертанъ путь наименьшаго сопротивленія. Въ другихъ, болѣе сложныхъ случаяхъ пути могутъ быть хотя также предопредѣлены, предначертаны, но менѣе осязательнымъ образомъ. Малое дитя пустило изъ лука стрѣлу прямо на воздухъ, а быть можетъ, мѣтя съ дѣтскою наивностью въ луну, во всякомъ же случаѣ не туда, гдѣ стрѣла должна будетъ упасть. Мы лично не знаемъ этого мѣста; но болѣе насъ освѣдомленный могъ бы вычислить его съ геодезическою точностью, если только располагаетъ самыми безошибочными свѣдѣніями о направленіи лука въ моментъ выстрѣла, о силѣ, съ которой тетива ударила о стрѣлу, о формѣ, вѣсѣ стрѣлы, о свойствахъ атмосферы въ данный моментъ и т. д. Но и то онъ не былъ бы огражденъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей, какъ-то: внезапнаго порыва вѣтра, отклоняющаго стрѣлу, или пролетающей невзначай птицы, въ которую стрѣла можетъ попасть паче чаянія. Полетъ тѣла, напр., кометы, небеснаго свѣтила, достаточно продолжительный для опредѣленія уже пройденнаго имъ пути, даетъ возможность опредѣленія и дальнѣйшаго, предстоящаго ему пути. Аналогичные наблюденія и выводы примѣнимы и къ развитію организмовъ во многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ. О прошломъ же, уже пройденномъ ими пути даетъ представленіе изученіе, съ одной стороны, окаменѣлостей, а съ другой—зародышеваго развитія, какъ краткаго повторенія историческаго прошлаго въ его главнѣйшихъ фазахъ. Не станемъ повторять того, что довольно подробно

развито нами въ прежнихъ нашихъ работахъ, въ томъ числѣ и въ приведенной выше популярной статьѣ. Въ ней взятъ, какъ основной примѣръ, классъ земноводныхъ и показана его выработка изъ рыбъ, а также стремленіе еще болѣе или менѣе рыбоподобныхъ формъ со временемъ превратиться въ такія же наземныя существа, какими являются сухопутныя саламандры. Тамъ же трактуется и о пророческихъ варіаціяхъ въ другихъ классахъ, не исключая и млекопитающихъ съ ихъ высшимъ представителемъ во главѣ. Мы видимъ тутъ явныя цѣли, къ достиженію которыхъ стремятся представители животнаго царства. Механизмъ поступательныхъ движеній во всемъ мірѣ организмовъ мы безошибочно припишемъ закономѣрному сцѣпленію причинъ и послѣдствій, а начало этихъ движеній—импульсу, дѣйствовавшему въ опредѣленномъ направленіи, толкнувшему первый снѣжный комокъ нарождающейся лавины. Для всей же совокупности природы, для всей, расходящейся вѣтвями, суммы путей развитія мы доискиваемся единой двигательной причины, которая всемогущимъ «да будетъ» оживила хаосъ въ стройное мірозданіе, повинующееся неизмѣннымъ законамъ. Въ силу тѣхъ же законовъ и организмы получаютъ относительное совершенство, т. е. достаточное приноровленіе къ временному существованію или, что то же самое, цѣлесообразное устройство.

Наивное воображеніе многихъ ученыхъ давно минувшихъ столѣтій прилагало къ Творцу мизерный масштабъ, низводило его до степени механика-самоучки, который въ часы досуга занимается формовкой моделей къ будущимъ своимъ созданіямъ. Въ лучшемъ случаѣ въ немъ усматривался древній патріархъ, управляющій своею общиною въ каждомъ конкретномъ случаѣ по личному настроенію. Глубокомысленный терминъ «царствіе божіе» сдѣлался такимъ образомъ пустымъ звукомъ, ибо обширное, благоустроенное царство тѣмъ и отличается отъ патріархальной общины, что управляется мудрыми и твердо установленными законами. Современному спиритуалистическому мыслителю предвѣчное безграничное, неизмѣнное и всеблагое начало должно представляться прежде всего какъ творецъ незыблемыхъ законовъ. Законы же эти ведутъ къ общимъ цѣлямъ: къ вѣчной гармоніи мірозданія, а въ разумныхъ существахъ къ воплощенію идеала правды, добра и красоты или, короче, по *Аристотелю*, къ всеобщему благу.

ИЗЪ Н. БРАША.

СЪ ВЕНГЕРСКАГО.

Пѣснь грусти.

Полей голодныхъ жалкій видъ,
Поблекшей рощи очертанія,—
Все сердце вѣщее томитъ
Безплодной мукой состраданія.

Молясь, тоскуя и любя,
Живя съ тобой, съ тобой страдая,
Не пѣсня выведетъ тебя
На свѣтлый путь, страна родная.

Не пѣсня... Другъ, когда-нибудь
Она замретъ, но не безслѣдно;
Ты пѣсню грусти не забудь:
Она родила гимнъ побѣдный!

Вл. Ладыженскій.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли.

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова.).

(*Окончаніе* *).

XV.

Въ послѣднее время Іонстонъ сталъ часто заходить къ госпожѣ Браттъ, когда директора не бывало дома. Теперь онъ опять сидѣлъ у нея.

Вошелъ онъ такой усталый, точно прошелъ Богъ знаетъ какое разстояніе, и торопливо направился къ дивану, какъ бы опасаясь упасть. Потомъ онъ нѣсколько разъ тревожно подносилъ руку ко лбу и попросилъ стаканъ воды. У него кружилась голова.

— Теперь прошло!—сказалъ онъ, выпивъ воду, и вдругъ заговорилъ съ такимъ лихорадочнымъ оживленіемъ, что госпожа Браттъ встревожилась за него. Очевидно, его здоровье было не на шутку подорвано...

Въ разговорѣ онъ сталъ перескакивать съ одного предмета на другой, не доканчивая начатое и былъ положительно какъ-то особенно страненъ. Теперь онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ о какихъ-то старинныхъ вещицахъ, особенно о старинныхъ часахъ!

— Неужели же вы въ самомъ дѣлѣ такъ интересуетесь такими пустяками, Іонстонъ?—выразила свое удивленіе госпожа Браттъ.

— Да, да... особенно старинными серебряными часами, знаете? такъ-называемыми луковицами! Это, можетъ быть, большое ребячество... я не отрицаю!.. И, пожалуйста, ничего не говорите объ этомъ Братту...

Онъ смотрѣлъ на свою собесѣдницу съ крайнимъ замѣшательствомъ, почти растерянно.

— Браттъ смѣется надъ такими слабостями,—продолжалъ онъ, смущенно улыбаясь,—да и въ самомъ дѣлѣ это ребячество... А между тѣмъ... Знаете ли, старая серебряная луковица Братта дѣйствительно замѣчательнѣйшая вещь! Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что эти часы пріобрѣтены его дѣдомъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

Копенгагенѣ. Это одни изъ первыхъ часовъ, сработанныхъ фирмой Юргенсенъ, тогда еще одной изъ самыхъ ничтожныхъ въ Копенгагенѣ, а теперь обладающей извѣстной всему міру фабрикой въ Швейцаріи... Одинъ изъ сыновей перваго Юргенсена былъ потомъ королемъ Исландіи... Такъ вотъ, не можете-ли вы... конечно, при случаѣ... разспросить Братта разныя подробности объ этихъ часахъ (онъ взглянулъ на нее съ мольбой и неловко засмѣялся). Прежде Браттъ заводилъ эти часы, и даже постоянно ихъ носилъ... Мнѣ любопытно, хорошо ли они шли... А? Небось не особенно надежный хронометръ, и Братту, вѣрно, постоянно приходилось ихъ ставить?

Онъ вдругъ поникъ головой и угрюмо замолчалъ, но тотчасъ же спохватился и снова улыбнулся съ нервнымъ движеніемъ головы, точно ему что-то помѣшало въ креслѣ.

— Этакая старинная луковица... которая уже цѣлое столѣтіе показываетъ время и разницу между дѣйствительностью и мечтами, это, сударыня, удивительная вещь!—продолжалъ онъ.—Меня особенно занимаетъ вопросъ—васъ это, можетъ быть, разсмѣшитъ—спѣшатъ ли такіе старинные часы, или отстаютъ?.. Какъ это было въ послѣдніе годы съ часами Братта? По моему, старые часы съ потертымъ механизмомъ должны спѣшить? Не правда ли? Большая часть карманныхъ часовъ, сколько мнѣ извѣстно, со временемъ начинаетъ спѣшить... А?

— Право, не знаю, Іонстонъ...

— Мнѣ помнится... очень ясно помнится: года четыре тому назадъ Браттъ жаловался на свои часы...

— Очень возможно...

— Правда? Такъ вотъ, не можете ли сказать мнѣ, какъ идутъ эти часы? Ставитъ ли ихъ Браттъ впередъ, или переводитъ назадъ. А? Мнѣ только одно надо знать, спѣшатъ они, или отстаютъ.

Онъ заговорилъ съ такимъ жаромъ и при этомъ такъ пытливо заглядывалъ ей въ глаза, что она еще болѣе удивилась. Положительно, онъ ненормаленъ!

— Эти часы мужъ уже больше не носитъ,—сказала она.—Послѣдніе два, три года они валяются у него гдѣ-то въ ящикѣ. Впрочемъ, Браттъ говорилъ какъ-то, что хочетъ послать ихъ за границу починить.

— Сломаны? Совсѣмъ?—спросилъ Іонстонъ грустно.—И уже говорите, давно?

Онъ поднялъ руку и потеръ себѣ лобъ.

— Однако, съ чего это мы такъ разговорились о часахъ?—спохватился онъ.—Ахъ, да, меня навела на нихъ ваша хорошенькая золотая цѣпочка, сударыня. Я не могу себѣ представить васъ безъ этой тоненькой цѣпочки, которая такъ нѣжно выдѣляется на шелковой отдѣлкѣ вашего платья. Только зачѣмъ на ней этотъ неподходящій бронзовый ключикъ?.. Впрочемъ, пожалуй, это и хорошо... Это вѣрно придаетъ вамъ характеръ: много душевнаго изящества, много тонкой прелести,

чистосердечія, которое стоитъ золота и которое превращаетъ вашъ бронзовый ключикъ въ золотой!

— Кажется, вы подносите мнѣ истину въ сахарныхъ пилюляхъ?— смѣясь, замѣтила госпожа Браттъ.—Не скрою отъ васъ, что съ самой ранней юности спотыкалась объ аккуратность, какъ о что-то совсѣмъ мнѣ несвойственное...

— Неужели? А знаете, я ужасно люблю ваши глаза, особенно когда вы смѣетесь. Взглядъ у васъ тогда такой умный и въ то же время такой ласковый... Такой взглядъ успокаиваетъ... Это мое признаніе, дальше котораго я не пойду... По крайней мѣрѣ, вы улыбаетесь, и я могу еще немного погрѣться въ лучахъ вашего взгляда.

Онъ шутилъ, но въ голосѣ его было что-то до такой степени печальное, что ей стало жутко.

— Мы вѣдь старые друзья, Іонстонъ,—сказала она.—Не правда ли? Вы имѣете ко мнѣ немножко довѣрія?

— Немножко?

— Тѣмъ лучше, если много! Вы знаете, что я очень дорожу этимъ, Іонстонъ! Объясните же мнѣ, для чего вы меня посылаете лазутчицей къ моему мужу по поводу этихъ старинныхъ часовъ? Мнѣ это слишкомъ неловко,—прибавила она, чтобы снова свести разговоръ къ шуткѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не смѣйтесь надъ этимъ!—вскричалъ онъ.—А впрочемъ, пожалуй... Смѣйтесь, смѣйтесь отъ души...

— Послушайте, Іонстонъ, я подозрѣваю, что вы подговариваетесь къ этой старой луковицѣ! Не знаю, однако, хватитъ ли моего вліянія на Братта... Это вѣдь фамильная древность! Впрочемъ, постараюсь уговорить его сдѣлать вамъ этотъ подарокъ. Я скажу ему, что вы уже давно завидуете ему въ этой вещицѣ...

— Нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого!—вскричалъ онъ съ непритворнымъ ужасомъ.—Это бы ужасно оскорбило меня... Право, это бы разссорило насъ!.. Между старыми пріятелями, каковы мы съ Браттомъ, всегда бываютъ щекотливые предметы, которыхъ опасно касаться... Другимъ трудно понять это.

— Послушайте, Іонстонъ...

— Что?

— Вы такъ настойчиво запрещаете мнѣ упоминать объ этомъ разговорѣ мужу, что положительно приводите меня въ недоумѣніе.

— Во всякомъ случаѣ обѣщайте, что ничего ему не скажете! Дайте вашу руку. Ни слова о моей страсти къ часовому мастерству... Только однимъ вамъ довѣряю я такія свои слабости; вамъ, конечно, я довѣрилъ бы и большее... Однако, пора убраться...

Онъ торопливо распрощался и ушелъ.

Уже на аллеѣ онъ весь сгорбился подъ давленіемъ какой-то угнетавшей его мысли.

— Какъ же теперь узнать, вѣрно ли шли часы Братта, или бѣжали впередъ?—бормоталъ онъ, глядя въ землю.

По цѣлымъ ночамъ раздумывалъ онъ объ этой серебряной луковицѣ. Какъ теперь видѣлъ онъ ее передъ собой точь въ точь, какъ тогда въ клубѣ, за карточнымъ столомъ, когда директоръ вынулъ ее изъ жилетнаго кармана и объявилъ время для помѣтки на страховомъ договорѣ—двадцать минутъ двѣнадцатаго...

Что, если часы спѣшили—такіе старые часы не могли идти вѣрно,—и на самомъ дѣлѣ было раньше, чѣмъ они показывали?.. Напримѣръ, только пять или десять минутъ двѣнадцатаго?., Только въ этомъ случаѣ онъ могъ бы успокоиться на мысли, что хотя бы и заѣхалъ домой, то *ни въ коемъ случаѣ* не нашелъ бы тамъ роковой телеграммы. На квитанціи было вѣдь помѣчено безъ четверти одиннадцать... а въ клубѣ, до подписанія договора, онъ просидѣлъ не менѣе двадцати минутъ... Надо еще прикинуть время проѣзда отъ пристани до клуба... Ясно, что такъ! Но если дѣйствительно было двадцать минутъ двѣнадцатаго...

Да, тогда, пожалуй...

Его ужасала мысль, что, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ подчинялся тогда какому-нибудь низменному инстинкту осторожности, который смѣшивалъ съ простымъ желаніемъ поскорѣе найти агента Тезена. Но вѣдь въ такомъ случаѣ онъ поступилъ безусловно недобросовѣстно, не заѣхавъ домой до клуба!.. Эта мысль укоренялась въ немъ вслѣдствіе работы воображенія, становилась съ каждымъ днемъ мучительнѣе и медленно его подтачивала. Да, невеселы были для него эти длинныя, безсонныя ночи, когда онъ лежалъ съ открытыми глазами, уставясь тупымъ взглядомъ въ пространство, а передъ нимъ мелькали старинные серебряные часы директора Братта! Ему стало наконецъ казаться, что и его жизнь, и честь его зависятъ отъ положенія минутной стрѣлки этихъ часовъ, этой, такой тоненькой, узорчатой, стрѣлки, которая могла показать и десять, и двадцать минутъ двѣнадцатаго...

Если эта стрѣлка убѣжала впередъ,—о, тогда онъ спасенъ, и снова можетъ дышать полной грудью. и снова можетъ жить не стыдясь за себя...

А если часы отставали?..

И опять потянулись длинные, мучительные часы, когда въ своей болѣзненной мнительности онъ твердо вѣрилъ, что стрѣлка навѣрное отставала и что вообще старые карманные часы почти всегда бываютъ засорены, и тогда отстаютъ, а не спѣшатъ. Мерещившаяся ему минутная стрѣлка неимовѣрно удлинялась, далеко уходила отъ маленькой часовой стрѣлки и грозно указывала половину перваго... А дома онъ видѣлъ депешу, которую онъ нашелъ бы, если бы захотѣлъ.

Тогда узорчатая стрѣлка точно пронизывала его мозгъ, и онъ невыразимо страдалъ.

Сегодня онъ первый разъ осмѣлился попытаться разспросить объ этихъ часахъ госпожу Браттъ. Онъ уже давно собирался это сдѣлать, но все не рѣшался... И вотъ, пока онъ тянулъ, часы сломались, и узнать уже нельзя ничего.

Всѣ его сомнѣнія ожили и закопошились въ его душѣ съ небывалой силой. Онъ замиралъ отъ мучительной тревоги... Онъ ощущалъ въ груди что-то странное, точно тамъ вращалось какое-то колесо и все внутри у него переворачивалось.

XVI.

Клаусъ ѣхалъ на своемъ новомъ велосипедѣ изъ города домой. Онъ былъ въ жокейской шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ, и низко склонился къ переднему колесу, а ноги его были въ полной работѣ. Какъ вѣтеръ, несся онъ, позванивая и посвистывая, и ловко изворачивался объѣзжая по дорогѣ возы и прохожихъ. Онъ очень гордился своимъ новымъ искусствомъ... И такое это легкое, простое дѣло—даже ребенка можно выучить! А какая быстрота! Всего семнадцать минутъ отъ дому до конторы, а недавно онъ съѣздилъ въ Гейе къ сестрѣ, и весь переѣздъ былъ не болѣе трехъ часовъ и пятнадцати минутъ, не смотря даже на горы!

Въ комнату онъ вошелъ чрезвычайно возбужденный. Вся семья сидѣла за послѣобѣденнымъ кофе.

— Гдѣ ты пропадалъ, Клаусъ?—спросила Гертрудъ.—Мы ужъ съ часъ, какъ встали изъ за стола. Ты обѣдалъ?

— Эхъ, Гертрудъ, развѣ это насъ касается!—насмѣшливо остановилъ ее отецъ.—Можетъ быть, онъ былъ гдѣ-нибудь съ товарищами, въ родѣ гостинницы госпожи Михельсонъ! Стоитъ ли надоѣдать ему разспросами...

— На этотъ разъ стоитъ, отецъ!—сказалъ Клаусъ торжественно.—Вотъ ты часто говоришь, что я могу забыть очень многое, а я никогда не забываю объ обѣдѣ... Сейчасъ я дѣйствительно былъ у мадамъ Михельсонъ, но пообѣдать тамъ и не вспомнилъ! Вотъ читай!

Онъ передалъ отцу раскрытую телеграмму.

— Да, желѣзная дорога утверждена палатой!—продолжалъ онъ побѣдоносно.—Можете себѣ представить, какъ возликовала вся гостинница! Мы собрались тамъ, чтобы слѣдить за преніями по телеграфу... Когда получено было извѣстіе, что вопросъ рѣшенъ, мы проревѣли цѣлыхъ девять разъ ура!

— Слава Богу!—вскричала госпожа Браттъ.—Ты долженъ быть доволенъ, Браттъ! Ты сдѣлалъ крупное дѣло!

— Вѣрно, вѣрно, это дѣло *отца*!—восторженно поддержалъ ее Клаусъ.

— Да, Гетта, я доволенъ!—тихо проговорилъ директоръ, который наслаждался телеграммой, какъ вкуснымъ дессертомъ.—Да, могу безъ хвастовства сказать, кое-что для города я сдѣлалъ...

— А странно!—говорилъ онъ немного позже.—Нѣсколько лѣтъ назадъ я думалъ объ этой минутѣ, какъ о чемъ-то невыразимо прекрасномъ. Я ожидалъ, что захлебнусь отъ гордости и сознанія одержанной

побѣды... И вотъ, я только доволенъ, и не больше... Слишкомъ многіе прикасались къ этому дѣлу и точно захватали его! Когда я впервые высказывалъ свою идею, я былъ одинъ, и всѣ недовѣрчиво покачивали головой,—такъ несбыточна казалась имъ моя мечта. Это невозможно, это немыслимо!.. А теперь, точно никто никогда и не думалъ иначе...

— Если ты думаешь, что твоихъ заслугъ не цѣнятъ, отецъ, такъ я могу кое-что тебѣ выболтать!—сказалъ Клаусъ.—Дѣло въ томъ, что въ городѣ уже давно сговариваются сдѣлать тебѣ овацію и почтить въ тебѣ отца (помимо твоихъ троихъ дѣтей) желѣзной дороги. И еще сегодня у мадамъ Михельсонъ, была рѣчь объ этомъ. Хотятъ только воспользоваться торжественнымъ засѣданіемъ совѣта, когда получится оффиціальное увѣдомленіе о разрѣшеніи дороги, для того, чтобы отрядить къ тебѣ почетную депутацію отъ города и отъ всего округа. Депутація должна выразить тебѣ глубокую признательность согражданъ и—разъ ужъ я началъ, надо договаривать—и поднести тебѣ серебряный кубокъ съ соотвѣтственной надписью...

— Мнѣ? Что ты говоришь, мой мальчикъ?..

— Взгляните, мамаша, только на отца! — засмѣялся Клаусъ.—Совсѣмъ подавленъ своей скромностью!

— Однако, Клаусъ въ самомъ дѣлѣ на славу угощаетъ меня сегодня!—засмѣялся и директоръ.—Не правда-ли Гетта?

— Можетъ быть, вы думаете, что я израсходовалъ теперь всѣ свои новости, всѣ до послѣдней крупинки?—съ торжествомъ спросилъ Клаусъ.—Въ такомъ случаѣ сильно ошибаетесь! Относительно кубка рѣшеніе состоялось давно, еще въ февралѣ. Вотъ сколько времени я могъ таить этотъ секретъ; а вы и не подозрѣвали! Ха, ха! Только ты, Гертрудъ, все разгадала, конечно? Я увѣренъ, что она будетъ теперь говорить, что видѣла меня насквозь! Правда?! Она просто-на-просто помѣшана на своей проницательности! — А главное дѣло въ томъ, что у меня есть еще кое-что въ мѣшкѣ. Это рѣшено сегодня же, пока мы дожидались телеграммы у мадамъ Михельсонъ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ постановленіе сходки повѣсить въ присутственной комнатѣ городского банка портретъ отца, какъ основателя банка и ревнителя на пользу города!

— Слышишь, Браттъ?!—вскричала мать.

— Нечего сказать, прекрасное украшеніе присутственной комнаты!—пошутилъ директоръ и, смѣясь, погладилъ себя по щекѣ.

— Отецъ совсѣмъ не тщеславенъ, матушка! Однако я знаю, что ему до смерти хочется висѣть въ банкѣ — не повѣшеннымъ, конечно!

— Остри, остри надъ роднымъ отцомъ! — улыбаясь, протестовалъ директоръ и зашагалъ по комнатѣ. Онъ былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, что просто весело было смотрѣть на него.

— И вѣдь не нашлось ни одного голоса противъ этого предложенія! — продолжалъ докладывать Клаусъ. — А потомъ постановили, что

къ тебѣ будетъ отряжена особая депутація просить у тебя разрѣшеніе заказать Абрагаму Іонстону копію съ твоего превосходнаго портрета его работы. Каково?! Теперь понимаете, почему отцу не дали знать о сходкѣ, и отчего я позабылъ пообѣдать!

Директоръ остановился и смотрѣлъ на сына, медленно сдвигая брови.

— Вотъ какъ!! — проговорилъ онъ, снова зашагавъ по комнатѣ.— Безъ этого не обошлось-таки? — Ну, конечно... еще бы!.. Выше этой почести, разумѣется, не можетъ быть... Портретъ работы сына самого господина Іонстона!..

Онъ сталъ у окна и долго молча смотрѣлъ въ садъ.

— А Іонстонъ былъ на сходкѣ? — спросилъ онъ, вдругъ быстро обернувшись къ сыну.

— Былъ... Его мы поздравляли съ новымъ увеличеніемъ богатства... Теперь его огромные лѣса стоятъ вдвое дороже и по размѣрамъ владѣній Іонстонъ настоящій владѣтельный принцъ!

— Нѣтъ—вѣдь только подумать, что это я, только я, собралъ ему всѣ эти богатства! — мрачно проговорилъ директоръ.—И теперь его сынъ... то бишь наслѣдный принцъ, хе, хе!.. хе, хе!.. соблаговолитъ изобразить меня... И это мнѣ серьезно объявитъ депутація, въ видѣ награды за двадцать лѣтъ труда на пользу города, за основаніе двухъ банковъ, за проведеніе вопроса о желѣзной дорогѣ!! Нѣ-ѣтъ! — онъ обернулся къ дверямъ и расшаркался,—благодарю покорно! Не считаю себя достойнымъ такой чести и постараюсь уберечь стѣны банка отъ такихъ украшеній!

Онъ схватилъ шапку и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что же это такое?—кричалъ совершенно сбитый съ толку Клаусъ.—Сумасшедшій домъ у насъ, что-ли? хотятъ люди оказать ему всевозможныя почести, чуть не сажаютъ на тронъ, а онъ злится! Премію тому, кто во всемъ этомъ разберется! Вотъ и пойми тутъ науку жизни!

И, горько разсмѣявшись, онъ ушелъ въ столовую излить свое негодованіе на простывшемъ обѣдѣ.

— Тоже толкуетъ о наукѣ жизни... Философъ!—послала ему вслѣдъ сестра.

— Бѣдный Клаусъ!—вздохнула мать.—Онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы былъ немножко хитрѣе, и люди были поменьше злы...

Она проговорила это съ такимъ растерянным видомъ, точно думала о другомъ, и вдругъ схватила за руку дочь.

— Слушай, Гертрудъ,—начала она шепотомъ. — Здѣсь кто-нибудь подслушаетъ... Пойдемъ въ садъ!..

И она увлекла встревоженную дочь за собой на веранду, потомъ въ садъ, въ самую дальнюю бесѣдку.

— Гертрудъ, я должна высказаться!—заговорила она, все еще безпокойно оглядываясь, не подслушиваютъ ли. — Я должна высказаться,

хотя бы пришлось шептаться... Мнѣ такъ страшно, Гертрудъ! Знаешь ли, отецъ совсѣмъ перемѣнился... Я давно уже замѣчаю, что съ нимъ творится что-то неладное... Только теперь, только сегодня, поняла я наконецъ... Но мы не можемъ ничѣмъ помочь; никто не можетъ намъ помочь... Онъ—я должна это сказать прямо — возненавидѣлъ Іонстона изъ зависти, и старается скрыть это. Онъ и самъ презираетъ себя за это, но онъ безсиленъ противъ овладѣвшаго имъ злого духа; въ концѣ концовъ онъ сойдетъ съ ума!..

— Нѣтъ, нѣтъ, мама! — перебила ее Гертрудъ.— Ты же знаешь, что отецъ никогда не умѣлъ дѣлиться властью и значеніемъ... Это просто какая-то ревность и вовсе не относится только къ одному Іонстону... Это не ненависть!

— Ты ошибаешься, дитя мое! Развѣ ты не замѣчаешь, что точно къ нему прикасаются раскаленнымъ желѣзомъ, когда упоминаютъ имя Іонстона? Онъ, можетъ быть, и самъ пугается этого, но не можетъ преодолѣть бѣшенства, которое въ немъ поднимается. Всякое напоминаніе о Іонстонахъ для него жгучая обида... Обрати только вниманіе, какъ онъ борется съ собой и закусываетъ губы чуть не до крови... Хуже всего то, что при его прямодушіи онъ долженъ притворяться, лицемѣрить, а это его окончательно выводитъ изъ себя, и онъ доходитъ до изступленія! Не даромъ я всегда такъ пугалась, когда на его лицѣ появлялось это озлобленіе, и въ то же время какой-то стыдъ, какъ теперь, когда Клаусъ упомянулъ имя Іонстона... Знаешь ли, я увѣрена, что онъ и любитъ, и ненавидитъ Іонстона. Это просто какое-то безуміе! Я убѣждена, что между ними произойдетъ что-нибудь ужасное, и виноватъ будетъ только, только одинъ отецъ... Уже творится что то недоброе, Гертрудъ! Многое остается втайнѣ навсегда; жизнь полна тайнъ... Господи, Господи! Да вѣдь это ужасъ! Отецъ невмѣняемъ... Онъ одержимъ злымъ духомъ... Онъ боленъ!..

Бѣдная женщина закрыла лицо руками и заплакала на груди дочери.

— Мама! Да вѣдь это почти совсѣмъ то же самое, что между мной и Абрагамомъ! — проронила Гертрудъ въ порывѣ внезапной откровенности.

Она сидѣла точно въ забытьѣ, устремивъ взглядъ въ одну точку. Передъ ней раскрывался цѣлый новый міръ... Она такъ хорошо угадывала чувство, терзавшее ея отца... Развѣ этого не бывало и съ ней самой? Точно желѣзными когтями схватитъ что-то за сердце, и дѣлаешься совсѣмъ другимъ человѣкомъ—скрытнымъ, озлобленнымъ, недоступнымъ...

Изъ бездны своего собственнаго чувства она такъ ясно, такъ удивительно ясно, видѣла все, что творилось въ душѣ отца! Ревность и зависть!.. Только эти двѣ страсти, какъ темныя тропинки, вели въ мрачную бездну. Развѣ не она сама загубила свою любовь, не имѣя силъ противостоять этимъ страстямъ? Развѣ не страдала отъ этого, какъ на пыткѣ?..

Ей хотѣлось плакать. Но она не поддавалась малодушному порыву, и даже находила въ себѣ силы успокоивать мать, потихоньку лаская ея руку.

О, какъ она жалѣла отца! Она вѣдь знала, что эти чувства не ведутъ къ добру..! Чего бы она не дала, чтобы вернуть любовь Абрагама! Но прошло уже два года. Конечно, онъ забылъ ее...

Наконецъ, мать встала и озабоченно заходила взадъ и впередъ по бесѣдкѣ.

— Мнѣ приходитъ въ голову, Гертрудъ, — заговорила она послѣ долгаго молчанія,—что намъ бы слѣдовало написать Абрагаму... Какъ ты думаешь? Іонстонъ такъ постарѣлъ, опустился, что за него страшно... Не написать ли мнѣ? Или, можетъ быть, ты...

Она пытливо взглянула на дочь.

— Можетъ быть, ты сама напишешь? Какъ ты думаешь, прилично ли это? Главное, какъ лучше? Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть теперь здѣсь. Мнѣ кажется, мы положительно обязаны намекнуть сыну, что отецъ его въ опасности... Можно говорить только о здоровьѣ... Напишика, въ самомъ дѣлѣ, Гертрудъ! ты...

— Я, мама? Да какъ же я буду писать теперь... черезъ два года?..

Прошлое представлялось ей чѣмъ-то смятымъ и порваннымъ въ куски. Цѣлыхъ два года, два года душевныхъ терзаній, для нея, и кипучей жизни, полной блеска и громкихъ побѣдъ—для него, прошло съ этого объясненія на большой дорогѣ! Теперь онъ знаменитость, и она... она, конечно, превратилась для него въ юношеское воспоминаніе, только въ нѣчто, о чемъ вспоминаютъ съ улыбкой...

Ея болѣзненная ревность къ его искусству и ко всему, что могло занимать его помимо нея, снова запылала яркимъ пламенемъ. Зато въ свѣтѣ этого пламени она только теперь въ первый разъ ясно увидѣла истину. Нѣтъ, не къ натурщицамъ она его ревновала и не одной ревностью терзала она... Нѣтъ, она ненавидѣла тогда его искусство, его славу, его высокую душу, его богатство, его происхожденіе—все, все, что ставило его неизмѣримо выше ея! А она не хотѣла быть ниже его. Она не могла примириться съ мыслью, что не можетъ быть такою же, не можетъ даже любить съ такимъ же огнемъ, какъ онъ. А все-таки, вѣдь она любила его всей душой, до безумія!.. Господи, до чего унизили ее эти страсти! Теперь она смирилась, но уже поздно... порвано, все порвано!

Но вдругъ она встрепенулась.

Развѣ они не росли вмѣстѣ? Развѣ она не предложила ему своей дружбы на всю жизнь? Развѣ это одно уже не обязывало ее теперь поступить честно?..

— Ты права, мама! Я сама напишу!—сказала она твердо. — Сегодня же сяду писать и позабочусь, чтобы письмо пошло съ завтрашней же почтой.

XVII.

Вотъ такъ такъ!! Абрагамъ прискакалъ прямо изъ Парижа, даже не предупредивъ! Такъ стосковался молъ по отцѣ, по тетѣ Софи, и по родинѣ, что вдругъ почувствовалъ совершенную невозможность оставаться въ Парижѣ и удралъ, оставивъ недоконченную картину на мольбертѣ!

— Въ сущности, тебѣ бы слѣдовало заплатить за эту картину! — шутилъ онъ съ отцомъ.—Но я не такой алчный, какъ ты. Вѣдь ты здѣсь замучился, наживая деньгу! Говорятъ, мы страшно богаты! Даже жутко слышать... Зато ты выглядишь очень хорошо, отецъ! Положимъ, не говорю о здоровьѣ; оно, повидимому, не того... Я только съ точки зрѣнія живописца! Ты сталъ такимъ красивымъ, такимъ интереснымъ старикомъ, что непремѣнно придется заняться твоимъ портретомъ.

— А что жъ, это идея, сынокъ!.. Однако, я все-таки не могу никакъ понять, какъ это ты вдругъ взялъ, да и пріѣхалъ... Эй, мальчикъ, у тебя что-то на умѣ!

— Милый папа, какія же могутъ быть у меня другія причины, кромѣ тѣхъ, которыя я тебѣ привелъ?

— Ой, хитришь, Абрагамъ! Ты что-то слишкомъ ужъ беззаботенъ и веселъ... Надуваешь ты меня!

— Господи, какъ же мнѣ не быть веселымъ, вернувшись домой?!

— Положимъ, такъ во всякомъ случаѣ, ты не можешь себѣ и представить, какъ я тебѣ радъ! Не очень-то тоже весело съ утра до вечера возиться съ дѣлами и не имѣть никого, съ кѣмъ отвести душу! Не стану скрывать и того, что я немножко одряхлѣлъ и сталъ старикомъ довольно пасмурнымъ... Но если правда, что ты останешься у меня цѣлый годъ, я, разумѣется, совсѣмъ оживу! Однако, скажи мнѣ, Абрагамъ, по совѣсти... Я вѣдь догадываюсь, что тетя Софи что-то насплетничала тебѣ? А? И это, не смотря на мое формальное запрещеніе писать тебѣ о моемъ здоровьѣ?

— Да нѣтъ же, отецъ! Даю тебѣ честное слово, что тетя ни въ чемъ не проболталась. По ея словамъ, ты все время пользовался превосходнѣйшимъ здоровьемъ. Теперь только я самъ вижу, что она безсовѣстно обманывала меня, такъ какъ вѣдь ты плоховатъ, отецъ?

— Ничего особеннаго! Такъ кто же? Ужъ не писала ли тебѣ госпожа Браттъ?..

— Честное же слово нѣтъ! Но если ужъ ты непремѣнно хочешь вывѣдать всѣ мои тайны, я готовъ признаться тебѣ, что меня соблазнила на эту поѣздку одна идейка... Старая идейка, отецъ; кое-что такое, что сидитъ въ человѣкѣ, какъ заноза... Видишь ли что, я ужасно хотѣлъ бы написать портретъ Гертрудъ Браттъ!.. Она такъ хороша собой, и такъ своеобразна! Вотъ, была бы настоящая проба

моихъ силъ!.. Но написать такое лицо не легко, да и мудрено уговорить ее. Прежде она какъ-будто и соглашалась, а въ концѣ концовъ всегда отказывалась...

— Вонъ оно что!—улыбнулся старикъ.—Ну, этому я, пожалуй, еще могу повѣрить... Такъ мое здоровье тутъ не причемъ?

— Скорѣе всего я пріѣхалъ сюда ради своего собственнаго здоровья, отецъ. Однако, ты начинаешь пугать меня... Что же такое съ тобой, чѣмъ ты лѣчишься?

— Ничего особеннаго: плохое кровеобращеніе, вотъ и все. Приливы крови бываютъ... Но вѣдь и то сказать: я постарѣлъ, я отяжелѣлъ.

— Изъ этого видно только одно: тебѣ вредно возиться съ конторой! Да, да! Я твердо увѣренъ, что и въ тебѣ сидитъ гдѣ-то внутри художникъ, а жизнь здѣсь слишкомъ однообразна. Но теперь, когда ты такъ богатъ, ты могъ бы, кажется, пожить и въ свое удовольствіе. Отчего бы тебѣ, напримѣръ, не бросить всѣ дѣла и не устроиться со мной? Мы бы выстроили себѣ хорошенькій домикъ въ одномъ изъ твоихъ лѣсовъ и зажили бы себѣ припѣваючи. Только этотъ домъ долженъ быть въ моемъ, а отнюдь не въ твоемъ вкусѣ! Непремѣнно бревенчатый, съ березовой отдѣлкой, и гдѣ-нибудь надъ глубокимъ оврагомъ, съ широкимъ видомъ на лѣсъ и на рѣку. Ахъ, если бы ты только зналъ, какъ меня тянетъ пожить и поработать на родинѣ, среди родныхъ лѣсовъ! Развелъ бы ты вокругъ дома хорошій садъ, занимался бы только тѣмъ, что тебѣ по сердцу. А? Какъ ты думаешь? Какъ бы славно поработали то каждый въ своемъ углу!

Старикъ улыбался.

— Какъ это странно, Абрагамъ,—сказалъ онъ, помолчавъ;—сегодня я чувствую себя совсѣмъ здоровымъ—такъ легко, какъ давно ужъ не было. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, мнѣ не мѣшаетъ оторваться отъ всѣхъ этихъ торговыхъ дѣлъ. Не созданъ я для нихъ...

— Просто, ты былъ всегда черезчуръ здоровъ и хвораешь отъ избытка здоровья, какъ можно расхвораться отъ слишкомъ обильной пищи!—порѣшилъ Абрагамъ.

— Такъ рѣшено, сынокъ? Поселяемся вмѣстѣ? Прежде всего объѣдемъ наши лѣса и выберемъ хорошенькое мѣсто... Согласенъ? Я могу выѣхать черезъ три-четыре дня.

— Не ранѣе?

— Ну, можетъ быть, черезъ два. Ты правъ, я здѣсь, какъ въ ямѣ! Ничего мудренаго, что въ концѣ концовъ совсѣмъ станешь тутъ меланхоликомъ и кровь начнетъ бросаться въ голову. Все послѣднее время я страдалъ отъ этихъ приливовъ крови и чувствовалъ себя точно въ чаду. А теперь мнѣ хорошо, и въ голову не лѣзутъ черныя мысли.

— Побольше англійской соли, отецъ!

— Да, удивительно, какъ это духъ зависитъ отъ состоянія тѣла! Представить себѣ не можешь, какія мрачныя мысли иногда гнетутъ человѣка...

— Что это, ты, милый папа, все о какихъ-то своихъ черныхъ мысляхъ? Развѣ что-нибудь тревожитъ тебя?

— Мало ли что придумываешь въ одиночествѣ... особенно ночью! Лежишь, напримѣръ, и раздумываешь, не оказываешься ли на повѣрку мошенникомъ... Можетъ быть, все состояніе твое нажито простыми плутнями, какими такъ часто оказываются всѣ наши спекуляціи! За это вѣдь на томъ-то свѣтѣ... да и совѣсть тоже есть у человѣка... А если нѣтъ дѣйствительныхъ угрызеній совѣсти, такъ ихъ вѣдь и не долго придумать... однѣми меланхолическими бреднями.

— Ты былъ слишкомъ счастливъ, отецъ, ты пресыщенъ своими удачами!

— Возможно! Очень возможно! Человѣкъ—такое слабое существо, что ему иногда не въ силу перенести даже счастіе... Какъ оглянусь назадъ, все кажется, что я уже цѣлые годы брожу точно во снѣ. Да, ты, братъ, правъ,—надо все это бросить и заняться чѣмъ-нибудь болѣе привлекательнымъ! Такъ что жъ? будемъ строиться? Да только, теперь, когда ты сталъ такимъ знаменитымъ художникомъ, тебѣ нужна вѣдь такая резиденція, за которую не было бы совѣстно! Не правда ли, мой мальчикъ? Устроимъ что-нибудь этакое особенное, живописное... въ горахъ...

— Непремѣнно, папа! А главное, поправимъ твое здоровье. По моему, тебѣ слѣдовало бы съѣздить куда-нибудь на воды, пока будетъ строиться домъ. Я бы тоже былъ не прочь оглядѣться въ Европѣ. Все мое время вѣдь ушло на работу. Признаюсь, и мнѣ было бы полезно пополоскаться немножко гдѣ-нибудь на водахъ. Въ Парижѣ и въ Италіи раскисаешь таки порядкомъ...

— Это неглупая мысль, Абрагамъ!.. Правда, правда... и тебѣ тоже надо освѣжиться.

Цѣлый вечеръ просидѣли отецъ съ сыномъ, мечтая о будущемъ.

— Точно занавѣсъ взвился передъ цѣлой новой будущностью, передъ цѣлымъ міромъ радостей и наслажденій!—признался вдругъ старикъ.—Значитъ, есть же еще силы, которыми я не умѣлъ только пользоваться! Вотъ и хандрилъ отъ скуки... Ахъ, Софи, ты опять съ своимъ лѣкарствомъ?

— Да вѣдь знаешь, Іонстонъ... Докторъ такъ строго наказывалъ! Иначе, опять кровь...

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю покорно! Кровь у меня сразу пришла въ порядокъ. Я это чувствую... Одинъ видъ этихъ стклянокъ наводитъ на такія скверныя мысли. Фу! Нѣтъ, спасибо, унеси-ка свою микстуру. А вмѣсто нея, выпьемъ мы съ Абрагамомъ по рюмкѣ хорошаго рейнвейна. Не правда ли, мой мальчикъ? Я думаю и мнѣ не повредитъ хоть разъ послѣ столькаго времени испытать беззаботное настроеніе! Давненько, охъ, какъ давненько не бывалъ я въ такомъ настроеніи!

— Абрагамъ лучшее для меня лѣкарство! Видѣть эту его молодую энергію... Сознавать его счастливымъ... Но я не Абрагамъ! Я его отецъ, копившій для него деньги, чтобы скрасить его будущность, отецъ, которому теперь приходится отвѣчать передъ своей совѣстью... Гм!.. Нетрудно, конечно, умыть руки и вообразить себя безупречнымъ... Но каково-то оно на самомъ дѣлѣ? Какъ бы тамъ ни было, а я присягалъ, и не могу теперь сказать по совѣсти, что присягалъ правильно... Какъ бы я ни старался забыть, а все-таки нѣтъ, нѣтъ да и вспомнишь!

Такъ размышлялъ Іонстонъ слѣдующей ночью, проснувшись около двухъ часовъ.

— Такъ, такъ!—пробормоталъ онъ.—Вотъ оно опять, какъ всегда. Прошлую ночь я спалъ такъ сладко, такъ хорошо... Проснулся и подумалъ, что еще ночь; а было уже восемь часовъ! Какъ славно работалось потомъ въ конторѣ при мысли, что я привожу дѣла въ порядокъ, чтобъ имѣть возможность прокатиться съ сыномъ! Цѣлый день чувствовалъ себя хорошо... И вотъ, опять начинается! опять я въ пасти этого чудовища, которое когда-нибудь да изгложетъ меня.

— Вѣчность! почему при мысли о вѣчности всегда чувствуешь себя такимъ одинокимъ, безпомощнымъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, чего стоитъ все это, что насъ окружаетъ, въ сравненіи со всѣми этими ужасами! очень можетъ быть, это простая болѣзнь; бываютъ же болѣзни, въ которыхъ люди чувствуютъ себя одинокими, и тоскуютъ, и страшатся чего-то неопредѣленнаго...

— Да, я несомнѣнно боленъ. Но боленъ-то я отъ несовсѣмъ ясныхъ, однако все-таки существующихъ, угрызеній совѣсти! Это вѣдь еще несомнѣннѣе. Если бы разъяснились мои недоумѣнія, я выздоровѣлъ бы въ тотъ же мигъ и съ спокойной совѣстью поѣхалъ бы съ сыномъ куда угодно. А то вѣдь я повезу съ собой всѣ эти страданія, и только отравлю ему жизнь.

— Ахъ, кабы узнать наконецъ... Какъ же это все было?

— Нѣтъ, конечно, ничего невозможнаго въ томъ, что часы спѣшили. Старые часы съ истертымъ механизмомъ и съ новой пружиной, непремѣнно должны спѣшить. Между одиннадцатью и сорокъ пять минутъ... ну, скажемъ сорокъ минутъ... и двѣнадцатью съ четвертью, напримѣръ?.. Совершенная невозможность была успѣть. Даже глупо думать объ этомъ.

— Да, да! Вѣришь всегда именно тому, чего желаешь! Вся штука въ томъ, что дѣло не въ томъ, чему вѣрится...

И опять лежалъ старикъ съ вытаращенными зрачками и опять пристально вглядывался въ мерещившійся ему циферблатъ съ тоненькими узорчатыми стрѣлками. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ могла находиться стрѣлка... насколько она могла опуститься при разныхъ исходныхъ цифрахъ разсчета.

И опять пошли эти безконечные разсчеты, во сколько времени могъ онъ пріѣхать съ парохода домой, и могъ ли онъ застать телеграмму уже принятой. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Наконецъ, онъ тяжело поднялся съ кровати, умылъ лицо холодной водой и въ нерѣшительности остановился передъ постелью.

Лечь опять на эту скамью пытки, или нѣтъ?

— Нѣтъ, это немыслимо! Лучше одѣться и попробовать уснуть въ креслѣ; это не такъ страшно.

Онъ попытался думать о сынѣ; но вѣдь ради сына же онъ и наживалъ деньги, которыя...

Порывисто схватилъ онъ книгу и, зажегши свѣчку, сталъ читать.

— Очень возможно, что я и въ этомъ дѣлѣ невиннѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Очень возможно и то, что будь я вполнѣ здоровъ, я понялъ бы это и успокоился бы. Это видно уже изъ того, что въ день пріѣзда Абрагама и на слѣдующій день у меня не было никакихъ сомнѣній. И тѣмъ не менѣе, я долженъ сойти съ ума!... Я не въ силахъ больше бороться. Не могу больше разсуждать! Знаю одно: ни за что въ мірѣ не пошелъ бы я въ другой разъ присягать, въ чемъ бы то ни было. Почемъ я могу знать, вполнѣ ли я увѣренъ... т. е. такъ увѣренъ, что и впослѣдствіи не усомнюсь? Нельзя же требовать невозможнаго!

— Если бъ я могъ хоть отдѣлаться отъ всякихъ выгодъ, полученныхъ отъ того договора? Но вѣдь это теперь все мое состояніе, или почти все... Я былъ бы спокоенъ, свободенъ... Какъ былъ бы я счастливъ!

— Но развѣ это мыслимо?

— Какъ на зло мнѣ везетъ, и я на всемъ выгадываю, и всѣ называютъ меня счастливцемъ... А всякое увеличеніе этого богатства мучитъ меня, усиливаетъ мои страданія!

— Нѣтъ, черезъ это не перейдешь! Душа рвется, а простыя житейскія соображенія удерживаютъ... Естественно вѣдь... Кому охота обездолить родного сына... того, для котораго только и работалъ-то всю жизнь!

— Но, Господи, какое бы это было счастіе!... Отдѣлаться отъ всего по завѣщанію, или, еще лучше, сейчасъ же, при жизни! Я обезумѣлъ бы отъ радости...

— Поди, не мало состояній завѣщано на благотворительныя дѣла по такимъ же причинамъ... чтобы примириться съ своей совѣстью...

— А что, если бъ поговорить съ сыномъ?!

— Только это надо сейчасъ же, сію же минуту,—не откладывая, а то, пожалуй, еще испугаешься и раздумаешь!

— Абрагамъ, Абрагамъ!—услышалъ молодой человѣкъ сквозь сонъ.

Онъ вскочилъ. У кровати стоялъ отецъ со свѣчой въ рукахъ, со-

всѣмъ какъ въ ту ночь, когда было рѣшено, что Абрагамъ посвятитъ себя живописи.

— Что такое? Что съ тобой, отецъ? Ты въ такомъ возбужденномъ состояніи!

— Я рядъ, что порѣшилъ, наконецъ, поговорить съ тобой, мой милый мальчикъ. Выручи меня, спаси своего отца!

Абрагамъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и не зналъ, что тутъ сказать.

— Есть вещи,—продолжалъ старикъ, серьёзно глядя на сына,—вещи, другъ мой, которыя такъ давятъ человѣка, такъ давятъ, что ему становится не подъ силу переносить этотъ гнетъ, и онъ долженъ рехнуться, или погибнуть... Видишь ли... Я не считаю себя клятвопреступникомъ или мошенникомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но все-таки страхованіе «Конкордіи» представляется мнѣ теперь нечистымъ. Эта мысль убиваетъ меня... Нѣтъ человѣческихъ силъ оторваться отъ нея! Въ концѣ концовъ я убѣдился, что избавлюсь отъ угрызеній совѣсти только въ томъ случаѣ, если лишусь всего богатства, нажитаго этими деньгами.

— Такъ вотъ оно что: душевная болѣзнь! — холодѣя отъ ужаса, подумалъ сынъ.

Но онъ овладѣлъ собой. Ясно было, что прежде всего слѣдовало успокоить отца и на все согласиться... По крайней мѣрѣ, не противорѣчить...

— Мнѣ ужасно жаль тебя, Абрагамъ! — снова заговорилъ между тѣмъ отецъ.—Ты могъ бы жить въ богатствѣ, быть вполнѣ независимымъ... Гм! Въ самомъ дѣлѣ, не поступаю ли я слишкомъ жестоко.

— Да что жъ ты намѣренъ сдѣлать, отецъ? Не можешь же ты выставить себя на площади у позорнаго столба?

— Объ этомъ, другъ мой, я думалъ... много думалъ... цѣлыя ночи напролетъ,—угрюмо проговорилъ старикъ.—Я полагалъ на всякій случай сейчасъ же составить завѣщаніе, отказавъ все состояніе городу. А затѣмъ,—я сталъ бы при жизни устраивать пріюты, больницы, школы—сколько бы успѣлъ. Но не находишь ли ты, что все это ужасно... безумно?... А?! Лишиться цѣлаго богатства изъ-за какого-то старческаго каприза, безумной прихоти! Какъ ты думаешь?

— Ты обо мнѣ сокрушаешься, отецъ? Вотъ охота-то! Слава Богу, я зарабатываю достаточно, и можешь быть увѣренъ, съ насъ хватитъ. Сдѣлай милость, отдавай или завѣщай свои деньги, кому хочешь, лишь бы самъ утѣшился! Только, смотри, ничего не говори тетѣ Софи, пока дѣло не будетъ сдѣлано. Иначе, она станетъ отговаривать...

Іонстонъ опустился на стулъ и улыбнулся.

— Не знаю, оправлюсь ли я когда-нибудь и хорошо ли я дѣлаю... Но если бы ты зналъ, какая гора сваливается съ души твоего отца! Да, теперь я усну! Только проведи меня, пожалуйста, до спальни, го-

лова у меня что-то кружится... Спасибо, сынокъ! Ахъ, если бы ты только зналъ, Абрагамъ, сколько я выстрадалъ, сколько выстрадалъ на этой постели!

Абрагамъ до утра не смыкалъ глазъ, все раздумывая о случившемся.

— Бѣдный, бѣдный отецъ! Слишкомъ ужъ онъ чувствителенъ для всей этой грубой дѣйствительности. Да и то сказать, жизнь его такипотрепала: то вверхъ, то внизъ... Сначала безграничное богатство, потомъ банкротство, потомъ опять какое-то шальное богатство, свалившееся точно съ неба. Нужно быть такимъ, какъ Браттъ, чтобы все это принимать съ легкимъ сердцемъ.

— Да, я начиналъ уже привыкать къ богатству... Кресла перваго ряда, спальные вагоны, дорогія гостиницы...

— Стоитъ ли думать о такой дряни! Вѣдь теперь вопросъ о томъ, стоитъ ли чего-нибудь Абрагамъ Іонстонъ, самъ по себѣ, безъ богатства, или нѣтъ, а это мы еще посмотримъ!..

На другой день директоръ Браттъ съ адвокатомъ Гордеромъ выходили очень взволнованные изъ дома Іонстона. Ихъ пригласили подписать, въ качествѣ свидѣтелей, завѣщаніе, которымъ Іонстонъ отказывалъ рѣшительно все, что останется послѣ его смерти,—городу и обязывался теперь уже употреблять всѣ свои капиталы, лѣса и доходы съ нихъ на благотворительныя дѣла, предоставляя себѣ самому только одно распоряженіе этими дѣлами. На личныя нужды онъ оставлялъ себѣ только одну торговлю каменнымъ углемъ, домъ и тысячу кронъ деньгами.

— Странный человѣкъ! очень странный!—бормоталъ директоръ, который все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія.—Вотъ ужъ этого-то я никакъ отъ него не ожидалъ!

— Да, цѣлое огромное состояніе!—задумчиво отозвался Гордеръ.—Почти все, что у него было...

— И что теперь останется отъ этого богача?

Директоръ остановился среди улицы и оглянулся на домъ Іонстона и на его угольный складъ у пристани.

— Угольный складъ даетъ, конечно, немного... Притомъ, завѣдывать складомъ большой трудъ, а старикъ не крѣпокъ... Можно сказать, что отъ этого богатства ровно ничего не останется...

— Выходитъ, что онъ пожертвовалъ не только деньгами, но и своимъ положеніемъ и спокойствіемъ, словомъ всѣмъ, что только у него было!—вскричалъ Гордеръ въ порывѣ восторженнаго удивленія.—Да, это по-истинѣ удивительный человѣкъ!

— Признаюсь, и меня онъ совсѣмъ сбилъ съ толку!—согласился директоръ.—Со своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, которое разросталось съ какой-то ошеломляющей быстротой, онъ даже началъ производить непріятное впечатлѣніе. Вѣдь это была огромнѣйшая сила. Мало-ли въ какую сторону могла направиться такая сила!.. Могущество отдѣльнаго

человѣка всегда внушаетъ опасеніе. И вотъ теперь онъ опять бѣденъ и сразу завладѣлъ моими прежними симпатіями.

— Этакое великодушіе!..

— Еще бы!

— Такой неслыханный фактъ обратитъ на себя въ странѣ общее вниманіе. На Іонстона будутъ указывать, какъ на великій примѣръ!

— Въ этомъ, разумѣется, много соблазнительнаго...

— Вы хотите сказать, что именно это могло побудить его къ такому поступку, господинъ директоръ? Нѣтъ, всякій, кто только знаетъ Іонстона, вотъ ужъ никакъ не можетъ допустить этого! Наоборотъ, Іонстонъ живой примѣръ того, что еще не вывелись на свѣтѣ идеалисты, которые способны жертвовать своими собственными выгодами ради своихъ ближнихъ.

— Ну, ну, развѣ я его не знаю?—возразилъ директоръ почти сухо.— Когда ему что-нибудь приходитъ въ голову, онъ способенъ увлечься, какъ дитя. Но, вообще, онъ никогда не поступалъ себѣ во вредъ... Но, тѣмъ не менѣе, конечно, его поступокъ великолѣпенъ и я этого вовсе не оспариваю.

— Поневолѣ преклоняешься передъ такимъ поступкомъ!—все съ прежнимъ увлеченіемъ подхватилъ адвокатъ.

— Положимъ. Но не надо, однако, забывать, что въ такихъ случаяхъ люди сами себя возвеличиваютъ насчетъ другихъ. Іонстонъ самъ ствновится олицетвореніемъ великодушія и всякихъ добродѣтелей. А каково-то его сыну? Вдругъ изъ богатаго человѣка превращается въ труженика искусства, долженъ будетъ жить своимъ талантомъ, узнаетъ, что такое сила нужды и обстоятельствъ! Вѣдь за все это онъ ровно ничего не получитъ.

— Однако, сынъ самъ съ особеннымъ жаромъ хлопоталъ, чтобы дѣло было кончено, какъ можно скорѣе.

Директоръ поморщился.

— Во всякомъ случаѣ, люди странные!—сказалъ онъ какъ бы нехотя.—Простите, Гордеръ, мнѣ надо въ банкъ.

Онъ поторопился раскланяться и уйти отъ Гордера по боковой улицѣ. Онъ видѣлъ идущаго имъ на встрѣчу засѣдателя, и не хотѣлъ больше слышать восторженныхъ возгласовъ, съ какими Гордеръ непремѣнно сталъ бы разсказывать *«изумительную новость»*.

— Чортъ знаетъ что! — бормоталъ директоръ, быстро шагая по тротуару.—У этого Іонстона въ самомъ дѣлѣ какой-то неистощимый запасъ идей, передъ которыми даже можно ротъ разинуть. Ничего подобнаго я еще не видѣлъ въ своей жизни! Отдать все свое огромное состояніе и съ такимъ же радостнымъ видомъ, съ какимъ всякій другой получилъ бы такое богатство? Ему, вишь, захотѣлось особаго, утонченнаго, наслажденія, и онъ, не колеблясь, приводитъ свою прихоть въ исполненіе. Добровольно отказаться отъ положенія перваго бо-

гача въ округѣ и остаться при одномъ кускѣ трудового хлѣба — это вѣдь, что ни говори, не всякій рѣшился бы сдѣлать! Никогда еще не былъ я такъ озадаченъ... Поневолѣ снимешь шапку передъ такимъ бариномъ! Въ городѣ хочетъ строить больницу и пріютъ для старыхъ матросовъ! Въ деревняхъ — школы и лѣчебницы... У него недурныя идейки по этой части! И на каждую изъ такихъ затѣй по куску того самаго богатства, которое давало ему такой вѣсъ въ округѣ!.. Это вѣдь каждый разъ дружный хвалебный хоръ газетъ и общее поклоненіе!.. Для тщеславія, если бы въ немъ только было тщеславіе, пищи было бы цѣлая пропасть. Шутка ли, благодѣтель всей страны!

— Будь я проклятъ, если все это не подниметъ его на такую высоту, на какой онъ до сихъ поръ никогда еще и не бывалъ! Будетъ тутъ чѣмъ поживиться—не одному тщеславію! Онъ получитъ страшное значеніе среди согражданъ. Пусть-ка кто нибудь осмѣлится пойти противъ него; такого смѣльчака разорвутъ на части!... Онъ будетъ для нихъ святымъ угодникомъ!

— Гм! Да, онъ умѣетъ таки считать. Разсчеты его таковы, что, какъ бы онъ ни поступалъ, всегда онъ выйдетъ первымъ человѣкомъ въ округѣ.

— Уменъ... страшно уменъ... и вѣдь достигаетъ всего, чего ни пожелаетъ... Теперь за свои собственныя деньги покупаетъ себѣ такое положеніе, какого въ нашей странѣ никакой смертный никогда еще и не удостоивался. И на что тутъ богатство, когда и безъ того будетъ власть... Теперь пляши всѣ по его дудкѣ. Властелинъ!.. Папа непогрѣшимый!..

Дьяволъ!

И директоръ озлобленно ткнулъ палкой ступеньку лѣстницы и тяжелой поступью сталъ подниматься въ банкъ.

XVIII.

На слѣдующій день, успокоенный насчетъ душевнаго состоянія отца, который точно переродился, такъ повеселѣлъ, отдѣлавшись отъ своего богатства, Абрагамъ пошелъ къ лѣсопильному заводу Андерса Братта поблагодарить Гертрудъ за ея письмо.

Его красивая, мохнатая «крылатка» раздувалась на зимнемъ вѣтрѣ.

Въ блѣдномъ, но мужественномъ лицѣ было выраженіе спокойнаго довѣрія и интереса къ жизни. Но было въ его взглядѣ и еще что-то особенное, что-то въ родѣ легкой ироніи. Не безъ насмѣшливости относился онъ къ предстоявшему свиданію съ Гертрудъ. Два года передъ тѣмъ она еще всецѣло владѣла его сердцемъ, и онъ счелъ бы величайшимъ счастіемъ на-вѣки соединиться съ нею. Теперь, повидимому, не оставалось въ немъ и слѣда прежняго чувства; не вѣрилось даже, чтобы она когда-нибудь на самомъ дѣлѣ была такова, какою онъ представлялъ ее себѣ тогда.

Но все-таки чувствовалось нѣкоторое волненіе. Неужели еще оставались какія-нибудь иллюзіи? Или это было только одно волненіе художника, которому не удалось написать плѣнявшій его образъ, почему фантазія не хотѣла успокоиться? Во всякомъ случаѣ, она оказала ему настоящее благодѣяніе, отказавъ въ своей рукѣ! Честная, прямодушная, славная дѣвушка! И какіе необыкновенные оттѣнки чернаго цвѣта... Волосы, глаза!.. Взглядъ этихъ глазъ бывалъ иногда такъ глубокъ, такъ глубокъ, что даже становилось страшно...

— Экій чистый снѣгъ на поляхъ! — перебилъ онъ свои размышленія. — И какое славное, только немножко холодное освѣщеніе... Эти запорошенные снѣгомъ склоны горъ съ заиндевѣвшими хвойными деревьями просто великолѣпны! Долина подъ своимъ снѣжнымъ покровомъ точно спитъ, закрывшись отъ солнечнаго свѣта простыней.

Сбоку виднѣлась широкая рѣка, почти сплошь скованная льдомъ и засыпанная снѣгомъ. Только посрединѣ чернѣла узенькая полоска не замерзшаго еще стержня. А вотъ и лѣсопильный заводъ. Сначала полузаметенныя снѣгомъ избы рабочихъ; тамъ штапели заготовленнаго лѣса и досокъ; а вотъ, наконецъ, и самый заводъ, съ его большими постройками и несмолкаемымъ шумомъ.

Нѣтъ, какъ ни живописны чужія страны, а мила и понятна только одна родная страна!

Онъ остановился на дорогѣ и провожалъ глазами проѣзжавшій возъ тесу. Рисовать именно такихъ мохнатыхъ, малорослыхъ лошадей, съ этими выразительными, некрасивыми мордами, когда-то было его страстью. Любовь къ животнымъ — вотъ, что прежде всего сдружило его съ Гертрудъ...

Онъ шелъ быстро, уже нигдѣ не останавливаясь, пока не очутился въ гостиной господъ Браттъ.

Его приняла сама Гертрудъ.

При первомъ на нее взглядѣ онъ почувствовалъ, что двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни точно и не бывало. Сердце его громко застучало. Онъ заговорилъ ласково, даже сердечно, но вполнѣ спокойно владѣлъ собой.

— Вы, конечно, догадываетесь: я пришелъ благодарить васъ за письмо. Да, это была очень, очень важная и своевременная услуга; я очень безпокоюсь о здоровьѣ отца, но, кажется, мой пріѣздъ подѣйствовалъ на него хорошо. Вы показали себя вѣрнымъ, честнымъ другомъ, какимъ вѣдь и обѣщали остаться всегда. Повѣрьте, я говорю вамъ это искренно...

Это, конечно, была рѣчь холодная, приготовленная заранѣе. Въ присутствіи госпожи Браттъ онъ выразился бы еще церемоннѣе... И тѣмъ не менѣе, пожимая руку дѣвушки, онъ удержалъ эту руку дольше обыкновеннаго и почувствовалъ себя счастливымъ, замѣтивъ, что ея рука слегка дрожала.

Однако, его упоминаніе о дружбѣ не понравилось Гертрудъ. Не понравилась ей и эта, совсѣмъ несвойственная Абрагаму, церемонность. Онъ говорилъ теперь не хуже инспектора Финкенгагена!

— Вамъ должна была написать моя мать; но ей было некогда. Прошу садиться, господинъ Іонстонъ!

— Вы ужъ не хотите больше называть меня Абрагамомъ?

— Если мнѣ разрѣшается такъ безцеремонно называть знаменитаго живописца, очень рада называть васъ Абрагамъ Іонстонъ.

Абрагамъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Все та же и съ тѣми же горячими порывами!.. Только теперь она еще прекраснѣе! О, эти глаза, которые такъ и приковываютъ человѣка, заставляя его каждую минуту ждать чего-то новаго!!

Она была въ простенькомъ черномъ платьѣ, мягко облегавшемъ ея фигуру... Ничего на ней не было лишняго, безвкуснаго. Въ свое время онъ вѣдь привилъ ей свои собственные вкусы художника, и научилъ ее одѣваться изящно.

Однако, пріемъ не могъ его особенно порадовать...

— Странно! — сказалъ онъ, помолчавъ.—Вотъ сижу возлѣ васъ, и точно намъ и нечего сказать другъ другу...

— Прошли цѣлые годы!!

— Конечно. И вы все это время были счастливы, Гертрудъ? Командуете и властвуете такъ же, какъ и вашъ отецъ? Я слышалъ, много катаетесь на конькахъ...

— Я и прежде каталась.

— А развѣ я не помню? Я сталъ такъ разсѣянъ, говорю вздоръ... Такія странныя мысли... Господи! Я опять съ вами!!

Они помолчали.

— Слышали, отецъ отказался отъ своего состоянія?—спросилъ Абрагамъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Да. Мать даже расплакалась,—такъ она была тронута необычайностью, и величіемъ этого поступка!

— А вы? Что же вы-то сами скажете, Гертрудъ? Вы вѣдь практичная барышня и не любите фантазерства. Можетъ быть, думаете: у отца недостаетъ въ головѣ какого-то винтика?

— Я того же мнѣнія, какъ и мама. Вашъ отецъ не похожъ на перваго встрѣчнаго и не можетъ поступать, какъ большинство. Я вполнѣ понимаю, насколько благородный поступокъ для него дороже богатства...

— Ну, а что вы думаете, напримѣръ, обо мнѣ?

— О, я такъ рада, что вы лишились этого богатства! Теперь уже васъ ничто не остановитъ на пути къ славѣ! Я всегда опасалась, какъ бы не повредили вамъ эти денежные пуховики, на которыхъ иногда очень соблазнительно прилечь и успокоиться... Вамъ вѣдь всего только двадцать семь лѣтъ, и вы уже признанная знаменитость. На что же

вамъ еще богатство? Вчера, узнавъ эту новость, я просто пришла за васъ въ восторгъ!!

Она уже забыла свое минутное неудовольствіе и говорила съ такимъ увлекательнымъ жаромъ. Для нея обѣднѣвшій Абрагамъ былъ во сто разъ милѣе и дороже прежняго богача.

— Послушайте, Гертрудъ!—вдругъ вскричалъ онъ.—Когда же вы позволите мнѣ написать вашъ потретъ?

— Опять этотъ портретъ?—переспросила она растерянно.—Но вѣдь вы же остаетесь здѣсь, и для этого всегда будетъ время.

— Но вѣдь точно такъ же и въ прошлый разъ вы все откладывали со дня на день...

— Не будемъ говорить о прошломъ!—остановила она его.

— Да я и не собирался... Не будемъ... разумѣется! Позволю себѣ только напомнить, что мы всегда относились другъ къ другу съ довѣріемъ... съ самаго дѣтства. Такого товарища и друга мнѣ уже не найти въ цѣломъ мірѣ! Такъ позвольте же вернуться къ прежнимъ довѣрчивымъ отношеніямъ! Что бы вы ни думали, а вы, и одна вы, скрасили и освѣтили всю мою юность.

— Развѣ я не доказала вамъ свою дружбу и въ настоящемъ!—горячо отвѣтила она, зараженная его пыломъ.—Надѣюсь, и въ будущемъ за мной дѣло не станетъ. Но что же вы однако намѣрены теперь предпринять?—спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Намѣренъ написать вашъ портретъ.

— Нѣтъ, я говорю вообще...

— Вообще? вообще хочу продолжать, такъ, какъ началъ, но уже дома, а не за границей. И я долженъ начать именно съ вашего портрета! И я знаю, что это будетъ что-то замѣчательное... Неужели же вы не хотите помочь бѣдному живописцу? Обращаюсь къ вамъ, наконецъ, во имя нашей дружбы!

Она ужъ готова была согласиться; но слово «*дружба*» опять подѣйствовало на нее, какъ холодная вода.

— Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ,—сказала она сдержанно.—Еще успѣемъ.

Онъ вскочилъ и глаза у него засверкали.

— Послушайте, Гертрудъ!—сказалъ онъ.—Я пріѣхалъ издалека...

— Это мнѣ извѣстно, Абрагамъ Іонстонъ.

— Я такъ долго не видѣлъ васъ и все это время жилъ въ кругу, гдѣ было много чудныхъ женщинъ, которыми можно было увлечься...

— Развѣ я сомнѣваюсь въ этомъ?

— Были, право же, премилыя; и всѣ такія уравновѣшенныя, точно выучили жизнь наизусть и никогда не затрудняются надъ вопросомъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать. Вы же наоборотъ, Гертрудъ, вы вся—одна загадка, и ваши глаза всегда обѣщаютъ какую-нибудь неожиданность. Вы умѣете вѣрить безгранично, умѣете радоваться и огорчаться

такъ глубоко, такъ искренно! Что же это будетъ, если вы кого-нибудь полюбите? Да вы замучаете и его, и себя! Но именно эта-то загадочность, эта глубина вашей души и удивительно привлекательны. Кто вами овладѣетъ, тотъ узнаетъ необыкновенное счастіе, или невыразимое горе, но ужъ, во всякомъ случаѣ, будетъ жить... Съ непосредственностью вашей натуры, вы были бы чѣмъ-то особеннымъ среди этихъ ровненькихъ женщинъ западныхъ странъ, чѣмъ-то вродѣ олицетворенія минувшихъ вѣковъ, этакой молодой бабушкой или прабабушкой! Я думалъ, что охладѣлъ къ вамъ... Нѣтъ, Гертрудъ, ни одна, никакая женщина не замѣнитъ мнѣ васъ и никогда еще вы не были мнѣ дороже, чѣмъ теперь!..

Она потупилась надъ швейнымъ столикомъ. Но руки у нея такъ дрожали, что она уже не могла продолжать работы. Онъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, я таки вытащу васъ изъ за этого столика!—вскричалъ онъ, приближаясь къ ней и властно привлекая ее въ свои объятія.— Перестаньте же мучить меня! Теперь вамъ нечего гордиться и колебаться: вы можете сдѣлаться женой бѣднаго художника!..

Они не хотѣли выпускать другъ друга изъ объятій, и, обнявшись, вошли въ комнату госпожи Браттъ. Они вмѣстѣ провели весь вечеръ, и она провожала его за рѣку, черезъ мостъ, подъ которымъ грохотала незамерзшая у плотины рѣка. Бѣлыя горы и снѣжныя поляны были залиты луннымъ свѣтомъ. Морозъ крѣпчалъ.

— Ну еще одинъ поцѣлуй, милая—послѣдній!

— Хорошо, пусть это будетъ отъ бабушки или прабабушки... Такъ вѣдь ты сказалъ, Абрагамъ?..

XIX.

Директоръ уже два раза заходилъ къ Іонстону поговорить по поводу помолвки Абрагама съ Гертрудъ. Но и вчера, и третьяго дня Іонстонъ былъ боленъ. У него были сильные припадки головокруженія, и докторъ предписалъ ему безусловный покой. Къ нему никого не пускали.

Такіе припадки бывали у него и раньше, но всегда проходили благополучно. Не было причины особенно тревожиться.

Но вотъ прискакалъ къ директору нарочный. Іонстонъ извѣщалъ стараго друга, что очень серьезно боленъ, и хочетъ съ нимъ повидаться.

Директоръ поспѣшилъ къ больному.

Уже по одному виду осунувшагося, заплаканнаго лица госпожи Рэнебергъ онъ понялъ, что дѣло плохо.

Въ гостиной Абрагамъ тихо разговаривалъ съ директоромъ. Оказалось, Іонстонъ уже потерялъ было сознаніе, но теперь опять очнулся. Докторъ предполагалъ переполненіе мозговыхъ сосудовъ кровью и разрывъ одного изъ нихъ. Съ минуты на минуту можно было ждать новыхъ осложненій...

Директора провели въ спальню. Съ озабоченнымъ видомъ подошелъ онъ къ кровати и, при слабомъ свѣтѣ завѣшенныхъ зелеными сторами оконъ, увидѣлъ больного. Сѣдые волосы Іонстона безпорядочно торчали изъ подъ пузыря со льдомъ. Борода разметалась.

— Что это съ тобой, Іонстонъ? Говорятъ, не на шутку расхворался?

Іонстонъ протянулъ руку и судорожно сжалъ руку директора.

— Ну, ну, я вижу, у тебя еще довольно силъ!—ободрительно замѣтилъ директоръ.—Дастъ Богъ, и остальное все придетъ въ порядокъ.

— Наши дѣти помолвились,—заговорилъ Іонстонъ, пытаясь освободить голову изъ подъ пузыря.—Я этому очень радъ.

— И я радъ—отъ души!

— По крайней мѣрѣ, умираю съ увѣренностью, что Абрагамъ будетъ счастливъ... Съ этой стороны, я спокоенъ...

— Съ чего это ты, братъ, собрался умирать? Надѣюсь, проживешь еще долго и ужъ навѣрно попируешь съ нами на свадьбѣ.

Іонстонъ судорожно схватился за голову.

— Только бы не лишиться опять сознанія,—пробормоталъ онъ.— Кровь все приливаетъ... Ничего не успѣю... Послушай, Браттъ, ты былъ мнѣ когда-то добрымъ другомъ,—продолжалъ онъ съ лихорадочной торопливостью.—Особенно тогда, когда я былъ еще совсѣмъ безпомощенъ. Спасибо тебѣ!

— Надѣюсь, мы еще долго останемся друзьями! А теперь особенно, когда породнимся.

— Какъ это странно, въ послѣднее время ты такъ охладѣлъ ко мнѣ... Мы даже какъ-то мало встрѣчались, ты былъ какой-то точно не прежній Браттъ. А вѣдь мы не ссорились...

Онъ говорилъ болѣзненно, прерывисто; пальцы безпокойно перебирали одѣяло.

— Позаботься о томъ, что я началъ, Браттъ!—продолжалъ онъ, не дожидаясь возраженій.—Главное, пріютъ для старыхъ моряковъ... Требуй, чтобы комнаты были не слишкомъ малы, чтобы было тепло... Старики всегда зябнутъ. Старика, вѣдь, не меньше жаль, чѣмъ ребенка.

— Будь покоенъ, Іонстонъ. Я обѣщаю тебѣ присмотрѣть за всѣмъ, и знаю всѣ твои желанія!—сказалъ директоръ горячо.—Но я твердо увѣренъ, что ты поправишься, и самъ откроешь пріютъ.

Іонстонъ не слушалъ. Онъ отвернулся, точно собираясь съ мыслями, и директоръ услышалъ тяжелый вздохъ, вырвавшійся изъ его груди

Но вотъ Іонстонъ опять повернулся къ нему.

— Я всегда вспоминаю, Браттъ, о томъ времени, когда мы были съ тобой такъ дружны! Помнишь, когда ты еще носилъ эти старые серебряные часы, которы... которые еще всегда...

Онъ съ трудомъ, точно задыхаясь, договорилъ:

— ...всегда... отставали?..

— Ты хочешь сказать: бѣжали впередъ!—снисходительне поправилъ его директоръ, думавшій, ужъ не бредитъ ли больной.

Іонстонъ приподнялся въ кровати. Пузырь спалъ съ его головы. Пряди сѣдыхъ волосъ торчали во всѣ стороны.

— Ты... ты помнишь это навѣрное?—вскричалъ онъ, напряженно, лихорадочно вглядываясь въ лицо директора.

— Еще бы не помнить!—успокоительно подтвердилъ Браттъ.—Довольно я намучился...

— Андерсъ Браттъ!—торжественно перебилъ его Іонстонъ.—Отвѣчай по совѣсти, отвѣчай умирающему человѣку... Въ тотъ вечеръ, когда я застраховалъ «Конкордію», бѣжали впередъ или отставали твои часы? По нимъ отмѣчено было время заключенія договора.

Директоръ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Онъ даже ухватился рукой за спинку стула, точно боясь не устоять на ногахъ. Но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Могу тебѣ поклясться, Іонстонъ;—никогда эти часы не отставали. Я ставилъ ихъ каждое воскресенье, и всегда приходилось переводить стрѣлку назадъ минутъ на десять, на пятнадцать... Ты застраховалъ свое судно въ субботу... Часы должны были показывать на добрыхъ десять минутъ впередъ...

Напряженный взглядъ больного точно погасъ. Онъ опустился на подушку, и руки его остались неподвижны. На губахъ появилась улыбка.

— Теперь умру спокойно!—пробормоталъ онъ, закрывая глаза.—Ахъ, какъ мнѣ легко, какъ хорошо! Спасибо... спасибо тебѣ, Браттъ!

Вся мощная фигура директора содрогалась отъ волненія. Онъ наклонился къ больному и сдѣлалъ попытку погладить его руку. Но самъ онъ слишкомъ дрожалъ для этого, и руки точно нѣмѣли.

Вдругъ Іонстонъ заметался...

— Если я кого обидѣлъ, прошу простить... Мнѣ худо... Абрагама скорѣй, сына...

Директоръ выпрямился и въ ужасѣ кинулся къ дверямъ.

— Абрагамъ!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

Мимо него пробѣжали въ комнату госпожа Рэнебергъ и Абрагамъ. Тутъ же оказались его жена и Гертрудъ... Послѣднее, что видѣлъ директоръ, былъ сильный взмахъ рукъ больного вверхъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, не помня себя, и очутился на улицѣ съ лицомъ землисто-сѣрымъ, точно умиралъ самъ. Онъ остановился, растерянно оглянулся по сторонамъ, потомъ поникъ головой и машинально побрелъ къ себѣ домой.

Проходя черезъ свою прихожую, директоръ крикнулъ служанкѣ, чтобы никого и ни подъ какимъ предлогомъ, не принимать. Служанка слышала, какъ онъ прошелъ въ кабинетъ и заперся на ключъ. Никогда еще этого онъ не дѣлалъ, и она сообразила, что онъ «сокрушается по умирающемъ господинѣ Іонстонѣ».

Затѣмъ въ кабинетѣ стало такъ тихо, что ее забралъ страхъ.

Она подкралась къ дверямъ и стала прислушиваться. Послышались

тихіе, жалобные стоны. Заскрипѣлъ диванъ, точно подъ тяжестью метавшагося человѣка.

Когда она опять приблизилась къ дверямъ, стоновъ уже не было слышно, но раздавались какіе-то другіе звуки, очень похожіе на заглушенныя рыданія.

Служанка сама расплакалась; стало жаль директора. Можетъ же такой сильный господинъ такъ убиваться по другѣ!

Директоръ перебирался съ дивана на кресло, потомъ опять на диванъ, тамъ на качалку. Всюду видѣлъ онъ передъ собой Іонстона, то съ вскинутыми вверхъ руками, то съ устремленнымъ на него пытливымъ взоромъ. Съ невыразимымъ ужасомъ всматривался онъ въ видѣніе, которое становилось все ярче, страшнѣе...

Директоръ уже не стоналъ и не рыдалъ.

Онъ спрашивалъ себя: неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ убійца? Неужели же его ядовитые намеки были единственной причиной болѣзни и смерти Іонстона?

Но другихъ причинъ однако не было, и кровь стыла у него отъ ужаса, когда онъ соображалъ, что самъ замучилъ человѣка, не случайно, а съ вполнѣ сознательной злобой, изъ ненависти...

Развѣ онъ не зналъ болѣзненной мнительности и крайней щепетильности Іонстона?

Вѣдь было такъ убійственно ясно, что именно въ эту больную черту онъ и мѣтилъ своими намеками!... И тотъ не вынесъ...

— Господи! эти вскинутыя кверху руки умирающаго, который точно хватался за что-то, молилъ о помощи... Его грудь вѣрно что-то давило, душило...

Стало смеркаться. Директоръ сидѣлъ, забившись въ уголъ, и дико смотрѣлъ прямо передъ собой. Онъ зналъ, что жена и дочь вернутся только тогда, когда все уже будетъ кончено,—и ждалъ ихъ.

Въ домѣ было тихо. Только издали доносился звукъ круглой пилы. Обыкновенно директоръ не слышалъ этого звука, такъ же привыкшій къ нему, какъ живущій у водопада привыкъ къ грохоту воды. Но теперь почему-то этотъ звукъ слышался удивительно ясно, обрываясь, когда перепиливалось бревно, и постоянно заканчиваясь какимъ-то надоѣдливымъ звукомъ:

Зззззз—кутъ!

Почему-то этотъ именно звукъ казался теперь директору такимъ страшнымъ, точно въ немъ было что-то общее съ мерещившимся ему Іонстономъ?

Онъ уже не могъ не прислушиваться къ звуку пилы, какъ не могъ и отвертываться отъ фигуры Іонстона съ вскинутыми вверхъ руками. Ему все казалось, что, при слѣдующемъ звукѣ «зззззз—кутъ», Іонстонъ умретъ и перестанетъ хрипѣть, и руки у него опустятся...

Перепиливались одно бревно за другимъ. Зззззз—кутъ!.. Опять свистѣла пила, онять отваливался кусокъ бревна—зззззз—кутъ!

Точно хрипъ и предсмертная икота...

Это становилось невыносимо! Онъ всталъ и зажегъ лампу.

При свѣтѣ лампы и при видѣ знакомыхъ предметовъ на обычныхъ мѣстахъ онъ немножко ободрился. Къ нему вернулась способность размышлять, и онъ пересталъ всматриваться въ то, что ему мерещилось.

Онъ походилъ по комнатѣ и поборолъ въ себѣ безпредметный ужасъ. Глупо поддаваться всякому нервному потрясенію!!..

Да, при лампѣ было гораздо лучше!

Онъ точно всплылъ на поверхность воды изъ какого-то страшнаго омута. Онъ даже могъ уже трезво взглянуть на случившееся.

Развѣ не любилъ онъ Іонстона такъ, какъ въ жизни не любилъ другого? Это была какая-то особенная, страстная привязанность, не простая дружба... Да, это онъ можетъ сказать, положа руку на сердце, и прибавить, что не разъ оказывалъ другу существенную поддержку... Все это прошло, но вѣдь это было, никто не можетъ отнять у него этого!..

Онъ прошелся изъ угла въ уголъ по комнатѣ, и остановился передъ письменнымъ столомъ. Долго, тупо смотрѣлъ онъ на бумаги, сталъ перелистывать счетную книгу... Ему ужасно хотѣлось вернуться къ своему обычному, дѣловому настроенію...

Но мысли не повиновались, и все возвращались къ Іонстону.

— Развѣ онъ-то, Браттъ, могъ предвидѣть, чтобы человѣкъ съ чистой совѣстью замучилъ себя до смерти только излишнею мнительностью? Не могъ же и онъ самъ, Браттъ, въ свою очередь, казниться такимъ же образомъ и допустить себя до такой же расплывчатости?.. Надо быть мужчиной, трезвѣе смотрѣть на жизнь!

И онъ опять зашагалъ по кабинету, но уже твердой, рѣшительной походкой. Іонстонъ уже больше не мерещился ему. Пилы не было уже слышно.

— Да, какъ бы тамъ ни было, а эта расплывчатость ничего, кромѣ несчастій, не приноситъ! Себя уходилъ и другимъ надѣлалъ зла... Абрагамъ и Гертрудъ изъ-за этого лишились вѣдь цѣлаго богатства. Это подрываетъ и меня... Могу принять это за наказаніе... но въ чемъ же я виноватъ?.. Чортъ знаетъ, до какихъ крайностей не доводитъ насъ эта жизнь взапуски... Я не оправдываюсь... Какъ передъ Богомъ признаюсь: конечно, я виноватъ! Я даже никогда не примирюсь съ собой, никогда не прощу себѣ этой гадости!—Но надо же умѣть мужественно принимать свою судьбу и нельзя валиться отъ перваго толчка...

Ему опять становилось какъ-то душно, и онъ прибавилъ въ лампѣ огонь. Въ темныхъ углахъ комнаты опять забѣлѣло что-то. Съ завода опять доносился зловѣщій звукъ: зззззз—кутъ!!!

Около часа ночи послышались бубенчики. Это возвращались госпожа Браттъ съ Гертрудъ.

Директоръ взялъ со стола лампу, вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ переднюю. На его вопросительный взглядъ жена отвѣтила печальнымъ кивкомъ головы. Все было кончено!..

Онъ послѣдовалъ за женщинами въ гостиную, попрежнему не разставаясь со своей лампой. Тамъ онъ сталъ съ жадностью прислушиваться къ отрывочнымъ разсказамъ жены.

Лампа на кругломъ столѣ плохо освѣщала большую комнату; директоръ тяжело шагалъ взадъ и впередъ. Госпожа Браттъ сидѣла на креслѣ въ разстегнутой кофточкѣ, со шляпой на головѣ. Гертрудъ стояла, опершись на спинку кресла.

— Господи, за что мы такъ рано лишились этого человѣка?—дрожащимъ голосомъ начала госпожа Браттъ, не глядя на мужа и обращаясь, какъ бы исключительно, къ дочери.—Разорвана на части цѣлая жизнь... Перестало биться сердце, способное чувствовать такъ возвышенно, такъ благородно... Послѣ него остается какая-то мрачная пустота... А какъ онъ любилъ Абрагама! Съ какимъ самоотверженіемъ, съ какой глубиной!.. Его духъ поддерживалъ благородные порывы во всѣхъ окружавшихъ его, точно освѣщалъ насъ всѣхъ...

Углы рта директора опустились, подбородокъ точно заострился; въ глазахъ сверкнули злые огоньки. Онъ вдругъ точно освободился отъ всякаго сознанія своей вины и въ немъ поднялись тѣ же чувства, которыя мутили его и при жизни Іонстона.

Нельзя же равнодушно слушать такія апологіи! На все есть границы! Канонизируютъ его... Причисляютъ къ лику святыхъ!

Онъ вдругъ подошелъ къ столу и остановился, ярко освѣщенный свѣтомъ лампы.

— Его духъ, говоришь ты, Гетта? — заговорилъ онъ крикливо. — По моему ты поддаешься большой слабости! Іонстонъ былъ человѣкъ со многими, очень многими достоинствами. Я первый преклоняюсь передъ этими достоинствами! Но говорить такъ, какъ ты говоришь?! Напримѣръ, это его завѣщаніе?.. Если бы я роздалъ все, что у насъ есть, и ты осталась бы на снѣгу, нищей... Хотѣлъ бы я знать, какъ бы ты назвала такой «*духъ*» во мнѣ! Я ненавижу излишнюю сантиментальность... я презираю такихъ...

Мать и дочь смотрѣли на него съ испугомъ.

— Ну, ну... я не говорю!—спохватился онъ.—Это страшная потеря... Мы долго будемъ оплакивать его...

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь, взялъ лампу и направился обратно въ кабинетъ.

Его руки опять сильно дрожали. Поставивъ лампу, онъ сталъ лихорадочно хвататься то за одно, то за другое. Ему хотѣлось чѣмъ-нибудь заняться; но мысли ни на чемъ не сосредоточивались, и снова его мучилъ безотчетный страхъ.

Онъ пугливо косился по сторонамъ и вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: опять заслышался звукъ пилы... зззз-кутъ! — и никогда еще этотъ звукъ не былъ такъ мучительно ясенъ.

Конецъ.

ГОЛОДЪ ВЪ ИНДІИ.

Audiatur et altera pars!

Въ дни пышныхъ празднествъ, которыми ознаменовался «бриллiантовый» юбилей королевы Викторіи, жемчужина ея короны набросила широкую и мрачную тѣнь на всеобщее веселье: изъ Индіи приходили вѣсти, одна печальнѣе другой. На сѣверо-востокѣ, на афганской границѣ, живущія тамъ варварскія племена напали на разграничительную коммиссію и почти всю ее перебили. На сѣверо-западѣ, въ бенгальскомъ губернаторствѣ страшныя землетрясенія произвели огромныя опустошенія съ массою матеріальныхъ и человѣческихъ жертвъ. Въ столицѣ Бенгаліи, Калькуттѣ возникли безпорядки, во время которыхъ цѣлые кварталы находились во власти возставшей толпы. На юго-западѣ, въ городѣ Пунѣ два правительственныхъ чиновника были застрѣлены при таинственныхъ обстоятельствахъ, которыя наводятъ на мысль о заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, приписываются ему. И ко всему этому присоединился ужасный голодъ.

Не мало хлопотъ и заботъ досталось на долю англійскаго правительства. Покушенія въ Пунѣ приписывались индусамъ и, во всякомъ случаѣ, надо отмѣтить, что имъ предшествовали ожесточенныя нападки на убитыхъ чиновниковъ въ индусской прессѣ, которая обвиняла ихъ въ возмутительномъ оскорбленіи религіозныхъ чувствъ индусовъ во время борьбы съ чумою. Возстаніе въ Калькуттѣ исходило изъ среды магометанъ и, не смотря на то, что непосредственною причиною его было столкновеніе между индусомъ и магометаниномъ, оно было злорадно встрѣчено частью индусскаго населенія. Нападеніе на афганской границѣ показало, чего англійское правительство можетъ ждать отъ племенъ, населяющихъ горный поясъ, отдѣляющій Индію отъ остальной Азіи, и вызвало у индійскаго правительства расходы на новую военную экспедицію для наказанія виновныхъ. Борьба на границѣ, борьба внутри съ голодомъ, превосходящимъ размѣрами все, что знаетъ современная Европа, воинственное недовольство двухъ главныхъ составныхъ частей населенія Индіи,—все это, взятое вмѣстѣ, можетъ вызвать даже у людей, не слишкомъ склонныхъ рисовать черными красками,

представленіе, что Англія находится наканунѣ столь давно уже предсказанной катастрофы въ Индіи. Что же касается нашихъ «патріотовъ своего отечества», то они давнымъ-давно уже потираютъ себѣ руки отъ удовольствія, планируютъ походы для окончательнаго изгнанія англичанъ изъ Индіи и, можетъ быть, мечтаютъ уже о скоромъ присоединеніи къ французскимъ и сіамскимъ орденамъ также и ордена какого-нибудь «индійскаго слона». Особенно радужныя ожиданія возбудилъ у этихъ «патріотовъ» голодъ въ Индіи. Они уже мечтали о массахъ русскаго «жертвованнаго» хлѣба, который наводнитъ голодающую Индію и наглядно покажетъ нашимъ новымъ союзникамъ in spe, гдѣ кроются ихъ истинные друзья. Но если послѣднія надежды и обманули горько, то все-таки оставалось пріятное чувство отъ сравненія: не одни-де мы лыкомъ шиты! вотъ и культурные англичане не лучше нашего бьются съ «недородомъ»... Такое наивное самоутѣшеніе особенно вредно теперь, когда мы стоимъ опять передъ надвигающейся грозою. Установленіе правильной параллели было бы очень полезно для насъ, но не въ смыслѣ самоуслажденія и самоусыпленія, а, напротивъ, въ смыслѣ пробужденія въ насъ уваженія къ европейской культурѣ, умѣнья пользоваться чужимъ опытомъ. Поэтому, мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ оцѣнкой послѣднихъ событій въ Индіи, принадлежащей перу талантливаго нѣмецкаго публициста, Эдуарда Бернштейна, живущаго постоянно въ Англіи и прекрасно знакомаго со всѣми деталями общественной жизни Великобританіи. Его статья «Einiges über das indische Problem» носитъ нѣсколько полемическій характеръ и направлена противъ крайностей «фил-индусской» агитаціи, поднятой главою англійской соціально-демократической федераціи—Гайндманомъ (Hyndman), который въ этомъ, конечно, только отношеніи является авторитетомъ и для нашихъ патріотовъ, черпающихъ свое добро, гдѣ они его только находятъ.

Не смотря на всѣ мрачныя предсказанія, событія въ Индіи далеко не привели къ ожидаемой катастрофѣ. Возстаніе въ Калькуттѣ было такъ же быстро подавлено, какъ быстро оно возникло. Махрата-индусы въ Пунѣ отклонили всякую мысль о возстаніи противъ англійскаго владычества. Всякаго рода индійцы спѣшили выразить свои вѣрноподданническія чувства. Нападеніе на афганской границѣ локализировалось на небольшомъ пространствѣ и вызвало дружескія завѣренія какъ Афганистана, такъ и разныхъ сосѣднихъ племенъ. Со всѣми этими непріятностями англичане могли сравнительно легко справиться. Съ другой стороны, голодъ въ Индіи быстро приходитъ къ концу *). Этимъ вовсе не утверждается, что въ британской Остъ-Индіи все обстоитъ

*) Недавно на митингѣ комитета по сбору пожертвованій для голодающихъ индусовъ (сборъ достигъ 10 милл. рублей), министръ по дѣламъ Индіи Гамильтонъ заявилъ, что голодъ постепенно исчезаетъ и виды на зимній урожай хороши. «Русск. Вѣдом.» № 272.

благополучно. Тѣмъ не менѣе, пророки, предсказывающіе ей скорую гибель, должны немного потерпѣть. Съ правительствами дѣло идетъ такъ же, какъ и съ людьми: приговорить ихъ къ смерти еще не значитъ убить ихъ.

Можно ли сожалѣть о томъ, что катастрофа еще не наступила, съ точки зрѣнія интересовъ индійскаго населенія? Тѣ, кто держится мнѣнія, что голодъ въ Индіи порожденъ сознательными кознями или небрежностью англійскаго правительства, что люди, отвѣтственные за индійское правленіе, безсовѣстоо предоставили голодной смерти десять милліоновъ индусовъ, что бѣдные индійцы жили гораздо лучше до включенія Индіи въ британскую имперію и вообще находятся подъ властью мѣстныхъ князей въ лучшемъ положеніи, чѣмъ подъ властью англичанъ, тѣ, конечно, страстно будутъ ждать того момента, когда послѣдній британскій чиновникъ будетъ изгнанъ изъ Индіи. Историческое оправданіе всякаго прдвительства заключается въ томъ, что оно наилучшее изъ возможныхъ при данныхъ отношеніяхъ. Если оно не удовлетворяетъ этому требованію, то, конечно, оно заслуживаетъ скорѣйшаго уничтоженія. Но примѣнимо ли это къ современному англійскому правленію въ Индіи?

Дать въ короткой статьѣ исчерпывающую картину страны, занимающей столько же пространства, сколько вся Европа безъ Россіи, и обладающей населеніемъ, которое равно населенію всей Европы съ Россіей, живетъ въ самыхъ разнообразныхъ климатическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ,—совершенно невозможно: здѣсь жители скучились болѣе густо, чѣмъ въ самыхъ населенныхъ мѣстностяхъ Европы, тамъ—они рѣже, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь—рѣчныя долины съ самой роскошной растительностью, тамъ—суровыя плоскогорія; здѣсь—свободные крестьяне или деревенскія общины, тамъ—арендаторы или подъ-арендаторы полуфеодальныхъ господъ («семиндаровъ»). Но самое упоминаніе такихъ многоразличій должно заставить усомниться въ значеніи массовыхъ или среднихъ чиселъ. Что можно узнать, слыша, сколько цѣнностей Англія вывозитъ изъ Индіи, если не извѣстно, какъ относится этотъ вывозъ къ податной тягости Индіи, въ какой мѣрѣ разныя провинціи несутъ эти подати, въ какомъ отношеніи находятся налоги къ доходамъ различныхъ классовъ, что доставляетъ правительство взамѣнъ этихъ налоговъ? Населеніе Индіи никоимъ образомъ не состоитъ изъ однихъ только бѣдныхъ, голодныхъ кули и райотовъ; оно заключаетъ въ себѣ также и очень значительный слой состоятельныхъ, частью даже очень богатыхъ купцовъ, фабрикантовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, если индійское правительство за услуги, все въ большемъ количествѣ оказываемыя этимъ классамъ, взимаетъ съ нихъ все больше налоговъ, или если эти налоги приносятъ все большія суммы, можно ли тогда говорить о растущей эксплуатаціи голодающаго индійскаго народа? Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о положеніи индій-

скихъ райотовъ одинъ памфлетъ, изданный нѣсколько лѣтъ назадъ «обществомъ реформъ для Индіи» *).

«Въ большей части Бенгаліи нѣтъ земельныхъ собственниковъ, которые проводили бы жизнь въ своихъ имѣніяхъ и поддерживали бы живую связь съ крестьянами. Деревенская община слабѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и нѣтъ общинныхъ совѣтовъ, которые принимали бы участіе въ раскладкѣ податей. Нѣтъ даже деревенскаго старосты. «Семиндаръ» (землевладѣлецъ)—всемогущъ, но никогда не живетъ въ своей деревнѣ. Въ Бенгалія 130 тысячъ платящихъ налоги съ доходовъ вносятъ ежегодно 35 милл. рублей. Рента, которую они получаютъ, достигаетъ до 300 милл. руб., но оффиціально она оцѣнивается до 130 милл. Подъ 130 тыс. платящихъ налогъ съ доходовъ стоятъ 750 тыс. арендаторовъ, ниже ихъ 10 милл. крестьянъ, обработывающихъ въ среднемъ 2—3 моргена земли. Никто не скажетъ, что налоги очень тяжелы. Платящіе налоги должны разстаться лишь съ десятой долею своей ренты. И все-таки нѣтъ округа въ Индіи, гдѣ сельское населеніе было бы въ такомъ жалкомъ, нищенскомъ положеніи. Семиндары представляютъ не сидящую на землѣ наслѣдственную аристократію, они не занимаются вовсе меліораціями въ своихъ помѣстьяхъ. Быстро растущій, незаработанный доходъ, обязанъ своимъ существованіемъ улучшеніямъ, произведеннымъ государствомъ и увеличенію народонаселенія» (Alfred Haggart. The condition of the Indian Ryot, London, 1885, p. 28).

Можно ли, слѣдовательно, разумно утверждать. что взыскиваемая съ семиндаровъ поземельная подать является виною нищеты десяти милліоновъ райотовъ? Какъ согласовать такое утвержденіе съ «желѣзнымъ закономъ заработной платы», который, если и имѣетъ гдѣ-либо примѣненіе, такъ ужъ несомнѣнно къ этому населенію, принужденному довольствоваться минимумомъ средствъ къ существованію? Кромѣ того, послѣ того, какъ были написаны вышеприведенныя строки, земельный законъ, похожій на знаменитый ирландскій поземельный билль 1881 года (Bengal Tenancy Act 1885), позаботился о томъ, чтобъ крестьянинъ былъ защищенъ отъ произвольныхъ возвышеній арендной платы, чтобъ семиндары не могли перенести налоговую тяжесть на крестьянскія плечи. Какъ много соціально-политической мудрости было бы въ томъ, еслибы на основаніи господствующаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи и среди нѣкоторыхъ классовъ голода декретировать полное уничтоженіе налоговъ *во всей* Индіи **)! Въ сравненіи съ такимъ актомъ былъ бы верхомъ справедливой по-

*) «Indian Reform Association». Оно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ радикаловъ; къ нему примкнули и многіе индусы. Во главѣ его стоялъ Коллетъ, другъ Карла Маркса.

**) Само собою разумѣется, что правительство не взыскивало податей съ нуждающихся крдстьянъ. Бюджетъ 1897—1898 г. оцѣниваетъ это уменьшеніе налоговъ въ 24 милл. рупій.

датной политики послѣдній законъ консервативнаго правительства Англіи, уменьшающій платежи крупныхъ землевладѣльцевъ. Такія кажущіяся радикальными мѣропріятія способны на самомъ дѣлѣ только компрометировать дѣло, интересы котораго имѣются въ виду.

Другой вопросъ, не являются ли слишкомъ обременительными налоги тамъ, гдѣ крестьянинъ является непосредственнымъ арендаторомъ государства. Поземельный налогъ въ Индіи въ дѣйствительности представляетъ скорѣе не налогъ, а арендную плату за передачу права на обработку земли. Если эту плату нельзя считать слишкомъ тяжелой для крупнаго и средняго собственника или даже для лучше поставленнаго мелкаго крестьянина, то она можетъ быть непосильной для карликоваго хозяйства. Что это такъ, — очень вѣроятно, но какъ распространенъ такой случай, объ этомъ мнѣнія расходятся. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что непосильность налога для опредѣленнаго класса крестьянъ не можетъ считаться основаніемъ для освобожденія отъ налоговъ тѣхъ классовъ, которые легко ихъ переносятъ. Что требуется въ данномъ случаѣ, это—облегченіе платежей, доведеніе ихъ до минимума для нуждающихся классовъ.

Всякій человѣкъ, разсматривающій положеніе дѣлъ издали, подвергается опасности повторять сужденія, которыя когда-то имѣли свои основанія, но теперь уже устарѣли и не соотвѣтствуютъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, нерѣдко приходится слышать отъ людей, которые никогда не были въ Индіи, что англійское правительство допустило гибель блестящихъ оросительныхъ сооруженій, которыми нѣкогда Индія обладала, и поэтому виновно въ засухахъ, посѣщающихъ страну. Бернштейнъ говоритъ, что онъ не въ состояніи утверждать, въ достаточной ли степени снабжена въ этомъ отношеніи Индія, но расходы на это дѣло представляютъ постоянную статью въ индійскомъ бюджетѣ *). Сколько бы ни грѣшили чиновники старой ость-индской компаніи, во всякомъ случаѣ очень сомнительно, чтобы современные инженеры въ оросительномъ дѣлѣ понимали меньше, чѣмъ древніе индійцы. Но само собою понятно, что никакія оросительныя системы не съумѣютъ распредѣлить воду тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. Когда отсутствіе весеннихъ и осенніхъ дождей вызвало такую сушь, что высохли всѣ цистерны, источники и даже многія рѣки, то, конечно, и оросительные каналы не много помогутъ. Съ другой стороны, многіе спеціалисты утверждаютъ, что тамъ, гдѣ функціонируютъ такіе каналы, они представляютъ значительную опасность для почвы. «Хотя орошеніе посредствомъ канализаціи, пишетъ одинъ спеціалистъ,—и увеличиваетъ доходы въ первые два-три года, но въ концѣ-концовъ оно обез-

*) Индійское правительство на это дѣло расходовало въ 1883—1884 г. около 14 милл. руб., 1889—1890 г.—около 17 милл., 1893—1894 г.—около 19 милл. Ср. «Financial Reform Almanach», 1897 г. До 1885 г. на орошеніе было истрачено до 200 милл. рублей.

силиваетъ почву. Туземцы говорили мнѣ, что тамъ, гдѣ введена канализація и дѣйствуетъ больше десяти лѣтъ, почва доставляетъ меньше продуктовъ, чѣмъ до введенія орошенія». (Цитировано изъ «Indian Government Reform», John Hagg, Lond., 1884 г.). Нѣкоторые, впрочемъ, приписываютъ ослабленіе почвы тому, что крестьяне въ мѣстностяхъ, снабженныхъ канализаціей, злоупотребляютъ водою и слишкомъ насыщаютъ ею почву. Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, ясно, что и за этимъ, повидимому, простымъ вопросомъ скрываются различныя спеціальныя трудности, судить о которыхъ могутъ только люди, обладающіе достаточными техническими свѣдѣніями и знаніемъ мѣстныхъ условій.

Есть не мало людей, которые думаютъ, что устройство новыхъ оросительныхъ каналовъ въ Индіи имѣетъ для борьбы съ голодомъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ развитіе сѣти желѣзнодорожныхъ и другихъ путей сообщенія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что обладаніе хорошею желѣзнодорожною сѣтью много содѣйствовало успѣшной борьбѣ съ голодомъ. Этимъ нельзя было воспрепятствовать общему повышенію цѣнъ на жизненные припасы, но можно было въ значительной мѣрѣ противиться необузданной спекуляціи ими.

Здѣсь употреблено выраженіе «успѣшная борьба съ голодомъ». Если правда, что голодъ стоилъ десяти милліоновъ человѣческихъ жертвъ и даже значительно меньше, то такое выраженіе было бы непростительно. Такимъ образомъ, приходится поставить вопросъ: какихъ размѣровъ достигла голодовка и какъ велико было число ея жертвъ?

Индійское правительство издало три синихъ книги о голодѣ. Въ достовѣрности приводимыхъ ими данныхъ врядъ ли кто можетъ усомниться. Цифры о смертности уже потому должны соотвѣтствовать дѣйствительности, что всякая попытка затушевать истинное положеніе дѣлъ будетъ разоблачена ближайшею переписью населенія. Ясно также, что и показанія о принятыхъ правительствомъ мѣрахъ должны быть вполнѣ вѣрны. Эти синіи книги доказываютъ, что, виновна ли или нѣтъ финансовая политика англійскаго правительства въ голодовкѣ, во всякомъ случаѣ въ отношеніи помощи населенію оно исполнило свой долгъ. Трудности, съ которымъ пришлось бороться организаціи помощи, были очень значительны. Къ тѣмъ препятствіямъ, съ которыми приходится считаться всюду, въ данномъ случаѣ присоединились суевѣрія и предразсудки индійскаго населенія. Достаточно упомянуть хотя бы о кастовомъ строѣ, который не надо смѣшивать съ классовымъ строемъ европейскихъ государствъ. Это дѣленіе на касты совершенно не допускаетъ примѣненія понятій, выработанныхъ европейской демократіей. Принадлежность къ высшей кастѣ совершенно независима отъ экономическаго положенія данной личности; бѣдность, унаслѣдованная отъ цѣлаго ряда поколѣній, нисколько не ослабляетъ гордаго сознанія своего родового превосходства. Членъ высшей касты предпочтетъ скорѣе погибнуть отъ

голода, чѣмъ согласится принять участіе въ общественныхъ работахъ наряду съ лицами низшихъ кастъ. Были даже случаи, что «благородные» отказывались отъ предлагаемаго безъ всякихъ условій вспомоществованія. Съ другой стороны, такое высоко развитое чувство кастовой чести нисколько не гарантируетъ отъ самыхъ грязныхъ продѣлокъ. Лживость и вымогательство брамановъ извѣстны и находятся въ обратномъ отношеніи къ высокимъ моральнымъ принципамъ изъ религіи.

Принимая во вниманіе такія условія, надо считать очень нелегкой задачу—щадить признанныя особенности народныхъ обычаевъ и вмѣстѣ избѣгнуть безполезной растраты общественныхъ средствъ.

Продовольственный уставъ на случай голода («Famine-Code»), выработанный индійскимъ правительствомъ на основаніи прежнихъ опытовъ во время голодовокъ и служившій основаніемъ для работъ въ теперешній голодъ, считается съ различными особенностями индійской жизни. Этотъ уставъ представляетъ до мельчайшихъ подробностей разработанное руководство для правительственныхъ чиновниковъ, въ округахъ которыхъ начнется голодъ. Противъ параграфовъ этого устава можно очень мало возразить. Конечно, вопросъ, достаточны ли раціоны, опредѣленные для каждаго класса голодающихъ; но и тутъ надо воздержаться отъ примѣненія европейскаго масштаба. Даже и зажиточный индусъ ѣстъ гораздо меньше европейца. Сущность дѣла заключается въ томъ, что сохранились или нѣтъ жизненныя силы націи. Въ этомъ отношеніи очень важно, что процентъ смертности въ голодающихъ округахъ былъ на этотъ разъ, при данныхъ отношеніяхъ, необыкновенно низокъ. Въ нуждающихся округахъ шести губернаторствъ (Бераръ, Бенгалія, Бирма, Бомбей, Мадрасъ и Пенджабъ) этотъ процентъ былъ не выше, мѣстами даже *ниже*, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ. Только въ центральныхъ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ смертность была значительно выше обычной; въ февралѣ этого года она въ 10 (изъ 20) округахъ центральныхъ и въ 17 (изъ 37) сѣверо-западныхъ превысила нормальную смертность на 50%. Въ 17 особенно нуждавшихся округахъ сѣверо-запада въ февралѣ, среднимъ числомъ, умерло 3,63 ч. на тысячу, въ 10 центральныхъ округахъ даже 5,94 на тысячу. Это—ужасныя цифры, потому что соотвѣтствуютъ годовой нормѣ въ 43,56 и 71,28 на тысячу. Но онѣ касаются округовъ, въ которыхъ обыкновенно суровыя климатическія условія вызвали массовыя заболѣванія и которыя были сильно наводнены потоками нуждающихся изъ сосѣднихъ вассальныхъ государствъ. «Въ Джеббельпорѣ (Jubbulpore),—сообщаетъ правительственный коммиссаръ 17 февраля,—власти, занятыя помощью голодающимъ, подверглись бурному натиску ищущихъ помощи, особенно на сѣверѣ, на границѣ съ вассальными государствами, которыя не мало содѣйствовали силѣ этого натиска. Это вызвало необходимость расширить и видоизмѣнить программу работъ въ этихъ округахъ». (Синяя книга, стр. 27).

Помощникъ коммиссара округа Согоръ (Saugor) пишетъ: «Мои личныя наблюденія также показываютъ, что большая часть голодающихъ, находящихся въ рабочихъ домахъ, пришли изъ другихъ округовъ, частью изъ вассальныхъ государствъ». Изъ 127 смертныхъ случаевъ въ одну изъ худшихъ недѣль въ рабочемъ домѣ въ Мурварѣ (Murwara), 90 падали на лицъ, пришедшихъ изъ вассальныхъ государствъ въ состояніи, близкомъ къ смерти, 20 на лицъ изъ сѣверо-западныхъ провинцій и 16 на жителей даннаго округа.

Изъ этихъ данныхъ, вполнѣ согласныхъ съ тѣмъ, что сообщали въ свое время спеціальные газетные корреспонденты изъ голодающихъ мѣстностей, видно, какъ мало слѣдуетъ придавать значенія фразамъ, будто голодъ свирѣпствовалъ исключительно въ провинціяхъ, находящихся подъ англійскимъ управленіемъ. До апрѣля этого года пришлось въ 14 округахъ, принадлежащихъ къ вассальнымъ государствамъ, прибѣгнуть къ организаціи помощи, которою воспользовались 145 тысячъ человѣкъ. Область англійскихъ владѣній, захваченная голодомъ, была, конечно, значительно шире, но не сравнительно со всѣмъ пространствомъ британской Индіи. Дѣйствительно нуждалась въ помощи одна пятая часть этихъ владѣній, пространствомъ въ 132 тыс. квадр. англ. миль съ населеніемъ въ 43 милліона. Чувствовалась нужда также и въ площади, занимающей 26.700 кв. англ. миль съ 12 мил. жителей *). Въ большинствѣ этихъ округовъ, какъ уже было замѣчено, процентъ смертности былъ не выше, чѣмъ въ нормальные годы, а мѣстами даже ниже. Поэтому, надо обладать поистинѣ индійской фантазіей, чтобы принять число умершихъ съ голоду въ 10 милл. Даже если бы вышеприведенная норма смертностей въ особенно нуждающихся округахъ держалась весь годъ и на всемъ протяженіи посѣщенныхъ голодомъ провинцій, и тогда число умершихъ далеко не достигло бы такой цифры. Она попросту сочинена.

Если синія книги не лгутъ (а ихъ данныя еще ни одинъ человѣкъ не рѣшался подвергнуть сомнѣнію), то послѣ ихъ прочтенія можно только придти къ такому же заключенію, къ какому пришелъ радикальный органъ—«Daily Chronicle», наиболѣе враждебно относящійся къ современному индійскому правительству изъ всѣхъ лондонскихъ изданій; въ № отъ 12 іюля читаемъ:

«Какъ бы ни было вредно для успѣшной борьбы съ врагомъ первоначальное нежеланіе властей признать всю серьезность предстоявшей борьбы или ихъ неспособность понять это, все же справедливость требуетъ указать, что всѣ факты свидѣтельствуютъ объ одномъ утѣшительномъ явленіи, именно: *ни одна изъ прежнихъ голодовокъ, хотъ приблизительно достигавшихъ такой силы и распространенности, не встрѣ-*

*) По заявленію Гамильтона, въ іюнѣ, когда голодъ достигъ своего апогея, число лицъ, получавшихъ пособіе, равнялось 4½ милл. См. «Русск. Вѣд.» № 272.

тила такого успѣшнаго отпора. Конечно, въ настоящемъ случаѣ можно было воспользоваться желѣзными дорогами и каналами, а также накопленнымъ опытомъ прежнихъ лѣтъ; но всѣ эти преимущества были необыкновенно удачно использованы, и прошлый опытъ сослужилъ разумную службу настоящему. Надо еще разъ повторить, что (въ цѣломъ) *до сихъ поръ потеря людьми была ничтожна сравнательно съ опустошеніями, которыя производились предшествующими крупными голодовками».*

Надо каждому воздать по заслугамъ. Англійское управленіе Индіею, несомнѣнно, далеко не свободно отъ всякихъ ошибокъ; можно принять, какъ вполнѣ доказанное, что часть англійскаго чиновничества относится къ образованныхъ индусамъ съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ и вообще подаетъ поводъ ко всякаго рода упрекамъ. Но по отношенію къ голоду труды англичанъ заслуживаютъ полнѣйшаго признанія. И нѣтъ никакихъ основаній отказать имъ въ этомъ признаніи, потому что они лишь доказали, чего можно достигнуть посредствомъ хорошей организаціи и сознанія своихъ обязанностей. Если англичане и были виновны въ индійскомъ голодѣ, то они сдѣлали все, что можно было для спасенія наибольшаго количества людей.

Однако, можно ли серьезно утверждать, что англичане виновны въ индійскомъ голодѣ? Несомнѣнно, они получаютъ ежегодно изъ Индіи значительную дань, но вѣдь и изъ другихъ странъ они ее получаютъ, однако, тѣ не гибнутъ отъ этого *). Да и платежи постороннимъ насе-

*) Впрочемъ, съ этой «данью» дѣло обстоитъ довольно своеобразно. По даннымъ «Financial Reform Almanach», Англія съ 1885 г. имѣла слѣдующія торговыя отношенія съ Британской Индіей:

Годы.	Ввозъ въ Брит. Индію.	Вывозъ изъ Брит. Индіи.
1885	32 мил. фунт. стерл.	29 мил. ф. стерл.
1886	32 » » »	31 » » »
1887	31 » » »	31 » » »
1888	31 » » »	33 » » »
1889	36 » » »	31 » » »
1890	32,7 » » »	33,6 » » »
1891	32,2 » » »	31,1 » » »
1892	30,5 » » »	27,9 » » »
1893	26,2 » » »	28,8 » » »
1894	27,6 » » »	29,3 » » »
1895	26,4 » » »	24,7 » » »
Итого....	337,6 м. ф. ст.	330,4 м. ф. ст.

Итакъ, за время въ 12 лѣтъ Англія всего на семь милліоновъ фунтовъ стерл. больше товаровъ получила изъ Индіи, чѣмъ туда отправила. Зато она въ послѣднія тридцать лѣтъ въ среднемъ ежегодно посылаетъ въ Индію около 10 мил. фунт. стерл. драгоцѣнныхъ металловъ, такъ что ввозъ въ Индію товаровъ и денегъ возрастаетъ довольно значительно изъ года въ годъ. За послѣдніе три года, о которыхъ есть свѣдѣнія, это выразилось въ слѣд. цифрахъ (въ десяткахъ рупій= около 7 р.).

ленію лицамъ вовсе не ограничиваются одними англичанами. Бенгальскіе семиндары тратятъ дань, получаемую ими съ райотовъ, хотя и въ Индіи, но не тамъ, гдѣ они взимаютъ ее, и далеко не на одни индійскіе продукты. Весь сложный вопросъ о количествѣ дани, взимаемой Англіей, упростится значительно, если поставить его такъ: сколько индійцы платятъ налоговъ? Тяжело ли давитъ на нихъ податное бремя? Если это не будетъ доказано, если не будетъ доказано, что Индія непомѣрно высоко оплачиваетъ выгоды мира, правовой защиты, благоустроеннаго управленія, то всякія общія суммы будутъ имѣть лишь второстепенное значеніе. На самомъ дѣлѣ, кромѣ поземельнаго налога, выплачиваемаго крестьянами, большой массѣ индійскаго населенія приходится считаться еще съ однимъ государственнымъ налогомъ, именно пошлиной на соль. Она достигаетъ до 15—20 коп. на человѣка въ годъ. Несомнѣнно, этотъ налогъ очень нераціоналенъ, для самаго бѣднаго слоя населенія—довольно тяжелъ, но его никакъ нельзя причислить къ непосильнымъ. Зажиточные классы, по единогласному признанію всѣхъ спеціалистовъ, обложены очень умѣренно. Что же касается финансоваго положенія Индіи, то, хотя уже двадцать лѣтъ говорятъ о предстоящемъ ея крахѣ, однако, лондонская биржа, понимающая въ такихъ дѣлахъ толкъ, относитъ индійскія государственныя бумаги къ «золотообрѣзнымъ» и платитъ за 3% индійскій заемъ свыше 110 *).

Не податное бремя давитъ Индію. И если благосостояніе ея падаетъ то этому должны быть другія причины. Но падаетъ ли на самомъ дѣлѣ ея благосостояніе? Индійскій бюджетъ по всѣмъ пунктамъ, на основаніи которыхъ можно судить о *національномъ* богатствѣ (т. е. о богатствѣ страны, взятой въ цѣломъ), показываетъ увеличивающіеся доходы.

Годы.	Ввозъ въ Индію изъ Англіи.	Вывозъ изъ Индіи въ Англію.
1892	56.039.797	36.311.584
1893	57.183.166	37.685.275
1894	65.810.119	37.167.329

По этимъ даннымъ можно было бы заключить, что скорѣе Англія платитъ дань Индіи, чѣмъ наоборотъ. Но здѣсь недостаетъ данныхъ о вексельномъ обращеніи. Индія платитъ Англіи векселями, получаемыми изъ другихъ странъ, въ которыя она больше ввозитъ, чѣмъ оттуда получаютъ.

*) Индійскій долгъ въ 1893 г. достигалъ 227 фунт. стерл. Для его обезпеченія имѣлось:

купленныя государствомъ желѣзн. дороги.....	59.236.000	ф. ст.
ссуды желѣзнымъ дорогамъ.....	4.601.000	» »
ссуды общинамъ и вассальнымъ государствамъ.....	11.846.000	десятирупій.
оросительныя работы	28.952.000	»
сооруженныя государствомъ жел. дороги	76.569.000	»

Такимъ образомъ, всего только 40 милл. остаются непокрытыми. Податная тягость, безъ земельнаго налога, распредѣленная на всѣ классы, выразится въ 75 коп. на человѣка въ годъ; съ земельнымъ налогомъ въ 1 р. 50 к.

(Ср. «Whitteakers Almanach» 1894).

Вотъ нѣсколько данныхъ, заимствованныхъ изъ «Financial Reform Almanach» за 1897 г. (въ десятирупіяхъ).

Доходы съ	1883—1884	1888—1889	1893—1894.
поземельн. налога	22.361.899	23.016.404	25.589.609
штемпельн. налога	3.513.201	3.927.088	4.509.351
налога на спиртн. напитки	3.836.961	4.705.346	5.388.573
желѣзныхъ дорогъ.....	8.268.765	11.827.120	16.879.107

Эти данныя заставляютъ заключить о прогрессѣ національнаго хозяйства. Ту же самую картину, но еще въ болѣе рѣзкихъ краскахъ, рисуютъ цифры внѣшней торговли (въ милліонахъ десятирупій):

	Ввозъ.	Вывозъ.
1979	37,80	60,94
1884	55,28	88,17
1889	69,44	97,05
1894	77,02	106,59

Цифры ввоза и вывоза растутъ съ года на годъ. Относительно—ввозъ растетъ даже сильнѣе вывоза. Но если бы пожелали абсолютно болѣе сильный вывозъ счесть доказательствомъ индійской задолженности, то характеристично отношеніе къ этому вопросу индуса, профессора Гокхэля (Gokhale), признаннаго представителя индійскихъ патріотовъ въ Пунѣ, почетнаго секретаря мѣстнаго союза для содѣйствія интересамъ индійскаго народа и секретаря большого индійскаго національнаго конгресса. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ потребовалъ отъ имени своихъ индійскихъ земляковъ введенія покровительственныхъ пошлинъ для Индіи въ королевской комиссіи для разслѣдованія финансоваго управленія Индіей. Слѣдовательно, по его мнѣнію, Индія еще слишкомъ много ввозитъ. Но все-равно, каковы бы ни были пожеланія индійской національной партіи, приходится сознаться, что вышеприведенныя цифры менѣе всего говорятъ объ экономическомъ регрессѣ Индіи.

Во всякомъ случаѣ, такое хозяйственное преуспѣяніе, развитіе національнаго богатства нисколько не препятствуетъ истощенію почвы въ Индіи. Отчасти оно даже можетъ объясняться хищнической обработкой земли, а эта, въ свою очередь, явится слѣдствіемъ мѣропріятій индійскаго правительства. Что во многихъ случаяхъ дѣло обстоитъ именно такъ, что поземельный налогъ гонитъ многихъ крестьянъ въ лапы ростовщиковъ,—трудно оспаривать. Но поземельный налогъ не единственная и, въ большинствѣ случаевъ, не главная причина задолженности индійскаго крестьянства и не онъ вызвалъ такое явленіе, какъ ростовщичество. И засуха тоже посѣтила не всѣ мѣста, гдѣ господствуетъ мелкая крестьянская собственность, и не остановилась передъ крупнымъ семиндарскимъ землевладѣніемъ, которое, конечно, менѣе всего страдаетъ отъ поземельнаго налога. Зло нельзя объяснить *одной* только причиной и нельзя излѣчить *однимъ* только средствомъ.

Индійскому крестьянину не такъ легко помочь, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Наряду съ экономическими трудностями приходится преодолѣвать и моральныя или идеологическія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индія безспорно перенаселена, въ другихъ, и притомъ вовсе не безплодныхъ, населеніе очень рѣдкое. Но индійскій крестьянинъ до невозможности консервативенъ; онъ скорѣе умретъ съ голоду на родной землѣ, чѣмъ рѣшится перемѣнить свое мѣстожительство. Очень большія трудности встрѣчаются и при попыткахъ привить къ его хозяйству раціональную культуру. Англійское правительство неоднократно предоставляло индійскимъ крестьянамъ улучшенныя сѣмена, но тамъ, гдѣ божество (т.-е. жрецы) того мнѣнія, что новшество рискованно, крестьяне или не примутъ сѣмянъ, или такъ съ ними распорядятся, что никакого толка не выйдетъ. На такіе религіозные и всякаго рода другіе предразсудки натолкнулись англійскіе государственные люди въ Индіи при проведеніи самыхъ полезныхъ реформъ. Такое именно сопротивленіе привело къ убійству въ Пунѣ двухъ чиновниковъ, принимавшихъ мѣры противъ чумы. Пока слѣдствіе еще не выяснило, насколько убитые были сами виноваты, безполезно оскорблять религіозныя и нравственныя понятія индусовъ, но несомнѣнно, что санитарныя мѣропріятія сами по себѣ казались страшно невѣжественнымъ браминамъ безбожными и безнравственными.

Радикальными средствами въ такой архиконсервативной странѣ ничего не подѣлаешь. Труднѣе, чѣмъ съ открытымъ, мятежнымъ сопротивленіемъ, справиться со стоическимъ, пассивнымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя оспаривать, что англійское правительство провело въ Индіи широкія реформы, глубоко-захватывающія улучшенія. Что они были очень полезны для индійскаго народа, призналъ и проф. Гокхель передъ вышеупомянутой коммиссіей. Точно также и «grand old man» (великій старикъ) индійской національной партіи, Дадабай Наороджи (Dadabhai Naoroji) объявилъ передъ коммиссіей, что англійская податная система въ Индіи болѣе полезна народу, чѣмъ та, которая практиковалась при прежнихъ владѣтеляхъ. Конечно, это не значитъ, что все обстоитъ вполнѣ благополучно при британскомъ управленіи. Гокхэль и Наороджи привели массу жалобъ и прежде всего они хотятъ, чтобъ вся Индія имѣла полное самоуправленіе съ англичанами лишь въ качествѣ высшихъ властей. Но это совершенно самостоятельный вопросъ. Сами сторонники такого разрѣшенія индійской проблемы признаютъ, что оно возможно лишь постепенно.

Съумѣютъ ли англичане разрѣшить эту задачу, пока еще трудно предсказать. Чѣмъ въ большей степени они будутъ исполнять въ этомъ отношеніи свой долгъ, тѣмъ все новыя и новыя трудности будутъ вставать передъ ними. Индійская проблема въ значительной мѣрѣ является вопросомъ о народонаселеніи. До англійскаго владычества войны и эпидеміи періодически разрѣжали населеніе, и тѣ правительства, ко-

торыя боролись съ голодовками, были исключеніемъ. Теперь войны прекратились, Индія наслаждается «британскимъ миромъ». Съ эпидеміями борются каждый разъ все съ большимъ успѣхомъ, и именно исторія послѣдней чумы въ Бомбеѣ и Пунѣ служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Что дѣлалось во время голода, мы видѣли выше. Средняя смертность въ Индіи теперь не выше, чѣмъ во многихъ государствахъ Европы. Такимъ образомъ, населеніе увеличивается ежегодно милліонами, съ 1881 г. до 1891 г. оно возрасло не менѣе, чѣмъ на 32 милліона. Только въ нѣкоторыхъ округахъ можно было вызвать переселенія; да и самая возможность переселиться довольно ограничена. Гдѣ находятся европейскіе рабочіе, тамъ они обороняются отъ конкурренціи индійскихъ кули. Однимъ словомъ, здѣсь выростаетъ задача, надъ которою будутъ ломать себѣ головы будущіе законодатели, и которая уже теперь живо занимаетъ англо-индійскіе государственные умы.

Очень немного найдется англичанъ, которые тѣшатся мыслью, что Индія будетъ вѣчно во власти Великобританіи, съ другой стороны, немного и индійцевъ, которые хотѣли бы скорѣйшаго изгнанія англичанъ изъ Индіи. Національная партія, какъ уже было упомянуто, рѣшительно отклоняетъ отъ себя подобныя стремленія; ея представители даже не считаютъ желательнымъ устраненія англійскаго владычества. Она требуетъ опредѣленныхъ реформъ отъ британскаго правительства. Всѣ ли эти реформы будутъ полезны собственно народу, это вопросъ. Національная партія состоитъ изъ интеллигенціи, а не народа; хотя она считаетъ въ своихъ рядахъ много честныхъ идеологовъ, но въ общемъ высшіе классы въ Индіи—азіаты съ азіатскими правовыми понятіями. Гдѣ власть находится въ ихъ рукахъ, приходится слышать много жалобъ на подкупы и вымогательства. Тѣмъ не менѣе, ихъ стремленія къ реформамъ въ правѣ разсчитывать на симпатіи англійской и вообще европейской демократіи. Только къ приводимымъ ими фактическимъ даннымъ надо относиться осторожно и не забывать, что онѣ исходятъ изъ страны, сказанія которой по необъятной фантазіи превосходятъ все извѣстное въ миѳологіи другихъ странъ.

Мы старались возможно ближе передать взглядъ на «индійскую проблему» Бернштейна. Несмотря на то, что этотъ серьезный и честный нѣмецкій публицистъ обосновалъ всѣ свои утвержденія на фактахъ, въ его доводахъ слышится иногда именно — «altera pars», нѣсколько адвокатское стремленіе затушевать непріятныя стороны и особенно выпукло выставить благопріятныя. Часто это объясняется усердіемъ и увлеченіемъ противоположной, прокурорской стороны, агитаціей Гайндмана и соціально-демократической федераціи (на этотъ разъ страннымъ образомъ сошедшейся съ нашими націоналистами). Возстанія, напр., на афганской границѣ нѣкоторыхъ племенъ серьезнѣе, чѣмъ утверждаетъ Бернштейнъ. Они продолжаются до сихъ поръ, вызываютъ много жертвъ деньгами и людьми и постепенно захватываютъ новыя области. Мя-

тежники перешли даже въ наступленіе и нанесли англичанамъ серьезный уронъ. Но, главное, виною этихъ мятежей является само англійское правительство Салисбюри, занявшее Читраль, вопреки формальнымъ завѣреніямъ либеральнаго правительства Розбери. Нельзя также не отмѣтить тѣневую сторону дѣятельности индійскаго правительства, выразившуюся въ рядѣ преслѣдованій дѣятелей мѣстной печати, защищающей интересы 70-ти-милліоннаго мусульманскаго населенія. Однако, всѣ эти темныя стороны не должны омрачать сознанія нашихъ націоналистовъ. Путь въ Индію еще далеко не свободенъ, туземцы совсѣмъ еще не ждутъ насъ съ распростертыми объятіями. Развитая культура сама несетъ съ собою исцѣленіе отъ тѣхъ золъ, которыя являются послѣдствіемъ пережитковъ даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ. Такъ, напр., возстанія индо-афганскихъ племенъ вызвали въ англійскомъ обществѣ протестъ противъ джингоистской политики послѣдователей Биконсфильда. Гоненія на индійскую печать еще болѣе возмутили свободолюбивыхъ британцевъ. Дѣйствительно, возмутительный приговоръ пристрастнаго судьи по дѣлу редактора Тилака вызвалъ протестъ, поданный въ высшій судъ. Эти здоровыя силы западной культуры съумѣютъ, конечно, отыскать и для сложныхъ вопросовъ, возникшихъ въ Индіи, раціональныя рѣшенія. А нашимъ націоналистамъ лучше поменьше злорадствовать и побольше учиться у представителей высокоразвитой культуры.

М. Рафаиловъ.

ИЗЪ П. ВЕРЛѢНА.

Голоса.

Гордости голосъ, звенящій подобно трубѣ!
Отблескъ пожара, враги въ безпощадной борьбѣ,
Звѣзды изъ крови на золотѣ ратной кольчуги,—
Громко звучитъ онъ, смолкая подобно трубѣ.

—

Голосъ вражды! Заглушенный рыданіемъ вьюги—
Колоколъ на морѣ! Въ дикомъ, безумномъ испугѣ
Мечется жизнь на своемъ берегу, а во мглѣ
Звонъ замираетъ въ рыданіяхъ бѣшеной вьюги.

—

Голосъ желаній! Гуляки... Вино на столѣ...
Призракъ веселья, румянецъ на влажномъ челѣ...
Ночь наступаетъ, и говоръ гулякъ полупьяныхъ,
Крики и хохотъ стихаютъ въ удушливой мглѣ.

—

Голосъ намъ чуждый! Просторъ, затонувшій въ туманахъ;
Жизнь и движеніе въ пестрыхъ идутъ караванахъ,
Браки, разсчеты... Подъ громкій мотивъ плясовой
Корчатъ носителей свѣта шуты въ балаганахъ.

—

Гнѣва, укоровъ, соблазна призывъ роковой,
Всѣ голоса, искушавшіе душу собой—
Всѣ да умолкнутъ въ великомъ и грозномъ молчаньи,
Гнѣва, укоровъ, соблазна призывъ роковой!

—

Звонкія фразы, реторики жалкой старанья
Все обѣлить, пріискать для всего оправданья—
Смолкните вы, голоса, искушавшіе насъ,
Смолкните всѣ въ величавомъ и строгомъ молчаньи.

—

Мы ужъ не тѣ! Наступаетъ прозрѣнія часъ;
Въ сердцѣ собой заглушая смущающій гласъ—
Громче звучитъ неподкупное истины слово,
Смолкните вы, голоса, соблазнявшіе насъ.

—

Стихнувъ, замрите предъ силою дивнаго зова:
Онъ открываетъ намъ двери чертога святого,
Свѣта желаннаго льются оттуда струи;
Всѣ голоса, искушенья вѣщавшіе слово—
Всѣ заглушаетъ божественный голосъ *любви*!

О. Чюмина.

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

*(Окончаніе *).*

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава XV.

Европейскіе варвары.—Доисторическіе европейцы и арійскіе иммигранты.—Рабство у древнихъ берберовъ Европы.—Кавказскія племена.—Рабство у славянъ.—Античный міръ и славяне.—Рабство у скиѳовъ. — Торговля невольниками.—Сельско-хозяйственныя общины.—Свободный наемный трудъ. — Происхожденіе рабства.—Деморализація славянъ подъ вліяніемъ монгольскаго деспотизма.—Промышленные крѣпостные и артели.—Крѣпостное состояніе въ Польшѣ и Сербіи.—Рабство въ Германіи.—Рабство у кельтовъ.—Ирландскіе колонисты. — Права отца семейства.—Жертвоприношенія дѣтей.—Характеръ рабства въ варварской Европѣ.—Общая аналогія прогрессивной эволюціи.

Народы Эллады и Рима основали такія цивилизованныя общества, которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи человѣчества, но теперь уже составляетъ неоспоримый фактъ то, что предками ихъ были племена варваровъ арійской расы, явившіяся изъ Азіи. Однако, эти иммигранты нашли Европу обитаемой, такъ какъ задолго до нихъ, въ самыя отдаленныя доисторическія времена, на европейскомъ континентѣ жили племена, достигшія даже извѣстнаго уровня цивилизаціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на что указываетъ большинство нашихъ мегалитическихъ памятниковъ. За исключеніемъ Греціи и Рима, Европа была населена племенами болѣе или менѣе варварскими и дикими и раздѣлявшимися на четыре великія расы: на югѣ—берберская раса, въ средней полосѣ—кельтская раса, въ Скандинавіи и на сѣверѣ Германіи—германская раса и, наконецъ, на востокѣ—славянская раса, смѣшанная съ финской и татарской.

Древніе берберы, населявшіе Европу, намъ мало извѣстны въ соціологическомъ отношеніи, но, вѣроятно, иберійцы, находившіеся еще въ очень дикомъ состояніи, когда греки и римляне узнали о нихъ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

имѣли рабовъ, которыхъ они и заставляли работать совмѣстно со своими женами. Въ Иберіи, по словамъ Страбона, такъ же, какъ и у всѣхъ европейскихъ варваровъ, будь то скиѳы, кельты или др., храбрость составляла качество, присущее обоимъ поламъ; полевыми же работами занимались только женщины, которымъ случалось даже порою разрѣшаться отъ бремени въ полѣ и обмывать своего новорожденнаго младенца въ ближайшемъ ручейкѣ. Но у иберійцевъ существовалъ обычай кувады, мужъ ложился въ постель и родильница ухаживала за нимъ. Такія же черты встрѣчались и у лигурійцевъ. Женщины работали въ полѣ до момента своего разрѣшенія; тогда онѣ прекращали работу на очень короткое время, достаточное, однако, чтобы родить ребенка, и затѣмъ снова принимались за прерванную работу. Однако, у лигурійцевъ, по словамъ историка Діодора, механическія работы исполнялись рабочими обоего пола, получавшими заработную плату и даже поденно, что̀ указываетъ, во всякомъ случаѣ, на болѣе значительную степень прогресса въ области соціальной эволюціи.

Долины Кавказа и равнины, ограничивающія этотъ величественный горный хребетъ, были населены народами весьма различной расы и говорившими на разныхъ нарѣчіяхъ. Древніе называли Кавказъ «горою нарѣчій» и путешественники, предпринимавшіе поѣздки по этой области, должны были запасаться, по крайней мѣрѣ, полудюжиною переводчиковъ; переименовывать всѣ эти народы нѣтъ надобности и я укажу только на тѣхъ, которые представляютъ для насъ нѣкоторый интересъ въ соціологической точки зрѣнія.

О кавказскихъ иберійцахъ упоминаетъ Страбонъ, но были ли они единоплеменниками испанскихъ иберійцевъ, намъ неизвѣстно. Страбонъ говоритъ о различныхъ горныхъ иберійцахъ, очень воинственныхъ и такихъ, которые населяли равнины, болѣе цивилизованныхъ, миролюбивыхъ и занимавшихся земледѣліемъ. У этихъ послѣднихъ существовали четыре класса: знать, выбиравшая изъ своей среды королей, воины, земледѣльцы и, наконецъ, чернь, состоявшая цѣликомъ изъ королевскихъ рабовъ, осужденныхъ на ручной трудъ.

Гораздо болѣе свѣдѣній имѣемъ мы о маленькомъ осетинскомъ народѣ, открытомъ всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ соціологами и очень интереснымъ съ точки зрѣнія переживанія, такъ какъ этотъ народъ сохранилъ, повидимому, очень древніе нравы и учрежденія, которые, быть можетъ существовали еще у мидянъ и первобытныхъ персовъ. Нынѣшніе осетины въ самомъ дѣлѣ являются потомками мидійскихъ колонистовъ и представляютъ осколокъ весьма отдаленнаго соціологическаго прошлаго, которое могло быть общимъ у мидянъ, древнихъ персовъ и даже первобытныхъ славянъ. Благодаря этому, осетины сдѣлались въ послѣднее время предметомъ соціологическихъ разслѣдованій, результаты которыхъ оказались драгоцѣнными, такъ какъ, благодаря имъ, передъ нами оживаютъ древній соціальный бытъ и древнее право арійцевъ.

Еще сравнительно недавно отецъ у осетиновъ имѣлъ полное право отречься отъ своего новорожденнаго ребенка, который въ такомъ случаѣ бросался на произволъ судьбы или же продавался, какъ это было въ очень древнемъ Римѣ. Организація осетинской семьи имѣла феодальный характеръ, небольшое число привилегированныхъ семей составляло знать, затѣмъ шли вассалы, крѣпостные и рабы. Послѣдніе, большею частью, были первоначально военноплѣнными. Только знатныя семьи имѣли право имѣть рабовъ, которыми они распоряжались по произволу и могли наказывать, не обращаясь къ суду. За убійство раба не полагалось платить цѣну крови, какъ за убійство свободнаго человѣка. У осетинъ рабы не принимались въ разсчетъ и господинъ ихъ могъ сдѣлать съ ними, что̀ хочетъ,—продавать, дарить или даже убивать. Крѣпостные, однако, находились въ другомъ положеніи и не стояли внѣ закона, какъ рабы. Это были свободные люди, добровольно поселившіеся на землѣ какого-нибудь знатнаго лица, взявъ на себя извѣстный оброкъ и исполненіе личной службы. Эта послѣдняя главнымъ образомъ состояла въ томъ, что крѣпостной обязанъ былъ верхомъ сопровождать владѣльца въ путешествіи и на войнѣ служить ему стражей. Во время жатвы и сѣнокоса каждый крѣпостной дворъ снаряжалъ работника, снабжая его всѣми нужными орудіями, и этотъ работникъ отправлялся къ владѣльцу и обязанъ былъ цѣлый день работать для него, за что владѣлецъ, въ свою очередь, обязанъ былъ кормить его. Крѣпостной могъ перемѣнить хозяина, но, уходя отъ него, долженъ былъ оставить ему свой домъ и все свое имущество. Съ другой стороны осетинскій владѣлецъ имѣлъ право прогнать изъ своихъ владѣній крѣпостного, не исполняющаго своихъ обязанностей, но въ противномъ случаѣ онъ всегда обязанъ былъ оказывать покровительство своему крѣпостному. Между крѣпостнымъ и владѣльцемъ находился еще классъ вассаловъ (kavdassards), обитавшихъ обыкновенно въ жилищѣ самого владѣльца и исполнявшихъ обязанности слугъ. Однако, эти вассалы имѣли право дѣлаться землевладѣльцами посредствомъ покупки земли и даже сами могли имѣть рабовъ. Эти домашніе вассалы, впрочемъ получали независимость лишь тогда, когда семья владѣльца, къ которой они принадлежали, вымирала; въ такомъ случаѣ прежніе вассалы становились наслѣдниками исчезнувшей семьи. Можно предположить слѣдовательно, что эти вассалы (kavdassards) были потомками какого-нибудь клана, порабощеннаго другимъ, какъ это часто происходило во время процесса исторической эволюціи первобытныхъ племенъ. Возможно также, что эти исчезнувшіе первобытные кланы были рабовладѣльческими, какъ, напримѣръ, кланы или общины черкесовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ черкесскихъ общинъ состояли изъ нѣсколькихъ сотенъ семействъ знатныхъ или свободныхъ, владѣвшихъ каждая нѣсколькими семьями крѣпостныхъ. Мужчины въ этихъ крѣпостныхъ семьяхъ должны были всегда носить вооруженіе и находиться въ полномъ распоряженіи

своихъ господъ, такъ что наиболѣе многочисленные изъ этихъ кланов имѣли такимъ образомъ возможность выставить войско въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Черкесскіе кланы часто организовали военные набѣги въ отдаленныя мѣстности съ цѣлью захватить скотъ и въ особенности женщинъ и дѣтей, которыхъ они обращали въ рабство. Обыкновенно такія экспедиціи совершались ночью и при искусномъ веденіи дѣла черкесы уводили иногда всѣхъ женщинъ и дѣтей какой-нибудь деревни. Подобные ночные грабительскіе набѣги часто бывали сопряжены съ большими опасностями, такъ какъ похитителямъ приходилось переправляться черезъ горы, покрытыя снѣгомъ, и малоизвѣстные лѣса, иногда зимой, подвергаясь при этомъ преслѣдованію со стороны ограбленныхъ жителей деревни. Поэтому-то авантюристы, отличившіеся въ этихъ разбойничьихъ походахъ, покрывали себя славой и народные пѣвцы прославляли ихъ подвиги. Впрочемъ, эти набѣги часто предпринимались ради славы, а не ради выгоды, и побѣдители, вернувшись, обыкновенно устраивали такой пиръ, что тратили на это даже больше того, что имъ удавалось награбить. Но эти разбойничьи нравы не мѣшали черкесамъ отличаться привѣтливостью, быть милосердными и, въ особенности, гостепріимными. Нравы эти весьма мало измѣнились съ того времени, какъ ихъ описывалъ Страбонъ, и во всякомъ случаѣ можно считать исторически доказаннымъ, что невольничьи набѣги практиковались на Кавказѣ по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Вѣроятно, и положеніе кавказскихъ рабовъ было въ древности одинаково съ тѣмъ, которое существовало тамъ въ наши дни. Это было скорѣе крѣпостное состояніе, а не рабство, но черкесскіе крѣпостные были вооружены и должны были сражаться рядомъ со своими господами. Однако, господинъ имѣлъ огромныя права надъ своими крѣпостными и, между прочимъ, могъ ихъ соединять брачными узами, не справляясь съ ихъ вкусами и желаніями, точно это былъ рабочій скотъ. Крѣпостныя дѣвушки служили предметомъ торговли и ихъ часто продавали купцамъ, которые поставляли ихъ въ константинопольскіе гаремы. Но крѣпостнымъ дозволялось имѣть собственность и нѣкоторые изъ нихъ, занимаясь торговлей, занятіе которой считалось недостойнымъ знатнаго человѣка — въ концѣ концовъ стали богаче своихъ господъ. И у черкесовъ крѣпостные имѣли право искать свободы и бросать своего господина, но въ такомъ случаѣ все ихъ добро поступало во владѣніе брошеннаго господина. Но въ черкесской семьѣ крѣпостной занималъ все-таки болѣе высокое положеніе, нежели обыкновенный рабъ, и иногда даже на его похоронахъ совершались жертвоприношенія скота.

Не смотря на свои грабительскія привычки, черкесы все-таки не были лишены извѣстной доли нравственнаго благородства. На это указываетъ также и то воспитаніе, которое они давали женщинамъ. Дѣвочки и мальчики одновременно посѣщали школы при мечетяхъ и обучались читать и писать по турецки. Дома главнымъ занятіемъ дѣвушки было

приготовленіе одежды для своей семьи. Въ постройкѣ жилища вся семья принимала участіе. Свободные ремесленники поэтому попадались рѣдко, да и то это были только такіе, которые занимались изготовленіемъ серебряныхъ издѣлій, или оружейные мастера, бочары и каретники.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти варварскіе нравы и первобытныя учрежденія имѣютъ очень давнее происхожденіе. Мы можемъ исторически подтвердить, что невольничьи набѣги, со всѣми своими послѣдствіями, существуютъ нѣсколько тысячъ лѣтъ и, сохранившись до нашего времени, переносятъ насъ въ эпоху варварства, представляя большое сходство съ тѣми нравами и обычаями, которые существовали у славянъ, германцевъ и кельтовъ.

Древній греко-латинскій міръ мало зналъ славянъ, хотя скиѳы, иллирійцы, сарматы и ѳракіяне, съ которыми греки и римляне нѣсколько разъ вступали въ соприкосновеніе, находятся въ родствѣ со славянами, но это этническое родство въ древности и не подозрѣвалось. Въ греко-латинскихъ произведеніяхъ встрѣчаются поэтому лишь отрывочныя свѣдѣнія о славянахъ, достаточныя, однако, чтобы подтвердить существованіе у нихъ рабства. Большинство славянскихъ народовъ, извѣстныхъ въ древности, вели пастушескій образъ жизни. Необходимыя для ихъ существованія работы были очень несложны и возлагались ими на женщинъ и рабовъ. По словамъ Геродота, древніе скиѳы ослѣпляли своихъ рабовъ, вѣроятно, чтобы они не могли бѣжать, что было не трудно сдѣлать при кочевой жизни, и затѣмъ заставляли ихъ доить скотъ. Но даже занимаясь земледѣліемъ, скиѳы сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а для продажи. Они совершали похоронныя жертвоприношенія послѣ смерти своихъ вождей и умерщвляли главныхъ слугъ покойнаго владыки и нѣкоторое число его рабовъ, а также его наложницъ. Скиѳы, однако, не держали много рабовъ, предпочитая убивать и скальпировать побѣжденныхъ, вмѣсто того, чтобы обращать ихъ въ рабство. Иллирійцы пользовались своими рабами для мѣновой торговли и обмѣнивали ихъ на вино и масло. Другія племена также продавали рабовъ, но не покупали ихъ, и доставали только посредствомъ набѣговъ и войны. Въ общемъ, у всѣхъ этихъ народовъ рабство существовало пока лишь въ первобытной стадіи.

Въ эпоху доисторическую славяне образовывали земледѣльческія общины; крестьяне владѣли землей или же получали ее въ пользованіе и тогда платили за нее оброкъ крупнымъ владѣльцамъ или монастырямъ. Среди этихъ крестьянъ существовалъ классъ рабочихъ земледѣльцевъ, свободно располагавшихъ своею личностью и работавшихъ за плату. По всей вѣроятности, эти рабочіе были сами освобожденными рабами или же потомками отпущенныхъ на волю. На самой нижней ступени соціальной лѣстницы находился классъ рабовъ, образовавшійся какъ и въ другихъ мѣстахъ изъ военнопленныхъ, несостоятельныхъ должниковъ, преступниковъ и нѣкогда свободныхъ людей, вынужденныхъ обстоятельствами продать свою свободу.

Въ Россіи монгольскіе завоеватели ввели основной принципъ восточнаго деспотизма, согласно которому земля составляетъ собственность хана. Кромѣ того, ихъ избіенія и безчеловѣчная безцеремонность, съ которою они обращались съ народомъ, переселяя тысячи семействъ изъ одной мѣстности въ другую, научили властителей, наслѣдовавшихъ имъ, подражать имъ въ этомъ. Монголы вдобавокъ пріучили славянъ Россіи къ рабской организаціи, къ такой соціальной іерархіи, въ которой каждый классъ осуждается на абсолютное подчиненіе тому классу, который находится надъ нимъ. Такой режимъ сохранился и послѣ изгнанія монголовъ. Три класса: рабы, свободные крестьяне и ремесленники обратились волею властителей въ крѣпостныхъ, и съ этого момента судьба ихъ опредѣлялась уже царскими указами. Такимъ указомъ въ 1675 году было разрѣшено боярамъ продавать или дарить своихъ крестьянъ безъ земли. Въ 1678 году былъ изданъ указъ, по которому каждый крестьянинъ, хотя бы онъ былъ раньше свободнымъ, долженъ подчиняться какому-нибудь господину. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ еще въ 1593 году и составили собственность бояръ, которые могли продавать ихъ и подвергать наказанію по произволу. Въ 1721 году Петръ Великій создалъ классъ промышленныхъ рабовъ, разрѣшивъ боярамъ продавать крестьянъ хозяевамъ фабрикъ, которыхъ онъ желалъ поощрить. Въ слѣдующемъ году Петръ Великій обратилъ въ крѣпостное состояніе свободныхъ крестьянъ Новгорода и Архангельска. Въ 1788 году Екатерина Великая ввела крѣпостничество у свободныхъ казаковъ и разрѣшила знатнымъ лицамъ бывшихъ польскихъ и литовскихъ провинцій торговать своими крестьянами и продавать ихъ безъ земли. Крѣпостные превратились, такимъ образомъ, въ настоящихъ рабовъ и даже образовались невольничьи рынки, гдѣ крестьянъ продавали городскимъ купцамъ и фабрикантамъ. Въ 1796 году императоръ Павелъ ввелъ крѣпостничество въ Крыму и, такимъ образомъ, вся имперія была обращена въ рабство. Помѣщики имѣли право отдавать въ солдаты своихъ крестьянъ или же отправлять ихъ въ Сибирь, въ рудники. Съ конца XVI столѣтія крѣпостные образовали села, которыя были обложены коллективною податью, причемъ крѣпостнымъ воспрещалось переходить на другое мѣсто и жениться безъ разрѣшенія своихъ господъ. Только въ наше время, въ царствованіе императора Николая I-го, крѣпостные были въ дѣйствительности прикрѣплены къ плугу, къ землѣ и не могли быть проданы безъ нея. Но крѣпостной по прежнему оставался въ рабской зависимости и долженъ былъ подчиняться произволу своего господина, воля котораго замѣняла для него законъ. Крѣпостной не могъ выкупиться на волю безъ согласія своего господина, хотя бы имѣлъ возможность уплатить за себя большую сумму. Въ сущности, русскій крестьянинъ былъ болѣе рабомъ, нежели крѣпостнымъ, и положеніе его было гораздо ниже положенія европейскихъ крѣпостныхъ, болѣе свободныхъ. Конечно, съ точки зрѣнія интеллектуальной русскій мужикъ стоитъ на

очень низкой ступени развитія, но въ нравственномъ отношеніи, именно вслѣдствіе развитія въ немъ альтруистическихъ чувствъ и самоотверженія, онъ зачастую стоялъ выше своего господина, капризнаго и эгоистическаго деспота. Во всѣхъ странахъ рабство имѣетъ особенно чудовищный характеръ тамъ, гдѣ господа и рабы принадлежатъ къ одной и той же и притомъ высшей расѣ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ злоупотребленія властью бываютъ особенно ощутительны. Всѣ эти психическія драмы, порожденныя рабствомъ, были изображены намъ русскими писателями и въ свое время сильно волновали, изумляли и возмущали насъ и, безъ сомнѣнія, онѣ не мало содѣйствовали окончательной отмѣнѣ этого азіатскаго рабства. Припомнимъ, однако, что наканунѣ освобожденія крѣпостныхъ, въ 1860 году, число ихъ равнялось не менѣе 50 милліонамъ, причемъ 25 принадлежали казнѣ, а остальные были распредѣлены между 110 тысячами дворянскихъ семействъ, пользовавшихся самыми деспотическими правами надъ своими крѣпостными.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ рабство и крѣпостное состояніе достигли большого развитія, всегда возникалъ классъ промышленныхъ рабовъ или коммерсантовъ, которые, оставаясь рабами, могли, повидимому, свободно заниматься своею профессіей, уплачивая за это лишь извѣстный оброкъ своимъ владѣльцамъ. Въ Россіи такіе крѣпостные наживали даже иногда большія состоянія и иной разъ откупались на волю, если только ихъ господинъ не находилъ для себя выгоднѣе держать ихъ на цѣпи и только увеличивать размѣры платимаго ими оброка, оставляя такимъ образомъ у себя «курицу, несущую золотыя яйца».

Большинство такихъ промышленныхъ рабовъ, группируясь вмѣстѣ, учреждали ассоціаціи—артели, которыя уплачивали государству очень большія торговыя пошлины. Такая артель славянскихъ ремесленниковъ носила еще болѣе общинный характеръ, нежели крестьянскій «міръ». Каждый членъ долженъ былъ вносить свой заработокъ въ кассу ассоціаціи, распредѣляющей потомъ доходы между всѣми ея членами. Правительство же вообще всегда взираетъ благосклонно на такія ассоціаціи и даже поощряетъ ихъ организацію, такъ какъ такимъ образомъ не только подати взимались легче, но было удобнѣе также надзирать за отдѣльными лицами.

Другія славянскія страны, за исключеніемъ Сербіи, не представляютъ ничего выдающагося въ этомъ отношеніи. Въ Сербіи крестьянскій «міръ» былъ болѣе свободенъ и носилъ болѣе либеральный характеръ, нежели въ Россіи, такъ что сербскимъ крестьянамъ, благодаря этому, жилось гораздо лучше, чѣмъ русскимъ крѣпостнымъ, потому что въ Сербіи крѣпостное состояніе не совмѣщалось съ рабствомъ, какъ въ Россіи. Кромѣ того, въ сельскихъ общинахъ въ Сербіи земля, составляющая общее владѣніе, не подвергалась, какъ въ Россіи, ежегодному передѣлу. Крестьянинъ въ Сербіи имѣетъ возможность заняться улучшеніемъ своего полевого хозяйства и предпринимать работы, требующія болѣе или

менѣе продолжительной затраты времени. Маленькая сербская община, члены которой тѣсно связаны между собой и, повидимому, даже происходятъ изъ одной семьи, администрировалась лицомъ, избраннымъ всѣми прочими членами и вела, по словамъ многихъ путешественниковъ, весьма привольное существованіе. Члены общины имѣли бодрый видъ, были привѣтливы и всегда готовы оказать помощь другъ другу. Однимъ словомъ, сербскія общины ясно указываютъ, къ какимъ хорошимъ результатамъ можетъ привести ассоціація, если только она развивается свободно и не стѣсняется требовательнымъ и деспотическимъ владѣльцемъ. Ничего подобнаго, однако, не встрѣчается ни у кельтскихъ, ни у германскихъ народовъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ.

Древніе историки изображаютъ германцевъ варварами, главное занятіе которыхъ составляло скотоводство и война. Германцы очень гордились тѣмъ, что всѣ опасались ихъ сосѣдства. По ихъ понятіямъ, вооруженный грабежъ былъ достойнымъ занятіемъ, и у нихъ, какъ и у краснокожихъ, воины, уже стяжавшіе военную славу, произвольно устраивали экспедиціи, въ которыхъ каждый могъ принимать участіе, кто только хотѣлъ. Изъ этихъ экспедицій воины возвращались съ добычей, приводили скотъ и, вѣроятно, рабовъ. Домашніе рабы были немногочисленны у германцевъ, но у нихъ все-таки существовали цѣлыя деревни рабовъ или, вѣрнѣе, колонистовъ, крѣпостныхъ, которые пользовались относительною независимостью въ своихъ хижинахъ и только уплачивали оброкъ хлѣбомъ, скотомъ и одеждой. Господинъ имѣлъ абсолютныя права надъ своими рабами, даже могъ убить ихъ безнаказанно, но такъ какъ онъ имѣлъ мало сношеній съ ними, то и не обращался съ ними худо. Въ Германіи, такъ же какъ и вездѣ, классъ рабовъ пополнялся не одними только военноплѣнными; сдѣлаться рабами могли и свободные люди, проигравшіе свою свободу, но такихъ рабовъ всегда старались продать какъ можно скорѣе, сознавая, что ихъ опасно оставлять и трудно за ними усмотрѣть. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Германіи существовала торговля рабами, а также, что въ число рабовъ попадали, повидимому, и несостоятельные должники.

Питаемые рабствомъ и войной, древніе германцы проводили время въ благородной праздности. Охота и война были ихъ главными занятіями и только старики, женщины и слабые люди занимались домашними и полевыми работами. Американскіе краснокожіе и негры въ центральной Африкѣ ведутъ точь-въ-точь такой же образъ жизни.

Произведя нашествіе на Римъ, клонившійся тогда къ упадку, германцы усвоили себѣ часть римскаго законодательства по отношенію къ рабству, но примѣшали сюда и свою систему вознагражденій—«Wehrgeld» и это обстоятельство повліяло на положеніе раба въ варварскихъ монархіяхъ, образовавшихся послѣ завоеванія, а также и на положеніе его въ самой Германіи.

Изъ нашего бѣглаго обзора положенія рабства у древнихъ евро-

пейскихъ варваровъ мы можемъ все-таки заключить, что даже высшія расы въ началѣ ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ расъ, которыя мы называемъ низшими. Кельты, наиболѣе цивилизованные изъ европейскихъ варваровъ, въ нравственномъ отношеніи, однако, оказываются нисколько не выше славянъ и германцевъ. Рабство у нихъ имѣетъ такое же происхожденіе и носитъ такой же грубый характеръ, какъ и у другихъ народовъ, при чемъ главнымъ источникомъ рабства у кельтовъ также была война. Военноплѣнные въ большинствѣ случаевъ приносились въ жертву богамъ; оставленные же въ живыхъ становились рабами и часто продавались. Рабы, скотъ и охотничьи собаки служили кельтамъ главнымъ предметомъ экспорта въ Англію.

Въ Галліи, какъ вездѣ, рабство имѣло еще другое происхожденіе, кромѣ войны. Свободные люди становились рабами въ случаѣ несостоятельности или по приговору за какое-нибудь преступленіе. Галльскій рабъ былъ не болѣе, какъ вещью, которою владѣлецъ могъ распоряжаться какъ хотѣлъ, могъ продать, изувѣчить и даже убить. Но рабовъ было немного въ Галліи и только знатные люди имѣли право владѣть рабами. Остальная часть галльскаго населенія была порабощена и пользовалась не большею свободой, чѣмъ настоящіе рабы.

Въ Ирландіи были и рабы, и колонисты; эти послѣдніе находились на положеніи полурабовъ, такъ какъ они были должниками главы клана, отъ котораго получали скотъ на прокормъ. Ирландскій колонистъ, во-первыхъ, обязанъ былъ выказывать почтеніе главѣ клана, затѣмъ онъ обязанъ былъ работать на него и могъ быть даже превращенъ въ воина, чтобы сопровождать своего владѣльца на войну. Еще болѣе порабощенъ былъ «fuidhir», положеніе котораго напоминаетъ положеніе домашняго раба. «Fuidhir» былъ бѣглецомъ, иностранцемъ, нашедшимъ прибѣжище у главы клана и находящимся въ полномъ его распоряженіи. Колонисты же и вассалы относились къ такому порабощенному бѣглецу-чужеземцу съ недовѣріемъ и презрѣніемъ.

Многія черты указываютъ, что первобытное рабство носило въ Ирландіи такой же характеръ, какъ и вездѣ. Но какъ и въ Галліи, число рабовъ въ Ирландіи было не велико и притомъ это были по преимуществу домашніе рабы—единственные, сохранившіеся во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крѣпостное состояніе сдѣлалось всеобщимъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что у всѣхъ расъ, безъ различія цвѣта, рабство имѣетъ одинаковое происхожденіе. Въ началѣ цивилизаціи не было, конечно, ни высшихъ, ни низшихъ расъ. Исходная точка эволюціи, граничащая съ животнымъ состояніемъ, для всѣхъ расъ одна и та же, но однѣ развиваются быстрѣе, другія медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ и свойствамъ своего характера, дѣлающаго ихъ болѣе или менѣе склонными стряхнуть съ себя нравственное и интеллектуальное оцѣпененіе первобытныхъ временъ. Но это первобытное различіе весьма незначительно. Доисторическій или первобытный человѣкъ, принадлежитъ

ли онъ къ бѣлой, черной или желтой расѣ, всегда развивается одинаково медленно, точно поневолѣ. Совершенно же дикія расы подвигаются къ прогрессу черепашьими шагами, затѣмъ—и это также указываетъ на первоначальное единство человѣческаго рода—соціологическая эволюція самыхъ различныхъ расъ всегда бываетъ одинакова въ главныхъ своихъ чертахъ. Идетъ ли дѣло о семьѣ, собственности, бракѣ, политической организаціи, объ учрежденіи рабства и т. п., мы видимъ, что народы всѣхъ странъ и расъ начинаютъ всегда одинаково, создаютъ одни и тѣ же учрежденія, которыя постепенно подвергаются однимъ и тѣмъ же превращеніямъ, но только процессъ этотъ совершается въ однихъ случаяхъ медленнѣе, въ другихъ быстрѣе. Европейскіе варвары повиновались этому общему закону. Въ тотъ моментъ, когда исторія знакомитъ насъ съ ними, они уже вышли изъ періода дикости, но дикость эта все-таки даетъ о себѣ знать нѣкоторыми пережитками. Всѣ эти народы придали болѣе мягкія формы грубому первобытному рабству, превративъ его въ крѣпостное состояніе. Но они все-таки не отмѣнили совершенно рабства, а только ограничили его, оставивъ лишь домашнее рабство, имѣвшее почти характеръ пережитка. Въ этомъ отношеніи они даже опередили греко-римскій міръ и, вѣроятно, предоставленные самимъ себѣ, они бы создали какія-нибудь оригинальныя цивилизаціи. Но, по однимъ, завоеваніе ихъ римлянами, а по другимъ—косвенное вліяніе греколатинской цивилизаціи, толкнули эти народы именно на тотъ путь, который ими не былъ избранъ, а средніе вѣка въ значительной степени были реакціей противъ навязанной «верховнымъ народомъ» этимъ потомкамъ европейскихъ варваровъ цивилизаціи.

Глава XVI.

Рабскій трудъ въ германскихъ и средневѣковыхъ монархіяхъ.—Германолатинское рабство.—Великое нашествіе.—Невольничьи рынки.—Добровольные рабы.—Порабощенные ремесленники.—Германское законодательство и рабство.—Крѣпостное состояніе въ средніе вѣка.—Наслѣдственные удѣлы.—Тираннія владѣльцевъ.—Нищета и налоги.—Общины и корпораціи.—Происхожденіе общинъ.—Возстановленіе корпорацій.—Послѣдствія безумія, господствовавшаго въ 1000 г.—Организація ремеслъ.—Средневѣковое рабство.—Папское рабство.—Церковь и крѣпостные.—Богатство духовенства.—Отпущеніе на волю и его причины.—Насилія войскъ.—Королевская милиція и ея слуги.—Несчастное существованіе солдата.—Возмущенія рабовъ.—Какъ изъ крѣпостнаго труда возникъ наемный трудъ.

Изъ тѣхъ варварскихъ европейскихъ расъ, о которыхъ я говорилъ въ прошлой главѣ, одна раса, кельтская, послѣ завоеванія, вошла значительною своею частью въ составъ римской имперіи и усвоила ея цивилизацію; другая—славянская раса, соприкасалась съ этою имперіей лишь на южной границѣ своихъ обширныхъ владѣній, а третья, германская, завладѣла самою большою частью западной Европы и раздѣ-

лила ее на нѣсколько варварскихъ монархій, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась феодальная организація,—средніе вѣка. Но прежде чѣмъ нахлынуть массой на погибающую римскую имперію, германцы мирнымъ образомъ присвоили себѣ ея частицы. Даже въ то время, когда римская имперія казалась цвѣтущей, ее уже разъѣдалъ смертельный недугъ; у нея не хватало рукъ для земледѣлія и войны. Чтобы помочь этому на границахъ имперіи учреждены были поселенія или колоніи варваровъ, «литовъ», которымъ римская имперія давала землю, но съ обязательствомъ нести военную службу. Земли «литовъ» были избавлены отъ налоговъ и переходили по наслѣдству по мужской линіи. Если не было мужскихъ наслѣдниковъ, то земля поступала во владѣніе колоніи.

Кромѣ того, послѣ каждой войны, цѣлые отряды военноплѣнныхъ отправлялись во внутрь страны и тамъ распредѣлялись по сельскимъ помѣстьямъ. Такимъ образомъ великое нашествіе нашло уже почву давно подготовленной и предводители германскихъ отрядовъ только замѣнили собою прежнюю администрацію имперіи. Они мало измѣнили положеніе вещей и, разумѣется, сохранили и рабство, и крѣпостное состояніе, такъ какъ и то и другое существовало также и въ Германіи. Завоеватели овладѣли только казенными землями и предводители раздѣлили ихъ между наиболѣе знатными людьми изъ своихъ сотоварищей по оружію и эти земли впослѣдствіи превратились въ удѣлы.

Но, выкроивъ нѣсколько монархій въ большомъ тѣлѣ римской имперіи, германскіе вожди сохранили свои прежніе воинственные нравы и почти ежегодно совершали набѣги на кого-нибудь изъ своихъ сосѣдей. Послѣ каждой изъ такихъ экспедицій побѣдители возвращались съ цѣлою толпою плѣнныхъ, которыхъ они продавали на рынкахъ по древнему способу. Во Франціи такимъ образомъ вплоть до XII вѣка существовали невольничьи рынки. Притомъ же не малое число свободныхъ людей добровольно отказывалось отъ независимости, такъ какъ она представляла для нихъ больше неудобствъ, нежели выгодъ, и потому они продавали себя въ рабство, также какъ и своихъ дѣтей, ради того только, чтобы ихъ кормили. Такимъ образомъ, послѣ завоеванія, какъ и до него, существовали домашніе рабы, вольноотпущенники, колонисты и крѣпостные, прикрѣпленные къ плугу, но съ теченіемъ времени всѣ эти различныя формы рабства сравнялись. Большинство сельскихъ рабовъ превратилось въ крѣпостныхъ и всѣ формы зависимаго состоянія сдѣлались вѣчными. Ремесленники были также порабощены. Въ Галліи, послѣ римскаго завоеванія, ремесленники образовали корпораціи по образцу тѣхъ, которыя существовали въ остальной имперіи, но эти корпораціи были снесены потокомъ завоеванія, германцы обратили ихъ въ крѣпостныхъ и включили въ составъ своихъ крестьянъ, обложивъ ихъ такими же податями и оброкомъ; законы въ различныхъ германолатинскихъ королевствахъ не дѣлали никакого различія между отдѣльными категоріями рабства и явились только компромиссомъ между древнегерманскими обычаями и римскими законами.

Соціальная классификація во всѣхъ варварскихъ государствахъ была очень несложна. Нація раздѣлялась на два класса: свободныхъ и рабовъ; у визиготовъ эти послѣдніе подраздѣлялись еще на сельскихъ и на домашнихъ рабовъ. Вольноотпущенники составляли промежуточный классъ; они уже не были рабами, но обязаны были нести извѣстныя повинности и сопровождать своихъ патроновъ на войну. За исключеніемъ болѣе широкаго примѣненія законовъ о вирѣ (Wehrgeld), распространяемаго и на классъ вольноотпущенниковъ, юридическая цѣнность которыхъ занимала среднее положеніе между цѣнностью свободнаго человѣка и крѣпостного,—общая организація галлогерманскихъ монархій мало чѣмъ отличалась отъ организаціи римской имперіи, и варвары сохранили даже фискальную администрацію Рима.

Во главѣ германоримскаго общества находился король, абсолютный монархъ, окруженный знатными и ленными владѣльцами и затѣмъ порабощенной толпой, на которую возложены были всѣ земледѣльческія работы; сюда надо еще прибавить многочисленный классъ духовенства, вступившій въ соглашеніе съ господствующимъ классомъ и пользовавшійся даже еще большими привилегіями. Средневѣковая организація только еще болѣе укрѣпила такое положеніе вещей, такъ какъ сдѣлала наслѣдственными пожизненные удѣлы и превратила высокопоставленныхъ сановниковъ церкви въ крупныхъ владѣльцевъ, а также дала имъ право взимать десятину. По закону можно было оставаться свободнымъ человѣкомъ, не будучи ни землевладѣльцемъ, ни аббатомъ, но фактически это было трудно выполнить, такъ какъ человѣкъ, не имѣвшій ни покровителя, ни господина, лишенъ былъ возможности существовать, поэтому-то мелкіе землевладѣльцы почти бывали вынуждены отказываться отъ свободы и обращаться либо въ колонистовъ, либо въ крѣпостныхъ, чтобы только пользоваться покровительствомъ владѣльца или монастыря. Такимъ образомъ классъ свободныхъ людей въ средневѣковомъ обществѣ былъ весьма немногочисленный. Крѣпостные раздѣлялись на двѣ категоріи: крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и такихъ, которые должны были выплачивать извѣстную ренту. Прежнее крѣпостное состояніе, первыхъ вѣковъ германскаго завоеванія, съ теченіемъ времени видоизмѣнило свой характеръ, но крѣпостные, тѣмъ не менѣе, не могли ни распоряжаться своимъ добромъ, ни вступать въ браки безъ разрѣшенія своего господина. Между ними и ихъ владѣльцами не было ничего общаго и даже въ 1614 году, когда уже въ значительной степени, миновалъ средневѣковой періодъ варварства, во времена генеральныхъ штатовъ дворяне съ негодованіемъ протестовали противъ заявленія одного депутата, сравнившаго короля съ отцомъ троихъ дѣтей: духовенства, дворянства и третьяго сословія. «Мы отвергаемъ всякое братство,—воскликнули они,—и вовсе не желаемъ, чтобы дѣти нашихъ чеботарей называли насъ своими братьями. Между ними и нами столько же разницы, сколько между господиномъ и его лакеемъ!»

Безъ сомнѣнія, въ интересахъ самого владѣльца было покровительствовать своимъ крѣпостнымъ и оказывать имъ справедливость. Но до XII вѣка ничто ихъ къ этому не обязывало. Въ 1439 году, въ генеральныхъ штатахъ Ормана такъ изображалось положеніе народа: «Богу одному извѣстно,—восклицалъ Ювеналъ Лезюрсенъ,—какъ много выстрадалъ бѣдный народъ отъ тѣхъ, кто обязанъ былъ о немъ заботиться... Ихъ сажали въ тюрьмы, заковывали въ кандалы, бросали въ ямы, наполненныя нечистотами и всякою гадостью, и оставляли ихъ умирать съ голоду... Однихъ поджаривали, другимъ выбивали зубы до тѣхъ поръ, пока они не платили... Отцовъ и мужей убивали на глазахъ дочерей и женъ, которыхъ тутъ же насиловали. И всѣ эти преступленія совершались не врагомъ, а тѣми, кто называетъ себя слугами короля... И если народъ не платилъ, то сжигались деревни и церкви, со всѣми людьми, находящимися въ нихъ, такъ что въ живыхъ не оставалось ни рабочей лошади, никакого скота, и изъ ста человѣкъ—ни одного!»

Положеніе крѣпостного было, дѣйствительно, ужасно; права владѣльца одновременно распространялись и на него самого, и на его имущество. Безъ разрѣшенія своего владѣльца крѣпостной не имѣлъ права вступать въ бракъ, и если онъ это сдѣлалъ, то долженъ былъ уплатить штрафъ и бракъ расторгался. Это право напоминало то, которое существовало въ древнемъ Римѣ, гдѣ господинъ имѣлъ право регулировать по произволу приростъ своихъ работъ. Такое же древнее право—«право господина» (le Droit du Seigneur) держалось почти до XVII столѣтія. Въ одномъ документѣ, относящемся къ 1538 году, говорится: «Если кто-нибудь изъ принадлежащихъ ему мужчинъ женится, то прежде, чѣмъ сойтись со своею женой, долженъ привести ее къ своему господину, чтобы онъ воспользовался ею... Если у нихъ родится ребенокъ мужескаго пола, то онъ будетъ свободнымъ, потому что онъ можетъ быть зачатъ отъ господина въ первую ночь». Въ одномъ приговорѣ 1302 года присуждаются къ наказанію двое супруговъ, воспротивившихся этому праву господина.

Крѣпостные фактически находились въ полной зависимости отъ своего господина. Хотя на крѣпостного, прикрѣпленнаго къ землѣ, возлагались закономъ только извѣстныя опредѣленныя повинности, но, на самомъ дѣлѣ, онъ долженъ былъ покоряться произволу и насилію. Въ 1260 году одинъ юрисконсультъ писалъ: «Въ силу нашихъ обычаевъ между нами и мужикомъ нѣтъ другого судьи, кромѣ Бога». Въ 1610 году другой писатель выразился слѣдующимъ образомъ: «Владѣльцы взяли такую силу надъ своими подданными, что заставляютъ ихъ исполнять массу всевозможныхъ работъ изъ одной только боязни быть избитыми палками или другимъ оружіемъ».

Въ генеральныхъ штатахъ 1560 года раздавались жалобы на то, что крестьянамъ приходилось самимъ впрягаться въ плугъ, чтобы замѣнить скотъ, который у него былъ отнятъ. Такая степень нищеты существовала, однако, только въ абсолютно варварскихъ странахъ.

Согласно произвольному дѣленію исторіи, средніе вѣка оканчиваются какъ разъ взятіемъ Константинополя въ 1453 году. А между тѣмъ, возмутительныя злоупотребленія феодализма существовали во Франціи вплоть до революціи, въ Россіи—почти до нашей эпохи, а въ Англіи Эдмондъ Спенсеръ писалъ въ 1596 году: «Землевладѣлецъ—настоящій тиранъ, арендаторъ—настоящій рабъ, а крестьянинъ—еще болѣе несчастенъ, чѣмъ рабъ, потому что господинъ кормитъ своего аба, а тутъ рабъ кормитъ своего господина».

Дѣйствительно, феодальнаго крѣпостного слѣдуетъ называть рабомъ, такъ какъ положеніе его мало чѣмъ отличалось отъ положенія сельскаго раба въ древнія времена. Правосудія для него не существовало; это роскошь, которая была доступна только свободнымъ людямъ. Описаніе бѣдствій сельскаго населенія Франціи, сдѣланное Артуромъ Юнгомъ чуть ли не наканунѣ французской революціи, пріобрѣло большую извѣстность и достовѣрность его подтверждается оффиціальными документами. Въ самомъ дѣлѣ, французскій крестьянинъ доведенъ былъ всяческими притѣсненіями, поборами и вымогательствами до крайней степени нищеты, и бѣдствія его были неисчислимы, но такое ужасное положеніе вещей не представляло ничего новаго и въ средніе вѣка было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Чтобы какъ-нибудь избѣжать этого и были основаны различныя средневѣковыя общины и ассоціаціи.

Я уже нѣсколько разъ указывалъ, что общія бѣдствія обыкновенно пробуждаютъ въ человѣкѣ старинные инстинкты солидарности, и слабые и угнетаемые пробуютъ тогда объединиться. Такъ было и во времена феодальныхъ бѣдствій. Сначала образовались сельскія общины, вѣроятно, по примѣру религіозныхъ общинъ, затѣмъ городскія.

Сельскія общины были устроены крѣпостными, живущими вмѣстѣ, иногда даже подъ одною кровлей, и управлялись выборнымъ изъ своей среды, который и былъ ихъ представителемъ передъ владѣльцемъ, помѣщикомъ. Обыкновенно владѣльцы даже поощряли образованіе подобныхъ ассоціацій, такъ какъ, такимъ образомъ, полученіе оброка и исполненіе повинностей было болѣе обезпеченнымъ. Хозяйство въ такой общинѣ было общимъ и члены изъ своей среды выбирали администратора. Дѣтей воспитывали вмѣстѣ, старики же подавали совѣты, и каждый въ общинѣ долженъ былъ нести извѣстный трудъ, сообразно своему возрасту и полу. Внутренняя организація такихъ ассоціацій отчасти напоминаетъ русскій деревенскій «міръ» и сербскія общины. Въ Ньеврѣ одна изъ такихъ общинъ, «la Communauté des Sault», просуществовала до нашихъ дней. Быть можетъ, такія общины послужили, если не образцами, то примѣромъ для буржуа и городскихъ ремесленниковъ.

Средневѣковые ремесленники вышли, также какъ и ремесленники древности, изъ рядовъ свободныхъ людей, не имѣвшихъ средствъ къ жизни, и вольноотпущенниковъ. Имъ нужно было работать, чтобы жить и надо было поневолѣ соглашаться на всѣ условія, которыя имъ ста-

вилъ владѣлецъ земли, т. е. помѣщикъ. Ремесленникъ, совершенно также какъ и крѣпостной, подвергался всевозможнымъ стѣсненіямъ и долженъ былъ нести тяжелыя повинности. Но еще задолю до возникновенія общинъ, образованіе которыхъ сопровождалось даже иной разъ кровопролитною борьбой, существовали въ разныхъ мѣстахъ ассоціаціи ремесленниковъ по образцу сельскихъ общинъ. Это были «безмолвныя ассоціаціи», образовавшіяся безъ всякихъ формальностей и договоровъ, членами которыхъ были часто родные и свободные люди, живущіе подъ одною кровлей. Домъ, очагъ и столъ были общими. Избранный глава такой общины былъ ея представителемъ передъ закономъ и заключалъ отъ своего имени договоры. Хозяйствомъ также завѣдывала одна изъ избранныхъ женщинъ. Можно было по желанію выйти изъ этой ассоціаціи и тогда уходившій получалъ извѣстную сумму, одинаковую для всѣхъ; вступать же въ такую ассоціацію можно было лишь съ согласія ея членовъ. Такого рода ассоціаціи занимались какимъ-нибудь промысломъ или торговлей. Одновременно съ такими ассоціаціями стали возрождаться и прежнія рабочія корпораціи, древнія коллегіи, уничтоженныя было германскимъ нашествіемъ. Они начали появляться въ разныхъ мѣстахъ какъ разъ въ такое время, когда весь христіанскій міръ, охваченный безуміемъ, съ ужасомъ ожидалъ конца міра. Этотъ страхъ побуждалъ строить какъ можно больше церквей и вызвалъ образованіе корпорацій каменщиковъ, масоновъ (francs-maçons), которые даромъ предлагали свои услуги епископамъ и настоятелямъ монастырей. Цѣлыя деревни присоединялись къ этимъ строителямъ и отправлялись по городамъ строить соборы. Однако, настоящая организація ремеслъ состоялась только въ XII и XIII вѣкахъ. Тогда образовались добровольныя ассоціаціи всѣхъ городскихъ ремесленниковъ, занимающихся одною и той же профессіей. Эти ассоціаціи или цѣли представляли общество, оказывавшее покровительство своимъ членамъ и защищавшее ихъ отъ конкурренціи и злоупотребленій владѣльцевъ. Каждый такой цехъ имѣлъ свой уставъ и пользовался экономіей труда. Въ составъ его входили подмастерья, рабочіе и мастера. Число подмастерьевъ было ограничено, также какъ и продолжительность ученія. Чтобы получить званіе мастера, надо было сдѣлать какое-нибудь образцовое произведеніе, но впослѣдствіи это было замѣнено внесеніемъ довольно крупной суммы. Во избѣжаніе конкурренціи, число мастеровъ въ цехахъ было также ограничено и иногда кандидатамъ долго приходилось ждать, пока откроется вакансія. Конечно, всѣ выгоды приходились на долю мастеровъ, державшихъ въ зависимости подмастерьевъ и рабочихъ; но званіе мастера также получалось не безъ труда и довольно крупныхъ затратъ. Владѣльцы, съ своей стороны, также подвергли цехи очень строгой регламентаціи и навязали имъ весьма неудобныя для нихъ права, сильно стѣснявшія ихъ дѣятельность. Количество и вѣсъ матеріала, нужнаго для издѣлій, форма, и даже самый способъ фабрикаціи—все это было заранѣе строго опредѣлено.

Кузнецъ, напримѣръ, не имѣлъ права ни сдѣлать, ни продать ключа, такъ какъ это было дѣломъ слесаря. Портному запрещалось чинить платье, а лоскутнику—сшить новое платье. Позднѣе королевская власть еще усилила эту стѣснительную регламентацію, сохранившуюся до самой революціи, и въ особенности Кольберъ вревратилъ ее во всеобщую тираннію. Одинъ изъ его ордонансовъ 1669 года какъ будто написанъ въ Китаѣ и опредѣляетъ для каждой матеріи длину и ширину куска, число нитокъ, качество матеріала и способъ фабрикаціи. Кольберъ подалъ примѣръ и въ 1755 году уже вышло запрещеніе продажи цвѣтнаго полотна, такъ какъ это могло повредить фабрикаціи шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій, и даже изданы были ордонансы, предписывающіе приказчикамъ срывать съ женщинъ платья изъ такого полотна, если онѣ появлялись въ этихъ платьяхъ въ публикѣ. Торговля же этимъ товаромъ наказывалась каторжными работами.

При такомъ режимѣ только одинъ родъ промышленности могъ существовать—мелкій, кустарный промыселъ, имѣвшій свои неудобства, но съ соціальной точки зрѣнія представлявшій большіи выгоды. Крупная промышленность, принесшая столько добра и въ то же время столько зла, начала развиваться только къ концу XVIII вѣка, тогда, когда всѣ прежнія оковы были разрушены и для спекуляціи открылось широкое поле.

Самою распространенною формою рабства въ средніе вѣка было крѣпостное состояніе, рядомъ съ которымъ, однако, существовало и настоящее рабство, какъ въ древнія времена. Религія допускала это, подъ условіемъ лишь, чтобы рабы не были христіане и поэтому въ XIV и XV вѣкахъ у венеціанцевъ были домашіе рабы. Въ 1289 году миланское правительство воспретило продажу крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли, изъ чего слѣдуетъ, что эта продажа дозволялась раньше. У папъ были рабы мусульмане, доставляемые имъ родосскими и мальтійскими рыцарями. Въ дѣйствительности рабство держалось въ Италіи до конца XVII вѣка.

Конечно, рабство и крѣпостное состояніе нельзя согласовать съ великими гуманитарными принципами первобытнаго христіанства, но средневѣковая религія уже не была религіей первыхъ христіанъ и церковь тѣмъ охотнѣе поддерживала феодальныя злоупотребленія, что она сама извлекала изъ этого выгоды. Епископы и аббаты были очень важными лицами и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти пользовались своими правами. Власть духовенства была даже больше власти принцевъ и дворянъ, такъ какъ она была одновременно и свѣтской, и духовной. Никто не завѣщалъ своего имущества и не дарилъ ничего феодальнымъ владѣльцамъ, но каждый добрый христіанинъ считалъ своимъ долгомъ оставить что-нибудь церкви. Паническій страхъ, овладѣвшій людьми въ 1000 году, былъ чрезвычайно выгоденъ духовенству. Люди съ какою-то лихорадочною поспѣшностью спѣшили избавиться отъ презрѣнныхъ земныхъ

богатствъ, полагая, что за это они получатъ небесныя блага, гораздо болѣе драгоцѣнныя. Но послѣ 25-го марта 1000 года, проведеннаго въ церквахъ, на колѣняхъ, въ ожиданіи того, когда прозвучитъ трубный гласъ, страхъ разсѣялся. Однако, то, что было отдано церкви, и осталось въ ея рукахъ, такъ что во владѣніи различныхъ аббатствъ оказались тысячи семействъ крѣпостныхъ. Эти крѣпостные обязаны были выплачивать повинности деньгами и натурой, не считая различныхъ произвольныхъ налоговъ и барщины. Послѣ каждаго сезона священники взимали десятинный сборъ со всѣхъ продуктовъ и взимали его сначала съ сырыхъ продуктовъ, затѣмъ уже съ издѣлій, такъ, напримѣръ, при уборкѣ хлѣба они взимали десятинный сборъ сначала со сжатыхъ хлѣбныхъ злаковъ, затѣмъ съ зерна, полученнаго послѣ молотьбы, затѣмъ съ муки и, наконецъ, съ испеченныхъ хлѣбовъ. Никакая земля не была избавлена отъ этого сбора въ пользу духовенства, но зато земля, принадлежащая духовенству была избавлена отъ другихъ повинностей.

Духовенство обращалось со своими крѣпостными ничуть не лучше свѣтскихъ владѣльцевъ и облагало ихъ совершенно такими же повинностями и въ нѣкоторомъ отношеніи крѣпостные духовенства пользовались даже еще меньшею свободой. Въ концѣ концовъ духовенство превратило своихъ крѣпостныхъ въ ремесленниковъ и устроило фабрики и мастерскія, гдѣ работали мужчины и женщины. Спеціальныя мастерскія женщинъ носили даже названіе «гинекеевъ» и нравственность въ такихъ учрежденіяхъ стояла столь низко, что слова «женщина изъ гинекея» были синонимомъ куртизанки.

Имѣя въ рукахъ столько разнообразныхъ средствъ къ достиженію богатства, духовенство, конечно, должно было сильно и быстро разбогатѣть. Во Франціи къ концу XVIII вѣка доходы духовенства равнялись 400 милліонамъ, не считая десятиннаго сбора и сбора пожертвованій. Церковь поэтому поддерживала крѣпостное состояніе насколько только возможно, и, благодаря Вольтеру, всѣмъ уже извѣстно теперь, что наканунѣ революціи каноники въ Сенъ-Клодѣ владѣли 12.000 крѣпостныхъ, съ которыми обращались совершенно такъ, какъ въ средніе вѣка. Между прочими правами приходъ пользовался правомъ наслѣдовать послѣ своихъ крѣпостныхъ, но обязанъ былъ доставлять этимъ послѣднимъ лѣкарства и врачей. Вольтеръ увѣряетъ, однако, что онъ самъ слышалъ, какъ агентъ одного прихода отвѣтилъ хирургу Морецу слѣдующими словами на его требованіе вознагражденія за лѣченіе двухъ крѣпостныхъ: «Вмѣсто того, чтобы платить вамъ за это, приходъ долженъ былъ бы васъ наказать, такъ какъ въ прошломъ году вы вылѣчили двухъ крѣпостныхъ, послѣ смерти которыхъ мои хозяева наслѣдовали бы 1.000 экю».

Надо прибавить, впрочемъ, что приходъ Сенъ-Клодъ упорно отстаивалъ средневѣковые порядки, между тѣмъ какъ многіе монастыри по-

слѣдовали за теченіемъ, вызвавшимъ въ XII вѣкѣ отпущеніе на волю крѣпостныхъ, по крайней мѣрѣ, которые не были личными крѣпостными и могли отречься отъ своего господина и искать убѣжища въ свободныхъ городахъ. Но, разумѣется, какъ духовенство, такъ и свѣтскіе владѣльцы, если отпускали на волю своихъ крѣпостныхъ, то при этомъ всегда старались соблюсти свои личныя выгоды; о какихъ-либо гуманитарныхъ соображеніяхъ тутъ не могло быть и рѣчи. Одинъ изъ средневѣковыхъ законовѣдовъ, Боманyаръ, говоритъ, что отпущеніе на волю крѣпостныхъ было даже выгодно владѣльцамъ, и въ сущности, оковы крѣпостничества не вполнѣ спадали и бывшій крѣпостной долженъ былъ нести множество повинностей; при томъ же, хотя онъ и пользовался свободою передвиженія и могъ располагать своимъ добромъ при жизни, но, тѣмъ не менѣе, послѣ него наслѣдовалъ владѣлецъ. Чтобы избѣжать этого, такіе крѣпостные организовали земледѣльческія общины, имущество которыхъ было нераздѣльно.

Въ теоріи можно было бы думать, что феодальный режимъ уничтожитъ бродяжничество и нищенство. Но ничего подобнаго не было и бродяги, нищіе, бѣглые крѣпостные, воры и вообще павшіе люди всякаго рода кишѣли повсюду, составляя настоящую соціальную язву, отъ которой страдало общество. Съ людьми этого сорта во всей Европѣ обращались очень строго. Въ Англіи королевскіе указы приказывали ловить ихъ и вѣшать. Во Франціи также бродягъ и публичныхъ женщинъ подвергали ссылкѣ въ каторжныя работы на далекіе острова.

Средневѣковой крѣпостной былъ ничуть не менѣе несчастенъ, чѣмъ древній рабъ, и поэтому крѣпостные, также какъ и рабы въ древности, не разъ устраивали возстанія и въ сущности такія возстанія рабовъ во всѣ времена носили традиціонный характеръ, такъ какъ цѣпь ихъ не прерывалась никогда. Если не было крупныхъ возмущеній, то болѣе мелкія вспыхивали постоянно, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ Европы. Въ XIV вѣкѣ крестьяне въ «Haut Valais» придумали особенный способъ избавляться отъ своихъ притѣснителей бароновъ. Способъ этотъ назывался «mazza» и состоялъ въ слѣдующемъ: если какой-нибудь баронъ становился черезчуръ стѣснительнымъ, то крестьяне дѣлали изъ дерева статую, которая должна была служить его изображеніемъ, и называлась «mazza». Эту статую носили изъ дома въ домъ и каждый, подававшій свой голосъ за осужденіе барона, долженъ былъ вбить въ нее гвоздь. Затѣмъ, когда вся «mazza» была покрыта гвоздями, ее ставили у дверей осужденнаго такимъ образомъ барона. Обыкновенно этотъ послѣдній спасался въ такихъ случаяхъ бѣгствомъ и замокъ его разрушался. Но эти таинственные приговоры, исполнители которыхъ оставались неизвѣстными, всегда дѣйствовали на воображеніе притѣснителей. «Mazza», конечно, представляла грубый заговоръ, организованный лишь на одинъ день, но онъ послужилъ зародышемъ дру-

гихъ тайныхъ ассоціацій или обществъ, лучше организованныхъ и дѣйствительно наложившихъ нѣкоторую узду на произволъ властителей.

Длинный историческій періодъ, который охватываетъ эволюцію рабства, начиная отъ среднихъ вѣковъ вплоть до нашего времени, былъ чрезвычайно богатъ всякаго рода катастрофами и насиліями. Весь этотъ періодъ представлялъ непрерывный рядъ войнъ, большихъ и маленькихъ насилій, которымъ въ особенности подвергались порабощенные классы, вдругъ проникавшіеся духомъ непокорности. Но всѣ эти ужасы не вызвали никакихъ перемѣнъ въ крѣпостномъ состояніи и не имѣли на него никакого вліянія. Тѣмъ не менѣе, крѣпостное состояніе, подмываемое медленно и постепенно, въ концѣ концовъ исчезло и превратилось въ наемный трудъ, но эта реформа явилась результатомъ медленной и мирной эволюціи и, главнымъ образомъ, учрежденія общинъ. Въ началѣ свободные ремесленники и освобожденные крѣпостные образовали ремесленныя корпораціи. Затѣмъ, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами и сдѣлавшись болѣе многочисленными, эти корпораціи образовали городскія группы, съ которыми уже владѣльцамъ приходилось поневолѣ считаться и за которыми они должны были признать права на независимое существованіе. Все болѣе и болѣе разростаясь, эти промышленныя и торговыя группы, въ свою очередь, составили силу, привлекли въ свою среду тысячи крѣпостныхъ и вольноотпущенныхъ и захватили въ руки всю продуктивную промышленность и, разбогатѣвъ, въ свою очередь, составили средній классъ между классами крѣпостныхъ и кастою вельможъ. Съ этого времени владѣльцы сочли выгоднѣе для себя дать свободу своимъ крѣпостнымъ, но, разумѣется, на условіяхъ уплаты извѣстнаго вознагражденія и выполненія извѣстныхъ повинностей. Такимъ образомъ, крѣпостные превратились въ крестьянъ, въ принципѣ свободныхъ, но продолжавшихъ переносить всякія притѣсненія и произволъ владѣтельныхъ классовъ и подвергавшихся вымогательствамъ со стороны казны и всякимъ грубымъ насиліямъ со стороны войскъ. Но, тѣмъ не менѣе, быть свободнымъ, хотя бы только въ принципѣ, составляло уже огромное преимущество, хотя бы только нравственное; оно, во всякомъ случаѣ, дѣйствовало какъ своего рода психическій ферментъ, побуждая страдающаго отъ несправедливостей крестьянина и ремесленника сдѣлать еще шагъ впередъ къ окончательному разрыву своихъ цѣпей. Феодальному режиму былъ нанесенъ смертельный ударъ французской революціей, и послѣ нея во Франціи уже не было ни рабства, ни крѣпостного состоянія, и мало-по-малу Европа повиновалась великому импульсу, данному ей. Сначала въ Германіи, а затѣмъ въ Россіи была введена реформа мирнымъ путемъ, посредствомъ законодательныхъ мѣропріятій, исходящихъ свыше. Правящіе классы поняли необходимость этого, но они поняли въ то же время, что, въ сущности, порядокъ вещей мало измѣняется отъ этого и что наемный трудъ можетъ вполнѣ замѣнить крѣпостной, совершен и

такъ же, какъ крѣпостное состояніе замѣнило рабство, и что на самомъ дѣлѣ такой трудъ представляетъ то же крѣпостное состояніе, но лишь въ смягченномъ видѣ, такъ какъ сохраняетъ въ силѣ всю главную суть древнихъ привилегій.

Глава XVII.

Прошлое, настоящее и будущее труда.—Необходимость соціальнаго труда.—Равноправный трудъ.—Происхожденіе человѣческаго рабства.—Женскій трудъ въ первобытныхъ обществахъ.—Домашніе и сельскіе рабы.—Домашнія животныя.—Невольничьи набѣги.—Различныя причины рабства.—Первоначальныя права господина.—Происхожденіе крѣпостного состоянія.—Происхожденіе наемнаго труда.—Трудъ женщинъ и рабовъ.—Мастерскія рабовъ.—Наемный рабочій.—Образованіе пролетаріата.—Рабочія коллегіи.—Пролетаріатъ замѣняетъ крѣпостное состояніе.—Современное рабство.—Негроторговля.—Прежніе и нынѣшніе законтрактованные рабочіе.—Современный наемный трудъ.—Крупная промышленность.—Меркантильное производство.—Безжалостная эксплуатація женщинъ и дѣтей.—Роковыя послѣдствія фабричнаго труда.—Жестокость экономическихъ теоретиковъ.—Протесты живыхъ орудій труда.—Будущее труда.—Необходимость уничтоженія наемнаго труда.—Эволюція и революція.—Конечная цѣль и средства къ ея достиженію.

Въ предшествующихъ главахъ мы разсмотрѣли, какимъ образомъ каждая раса и каждый народъ организовали соціальный трудъ. Мы видѣли, что такъ или иначе, съ бо́льшею или меньшею грубостью, абсолютно необходимое для существованія сколько-нибудь сложныхъ обществъ количество труда, всегда составляло удѣлъ только одной извѣстной части населенія, находившейся въ порабощеніи. Этотъ трудъ надо было выполнить во что бы то ни стало, такъ какъ всякая соціальная жизнь непремѣнно создаетъ искусственныя условія, и всякая агломерація человѣческихъ существъ или же вообще организованныхъ индивидовъ непремѣнно требуетъ устройства спеціальныхъ убѣжищъ, спеціальныхъ способовъ для пропитанія всей соціальной группы, для воспитанія молодого поколѣнія, борьбы съ соперничествующими обществами и въ общемъ, слѣдовательно, нуждается въ значительной суммѣ соціальнаго труда.

A priori ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобы эта полезная работа была распредѣлена равномѣрнымъ образомъ между всѣми членами ассоціаціи, и дѣйствительно такъ бываетъ до тѣхъ поръ, пока соціальная жизнь и нужды остаются очень несложными. Но даже и въ такихъ случаяхъ, если только агломерація многочисленна, ея члены считаютъ болѣе выгоднымъ спеціализировать трудъ и образовать классы, которые и должны выполнять только извѣстныя функціи. Мы видѣли уже, что нѣкоторыя породы муравьевъ разрѣшаютъ эту соціальную проблему посредствомъ раздѣленія и спеціализаціи функцій. Мы видѣли также, что нѣкоторыя изъ этихъ муравьиныхъ обществъ существуютъ исключительно только благодаря рабству, поддерживаемому воинствен-

ными набѣгами, какъ это наблюдалось и во многихъ человѣческихъ обществахъ. Но, кромѣ того, эти муравьиныя общины служатъ намъ драгоцѣннымъ указаніемъ того, какъ дѣйствуетъ долговременное существованіе общиннаго режима, уничтожающаго въ концѣ концовъ индивидуальный эгоизмъ и замѣняющаго его широкимъ альтруизмомъ, до такой степени, что самки, исключительно занятыя воспроизводительною функціей и не принимающія никакого участія въ соціальной жизни, лишаются, повидимому, совершенно материнскаго инстинкта, столь могущественнаго у другихъ породъ, между тѣмъ какъ безплодныя работницы, дочери этихъ самыхъ матерей, нисколько не заботящихся о своемъ потомствѣ, посвящаютъ себя исключительно воспитанію молодого поколѣнія и всегда бываютъ готовы жертвовать собою для этого поколѣнія, потому что широкое развитіе могущественнаго соціальнаго инстинкта подавило у нихъ всѣ остальныя чувства. Этотъ альтруистическій инстинктъ встрѣчается у всѣхъ породъ рабочихъ муравьевъ; однако, рабовладѣльческіе инстинкты, встрѣчающіеся только у нѣкоторыхъ породъ, развились у нихъ, вѣроятно, не такъ давно. Въ общинахъ же другихъ муравьевъ нѣтъ рабовъ; работницы рождаются въ самой же общинѣ, никакая воинственная каста не властвуетъ надъ ними, и онѣ вполнѣ добровольно и свободно работаютъ для общины и защищаютъ ее, если понадобится.

Рабство, однако, не составляетъ необходимости для поддержанія существованія болѣе или менѣе первобытныхъ обществъ, и въ самомъ дѣлѣ мы не находимъ его ни у фуэджійцевъ, ни у готтентотовъ, ни у большинства эскимосовъ, краснокожихъ, австралійцевъ и др., они жили и живутъ до сихъ поръ, не имѣя рабовъ. Чтобы идея рабства явилась у людей, необходимы были извѣстныя условія, изъ которыхъ самымъ главнымъ было сознаніе возможности извлечь выгоды изъ раба. Если этой возможности не было, то побѣжденнаго врага предпочитали лучше убивать, нежели обращать въ рабство. Часто, убивъ побѣжденныхъ, ихъ съѣдали, и мы видѣли, что у дикихъ расъ побѣды всегда завершаются подобными каннибальскими пиршествами; если же эти расы сохраняли своихъ плѣнныхъ, то большею частью лишь для того, чтобы обращать ихъ въ убойный скотъ, въ резервный пищевой матеріалъ. Но въ ожиданіи того времени, когда этихъ плѣнныхъ придется употребить въ пищу, стали пробовать извлечь изъ нихъ другую пользу и такимъ образомъ на плѣнныхъ стали возлагать разныя тяжелыя работы, а плѣнницы часто бывали наложницами. Мало-по-малу какъ тѣ, такъ и другія превратились въ мѣновую цѣнность, возникла торговля военноплѣнными, но эта безкровная утилизація плѣнныхъ приняла болѣе широкіе размѣры лишь съ развитіемъ скотоводства и земледѣлія, когда возникла необходимость возложить на плѣнника или плѣнницу нѣкоторыя необходимыя, но тяжелыя и непріятныя работы. Однако, то обстоятельство, что мужчины всегда имѣли подъ рукой прирожденныхъ рабовъ, своихъ женъ,

на которыхъ они могли взвалить весь утомительный трудъ и надъ которыми имѣли самыя неограниченныя права, въ значительной мѣрѣ препятствовало введенію рабства у первобытныхъ народовъ. Но даже, со введеніемъ рабства, женщинамъ пришлось въ началѣ раздѣлять этотъ трудъ съ рабами и работать рядомъ съ ними. Надо замѣтить, что сначала уводили во время набѣговъ преимущественно женщинъ и дѣтей, для того, чтобы обратить ихъ въ рабство, такъ какъ ими легче было управлять, легче было поработить ихъ и усмотрѣть за ними, нежели за плѣнными мужского пола. Весьма вѣроятно даже, что первые рабы мужского пола выросли и воспитались въ домѣ побѣдителя, взявшаго ихъ въ плѣнъ въ дѣтскомъ возрастѣ вмѣстѣ съ ихъ матерью. Для того, чтобы превратить въ раба взрослыхъ людей, нужно было располагать болѣе серьезными принудительными средствами, чѣмъ тѣ, которыя примѣнялись по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ.

Въ этихъ обществахъ, уже вступившихъ на путь цивилизаціи, обладавшихъ домашнимъ скотомъ и занимавшихся въ большей или меньшей степени земледѣліемъ, скоро образовались двѣ категоріи рабовъ: тѣ, которые всегда оставались подъ рукой—домашніе рабы, и тѣ, которыхъ употребляли либо для полевыхъ работъ, либо для ухода за скотомъ. Первые, домашніе рабы, были болѣе подчинены капризамъ своихъ владѣльцевъ, но обыкновенно съ ними обращались лучше и они принимали участіе въ общей жизни семьи своего владѣльца, какъ бы составляя ея членовъ. Другіе рабы, сельскіе, проводившіе большую часть жизни вдали отъ своихъ владѣльцевъ, зачастую уподоблялись ими рабочему скоту. Что касается домашнихъ животныхъ, то слѣдуетъ замѣтить, что люди очень поздно начали утилизировать какъ механическую силу, вьючный скотъ, способный замѣнить отчасти женщинъ и рабовъ. Очень, очень долго домашнія животныя служили только для пропитанія, и если въ Египтѣ въ прежнія времена, а въ Китаѣ и у туареговъ въ настоящее время, можно видѣть женщинъ, запряженныхъ вмѣстѣ съ рабами въ плугъ, то въ первобытные періоды цивилизаціи такое зрѣлище, по всей вѣроятности, представляло самое обыкновенное явленіе.

То, что рабское населеніе въ самомъ началѣ явилось результатомъ войнъ и набѣговъ, подтверждается наблюденіемъ надъ всѣми человѣческими расами, но когда рабство болѣе прочно организовалось, то явились и другіе источники, пополнявшіе его ряды и также одинаково встрѣчающіеся у всѣхъ народовъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить естественный приростъ рабскаго населенія, такъ какъ рабство, за небольшими исключеніями, было наслѣдственнымъ во всѣхъ странахъ, причемъ владѣльцы руководили этимъ приростомъ ради своихъ личныхъ интересовъ. Затѣмъ источникомъ рабства служила продажа дѣтей родителями, женъ мужьями, а также судебные приговоры, неуплаченные долги и, наконецъ, добровольное отреченіе отъ свободы; послѣднее бывало вызвано обыкновенно крайнею нищетой.

Права владѣльцевъ надъ рабами всегда были чрезмѣрными и рабы совершенно приравнивались къ вещи. Но мало-по-малу, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, нравы эти смягчались. Въ началѣ владѣлецъ пользовался всѣми правами, безъ исключенія, и въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Египтѣ, Индіи и первобытномъ Римѣ законы оказывали покровительство скоту раньше, чѣмъ рабу, и по всей вѣроятности первые покровительственные законы, относящіеся къ рабамъ, образовались подъ вліяніемъ городского и домашняго рабства. Нельзя же было вѣчно обращаться какъ съ животными съ тѣми людьми, съ которыми приходилось имѣть постоянныя сношенія и которые въ силу тѣснаго соприкосновенія съ жизнью семьи, принимали участіе во всѣхъ ея горестяхъ и радостяхъ. Женщины, въ особенности молодыя, зачастую служившія наложницами своему господину, вызывали къ себѣ болѣе мягкое отношеніе и въ концѣ концовъ пробилось, наконецъ, сознаніе, что рабы,— несчастныя созданія, занимавшія такое низкое соціальное положеніе, принадлежатъ все-таки къ человѣческому роду, и сначала обычай, а затѣмъ уже и законъ далъ имъ нѣкоторый минимумъ правъ. Тогда былъ составленъ спеціальный кодексъ, регулирующій положеніе раба, и хотя это законодательство и оказывало нѣкоторое покровительство рабу, но, тѣмъ не менѣе, оно отличалось крайнею несправедливостью и пристрастіемъ. Во всѣхъ случаяхъ рабъ подлежалъ болѣе строгому наказанію, нежели свободный человѣкъ, совершившій такой же проступокъ; рабу недозволялось имѣть собственность, жениться и т. д. Рабъ представлялъ все-таки вещь, которую всегда можно было отдать, продать, подвергать истязаніямъ и т. п., и только не дозволено было увѣчить и убивать. Законъ устанавливалъ также формальности, обязательныя въ случаѣ отпущенія раба на волю, и регулировалъ положеніе рабынь, имѣющихъ ребенка отъ своего господина, и положеніе этихъ дѣтей.

Для полнаго развитія этой эволюціи рабства понадобились тысячи годовъ и въ это время возникла другая, болѣе смягченная форма рабства—крѣпостное состояніе, утвердившееся рядомъ съ рабствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но крѣпостное состояніе возникло исключительно только на почвѣ сельской эксплуатаціи и не имѣло никакого отношенія къ домашнему рабству. Оно обязано было своимъ происхожденіемъ завоеванію цѣлой страны, массовому порабощенію цѣлаго населенія сравнительно немногочисленными завоевателями. При такихъ условіяхъ, въ самомъ дѣлѣ, только минимальную часть покореннаго населенія можно было утилизировать въ качествѣ домашнихъ рабовъ или съ цѣлью продажи. Съ другой стороны, какую же выгоду могла принести побѣдителямъ опустошенная страна? Безъ сомнѣнія, было практичнѣе и полезнѣе оставить земледѣльцевъ на ихъ поляхъ, пастуховъ у ихъ стадъ, и вмѣсто того, чтобы посягать на личность побѣжденныхъ, обложить ихъ данью, разъ навсегда установленною, прикрѣпить къ землѣ и сдѣлать изъ нихъ крѣпостныхъ или колонистовъ, которые бы пра-

вильно уплачивали дань продуктами земли—если они земледѣльцы, скотомъ—если они занимаются скотоводствомъ, ремесленными издѣліями, трудомъ—если они ремесленники, и деньгами—если они купцы. Личная свобода, предоставленная крѣпостнымъ, была, однако, весьма относительная, такъ какъ имъ также не разрѣшалось ни имѣть собственность, ни передавать по наслѣдству, ни вступать въ бракъ безъ согласія владѣльца и т. д.; но крѣпостныхъ нельзя было продавать безъ земли и судьба ихъ была тѣсно связана съ судьбою этой послѣдней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относящихся, напримѣръ, къ извѣстной категоріи средневѣковыхъ крѣпостныхъ, этимъ послѣднимъ предоставлялось право разрывать договоръ и уходить отъ своего господина, но они должны были оставить ему все свое имущество.

Какъ рабство, такъ и крѣпостное состояніе имѣло весьма разнообразные источники. Главнымъ источникомъ была, конечно, война, но многіе крѣпостные были вольноотпущенниками и еще чаще—несчастными, лишенными всякихъ средствъ къ существованію и искавшими спасенія въ крѣпостномъ состояніи, которое имъ все-таки обезпечивало кусокъ хлѣба и нѣкоторое покровительство, такъ какъ въ такомъ обществѣ, гдѣ господствуютъ насилія и царитъ несправедливость, свобода представляетъ роскошь, совершенно недоступную слабымъ. Разъ учрежденное крѣпостное состояніе начало развиваться весьма быстро, между тѣмъ рабство мало-по-малу сократилось и стало по преимуществу домашнимъ, такъ что въ концѣ концовъ только богачи да вельможи и принцы владѣли рабами. Мы видѣли также, что крѣпостное состояніе, эта смягченная форма рабства, удержалось почти до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ, даже самыхъ цивилизованныхъ государствахъ. Франція уничтожила его послѣдніе слѣды не болѣе столѣтія тому назадъ, Германія же сохранила его до половины нынѣшняго вѣка; наконецъ, Россія, гдѣ крѣпостное состояніе было особенно тяжелымъ и весьма походило на древнее рабство, уничтожила его всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что послѣ отмѣны крѣпостного состоянія пролетаріи, наконецъ, стали пользоваться полною свободой и ихъ соціальное положеніе не сохранило никакихъ слѣдовъ рабства? Ничуть! Крѣпостное состояніе было только смягченною формою рабства, и его, въ свою очередь, смѣнила другая форма, еще болѣе смягченная, но зачастую очень тягостная—наемный трудъ, происхожденіе котораго мы прослѣдимъ здѣсь въ общихъ чертахъ.

До тѣхъ поръ, пока единственными соціально-необходимыми работами были полевыя работы, заботы о стадѣ и домашнемъ хозяйствѣ, рабство и крѣпостное состояніе вполнѣ удовлетворяли потребностямъ соціальной жизни; наемный же трудъ появился лишь съ развитіемъ промышленнаго труда и поэтому онъ совсѣмъ почти не существовалъ въ очень мало развитыхъ цивилизаціяхъ. Въ теченіе первыхъ фазъ соціальной эволюціи свободный человѣкъ обыкновенно самъ изготовлялъ для себя всѣ

нужные ему лично предметы и орудія труда, но то, что нужно изготовить для другой промышленной работы, онъ возлагалъ обыкновенно на женщинъ и рабовъ. Поэтому вездѣ у дикихъ народовъ и въ доисторическій періодъ мы видимъ, что гончарное искусство всегда составляетъ занятіе женщинъ, также какъ и пряжа и тканье, когда одежда изъ тканей замѣнила одежду изъ звѣриныхъ шкуръ; послѣдняя, впрочемъ, также изготовлялась женщинами, какъ, напримѣръ, «tapa» у полинезійцевъ. Но всѣ эти различныя производства были строго ограничены нуждами маленькой соціальной группы и никто не помышлялъ о томъ, чтобы работать на продажу и еще менѣе—для экспорта. Но положеніе вещей измѣнилось, когда установились болѣе или менѣе мирныя отношенія между различными народами или племенами, и эти народы достигли уже большей степени цивилизаціи. Тогда народилось въ нѣкоторомъ родѣ комерческое движеніе, начался промышленный обмѣнъ, выгодный для всѣхъ, такъ какъ одно племя было болѣе искусно въ изготовленіи посуды, какихъ-нибудь художественныхъ произведеній, другое изготовляло лучшія ткани, оружіе и т. п., и поэтому какъ та, такъ и другая сторона извлекали пользу, обмѣнивая свои произведенія на чужія. Мало-по-малу возникло сознаніе личнаго интереса въ лучшемъ и большемъ изготовленіи того или другого продукта обмѣна, и тогда стали устраивать цѣлыя мастерскія рабовъ, которые превратились, такимъ образомъ, въ живыя орудія производства и покупались хозяевами исключительно въ цѣляхъ спекуляціи.

Аѳины могутъ представить намъ примѣръ высшаго развитія и процвѣтанія такого рода рабскаго промышленнаго труда. Въ то же время къ свободнымъ рабочимъ рукамъ были присоединены «невольничьи» рабочія руки и окончательно учрежденъ промышленный наемный трудъ. Платный рабочій «по праву» оставался свободнымъ человѣкомъ, но безъ всякихъ средствъ къ жизни и въ сущности былъ только вольноотпущенникомъ или пролетаріемъ, вынужденнымъ, подъ страхомъ голодной смерти, отказываться, ради скромнаго вознагражденія, отъ той непрочной свободы, на которую онъ имѣетъ право по закону. Фабриканты, предприниматели и спекуляторы, имѣвшіе нужду въ рабочихъ рукахъ для своихъ мастерскихъ, нанимали этихъ свободныхъ рабочихъ совершенно такъ же, какъ рабовъ, и часто заставляли ихъ работать рядомъ, не дѣлая между ними никакого различія и одинаково презирая какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Случалось даже, что судьба свободныхъ рабочихъ была тяжелѣе судьбы рабовъ, такъ такъ въ интересахъ хозяина было платить имъ какъ можно меньше и заставлять ихъ работать какъ можно больше; будутъ ли они живы, или умрутъ—до этого ему не было никакого дѣла, между тѣмъ какъ смерть раба составляла для него прямой убытокъ, если этотъ рабъ не успѣлъ отработать то, что за него было заплачено. Замѣна одного платнаго рабочаго другимъ не представляла ни малѣйшихъ затрудненій, и смерть такого рабочаго

*

не была убыточна хозяину, который смотрѣлъ на своихъ рабочихъ, лишь какъ на живыя орудія труда, съ которыми у него не было никакихъ другихъ отношеній, кромѣ чисто экономическихъ. Такія меркантильныя воззрѣнія повели къ образованію въ странахъ, достигшихъ промышленнаго развитія, многочисленнаго бѣдствующаго пролетаріата, нравственный уровень котораго часто падалъ очень низко вслѣдствіе условій жизни, выпавшей на его долю. Порабощенная масса этого пролетаріата непремѣнно должна была возненавидѣть правящіе или, вѣрнѣе, имущіе классы, съ которыми ее не связывали никакія узы, носящія хоть сколько-нибудь человѣческій характеръ. Всегда бѣдствующій и несчастный, этотъ пролетаріатъ, конечно, не могъ чувствовать особенной преданности къ своей родинѣ, которая оказывалась для него мачихой. Обыкновенно этотъ пролетаріатъ ютился въ крупныхъ центрахъ, гдѣ легче было найти заработокъ и куда поэтому стекались и вольноотпущенные, и мелкіе сельскіе землевладѣльцы, лишившіеся своего имущества. Такія опасныя соціальныя условія существовали въ Римѣ временъ имперіи и продержались всѣ средніе вѣка. Въ отношеніи организаціи труда мы замѣчаемъ большое сходство между средневѣковымъ крѣпостнымъ и римскимъ колонистомъ; ремесленникъ, принадлежащій къ цеху, представляетъ много сходства съ рабочимъ временемъ упадка Рима, зачисленнымъ въ латинскія корпораціи, «коллегіи». Средневѣковой ремесленникъ никогда не могъ сдѣлаться должностнымъ лицомъ, также какъ имъ не могъ сдѣлаться и ремесленникъ, состоявшій въ коллегіяхъ императорскаго Рима. Но, тѣмъ не менѣе, личность этого ремесленника оставалась свободной, и, мало-по-малу, эти ремесленники, вмѣстѣ со своими прежними товарищами, посвятившими себя торговлѣ, образовали очень значительный классъ, не владѣвшій землей, но обладавшій капиталами въ большей или меньшей степени и движимымъ имуществомъ. Въ концѣ концовъ этотъ классъ образовалъ то самое третье сословіе, явившееся довольно почтенною силой, съ которою пришлось считаться какъ дворянству, такъ и духовенству.

Въ концѣ концовъ крѣпостное состояніе, эта смягченная форма древняго рабства, продержавшись во Франціи въ извѣстныхъ округахъ до самой революціи и уничтоженное еще позднѣе въ средней и восточной Европѣ, было замѣнено третьею формою рабскаго труда,— платнымъ трудомъ, который въ болѣе широкихъ размѣрахъ выполняетъ въ настоящее время всѣ работы, нѣкогда возлагавшіяся на рабовъ. Въ сущности, съ самаго начала цивилизаціи до нашего времени, весь ручной трудъ, необходимый для поддержанія обществъ, всегда выполнялся многочисленнымъ и порабощеннымъ классомъ, но порабощеніе этого класса носило различный характеръ въ различныя времена. Рабство постепенно смягчилось и превратилось въ наемный трудъ, перейдя черезъ крѣпостное состояніе. Однако, рабство не только продолжало существовать, но существуетъ еще и въ наше время, и во многихъ

случаяхъ это замаскированное рабство оказывается даже болѣе тяжелымъ, чѣмъ въ эпоху существованія настоящаго рабства. Говоря по правдѣ, тѣ ужасныя злоупотребленія, которыя такъ возмущаютъ насъ теоретически, существовали и существуютъ во всѣ времена, и въ сущности теперь измѣнились только по наружности и подчасъ даже сохранили въ полной неприкосновенности грубость древнихъ вѣковъ.

Внѣ Европы многіе современные народы, даже изъ тѣхъ, которые особенно гордятся своею утонченною цивилизаціей, еще очень недавно не гнушались поддерживать рабство, носившее подчасъ даже очень безжалостный характеръ. Не останавливаясь слишкомъ долго на этомъ, я укажу только на контрафакцію древняго Перу, устроенную іезуитами въ Парагваѣ въ прошломъ вѣкѣ. Но это была еще довольно гуманная форма рабскаго труда, тогда какъ торговля неграми въ томъ видѣ, въ какомъ она производилась еще недавно, конечно, далеко превосходила своими ужасами даже самое первобытное рабство. Пока въ Америкѣ и главнымъ образомъ въ Бразиліи существовалъ спросъ на черныхъ рабовъ, до тѣхъ поръ на Габонскомъ берегу существовали невольничьи факторіи, устраиваемыя бѣлыми негроторговцами, гдѣ рабы закованы были въ желѣзные ошейники по шести человѣкъ вмѣстѣ. Купцы изъ внутреннихъ мѣстностей Африки доставляли этотъ товаръ своимъ европейскимъ собратамъ по ремеслу. Ромъ, бумажныя ткани, бусы, зеркала, порохъ и ружья и т. п. замѣняли въ этомъ торгѣ деньги. Но всѣ эти гнусности, которыя совершались какъ негроторговцами, такъ и рабовладѣльцами, достаточно хорошо извѣстны всему міру, и разоблачительные разсказы прежнихъ путешественниковъ и «Хижина дяди Тома» до сихъ поръ еще не потеряли интереса въ глазахъ читателей. Въ ноябрѣ 1891 года одному германскому врачу поручено было осмотрѣть 500 или 600 рабочихъ, будто бы свободныхъ, которые предназначены были для отправленія въ Конго, такъ какъ правительство Конго нуждалось въ рабочихъ рукахъ для постройки желѣзной дороги. Эти такъ называемые свободные рабочіе были доставлены чиновниками короля Бегапцина и, вѣроятно, представляли ту часть плѣнныхъ, которую этотъ монархъ не счелъ почему-либо нужнымъ принести въ жертву. Одна гамбургская торговая фирма служила посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между продавцами и покупателями. Несчастные завербованные рабочіе были заключены, какъ попало, въ очень тѣсное помѣщеніе; они имѣли страшно изнуренный видъ и у многихъ были раны на головѣ, шеѣ и груди. Всѣ мужчины и женщины были закованы въ цѣпи по 50 человѣкъ. Мужчины носили желѣзные ошейники, черезъ которые проходила цѣпь; женщины же были связаны посредствомъ крѣпкихъ деревянныхъ колодокъ и т. п. Такого рода торговля происходитъ еще теперь въ Меланезіи и Папуазіи.

Но не одна только негритянская раса доставляла живой товаръ нашимъ современнымъ торговцамъ невольниками. Желтая раса также

въ значительной степени поддерживаетъ такую торговлю; на англійскомъ языкѣ она носитъ названіе: «labour trafic», на французскомъ—«immigration reglementée». Именно эта замаскированная торговля живымъ товаромъ и послужила причиной того, что китайцы появились въ разныхъ мѣстахъ; они были завезены всюду, гдѣ только обнаруживалась потребность въ рабочихъ рукахъ. Достигнувъ назначенія, такіе завербованные рабочіе должны были три года работать за самую ничтожную плату и при совершенно исключительномъ режимѣ въ той или другой тропической странѣ. Въ Америкѣ теперь безъ всякаго зазрѣнія совѣсти преслѣдуютъ этихъ желтыхъ рабочихъ, завезенныхъ отчасти даже противъ своей воли. Эта замаскированная торговля, однако, имѣла своимъ непріятнымъ послѣдствіемъ то, что цѣнность труда очень понизилась, совершенно такъ же, какъ это было въ древнія греко-латинскія времена, когда конкурренція рабскаго труда понизила такъ называемый свободный заработокъ. Но система вербовки вовсе не нова. Въ прошломъ вѣкѣ она практиковалась флибустьерами, затѣмъ весьма уважаемыми и даже порою очень благочестивыми коммерсантами. Въ особенности она была въ ходу въ Германіи, гдѣ несчастными эмигрантами, привыкшими съ дѣтства все переносить, грузили цѣлые корабли, и часто случалось, что во время перехода черезъ Атлантическій океанъ двѣ трети этихъ подневольныхъ пассажировъ погибали отъ всякихъ лишеній. По прибытіи на мѣсто, оставшихся въ живыхъ задерживали до тѣхъ поръ, пока они не уплачивали стоимость своего проѣзда. Если же у нихъ не было требуемой суммы, то ихъ продавали во временное рабство на три, четыре, шесть и даже восемь лѣтъ.

Американскія газеты печатали порою даже очень наивныя объявленія. Въ іюнѣ 1742 года «Pensylvania Gazette» напечатала, напримѣръ, слѣдующее: «Продается хорошая служанка на три съ половиною года. Отличная прядильщица». Въ августѣ 1766 года «Messager de Pensylvanie» объявляетъ: «Продается молодая, здоровая и сильная служанка нѣмка; никакихъ недостатковъ у нея нѣтъ, но она не совсѣмъ годится для тѣхъ обязанностей, которыя на нее возложены. Должна прослужить еще пять лѣтъ». 18-го января 1774 г. можно было прочесть въ той же газетѣ, подъ рубрикою: «нѣмцы»: «Мы предлагаемъ пятьдесятъ нѣмцевъ, которые только-что пріѣхали. Они помѣщаются у вдовы Крейдеръ, въ гостинницѣ «Золотой Лебедь». Среди нихъ есть и школьные учителя, и мальчики, и дѣвочки различнаго возраста. Всѣ должны служить, чтобы уплатить за свой проѣздъ». Въ 1754 г. одна мериэндская газета помѣстила слѣдующее объявленіе: «Розина-Доротея-Костъ, урожденная Кауфманнъ, увѣдомляетъ своего зятя Шпора, что ее продали съ аукціона, также какъ и другихъ нѣмцевъ». Одинъ изъ важныхъ политическихъ дѣятелей Нью-Іорскаго штата, Вильямъ Джонсонъ, купилъ такимъ образомъ свою жену, Екатерину Вейзенбергъ за пять фунтовъ стерлинговъ. Мужъ, жена, сыновья и дочери часто про-

давались отдѣльно, какъ въ самыя худшія времена рабства. Многіе иммигранты сами рѣшались продавать своихъ дѣтей, чтобы уплатить за проѣздъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что большинство этихъ несчастныхъ были законтрактованы такимъ же подневольнымъ образомъ, какъ и дагомейскіе негры. Въ самомъ дѣлѣ, крупные промышленники платили въ Европѣ вербовщикамъ, которые уводили и завлекали на корабль и удерживали силой бродягъ, рабочихъ и одинокихъ лицъ, которыхъ они потомъ продавали по очень низкой цѣнѣ, иногда по два флорина за человѣка. Негоціантамъ покупателямъ иногда приходилось обманываться въ разсчетѣ. Правда, рабочіе земледѣльцы сбывались обыкновенно легко, но офицеры, ученые, школьные учителя и т. п. часто оставались на рукахъ. Между тѣмъ, въ 1773 году одинъ пасторъ писалъ въ своемъ письмѣ, что онъ копитъ деньги, чтобы купить нѣмецкаго студента, изъ котораго онъ желаетъ сдѣлать преподавателя. На эту покупку ему надо двадцать фунтовъ стерлинговъ, почти столько же, сколько нужно было уплатить за раба въ древнемъ Римѣ. Въ 1797 году съ этими нѣмцами обращались совершенно какъ съ рабами, ихъ плохо кормили, били, заковывали въ цѣпи и т. д. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что рабство само по себѣ, даже въ самой его грубой формѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что́ бы претило сознанію и притомъ даже современнаго человѣка. Однако, рабство отмѣнено теперь закономъ во всѣхъ государствахъ, цивилизованныхъ по европейски, но можно ли считать, что такъ оно и есть въ дѣйствительности? Чѣмъ замѣнено въ настоящее время прежнее рабство?

Прудонъ написалъ гдѣ-то, что наемный трудъ явился результатомъ крупной промышленности. Безъ сомнѣнія, появленіе наемнаго труда относится къ тому времени, когда свободный по праву человѣкъ, но не имѣющій никакихъ средствъ, долженъ былъ продавать свой трудъ, чтобы не умереть съ голоду. Такимъ образомъ онъ становился или временнымъ рабомъ, или крѣпостнымъ. Происхожденіе наемнаго труда, слѣдовательно, относится къ довольно отдаленному времени, но, распространяясь все больше, этотъ родъ труда принялъ новый и особенно суровый характеръ, приблизившись къ древнему рабству и создавъ ремесленнику положеніе, во многихъ отношеніяхъ худшее, сравнительно съ положеніемъ рабовъ въ Римѣ и Аѳинахъ. Очевидно, Прудонъ говоритъ именно о наемныхъ рабочихъ большихъ фабрикъ. Это относится, приблизительно, къ 1815 году, къ тому времени, когда употребленіе машинъ стало все болѣе и болѣе разростаться и наступило царство пара и каменнаго угля. Тогда-то и началась промышленная революція, которая до сихъ поръ все разростается. Прежнія скромныя семейныя мастерскія мало-по-малу исчезли и мелкая промышленность вездѣ начала уступать мѣсто крупной. Рабочія семьи разсѣялись или были уничтожены и толпы пролетаріевъ, часто ведущихъ кочевой образъ жизни, нахлынули на фабрики, чтобы вести тамъ самое плачевное су-

ществованіе. Тогда-то и началась эра крупныхъ стачекъ, періодическихъ забастовокъ, промышленнаго перепроизводства и переутомленія рабочихъ со всѣми ихъ вредными послѣдствіями. Съ этого момента всякія дѣйствительно человѣческія отношенія между рабочими и хозяиномъ прекратились, такъ какъ конкурренція побуждала къ хищничеству и безчеловѣчнымъ поступкамъ съ рабочими, грозя иначе разореніемъ. Часто приводятъ небольшіе стихи одного поэта древности, Антипароса, прославляющаго изобрѣтеніе водяныхъ мельницъ; по его мнѣнію, это нововведеніе должно было облегчить трудъ рабынь. Но Антипаросъ слишкомъ рано возрадовался: судьба рабынь нисколько не сдѣлалась легче отъ изобрѣтенія механическихъ мельницъ. Для рабынь нашлось тогда другое дѣло и такимъ образомъ ихъ господинъ извлекъ только еще бо́льшія выгоды. Возможно также, что рабовладѣльцы начали послѣ того еще болѣе притѣснять работой своихъ рабовъ, такъ какъ они принялись спекулировать ихъ трудомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, стали чрезмѣрно изнурять негровъ работой лишь послѣ того, какъ принялись фабриковать хлопчатобумажныя издѣлія для вывоза. Въ то же время и въ Европѣ, съ того момента, какъ началась эра крупной промышленности, производительность перестала руководствоваться однѣми только нуждами общества и, достигши безмѣрнаго развитія, наводнила міръ всевозможными фабричными издѣліями. Необходимо было во что бы-то ни стало добиться огромныхъ барышей, но эти барыши поступали только въ карманы фабрикантовъ и торговцевъ, но не рабочихъ, которымъ стремились уменьшать заработную плату, вслѣдствіе конкурренціи, потому что издѣлія могли имѣть большой сбытъ лишь въ томъ случаѣ, если они были пущены по низкой цѣнѣ. Достигнуть этого удавалось, употребляя все въ большихъ и большихъ размѣрахъ трудъ женщинъ и дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, съ введеніемъ машинъ, исполнявшихъ автоматически большую часть работы и притомъ лучше и быстрѣе, чѣмъ люди, исчезла потребность въ искусныхъ и сильныхъ рабочихъ и живой рабочій сталъ лишь слугою механическаго рабочаго. Эту обязанность могли исполнять и женщины, и дѣти. Впрочемъ, промышленность уже раньше спекулировала трудомъ дѣтей и въ Норвичѣ, въ XVII вѣкѣ, шестилѣтній ребенокъ считался уже способнымъ къ труду. Но зло это еще возросло съ введеніемъ и распространеніемъ паровыхъ машинъ. Въ Лондонѣ были даже организованы рынки, гдѣ дѣти, начиная съ девятилѣтняго возраста, продавали свой трудъ за уплату ихъ родителямъ по два шиллинга въ недѣлю и эти маленькіе современные рабы подвергались самой безжалостной эксплуатаціи со стороны своихъ хозяевъ. Одинъ семилѣтній ребенокъ, напримѣръ, говорилъ: «Я работаю ежедневно до девяти часовъ вечера (съ шести утра)»—слѣдовательно, 15 часовъ въ сутки. Другой ребенокъ на обойной фабрикѣ, отвѣтилъ на заданные ему вопросы слѣдующее: «Мнѣ тринадцать лѣтъ. Мы работали до девяти часовъ вечера прошлую зиму,

а предшествующей зимой до десяти. Мои ноги въ эту зиму почти всегда бывали такъ изранены, что я ежедневно вечеромъ плакалъ отъ боли». Такъ какъ для многихъ фабрикъ очень важно, чтобы машины не останавливались, то организованы были ночная и денная смѣны маленькихъ рабочихъ. Но случалось, что при перекличкѣ въ ночной смѣнѣ не хватало маленькихъ рабочихъ и тогда недостающихъ безъ всякой церемоніи замѣняли ихъ товарищами изъ дневной смѣны, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что эти послѣдніе уже проработали цѣлый день. Такимъ образомъ рабочій день иногда продолжался безъ перерыва два дня и ночь, или наоборотъ, и на такую продолжительность труда, конечно, надо смотрѣть, какъ на убійство.

Подобныя злоупотребленія совершали не въ одной только Англіи. Виллерме подтверждаетъ, что во Франціи семилѣтнія и даже шестилѣтнія дѣти оставались на прядильныхъ фабрикахъ по 17-ти часовъ въ день, работая 15 съ половиною часовъ. Въ Англіи стекольщики спокойно заявляли, что дѣти, работавшія у нихъ, не могутъ обѣдать въ опредѣленное время, такъ какъ отъ этого могутъ остынуть печи. Въ рудникахъ дѣти отправлялись въ шахты въ три или четыре часа утра и оставались тамъ двѣнадцать часовъ подъ-рядъ, послѣ чего ихъ какъ бы въ шутку посылали въ вечернюю школу. Но нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей были до того истомлены, что даже не могли добраться до своей постели и прямо ложились на землю. Въ теченіе дня имъ нужно было возить тачки, нагруженныя иногда 700 килограммами угля, отъ того мѣста, гдѣ онъ добывался, до того мѣста, гдѣ добытый уголь поднимали наверхъ, а разстояніе это иногда равнялось 1.400 ярдамъ. Одинъ рабочій, котораго разспрашивали, отвѣчалъ, что отецъ помѣстилъ его въ рудники, когда ему было пять лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ рудникахъ дѣти не имѣли ни минуты покоя и даже ѣли, работая. Они были блѣдны, изнурены и даже, несмотря на вечернія школы, они въ шестнадцать и семнадцать лѣтъ не умѣли еще ни читать, ни писать. Но когда вмѣшался законъ, чтобы урегулировать дѣтскій трудъ, то сами отцы стали просить о томъ, чтобъ допускали на фабрики дѣтей, не достигшихъ еще законнаго возраста. Продажа отцами дѣтей, слѣдовательно, не составляетъ какого-нибудь спеціальнаго злоупотребленія, свойственнаго лишь варварскимъ эпохамъ.

Но эксплуатація женщинъ имѣла еще болѣе безжалостный характеръ, нежели эксплуатація дѣтей. Очень часто женщины оставались на работѣ съ шести утра до полночи. На одной обойной фабрикѣ тринадцатилѣтнія дѣвочки работали съ шести утра до десяти вечера. Въ теченіе очень долгаго времени женщины работали въ рудникахъ и таскали тяжелыя нагруженныя бадьи, привязанныя къ цѣпи. Теперь женщины работаютъ только снаружи у входа въ рудники, а въ рудникахъ ихъ замѣнили мальчики. Но трудъ женщинъ не сталъ отъ этого легче; онѣ работаютъ 12 часовъ и переносятъ въ день до десяти тоннъ

угля и часто онѣ работаютъ на открытомъ воздухѣ подъ проливнымъ дождемъ. Конечно, эти работницы получаютъ заработную плату гораздо меньшую, чѣмъ мужчины, да и этотъ заработокъ очень часто пропивается ихъ мужьями и братьями. Работницы носятъ мужской костюмъ и зачастую, по словамъ рабочихъ, обнаруживаютъ дурную нравственность. Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной суконной фабрикѣ въ Моравіи брали только работницъ (141 ж. и 4 м.), причемъ женщины работали отъ 14 до 18 часовъ. Даже во время беременности онѣ не оставляли своей работы до самаго дня родовъ и отдыхали послѣ того не болѣе четырехъ дней. Если онѣ не являлись въ мастерскую на шестой день самое позднее, то ихъ безъ всякой жалости выгоняли. Я привожу эти факты лишь какъ образчики и касаюсь только фабричнаго труда женщинъ. Впрочемъ, и съ мужчинами поступали на фабрикахъ не лучше, чѣмъ съ женщинами, но только мужчины, разумѣется, выносливѣе женщинъ. На этихъ самыхъ суконныхъ фабрикахъ въ Моравіи рабочіе зарабатываютъ не болѣе трехъ-четырехъ флориновъ въ недѣлю, работая по 14 — 18 часовъ въ день. Большинство этихъ рабочихъ почти совсѣмъ превратились въ рабовъ и почти никогда не покидаютъ фабрики; они даже спятъ, лежа на мѣшкахъ съ шерстью или прямо на землѣ.

Во Франціи такія злоупотребленія теперь уже невозможны, по крайней мѣрѣ, въ широкихъ размѣрахъ, законы, регулирующіе женскій и дѣтскій трудъ, имѣли въ виду ограничить зло, но ихъ слишкомъ часто обходятъ. Результаты фабричнаго труда, даже имѣющаго болѣе смягченную форму, все же очень прискорбны, и часто ведутъ къ полному физическому и нравственному вырожденію цѣлаго населенія. Подъ вліяніемъ этихъ условій ростъ людей задерживается и смертность усиливается. Во Франціи и Германіи пришлось постоянно понижать требуемый минимумъ роста для военной службы, частью именно вслѣдствіе вліянія фабричнаго труда на ростъ человѣка. Кромѣ того, и число разныхъ искривленій и уродствъ все возрастаетъ. Во Франціи ростъ рабочаго населенія все уменьшается, и въ то же время тѣлосложеніе становится хуже и чаще встрѣчаются пороки развитія. Въ началѣ этого вѣка средняя продолжительность жизни для ткачей на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ была 21 годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Смертность среди дѣтей также была громадна. Кромѣ того, работа на фабрикахъ вынуждаетъ рабочихъ вести жизнь настоящихъ дикарей, исполненную всякихъ лишеній, и нездоровую,—жизнь, которая толкаетъ мужчинъ къ пьянству, женщинъ увлекаетъ на путь проституціи, а дѣтей неминуемо приводитъ къ гибели. И это зло все возрастаетъ, по мѣрѣ роста крупной промышленности, по мѣрѣ того, какъ сельское населеніе переселяется въ фабричные города, промышленные центры и деревни пустѣютъ. Въ древности владѣлецъ отдавалъ своего раба въ наемъ для фабричныхъ работъ и самъ пряталъ себѣ въ карманъ вырученныя за

это деньги. Но положеніе вещей немного измѣнилось съ тѣхъ поръ, и, вслѣдствіе конкурренціи, заработная плата низведена, большею частью, до того минимума, который необходимъ рабочему, чтобы не умереть съ голода; весь же доходъ и барыши идутъ въ карманы хозяевъ и коммерсантовъ, которые быстро деморализируются, охваченные страстью наживы, и становятся безчеловѣчно жестокими по отношенію къ своимъ живымъ орудіямъ труда. Одинъ англійскій экономистъ дошелъ даже до того, что началъ мечтать объ идеальномъ рабочемъ домѣ «workhouse»— домъ ужасовъ, гдѣ рабочій день продолжался бы 14 часовъ. Тотъ же самый авторъ, очевидно, обладавшій рабовладѣльческими инстинктами, выражаетъ желаніе, чтобы рабочіе никогда не считали бы себя независимыми отъ своихъ начальниковъ. Другой экономистъ написалъ, не смущаясь, что «общество не обязано оказывать никакой помощи своимъ членамъ». Въ Англіи одинъ фабричный инспекторъ заявляетъ въ своемъ донесеніи, что въ глазахъ фабриканта составляетъ сущіе пустяки, если у какого-нибудь рабочаго будутъ раздавлены пальцы машиной во время работы.

Нельзя, конечно, представить себѣ, чтобы такое положеніе вещей могло длиться безъ конца. Благоустроенное общество не можетъ же осудить цѣлый классъ на то, чтобы онъ составлялъ только собраніе живыхъ орудій труда, предназначенныхъ лишь на то, чтобы работать до изнуренія, и лишенныхъ возможности пользоваться какими бы то ни было благами, которыя доставляетъ цивилизація празднымъ, но хорошо обезпеченнымъ людямъ. Впрочемъ, уже можно предвидѣть наступленіе того дня, когда эти орудія не захотятъ уже болѣе покоряться такой несчастной судьбѣ. Въ 1866 году американскіе рабочіе опубликовали слѣдующій протестъ: «Мы, рабочіе Дюнкирка, заявляемъ, что продолжительность рабочаго времени, установленная господствующимъ режимомъ, слишкомъ велика и не даетъ рабочему времени ни для отдыха, ни для ученія, повергая его въ состояніе такого порабощенія, которое нисколько не лучше рабства». Но съ 1866 года вопросъ этотъ значительно ушелъ впередъ. Безъ сомнѣнія, введеніе восьмичасового рабочаго дня, сдѣланное уже Англіей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, было бы большимъ благодѣяніемъ, но и это не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Надо двигаться далѣе по пути освобожденія труда и, въ концѣ концовъ, цѣль будетъ достигнута.

КОНЕЦЪ.

ТРАГЕДІИ ЖИЗНИ.

(Очерки Зибранда).

Перев. съ нѣмецкаго **Т. Криль.**

I.

Побѣдила.

Солнце свѣтило сквозь листья деревьевъ. Отдаленные лучи падали на раскрытую книгу, лежавшую передъ ними. Когда вѣтеръ шелестилъ листья, пятна свѣта скользили вверхъ и внизъ.

— Мѣшаетъ,—сказалъ онъ, медленно закрывая книгу.

— Оставь, мнѣ не мѣшаетъ, — отвѣтила она и потянула книгу къ себѣ.

«Раньше она бы не сказала этого, она бы сдѣлала, какъ я хочу,— промелькнуло у него въ головѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее сбоку. Первый разъ почувствовалъ онъ, что она отдѣльный, другой человѣкъ. До сихъ поръ онъ считалъ ее воплощеніемъ своего внутренняго я.

Она, вѣроятно, почувствовала устремленный на себя взглядъ, такъ какъ подняла голову отъ книги, и глаза ихъ встрѣтились. Онъ попытался удержать ея взглядъ, но она съ разсѣянной полуулыбкой отвернулась и продолжала читать.

И этого раньше не могло бы быть. Было время, — еще даже въ прошломъ году, — въ ея взглядѣ было всегда что-то смущенно молящее. И всегда онъ первый отводилъ взглядъ.

Почему же теперь было не то?

Его охватило страстное желаніе: все должно быть опять, какъ тогда. Она должна опять смотрѣть на него, какъ тогда.

— Маріанна...

— Ну?

Опять эти большіе, холодные глаза. Она смотрѣла на него спокойно и ждала, что онъ скажетъ.

— Ничего!—Въ немъ вдругъ точно что-то упало.

Развѣ онъ былъ слѣпъ... тогда? Развѣ онъ не видѣлъ, что она любила его? Конечно, онъ видѣлъ, но... долгія помолвки такъ утомительны. Достаточно было посмотрѣть ей въ глаза, чтобы почувствовать, что она всегда будетъ любить его. Передъ самой свадьбой онъ хотѣлъ сказать ей это, просто, безъ всякой сантиментальности,—она вѣдь также, какъ и онъ, терпѣть не могла сантиментальности. — А до тѣхъ поръ они могли быть добрыми друзьями, они вѣдь и были друзьями. Ни съ кѣмъ не былъ онъ такъ близокъ духовно, какъ съ ней.

Когда она говорила, ея губы всегда такъ характерно сжимались, такъ крѣпко. А въ углахъ рта лежала точно складка страданья. Отчего же она страдала... и онъ даже не зналъ отчего.

Сегодня она казалась ему все болѣе чуждой.

— Вѣдь правда, Маріанна, мы съ тобой друзья?

— Конечно, Эрнестъ.

Спокойное, теплое выраженіе появилось въ ея глазахъ. Но это былъ не тотъ свѣтъ, который вдругъ вспыхивалъ въ нихъ раньше.

Но это должно же вернуться! Онъ хотѣлъ опять видѣть это! Какъ будто что-то,—нѣтъ все,—потеряно, а между тѣмъ, вѣдь все осталось по прежнему. Это его разгоряченному воображенію рисуется теперь все иначе.

— Маріанна!

Онъ схватилъ ея руки и молча смотрѣлъ ей въ глаза, долго, долго.

Лучи свѣта дрожали на ея волосахъ, на ея лицѣ, скользили вверхъ и внизъ. Черты ея лица оставались неподвижны, но выраженіе мѣнялось съ каждой секундой. И съ каждой секундой ему становилось все труднѣе сказать, что онъ хотѣлъ.

— Почему этого ужъ нѣтъ больше?—прошепталъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Нѣтъ?—переспросила она, какъ будто оба они понимали, что̀ подразумѣвалось.

— Почему ты меня больше не любишь?

Она молчала, и онъ только тутъ почувствовалъ, что до сихъ поръ еще надѣялся на что-то.

Онъ оставилъ ея руки и положилъ голову на столъ.

Пятна свѣта скользили передъ его глазами вверхъ и внизъ.

Онъ старался понять. Она никогда не будетъ принадлежать ему, никогда не будетъ его, никогда, никогда не будетъ его... Онъ все повторялъ въ умѣ эти слова, но смыслъ ихъ оставался ему непонятнымъ; это не укладывалось въ его головѣ.

— Но почему же!—вскрикнулъ онъ вдругъ, поднявъ голову.—Почему же?—повторилъ онъ тихимъ, прерывистымъ голосомъ.

Маріанна смотрѣла на него неподвижно, какъ во снѣ.

— Я... я не знала вѣдь, что... что ты меня любилъ.

— Ты не знала! не знала!—воскликнулъ онъ,—ты могла этого не знать!

— Нѣтъ.—И послѣ небольшого молчанія—Боже мой, нѣтъ!

Онъ наклонился къ ней и прошепталъ такъ близко къ ея лицу, что дыханіе ихъ смѣшивалось:

— Но прежде... ты любила меня?

Она заговорила медленно, задумчиво, глубокимъ голосомъ:

— Да... прежде... я любила тебя... Но, видишь ли... мнѣ было стыдно, мнѣ было стыдно передъ собой, что я люблю тебя... Мнѣ представлялось, что я измѣняю нашей дружбѣ... Тогда я стала бороться съ этой любовью... Это неправда, что, говорятъ, нельзя волей побѣдить сильнаго чувства... Я говорила себѣ, что я должна быть достойной твоего довѣрія, твоей дружбы. Мнѣ казалось такимъ низкимъ, такимъ неблагороднымъ, что я любила тебя... И наконецъ... наконецъ, я побѣдила.

Нѣсколько времени оба молчали.

Потомъ онъ сказалъ тихо:

— И теперь ужъ этого нельзя вернуть?

— Нѣтъ, нельзя. Я уже стала другая, сама...

— Значитъ, все... все кончено.

Она молчала.

А лучи солнца скользили по ея лицу, по ея волосамъ, по ея рукамъ, вверхъ и внизъ. Потомъ они переползли на него.

— Лучше пойти домой,—сказалъ онъ.

Онъ поднялся нерѣшительно и медленно пошелъ къ дому. У дверей балкона онъ еще разъ оглянулся на нее. Она сидѣла теперь вся залитая солнцемъ и смотрѣла внизъ.

Все кончено.

И онъ вошелъ въ домъ.

II.

Смерть.

Умерла.

Ты умерла.

Я вижу, какъ ты блѣдна. Я чувствую, что ты холодна и неподвижна.

Я не слышу твоего голоса, твоего дыханья.

Я говорю себѣ все это и... не понимаю.

Меня охватываетъ смутное, гнетущее чувство, что случилось что-то невѣроятное, ужасное, и что это ужасное, невѣроятное я долженъ разсказать тебѣ, какъ я разсказывалъ тебѣ всѣ свои мысли... мнѣ кажется даже, что я и думалъ только для тебя.

Внутри я постоянно говорю съ тобой... И этого никогда больше не будетъ.

Но какъ же такъ?

Нѣтъ, это невозможно. Мнѣ легче понять, что будущаго нѣтъ совсѣмъ... Будущее безъ тебя... это какой-то безцвѣтный, однообразный туманъ, а дальше за нимъ также туманъ и туманъ.

Что такое этотъ туманъ—безуміе или смерть?

Жизнь всегда окрашена какимъ-нибудь цвѣтомъ, хоть и темнымъ иногда.

Ты была для меня и цвѣтъ, и жизнь.

А теперь нѣтъ ничего... даже горя нѣтъ. И его ты унесла съ собой изъ этого міра...

А какъ ты смѣялась! Твой голосъ еще звучитъ въ моихъ ушахъ.

И это тѣло... Видишь ли, я всегда считалъ его тобой, любилъ его, какъ тебя. Но теперь я знаю, что это не ты. Такой безжалостной ты не могла бы быть.

Значитъ, тебя ужъ нѣтъ больше здѣсь, со мной.

Но вѣдь я держу твою руку!

Почему же ты не говоришь? Къ чему это мучительное молчанье?..

Твои волосы такіе мягкіе, такіе мягкіе. Мнѣ кажется только, что они стали какъ будто безжизненны.

Отчего ты не встанешь, не засмѣешься, не скажешь: все это неправда?

Одно слово! Ну, одно слово! Ахъ, хоть одинъ звукъ!

Я жду... Нѣтъ, ничего...

Ты сказала мнѣ разъ: надо найти новое названіе для нашего чувства съ тобой—выше любви и выше дружбы.

Если бы я нашелъ это слово... ты бы ожила... правда?

Послушай!.. Ничего.

Я никогда, никогда не умѣлъ разсказать тебѣ, чѣмъ ты была для меня. Ты никогда не знала этого. И ты умерла, не зная этого... Одинъ разъ, одинъ только разъ услышь меня!

Ты слышишь меня?.. Ты понимаешь меня?.. Ты должна! Слышишь: ты должна!

Ничего...

Теперь придетъ и моя смерть.

Конечно. Какъ же можетъ быть иначе?

Только, чему это поможетъ, если я умру вмѣстѣ съ тобой, если я также перестану существовать—вѣдь я не верну тебя этимъ.

И вдругъ... ужасное, холодящее душу сознаніе... я никогда не верну тебя.

Даже смерть, даже самая смерть не возвратитъ мнѣ тебя!

. . . . . .

Но что это?! Или это былъ сонъ?..

Ты еще жива! Ты еще моя?..

О, счастье, счастье!

Я приподнимаюсь и вслушиваюсь въ тишину темной комнаты... И я слышу, какъ ты дышишь, тихо, спокойно, глубоко. И я наклоняюсь къ тебѣ и цѣлую твои волосы.

Ты жива! Ты жива!

Мнѣ хотѣлось разсмѣяться и разсказать тебѣ, что ты жива. Но слезы мѣшали мнѣ.

Я поцѣловалъ опять твои волосы, тихонько, чтобы не разбудить тебя.

Потомъ я скажу тебѣ, какъ я тебя люблю.

А завтра мы съ тобой будемъ вмѣстѣ смѣяться надъ этимъ.

Но, правда, ты никогда не сдѣлаешь этого, никогда не уйдешь отъ меня?

Правда?..

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе*) *).

XLIV.

Полевой явился наслѣдникомъ и продолжателемъ не только критиковъ-философовъ. При одномъ этомъ условіи его журналу врядъ ли удалось бы сыграть такую шумную, даже блестящую роль, какая отмѣтила все время его существованія. Вѣроятно, участь *Телеграфа* напомнила бы «естественныя» кончины *Мнемозины* и *Московскаго Вѣстника*, если бы его руководитель вздумалъ, подобно своимъ благороднымъ современникамъ, воспарить въ высшія сферы германскаго любомудрія и съ неуклоннымъ усердіемъ послѣднія слова философіи прикидывать къ явленіямъ литературы и даже общественной жизни.

Этого не случилось съ *Телеграфомъ*: журналъ, помимо философіи, усвоилъ еще другое направленіе современной критической мысли, далеко не столь громкое и внушительное, какъ философское, но имѣвшее свои особыя достоинства. Они-то и оказались исключительно цѣнными въ рукахъ талантливаго публициста.

Мы неоднократно, на основаніи подлинныхъ данныхъ, могли отмѣтить основные изъяны философской критики шеллингіанскаго направленія. Въ высшей степени ярко и только развѣ отчасти преувеличенно изобразилъ эти изъяны одинъ изъ современниковъ нашихъ философовъ. Судья—безусловно надежный и добросовѣстный, такъ какъ его самого увлекала таже германская философія, хотя въ лицѣ другого учителя. Разница между этимъ судьей и знакомыми намъ любомудрыми—въ чрезвычайно развитомъ дѣятельномъ общественномъ иистинктѣ, въ страстной стремительности теорію видѣть осуществленной дѣйствительностью, идею и принципъ живыми силами человѣческаго бытія.

Мы знаемъ, эти волненія только въ слабой степени могли быть доступны бельшинству шеллингіанцевъ. Они, несомнѣнно, мечтали

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

о разнообразныхъ плодотворныхъ и вполнѣ жизненныхъ результатахъ своего философствованія, но на уровнѣ мечтаній не стояла ни личная энергія, ни практическое искусство. Естественно, мечтатели, при всей своей благонамѣренности, должны были вызвать суровую отповѣдь у всѣхъ, кто по натурѣ не чувствовалъ себя способнымъ успокоиться на «прекрасныхъ дняхъ Аранжуэца».

Указавъ на извѣстные намъ стилистическіе пороки философско-критическихъ трактатовъ, нашъ очевидецъ продолжаетъ:

«Молодые философы испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманіе вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все *въ самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ» [123]).

Нѣкоторыя выраженія этой добродушной сатиры показываютъ, что авторъ мѣтилъ и въ гегельянцевъ, въ позднѣйшее поколѣніе русско-германскихъ философовъ. Сущность вопроса, дѣйствительно, одинакова въ теченіе всей философской эпохи. Крайняя выспренность чувствъ и настроеній, чисто религіозное пристрастіе къ формуламъ и обобщеніямъ подрывали жизненную силу и здоровую чуткость часто самой вдумчивой и, несомнѣнно, глубокой мысли. Мы видѣли, какъ этотъ подрывъ отражался на самыхъ благородныхъ и практически-настоятельныхъ идеяхъ философской критики.

Ея неотъемлемой заслугой останется по истинѣ рыцарственное представленіе о литературѣ и о личности писателя, какъ художественнаго таланта. Именно философская критика покончила съ старымъ барственнымъ отношеніемъ русскаго общества къ искусству, какъ къ ремеслу, и къ литераторамъ, какъ наемнымъ увеселителямъ.

Но увѣнчивая творчество лаврами и окружая художниковъ

---

[123]) *Былое и думы.* VII, 123.

ореоломъ исключительности, та же философія доводила процессъ до крайности и готова была впасть въ нелѣпый культъ поэта-жреца, какъ контраста презрѣнной толпѣ. И вина заключалась въ теоретической прямолинейности мыслителей, всегда и вездѣ развивающейся въ ущербъ *такту дѣйствительности* и даже здравому смыслу.

Слѣдовало бы поменьше философіи, побольше непосредственнаго художественнаго чувства и болѣе устойчиваго и энергическаго интереса къ обыденной современности. Пушкину безпрестанно приходилось напоминать критикѣ объ этихъ неотъемлемыхъ качествахъ литературнаго судьи, и мы знаемъ недовѣріе поэта къ философіи и профессіональной учености. Ему болѣе цѣнными казались простота и искренность художественныхъ впечатлѣній и вполнѣ реальный, не теоретическій и безпредразудочный взглядъ на его произведенія.

Естественно, этому требованію могли удовлетворить гораздо успѣшнѣе просто образованные читатели, чѣмъ усердные слушатели философскихъ курсовъ. У этихъ читателей не оказывалось широкихъ эстетическихъ принциповъ, не было глубины въ пониманіи таланта и творческаго процесса, но о частныхъ явленіяхъ литературы, они вполнѣ способны были сказать дѣльное и мѣткое слово. Тѣмъ болѣе, что сама литература, въ лицѣ того же Пушкина, обнаруживала непреодолимое стремленіе окончательно спуститься на землю, покинуть не только облака, но даже Кавказскія горы, и сосредоточиться на невзрачныхъ жанрахъ бѣдной красками будничной жизни.

Впослѣдствіи, хотя сравнительно очень не скоро, поэтъ найдетъ всесторонняхъ цѣнителей своего фламандскаго искусства и эти цѣнители съумѣютъ подъискать и принципы, и идеи, освящающія новую поэзію. Это будетъ однимъ изъ величайшихъ завоеваній русской критики, но и теперь, на глазахъ поэта, кое-гдѣ мелькаютъ проблески истины.

Они весьма неярки и неустойчивы. Случайность и какая-то нервная разбросанность—таково наше первое впечатлѣніе. Полная противоположность статьямъ философской школы: тамъ все строго согласовано, соподчинено руководящимъ идеямъ, здѣсь вихрь эффектныхъ фразъ, блестящихъ, мимолетныхъ замѣчаній, импрессіонистскихъ вдохновеній. Противорѣчій можно найти сколько угодно, но въ то же время нельзя не почуять нѣкоего духа, носящагося надъ этимъ хаосомъ. Этотъ духъ—прирожденное эстетическое чувство критика, никогда неизмѣняющая чуткость къ истинной красотѣ и дѣйствительной правдѣ жизни.

Но эти свойства необходимы также и для поэтовъ и нашъ типъ критиковъ, несомнѣнно, долженъ состоять въ тѣсномъ ду-

ховномъ родствѣ съ любимцами музъ. Вдохновеніе здѣсь столь же привычное оружіе, какъ и анализъ, даже еще болѣе острое и сильное. И мы дѣйствительно въ лицѣ каждаго критика встрѣчаемъ прежде всего поэта. Творческая способность замѣняетъ здѣсь философскую діалектику и полеты воображенія преобладаютъ надъ послѣдовательнымъ разсудочнымъ изысканіемъ.

Мы отчасти знакомы съ этимъ родомъ критики по разсужденіямъ Кюхельбекера. Мы могли оцѣнить лиризмъ критика во славу русской національной поэзіи, замѣтить отсутствіе спокойныхъ логическихъ доказательствъ безусловно основательной мысли и въ то же время указать, сколько было брошено мѣткихъ замѣчаній юнымъ энтузіастомъ по адресу такихъ признанныхъ свѣтилъ литературы, какъ Жуковскій.

Кюхельбекеръ не особенно высоко цѣнился современниками. Самый почетный отзывъ далъ о немъ Пушкинъ, хотя онъ же не отказывалъ себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ пламеннымъ буршемъ словесности.

«Онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ рукахъ,—писалъ Пушкинъ,—хоть и сумасбродъ» [124]). Поэта, несомнѣнно, радовали искры настоящаго художественнаго чувства, освѣщавшія статьи Кюхельбекера, но въ то же время онъ не могъ забыть, какъ критикъ вздумалъ драться съ нимъ на дуэли за знаменитый стихъ: «и кюхельбекерно, и тошно».

Другіе были менѣе снисходительны къ романтическимъ выходкамъ Кюхельбекера, и Гречъ, напримѣръ, далъ ему уничтожающую характеристику, налегая преимущественно на его полоуміе и другія, еще менѣе приглядныя нравственныя качества, вродѣ неблагодарности къ благодѣтелямъ [125]). Но во всемъ отзывѣ звучитъ явная желчь и въ нашихъ глазахъ никакія чувства булгаринскаго пріятеля и союзника не понизятъ хотя бы и очень скромныхъ заслугъ несчастнаго товарища Пушкина предъ русской критикой.

Къ той же породѣ поэтическихъ цѣнителей литературы принадлежало еще два писателя,—Рылѣевъ и Бестужевъ-Марлинскій. Эти имена въ литературной исторіи неразрывно связаны другъ съ другомъ и въ теченіе двадцатыхъ годовъ представляютъ едва ли не самый идейный и рыцарственный *союзъ* на поприщѣ журналистики. Недаромъ дѣятельности этого союза неизмѣнно принадлежало горячее сочувствіе Пушкина и только благодаря Рылѣеву и Марлинскому на короткое время установилась было гармонія и вполнѣ сознательное взаимное дружелюбіе между кри-

---

[124]) Письмо къ кн. Вяземскому 10 авг. 1825 г.

[125]) *Записка о моей жизни.* Спб. 1886, стр. 381 etc.

тикой и искусствомъ. А между тѣмъ до потомства если и дошла литературная слава двухъ друзей, то отнюдь не въ критикѣ: Рылѣевъ — поэтъ, Марлинскій — романистъ, одинъ незабвенный авторъ посланія *Ко Временщику*: оно, несомнѣнно, останется столь же безсмертнымъ въ нашей общественной исторіи, какъ и имя Аракчеева, другой когда-то жегъ сердца стремительно-романтическими повѣстями и едва ли не первый изъ русскихъ прозаиковъ явился своего рода властителемъ думъ, по крайней мѣрѣ, двухъ поколѣній.

Но что̀ сдѣлано этими авторами на самомъ трудномъ и смутномъ пути русской словесности, остается забытымъ, хотя можно смѣло сказать, двѣ-три оригинальныхъ мысли въ критикѣ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ стоили дороже какого угодно стихотворенія и повѣсти.

XLV.

Мысль о періодическомъ изданіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лелѣялась Марлинскимъ. Еще въ 1819 году онъ добивался разрѣшенія на изданіе журнала, но не имѣлъ успѣха. Три года спустя идея, наконецъ, осуществилась. Марлинскій привлекъ къ своему плану Рылѣева, и съ 1823 года началъ выходить альманахъ *Полярная Звѣзда*.

Предпріятіе задумали очень серьезно. Издатели не намѣрены были печатать книжки для собственнаго удовольствія и ограничиваться наслажденіемъ видѣть свои произведенія въ печати въ собственномъ изданіи. Цѣль ставилась несравненно шире, совершенно такъ, какъ впослѣдствіи ее понялъ Полевой для своего *Телеграфа*.

«Полярные господа», какъ называлъ новыхъ издателей Пушкинъ, желали произвести переворотъ въ литературѣ и въ положеніи русскаго писателя, во что бы то ни стало добиться успѣха изданія и литературный трудъ превратить въ почетную доходную статью. Всѣмъ сотрудникамъ былъ предложенъ гонораръ—фактъ, безпримѣрный для того времени и даже для позднѣйшаго. Пушкинъ стоялъ во главѣ приглашенныхъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ осуществленія предпріятія.

Надежды немедленно оправдались. *Полярная Звѣзда*, по своей судьбѣ среди читателей, дѣйствительно создала эпоху въ исторіи русской журналистики. Въ теченіе трехъ недѣль было раскуплено 1.500 экземпляровъ, успѣхъ совершенно безпримѣрный на современномъ книжномъ рынкѣ. Только *Исторія* Карамзина могла соперничать съ *Полярной Звѣздой*, ни одинъ же журналъ не могъ

и мечтать о подобномъ торжествѣ. Издатели не только возмѣстили расходы, но получили даже прибыли до 2.000 рублей [126]).

Альманахъ выходилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, закончился 1825 годомъ. Рылѣевъ дѣлилъ свое время между заботами по издательству и собраніями тайнаго общества... Четырнадцатое декабря положило конецъ всѣмъ дѣламъ и надеждамъ: издатель *Полярной Звѣзды* и политичнскій мечтатель окончилъ жизнь на эшафотѣ.

Близкій свидѣтель событій даетъ очень простую, но очень мѣткую характеристику Рылѣева: она вполнѣ совпадаетъ и съ его литературной личностью, и критическимъ талантомъ.

«Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива, и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаньемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно вразумить; но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ» [127]).

Это—довольно точное опредѣленіе именно вдохновляющагося, а не анализирующаго критика. Таковъ именно Рылѣевъ во всѣхъ своихъ немногочисленныхъ и краткихъ разсужденіяхъ о поэзіи и искусствѣ. Собственно подобіе критической статьи имѣютъ только *Нѣсколько мыслей о поэзіи*, да и эти мысли отрывокъ изъ письма. Но равноправное мѣсто съ этимъ разсужденіемъ должны занимать и другія письма Рылѣева, именно письма къ Пушкину. Они чрезвычайно содержательны и часто стоятъ длинныхъ разсужденій.

Въ *отрывкѣ* Рылѣевъ рѣшаетъ самый модный и жгучій вопросъ современной критики: о романтической и классической поэзіи. Мы можемъ предугадать отвѣтъ автора, зная общее направленіе его художественной натуры. Для Рылѣева не существуетъ теоретическихъ опредѣленій поэзіи: нѣтъ, слѣдовательно, ни ро-

---

[126]) *Воспоминанія о Рылѣевѣ*—кн. Е. Оболенскаго. *Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева*. Лейпцигъ—Brockhaus. 1861, стр. 57.

[127]) *Воспоминаніе о Кондратѣ Ѳедоровичѣ Рылѣевѣ*. Н. Бестужева. *О. с.* стр. 23—24.

мантизма, ни классицизма,—это споръ о словахъ, а существуетъ и будетъ существовать «одна истинная, самобытная поэзія» и правила ея всегда будутъ одни и тѣ же. Только духъ времени, степень просвѣщенія общества, условія страны создаютъ для нея различныя формы. И совершенно безцѣльно само стремленіе вообще опредѣлить поэзію. Она ничто иное, какъ осуществленіе «идеаловъ высокихъ чувствъ, мыслей и высокихъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда недовольно ему извѣстныхъ». Сущность ея въ оригинальности и независимости, величайшее зло—въ подражательности. Въ этомъ смыслѣ романтиками можно назвать и древнихъ самобытныхъ поэтовъ,—Гомера, Эсхила, Пиндара.

Критикъ не пытался развить своихъ мыслей и пояснить ихъ примѣрами. Его перомъ управляла истина, но у его ума не хватало ни выдержки, ни глубины, чтобы истину всесторонне объяснить и утвердить на общеубѣдительныхъ основахъ. Это не критика, а развѣ только критическія впечатлѣнія и наброски. Но, несомнѣнно, они коренились въ такомъ прочномъ чувствѣ, пожалуй, даже инстинктѣ, что сужденія о частныхъ явленіяхъ поэзіи заранѣе были установлены и критикъ не могъ впасть ни въ одно изъ педантическихъ недоразумѣній старовѣровъ словесности или проглядѣть живую искру непосредственной поэзіи въ погонѣ за философской доктриной.

Письма къ Пушкину и представляютъ приложеніе общаго критическаго настроенія Рылѣева.

Они дышатъ страстнымъ преклоненіемъ предъ геніемъ великаго поэта. Это—сплошныя любовныя объясненія и восторженные гимны, только изрѣдка прерываемые сомнѣніями и оговорками. Общій смыслъ отношенія Рылѣева къ пушкинскому таланту ясенъ изъ слѣдующаго поистинѣ романтическаго воззванія:

«Пушкинъ! ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе! Прощай, чудотворецъ».

Въ такомъ же тонѣ и отзывы объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина. Они не всегда безупречны на нашъ современный взглядъ. Рылѣевъ, напримѣръ, упорно ставитъ *Евгенія Онѣгина* ниже *Бахчисарайскаго фонтана* и *Кавказскаго плѣнника* и «готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія». Противъ *Онѣгина* былъ и Марлинскій, но по соображеніямъ, чуждымъ Рылѣеву. Марлинскій находилъ самую тему романа и его содержаніе слишкомъ мелкими,

недостойными поэзіи, т. е. онъ стоялъ противъ реализма и будничности.

Пушкинъ въ письмѣ къ Рылѣеву защищалъ свое дѣтище и доказывалъ, что «легкое» и «веселое», вообще «картины свѣтской жизни» входятъ въ область поэзіи.

Рылѣевъ соглашался съ Пушкинымъ и признавалъ за его «чертовскимъ дарованіемъ» способность втолкнуть въ поэзію даже свѣтскую жизнь. Очевидно, романъ страдалъ, по его мнѣнію, другими недостатками. Собственно первая глава. И легко догадаться, какими именно. Критикъ усмотрѣлъ ненавистную ему подражательность, заподозрилъ Пушкина въ копированіи Байрона. Это казалось ему нестерпимо-унизительнымъ для русскаго поэта и онъ, не вдумавшись въ сущность самаго типа московскаго Чайльдъ-Гарольда, ополчился на призрачный смертный грѣхъ поэта.

Вообще, пушкинскій байронизмъ для Рылѣева настоящее бѣльмо въ глазу. Онъ уличаетъ поэта въ подражаніи Байрону еще по другому, болѣе серьезному поводу. Здѣсь рѣзкая отповѣдь Рылѣева, своего рода гражданскій подвигъ.

Дѣло коснулось аристократизма Пушкина. Поэтъ имѣлъ слабость подчиняться тону современнаго общества, а кромѣ того, чувствовалъ по временамъ естественную необходимость бороться съ чванствомъ и вызывающимъ варварствомъ этого общества его же оружіемъ.

Общество выше всякаго генія и всякой умственной дѣятельности ставило происхожденіе и чины и съ этой позиціи считало себя въ правѣ смотрѣть на потомка Ганнибала сверху внизъ. Тогда Пушкинъ припоминалъ свою родню съ другой стороны и бросалъ въ лицо своимъ врагамъ «пятисотлѣтнее дворянство» рода Пушкиныхъ.

Рылѣевъ не могъ стерпѣть этихъ комическихъ и недостойныхъ счетовъ геніальнаго поэта съ высокородными пошляками.

Онъ усиленно объяснялъ Пушкину его *личныя* права на высокое положеніе. «Чванство дворянствомъ — непростительно, особенно тебѣ,—писалъ онъ.—На тебя устремлены глаза Россіи, тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ».

Рылѣевъ искренне смѣется надъ геральдическими разсчетами поэта и умоляетъ его, ради Бога, «быть Пушкинымъ»: «ты самъ по себѣ молодецъ».

Будущій декабристъ не желаетъ допустить даже мысли о покровительствѣ литературѣ со стороны власти. Онъ всѣми силами души возстаетъ противъ придворнаго и оффиціальнаго меценатства. Вполнѣ достаточно, если правительства просто не будутъ стѣснять талантовъ и предоставятъ ихъ свободнымъ внушеніямъ

ихъ вдохновенія. Истинный талантъ, при такихъ условіяхъ, не останется безъ пропитанія. Онъ самъ по себѣ сила вполнѣ довлѣющая и не нуждается ни въ пенсіяхъ, ни въ орденахъ, ни въ ключахъ камергерскихъ.

Мы видимъ, какое значеніе имѣло для Рылѣева близкое участіе въ общественныхъ интересахъ современной передовой молодежи. Если онъ шелъ противъ литературныхъ школъ и піитическихъ теорій подъ вліяніемъ врожденнаго художественнаго чувства, высокія права личности художника и его таланта онъ защищалъ, какъ политикъ и публицистъ. Нечего и говорить,— всѣ эти идеи прекрасно развивались и критиками-философами на основаніи шеллингіанской эстетики. Но у Рылѣева тѣ же идеи явились не доктриной учителя, не внушеніемъ авторитета, а живымъ и дѣятельнымъ инстинктомъ, горячей рѣчью въ полномъ смыслѣ практическаго дѣятеля, убѣжденнаго въ своей вѣрѣ безъ всякихъ философскихъ категорій и, слѣдовательно, свободно заявляющаго о ней всѣмъ простымъ и непосвященнымъ.

И результаты немедленно сказываются, на первый взглядъ едва замѣтно, будто мимоходомъ, но по существу чрезвычайно сильно. Критикъ поэта ставитъ рядомъ съ гражданиномъ: эти понятія для него равнозначущія, точнѣе, поэтическій талантъ самъ по себѣ налагаетъ извѣстныя гражданскія обязательства: на него устремлены глаза его родины!

Философы также мечтали о народномъ просвѣщеніи, но до этой цѣли довольно далеко отъ вершинъ шеллингіанства. Конечно, поэтъ пророкъ, но, пожалуй, его пророческому сану будетъ достойнѣе пребывать гдѣ-нибудь въ пустынѣ или въ надземныхъ высотахъ, чѣмъ среди толпы. Вопросъ весьма трудный, особенно если сообразить всю его божественную исключительность самой природы поэта.

Но замѣните пророка гражданиномъ, и перспективы совершенно преобразовываются. Общаго много между гражданиномъ и пророкомъ въ духовномъ смыслѣ, но въ практическомъ можетъ быть громадная разница. Гражданинъ—это работникъ на общемъ житейскомъ поприщѣ нуждъ, страданій, часто мелкихъ треволненій. Ему требуется и соотвѣтствующая рѣчь, и образъ мыслей. Онъ менѣе всего можетъ углубляться въ неизрѣченныя чувствованія и въ неизглаголанныя грезы; отъ всего этого не прочь были юные философы. Ему необходимо говорить вразумительно и общедоступно: не даромъ онъ, вѣритъ нашъ авторъ, «не будетъ безъ денегъ и, слѣдовательно, безъ пропитанія». За тайны любомудрія находилось крайне мало охотниковъ платить, хотя любомудріе таило въ себѣ множество высокихъ истинъ и благороднѣй-

шихъ идеаловъ. *Мнемозина* отцвѣла, не успѣвши разцвѣсть, вся обвѣянная небесными лучами философіи и эстетики.

Полярная звѣзда до конца горѣла ярко и властно, именно потому, что слово «гражданинъ» не было звукомъ пустымъ на языкѣ ея издателя. Она дѣйствительно стремилась свѣтить всѣмъ и на всѣхъ путяхъ, не брезгуя сильнымъ голосомъ страсти, непосредственнаго чувства, злой иронiи и лирическаго пафоса.

Рылѣевъ еще сравнительно скроменъ въ этихъ пріемахъ, его товарищъ съ самаго начала отвергъ всякій тонъ и профессіональное жеманниченье, столь процвѣтавшее у современныхъ аристарховъ, и самъ же откровенно сознался въ этомъ. Другого пути къ побѣдѣ надъ читателемъ не было. «Чтобы быть прочтену,—заявлялъ онъ публикѣ,—я былъ принужденъ писать коротко, ново и странно».

И Марлинскій, дѣйствительно, гоняясь за новизной, безпрестанно впадалъ въ странности. Но форма не наносила ущерба идеѣ, а между тѣмъ намѣченная цѣль достигалась. И мы, познакомившись съ публицистикой автора, готовы отпустить ему даже еще больше прегрѣшеній по части преднамѣренной оригинальности.

XLVI.

Марлинскій искони считается однимъ изъ самыхъ подлинныхъ русскихъ романтиковъ. Причина—его повѣсти, не менѣе статей изобилующія новизнами и странностями. И все-таки—романтизмъ Марлинскаго нѣчто совершенно другое, чѣмъ классическій романтизмъ Жуковскаго.

Этотъ поэтъ явился излюбленной жертвой нашихъ противниковъ. Мѣткій ударъ нанесъ ему Кюхельбекеръ, еще больнѣе поразилъ Рылѣевъ,—за мистицизмъ, мечтательность, неопредѣленность и туманность. Всѣ эти пороки «растлили многихъ и много зла надѣлали». Это указаніе для своего времени не малая заслуга: такъ полно и ясно даже Пушкинъ не представлялъ тлетворнаго вліянія поэзіи Жуковскаго на русскую словесность. И, несомнѣнно, лишій ударъ по адресу мистицизма и мечтательности былъ новымъ успѣхомъ реальнаго искусства и здравомыслящей критики.

Марлинскій пошелъ дальше Рылѣева и на своемъ «странномъ» языкѣ произнесъ чрезвычайно эффектный приговоръ старымъ школамъ.

Критику было это очень удобно: онъ писалъ преимущественно обозрѣнія литературы за отдѣльные годы, первый ввелъ ихъ въ обычай и могъ свободно дѣлать какія угодно отступленія, какъ

впослѣдствіи будетъ поступать Бѣлинскій. У Марлинскаго эта манера вошла въ привычку и онъ по поводу частныхъ вопросовъ писалъ цѣлые трактаты общаго содержанія, — напримѣръ, въ статьѣ о романѣ Полевого *Клятва при гробѣ Господнемъ*.

Никто, ни раньше, ни позже нашего критика, не подвергъ такой экзекуціи французское вліяніе на русскую литературу, какъ это сдѣлано въ только-что упомянутой статьѣ.

Авторъ не пощадилъ ни одной эпохи, ни одного классическаго героя, ни одного театральнаго мотива. «Мраморная челядь Олимпа», «стриженныя въ видѣ грибовъ аллеи Ленотра», «тираны желудка и терпѣнія въ четырехъ лицахъ»—разумѣются, произведенія французской кухни наравнѣ съ трагическими героями, безпощадное негодованіе на невѣжественныхъ гувернеровъ-эмигрантовъ, на ихъ «душегубныя книжонки», злая иронія подъ смѣсью гасконскаго съ нижегородскимъ,—и все это съ цѣлью наповалъ сразить «сусальную позолоту» очаковскихъ временъ, оставить въ глупцахъ старичковъ, вздыхающихъ о старинѣ и завѣщавшихъ своимъ дѣтямъ долги и болѣзни...

Такъ еще никто не воевалъ съ классицизмомъ. Автора, очевидно, гораздо меньше занимаетъ чисто литературный вопросъ, чѣмъ идейный и культурный. Онъ почти готовъ совсѣмъ миновать піитику ради общественной сатиры. Въ результатѣ предъ нами одинъ изъ самыхъ раннихъ примѣровъ публицистической критики, управляемой безусловно просвѣщеннымъ міросозерцаніемъ и чрезвычайно широкими принципами.

Они обнаруживаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе авторъ подходитъ къ современности. Чувствительная школа Карамзина, смѣнившая классицизмъ, подвергается не менѣе жестокой критикѣ. Марлинскій издѣвается надъ увлеченіемъ руской публики *Бѣдной Лизой* и чувствительнымъ путешествіемъ ея автора: «всѣ завздыхали до обморока, всѣ кинулись ронять алмазныя слезы на ландыши, надъ горшкомъ палеваго молока, топиться въ лужѣ. Всѣ заговорили о матери-природѣ—они, которые видѣли природу только съ просонка изъ окна кареты»...

Слѣдующая школа—романтизмъ—подвергается той же участи. Марлинскій, подобно Рылѣеву, понимаетъ отрицательные плоды туманной музы Жуковскаго и полонъ негодованія на «собачій вой балладъ», на «бѣсовъ, пахнущихъ кренделями, а не сѣрою». Даже Пушкинъ, по наблюденіямъ критика, успѣлъ вызвать на свѣтъ божій цѣлую вереницу незаконныхъ дѣтищъ гяуризма и донъ-жуанизма. «Житія не стало отъ толстощёкой безнадежности, отъ самоубійствъ шампанскими пробками, отъ злодѣевъ съ биноклями, въ перчаткахъ glacés»...

Помимо школъ, русская словесность наплодила не мало и са-

мобытныхъ уродствъ... Подъ вліяніемъ пробужденія національныхъ идей на Западѣ, она пожелала также быть національной и даже народной. Цѣль оказалась чрезвычайно простой, достижимой съ одного натиска. Требовалось только въ изобиліи снабдить романы и повѣсти разными терпкими принадлежностями русскаго простонароднаго быта, — русскимъ квасомъ, прибаутками и пословицами, лубочными картинками нравовъ, по возможности гуще размалеванными.

Это одинъ сортъ народности.

Другой еще забавнѣе, такъ какъ притязаетъ поэтическое изящество соединить съ національными чертами русской жизни. Иванъ Горюнъ поэтому долженъ играть на свирѣлкѣ Дафниса и Меналка, русскіе пѣсенники блистать купидонами и нимфами.

Во всѣхъ подобныхъ напряженныхъ вымыслахъ рабскаго воображенія нѣтъ ни капли ни поэзіи, ни народности. А между тѣмъ эти понятія — неразрывны: народъ всегда жилъ въ мірѣ поэзіи. Она одушевляла его обряды, его вѣрованія, даже его наивныя суевѣрія. Именно народъ сохранилъ для насъ неисчерпаемый источникъ поэтическихъ мотивовъ, мы должны вернуться къ нимъ. «Лучше потѣшаться у горъ на маслянницѣ, чѣмъ зѣвать въ обществѣ греческихъ боговъ, или съ портретами своихъ напудренныхъ предковъ».

Марлинскій страстно защищаетъ даже равноправность русской исторіи съ западноевропейской—по части разнообразія и занимательности. Онъ будто предвосхищалъ жалобы Чаадаева на безцвѣтность и безжизненность русской старины. Авторъ не считаетъ ни русскихъ князей, ни русскихъ крестьянъ менѣе интересными и менѣе культурными, чѣмъ европейскихъ владѣтелей и европейскій народъ. На Руси не было только крестовыхъ походовъ и реформаціи: все остальное, что̀ переживала Европа, пережито и нашимъ отечествомъ. Даже больше. Характеры древнихъ русскихъ людей должны быть ярче, самобытнѣе, рѣшительнѣе, потому что на Руси шла борьба и съ природой, и съ врагами, болѣе жестокая, чѣмъ гдѣ-либо. Естественно, сколько можно почерпнуть здѣсь благодарнаго матеріала для поэзіи, какихъ можно извлечь героевъ и съ какимъ правомъ можно создать національную драму и повѣсть!

Если этого нѣтъ, вина русской тщедушной подражательной образованности. «Мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому». У насъ нѣтъ народной гордости. Въ восторгѣ предъ чужими геніями, мы вмѣсто того, чтобы соревновать имъ, создать свое, столь же сильное и талантливое, стараемся унизить даже и то, что̀ есть у насъ. И авторъ не находитъ словъ заклеймить русскую общественность, русскій свѣтъ и такъ-называемыхъ просвѣщенныхъ людей.

У насъ нѣтъ склонности къ серьезной умственной дѣятельности. Русскій юноша привыкъ учиться припѣваючи, на лету схватывать кое-какія знанія, балы и увеселенія мѣшать съ наукой и всю жизнь оставаться самонадѣяннымъ недоучкой.

Въ результатѣ—нравственное ничтожество, тунеядство, «безлюдье сильныхъ характеровъ», всеобщій сонъ и апатія. «Наша жизнь безтѣнная китайская живопись, нашъ свѣтъ,—гробъ позапленный».

Отсюда удручающая бѣдность и безсодержательность литературы. У русскихъ людей «мало творческихъ мыслей», и въ результатѣ нищета художественнаго творчества. Чудный русскій языкъ—будто усыпленный младенецъ. Ему недоступна ясная и сильная рѣчь. Слышатся только сквозь сонъ нѣкій гармоническій лепетъ и неопредѣленные стоны. «Лучъ мысли рѣдко блуждаетъ по его лицу». А между тѣмъ, какая мощь таится въ этомъ младенцѣ! Только когда онъ стряхнетъ съ себя сонъ!

Критикъ не указываетъ цѣлительныхъ средствъ, не предписываетъ литературѣ никакихъ правилъ, но его безпрестанныя необыкновенно стремительныя публицистическія отступленія вполнѣ ясно опредѣляютъ его идеалы.

Марлинскій восторженно рисуетъ образъ новаго независимаго гордаго поэта въ противоположность старымъ піитамъ, угодникамъ и слугамъ меценатовъ. Онъ настаиваетъ на совершенномъ отчужденіи талантовъ отъ свѣтской жизни и свѣтской среды. Природа, старина, «мощный свѣжій языкъ», вдумчивое свободное уединеніе—таковы стихіи истиннаго поэта. Ими исчерпывается и такъ-называемый романтизмъ. Онъ ничто иное, какъ «жажда ума народнаго, зовъ души человѣческой». Поэтическій геній въ непосредственномъ общеніи съ народомъ—таковъ краткій и краснорѣчивый принципъ новой романтической поэзіи

И усилія критика направлены на двѣ цѣли: установить идею личнаго самодовлѣющаго достоинства писателя и объяснить историческое и культурное значеніе народа, людей среднихъ.

Здѣсь Марлинскій прямой и единственный предшественникъ Полевого. У издателя *Телеграфа* одной изъ самыхъ излюбленныхъ темъ будетъ прославленіе третьяго сословія, какъ первостепенной культурной силы, какъ единственной могучей основы умственнаго народнаго развитія и, слѣдовательно, литературнаго прогресса. Тѣ же мысли проповѣдуетъ и Марлинскій, по обыкновенію картиннымъ и взволнованнымъ стилемъ.

Среднее сословіе «дало купцовъ, ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ; надѣло рясу священника, парикъ адвоката или судьи, нахлобучило шапку профессора, переодѣлось въ пеструю куртку странствующаго комедіянта; но всего важнѣе—оно дало жизнь пи-

сателямъ всѣхъ родовъ, поэтамъ всѣхъ величинъ, авторамъ по нуждѣ и по наряду, по ошибкѣ и по вдохновенью... Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками».

Очевидно, литература должна помнить свое происхожденіе и своихъ благодѣтелей. Она обязана сохранить связь съ міромъ, ее создавшимъ, и задача писателя не завоеваніе свѣтскихъ успѣховъ и благосклонности меценатовъ и властей, а неразрывное нравственное единеніе съ народомъ.

Тогда окажутся лишними всякія теоріи и внушенія эстетиковъ. Критикѣ не надо будетъ съ указкой слѣдить за работой писателя. Ея цѣлью станетъ объяснять красоты искусства, силу и свойства талантовъ. Наука для писателей совершенно въ другомъ мѣстѣ, именно въ личномъ тщательномъ знакомствѣ съ родной страной.

«Садитесь на лихую тройку и проѣзжайте по святой Руси», приглашаетъ критикъ будущихъ поэтовъ; «у воротъ каждаго города старина встрѣтитъ васъ съ хлѣбомъ и солью, съ привѣтливымъ словомъ, напоитъ васъ медомъ и брагою, смоетъ, спаритъ долой всѣ ваши заморскія притиранія, и ударитъ челомъ въ напутье какимъ-нибудь преданьемъ, былью, пѣсенкой».

Критикъ указываетъ, до какой степени поверхностно знакомство просвѣщенныхъ людей съ народомъ. Природу они изучаютъ изъ оконъ кареты, народную жизнь наблюдаютъ по случайнымъ столкновеніямъ съ разнымъ людомъ, угождающимъ барину, въ родѣ извозчиковъ, разносчиковъ. Надо узнать другой народъ—«бодрый, свѣжій, разноязычный, разнообразный, судя по областямъ». Его еще никто не разглядѣлъ во всѣхъ подробностяхъ, его нравовъ и оригинальности его психологіи, никто даже и не думалъ объ этомъ.

А между тѣмъ сколько здѣсь сильныхъ и самобытныхъ чертъ! Съ древнихъ временъ народъ остается одинъ и тотъ же въ глубинѣ своего характера. Сквозь всѣ историческія испытанія онъ пронесъ невредимой свою душу и неприкосновеннымъ свой обликъ, чистымъ свой языкъ, «столь живописный, богатый, ломкій». Это «народъ, у котораго каждое слово завиткомъ и послѣдняя копѣйка ребромъ».

Такъ русскій романтикъ рисуетъ себѣ русскую національность. Въ его картинѣ, очевидно, нѣтъ ни одного штриха, напоминающаго неуловимо-тонкія космополитически-неопредѣленныя и расплывчатыя декораціи Жуковскаго и его подражателей. И сколько бы ни звучало для насъ наивнаго чувства въ народническихъ изліяніяхъ Марлинскаго, они одушевлены яснымъ убѣжденіемъ въ національныхъ путяхъ новой литературы, національныхъ по духу и смыслу, не только по формѣ и обличью, національныхъ не въ силу мучительныхъ потугъ народолюбствующихъ словесниковъ; а

подъ вліяніемъ глубокаго проникновенія писателя въ міръ народной души и исторической жизни.

Было бы слишкомъ смѣло Марлинскому приписать вполнѣ опредѣленную систему критическихъ воззрѣній, признать его совершенно установившимся публицистомъ во имя идейности и народности литературы. Онъ не даетъ намъ права—возводить его въ представители своего рода школы и удѣлить ему мѣсто среди учителей-вдохновителей. Онъ самъ, повидимому, не представлялъ этой роли и даже вообще отрицалъ у критики цѣль—«поправлять автора»: это значило бы, по его мнѣнію, «учить серинеткою соловья пѣть, и молнію летать какъ бумажный змѣй». Онъ желалъ только по возможности—*объяснять* и *указывать*, предоставляя таланту полную свободу.

Но, очевидно, назначеніе критики понималось слишкомъ узко. Самъ критикъ не могъ удержаться отъ весьма энергичныхъ наставленій и усиленныхъ поправленій. И это невольное, но неизбѣжное нарушеніе собственной воли могло принести только пользу современнымъ талантамъ.

Лишній разъ поднять вопросъ о правахъ русской старины и дѣйствительности имѣть свое мѣсто въ поэзіи, выдвинуть на первый планъ оригинальный складъ русскаго характера и подчеркнуть въ немъ драматическія и лирическія черты—значило работать въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ шелъ Пушкинъ—одинокій и непризнаваемый признанными знатоками литературы. Недаромъ поэтъ по поводу одного изъ обозрѣній Марлинскаго писалъ ему: «Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ» [128]). Фактъ—безпримѣрный, если не считать издателя той же *Полярной звѣзды*—Рылѣева и нѣкоторыхъ счастливыхъ исключеній, въ родѣ статьи Веневитинова. Но несмотря и на эту статьи, сердце Пушкина, несомнѣнно, больше лежало къ поэту-публицисту, чѣмъ къ философу-поэту.

Отсутствіе философіи, конечно, имѣло и свою отрицательную сторону, — Марлинскій писалъ очень длинныя разсужденія и ни разу не додумался до необходимости представить свои взгляды въ цѣльной, строго обоснованной формѣ. Ему приходилось касаться существеннѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ, напримѣръ, о реализмѣ въ поэзіи, объ отношеніи искусства къ природѣ. Эти темы требовали тщательнаго и всесторонняго разрѣшенія, имъ предстояло въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій занимать русскую критику, плодить ожесточеннѣйшую полемику и пребывать во главѣ угла всѣхъ разнообразныхъ теченій эстетики и публицистики. Какой

---

[128]) Письмо отъ 21 марта 1825 г., по поводу статьи Взглядъ на *Русскую словесность въ теченіе 1824 и началъ 1825 годовъ*.

плодотворный толчокъ далъ бы вопросу краснорѣчивый романтикъ, если бы попытался остановить на немъ свое вниманіе!

Ничего подобнаго не произошло.

Толкуя о возможности для истиннаго таланта открыть интересъ и поэзію даже въ «старыхъ предметахъ», критикъ рѣшается заявить: «всякой горшокъ тогда найдетъ свою поэзію». Это выраженіе могло бы стать достойной параллелью желчному стиху Пушкина о черни, не цѣнящей художественной красоты Аполлона Бельведерскаго.

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь...

Эти слова написаны на пять лѣтъ раньше статьи Марлинскаго, въ 1828 году, и критикъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду именно ихъ. Это значило вносить поправку въ минутное настроеніе поэта и напоминать ему его же собственную теорію фламандскаго искусства.

Но все дѣло ограничилось одной фразой: мысль, чреватая великими выводами, осталась неразвитой и даже точно не объясненной.

Одновременно Марлинскій написалъ нѣсколько горячихъ строкъ противъ фанатическихъ поклонниковъ реализма, — впослѣдствіи натуралистовъ. Онъ не признаетъ рабскаго фотографированія природы. «Развѣ простота пошлость?.. Природа! Послѣ этого, тотъ, кто хорошо хрюкаетъ поросенкомъ, величайшій изъ виртуозовъ, а фельдшеръ, снявшій алебастровую маску съ Наполеона, первый ваятель!! Искусство не рабски передразниваетъ природу, а создаетъ свое изъ ея матеріаловъ».

Опять — зерно великой истины, но только зерно: авторъ бросилъ его, немедленно умчался дальше, предоставивъ его собственной участи.

И эта молніеность мыслей, точнѣе настроеній нерѣдко головой выдаетъ критика. Роковая судьба всякихъ импрессіонистскихъ сужденій—запутывать автора въ противорѣчія и двусмыслицы.

Сочувствіе Марлинскаго реализму, кажется, достаточно энергично, но оно не мѣшаетъ ему написать фразу, вызвавшую отпоръ Пушкина: Майковъ «оскорбилъ образованный вкусъ своею поэмою *Елисей*».

Пушкинъ въ письмѣ къ Марлинскому припомнилъ какъ разъ самыя реалистическія мѣста изъ забракованной поэмы и находилъ ихъ «уморительными», совершенно не оскорбляясь въ своемъ поэтическомъ вкусѣ [129]).

Попадалъ въ просакъ Марлинскій и по поводу произведеній

[129]) Письмо отъ 13 іюня 1823 года.

самого Пушкина. Въ *Онѣгинѣ* онъ не желалъ терпѣть изображенія свѣтской пустоты, романъ считалъ подражаніемъ *Донъ Жуану*. Послѣдняя мысль еще не особенно смертный грѣхъ, но устранять поэтическое творчество отъ будничныхъ явленій хотя бы высшаго общества, значило опять наносить ущербъ реальному искусству и съуживать столь торжественно признанныя права поэта — все дѣлать достояніемъ поэзіи.

Въ результатѣ — критика Марлинскаго переполнена лучами разсѣянной истины, но сама истина — полная и побѣдоносная — такъ и осталась недоступной для талантливаго писателя. Его отрицательные приговоры надъ школами, его восторженные отзывы о народности басенъ Крылова и грибоѣдовской комедіи — неотъемлемыя завоеванія здороваго художественнаго *чувства*, но всѣ попытки затронуть область принциповъ и основъ, неизмѣнно сопровождались недоговоренностью, неясностью и противорѣчивостью *мысли*. Правда, эти недостатки нерѣдко выкупались живой идейно-общественной отзывчивостью Марлинскаго, его несомнѣннымъ талантомъ публициста, вѣрнымъ инстинктомъ культурнаго и просвѣщеннаго гражданина. Но всѣ эти достоинства оказывались безсильными, когда приходилось рѣшать чисто-эстетическіе вопросы: о реализмѣ, объ отношеніи творчества къ природѣ и дѣйствительности.

XLVII.

При всѣхъ мѣткихъ сужденіяхъ, высказанныхъ Марлинскимъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ, оригинальнѣйшей и въ то же время благороднѣйшей чертой его статей слѣдуетъ признать его отношеніе къ опаснѣйшему сопернику по ремеслу—къ Полевому. Появленіе *Московскаго Телеграфа* критикъ встрѣтилъ не особенно дружелюбно: мы увидимъ,—это значило пѣть хоромъ съ большинствомъ современныхъ литераторовъ. Отзывъ Марлинскаго пріобрѣлъ даже классическую извѣстность и онъ дѣйствительно остроумно, хотя и каррикатурно, схватилъ характеръ журнала.

Телеграфъ «заключаетъ въ себѣ все; извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе—вотъ знаки сего телеграфа, а *смѣлымъ владѣетъ Богъ*,—его девизъ».

Это писалось въ 1825 году. Восемь лѣтъ спустя взглядъ критика совершенно перемѣнился. Марлинскій—восторженнѣйшій поклонникъ талантовъ Полевого и его журнала. Онъ отказывается даже говорить подробно о главнѣйшихъ русскихъ поэтахъ, находя

свою рѣчь безполезной послѣ дѣльныхъ, безпристрастныхъ и увлекательныхъ статей *Телеграфа*. Этимъ журналомъ «должна гордиться Россія, который одинъ стоитъ за нее на стражѣ противъ старовѣрства, одинъ для нея на ловлѣ европейскаго просвѣщенія».

Но это, сравнительно, скромно съ рѣшительностью Марлинскаго—встать на защиту *Исторіи русскаго народа*. Злополучнѣйшій трудъ Полевого вызвалъ единодушный натискъ; во главѣ нападавшихъ стояли: Пушкинъ—первый представитель поэзіи и Погодинъ—ученый историкъ. О Надеждинѣ и Каченовскомъ нечего и упоминать: они прямо отводили душу...

И среди этой повальной травли Марлинскій возвысилъ голосъ, и, притомъ, въ самомъ рискованномъ направленіи: онъ Полевому отдавалъ предпочтеніе предъ Карамзинымъ. У того исторія — «златопернатый разсказъ», у Полевого—«повѣствованіе, пернатое свѣтлыми идеями».

Дальше слѣдовалъ горячій панегирикъ широтѣ взглядовъ автора, его мужеству и «неумытному суду» надъ грѣшниками и праведниками. Припоминались имена Баранта, Тьерри, Нибура, Савиньи, и Полевой провозглашался историкомъ, достойнымъ своего времени. Естественно, восторгамъ предъ трудомъ Полевого должны были соотвѣтствовать чувства и рѣчи по адресу его противниковъ, и Марлинскій не пожалѣлъ словъ для достойной отповѣди «университетскому колокольчику», «кислымъ щамъ пузырнымъ»...

Отзывъ относится къ 1833 году, когда журнальная дѣятельность Полевого стояла въ зенитѣ своего развитія и надъ ней уже висѣла правительственная гроза. Любопытно, что̀ именно Марлинскій отчасти способствовалъ оффиціальнымъ врагамъ Полевого. Статью объ издателѣ *Телеграфа* онъ напечаталъ въ самомъ *Телеграфѣ* и самая эффектная цитата изъ нея не преминула попасть въ матеріалы къ обвинительному акту, составленному Уваровымъ. Но не только одна цитата, вообще въ составѣ обвиненія играли большую роль «Марлинскаго отзывы, въ *Телеграфѣ* помѣщаемые» [130]).

Это понятно.

Марлинскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ декабрьской исторіи, избѣжавшій казни только благодаря рыцарственному самоотверженному признанію своего грѣха, но все-таки сосланный въ Якутскъ, не могъ считаться благонамѣреннымъ писателемъ. А между тѣмъ, статью о Полевомъ онъ написалъ въ Дагестанѣ, гдѣ продолжалъ отбывать вторую степень своего искупленія. Въ

---

[130]) Сухомлиновъ. *Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и словесности*. Спб. 1889. Н. А. Полевой и его журналъ *Московскій Телеграфъ*, стр. 421, 425.

русской публикѣ не могли забыть издателя *Полярной Звѣзды* и достаточно, напримѣръ, познакомиться съ восторженными воспоминаніями Греча, совершенно не сочувствовавшаго политикѣ Марлинскаго, чтобы оцѣнить почти исключительное положеніе блестящаго свѣтскаго льва и литератора [131]).

И сочувствія такого человѣка, оказывалось, безусловно принадлежали Полевому и его журналу: это стоило какой угодно рекомендаціи и ярко подчеркивало духъ и цѣли *Телеграфа*.

Для насъ фактъ существенно важенъ. Онъ безъ всякихъ подробныхъ изслѣдованій съ совершенной точностью опредѣляетъ мѣсто журнала, смѣнившаго *Полярную Звѣзду*. Альманахъ прекратился какъ разъ въ первый годъ изданія *Телеграфа*, и мы можемъ впервые установить преемственность направленія въ русской періодической печати.

Полярная Звѣзда была кратковременной свѣтлой полосой на горизонтѣ петербургской журналистики, за ней слѣдовала монополія Греча и Булгарина. Въ томъ же 1825 году Гречъ, издававшій *Сынъ Отечества*, вошелъ въ союзъ съ Булгаринымъ, издателемъ *Сѣвернаго Архива*, и немедленно началась чисто биржевая спекуляторская дѣятельность компаніи. Главную роль игралъ Булгаринъ, и Гречъ единолично, вѣроятно, не довелъ бы своего изданія до позорнаго положенія, стяжавшаго безсмертіе въ исторіи русской журналистики. Но благонамѣренности Греча хватило на очень короткое время.

Мы упоминали о возникновеніи *Сына Отечества*, какъ спеціально-патріотическаго органа въ эпоху двѣнадцатаго года. Помимо патріотизма, Гречъ умѣлъ на первыхъ порахъ обнаружить извѣстную смѣтливость и даже талантливость критика. Онъ явился предшественникомъ Марлинскаго въ годичныхъ обозрѣніяхъ литературнаго движенія. Статьи Греча не идутъ ни въ какое сравненіе съ эффектными «взглядами» издателя *Полярной Звѣзды*, но для своего времени они были полезной новостью. Еще важнѣе другая черта журнала Греча: грамотность и возможная правильность языка. Это достоинство впослѣдствіи отмѣтилъ Марлинскій, признавая заслуги Греча предъ русской грамматикой и русскимъ стилемъ. Наконецъ, и самые отзывы Греча, пока онъ дѣйствовалъ самостоятельно, не грѣшили пристрастіемъ и разными нелитературными настроеніями.

Его критику цѣнилъ Пушкинъ, именуя «любезнымъ нашимъ Аристархомъ», Марлинскій заявлялъ: «на пламени его критической лампы не одинъ литературный трутень опалилъ себѣ крылья». Полевой, по свидѣтельству его брата, воспитывалъ себя на ста-

[131]) Гречъ, *О. с.* стр. 393 etc.

тьяхъ *Сына Отечества* и дружественное сближеніе съ авторомъ «считалъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ жизни своей».

Но положеніе Греча общественное и литературное совершенно измѣнилось, лишь только онъ связалъ свою дѣятельность съ булгаринскими промыслами. И замѣчательно, связалъ уже послѣ того, какъ основательно узналъ продѣлки Булгарина и могъ вполнѣ оцѣнить его нравственную физіономію.

Мы впослѣдствіи еще встрѣтимся съ этимъ дуумвиратомъ и Булгаринъ займетъ свое мѣсто въ нашей исторіи. Въ настоящее время для насъ достаточно опредѣлить литературную обстановку, при какой возникалъ журналъ Полеваго.

Тотъ же Гречъ избавилъ насъ отъ труда рыться въ темной біографіи Булгарина и съ компетентностью близкаго пріятеля подвелъ итогъ его дѣламъ и добродѣтелямъ въ началѣ его издательскаго поприща.

По происхожденію полякъ, офицеръ русскаго гвардейскаго полка, онъ предъ войной двѣнадцатаго года вышелъ въ отставку, перешелъ во французскую службу, участвовалъ въ походѣ Наполеона и въ сраженіяхъ противъ русскихъ. Гречъ по достоинству оцѣниваетъ эти подвиги—«по суду совѣсти и по общему закону чести». Булгаринъ «былъ русскимъ подданнымъ и дворяниномъ, воспитанъ въ казенномъ заведеніи на счетъ правительства, носилъ гвардейскій мундиръ и перешелъ подъ знамена непріятельскія».

Послѣ войны Булгаринъ основался въ Петербургѣ, вошелъ въ милость къ такимъ людямъ, какъ «гнусный Магницкій и съумазбродный Руничъ», велъ какой-то чрезвычайно кляузный процессъ. Гречъ именно этимъ процессомъ объясняетъ окончательное паденіе Булгарина. До 1823-года Булгаринъ почти не занимался литературой.

Она выступила на сцену уже послѣ неудачъ на другихъ поприщахъ. Началось дѣло съ плагіата, съ изданія *Одъ Горація* съ чужими объясненіями, потомъ явился *Сѣверный Архивъ*. Гречъ даетъ безнадежный отзывъ и объ этомъ изданіи.

«Набравъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, сталъ онъ издавать *Сѣверный Архивъ*, печаталъ въ немъ статьи интересныя, но впадалъ въ страшные промахи, особенно по недостаточному знанію иностранныхъ языковъ, коверкалъ имена собственныя, смѣшивалъ событія, и если бы издавалъ теперь, то не избѣжалъ бы обличеній и насмѣшекъ, но въ тѣ блаженныя времена, когда «печатный каждый листъ казался намъ святымъ», и не то сходило съ рукъ».

Какъ разъ около этого времени Гречъ. раньше увлекавшійся либерализмомъ, «вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею». Особенно сильное впечатлѣніе на него произвела семеновская исторія, онъ быстро превратился въ совершенно подходящій

матеріалъ для булгаринскихъ воздѣйствій и закрылъ глаза на всѣ «недоразумѣнія» въ жизни и характерѣ пестраго авантюриста.

Союзъ заключенъ, и *Сынъ Отечества* немедленно измѣнилъ даже свою программу. Обстоятельный библіографическій отдѣлъ былъ уничтоженъ, собственно литературная критика устранена, времена, когда въ этомъ отдѣлѣ могъ сотрудничать даже Марлинскій, а въ стихотворномъ являться Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, Рылѣевъ, прошли безвозвратно. На страницахъ журнала водворился особый жанръ публицистики—смѣсь памфлета, инсинуацій, личной брани и юридическихъ бумагъ. Поставщикомъ этого матеріала былъ преимущественно Булгаринъ, но Гречъ стоялъ рядомъ съ нимъ и, повидимому, не страдалъ ни чувствомъ гнѣва, ни презрѣнія. Онъ правда удерживалъ «сарматскіе порывы Булгарина», т. е. его доносительскій зудъ, но продолжалъ развивать компанейскую дѣятельность. Съ января 1825 года союзники начали третье изданіе, газету *Сѣверную Пчелу*, и окончательно заполонили литературу. *Пчела* на долгіе годы осталась истинной язвой русской журналистики и оказала неисчислимыя растлѣвающія вліянія на публику и писателей.

Издатели съ цинической откровенностью восхваляли взаимно другъ друга. Произведенія Булгарина объявлялись классическими и безсмертными, рядомъ писались торговыя рекламы товарамъ купцовъ, имѣвшихъ счастье заслужить предъ знаменитымъ литераторомъ, до небесъ превозносился и литературный товаръ людей пріятныхъ и приверженныхъ, но зато не было пощады чужимъ.

Пріятельскія критики писались въ такомъ тонѣ: «Покупайте, гг. покупатели! Не скупитесь, папеньки! Да это раскупятъ, какъ конфекты, да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево»

Критики *Сѣверной Пчелы* и *Сына Отечества* не стѣснялись никакими «переоборотами», по выраженію Пушкина: все зависѣло отъ перемѣны въ личныхъ отношеніяхъ. Никакого смысла и значенія не имѣли ни талантъ, ни популярность писателя. Пушкинъ отъ начала до конца оставался неизмѣнной мишенью для отборныхъ булгаринскихъ залповъ, Гоголь прямо не существовалъ на страницахъ газеты и журнала. Исчезла безслѣдно даже грамотность, основное достоинство прежняго *Сына Отечества* и статьи писались на какомъ-то международномъ неосмысленномъ языкѣ. Совершалось сплошное издѣвательство надъ формой и содержаніемъ литературы, и между тѣмъ монополія держалась чрезвычайно прочно.

Союзники съумѣли обезпечить себя не только со стороны цензуры и власти, но производили настоящую панику среди самихъ литера-

---

[132]) Кс. Полевой. *О. с.* стр. 117.

[133]) *Сѣверная Пчела.* 1830, № 30.

торовъ. И, что особенно оригинально и краснорѣчиво для цѣлаг періода русской литературы, эти факты находятся въ непосредственной связи.

Даже Пушкину и его друзьямъ пришлось испытать нѣкоторую оторопь предъ разнообразными путями булгаринской мести.

Булгаринъ, раздраженный неодобродительной статьей объ его романѣ *Самозванецъ* въ *Литературной газетѣ* и приписавшій ее Пушкину: авторомъ ея былъ Дельвигъ—напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ Анекдотъ*, т. е. пасквиль на «французскаго стихотворца» Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ похвальнѣйшую аттестацію самому себѣ, подъ именемъ Гофмана.

Анекдотъ—типичнѣйшее произведеніе булгаринскаго пера и нѣсколько строкъ подлинника освободятъ насъ на будущее время отъ подробныхъ некрологическихъ экскурсій въ человѣческую и литературную душу автора.

Гофманъ обращается къ одному почтенному французскому литератору съ такимъ письмомъ:

«Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей. Предъ вами предстаетъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели Музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея, который бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ, который маратъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнилъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціею, который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума».

Пушкинъ отвѣчалъ статьей *О записках Видока*, оцѣнивавшей по достоинству патріотизмъ и литературные пріемы Булгарина. Статья страшно обезпокоила друзей Пушкина и онъ рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ гр. Бенкендорфу, предупреждая его о возможныхъ шагахъ Булгарина. Бенкендорфъ отвѣтилъ поэту въ успокоительной формѣ, но фактъ достаточно внушителенъ, чтобы представить исключительное положеніе удивительнаго журналиста [134]).

[134]) Барсуковъ. III, 18—19.

Можно привести и еще болѣе эффектные случаи. Напримѣръ, двумя годами позже исторіи съ Пушкинымъ въ Москвѣ появилось сатирическое стихотвореніе *Двѣнадцать спящихъ будочниковъ*, направленное противъ «Выжигиныхъ», т. е. Булгарина, автора романа *Иванъ Выжигинъ*. Въ *Сѣверной Пчелѣ* въ библіографическомъ отдѣлѣ выписали полное заглавіе баллады и вмѣсто рецензіи напечатали: *Ни слова*! Но для властей и этого оказалось достаточно: цензоръ Аксаковъ, пропустившій балладу, былъ отставленъ отъ должности [135]).

Легко понять, какое раздолье открывалось при такихъ условіяхъ «патріотическимъ» талантамъ Булгарина и съ какой стремительностью онъ пользовался обстоятельствами!

На эти именно годы, на періодъ перваго безудержнаго разгула пасквилянтства и доносительства, падаетъ многотрудная и неожиданно успѣшная дѣятельность Полевого. Въ атмосферѣ, насыщенной булгаринскимъ духомъ, обыкновеннымъ людямъ нелегко было просто дышать,—Полевой съумѣлъ не только жить, но дѣйствовать на свой единоличный страхъ, съ единственнымъ оружіемъ—глубокой вѣрой въ свои силы и въ благородство своихъ цѣлей.

XLVIII.

Судьба Николая Алексѣевича Полевого, какъ писателя, представляетъ одну изъ самыхъ благодарныхъ иллюстрацій къ извѣстной классической истинѣ: современники рѣдко по достоинству оцѣниваютъ талантливыхъ дѣятелей, и только потомство произноситъ правый судъ и отводитъ крупнымъ и мелкимъ героямъ надлежащее мѣсто въ галлереѣ исторіи.

Относительно Полевого это правило осуществилось въ самой рѣзкой прямолинейной формѣ. Приговоръ потомства совпалъ съ итогами, какіе самъ писатель успѣлъ подвести своей дѣятельности. И произошло [это послѣ того, какъ знаменитымъ журналистомъ былъ пройденъ въ высшей степени бурный, отъ начала до конца воинственный путь идейной и личной борьбы съ подавляющимъ большинствомъ современниковъ.

За семь лѣтъ до смерти Полевой издавалъ собраніе своихъ критическихъ статей и писалъ предисловіе, болѣе похожее на исповѣдь, чѣмъ на обычное вступленіе къ книгѣ. Писатель говорилъ о себѣ не только какъ о критикѣ и публицистѣ, но совершенно открыто и искренне рисовалъ свой нравственный портретъ, и то и другое было вскорѣ подписано людьми, еще весьма недавно состоявшими, повидимому, въ непримиримой враждѣ съ авторомъ исповѣди.

---

[135]) Барсуковъ. IV, 12.

Полевой писалъ:

«Немногіе изъ русскихъ литераторовъ, говоря вообще, писали столь много и въ столь многообразныхъ родахъ, какъ я. Едва ли какой-нибудь современный предметъ, сколько-нибудь волновавшій умы и сердца моихъ современниковъ, не обращалъ на себя моего вниманія, какъ критика и журналиста. Изученіе и разборъ всего, что мелькало передъ нами, въ минувшія 15, 20 лѣтъ, увлекали меня безпрерывно и постоянно. Осмѣливаюсь думать, что въ томъ, что было мною писано, и не одни современники найдутъ поводъ къ размышленію».

Переходя къ вопросу, какъ онъ относился къ предметамъ своихъ сужденій, авторъ торжественно заявляетъ:

«Кладу руку на сердце и дерзаю сказать вслухъ, что никогда не увлекался я ни злобою—чувствомъ для меня презрительнымъ, ни завистью—чувствомъ, котораго я не понимаю, никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжденіемъ, и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего; оно всегда сильно билось для всего великаго, полезнаго и прекраснаго. Смѣю думать, что самые враги мои, если они и въ состояніи сказать обо мнѣ очень многое, въ тайнѣ сердца своего не станутъ противорѣчить симъ словамъ моимъ» [136]).

И они, дѣйствительно, не противорѣчили.

Среди современныхъ литераторовъ Полевой, несомнѣнно, имѣлъ всѣ основанія считать своими «врагами» Бѣлинскаго и Надеждина, и перваго особенно опаснымъ и безпощаднымъ. Братъ и ближайшій сотрудникъ издателя *Телеграфа* съ глубокой грустью и негодованіемъ говоритъ о нападкáхъ Бѣлинскаго на Полевого въ послѣдній періодъ его жизни и приписываетъ ихъ «страстямъ низкимъ и ничтожнымъ»: столько, по мнѣнію автора, было желчи и несправедливости въ гоненіяхъ знаменитаго критика! [137]).

Въ дѣйствительности, конечно, Бѣлинскому были чужды чисто личныя побужденія въ какой бы то ни было литературной борьбѣ, и противъ Полевого въ особенности. Дѣло шло прежде всего о Полевомъ-драматургѣ. Это была дѣятельность, менѣе всего достойная ранней славной карьеры журналиста, дѣятельность—ремесленника и дешеваго лубочнаго патріота. Именно «квасной патріотизмъ», когда-то жестоко осмѣянный *Телеграфомъ*, теперь сталъ вдохновителемъ автора *Дѣдушка русскаго флота, Иголкина, Параши Сибирячки*. Одинъ изъ современныхъ критиковъ, независимо отъ Бѣлинскаго, такъ характеризовалъ содержаніе драмъ Полевого: «Русская рука! русское сердце! не бѣлы-то снѣги! русская

---

[136]) *Очерки русской литературы*, т. I. Спб. 1839. Нѣсколько словъ отъ сочинителя, стр. VIII, IX.

[137]) Кс. Полевой. *О. с.*, стр. 460—1.

баба! русскій штыкъ! русскій морякъ! русскій флагъ! русское ура! урра! уррра!» Этимъ мотивамъ соотвѣтствовали и эпизоды, и личности героевъ, надѣленные, ради ихъ россійскаго народнаго званія, всевозможными доблестями и сверхъестественной удачливостью [138]).

Усердіе автора, конечно, находило соотвѣтствующее поощреніе въ высшихъ сферахъ, но отнюдь не могло подкупить болѣе или менѣе независимую и литературно-просвѣщенную критику.

Несомнѣнно, данничество предъ «квасным патріотизмомъ» свидѣтельствовало и о другихъ, болѣе важныхъ оттѣнкахъ, возникшихъ въ литературной работѣ Полевого въ послѣдніе годы жизни. Врядъ ли можно было съ уваженіемъ отнестись къ совмѣстному труду Полевого съ Булгаринымъ надъ романомъ, къ сотрудничеству въ такихъ органахъ, какъ *Библіотека для Чтенія*. Правда, Полевой впослѣдствіи публично отказался отъ статей, напечатанныхъ подъ его именемъ въ этомъ журналѣ: Сенковскій, оказывалось, передѣлывалъ критическіе отзывы Полевого съ невѣроятной безцеремонностью, прибавлялъ «брань» на неугодныхъ ему писателей, уснащалъ всевозможными размышленіями отъ себя... Вообще, говоритъ Полевой, «я хотѣлъ разсуждать, а меня заставляли браниться» [140]).

Но, во-первыхъ, эти факты до авторскаго объясненія оставались редакціонной тайной, а потомъ Полевой ихъ терпѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1836 по 1837 г. и, слѣдовательно, не могъ разсчитывать на полное снисхожденіе своихъ противниковъ.

Позже слѣдовало издательство *Русскаго Вѣстника*, и жестокая война противъ таланта и произведеній Гоголя. *Ревизоръ* являлся безцѣльнымъ и безсмысленнымъ «фарсомъ», *Мертвыя души* вызывали у критика совѣтъ автору перестать лучше писать, чѣмъ «постепенно болѣе и болѣе падать». И все это по поводу клеветы, возведенной, будто бы, Гоголемъ на Россію въ его сатирахъ и особенно крайне неприличнаго языка, не допустимаго «въ порядочномъ обществѣ» [141]).

Все это очень мало напоминало прежняго Полевого, по пріемамъ критики и особенно по руководящимъ идеямъ: основная демократическая струя, ярко прорѣзывавшая энергическія страницы *Телеграфа*, обмелѣла и будто исчезла.

Естественно было наблюдателямъ со стороны заговорить о старческомъ упадкѣ таланта, о попятномъ движеніи идей, о небрежности и нелитературности работы.

---

[138]) Статья о Полевомъ, какъ драматургѣ, г. Вл. Боцяновскаго. Въ *Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ*. 1894—1895, прилож., кн. 3-я.

[139]) Кс. Полевой, стр. 567.

[140]) *Очерки*. Нѣск. словъ, стр. XVI, XVII, XVIII.

[141]) *Русскій Вѣстникъ*, 1842 годъ.

Для всего этого существовало въ высшей степени смягчающее обстоятельство—страшная нужда, угнетавшая Полевого. Буквально разгромленный и подавленный катастрофой съ *Телеграфомъ*, онъ принужденъ былъ биться какъ рыба объ ледъ изъ-за многочисленныхъ долговъ и насущнаго пропитанія семьи. Его письма за послѣдніе годы жизни—главы настоящей мученической агоніи. Здѣсь мимолетные проблески надежды, безпрестанно смѣняющіяся отчаяніемъ, предъ нами все время утопающій, готовый ухватиться за первый спасительный предметъ. И, несомнѣнно, случись Бѣлинскому прочитать одно изъ этихъ писемъ, онъ смягчилъ бы свои удары и пощадилъ бы идейную немощь во имя добраго чувства къ собрату-писателю [142]).

Но Бѣлинскій видѣлъ только литературные внѣшніе факты.

Послѣ сотрудничества въ *Библіотекѣ для Чтенія* Полевой взялся редактировать *Сынъ Отечества*, превратилъ его изъ еженедѣльнаго изданія въ ежемѣсячный и на первыхъ порахъ, по старой памяти о *Телеграфѣ*, возбудилъ напряженныя ожиданія и надежды у публики.

Въ результатѣ, оказалась полная солидарность по направленію съ *Библіотекой для Чтенія* и неуклонная война съ *Отечественными Записками*, гдѣ первымъ критикомъ состоялъ Бѣлинскій. И онъ, по поводу духа и запальчивости *Сына Отечества*, давалъ слѣдующую фактически-справедливую характеристику новаго пути стараго журналиста:

«Не странное ли зрѣлище представляетъ собою человѣкъ, который съ силою, энергіею, одушевленіемъ, вооруженный смѣлостью и дарованіемъ, явился на литературномъ поприщѣ рьянымъ поборникомъ новаго и могучимъ противникомъ стараго, а сходитъ съ поприща, на которомъ подвизался съ такимъ блескомъ, съ такою славою и такимъ успѣхомъ, сходитъ съ него—противникомъ всего новаго и защитникомъ всего стараго?..»

И дальше перечисляются великія заслуги издателя *Телеграфа* предъ русской критикой: онъ убилъ авторитетъ Корнелей и Расиновъ, онъ привѣтствовалъ Пушкина великимъ поэтомъ, ратовалъ противъ безвкусія, вычурности, натянутости, а теперь его боги—классики и романтики низшаго разбора, и онъ же во главѣ противниковъ Пушкина [143]).

Сопоставленія вполнѣ основательныя и изъ нихъ видно, какъ мало было у Бѣлинскаго желанія развѣнчать всю литературную карьеру Полевого и вычеркнуть изъ исторіи литературы его положительныя заслуги.

---

[142]) Письма напечатаны у Кс. Полевого, особенно трагиченъ періодъ *Русскаго Вѣстника* (письмо отъ 21 марта 1842 года, стр. 543 etc.).

[143]) *Сочиненія*, III, 105—6.

Но при всѣхъ оговоркахъ и часто именно благодаря имъ, укоризны критики являлись особенно чувствительными и Полевой умеръ, не доживъ до болѣе яснаго и мирнаго горизонта. Умеръ, и «потомство» въ лицѣ тѣхъ же современниковъ, устами того же Бѣлинскаго заговорило, и въ такомъ тонѣ, о какомъ Полевой не могъ и мечтать.

Полевой теперь сразу занималъ первое мѣсто среди литературныхъ героевъ Россіи, его имя ставится рядомъ съ именами Ломоносова и Карамзина, оно, слѣдовательно, знаменуетъ цѣлую эпоху. И какую эпоху! Полагавшую основу дальнѣйшему неуклонному прогрессу русской общественной мысли и русскаго просвѣщенія. Даже самыя шумныя предпріятія Полевого, вызвавшія противъ него исключительное ожесточеніе во всѣхъ лагеряхъ—науки, литературы, интеллигенціи,—объясняются критикомъ съ обычнымъ искусствомъ и полнымъ благоволеніемъ къ почившему бойцу.

Бѣлинскій восхищается статьей Полевого о Карамзинѣ, но за статьей слѣдовала жестокая брань почти всей печати, брань раздражила автора, и его *Исторія Русскаго народа* оказалась переполненной нетерпѣливыми и чрезвычайно пространными нападками на Карамзина... Бѣлинскій говоритъ: «пожалѣемъ о слабости замѣчательнаго человѣка, оказавшаго литературѣ и общественному образованію великія заслуги; но не будемъ оправдывать его слабости или называть ее добродѣтелью».

Но, несомнѣнно, самый существенный фактъ, какой подчеркиваетъ Бѣлинскій, полемическіе пріемы *Телеграфа* сравнительно съ современной печатью. Полевой «умѣлъ сохранять свое достоинство въ жару самой запальчивой полемики»: это много значило въ двадцатые и тридцатые годы, гораздо больше, чѣмъ мы можемъ представить въ настоящее время.

Въ общемъ статья Бѣлинскаго—достойный надгробный памятникъ человѣку и писателю, дѣлающій одинаковую честь и автору, еще вчерашнему противнику покойнаго, и самому покойнику [144]).

Десять лѣтъ спустя память Полевого увѣнчалъ и другой его врагъ—Надеждинъ, врагъ въ самомъ рѣзкомъ смыслѣ слова. Даже въ посмертномъ вѣнкѣ былая вражда сказалась нѣсколькими терніями, но результатъ выходилъ тожественный съ выводомъ Бѣлинскаго.

«Въ 1829 году, — пишетъ Надеждинъ,—въ Москвѣ выходило не мало журналовъ, изъ которыхъ шесть были чисто-литературные. Странное было то время! Характеръ журналистики былъ тогда по преимуществу полемическій. Живѣе всѣхъ дѣйствовалъ или, по

[144]) Отдѣльное изданіе стать и. Спб. 1846.

крайней мѣрѣ, громче всѣхъ кричалъ—*Телеграфъ*, журналъ, издававшійся покойнымъ Н. А. Полевымъ, московскимъ гражданиномъ, при участіи и сочувствіи всѣхъ почти тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей. Полевой былъ въ то же время и частнымъ дѣйствователемъ по всѣмъ отраслямъ литературной дѣятельности. Онъ издавалъ книги, судился и рядился обо всемъ и умѣлъ снискать себѣ такой авторитетъ, какимъ рѣдко кто пользовался въ русской словесности. Извѣстна главная тенденція этого весьма талантливаго и во всякомъ случаѣ замѣчательнаго русскаго писателя. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ разрушителемъ всего стараго, и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ благотворно на просвѣщеніе, пробуждалъ застой, который болѣе или менѣе обнаруживался всюду» [145]).

Всѣ эти отзывы представляютъ намъ довольно точную картину писательской судьбы Полеваго. Начало—полное блеска и энергіи, конецъ—нѣчто въ родѣ медленной нравственной агоніи... Естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ создано было такое заключеніе жизненнаго пути одного изъ талантливѣйшихъ русскихъ журналистовъ? И вопросъ становится тѣмъ поучительнѣе, чѣмъ богаче были результаты удачливаго періода жизни Полевого.

По словамъ Бѣлинскаго, они создали эпоху въ исторіи русской литературы. Подобная похвала—исключительный фактъ въ нелицепріятныхъ приговорахъ критика. Но онъ дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической истинѣ. Для Бѣлинскаго, писавшаго непосредственно послѣ кончины Полевого, для читателей—личныхъ свидѣтелей его успѣховъ и паденія—не предстояло необходимости подробно расчленять многообразные идейные и практически просвѣтительные пути критика и публициста. Для насъ эта именно задача является настоятельной. Среди этихъ путей многое въ настоящее время можетъ представлять только историческій интересъ, но рядомъ съ этимъ «архивнымъ матеріаломъ» многое до нашихъ дней сохранило жизненный насущный смыслъ.

XLIX.

Полевой переселился въ Москву изъ далекой провинціи, изъ Курска, отнюдь не съ литературными цѣлями. Его отецъ сначала велъ торговыя дѣла въ Сибири, потомъ короткое время наканунѣ наполеоновскаго нашествія въ Москвѣ, наконецъ въ Курскѣ—родинѣ Полевыхъ. Въ Москву онъ отправилъ сына съ цѣлью устроить сбытъ для своихъ водочныхъ продуктовъ. Это произошло въ началѣ 1820 года. Николаю Алексѣевичу шелъ двадцать четвертый годъ. Раньше изъ Сибири онъ уже былъ въ Москвѣ также съ торговыми порученіями отъ отца девять лѣтъ назадъ, выполнилъ по-

[145]) *Русск. Вѣстн.*, мартъ 1856, стр. 57.

рученія крайне неудачно, но зато дѣятельно посѣщалъ театръ, читалъ книги безъ счета, пробрался даже въ университетъ и слушалъ Мерзлякова, вообще яростно набросился на умственную пищу, какую только могла предложить столица пятнадцатилѣтнему провинціалу съ свободными матеріальными средствами. Одновременно шло дѣятельное сочинительство. Отцу при первомъ свиданіи пришлось сдѣлать строгій выговоръ и сжечь кипу бумагъ новоявленнаго писателя.

Но природная, чрезвычайно упорная стремительность къ авторству должна была взять верхъ. До первой поѣздки въ Москву будущій критикъ страстно поглощалъ весь книжный матеріалъ, какой только попадался подъ руки. Самъ онъ такъ характеризуетъ свое умственное образованіе до первой поѣздки въ Москву: «я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей *Вѣстника Европы* до хронологическихъ чиселъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы. Но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить».

Но одновременно проходилась въ высшей степени содержительная практическая школа, велись дѣла съ откупщиками, шла конторская работа, завязывалось множество знакомствъ и подлинная русская жизнь широкой волной входила въ воспріимчивый духовный міръ юноши.

При такихъ условіяхъ естественно науку приходилось хватать урывками, по счастливымъ случайностямъ и встрѣчамъ. Итальянецъ, пьяный цирульникъ, отбившійся отъ наполеоновской арміи, показываетъ произношеніе французскихъ буквъ, музыкальный учитель научаетъ нѣмецкой азбукѣ. Николай Алексѣевичъ усвоиваетъ все это съ чрезвычайной быстротой и передаетъ свою только что пріобрѣтенную ученость брату Ксенофонту, будущему своему сотруднику. И теперь уже обнаруживаются зачатки журнальныхъ талантовъ: Полевой безпрестанно измышляетъ и издаетъ тетрадки въ формѣ журналовъ, наполняя ихъ собственными статьями и стихотвореніями [146]). Къ 1817 году появляется первая его статья уже въ настоящемъ журналѣ,—въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, описаніе пребыванія въ Курскѣ императора Александра I. Въ 1818 году въ *Вѣстникѣ Европы* печатается переводъ изъ сочиненіи Шатобріана, два года спустя Полевой заводитъ личныя знакомства съ петербургскими и московскими литераторами и издателями, вызываетъ у нѣкоторыхъ даже сильныя чувства, какъ *самоучка*, и путь къ давно взлелѣянной цѣли, повидимому, открывается широкій и свободный.

---

[146]) Кс. Полевой, стр. 15.

На первыхъ порахъ Полевому едва ли не всякій литераторъ и ученый казался достойнымъ всяческаго почтенія. Онъ съ замираніемъ сердца присутствуетъ на засѣданіи Общества любителей россійской словесности, каждаго члена описываетъ потомъ самыми лестными эпитетами, дрожитъ отъ восторга при одномъ каталогѣ классическихъ европейскихъ писателей,—однимъ словомъ, переживаетъ медовый мѣсяцъ, своего рода праздникъ своихъ литературныхъ влеченій и мечтаній.

Но вскорѣ приходится охладить чувства и поразнообразить эпитеты. Москва изобилуетъ литературными обществами. Полевой является всюду и вездѣ съ неизмѣнной идеей объ изданіи журнала. Эта же идея волновала другихъ, но, очевидно, въ совершенно другомъ направленіи, чѣмъ планы Полевого. По крайней мѣрѣ, будущій издатель *Телеграфа* не имѣлъ успѣха въ самомъ просвѣщенномъ современномъ обществѣ литераторовъ, въ раичевскомъ. Мы знаемъ, единственный изъ крупныхъ представителей литературы выразилъ ему сочувствіе, кн. Вяземскій и, по разсказамъ князя, именно ему обязанъ *Телеграфъ* возникновеніемъ. Именно онъ ободрилъ своимъ участіемъ «юношу» и закабалилъ себя новому изданію [147]).

Братъ Полевого также называетъ кн. Вяземскаго «главнымъ одушевителемъ редакціи», который ободрялъ издателя въ началѣ борьбы, обильно снабжалъ журналъ своими статьями и руководилъ даже авторствомъ самого Полевого [148]).

Но всякое внѣшнее руководительство должно было играть второстепенную роль при энергіи и поразительномъ публицистическомъ талантѣ новаго журналиста. Задачи были поставлены самыя широкія, какія только допускались условіями времени. Въ оффиціальной программѣ, представленной въ министерство народнаго просвѣщенія, Полевой отказывался быть поставщикомъ «легкаго, поверхностнаго и забавнаго чтенія», имѣлъ въ виду «пользу» читателей, даже въ стихотвореніяхъ обѣщалъ соблюдать строжайшій выборъ, за критическими статьями обезпечивалось безпристрастіе и литературность.

Съ 1825 года началъ выходить журналъ—по двѣ книги въ мѣсяцъ. Въ руководящей статьѣ въ первомъ нумерѣ издатель на первый планъ выдвигалъ литературную критику. Она—пробный камень дарованій и добросовѣстности журналиста, и не должна гоняться за вкусами литературной черни.

Критика дѣйствительно заняла первенствующее мѣсто въ *Телеграфѣ* и Полевой имѣлъ полное право заявлять: «никто не оспо-

---

[147]) *Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго*, I, XLVIII—XLIX.

[148]) Кс. Полевой, стр. 126, ср. Сухомлиновъ. *Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ. Изслѣдованія и статьи.* II, 370—1.

ритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала» [149]).

Но критикой далеко не ограничились замыслы издателя. Журналъ предназначенъ носить «энциклопедическій характеръ». Онъ будетъ «знакомить читателей съ новыми идеями и важнѣйшими предметами, обращающими на себя вниманіе современной Европы». Это можно сказать всеобъемлющая программа, и ее *Телеграфъ* выполняетъ съ безкорыстной энергіей.

Политики онъ касаться не можетъ, но онъ дѣлаетъ политику при всякомъ удобномъ случаѣ, и мы увидимъ, съ какой находчивостью пріемовъ и смѣлостью воззрѣній.

Въ журналѣ съ каждымъ мѣсяцемъ расширяются и разнообразятся многочисленные отдѣлы. Въ «Библіографіи» издатель намѣренъ давать отчеты обо *всѣхъ* русскихъ книгахъ, помѣщаетъ самостоятельныя рецензіи объ иностранныхъ, чрезвычайно широко пользуется заграничными журналами съ тою же цѣлью, не стѣсняется отчетами даже о такихъ сочиненіяхъ, какъ армянская грамматика, работа по теоріи вѣроятностей на французскомъ языкѣ, въ рецензіяхъ о художественныхъ произведеніяхъ приводятся цитаты иногда на шести языкахъ, не исключая латинскаго и испанскаго [151]). Вообще для редактора нѣтъ препятствій ни въ предметахъ, ни въ способахъ доказывать идеи и просвѣщать читателей: былъ бы только матеріалъ свѣжъ, поученъ и общедоступенъ. Въ интересахъ солидности и основательности журналъ не прочь блеснуть ученостью и особенно энциклопедичностью, но отнюдь не педантической и не мертвенно-школьной.

Сотрудники *Телеграфа* превосходно знаютъ русскую литературу. Отъ ихъ глазъ не скроется самый ловкій литературный хищникъ и компиляторъ. При журналѣ существуетъ спеціальный «сыщикъ»— гроза современныхъ микробовъ поэзіи и журналистики, и улики журнала всѣ въ высшей степени остроумны и всегда убѣдительны. Булгаринская продѣлка съ одами Горація, компилятивное сочиненіе француза о Россіи, списанное съ книги русскаго писателя, безчисленныя подражанія Пушкину, часто до наивнаго переложенія его стиховъ, особенно изъ *Кавказскаго плѣнника* и *Евгенія Онѣгина*—все это попадаетъ въ неисчерпаемый багажъ русскаго журналиста. Онъ безпощаденъ къ иностранцамъ, присваивающимъ себѣ трудъ русскаго, и печатаетъ всякій разъ нарочитыя и обширныя статьи ради вящей улики. Къ отечественнымъ хищникамъ онъ

---

[149]) *Очерки*, стр. XIV.

[150]) *М. Тел.*, томъ XIV, 56—7.

[151]) *М. Т.*, XIX, 111; XXII, 365, 416—7.

снисходительнѣе, но его иронія всегда убійственна и всегда строго обоснована [152]).

У издателя богатѣйшій запасъ бойкихъ заглавій для критическихъ вылазокъ въ современный литературный хаосъ. Предъ нами «литературные пріиски»—для разоблаченія заимствованій Надеждина у нѣмецкихъ эстетиковъ, *Литературныя и журнальныя рѣдкости*—для улики *Отечественныхъ Записокъ*, въ перепечаткѣ подъ видомъ новаго оригинальнаго произведенія—старой переводной повѣсти [153]). Кромѣ того, существуетъ постоянное приложеніе *Новый живописецъ общества и литературы*—сатирическое обозрѣніе книгъ и людей, подробные обзоры журналистики, русской и иностранной, и авторъ до такой степени стремителенъ въ этой работѣ, что желалъ бы знать «всѣ журналы, выходящіе нынѣ въ цѣломъ свѣтѣ» [154]).

Вообще журналистика—его задушевнѣйшее дѣтище. *Телеграфъ* печатаетъ исторію русскихъ газетъ и журналовъ «съ самаго начала до 1828 года» съ главной цѣлью доказать культурное и общественное значеніе журналистики и указать «русскимъ отличнымъ литераторамъ» на ихъ равнодушіе къ журналамъ, между тѣмъ какъ на Западѣ въ журналистикѣ принимаютъ участіе первостепенные таланты [155]).

Въ другой разъ рѣчь *Телеграфа* поднимется до настоящаго пафоса горечи и гнѣва, и по предмету, на нашъ современный взглядъ менѣе всего заслуживающему подобнаго настроенія.

Редакторъ въ восторгѣ отъ англійской журналистики и желаетъ ее возможно шире распространить въ своемъ отечествѣ. Въ Россіи теперь явится такая печать. Русская публика «требуетъ отъ журналистовъ пестроты, разнообразія газетнаго, антикритикъ, сказокъ, стиховъ, мелочей. Она хочетъ играть журнальными книжками, а не читать ихъ... Мы еще не знаемъ *общественной литературной жизни*: всякій у насъ работаетъ въ своемъ умѣ, про себя» [156]).

Телеграфъ восхищается не одной содержательностью европейской журналистики, но ея бойкостью—«звучностью и привлекательностью». Для доказательства онъ готовъ даже привести изъ французской газеты объявленіе о помадѣ, дѣйствительно написанное съ ловкостью и вкусомъ [157]).

И журналъ приближается къ своему идеалу, и именно на томъ

---

[152]) *М. Т.*, XII, 45; XVIII, 35; XIX, 21; XXIX, 368—9; XXIII, 361.
[154]) XXXI, 345; XXXV, 295—7.
[155]) XX, 519.
[156]) XVIII, 179, 181, 191.
[157]) XX, 251.

поприщѣ, гдѣ труднѣе всего было стяжать успѣхъ въ двадцатые и тридцатые годы.

Телеграфъ до неуловимости разнообразенъ и находчивъ въ погонѣ за интересомъ читателей. Бесѣдуя о календаряхъ, онъ умѣетъ сдѣлать любопытныя цитаты и коснуться первостепеннаго вопроса о значеніи тѣхъ же календарей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія [158]). Кажется, на что неблагодарнѣе темы—критиковать дурныхъ переводчиковъ, сличать подлинникъ съ оригиналомъ, но и здѣсь *Телеграфъ* умѣетъ представить зрѣлище большаго общаго интереса.

Въ одномъ случаѣ онъ лишній разъ нанесетъ рядъ неизлѣчимыхъ ранъ невѣжеству и тупоумію *Вѣстника Европы* Каченовскаго, а въ другомъ дастъ блестящую страницу изъ исторіи русскихъ нравовъ.

Онъ изобразитъ типъ аристократическаго переводчика съ французскаго, барича-недоросля, мужа богатой жены, тунеядца посѣтителя клубовъ, вздумавшаго отъ безделья и фанфаронства завоевать славу литератора при помощи «*замушечныхъ* и *забостонныхъ* пріятелей»... [159]). Это цѣлая сатира, и только по поводу перевода мольеровскаго «Скупого».

Эта манера говорить «по поводу», впослѣдствіи чрезвычайно широко усвоенная Бѣлинскимъ, открыта *Телеграфомъ*. И вполнѣ понятно, почему. Издатель задался цѣлью всяческими путями распространять идеи и знанія среди публики, привыкшей забавляться литературой. Онъ ненамѣренно идетъ дорогой французскихъ просвѣтителей XVIII-го вѣка, «украшаетъ разумъ», дѣлая его доступнымъ одинаково «канцлеру и сапожнику». Читатель неожиданно для самого себя проглатываетъ большое количество «невещественнаго капитала»—собственное выраженіе Полевого,—проглатываетъ среди живой, увлекательной бесѣды. И великій выигрышъ учителя заключается въ искусствѣ замаскировать свою учительскую роль легкостью стиля, будто случайно вызванной вереницей идей, тонкимъ умѣньемъ «поводъ» связать съ проповѣдью.

Въ результатѣ едва ли не всѣ принципы литературной критики, какъ его понималъ Полевой, множество воззрѣній нравственнаго и общественнаго содержанія, нерѣдко личная исповѣдь писателя высказаны и объяснены «по поводу» какого-нибудь мелкаго книжнаго, театральнаго или житейскаго факта. Эти объясненія,—напримѣръ, тотъ же портретъ высокороднаго литератора,—случалось, увлекали критика далеко за предѣлы поставленнаго вопроса и на его долю приходилось развѣ нѣсколько заключительныхъ замѣчаній. Но читатель не могъ чувствовать себя разочарован-

---

[158]) XXV, 132—3.

[159]) XIX, 124—5.

нымъ: ничтожество повода достаточно иллюстрировалось этими замѣчаніями, а сама статья всегда оставляла глубокое впечатлѣніе пріятнаго и поучительнаго сюрприза.

L.

Мы знаемъ, надъ журналомъ Полевого издѣвались за небывалую въ русской журналистикѣ пестроту содержанія, особенно доставалось издателю за модныя картинки. Положимъ, модныя картинки издавались при самыхъ серьезныхъ журналахъ и десятки лѣтъ спустя, и, напримѣръ, герой Глѣба Успенскаго испытывалъ при этомъ фактѣ отнюдь не приливъ юмористическаго настроенія, а нѣчто близкое къ драмѣ и горючимъ слезамъ. Его «точно варомъ обдало» при одной мысли, что для нѣкоторыхъ русскихъ читателей надо писать о модахъ, въ какія бы то ни было времена... [160]).

Но Полевой поступалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ описатель модъ тридцать лѣтъ спустя. Можетъ быть, уловки редактора не лишены наивности, но всѣ онѣ направлены къ одной, менѣе всего наивной цѣли и извѣстный характеръ пріема зависѣлъ всецѣло отъ аудиторіи, внимавшей публицисту.

Напримѣръ, по поводу украшеній дамскихъ шляпокъ и платьевъ совершается экскурсія въ область естественной исторіи и предлагаются свѣдѣнія о птицѣ марабу. Та же бесѣда о модахъ уполномочиваетъ журналиста лишній разъ выступить на защиту просвѣщенія, и только потому, что приходится сообщать о туалетахъ парижскихъ дамъ, посѣтившихъ *засѣданіе академіи* [161]).

Не выше модъ, конечно, также вопросъ о балетѣ, именно о четырехактномъ балетѣ *Рауль синяя борода*. Но какъ разъ этотъ балетъ наводитъ автора на воспоминанія о добромъ старомъ времени французскаго классицизма и о жестокихъ гоненіяхъ классиковъ на романтизмъ. А эти воспоминанія, въ свою очередь, вызываютъ автора на разсужденія о неизбѣжности прогресса, о естественной смѣнѣ стараго новымъ. Это ни болѣе, ни менѣе какъ, основной одухотворяющій принципъ всей публицистической дѣятельности Полевого, какъ ее представляетъ Бѣлинскій: «мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣжать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы». Бѣлинскій прибавляетъ, что эта истина, теперь общее мѣсто, была принята въ свое время «за опасную ересь» [162]).

---

[160]) *На старомъ пепелищѣ*.
[161]) XIX, 275; XXXI, 399.
[162]) XIX, 150, XXIII, 140.

Но, пожалуй, опасныя ереси безопаснѣе проповѣдывать въ легкой бесѣдѣ о модахъ и балетахъ, чѣмъ въ нарочито важныхъ рѣчахъ, и *Телеграфъ* по случаю *Рауля* пишетъ слѣдующее:

«Никто не ропщетъ на неумолимое время за то, что оно ежеминутно дѣлаетъ человѣка старѣе и старѣе, одно поколѣніе замѣняетъ другимъ; никто не сѣтуетъ о томъ, что дѣти, сохраняя нѣкоторыя черты родителей, не совершенно похожи на нихъ, а имѣютъ собственныя физіономіи. Итакъ, если сама природа столь неутомимо производитъ новое и новое, истребляя все устарѣвшее, то почему же намъ хотѣть положить преграды дѣятельности ума человѣчества?»

И дальше слѣдуетъ живая жанровая картина—старушки, когда-то красавицы и чаровательницы, теперь одинокой и осужденной на одни воспоминанія рядомъ съ прелестными внучками...[163]). Картинка смѣняется остроумной пародіей проповѣдей русскихъ классиковъ съ ископаемыми словечками подлинныхъ статей Каченовскаго, и на долю балета остается всего четыре строчки, но зато устроена лишняя атака на ненавистный старовѣрческій лагерь.

Къ тому же вопросу критикъ *Телеграфа* возвращается и по поводу игры Мочалова въ *Гамлетѣ*, мимоходомъ разсказывается вкратцѣ цѣлая исторія сценической игры въ Россіи. По поводу представленія на московской сценѣ *Школы мужей* обозрѣвается драматическая дѣятельность Мольера, развитіе мѣщанской драмы и судьба театра въ эпоху революціи [164]). Критикъ убѣжденъ, что «и водевиль играетъ свою роль въ жизни нашего просвѣщенія», и принимается «философствовать» «ради» водевиля [165]).

Легко представить, что по случаю булгаринскаго *Димитрія Самозванца*, важнаго литературнаго факта своего времени, пишется цѣлая диссертація о классицизмѣ и романтизмѣ, наравнѣ съ классиками жестоко достается неистовымъ романтикамъ [166]).

Мы вполнѣ можемъ оцѣнить эту находчивость и бойкость пера по матеріалу, обильно разсѣянному въ статьяхъ *Телеграфа*, по цитатамъ чужихъ упражненій. *Телеграфу* приходилось разбирать

---

[163]) Отд. изд., стр. 38.

[164]) XXVIII, 116. Статья принадлежитъ Василію Ушакову дѣятельному театральному критику *Телеграфа*. Сначала онъ, подобно Марлинскому, выступилъ врагомъ *Телеграфа*, но потомъ сталъ сотрудникомъ журнала. О немъ Кс. Полевой, стр. 137—139 и 267—269. Статьи Ушакова въ *Телеграфѣ* подписаны *В. У.*

[165]) XXIX, 271, 547.

[166]) XXXII, 232. Статья того же Ушакова, состоявшаго въ близкомъ знакомствѣ съ Булгаринымъ. Этимъ фактомъ объясняются слишкомъ горячія похвалы роману, хотя *Телеграфъ*, за исключеніемъ ранняго періода, не стѣснялся въ самыхъ лестныхъ отзывахъ о произведеніяхъ Булгарина.

*

професорскія піитики, оригинальныя или переводныя, написанныя такимъ стилемъ:

«Изъ соннаго искусства изсѣкателей извели для наслажденія сладкомечтающихъ художниковъ одну соединенную дѣйствительность». Это изъ переводной книги, обязанной своимъ существованіемъ, между прочимъ, Шевыреву.

Въ журналѣ другого московскаго ученаго, Каченовскаго, печаталась «изящная словесность» на такомъ языкѣ:

«Цыганообразный прибылъ, какъ продолженіе разговора показало, изъ Кларенбурга, гдѣ покойная моя бабушка провела послѣднюю половину своей жизни; влекомый потокомъ болтливости, скоро и ея самой коснулся онъ своимъ разсказомъ». Или дальше: «Мы встали; я же нырнулъ въ боковую комнату».

Мы знаемъ, не менѣе оригинальна была рѣчь и третьяго московскаго профессора Надеждина, какъ автора диссертаціи. Онъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ Каченовскимъ доставлялъ «сыщикомъ» *Телеграфа* богатѣйшую наживу [167]). Даже словари давали *Телеграфу* возможность писать презабавные отчеты и, чтобы убить одно изъ подобныхъ изданій, достаточно было, по его выраженіямъ, составить слѣдующтю фразу: «Я взялъ *абшитъ* и теперь живу какъ *безмолвникъ*, но *безмрачный*, ибо *безмятежіе* даетъ *доброгласіе* моимъ чувствамъ. Мнѣ нужна теперь только *добродѣйка* для *благосчастія* въ жизни». Наконецъ, кн. Шликовъ, комическій воздыхатель и притязательный знатокъ тона и французскаго діалекта, одними только опечатками во французскихъ словахъ вдохновляетъ *Телеграфъ* на убійственную сатиру [168]).

Очевидно, подобные таланты и умы невольно внушали критику пародіи и ими *Телеграфъ* пользовался весьма охотно. Напримѣръ, въ «Отрывкахъ изъ новаго альманаха «*Литературное зеркало*» напечатаны сцены изъ трагедіи *Стенька Разинъ*, превосходно пародирующія таланты и произведенія Демишиллеровъ, т. е. псевдоромантиковъ. Сатира не минуетъ, конечно, злополучной «душегрѣйки», одной изъ самыхъ излюбленныхъ мишеней *Телеграфа*. Но здѣсь же направленъ и вполнѣ цѣлесообразный ударъ въ философско-романтическую выспреннюю поэтику. Демишиллеровъ убѣжденъ: «только тѣ минуты жизни поэтовъ, которыя выдаютъ изъ жизни вседневной, имѣютъ право входить въ заколдованный кругъ ихъ мечтаній» [169]).

---

[167]) XII, 255; XIX 274—5, XXXI, 353—4.

[168]) XIV. 129, 197. Еще забавнѣе исторія съ отзывомъ *Révue encyclopédique* о *Дамскомъ журналѣ* Шаликова. Князь жаловался, почему *Телеграфъ* не привелъ этого отзыва. *Телеграфъ* въ отвѣтъ перепечаталъ статью французскаго журнала и она оказалась менѣе всего лестной для чувствительнаго редактора. XIV, 99.

[169]) XXXII, 74.

Эта воинственность, конечно, не оставалась безъ возмездія. *Телеграфъ*, и въ самомъ началѣ встрѣтившій немного друзей, съ каждымъ мѣсяцемъ пріобрѣталъ все больше враговъ. Стрѣлы направлялись на самый, по мнѣнію противниковъ, уязвимый пунктъ—прежде всего на общественное положеніе заносчиваго редактора.

Полевой—*купецъ* и даже торговецъ водкой: въ глазахъ Каченовскаго, Шаликова и вообще патентованныхъ педантовъ и благородныхъ литераторовъ—это клеймо и въ нѣкоторомъ родѣ лишеніе правъ. Даже Пушкинъ присоединилъ свой голосъ къ аристократической критикѣ. Сначала поэтъ доволенъ *Телеграфомъ* и «остренькимъ сидѣльцемъ». Но довольство, повидимому, поддерживалось исключительно посредничествомъ кн. Вяземскаго, по крайней мѣрѣ, таковъ смыслъ писемъ Пушкина къ князю. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ нападкахъ на Полевого за невѣжество и даже безграмотность, Пушкинъ цѣнилъ его отзывы и «съ нетерпѣньемъ» ждалъ ихъ о произведеніи Гоголя [170]).

Раздраженіе Пушкина было вызвано крайне рѣзкими нападками *Телеграфа* на «литературную аристократію». Полевой помнилъ, какъ его принимали въ литературныхъ салонахъ, судьба аристократическихъ изданій отнюдь не отличалась блескомъ и силой, и, естественно, *Телеграфъ* не пропускалъ случая посмѣяться надъ привилегированными словесниками. Пушкинъ отвѣчалъ въ *Литературной Газетѣ*.

Поэтъ, какъ часто бывало съ нимъ, пересолилъ въ своемъ гнѣвѣ и статью закончилъ такой исторической справкой:

«Эпиграмма демократическихъ писателей XVIII-го вѣка пріуготовила крики: *Аристократовъ къ фонарю* и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ его, повѣсимъ*. Avis au lecteur» [171]).

Любопытно было, что въ числѣ столь опасныхъ враговъ аристократіи оказывались, кромѣ Полевого, Гречъ и Булгаринъ.

Полевой отвѣчалъ достойной отповѣдью «литературной недобросовѣстности», и, конечно, не думалъ прекратить своей войны съ «аристократами».

Въ отместку, на него сыпались сатиры за плебейство. Въ 1830 году въ Москвѣ вышелъ «нравственно-сатирическій романъ»: *Купеческій сынокъ или слѣдствіе неблагоразумнаго воспитанія*: стихи романа должны были пародировать мѣщанскій жаргонъ [172]).

Вопросъ вдругъ принялъ высоко оффиціальный характеръ. Графъ Бенкендорфъ остался недоволенъ статьей *Литературной Газеты* и потребовалъ объясненія у цензуры. Та отвѣчала въ

---

[170]) Письма въ іюнѣ и отъ 15 сент. 1825 года. Письмо къ Гоголю отъ 25 авг. 1831 года.

[171]) *Литературная Газета*, 1830, № 45.

[172]) Барсуковъ, III, 232.

высшей степени краснорѣчивымъ соображеніемъ, очевидно, за свой счетъ вступая въ литературно-политическую полемику съ журналистомъ-плебеемъ. Здѣсь какъ бы слышатся первые отголоски надвигающейся грозы. Цензоръ доносилъ о «стремленіи *Московскаго Телеграфа* выставить съ дурной стороны русское дворянство, чрезъ осмѣиваніе онаго почти въ каждой книжкѣ журнала разными критическими пьесами». А это стремленіе, по мнѣнію цензора, заслуживало «сильнаго опроверженія», какъ дѣло неблагонамѣренное.

Шаликовъ, чрезвычайно дороживший своимъ титуломъ грузинскаго князя, клеймилъ Полевого «мюжжикомъ» и отрицалъ у него тонкія чувства [173]). Но аристократы, какъ видимъ, не стѣснялись въ эпитетахъ. Особенно отличалась *Галатея*, издававшаяся Раичемъ. Далѣе, кн. Вяземскій, самъ любившій чернильныя войны, возмущался тономъ журнала и находилъ одно объясненіе: Раичъ «спился. Трезвому невозможно такимъ образомъ и такъ скоро опошлиться» [174]).

У Полевого, слѣдовательно, оказывалось два принципіальныхъ врага—литературная аристократія и академическая наука. И замѣчательно, оба врага шли однимъ путемъ, очевидно, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ духу времени. Если Пушкинъ договорился до революціонныхъ эпизодовъ, Надеждину и Каченовскому было несравненно легче дойти уже прямо до юридическихъ бумагъ.

Въ *Молвѣ*, среди многочисленныхъ уликъ и критикъ, было представлено такое историческое соображеніе:

«Если находятся еще въ Россіи квасные патріоты, которые, наперекоръ Наполеону, почитаютъ Лафайэта человѣкомъ мятежнымъ и пронырливымъ, то пусть они заглянутъ въ № 16 *Московскаго Телеграфа* (на страницѣ 464) и увѣрятся, что «Лафайэтъ—самый честный, самый основательный человѣкъ во французскомъ королевствѣ, чистѣйшій изъ патріотовъ, благороднѣйшій изъ гражданъ, хотя вмѣстѣ съ Мирабо, Сіесомъ, Баррасомъ, Барреромъ и множествомъ другихъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей революціи; пусть сіи квасные патріоты увидятъ свое заблужденіе и перестанутъ

Преврѣнной клеветой злословить добродѣтель» [175]).

Мы оцѣнимъ вполнѣ эту справку, встрѣтивъ ее въ обвинительномъ актѣ Уварова противъ Полевого: оффиціальный документъ буквально воспроизводилъ домыслъ журналиста [176]).

Ученые шли еще дальше: они не желали допускать Полевого даже въ свою среду. Когда Общество исторіи и древностей рос-

---

[173]) Кс. Полевой, 261.

[174]) Барсуковъ, II, 329.

[175]) *Молва*, 1831 года, № 48.

[176]) Сухомлиновъ. *О. с.*, стр. 418.

сійскихъ выбрало автора *Исторіи русскаго народа* въ свои члены, Арцыбашевъ—одинъ изъ жестокихъ критиковъ Карамзина—заявлялъ свое глубокое негодованіе Погодину. Оно особенно любопытно въ устахъ сравнительно самостоятельнаго и свѣдущаго изслѣдователя русской исторической науки.

«Состояніе Полевого,—писалъ онъ,—укоризна не ему, но тому ученому обществу, которымъ онъ удостоенъ, безъ всякихъ заслугъ, членскаго званія. Купца 3-й гильдіи можетъ судебное мѣсто высѣчь плетьми и—кто знаетъ будущее?—можетъ быть, со временемъ высѣкутъ Полевого».

Арцыбашева приводитъ въ отчаяніе эта возможность, но не ради Полевого, а ради чести ученаго общества. «Есть и крѣпостные люди съ ученостью,—продолжаетъ онъ,—лучшею, нежели Полевой, такъ неужели же и ихъ производить въ члены ученаго общества, состоящаго при университетѣ?» [177]).

Съ теченіемъ времени эта учено-аристократическая атака на удачливаго журналиста-плебея перешла даже на театральныя подмостки и московская сцена увидѣла небывалое зрѣлище: полемику драматическаго автора съ критикомъ путемъ веселыхъ куплетовъ.

А. И. Писаревъ, очень плодовитый, талантливый стихотворецъ и драматургъ, обидѣлся отзывомъ Полевого еще въ *Отечественныхъ Запискахъ*, издалъ цѣлую брошюру *Анти-Телеграфъ* и въ водевиль *Три десятки* вставилъ куплеты, долженствовавшіе поразить невѣжество Полевого:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить,
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ сбирается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ.
Не пора ль ему шепнуть:
«Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ-нибудь!»

Въ театрѣ поднялся страшный шумъ: сторонниковъ Полевого среди публики оказалось больше, чѣмъ враговъ, и водевиль скоро былъ снятъ со сцены [178]).

Наконецъ, были у Полевого противники болѣе, для него чувствительные и опасные, чѣмъ профессора и поэты—современная университетская молодежь. Журналистъ, естественно, очень дорожилъ ея расположеніемъ, но безпрестанно между нимъ и студентами обнаруживались недоразумѣнія, и по очень простой причинѣ.

Мы знаемъ, Полевой, по строго-практическому складу своего

---

[177]) Барсуковъ, III, 45.

[178]) Подробности о Писаревѣ въ *Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ* С. Т. Аксакова. Эпизодъ съ водевилемъ, Кс. Полевой, стр. 141, ср. Колюпановъ, I (2), стр. 300, прим. 72.

ума, менѣе всего былъ способенъ увлечься чистыми отвлеченностями или даже реальными, но слишкомъ отдаленными умозрительными перспективами. И мы слышали отзывъ философской молодежи о смутѣ философскаго міросозерцанія Полевого. Одинъ изъ представителей этой молодежи отмѣчаетъ еще болѣе существенный недостатокъ: недоступность для Полевого идей, не шеллинегіанства и сенъ-симонизма, идей рѣзкой политической и жизненной окраски. Полевой, очевидно, за нѣкоторыми дѣйствительно слишкомъ поэтическими и мечтательными идеалами Сенъ-Симона, не могъ различить преобразовательнаго и особенно критическаго зерна школы.

«Для насъ», писалъ много лѣтъ позже оппонентъ Полевого, «сенъ-симонизмъ былъ откровеніемъ, для него безуміемъ, пустой утопіей, мѣшающей гражданскому развитію» [179]).

Можно представить, какой богатый матеріалъ накоплялся въ современной журналистикѣ на тему *Анти-Телеграфъ*. Уже въ половинѣ 1825 года издатель могъ составить «особенное прибавленіе» къ своему журналу, состоявшее исключительно изъ критическихъ статей противъ *Телеграфа* [180]).

Это предпріятіе, конечно, должно было только еще больше расплодить возраженія и брань, и Полевой, повидимому, начиналъ чувствовать усталость и охлажденіе къ безпрерывнымъ стычкамъ, и въ концѣ 1826 года объявлялъ публикѣ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи — больше не печатать антикритикъ [181]). Но эта политика осталась въ проектѣ, журналъ по прежнему продолжалъ воевать и даже прямо заявлялъ о необходимости полемики, «журнальная брань» то же, что «уголовныя слѣдствія въ государственномъ управленіи» [182]).

Но *Телеграфъ* «бранилъ» не личности, а дѣла и произведенія, между тѣмъ какъ противъ него велась почти исключительно личная война. Краснорѣчивѣйшее доказательство безсилія противниковъ въ литературной борьбѣ, и въ то же время большихъ талантовъ и чрезвычайныхъ успѣховъ Полевого. Даже Уваровъ совѣтовалъ журналистамъ прекратить «дерзкія личности», отнюдь, конечно, не изъ сочувствія къ Полевому, а чтобы «облагородить изданія» [183]).

Замѣчательно, даже Булгаринъ вожделѣлъ о чемъ то подобномъ и въ предисловіи къ своимъ *Воспоминаніямъ* укорялъ критику въ неблагородныхъ побужденіяхъ [184]).

Но мы все-таки не должны думать, что хотя бы даже въ жало-

---

[179]) *Былое и думы*, VI, 198.
[180]) Кс. Полевой, стр. 134.
[181]) XII, 247—8.
[182]) XXXI, 417.
[183]) Барсуковъ, IV, 99.
[184]) Предисловіе къ IV-й части, изд. 1848 года.

бахъ Бургарина заключалось одно лицемѣріе. Журналы просто *не могли* быть иными и содержаніе ихъ не становилось благороднѣе, отнюдь не по исключительной винѣ издателей.

Мы знаемъ мнѣніе Полевого о современной журнальной публикѣ. Онъ не стѣснялся это мнѣніе высказывать и въ болѣе откровенной формѣ. Большая часть публики любитъ перебранки литераторовъ, запальчивое остроуміе предпочитаетъ какой угодно критикѣ. Въ умственномъ развитіи она едва доросла до творчества Булгарина, и *Телеграфъ*, одобряя *Ивана Выжигина*, отлично сознаетъ секретъ его успѣха,—Вальтеръ Скоттъ не вполнѣ понятенъ для русскихъ читателей, а Булгаринъ «наклоняется до публики» [185]).

Автору и журналисту приходится «угождать» и «услуживать», какъ мы читаемъ въ одной статьи *Телеграфа* [186]), не смотря на твердое рѣшеніе издателя не заискивать предъ чернью. Но гдѣ же взять читателей помимо этой черни?

Въ высшемъ обществѣ русскихъ книгъ не читаютъ, тамъ думаютъ и говорятъ на чужихъ языкахъ, и тотъ же Булгаринъ оплакивалъ судьбу русскаго писателя, являющагося ниже иностранца въ своемъ отечествѣ. Даже классическія произведенія распродавались крайне медленно, напримѣръ, *Исторія* Карамзина, сочиненія Батюшкова, Жуковскаго [187]). Въ журналахъ, мы знаемъ, не платили гонорара вплоть до появленія *Телеграфа*: исключеніе сдѣлала на короткое время *Полярная звѣзда*, потомъ съ 1825 года примѣру ея послѣдовалъ Гречъ [188]).

Такія условія менѣе всего могли поднять достоинство литературнаго труда и журнальныхъ сотрудниковъ. Въ результатѣ, помимо угожденія публикѣ, ихъ тонъ, по самой обстановкѣ, впадалъ въ крайности, и непремѣнно мелочныя и личныя. Тотъ же Уваровъ, желавшій облагородить русскіе журналы, энергично настаивалъ на ихъ «опасномъ направленіи», требовалъ, чтобы они прекратили «дерзкое сужденіе о предметахъ, лежащихъ внѣ ихъ круга». Позже мы увидимъ, что̀ это значило практически и что въ глазахъ министра считалось нестерпимой дерзостью... Можно подивиться таланту Полевого въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ говорить о «предметахъ» среди многообразнѣйшихъ Сциллъ и Харабдъ. Бѣлинскій былъ правъ, отмѣчая прежде всего литературность полемики *Телеграфа*: мы видимъ, это элементарное качество всякой культурной журналистики превращалось въ подвигъ во времена Полевого.

---

[185]) XII, 247; XXVIII, 78.

[186]) XIX, 180.

[187]) Въ *Русскомъ Архивѣ*. Ср. Весинъ, *Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ*. Спб. 1881, стр. 223, 16[5].

[188]) Кс. Полевой, 203—4.

LI.

Уже по отрывочнымъ примѣрамъ мы могли судить о богатствѣ талантовъ нашего журналиста, и на первомъ планѣ стоитъ публицистическій талантъ. Полевой много заботился о критикѣ, но и въ ней онъ оставался политикомъ очень яркой окраски. Сравнительно съ его заслугами, какъ общественнаго мыслителя, его критическая дѣятельность является второстепенной. Въ критикѣ онъ становился вполнѣ сильнымъ и свободнымъ, когда приходилось рѣшать общественный или нравственный вопросъ, а не эстетическій, не чисто художественный.

Мы видѣли, «Телеграфъ» ратовалъ за романтизмъ. Здѣсь ничего не было ни смѣлаго, ни оригинальнаго. *Телеграфъ* только не поскупился на энергію и на остроуміе въ нападкахъ на классиковъ. Защищая, напримѣръ, Мицкевича отъ классическихъ зоиловъ, *Телеграфъ* уподобляетъ ихъ «гаду, перегрызть ногу тщившемуся», при другомъ случаѣ сравниваетъ съ «совами», просиживающими «всю жизнь въ одномъ дуплѣ, не заботясь о мірѣ» и нетерпимыми къ чужой жизни и ко всей вселенной внѣ ихъ гнѣзда [189]). Вообще «педанты» и диктаторы не находятъ пощады у критиковъ *Телеграфа*. Журналъ очень мѣтко опредѣляетъ основную литературно-общественную разницу между классиками и романтиками: одни сидятъ въ крѣпости изъ древнихъ книгъ, другіе увлекаютъ публику, и побѣда ихъ несомнѣнна. Критикъ *Телеграфа* умѣетъ забавно изложить драматическіе пріемы классиковъ не съ меньшимъ остроуміемъ, чѣмъ когда-то дѣлали то же самое враги классицизма во Франціи XVIII вѣка [190]). Но съ особенной жестокостью уничтожены классики и ихъ ученость по поводу *Горя отъ ума*. Статья безъ подписи и, можетъ быть, принадлежитъ самому издателю: въ прочувствованной рѣчи невольно слышится личное наболѣвшее чувство «самоучки» и «невѣжды».

«Наши ученые,—пишетъ критикъ,—жестоко возстаютъ противъ всего новаго, даже противъ новыхъ понятій, для коихъ необходимы новыя слова. Усердіе ихъ простирается до того, что нынѣ они стараются осмѣять даже *высшіе взгляды*, ибо горько разставаться имъ съ своими *низменными взглядами*. Самою лучшею сатирою на русскую ученость было бы то сочиненіе, въ которомъ кто-нибудь собралъ бы все, что осмѣивали и преслѣдовали наши ученые отъ временъ Тредьяковскаго до нашихъ. Тредьяковскій язвилъ Ломоносова, Ломоносовъ мѣшалъ Миллеру, Сумароковъ перечилъ Ломоносову, а тамъ, а тамъ... можно досчитаться

---

[189]) XXII, 305; XXIX, 4, 5, 109, 265.

[190]) Напр., Grimm, *Corresp. littéraire*, XV, 238. *М. Тел.*, XXIX, 494.

и до нашихъ дней. И все за новые взгляды, за новыя ученія, за новыя слова, за новыя новости. Тредьяковскій думалъ, что Ломоносовъ роняетъ россійскую ученость; Ломоносовъ говорилъ, что Миллеръ оскорбляетъ русскихъ, выводя ихъ отъ шведовъ, а Сумарокову не нравилось все, что было не его, или не господина Расина и не господина Вольтера». Именно новизнѣ характеровъ и драматическаго развитія *Горе отъ ума* обязано жестокой враждой классиковъ [191]).

Естественно, *Телеграфъ* отрицалъ вообще всякія попытки подчинить поэзію правиламъ. Ихъ не существуетъ для искусства всѣхъ временъ, такъ же какъ и для «дѣйствій человѣчества». «Поэзія—самое свободное, неуловимое изъ всего проявляющагося въ человѣчествѣ» [192]).

Этотъ взглядъ *Телеграфъ* съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ въ театральной критикѣ, именно въ сравнительной оцѣнкѣ двухъ знаменитѣйшихъ трагиковъ—Мочалова и Каратыгина. Журналъ отдавалъ преимуществю московскому артисту: онъ «больше говоритъ душѣ и сердцу зрителей». Каратыгинъ «весь—искусство», Мочаловъ «весь—чувство»; «одинъ какъ будто говоритъ публикѣ: смотри и удивляйся! другой заставляетъ ее невольно раздѣлять съ нимъ его чувство и принимать малѣйшее участіе въ лицѣ, имъ представляемомъ» [193]).

Любопытна тонкость и проницательность, съ какими *Телеграфъ* предсказалъ торжество Мочалова въ роли *Гамлета*. Каратыгинъ, по мнѣнію критика, превосходилъ Мочалова, исполняя роль по искаженному переводу, т. е. по нешекспировскому тексту. Но въ настоящемъ шекспировскомъ Гамлетѣ Мочаловъ, навѣрное, превзошелъ бы всѣхъ другихъ исполнителей. Предсказаніе исполнилось восемь лѣтъ спустя, когда Мочаловъ привелъ Бѣлинскаго въ восторгъ ролью Гамлета по переводу Полевого [194]).

Всѣ эти идеи о свободѣ творчества, о безцѣльной полемикѣ романтиковъ и классиковъ были продолженіемъ дѣла, начатаго другими. Полевой внесъ въ вопросъ больше послѣдовательности, яркости и чисто-публицистической страсти. Для него романтизмъ являлся торжествующей школой во имя практической жизненности, свободы и прогресса, а не философскихъ и эстетическихъ соображеній. *Телеграфъ* поэтому не отказался напечатать въ статьѣ

---

[191]) XXXVIII, 128—9.

[192]) XIV, 289.

[193]) XXIX, 107.

[194]) Ст. о Мочаловѣ—*В. У.*, XXIX, 275. О переводѣ *Гамлета* и первомъ представленіи трагедіи въ переводѣ Полевого — Кс. Полевой, 365. Особенно любопытенъ разсказъ автора о помощи, какую К. А. Полевой оказалъ Мочалову при изученіи роли Гамлета.

кн. Вяземскаго суровый запросъ русскимъ философамъ, подвизавшимся въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Дѣло началось изъ-за сочиненій Вальтеръ-Скотта.

Критикъ требовалъ «практической рецензіи», столь же ясной и положительной, какъ творчество романиста. Только при такихъ условіяхъ можно «дѣйствовать на умы» русскихъ читателей.

«Русскій умъ любитъ, чтобы ему было за что держаться, а не любитъ плавать въ туманахъ и влажной мглѣ, въ стихіи неопредѣленной, въ которой нѣмцу раздолье, какъ рыбѣ въ прохладной рѣкѣ» [195]).

Но это не значило, будто *Телеграфъ* вообще открещивается отъ философіи. Напротивъ, онъ усвоилъ вполнѣ современный европейскій взглядъ на неё, какъ на положительную науку. Авторитетъ *Телеграфа*—французская философія въ лицѣ Кузэна.

Ксенофонтъ Полевой жестоко напалъ на Кирѣевскаго, когда тотъ непочтительно отозвался о французскомъ философѣ, обвинилъ въ заимствованіяхъ у нѣмцевъ. И замѣчательно, даже по этому случаю *Телеграфъ* не забываетъ указать на мѣрное развитіе литературной и политической жизни Франціи и, повидимому, этотъ именно фактъ заставляетъ критика французскую философію предпочитать всякой другой [196]).

Естественно, журналъ не преминулъ затронуть очень щекотливый вопросъ о философіи XVIII-го вѣка. Мы знаемъ, какъ его рѣшали профессора московскаго университета, въ родѣ Каченовскаго и Надеждина, и, по условіямъ времени, поступали вполнѣ цѣлесообразно. *Телеграфъ* занимаетъ противоположное положеніе.

Онъ прежде всего энергично возражаетъ автору, обвинившему просвѣщеніе въ гибели Франціи XVIII-го вѣка. А потомъ даетъ подробное изображеніе борьбы «ѳеологической школы» противъ того же просвѣщенія. Эта школа и не возбуждаетъ въ насъ никакого благороднаго сочувствія, она руководилась почти исключительно «своекорыстіемъ и предразсудками» и возставала противъ просвѣтительной философіи не потому, что она была «чувственная», но потому, что она была «свободномыслящая», враги, слѣдовательно, ненавидѣли ее за то, «что въ ней было лучшаго».

Телеграфъ идетъ дальше. Онъ отдѣляетъ революцію отъ философіи XVIII-го вѣка, считаетъ философію столь же мало виноватой въ ужасахъ революціи, какъ христіанство въ Варѳоломеевской ночи и въ тридцатилѣтней войнѣ [197]).

Сотрудники *Телеграфа* не одобряли ни матеріализма, ни якобинства, и ихъ заслуга состояла именно въ стремленіи выдѣлить,

---

[195]) XXII, 136.

[196]) XXXI, 219.

[197]) XII, 253; XXIII, *Нынѣшнее состояніе философіи во Франціи*, стр. 50 etc

по ихъ мнѣнію, здоровое зерно критицизма и свободы въ философіи прошлаго вѣка и снять съ нея огульное поношеніе реакціонеровъ и мракобѣсовъ [199]).

Это пристрастіе ко всему жизненному и свободному легло въ основу лучшихъ критическихъ статей Полевого.

Телеграфъ съ самаго начала сталъ на сторону Пушкина, провозглашалъ его, не въ примѣръ современному просвѣщенному русскому обществу и даже русскимъ писателямъ, «великимъ знатокамъ языка русскаго». Титулы «великій поэтъ», «человѣкъ геніальный» безпрестанно сопровождаютъ имя Пушкина. Но эти отзывы касались преимущественно «прелестныхъ стихотвореній» поэта. Похвалы понизились въ тонѣ по поводу *Евгенія Онѣгина*, но не сразу. Начало романа привѣтствовалось восторженно, только съ выходомъ дальнѣйшихъ главъ критикъ видѣлъ слишкомъ мало разнообразія въ содержаніи, «краски и тѣни одинаковы», «картина все та же». Критикъ, очевидно, не успѣлъ распознать психологической стихіи въ романѣ и, что̀ еще удивительнѣе, чисто-русскаго реализма въ замыслѣ поэта.

Онъ прикидываетъ «чувствованія» Пушкина къ байроническимъ и находитъ, что первыя «не досягаютъ высоты» вторыхъ. Въ результатѣ совѣтъ поэту—«перейти въ русскій міръ, углубиться въ отечественное, родное ему» [200]).

Три года спустя Полевой давалъ отчетъ о *Борисѣ Годуновѣ* и называлъ Пушкина «первымъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ», «полнымъ представителемъ русскаго духа своего времени», но одновременно подчеркивались два изъяна въ поэзіи Пушкина: карамзинское образованіе въ дѣтствѣ и подчиненіе Байрону. Даже *Евгеній Онѣгинъ*, по мнѣнію Полевого, «русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова».

Мы знаемъ, это взглядъ, довольно распространенный въ ранней критикѣ пушкинскаго таланта. И все недоразумѣніе было создано не заблужденіемъ поэта, а извѣстнымъ типомъ его героя. Евгеній Онѣгинъ, какъ личность, дѣйствительно, копія байроническихъ фигуръ, такъ его именуетъ и самъ поэтъ. Эта подражательность *жизни* была перенесена критиками на произведеніе *автора*, и даже Полевой, при всей своей чуткости къ живой дѣйствительности, не распозналъ истины.

А между тѣмъ, въ той же статьѣ вѣрно оцѣнены недостатки романтической нѣмецкой и французской драмы. Въ *Эгмонтѣ* Гёте и *Донъ-Карлосѣ* Шиллера критикъ не находитъ строго-исторической

---

[198]) Кс. Полевой о Гольбахѣ и Гельвеціи и о философской пропагандѣ *Телеграфа*,—*Записки*, стр. 157—159, ср. Колюпановъ, I (2), стр. 64—5.

[199]) XXI, 513—7; XXIX, 109.

[200]) XXXII, 243, № 6, мартъ 1830 года.

истины и жизненной простоты. То же самое и въ драмахъ Гюго, созданныхъ подъ вліяніемъ систематическаго протеста противъ старой теоріи и построенныхъ непремѣнно на странныхъ противоположностяхъ.

Полевой рѣшительно отрицаетъ эстетическія системы. О Шекспирѣ онъ такъ выражается: «его система въ душѣ, его философія въ сердцѣ, его тайна въ великой идеѣ, которую угадалъ его геній». Ничего преднамѣреннаго и напряженнаго. Критикъ возстаетъ особенно противъ «напряженія», предвосхищая любимый терминъ Писемскаго и всюду ища свободнаго раскрытія природы и таланта поэта.

Полевой идетъ дальше. Онъ готовъ защищать популярнѣйшую идею критики шестидесятыхъ годовъ, о преимуществахъ дѣйствительности надъ творчествомъ. «Никогда фантазія никакого поэта не превзойдетъ поэзіи жизни дѣйствительной».

Слѣдовательно, полная свобода вдохновенной личности художника и реальная жизнь, какъ источникъ вдохновенія. Эти принципы, совершенно установленные Полевымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ первое время изданія *Телеграфа* должны были бороться съ юношескими пристрастіями къ романтизму, хотя бы и въ умѣренной дозѣ по части грандіознаго и чрезвычайнаго.

Напримѣръ, въ статьѣ о сочиненіяхъ Шиллера *Телеграфъ* не признавалъ трагедій, взятыхъ изъ будничной жизни. Такія трагедіи не могутъ «возбудить высокихъ ощущеній». На основаніи этого соображенія въ *Коварствѣ и любви* Шиллера критикъ отрицалъ трагическій интересъ [202]).

Впослѣдствіи на склонѣ лѣтъ и въ упадкѣ литературной энергіи и таланта Полевой снова вернется къ призракамъ молодости и выступитъ противъ Гоголя, какъ поэта слишкомъ низменной дѣйствительности. Къ таланту русскаго сатирика будетъ прикинута мѣрка «высокаго гумора Шекспирова» и «источника остротъ Виктора Гюго»...

Это возвращеніе къ стародавнимъ наивностямъ краснорѣчивѣе всѣхъ патріотическихъ драмъ свидѣтельствовало о нравственномъ шатаніи критика. Но по статьямъ этого періода никто и не станетъ судить Полевого, какъ критика. Ему не суждено было—мы увидимъ какой судьбой—неуклоннаго и неутомимо бодраго литературно-общественнаго прогресса, какъ онъ осуществился въ жизни его прямого наслѣдника—Бѣлинскаго...

Но въ лучшія времена личной энергіи и публицистическаго таланта Полевой стоялъ на высотѣ, не только недоступной, но даже едва понятной большинству его соперниковъ.

---

[201]) XIV, 229, № 8, 1827 года.

[202]) Статьи о Пушкинѣ въ *Очеркахъ русской литературы*, I.

Блестящій примѣръ, тотъ же разборъ «Бориса Годунова», къ сожалѣнію, не дождавшійся окончанія.

Правда, надо имѣть въ виду, что тонъ статьи былъ разгоряченъ въ сильнѣйшей степени полемическимъ настроеніемъ противъ Карамзина, но это обстоятельство не только не повредило истинѣ, а даже помогло критикѣ подчеркнуть ее съ нарочитой яркостью.

Карамзинъ безъ всякой критики принялъ разсказъ лѣтописей о преступленіи Бориса и создалъ изъ его судьбы мелодраму. Поэтъ перенесъ съ буквальной точностью этотъ замыселъ на свою сцену.

Полевой спрашиваетъ: «что могъ извлечь Пушкинъ, изобразя въ драмѣ своей тяжкую судьбу человѣка, который не имѣетъ ни силъ, ни средствъ свергнуть съ себя обвиненіе передъ людьми и потомствомъ!.. Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою, мы видимъ только приготовленія его къ казни и слышимъ только стонъ умирающаго преступника».

Въ этой же статьѣ дано краткое и краснорѣчивое опредѣленіе романтической, точной драмѣ. У нея есть также законы, прежде всего строгое единство дѣйствія. Она не похожа на классическую только тѣмъ, что «условія не безобразятъ истину и жизнь» классическая говоритъ, а она дѣйствуетъ...

Неудача Пушкина въ *Борисѣ Годуновѣ*, слѣдовательно, исключительно вина Карамзина, слѣдовательно, внѣшняго отрицательнаго вліянія на поэта. Собственный же талантъ его, на взглядъ Полевого, всегда стоялъ на высотѣ правды и жизненной силы. Немедленно послѣ кончины Пушкина Полевой предлагалъ возвигнуть ему памятникъ, «достойный его славы и русской чести».

Помимо таланта и дѣятельности Пушкина, *Телеграфъ* безпрестанно обращался и къ другимъ первостепеннымъ русскимъ писателямъ, неизмѣнно стремясь произнести надъ нами судъ принципіальный, всеобъемлющій, истинно-литературный и прочный.

Статьи Полевого о Державинѣ и о Жуковскомъ—цѣлые трактаты, какихъ не знала раньше русская журналистика. Полевой не только попытался опредѣлить поэтическій геній Державина по всѣмъ его произведеніямъ, но отдалъ себѣ ясный отчетъ въ исключительности этого генія для его эпохи. Мы знаемъ, Мерзляковъ уже понималъ поэтическую силу Державина; но это скорѣе было инстинктивнымъ чутьемъ художественной природы критика, чѣмъ подробной и всесторонне развитой идеей. Восторги предъ Державинымъ не помѣшали профессору пользоваться въ своей наукѣ пінтиками, Полевой именно примѣромъ Державина воспользовался ради лишней атаки на теоріи и эстетики. Можетъ быть, статья написана даже съ неумѣреннымъ энтузіазмомъ и подчасъ очень фразисто, что вообще не въ духѣ Полевого, но,

какъ и всегда, критика непосредственно переходила въ воинственную публицистику противъ ученаго педантизма и его претензій сковать разсудочными узами свободный полетъ генія.

Отъ проницательности критика не ускользаетъ основной изъянъ державинскаго вдохновенія — идеализація русской старины вопреки исторической правдѣ. Не будь этого наивнаго увлеченія, Державинъ началъ бы истинно-національный періодъ русской поэзіи. Въ талантѣ поэта было достаточно національныхъ русскихъ стихій, но Державину не доставало яснаго пониманія предмета и даже своего генія. Державинъ легко соблазнился почестями, и чиновничьей дѣятельностью, пошелъ въ вельможи и сановники, а подъ конецъ жизни вздумалъ даже сочинить классическую трагедію.

Всѣ эти недоразумѣнія снова даютъ Полевому поводъ, къ страстнымъ нападкамъ на его жесточайшихъ враговъ—свѣтъ и классицизмъ. Критикъ одновременно говоритъ гражданскимъ голосомъ даровитаго разночинца и сильнаго литератора и лирической рѣчью романтика.

Статья о Жуковскомъ прежде всего блестящая сатирическая характеристика меценатскаго періода русской литературы. Его смѣнили англійскія и германскія вліянія. Жуковскій явился даровитѣйшимъ романтикомъ, но отнюдь не на почвѣ всего европейскаго романтизма. Въ ней нѣтъ народности, нѣтъ и живой дѣйствительности. Эти замѣчанія были сдѣланы и другими, но у Полевого они принимаютъ болѣе рѣзкую форму: народность и дѣйствительность означаютъ чуткое отношеніе поэта къ общественной и политической жизни своего отечества.

У Жуковскаго не было этой гражданской чуткости, и Полевой очень тонко даетъ читателямъ понять основной порокъ прекраснодушнаго романтизма пѣвца «Свѣтланы».

Критикъ не желаетъ прослыть хулителемъ таланта Жуковскаго. «Нѣтъ! — продолжаетъ онъ,— мы сами благоговѣемъ предъ младенческою чистотою этой души, ровною струею переливавшейся черезъ страшную долину событій съ 1803 до 1833 года, переливавшейся постоянно съ гармоническимъ журчаніемъ, не смотря на то, по какимъ бы скаламъ, падавшимъ въ нее со всѣхъ сторонъ, ни текла дума поэта».

Благоговѣніе, врядъ ли искреннее въ устахъ критика и попало оно среди въ высшей степени вѣскихъ укоризнъ, ради только законнаго чувства почтенія къ заслуженному литературному имени дѣйствительно добраго человѣка.

Могъ ли Полевой благоговѣть предъ поэтомъ, «не знающимъ національности русской», — Полевой, произнесшій одновременно въ статьѣ о Мерзляковѣ жестокую отповѣдь перелагателямъ русскихъ народныхъ пѣсенъ? Для критика именно въ просторѣ и грубости

народныхъ думъ заключаются «красоты необыкновенныя», и сотрудничество тонко-просвѣщенныхъ стихотворцевъ съ народомъ онъ считаетъ театральными плясками съ *па* и *антраша*: «крестьяне въ маскарадѣ... ошибка страшная и нестерпимая!».

И въ доказательство Полевой подробно разлагаетъ Мерзляковскія пѣсни на составные элементы—чисторусскіе и иноземные... Но и послѣ этой критики онъ призывалъ читателей къ снисходительности. «Иначе, хваля и презирая безъ отчета, мы будемъ несправедливы».

Эта сдержанность — характерная черта Полевого, какъ критика, и особенно относительно старыхъ, въ свое время значительныхъ литературныхъ именъ. Только одно оказалось исключеніемъ, и по обстоятельствамъ въ высшей степени любопытнымъ и въ исторіи идейнаго развитія Полевого, и въ судьбахъ всей русской критики. Это имя Карамзина.

LII.

Бѣлинскій, мы видѣли, сѣтовалъ на безтактную запальчивость Полевого относительно Карамзина въ *Исторіи русскаго народа*. Критикъ могъ высказать и болѣе существенный упрекъ въ прямой непослѣдовательности мнѣній.

Телеграфъ въ первые годы изданія, повидимому, искренне раздѣлялъ «карамзинолятрію», царствовавшую въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ. Это выраженіе принадлежитъ Гречу, очень сильно изображающему исключительное положеніе «исторіографа» въ послѣдній періодъ его жизни. «Изступленные фанатики,—пишетъ Гречъ,—требовали не только признанія таланта въ Карамзинѣ, уваженія къ нему, но и самаго слѣпого языческаго обожанія. Кто только осмѣливался судить о Карамзинѣ, выбрать въ его твореніяхъ малѣйшее пятнышко, тотъ въ ихъ глазахъ становился злодѣемъ, извергомъ, какимъ-то безбожникомъ» [203]).

Телеграфъ не противорѣчилъ этимъ настроеніямъ.

Журналъ готовъ сопровождать одами даже такія происшествія въ жизни Карамзина, какъ его отъѣздъ заграницу. Напримѣръ, въ 1826 году печатается такое воззваніе къ «Дельфійскому богу»:

Вѣнецъ тобою данъ
Историку, философу, поэту!
О! будь его вождемъ! Пусть, странствуя по свѣту,
Онъ возвратится здравъ для славы Россіянъ! [204])

По смерти Карамзина журналъ восклицалъ:

---

[203]) Гречъ, *О. с.*, стр. 409, 413.

[204]) VIII, 84—стих. В. Пушкина.

«Поэты русскіе! усыпьте могилу его цвѣтами скорби! Вы, которымъ Провидѣніе вручило рѣзецъ исторіи и внушило даръ высокаго краснорѣчія! Воздвигните ему памятникъ нелестнаго сердечнаго слова!» [205]).

Телеграфъ очень хлопоталъ о біографіи, достойной Карамзина, желалъ бы имѣть даже «постоянный журналъ разговоровъ его», изъ иностранныхъ источниковъ собиралъ уважительные отзывы «о первомъ и величайшемъ историкѣ Россіи». Карамзинъ, по мнѣнію *Телеграфа*, «единственный въ слогѣ», представилъ также въ великой и вѣрной картинѣ нашей старины мелкія историческія событія, и журналъ считаетъ долгомъ взять на себя защиту исторіографа предъ иностранцами, ихъ недоразумѣніями, ихъ невѣдѣніемъ русскаго подлинника и дѣйствительнаго положенія русской исторической науки.

Телеграфъ не пропускаетъ случая ссылаться на Карамзина, даже какъ философа, указываетъ, какъ удачно русскій историкъ предвосхитилъ нѣкоторыя мысли Кузэна—величайшаго авторитета сотрудниковъ *Телеграфа* [206]).

Изъ всѣхъ этихъ славословій для насъ особенно важна чрезвычайно высокая оцѣнка историческаго труда Карамзина. Этого мало. *Телеграфъ* взялъ на себя роль оберегателя карамзинской славы, роль очень хлопотливую.

Не всѣ русскіе журналисты оказались зараженными идолопоклонствомъ предъ талантами исторіографа, и на противоположныхъ чувствахъ сошлись самые несходные литераторы и разнообразныя изданія.

Голосъ самомнѣнія раздался въ *Сѣверномъ Архивѣ*, слѣдовательно, изъ устъ Булгарина, еще въ 1825 году, по поводу исторіи Бориса Годунова.

Критикъ упрекалъ историка въ погонѣ за краснорѣчіемъ, за небрежность въ «доказательствахъ» и изслѣдованіяхъ, и, что еще важнѣе, въ равнодушіи къ бытовой исторіи русскаго народа, развитію его учрежденій, его образованію [207]).

Булгаринъ не могъ идти далеко въ своихъ разсужденіяхъ на подобныя темы, по невѣроятному, анекдотическому невѣжеству, засвидѣтельствованному Гречемъ [208]). [Въ Москвѣ нашелся болѣе освѣдомленный журналъ *Московскій Вѣстникъ*, редактируемый Погодинымъ. Онъ открылъ генеральную атаку на *Исторію Государства Россійскаго* статьями И. С. Арцыбашева.

Это былъ «регистраторъ русской исторіи», по выраженію

---

[205]) IX, 80.

[206]) XV, 70; XVIII, 214, 217—8; XXV, 303.

[207]) *Сѣв. Архивъ*, 1825 г., часть XIII.

[208]) *О. с.*, стр. 452—3.

Погодина, до своихъ статей о Карамзинѣ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ занимался «сводомъ лѣтописей», напечаталъ нѣсколько работъ историко-археологическаго содержанія, и въ глазахъ Погодина, очевидно, обладалъ извѣстнымъ авторитетомъ [209]).

Статьи объ *Исторіи* Карамзина появились въ 1828 году и съ самаго начала обнаружили большую запальчивость и даже безпощадность автора.

Арцыбашевъ прежде всего напалъ на слогъ Карамзина, болѣе *провозглашательный*, нежели *историческій*, на стремленіе историка истиной жертвовать «суесловію», прельщать «любителей стараго чтенія». И критикъ нерѣдко очень удачно подбираетъ факты для подтвержденія своихъ укоризнъ.

Напримѣръ, гибель Аскольда и Дира.

«Несторъ даетъ знать просто: убилъ или убили Аскольда и Дира; для чего же написано здѣсь, что они пали *подъ мечами къ ногамъ Олеговымъ?* Такія украшенія въ слогѣ бытописательномъ вредятъ истинѣ и могутъ произвести ненужные споры: иной, обнадѣявшись на слова г. исторіографа, будетъ въ самомъ дѣлѣ утверждать, что Аскольдъ и Диръ убиты *мечами* и пали *къ ногамъ Олега*. Сверхъ того, что значитъ *умолчаніе*, которое историкъ намъ означилъ тремя точками?»

Арцыбашевъ, очевидно, не отступалъ и предъ мелочными придирками, но въ общемъ онѣ давали вѣрное представленіе о наивно торжественномъ велерѣчіи исторіографа. Карамзинъ, оказывалось, даже не оправдалъ своей собственной программы, какъ бы она ни была разсчитана на внѣшнія украшенія исторической истины.

Въ предисловіи историкъ признавалъ непозволительнымъ «для выгодъ своего дарованія обманывать добросовѣстныхъ читателей», «мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ», и послѣ этихъ разсужденій все-таки сочиняется рѣчь Святослава.

Заключеніе критика «довольно красиво, да только не очень справедливо», распространяется на весь трудъ Карамзина и всюду подтверждается самыми наглядными средствами: сличеніемъ карамзинскаго разсказа съ лѣтописнымъ [210]).

Подобная критика не могла отличаться самостоятельной новизной и широтой идей, но, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ поражала выспренняго исторіографа въ самыя чувствительные изъяны его таланта и способа писать исторію на манеръ беллетристики чувствительно проповѣдническаго жанра.

---

[209]) Біографія Арцыбашева и отношенія къ Погодину. Барсуковъ, II, 135 etc.

[210]) *Московскій Вѣстникъ*, 1828, часть XI, стр. 290—292; часть XII, стр. 73, 87—8, 267—8.

Годъ спустя противъ Карамзина выступилъ Полевой. У него, какъ видимъ, были предшедственники, и *Телеграфъ* очень ихъ не жаловалъ. Онъ смѣялся надъ попытками Каченовскаго критиковать историіографа, съ пренебреженіемъ говорилъ объ Арцыбашевѣ и Погодинѣ, объявившемъ историческій трудъ Карамзина «только памятникомъ Карамзина», пишется, наконецъ, спеціальная статья *Антикритика и злобнонравныя замѣчанія не только гг. критиковъ Исторіи государства россійскаго и ихъ сопричетниковъ*. Арцыбашевъ, Строевъ, Погодинъ находятъ достойную, отповѣдь, и особенно достается Погодину, какъ наиболѣе видному ученому [211]).

И въ томъ же году, въ самомъ скоромъ времени, въ томъ же *Телеграфѣ* является статья самого издателя [212]).

Начинается статья очень смѣлыми похвалами *Исторіи* и попутно бросаются укоры по адресу критиковъ въ родѣ Арцыбашева. Вообще Карамзинъ ставится на крайне возвышенный пьедесталъ, наравнѣ съ Ломоносовымъ, но немедленно слѣдуетъ оговорка: значеніе Карамзина, какъ писателя, *историческое*, *сравнительное*. И дальше рядъ замѣчаній касательно *Исторіи*.

Она «неудовлетворительна», «какъ *философъ историкъ*, Карамзинъ не выдерживаетъ строгой критики». Полевой видитъ только «прекрасныя фразы», въ «реторическомъ» карамзинскомъ опредѣленіи исторіи, чрезвычайно ограниченное пониманіе ея цѣлей удовольствіе, *нѣга* читателей, *красота повѣствованія*. Общей руководящей идеи нѣтъ у Карамзина. Ему не доступно и представленіе о «духѣ народномъ», вмѣсто исторіи, у него выходитъ галлерея портретовъ. Притомъ безъ всякой исторической перспективы и безъ критическаго анализа.

Полевой не забываетъ поразить едва ли не самый слабый пунктъ карамзинскаго творенія, — превратное чувство любви къ отечеству. У патріотически-настроеннаго, но не мыслящаго историка, даже варвары являются облагороженными, чрезвычайно доблестными, мудрыми, даже художественно-развитыми, только потому, что Рюрикъ, Святославъ—*русскіе* князья.

У Карамзина нѣтъ ни малѣйшаго представленія объ исторической связи событій, и критикъ, между прочимъ, приводитъ весьма любопытный примѣръ подобнаго же близорукаго историческаго смысла. «Даже въ наше время,—говоритъ онъ,—повѣствуя о французской революціи, развѣ не полагали, что философы развратили Францію, французы, по природѣ вѣтренники, одурѣли отъ года философіи и вспыхнула революція».

Это «наше время», благодаря историкамъ, въ родѣ Тэна, не

---

[211]) *М. Т.*, XXIII, 488, 492; ст. О. Сомова о критикахъ Карамзина, XXV, 238.

[212]) *М. Т.*, 1829 года, XXVII; перепечатана въ *Очеркахъ*, т. II.

сошло со сцены до послѣднихъ дней и, конечно, историческій смыслъ Карамзина долженъ былъ потерпѣть совершенный разгромъ предъ столь простой, но, повидимому, чрезвычайно трудно осуществимой точкой зрѣнія. Естественно, Полевой считаетъ возможнымъ «на каждую главу» исторіи Карамзина написать «огромное опроверженіе, посильнѣе замѣчаній г. Арцыбашева».

Статья не многословная, но поразившая славу Карамзина во всѣхъ существенныхъ источникахъ ея свѣта, патріотическаго чувства и историческаго таланта и разума.

Немедленно поднялась буря. «Идолопоклонники» инстинктивно должны были почувствовать въ Полевомъ несравненно болѣе сильнаго врага, чѣмъ во всѣхъ другихъ зоилахъ Карамзина. Самая сдержанность тона, энергичныя похвалы сообщали особенно рѣзкую соль исторически-сравнительной оцѣнкѣ значенія Карамзина. И во главѣ оскорбленныхъ оказались первостепенные представители современной литературы.

Пушкинъ написалъ рядъ статей объ *Исторіи русскаго народа* и раньше Бѣлинскаго отмѣтилъ будто преднамѣренное совпаденіе *критики и творчества*. Полевой, казалось, за тѣмъ уничтожалъ Карамзина-историка, чтобы самому стать на его мѣсто. Поэтъ говорилъ сдержанно и въ литературномъ тонѣ. Онъ негодовалъ на *Вѣстникъ Европы* и *Московскій Вѣстникъ*, на статьи Надеждина и Погодина, на «непростительнѣйшее забвеніе обязанности» критика. Но, очевидно, Пушкинъ, вдохновившійся именно *Исторіей* Карамзина въ *Борисѣ Годуновѣ*, не могъ простить Полевому посягательства на геній историографа.

Кн. Вяземскій поступилъ гораздо энергичнѣе: отказался отъ сотрудничества въ *Телеграфѣ*, прервалъ даже личныя отношенія съ издателемъ и составилъ о немъ самое удручающее мнѣніе, какъ литераторѣ. Полевой, будто бы, «родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина» [213]).

Негодовалъ и третій корифей современной литературы — Жуковскій. Такимъ подвигомъ оказалось довольно скромное и безусловно справедливое сужденіе о нѣкоей «литературной власти». Полевой, ограничившись статьей, въ сущности не отступилъ отъ своихъ прежнихъ чувствъ къ Карамзину, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ неосторожныхъ раннихъ похвалъ *Телеграфа*

[213]) Полное собр. сочиненій кн. Вяз., 1884 года, IX, 211.

фактической вѣрности карамзинской *Исторіи*. Весь вопросъ сводится къ исторически-относительной оцѣнкѣ Карамзина и ея-то не желали признать ни идолопоклонники, ни даже такіе журнальные бойцы, какимъ съ гордостью заявлялъ себя кн. Вяземскій.

Естественно, у Полевого заговорила желчь и обида. Съ этихъ поръ Карамзинъ становится для него своего родм кошмаромъ. Помимо двойного текста къ *Исторіи русскаго народа*, *Телеграфъ* безпрестанно метаетъ камни въ огородъ историографа и его неразумныхъ почитателей.

До какой степени чувства Полевого были возбуждены нападками на его безусловно искреннюю и литературную попытку опредѣлить мѣсто Карамзина въ русской литературѣ, показываетъ удивительная статья *Телеграфа* о двухъ обозрѣніяхъ русской словесности въ «Денницѣ» и «Сѣверныхъ цвѣтахъ». Статья имѣла въ виду Кирѣевскаго и Сомова, но не упустила и вопроса pro domo sua.

Статья упоминаетъ о злополучной критикѣ *Телеграфа* на Карамзина и заявляетъ: «Авторъ сего разбора, въ качествѣ человѣка, могъ ошибиться, но, какъ гражданинъ и писатель, исполнилъ свой долгъ безукоризненно».

И въ доказательство слѣдуетъ ссылка на иностраннаго критика, во всемъ согласнаго съ русскимъ [214]).

Иностранцы и позже оказываютъ услугу «Телеграфу». Напримѣръ, Брокгаузъ понизилъ цѣны на нѣкоторыя книги, и въ числѣ ихъ оказался нѣмецкій переводъ *Исторіи* Карамзина. Книги эти уступались *за полцѣны*. «Видно, что худо покупаютъ ихъ въ Германіи» [215]).

Въ статьяхъ о разныхъ писателяхъ Полевой не пропускаетъ случая указать на неразумный патріотизмъ Карамзина, на его поверхностное французское отношеніе къ Шекспиру, Канту, Гёте и даже на утомительность его искусственно-красиваго стиля [216]).

Все это несомнѣнные отголоски скорѣе личныхъ настроеній, чѣмъ настоятельной необходимости—добивать величіе Карамзина. Но, соглашаясь съ Бѣлинскимъ касательно патетическаго происхожденія отзывовъ Полевого объ историографѣ въ эпоху *Исторіи русскаго народа*, мы не должны упускать изъ виду цѣлесообразность и въ общемъ полную основательность критики Полевого. Онъ, даже и въ порывѣ сильныхъ чувствъ, приносилъ несомнѣнную пользу здравому смыслу и критической правдѣ, не оставляя въ покоѣ лжей и наивностей своего соперника. Полевой, при всемъ полемическомъ азартѣ, именно по отношенію къ карамзинской и

---

[214]) XXXI, 214.

[215]) XXXVIII, 289.

[216]) Въ статьяхъ о Державинѣ, Жуковскомъ, *Очерки*, I, 78, 104, 140.

исторической школѣ, выполнялъ долгъ гражданина и писателя гораздо «безукоризненнѣе», чѣмъ его жертва со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и національной гордостью.

Тѣмъ же путемъ шелъ Полевой и въ другихъ общественно-литературныхъ вопросахъ своего времени.

LIII.

Мы отчасти знакомы съ демократическими тенденціи Полевого: они—основной символъ его идейной вѣры. *Телеграфъ* въ русской печати явился первымъ органомъ третьяго сословія, т. е. интеллигенціи, разночинцевъ, всего просвѣщеннаго изъ низшихъ сословій въ противоположность *свѣту* и *баричамъ*. Полевой съ гордостью заявлялъ о своемъ происхожденіи изъ купеческаго званія и не остановился предъ самыми презрительными выходками по адресу *боярскихъ дѣтокъ*.

Эти взгляды находились въ совершенно логической связи съ принципами Полевого въ литературной критикѣ. Тамъ *Телеграфъ* неустанно защищалъ талантъ противъ привилегій, т. е. учености, Здѣсь—личность противъ правъ рожденія и положенія. Одна и та же идея личной свободы и личнаго достоинства водила перомъ публициста и эстетика.

Орестъ Сомовъ, при всемъ своемъ романтизмѣ, былъ поклонникомъ свѣта и его вліяній на искусство; кн. Вяземскій, при всей своей публицистической воинственности, также не прочь былъ сдѣлать набѣгъ на несвѣтскихъ литераторовъ. *Телеграфъ* достойно отвѣтилъ тому и другому.

«Большой свѣтъ,—заявлялъ журналъ,—никогда не былъ разсадникомъ дарованій, а, напротивъ, много разъ убивалъ самыя счастливыя надежды». И примѣровъ приводится длинный рядъ—все писателей изъ демократической среды и демократическаго развитія таланта. Особенно эффектно сопоставленіе Шекспира съ его покровителемъ, графомъ Соутгемптономъ, и дальше сравненіе литературныхъ вкусовъ людей знатныхъ и народа.

«Они всегда смотрѣли и будутъ смотрѣть на литераторовъ, какъ на ремесленниковъ, болѣе ихъ искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, но чуждыхъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они покупаютъ книгу такъ же, какъ покупаютъ лампу, кресло, рояль, какъ удобство, но не какъ произведеніе безсмертнаго духа».

Совершенно иначе, по наблюденіямъ *Телеграфа*, относятся къ литературѣ «низшіе классы». Для нихъ «литература есть та стихія, которою они сближаются съ человѣчествомъ. Она просвѣтитъ ихъ умъ, образуетъ ихъ чувства и покажетъ имъ обязанности ихъ къ Богу, къ царю, къ отечеству» [217]).

---

[217]) XXXI, 229.

Отсюда горячая защита литературы, какъ «потребности жизни», «невещественнаго капитала» наравнѣ съ «вещественнымъ». Это сопоставленіе, заимствованное Полевымъ изъ иностранной политико-экономической литературы, вызвало смѣхъ у завистниковъ и противниковъ *Телеграфа*, но идея отъ этого не утрачивала ни своего достоинства, ни своего практическаго значенія именно для русскаго общественнаго сознанія.

Только при одновременномъ и одинаково цвѣтущемъ развитіи *промышленности* и *литературы* «государство является въ полнотѣ народнаго бытія» [219]).

Народъ, какъ основа государственной жизни и литературы, какъ просвѣтительная сила—двѣ могучія стихіи прогресса и благоденствія политическаго общества, *Телеграфъ* поэтому неустанно стоитъ на стражѣ писательскаго достоинства и народнаго просвѣщенія путемъ литературы.

«Сословіе литераторовъ есть одно изъ полезнѣйшихъ въ просвѣщенномъ государствѣ. Оно составляется изъ людей благомыслящихъ, которые съ хорошимъ образованіемъ соединяютъ пламенную любовь къ наукамъ и отважную вражду къ невѣжеству».

Прежде всего къ невѣжеству народа. *Телеграфъ* внушаетъ писателямъ идти съ талантами въ народъ, писать для него. *Телеграфъ* собиралъ свѣдѣнія у книгопродавцевъ, и тѣ охотно замѣнили бы сказки и прочій вздоръ, фабрикуемый для народа, «истинно полезными сочиненіями». И журналъ обращается къ подлежащимъ силамъ съ такимъ воззваніемъ:

«Кто изъ литераторовъ захочетъ посвятить себя полезному, но не славному труду: сочиненію для простого народа книгъ, сообразныхъ цѣли ихъ изданія? Пора бы, однакожъ, подумать объ этомъ! Каждый истинный сынъ отечества, конечно, съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы появленіе полезной для простого народа книжки, нежели десяти стихотвореній къ Лидѣ, къ Лизѣ, къ Машѣ, къ Сашѣ—этой воды, которая потопляетъ наши альманахи и журналы» [220]).

И снова слѣдуетъ любимое доказательство *Телеграфа*, ссылка на западные культурные порядки. Въ Англіи, напримѣръ, цѣлыя общества для изданія простонародныхъ книгъ. Почему, въ Россіи это было совершенно заброшено? А между тѣмъ народу читать нечего, кромѣ старыхъ и заказныхъ книгопродавческихъ книгъ. И *Телеграфъ* предлагаетъ на первое время воспользоваться календарями для распространенія среди народа положительныхъ знаній и здравыхъ понятій [221])

---

[218]) XXIII, 241.
[219]) XXXI, 416.
[220]) XII, 56.
[221]) XIX, 125.

Полевой] оставался вѣренъ себѣ и во «внѣшней политикѣ». Мы знаемъ его недовольство младенческимъ патріотизмомъ Карамзина. Эта тема лежала близко сердцу журналиста. Онъ безпрестанно возвращается къ ней,—и однажды далъ удивительно мѣткое, ставшее знаменитымъ наименованіе извѣстному сорту «любви къ отечеству».

«Многіе признаютъ за патріотизмъ безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называлъ это *лакейскимъ патріотизмомъ*, *du patriotisme d'antichambre*. У насъ его можно бы назвать *квасным патріотизмомъ*. Я полагаю, что любовь къ отечеству должна быть слѣпа въ пожертвованіяхъ ему, но не въ тщеславномъ самодовольствѣ: въ эту любовь можетъ входить и ненависть» [222]).

Нельзя не замѣтить любопытнаго совпаденія нѣкоторыхъ разсужденій Полевого съ идеями первостепеннаго русскаго гуманиста—просвѣтителя Тургенева. Основной принципъ «внутренней политики» — требованіе отъ интеллигенціи работы на пользу народа—скромной, незамѣтной, менѣе всего героической. Во «внѣшней политикѣ»—страстная любовь къ славѣ отечества и жгучая ненависть ко всему, что безславитъ его, приснопамятное потугинское чувство любви и вражды къ родинѣ.

Полевой на каждомъ шагу будетъ напоминать намъ благороднѣйшіе и культурнѣйшіе завѣты нашей литературы.

Указавъ квасной патріотизмъ, Полевой возсталъ противъ славянофильскаго ученія о гніломъ Западѣ. Онъ соглашался съ Кирѣевскимъ насчетъ «великаго предназначенія» Россіи, но совершенно не вѣрилъ, будто государства Европы отжили свой вѣкъ: «новый вѣкъ для нихъ только начинается» [223]).

И въ доказательство «Телеграфъ» не уставалъ перечислять успѣхи Европы въ XIX-мъ столѣтіи во всѣхъ областяхъ творчества и мысли. Именно въ тщательномъ изученіи этихъ успѣховъ, въ усвоеніи культурной энергіи европейцевъ Полевой видѣлъ задачу русскаго просвѣщенія.

Отсюда безпримѣрное усердіе *Телеграфа* сообщать публикѣ литературныя и ученыя новости Европы. Нѣтъ рѣшительно ни одной литературы, какой бы *Телеграфъ* не коснулся, ни одного знаменитаго европейскаго имени въ наукѣ первой четверти XIX-го вѣка, не упомянутаго журналомъ Полевого.

Этотъ «самоучка» приходилъ въ страстное негодованіе на русскую ученую косность и умственную безжизненность. И негодованіе оказывалось вполнѣ праведнымъ, Полевому приходилось высказывать такіе упреки:

---

[222]) XV, 232.
[223]) XXXI, 230—1.
[224]) XXVI, 438—9.

«Равнодушіе русскихъ литераторовъ и ученыхъ людей непостижимо. Твореніе Нибура будто и не существуетъ для нихъ. Ни въ одной русской книгѣ не увидите и слѣда, что автору или переводчику знакомъ Нибуръ. У насъ переводятъ нѣмецкую дрянь прошлаго вѣка, подъ именемъ *исторій*, *географій*, *юридическихъ книгъ*, — и въ голову не придутъ переводчикамъ ни Нибуръ, ни Риттеръ, ни Савиньи. Мы все еще твердимъ о Ролленѣ, Шренкѣ, Аренвилѣ, Гуго Гроціи и въ Клюберѣ думаемъ видѣть великаго человѣка» [225]).

И *Телеграфъ* имѣлъ право гордиться, что онъ познакомилъ русскую публику съ Нибуромъ, Савиньи.

Но Полевой отнюдь не былъ слѣпымъ поклонникомъ европейскихъ авторитетовъ. Напримѣръ, онъ признавалъ полное невѣжество иностранцевъ относительно Россіи и въ *Телеграфѣ* появлялись убійственныя статьи противъ западныхъ путешественниковъ, изучавшихъ Россію въ гостиныхъ или изъ коляски. Особенно доставалось французамъ—за ихъ національное самодовольство, «площадный патріотизмъ», и дѣйствительно, расовое невѣжество въ культурѣ и нравахъ другихъ народовъ [226]). Вообще,— «галломанія» одинъ изъ спеціальныхъ враговъ *Телеграфа* и онъ настаиваетъ на необходимости учиться русскимъ у англичанъ — практическимъ свѣдѣніямъ, наукѣ, общественности, у нѣмцевъ— философіи, литературѣ, а поэзію англійскую журналъ даже и не осмѣливался сравнивать съ французской [227]). Только Кузэнъ стоялъ для *Телеграфа* внѣ критики, и нѣкоторыя произведенія Виктора Гюго.

Но для насъ особенно любопытна полемика *Телеграфа* въ области политической экономіи съ Ж. Б. Сэемъ. Журналъ противъ неограниченной свободы торговли, потому что всякое государство рано или поздно должно развить собственныя производства во всѣхъ областяхъ промышленности.

Государствъ исключительно земледѣльческихъ или промышленныхъ нѣтъ. «Время, въ которое государство довольствуется земледѣліемъ, показываетъ, что сіе государство ниже другихъ по своему образованію гражданскому». И *Телеграфъ* смѣло перечислялъ рядъ производствъ, дѣйствительно позже развивающихся въ Россіи,—напримѣръ, свекловичный сахаръ, и рисовалъ для Россіи будущее всесторонней промышленной дѣятельности. Только она, по мнѣнію журнала, ведетъ къ богатству и просвѣщенію [228]). Статьи по эко-

---

[225]) Сочиненіе Савиньи *Geschichte des römischen Rechts in Mittelalter*, изложено *Телеграфомъ* подробно, томъ XXVIII.

[226]) XV, 231; XXII, 144.

[227]) XV, 237, XX, 252.

[228]) XXIII, 243.

номическимъ вопросамъ писались въ *Телеграфѣ* очень горячо и популярно: издатель, можетъ быть по своей прежней коммерческой дѣятельности, чувствовалъ себя сильнымъ въ этой области. Во всякомъ случаѣ, политическая экономія открывала издателю запретный путь вообще въ политику и лишній разъ доказывала находчивость и энергію Полевого.

Естественно, *Телеграфъ* стоялъ за самое тѣсное сближеніе русскихъ съ родственнымъ племенемъ, поляками. Въ журналѣ усердно писались статьи о Мицкевичѣ, неизмѣнно восторженныя и проникнутыя горячимъ желаніемъ сближенія двухъ народовъ.

Телеграфъ горько сѣтовалъ на незнакомство русскихъ съ польской литературой и языкомъ, ставилъ журналамъ польскимъ и русскимъ въ обязанность «изготовить предварительныя мѣры семейнаго сближенія» и создать обоюдную пользу для словесностей русской и польской. Полевой открываетъ даже постоянный отдѣлъ *Новости польской литературы* [229]). И здѣсь на сценѣ все та же культурность идей и гуманность стремленій.

И все это разнообразіе предметовъ являлось отнюдь не результатомъ одной практической бойкости издателя. Полевой успѣвалъ серьезно учиться и набирать множество свѣдѣній по всѣмъ предметамъ общепросвѣтительнаго характера. Въ критикахъ на историческія сочиненія онъ обнаруживалъ поразительную эрудицію и библіографическія познанія настоящаго ученаго [230]). Литературныя статьи, часто написанныя наскоро и при полномъ отсутствіи разработки матеріала въ этой области, оказывали большія услуги даже спеціалистамъ ученымъ.

Фактъ въ высшей степени краснорѣчивый и онъ засвидѣтельствованъ академикомъ Я. К. Гротомъ.

«Я сталъ читать Державина,—пишетъ Гротъ—по смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ, съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынче писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно *Полевому*. Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сначала въ *Московскомъ Телеграфѣ*, а потомъ составившія книгу *Очерки русской литературы*, при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однакожъ, очень благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

---

[229]) Статьи о Мицкевичѣ, XIV, 192; XXV, 233; XXIX, 3, etc.

[230]) Напр., ст. о сочиненіяхъ Берха, Бергмана и Сумарокова. *Очерки* II, 98.

Ему былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину» [231]).

Способности Полевого шли дальше, чѣмъ распространеніе свѣдѣній, понятій въ литературной исторіи. «Самъ онъ не былъ ученымъ,—говоритъ современный ученый,— но умѣлъ понять всю важность новыхъ изслѣдованій». Полевой, не въ примѣръ заграничнымъ и отечественнымъ ученымъ въ родѣ Каченовскаго, оцѣнилъ литературно-археологическія изслѣдованія Калайдовича [232]).

Подобные факты можно бы умножить, и они свидѣтельствуютъ о совершенно исключительномъ явленіи въ исторіи русской періодической печати, не только временъ Карамзиныхъ и Каченовскихъ, но и позднѣйшей эпохи. Неустанная страсть издателя къ самообразованію, по истинѣ ненасытная жажда знанія—живого, практически-дѣйствительнаго, и поразительное искусство пріобщать къ своему умственному капиталу обширную публику. Еще вчера подписчики журналовъ угощались или идиллическими стишками чаще всего на самомъ дикомъ піитическомъ нарѣчіи, или уличной перебранкой ученыхъ и критиковъ, нерѣдко далеко оставлявшей за собой схватку мольеровскихъ педантовъ, или изслѣдованіями о куньихъ мордкахъ и словесныхъ теоріяхъ, одинаково требовавшими перевода на общедоступный языкъ.

Самымъ литературнымъ и отраднымъ явленіемъ приходилось считать диссертаціи шеллингіанцевъ. Но философы слишкомъ рѣдко спускались на землю и возвышенныя идеи осуществляли на оцѣнкѣ современной художественной дѣйствительности. Шеллингіанство посѣяло много плодотворныхъ, преобразовательныхъ сѣмянъ въ эстетикѣ, но оказалось безсильнымъ одушевить ее публицистической энергіей и буднично-настоятельными идеалами.

Публика по достоинству оцѣнила и педантовъ, и фаустовъ: тѣ умирали естественной смертью отъ худосочія и маразма, эти тщетно усиливались дотянуть до своихъ высотъ толпу.

Явился Полевой, и картина мгновенно измѣнилась.

Журналистъ заговорилъ простой обыденной рѣчью, но о вещахъ важныхъ и поучительныхъ. Идея ни на минуту не утрачивала своего достоинства, и выигрывала въ доступности и простотѣ. Успѣхъ *Телеграфа* быстро засвидѣтельствовалъ цѣлесообразность такой политики, и фактъ засвидѣтельствованъ со стороны, соперникомъ и конкуррентомъ.

Среди воинственнаго натиска на *Телеграфъ* со стороны его собратій, *Отечественныя Записки* Свиньина писали о врагахъ московскаго журналиста:

---

[231]) У Сухомлинова. *О. с.*, стр. 368.

[232]) Пыпинъ, *Меценаты и ученые Александровскаго времени*, Вѣстн. Европы, 1888, V, 720.

«Что бы они ни дѣлали, какъ ни напрягались, а публика сама видитъ ревность издателя *Телеграфа* ознакомить Россію съ ходомъ наукъ и словесности европейской; публика давно признала журналъ сей лучшимъ литературнымъ журналомъ, великодушно прощаетъ ему нѣкоторую небрежность въ переводахъ, нѣкоторую рѣшительность, рѣзкость въ приговорахъ и сужденіяхъ, искупаемыя, впрочемъ, благонамѣренностью цѣли и слишкомъ, можетъ быть, пламенною любовью къ истинѣ и совершенству, и вопреки гонителей и подражателей подписка на *Телеграфъ* увеличивается ежегодно».

Братъ Полевого приводитъ цифры, показывающія изумительный ростъ популярности *Телеграфа*. Первое изданіе, не много меньше тысячи, разошлось до выхода второй книжки, третью книжку пришлось печатать почти въ двойномъ количествѣ экземпляровъ и доходъ издателя съ каждымъ годомъ увеличивался [233]).

Успѣхъ ободрялъ издателя на дальнѣйшее расширеніе и совершенствованіе дѣла, но тотъ же успѣхъ собиралъ все больше тучъ надъ головой удачливаго журналиста и гроза должна была разразиться надъ *Телеграфомъ* въ полный разгаръ его блеска и жизни.

LIV.

Полевой не намѣренъ былъ ограничиться однимъ изданіемъ и его мечты росли одновременно съ популярностью *Телеграфа*. Уже черезъ два года съ половиной онъ задумываетъ газету *Компасъ* и ученый журналъ *Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ*. Въ іюлѣ 1827 года въ московскій цензурный комитетъ былъ представленъ планъ этихъ изданій.

Издатель свидѣтельствовалъ о серьезныхъ успѣхахъ *Телеграфа* въ такой средѣ, какъ ученыя общества и иностранная журналистика. Эти успѣхи обязываютъ издателя «распространить полезную цѣль» журнала, но его размѣры—непреодолимое препятствіе. Приходится откладывать множество дѣльныхъ и любопытныхъ статей. А между тѣмъ издателю желательно «составить полное обозрѣніе современнаго просвѣщенія и настоящія лѣтописи современной исторіи».

Съ этою цѣлью предлагается газета, выходящая по два раза въ недѣлю, и трехъ-мѣсячный журналъ «совершенно ученаго содержанія». Газета должна имѣть два отдѣла — политическій и литературный.

Цензура не находила препятствія удовлетворить ходатайство Полевого, считала только необходимымъ запросить министра на-

[233]) Кс. Полевой, 112, ср. Колюпановъ, I (2), 554.

роднаго просвѣщенія, въ коего вѣдомствѣ состояла цензура, насчетъ политическихъ извѣстій и статей о театрѣ. Министръ касательно политики, въ свою очередь, направилъ вопросъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но сужденія о театральныхъ пьесахъ и объ игрѣ актеровъ — запретилъ безъ всякихъ справокъ. Все прочее Полевому разрѣшалось.

Но пока велось дѣло, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ получилъ три обвинительныхъ акта противъ *Московскаго Телеграфа* и дальнѣйшихъ намѣреній его издателя.

Въ запискахъ указывалось на крайнюю опасность политической газеты: она даже своимъ *молчаніемъ* можетъ «волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ». Потомъ вообще «духъ» *Телеграфа* «есть оппозиція», уже потому, что Полевой принадлежитъ къ среднему сословію, а это сословіе «всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ», а потомъ самая Москва вообще центръ неблагонамѣренныхъ мыслей и поступковъ писателей. Тамъ отъ временъ Новикова до послѣднихъ дней печатаются всѣ запрещенныя и вредныя книги, тамъ и о политикѣ судятъ по своему, не соображаясь съ петербургскими внушеніями. Авторы записокъ обнаруживали рѣдкостный талантъ читать между строкъ. Естественно, Полевой уличался въ примѣшиваніи политики къ рецензіямъ о поэзіи, обвинялся въ «самомъ явномъ карбонаризмѣ» и всѣ москвичи, «замѣченные въ якобинизмѣ», сотрудники *Телеграфа*. Авторы, оказывается, подробно знали личныя знакомства этихъ опасныхъ людей, съ кѣмъ кто «водится» и подкрѣпляли свои домыслы напоминаніемъ о декабрьской исторіи. Сочувственные намеки на декабристовъ добровольцы открывали въ *Телеграфѣ* повсюду и даже кн. Вяземскій попалъ въ авторы «катехизиса декабристовъ», за стихотвореніе *Негодованіе*.

Цѣль была вполнѣ достигнута. Полевой на верху нашелъ единственнаго защитника—И. С. Мордвинова, но защита не принесла никакой пользы. Петербургскіе литераторы и многіе москвичи, по свидѣтельству очевидца, торжествовали побѣду. Полевой не только получилъ отказъ въ своихъ ходатайствахъ, но съ тѣхъ поръ на него обратили особенное вниманіе и ему приходилось теперь дѣйствовать подъ сугубымъ наблюденіемъ.

Неудача не искупала журналиста.

Въ 1831 году онъ является съ новымъ проектомъ расширенія программы и объема *Телеграфа* путемъ приложеній. Программа заканчивалась торжественнымъ изъявленіемъ благонадежности—религіозной и политической. Императоръ Николай не согласился съ этими завѣреніями и на докладѣ министра написалъ: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго».

Рѣшеніе состоялось въ ноябрѣ 1831 года, и вскорѣ мини-

стромъ народнаго просвѣщенія явился Уваровъ, злѣйшій врагъ *Телеграфа* и его издателя. Новый министръ немедленно представилъ государю докладъ о запрещеніи *Телеграфа*, государь отказалъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало второе ходатайство министра, и на этотъ разъ онъ былъ удовлетворенъ.

Что̀ побуждало Уварова къ столь энергическимъ дѣйствіямъ?

Ксенофонтъ Полевой вражду министра къ *Телеграфу* объясняетъ неодобрительными отзывами журнала объ академическихъ изданіяхъ. Но этого обстоятельства врядъ ли было бы достаточно для гоненій министра на журналъ. Уваровъ, несомнѣнно, гораздо̀ важнѣе считалъ «неблагонамѣренность» Полевого касательно другихъ дѣйствій правительства, не академическихъ изданій. А потомъ, ему не давали покоя все тѣ же добровольцы.

Уваровъ, какъ глава цензурнаго вѣдомства, безпрестанно получалъ жалобы на распущенность цензуры. Самолюбіе начальника, естественно, уязвлялось и онъ принялся собирать матеріалы, подтверждающіе жалобы [234]).

Въ результатѣ составилась толстая тетрадь изъ выписокъ за все время изданія *Телеграфа* [235]).

Это въ высшей степени любопытный и содержательный документъ. Начинается онъ съ идей Полевого о назначеніи журнала и журналиста: журналъ долженъ имѣть въ себѣ *душу*, т. е. цѣль, а журналистъ, являться *колонновожатымъ*. Это, по мнѣнію составителя обвинительнаго акта, означало возвѣщать о необходимости преобразованій и восхвалять революцію. Въ подтвержденіе приводился отзывъ *Телеграфа* о французской революціи, какъ фактѣ *европейскомъ* и *необходимомъ*, презрительное мнѣніе о «большомъ свѣтѣ» старой Франціи.

Тотъ же революціонный характеръ приписывался и демократическимъ взглядамъ Полевого. Приводились дѣйствительно эффектныя мѣста изъ статей *Телеграфа*, напримѣръ, о торжествѣ «чернаго человѣка», купца и раба надъ «феодалистомъ» при помощи «*уравнительнаго ядра*». Эти слова подчеркивались обвинителемъ. Слѣдовали дальше цитаты и насчетъ «могущественнаго и сильнаго средняго сословія» Россіи, въ Москвѣ, и особенно такое стремительное заявленіе: «Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ *разночинцевъ* надъ *невѣждами-дворянчиками*. Латы распались въ прахъ».

Удостоилась отмѣтки и слѣдующая программа общественной литературной дѣятельности: «Мы должны помогать правительству,

---

[234]) По словамъ Пушкина, эту работу велъ Бруновъ, по совѣту Блудова Сочин., V, 204.—Исторія запрещенія «Телеграфа» у Сухомлинова. *О. с.*

[235]) Напечатана у Сухомлинова.

создавая русскую промышленность, *русское воспитаніе*, *русскую* литературу, словомъ, *внутреннее образованіе*».

Актъ былъ готовъ, составъ преступленія опредѣленъ, требовался только поводъ къ процессу. Полевой создалъ его—рецензіей на драму Кукольника *Рука Всевышняго отечество спасла.*

Драма съ перваго представленія попала въ разрядъ высокооффиціозныхъ поэтическихъ произведеній. Патріотизмъ автора одобрилъ государь, избранная публика наполняла театръ, сомнѣваться въ достоинствахъ пьесы — значило не признавать русской славы и обнаруживать духъ возмущенія.

Полевой въ Москвѣ, не зная подробностей объ этихъ тріумфахъ драмы, написалъ статью, безусловно неодобрительную и даже ядовитую, пріѣхалъ въ Петербургъ, увидѣлъ собственными глазами и услышалъ отъ другихъ «вліятельныхъ особъ», какому риску подвергалась его чисто-литературная критика, немедленно послалъ въ Москву распоряженіе вырѣзать статью. Но распоряженіе пришло поздно, успѣли уничтожить статью только въ нѣсколькихъ экземплярахъ...

Драма признавалась крайне неудачнымъ произведеніемъ, по обилію отступленій отъ исторической истины, по мелодраматическимъ эффектамъ, она «печалила» критика въ то время, когда ея восторгъ былъ признанъ обязательнымъ для всякаго истиннаго патріота.

Гроза назрѣла и разразилась.

Никитенко, въ дневникѣ подъ 5 апрѣля 1834 года, даетъ любопытныя подробности. Государь хотѣлъ сначала очень строго поступить съ Полевымъ, но потомъ призналъ вину правительства въ долготерпѣніи и ограничился запрещеніемъ изданія.

Фактъ вызвалъ «сильные толки». «Одни горько сѣтуютъ, что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ. По дѣломъ ему, говорили другіе, онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либералъ, якобинецъ—извѣстное дѣло».

Уваровъ въ разговорѣ съ Никитенко точнѣе опредѣлилъ политическую программу *Телеграфа*: это—органъ декабристовъ.

При всей важности оффиціозныхъ воззрѣній на дѣятельность Полевого и настроеній публики, для насъ еще поучительнѣе впечатлѣніе первостепенныхъ современныхъ литераторовъ. Вопросъ шелъ не только о безпримѣрно вліятельномъ органѣ печати, но и о самой участи русскаго писателя, его положенія предъ обществомъ и властью.

Былъ ли понятъ лучшими современниками этотъ вопросъ во всемъ его дѣйствительномъ значеніи?

LV.

Мы знаемъ, какую помощь могъ оказать политическимъ обвинителямъ Полевого проф. Надеждинъ. До такой роли не могли снизойти ни Пушкинъ, ни кн. Вяземскій, но именно они привѣтствовали бѣду Полевого.

По какимъ соображеніямъ и подъ давленіемъ какихъ чувствъ?

О кн. Вяземскомъ вопросъ несложенъ: послѣ извѣстной намъ исторіи по поводу Карамзина, и мы не можемъ удивляться знакомому намъ негодованію князя на непозволительную смѣлость и вольность *Телеграфа* въ критическихъ пріемахъ.

Князь жалѣетъ, что противъ *Телеграфа* пришлось употребить «усиленную мѣру». Журналъ просто слѣдовало раньше держать въ предѣлахъ цензуры и «онъ упалъ бы самъ собою».

«Все достоинство *Телеграфа* въ глазахъ многихъ,—говоритъ князь,—было его francparler, въ хвостъ и въ голову. Цензура, дѣйствуя на него, какъ на прочихъ, показала бы ничтожество его, ибо онъ бралъ не талантомъ, а грудью. Запрещеніемъ онъ въ глазахъ многихъ дѣлается жертвою, и во всякомъ случаѣ заплатившіе подписчики его становятся жертвами. Теперь я полагаю, что онъ молитъ Бога, чтобы запретили *Исторію* его: это было бы лучшее средство для него поквитаться съ публикою».

Чувства автора этихъ строкъ вполнѣ опредѣленны, но основанія не вполнѣ ясны и совершенно недоказательны. Вопросъ объ издательской лояльности Полевого долженъ бы остаться посторонниимъ при сужденіяхъ о катастрофѣ, поразившей журналиста. Оцѣнка талантливости Полевого не зависитъ отъ настроеній его личныхъ недруговъ, но вотъ относительно «груди» кн. Вяземскій обмолвился вѣрнымъ словомъ, неожиданно лестнымъ для своей жертвы.

Полевой дѣйствительно умѣлъ при случаѣ постоять за себя передъ цензурой — дерзость, немыслимая для его журнальныхъ совмѣстниковъ.

Поучительна, напримѣръ, исторія съ статьей *Утро у знатнаго барина князя Беззубова*. Цензура усмотрѣла въ ней намекъ на московскаго сановника, кн. Юсупова. Цензоръ Глинка потребовалъ нѣкоторыхъ передѣлокъ въ статьѣ; Полевой отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ исключать ни одной буквы, и цензоръ пропустилъ статью [286]).

Это дѣйствительно значило стоять грудью за свое дѣло... Но сужденія кн. Вяземскаго до такой степени очевидный результатъ извѣстныхъ настроеній, что они характерны скорѣе для судьи, чѣмъ для подсудимаго.

---

[286]) Барсуковъ, III, 21.

Сложнѣе вопросъ съ Пушкинымъ.

Поэтъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ прежде всего о радости Жуковскаго запрещенію *Телеграфа*. Но прекраснодушный поэтъ въ то же время жалѣетъ о фактѣ. Пушкинъ думаетъ иначе. «*Телеграфъ* достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства. Но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска».

Это очень сильно и именно противъ либерализма.

Источникъ намъ извѣстенъ. Пушкинъ, какъ публицистъ, не могъ выносить демократическихъ выходокъ Полевого. Его идеалъ складывался въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ гимны Полевого среднему сословію, купцу, черному человѣку.

Пушкинъ желалъ въ дворянствѣ видѣть высшую общественную силу, возлагалъ на него историческое назначеніе—быть представителемъ народныхъ нуждъ и народнаго просвѣщенія. Отсюда—идея сословной независимости дворянства и отрицательная критика всѣхъ мѣропріятій правительства, подрывавшихъ привилегированное положеніе родоваго дворянства. Петръ I, конечно, стоялъ во главѣ этой «революціи», слилъ въ своей личности Наполеона и Робеспьера [237]).

Въ основѣ всѣхъ этихъ крайне смѣлыхъ и вдохновенныхъ соображеній лежала политическая мечта, близко напоминающая философію реакціонныхъ идеологовъ начала XIX-го вѣка—Деместра и Бональда.

Они также вожделѣли о дворянствѣ, какъ независимой основѣ государственнаго строя, фантазировали о «патриціатѣ», нигдѣ никогда не существовавшемъ и безусловно невозможномъ въ дѣйствительности, о патриціатѣ, свободномъ отъ кастоваго эгоизма и сословныхъ предразсудковъ, патриціатѣ, всецѣло живущемъ идеалами общаго блага и стоящемъ на стражѣ народнаго благоденствія.

Разница между Пушкинымъ и французскими пророками регресса въ искренней заботливости русскаго поэта о крѣпостномъ народѣ. Онъ до идей дворянскаго государственнаго авторитета дошелъ не путемъ тоски по «старому порядку», а руководимый глубокимъ чувствомъ состраданія къ участи жертвъ крѣпостническаго своеволія. Иного способа исцѣлить вѣковую язву Пушкинъ не видѣлъ въ окружающей жизни.

Изъ того же стремленія родилась и программа Пушкина издавать политическую руководящую газету. Но поэтъ скоро испыталъ во всей прелести тернія даже журнальныхъ замысловъ, не только

---

[237]) Ср. Анненковъ. *Общественные идеалы А. С. Пушкина. Воспоминанія и критическіе очерки*, отдѣлъ третій. Спб., 1881.

уже осуществленнаго издательства, и на своей судьбѣ могъ убѣдиться, какъ просто было, на глазахъ полиціи и цензуры тридцатыхъ годовъ, попадать въ якобинцы или, во всякомъ случаѣ, въ люди неблагонадежные и бунтовщики.

Намъ теперь ясна основная *идейная* причина негодованія Пушкина на Полевого и радость по случаю гибели *Телеграфа*. Оказывалось столкновеніе двухъ непримиримыхъ политическихъ міросозерцаній, и намъ излишне пускаться въ объясненія, какому изъ нихъ принадлежало будущее и какое, слѣдовательно, обнаруживало въ авторѣ болѣе глубокій практическій смыслъ.

Пушкинъ долго не забывалъ «востренькаго сидѣльца», какъ врага «боярскихъ дѣтокъ», и безумно запальчиваго демократическаго и либеральнаго агитатора. Въ статьѣ о Радищевѣ, написанной въ 1836 году, Пушкинъ совершенно порываетъ съ своими юношескими чувствами къ автору *Путешествія изъ Петербурга въ Москву*. Тринадцать лѣтъ назадъ онъ жестоко укорялъ Марлинскаго за то, что онъ забылъ въ обзорѣ русской словесности Радищева. Тотъ же грѣхъ допустилъ и Гречъ въ «Опытѣ исторіи русской литературы».

«Кого же мы будемъ помнить?—спрашиваетъ Пушкинъ.—Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ» [238]).

Теперь Радищевъ просто крайне неискусный подражатель французскихъ философовъ XVIII вѣка.

Пушкину особенно не нравится у Радищева «слѣпое пристрастіе къ новизнѣ» и недостатокъ опыта и свѣдѣній. Дальше читаемъ:

«Отымите у него честность, — въ остаткѣ будетъ Полевой. Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?»

Въ такомъ духѣ долго продолжаетъ Пушкинъ. Онъ недоволенъ и войной Радищева съ цензурой: слѣдовало просто «публиковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель» ..

Смыслъ этихъ поправокъ ясенъ. Пушкинъ искренне воображалъ, что Радищева или кого-либо другого изъ литераторовъ допустили бы дѣлать указанія верховной власти и сочинять проекты касательно основныхъ государственныхъ вопросовъ. Почему же тогда для самого Пушкина эта цѣль оказалась запретной, при всѣхъ красно-

[238]) *Сочиненія*, VIII, 50.

Сложнѣе вопросъ съ Пушкинымъ.

Поэтъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ прежде всего о радости Жуковскаго запрещенію *Телеграфа*. Но прекраснодушный поэтъ въ то же время жалѣетъ о фактѣ. Пушкинъ думаетъ иначе. «*Телеграфъ* достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства. Но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска».

Это очень сильно и именно противъ либерализма.

Источникъ намъ извѣстенъ. Пушкинъ, какъ публицистъ, не могъ выносить демократическихъ выходокъ Полевого. Его идеалъ складывался въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ гимны Полевого среднему сословію, купцу, черному человѣку.

Пушкинъ желалъ въ дворянствѣ видѣть высшую общественную силу, возлагалъ на него историческое назначеніе—быть представителемъ народныхъ нуждъ и народнаго просвѣщенія. Отсюда—идея сословной независимости дворянства и отрицательная критика всѣхъ мѣропріятій правительства, подрывавшихъ привилегированное положеніе родоваго дворянства. Петръ I, конечно, стоялъ во главѣ этой «революціи», слилъ въ своей личности Наполеона и Робеспьера [237]).

Въ основѣ всѣхъ этихъ крайне смѣлыхъ и вдохновенныхъ соображеній лежала политическая мечта, близко напоминающая философію реакціонныхъ идеологовъ начала XIX-го вѣка—Деместра и Бональда.

Они также вожделѣли о дворянствѣ, какъ независимой основѣ государственнаго строя, фантазировали о «патриціатѣ», нигдѣ никогда не существовавшемъ и безусловно невозможномъ въ дѣйствительности, о патриціатѣ, свободномъ отъ кастоваго эгоизма и сословныхъ предразсудковъ, патриціатѣ, всецѣло живущемъ идеалами общаго блага и стоящемъ на стражѣ народнаго благоденствія.

Разница между Пушкинымъ и французскими пророками регресса въ искренней заботливости русскаго поэта о крѣпостномъ народѣ. Онъ до идей дворянскаго государственнаго авторитета дошелъ не путемъ тоски по «старому порядку», а руководимый глубокимъ чувствомъ состраданія къ участи жертвъ крѣпостническаго своеволія. Иного способа исцѣлить вѣковую язву Пушкинъ не видѣлъ въ окружающей жизни.

Изъ того же стремленія родилась и программа Пушкина издавать политическую руководящую газету. Но поэтъ скоро испыталъ во всей прелести тернія даже журнальныхъ замысловъ, не только

---

[237]) Ср. Анненковъ. *Общественные идеалы А. С. Пушкина. Воспоминанія и критическіе очерки*, отдѣлъ третій. Спб., 1881.

уже осуществленнаго издательства, и на своей судьбѣ могъ убѣдиться, какъ просто было, на глазахъ полиціи и цензуры тридцатыхъ годовъ, попадать въ якобинцы или, во всякомъ случаѣ, въ люди неблагонадежные и бунтовщики.

Намъ теперь ясна основная *идейная* причина негодованія Пушкина на Полевого и радость по случаю гибели *Телеграфа*. Оказывалось столкновеніе двухъ непримиримыхъ политическихъ міросозерцаній, и намъ излишне пускаться въ объясненія, какому изъ нихъ принадлежало будущее и какое, слѣдовательно, обнаруживало въ авторѣ болѣе глубокій практическій смыслъ.

Пушкинъ долго не забывалъ «востренькаго сидѣльца», какъ врага «боярскихъ дѣтокъ», и безумно запальчиваго демократическаго и либеральнаго агитатора. Въ статьѣ о Радищевѣ, написанной въ 1836 году, Пушкинъ совершенно порываетъ съ своими юношескими чувствами къ автору *Путешествія изъ Петербурга въ Москву*. Тринадцать лѣтъ назадъ онъ жестоко укорялъ Марлинскаго за то, что онъ забылъ въ обзорѣ русской словесности Радищева. Тотъ же грѣхъ допустилъ и Гречъ въ «Опытѣ исторіи русской литературы».

«Кого же мы будемъ помнить?—спрашиваетъ Пушкинъ.—Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ» [238]).

Теперь Радищевъ просто крайне неискусный подражатель французскихъ философовъ XVIII вѣка.

Пушкину особенно не нравится у Радищева «слѣпое пристрастіе къ новизнѣ» и недостатокъ опыта и свѣдѣній. Дальше читаемъ:

«Отымите у него честность,— въ остаткѣ будетъ Полевой. Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?»

Въ такомъ духѣ долго продолжаетъ Пушкинъ. Онъ недоволенъ и войной Радищева съ цензурой: слѣдовало просто «публиковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель» ..

Смыслъ этихъ поправокъ ясенъ. Пушкинъ искренне воображалъ, что Радищева или кого-либо другого изъ литераторовъ допустили бы дѣлать указанія верховной власти и сочинять проекты касательно основныхъ государственныхъ вопросовъ. Почему же тогда для самого Пушкина эта цѣль оказалась запретной, при всѣхъ красно-

[238]) *Сочиненія*. VIII, 50.

рѣчивыхъ свидѣтельствахъ поэта о своемъ укрощенномъ духѣ и о благихъ намѣреніяхъ служить правительству талантомъ писателя?

Очевидно, вся критика Пушкина, направленная и противъ Радищева, и противъ Полевого, явилась результатомъ совершенно естественныхъ запросовъ къ литературѣ по части зрѣлости сужденій и основательности свѣдѣній. Но только эти запросы были столь же не ко двору и могли привести къ не менѣе печальнымъ практическимъ результатамъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина, безцѣльная и безразсудная запальчивость Полевого.

А между тѣмъ, эта запальчивость въ сущности обманъ зрѣнія. Полевой просто обладалъ несравненно болѣе живымъ публицистическимъ талантомъ, чѣмъ современные ему журналисты. Бойкости пера было не мало и въ статьяхъ Булгарина и Сенковскаго, но цѣли этихъ журналистовъ отъ начала до конца оставались такими мелкими, часто пошлыми, что рядомъ съ дѣятельностью подобныхъ журналистовъ дѣйствительно общественно-просвѣтительная публицистика Полевого рѣзко бросалась въ глаза. Все несчастье *Телеграфа* заключалось именно въ неуклонномъ стремленіи жить насущными вопросами современности и по мѣрѣ силъ рѣшать ихъ независимо отъ оффиціальныхъ внушеній и усмотрѣній.

Полевой первый изъ русскихъ издателей додумался до идеи руководящаго *общественнаго* органа, первый возмечталъ въ талантѣ журналиста явить практическую силу и въ русскомъ обществѣ открыть самостоятельныя идейныя теченія. Уже такое представленіе о назначеніи журналиста и періодической печати ставитъ Полевого на недосягаемую высоту сравнительно съ Каченовскими, Надеждиными, Гречами и даже съ критиками-философами. Потому что издатель *Телеграфа* не только мечталъ, но умѣлъ и осуществлять свои мечтанія. Съ его имени русская періодическая печать должна начинать свою исторію общественныхъ идеаловъ и общественнаго просвѣщенія. А именно этой исторіи принадлежитъ самое отдаленное будущее, и Бѣлинскій, отмѣчая именемъ Полевого эпоху въ развитіи русскаго самосознанія, отдалъ законную честь своему непосредственному предшественнику и истинному учителю.

Ив. Ивановъ.

Конецъ II-й части.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Талантъ мертвой полосы. — Первыя произведенія г. Ан. Чехова. — «Моя жизнь», его же.—Великая тоска жизни, лишенной цѣли.—Крупныя достоинства и недостатки этого произведенія. — Новые призывы въ деревню: «Образованные земледѣльцы» г. Осадчаго и «Мечты и дѣйствительность» г-жи Аргамаковой. — Двадцатилѣтіе смерти Некрасова.

Бываютъ таланты двоякаго рода—дѣйственные и созерцательные. Первые задаютъ тонъ жизни, такъ или иначе руководятъ ею, создаютъ направленія въ литературѣ, вызываютъ послѣдователей и подражателей. Они ищутъ новыхъ путей, если жизнь вдругъ замкнулась, ушла въ глубь, въ которую они вдумываются и проникаютъ. Если ихъ даже захватитъ мертвая полоса общественной жизни, когда надъ всѣми преобладаетъ сумеречное настроеніе и ни одного яркаго пятна не выдѣляется на общей сѣрой картинѣ, — дѣйственные таланты сами выступаютъ особенно ярко и внушительно, неотразимо привлекая къ себѣ всѣ сердца, какъ одинокіе яркіе свѣточи, разгоняющіе тьму и ободрительно дѣйствующіе на усталыхъ, потерявшихъ надежду путниковъ.

Но есть таланты и иного рода, пожалуй, не уступающіе по внѣшней силѣ и блеску, только какіе-то мертвые. Въ нихъ нѣтъ творческаго начала, которое въ себѣ самомъ находитъ источникъ жизни и дѣлится имъ съ окружающими. Таланты такого рода, какъ превосходно отшлифованныя зеркала, великолѣпно отражаютъ жизнь, но лишь въ одной плоскости. Лучъ свѣта, упавшій на такое зеркало, отразится правильнымъ и ослѣпительнымъ пучкомъ, такъ что глазамъ больно. Только въ немъ нѣтъ игры, разнообразія,—онъ одноцвѣтенъ, и при самыхъ различныхъ положеніяхъ остается все тотъ же.

Талантъ г-на Чехова до извѣстной степени напоминаетъ намъ такое же зеркало, въ которомъ съ удивительной правдой отразилась преобладающая сторона общественной жизни послѣднихъ годовъ. Сумеречное, хмурое настроеніе этой жизни нашло въ немъ лучшаго своего выразителя. Какъ художникъ, г. Чеховъ несравненно умѣетъ живописать все, что видитъ, и эта его особенность, подкупающе дѣйствующая еще въ раннихъ его произведеніяхъ, какъ «Пестрые разсказы», остается неизмѣнной. Но онъ напоминаетъ близорукаго художника, который не можетъ охватить всей картины, и потому центра въ ней нѣтъ, перспектива не вѣрна, и въ общемъ, при всей сложности, его большія произведенія всегда страдаютъ однообразіемъ. Масса деталей, превосходно выписанныхъ, и нѣтъ чего-то объединяющаго, что придавало бы всему опредѣленность и ясность. Очень характерной въ этомъ отношеніи является его «Степь», первое большое произведеніе, съ которымъ выступилъ г. Чеховъ послѣ ряда превосходныхъ миніатюръ. «Степь», въ сущности, ничто иное, какъ рядъ такихъ же отдѣльныхъ маленькихъ картинокъ, своего рода шедевровъ по яркости красокъ и тщательности отдѣлки, но всѣ онѣ не слагаются въ одно стройное цѣлое, которое художникъ осмыслилъ бы идеей, обобщилъ, представилъ бы

зрителю подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Читая подъ-рядъ произведенія г. Чехова, выносишь такое впечатлѣніе, что для автора вся жизнь представляется какой-то степью, въ которой живутъ люди безъ цѣли, безъ желаній, безъ страстей. На всемъ лежитъ отпечатокъ великой тоски существованія, не согрѣтаго ни любовью, ни ненавистью, не возбужденнаго борьбой, хотя бы и ничтожной по существу. Тоска и усталость томятъ его виднѣйшихъ героевъ, какъ, напримѣръ, стараго знаменитаго ученаго профессора, или его Иванова (въ драмѣ того же названія). Къ полному собранію своихъ произведеній г. Чеховъ могъ-бы взять эпиграфомъ безотрадное четверостишье Пушкина:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Пусто сердца, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Это не та «великая грусть», на которую иностранная критика указываетъ, какъ на отличительную черту въ душѣ русскихъ писателей. А именно тоска жизни, taedium vitae римлянъ временъ имперіи, потерявшихъ смыслъ существованія.

Преобладавшее въ 80-тые годы унылое настроеніе отравило г. Чехова, который не совладалъ съ нимъ, отдался ему всецѣло во власть и замеръ въ немъ. Въ самыхъ послѣднихъ его произведеніяхъ это настроеніе, повидимому, даже усилилось. Его «Печенѣгъ», разсказъ, появившійся въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ «Рус. Вѣдомостей», производитъ впечатлѣніе безъисходнаго мрака. Герой разсказа, уѣзжая со станціи, гдѣ въ ожиданіи лошадей его удручали и хозяинъ, и его жена, и вся окружающая обстановка, бросаетъ имъ на прощапіе: «Вы всѣ мнѣ надоѣли». Этотъ небольшой, превосходно написанный очеркъ, производитъ впечатлѣніе именно такого вырвавшагося изъ души вопля замученнаго жизнью человѣка, котораго ничто-ничто уже не можетъ заинтересовать, увлечь, возбудить. Все и всѣ надоѣли своей мелочностью, низостью, безсознательной жестокостью и, главное, ненужностью своего существованія.

То же самое, хотя не столь сконцентрированное, чувствуется въ большой повѣсти «Моя жизнь», разсказъ провинціала. Повѣсть издана въ одномъ томикѣ съ «Мужиками», и критики, накинувшіеся на г. Чехова за сугубо-мрачный взглядъ его на деревню, могутъ утѣшиться, такъ какъ взгляды автора на городъ, выраженные въ «Моей жизни», еще безотраднѣе. Въ деревнѣ г. Чеховъ указалъ на ея некультурность, невѣжество, дикость нравовъ, но ни однимъ словомъ не попрекнулъ мужиковъ, что они заѣдаютъ чужую жизнь, высасываютъ соки у другихъ. Не то въ городѣ, какъ онъ представляется его герою, молодому человѣку, одному изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ такъ много можно встрѣтить въ любомъ провинціальномъ городкѣ. Его образованіе жалкое, обрывочное. Систематическаго курса онъ не могъ одолѣть, такъ какъ всѣмъ существомъ понималъ ненужность, непригодность мертвящей схоластики, составляющей по нынѣ суть нашей средней школы. Канцелярская работа, къ которой его принуждаютъ ради добыванія куска хлѣба, еще болѣе противна, такъ какъ ея безсмысленная сторона только и открыта ему. «Въ гимназіи у меня было непобѣдимое отвращеніе къ греческому языку, такъ что меня должны были взять изъ четвертаго класса. Долго ходили репетиторы и приготовляли въ пятый классъ, потомъ я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, проводя большую часть дня совершенно праздно, и мнѣ говорили, что это—умственный трудъ; моя дѣятельность въ сферѣ учебной и служебной не требовала ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа: она была машиной». Оглядываясь на жизнь другихъ, онъ видитъ ту же машинную работу, съ нехорошей подкладкой эксплуатаціи чужого труда. «Я не любилъ и не понималъ этихъ людей», говоритъ онъ. Они были ему скучны, чужды и даже гадки.

«Я не понималъ, для чего и чѣмъ живутъ всѣ эти шестьдесятъ пять тысячъ людей. Я зналъ, что Кимры добываютъ себѣ пропитаніе сапогами, что Тула дѣлаетъ самовары и ружья, что Одесса портовый городъ, но что такое нашъ городъ и что онъ дѣлаетъ—я не зналъ. Большая Дворянская и еще двѣ улицы почище жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальныя восемь улицъ, которыя тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмомъ,—это для меня было всегда непостижимой загадкой. И какъ жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; городская и клубная библіотеки посѣщались только евреями подростками, такъ что журналы и новыя книги по мѣсяцамъ лежали неразрѣзанными; богатые и интеллигентные спали въ душныхъ, тѣсныхъ спальняхъ, на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами, дѣтей держали въ отвратительно грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями».

Такова внѣшность «города», и приходится признать, что въ ней собрано много вѣрныхъ черточекъ, хорошо знакомыхъ всякому, кому случалось по долгу жить въ провинціи. Огромное большинство русскихъ городовъ возникло и существуетъ неизвѣстно какъ и неизвѣстно для чего. Когда-то просто административные центры, они и теперь держатся только этимъ, жизнь ихъ обходитъ, выбирая русло для себя по условіямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ административными требованіями. Внѣшняя культура этихъ городовъ только жалкій покровъ, подъ которымъ скрыта примитивность нравовъ русскаго городского обывателя, развѣ на одну ступень стоящаго выше мужика. Не лучше обстоитъ дѣло и съ сущностью этой жизни, какъ ее рисуетъ герой, устами котораго, очевидно, говоритъ авторъ.

«Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это ему даютъ изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ; во время набора брали и врачи, а городовой врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали во слѣдъ: «благодарить надо!»—и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 к. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однихъ дѣвушекъ вѣяло нравственною чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что взятки даются изъ уваженія къ душевнымъ качествамъ, и, выйдя замужъ, скоро старились, опускались и безнадежно тонули въ тинѣ пошлаго, мѣщанскаго существованія».

И опять вѣрная, старая знакомая картина, которую мы столько разъ уже видѣли въ произведеніяхъ лучшихъ писателей. Мрачное, унылое настроеніе автора находитъ себѣ богатую пищу въ городѣ, какъ нашло ее и въ деревнѣ. Народникамъ нечего жаловаться на односторонности г. Чехова, который не щадитъ города, но, какъ увидимъ дальше, также бѣжитъ изъ города, гдѣ не видитъ ничего, что примиряло бы его съ нимъ, дало бы надежду на возможность лучшей жизни, лучшей будущности для этихъ тысячъ ничтожествъ, скопившихся въ восьми улицахъ, «теряющихся за холмомъ».

Герой разсказа бросаетъ «интеллигентную» жизнь, т. е. отказывается праздно сидѣть въ канцеляріяхъ и этимъ путемъ добывать хлѣбъ. А «хлѣбъ» въ его жизни, какъ и въ жизни остальныхъ, лишенныхъ капитала и взятокъ, играетъ

первое мѣсто. Около него, по наивному признанію героя, сосредоточиваются всѣ его мечты. Онъ постоянно чувствуетъ себя недостаточно сытымъ. Его постоянно тяготитъ физическое ощущеніе голода, что сближаетъ его съ массою людей, которая «работаетъ только для куска хлѣба и можетъ говорить только о харчахъ». Разсказчикъ становится маляромъ, благодаря знакомству съ мастеровымъ Рѣдькой, который фигурируетъ въ повѣсти, какъ представитель физическаго труда. И здѣсь мрачный тонъ разсказа не мѣняется. Тоска автора скорѣе усиливается, когда онъ разсматриваетъ этого тщедушнаго труженика, жалкаго, вѣчно больного, съ порывами къ лучшей жизни, выразившимися въ комичной философіи, что «тля ѣсть траву, ржа ѣстъ желѣзо, а лжа — душу». Въ немъ копошатся безсознательные инстинкты, которые не находятъ исхода. Онъ въ сущности своего рода художникъ и философъ. Любитъ театръ, для котораго расписываетъ декораціи, любитъ размышленія о бренности жизни, иногда разражается глубокомысленными замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: «Я такъ понимаю, ежели какой простой человѣкъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человѣкѣ не можетъ правда существовать».

Въ обществѣ Рѣдьки и его мастеровъ герой лучше себя чувствуетъ, не видя, по крайней мѣрѣ, праздной жизни, взятокъ, поѣданія другихъ для собственнаго существованія. «Я жилъ теперь среди людей, для которыхъ трудъ былъ обязателенъ и неизбѣженъ и которые работали, какъ ломовыя лошади, часто не сознавая нравственнаго значенія труда и даже никогда не употребляя въ разговорѣ самаго слова трудъ. Около нихъ и я тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникаясь обязанностью того, что я дѣлалъ, и это облегчало мнѣ жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній. Въ первое время все занимало меня, все было ново, точно я вновь родился. Я могъ спать на землѣ, могъ ходить босикомъ, а это чрезвычайно пріятно; могъ стоять въ толпѣ простого народа, никого не стѣсняя, и когда на улицѣ падала извочичья лошадь, то я бѣжалъ и помогалъ поднять ее, не боясь запачкать свое платье. А, главное, я жилъ на свой собственный счетъ и никому не былъ въ тягость». Но тутъ и все удовлѣтворенье, которое онъ получаетъ отъ подобной жизни. Въ своихъ товарищахъ онъ замѣчаетъ и ложь, и надувательство заказчиковъ, и кражу матеріаловъ, и затаенную злобу ко всѣмъ, кто лучше живетъ. Поражаетъ его также безсмысленная злость окружающихъ, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что человѣкъ ушелъ отъ сравнительно праздной и обезпеченной жизни въ простые рабочіе, опустился, по ихъ мнѣнію. Очень комичное впечатлѣнье производитъ сцена съ губернаторомъ, который по просьбѣ отца героя уговариваетъ его бросить «предосудительный образъ жизни». Въ спорахъ съ пріятелемъ-докторомъ, который на глазахъ опростившагося героя ухаживаетъ за его сестрой и соблазняетъ ее въ концѣ концовъ, выясняется основной мотивъ жизни героя, вначалѣ неясный для него самого.

Здѣсь опять слышится голосъ автора, который говоритъ за героя, потому что мысли, изглагаемыя послѣднимъ, какъ-то плохо вяжутся съ его общей смутной и неясной фигурой. «Нужно,—говоритъ онъ,—чтобы сильные не порабощали слабыхъ, чтобы меньшинство не было для большинства паразитомъ или насосомъ, высасывающимъ изъ него хронически лучшіе соки, т. е. нужно, чтобы всѣ, безъ исключенія—и сильные, и слабые, богатые и бѣдные, равномѣрно участвовали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивеллирующаго средства, какъ физическій трудъ, въ качествѣ общей, для всѣхъ обязательной повинности». Послѣдняя фраза какъ бы взята у Беллами, а общая постановка вопроса напоминаетъ толстовскія доктрины. Но мы жестоко разочаровались бы, если бы причислили г. Чехова къ сонму проповѣдниковъ опрощенія. Скорѣе, напротивъ, вся повѣсть яв-

ляется, какъ бы доказательствомъ непригодности этой философіи къ жизни. Печальный тонъ разсказа все усиливается, переходя къ концу въ мрачный. Полная безнадежность, ничего, кромѣ жалкаго существованія ради «хлѣба». Дѣвушка, которая, увлекшись оригинальной жизнью героя-маляра, становится его женой, уходитъ отъ него, справедливо негодуя на такое почти животное существованіе. Счастье его сестры, которую онъ не съумѣлъ и не могъ поддержать во́-время, разбито. Она, какъ и онъ, уходитъ изъ этого «города», въ которомъ ложь и взаимная ненависть служатъ единственными связующими узами. Послѣдняя картина, когда братъ и сестра уходятъ ночью изъ «интеллигентнаго» общества на окраину города, гдѣ ютится герой, наводитъ удручающую тоску.

«Мы рѣшили, что намъ уже нельзя больше оставаться въ этомъ городѣ, и что когда я добуду немного денегъ, то мы переѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Въ однихъ домахъ уже спали, въ другихъ играли въ карты; мы ненавидѣли эти дома, боялись ихъ и говорили объ изувѣрствѣ, сердечной грубости, невѣжествѣ этихъ почтенныхъ семействъ, этихъ любителей драматическаго искусства, которыхъ мы такъ испугали, и я спрашивалъ, чѣмъ же эти глупые, жестокіе, лѣнивые, нечестные люди лучше пьяныхъ и суевѣрныхъ куриловскихъ мужиковъ, или чѣмъ они лучше животныхъ, которыя также приходятъ въ смятеніе, когда какая-нибудь случайность нарушаетъ однообразіе ихъ жизни, ограниченной инстинктами. Что́ было бы теперь съ сестрой, если бы она осталась жить дома? Какія нравственныя мученія испытывала бы она, разговаривая съ отцомъ, встрѣчаясь каждый день со знакомыми? Я воображалъ себѣ это, и тутъ же мнѣ приходили на память люди, все знакомые люди, которыхъ медленно сживали со свѣта ихъ близкіе и родные, припомнились замученныя собаки, сходившіе съ ума, живые воробьи, ощипанныя мальчишками до гола и брошенные въ воду—и длинный, длинный рядъ глухихъ медлительныхъ страданій, которыя я наблюдалъ въ этомъ городѣ непрерывно съ самаго дѣтства, и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читаютъ евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы. Какую пользу имъ принесло все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та же душевная темнота и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто, и триста лѣтъ назадъ?»

Гдѣ же выходъ? Куда же идти бѣдному изможденному герою? Авторъ не даетъ отвѣта, оставляя героя въ средѣ маляровъ, гдѣ онъ находитъ одно утѣшеніе, что онъ никому не въ тягость, не высасываетъ, не заѣдаетъ чужую жизнь. Плохое утѣшеніе, отъ котораго отвернулась его жена. «Мы много работали,—говоритъ она,—много думали, мы стали лучше отъ этого,—честь намъ и слава,—мы преуспѣли въ личномъ совершенствѣ; но эти наши успѣхи имѣли-ли замѣтное вліяніе на окружающую жизнь, принесли ли пользу хоть кому нибудь? Нѣтъ. Невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность,—все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше. Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслила только для себя». И герой ничего не находитъ въ отвѣтъ, ничѣмъ не въ силахъ удержать страстно и нѣжно любимую женщину. Онъ чувствуетъ, что съ ней уходитъ изъ его жизни свѣтъ и тепло, что впереди все сведется только къ добыванію хлѣба, къ жалкому прозябанію, на манеръ его пріятеля Рѣдьки съ его примитивной философіей. Авторъ оставляетъ его примирившимся съ жизнью, но читатель разстается неудовлетвореннымъ, подъ смутнымъ впечатлѣніемъ, что и эта «Моя жизнь» такая же ненужная, безцѣльная, какъ и жизнь тѣхъ шестидесяти тысячъ, отъ которыхъ герой хотѣлъ уйти и все-таки не ушелъ, потому что безъ нихъ и его малярный трудъ потерялъ бы всякое значеніе.

Какъ и всѣ большія вещи г. Чехова, «Моя жизнь» не даетъ цѣльной картины, а рядъ прекрасно выписанныхъ отдѣльныхъ моментовъ. Лучше всего выходятъ у автора не главныя лица, а тѣ, которыхъ онъ затрагиваетъ мимоходомъ, какъ, напр., мельникъ въ деревнѣ, гдѣ герой проводитъ лѣто съ женою, Рѣдька, инженеръ, отецъ жены, и другіе. Нѣкоторыя картины природы удивительно живы, захватываютъ своей яркостью, но къ нимъ мы уже привыкли у такого мастера внѣшней живописи, какъ г. Чеховъ, и не на нихъ, конечно, сосредоточивается вниманіе. Въ общемъ «Моя жизнь» — произведеніе, любопытное лишь какъ попытка въ художественной формѣ рѣшить одинъ изъ жгучихъ вопросовъ. Попытка неудачна, потому что авторъ самъ не вѣритъ въ исключительную правду физическаго труда. Къ тому же, г. Чеховъ слишкомъ художникъ, чтобы быть проповѣдникомъ, и не можетъ, если бы даже хотѣлъ, «сочинять» то, чего жизнь ему не дала и не даетъ.

Для такого сочинительства нужно быть г. Осадчимъ или г-жею Аргамаковой, которые выступили съ призывомъ интеллигенціи къ земледѣльческому труду. Этотъ призывъ особенно любопытенъ теперь, когда мужикъ бѣжитъ изъ деревни сотнями тысячъ въ города, какъ обнаружили данныя послѣдней переписи. Но таковъ уже общій недостатокъ всѣхъ проповѣдниковъ, которые не желаютъ считаться съ дѣйствительностью, полагая, что довольно однихъ благихъ намѣреній.

Оба проповѣдника исходятъ изъ одного положенія, что бѣдному интеллигенту плохо живется въ городѣ, если нѣтъ у него «ни связей, ни способностей приспособляться». «Положеніе нашего служебнаго пролетаріата, — говоритъ г. Осадчій,—куда какъ тягостно въ настоящее время; нравственный гнетъ и неволя слишкомъ даютъ себя чувствовать этимъ людямъ, которые нерѣдко завидуютъ крестьянину, располагающему большею свободою, чѣмъ они—люди, болѣе чуткіе ко всякимъ стѣсненіямъ». Г-жа Аргамакова выражается не такъ опредѣленно, такъ какъ у нея преобладаетъ не столько мысль, сколько вообще добрыя чувства, частенько затемняющія всякій смыслъ ея писаній, восторженныхъ и жалостливыхъ въ то же время.

Г. Осадчій прежде всего констатируетъ фактъ неудачи многочисленныхъ попытокъ «честныхъ и талантливыхъ молодыхъ людей» приспособиться къ землѣ, и ставитъ себѣ цѣль—помочь имъ собственнымъ опытомъ. Онъ не послѣдователь Л. Н. Толстого и ставитъ вопросъ исключительно на экономическую почву. Онъ заранѣе считаетъ рѣшеннымъ дѣломъ, что земледѣльческій трудъ самый подходящій для интеллигентнаго человѣка, наиболѣе независимый и больше всего дающій удовлетворенія. И мы послѣдуемъ за нимъ именно въ области экономической, гдѣ можно придти къ соглашенію на основаніи его же собственныхъ разсчетовъ.

Итакъ, прежде всего нужны средства. «Ни одинъ интеллигентъ, идущій на землю, не представляетъ себѣ вполнѣ всѣхъ тѣхъ условій и трудностей, съ какими ему предстоитъ бороться долгое время, иногда всю жизнь. Главнѣйшею преградою служитъ въ данномъ случаѣ недостатокъ средствъ. Чтобы чувствовать себя независимымъ, нужно владѣть собственнымъ участкомъ, который равнялся бы, по крайней мѣрѣ, участку средняго крестьянскаго двора. Какъ интеллигенту добыть такой участокъ?» По разсчету автора, нужно не менѣе 2.500 р., а у огромнаго большинства такихъ денегъ нѣтъ, и тутъ авторъ въ безсильи разводитъ руками,—каждый пусть изворачивается, какъ знаетъ. Дѣйствительно, интеллигентный пролетаріатъ потому и есть пролетаріатъ, что у него ничего нѣтъ, кромѣ рабочей силы, которую и приходится продавать. Превратиться сразу въ собственника, хотя бы и мелкаго, какъ объ этомъ мечтаетъ г. Осадчій, никакой пролетаріатъ не можетъ, все равно—будетъ ли онъ «умствен-

ный», или просто рабочій. На первомъ же шагу, такимъ образомъ, дѣйствительность разбиваетъ мечты, и въ сущности разговоръ объ образованномъ земледѣльцѣ конченъ. Но авторъ идетъ еще дальше и своими «на опытѣ извѣданными» размышленіями удручаетъ злополучнаго интеллигента до конца. «Представленіе о жизни образованнаго земледѣльца рисуетъ прежде всего чистое жилище, чистое хозяйство, производящее пріятное впечатлѣніе на человѣка. Хорошій рабочій скотъ, усовершенствованныя орудія на ряду съ тѣнистымъ садикомъ также должны служить непремѣнною принадлежоостью хозяйство этого земледѣльца, не жить же ему такъ грязно, какъ живетъ иной крестьянинъ. Но для этого нужно такъ много средствъ, нужно такъ много труда, что обо всемъ этомъ не знающему человѣку трудно составить и представленіе». И г. Осадчій такъ и не составилъ этого представленія, потому что дальше онъ уже разсуждаетъ такъ, какъ если бы интеллигентъ рѣшилъ всѣ эти вопросы. Предположимъ и мы, что все это улажено, земля есть, есть и тѣнистый садикъ съ хорошимъ инвентаремъ, живымъ и мертвымъ.

Неопытный интеллигентъ готовъ уже возмечтать, что цѣль достигнута. Увы! Тутъ-то и ждутъ его великія муки и разочарованія. «Безъ бабы въ хозяйствѣ невозможно», что́ извѣстно всякому, даже и интеллигенту, а между тѣмъ, «женщина, свыкшаяся съ городской жизнью, мало пригодна для цѣлей образованнаго земледѣльца. Она не привыкла не только къ тяжелому земледѣльческому труду, но и вообще къ трудовой жизни. Слѣпо слѣдуя въ деревню за мужемъ, она сразу не даетъ себѣ отчета въ томъ, что ее тамъ ожидаетъ». Скоро она убѣждается, что «деревня лѣтомъ рай» только въ видѣ «дачи», и быстро наступаетъ разочарованіе. «Всю вину за свои невзгоды она сваливаетъ на мужа (и правильно, замѣтимъ въ скобкахъ). Послѣдній становится ненавистнымъ и женщина ищетъ выхода», просто—бѣжитъ отъ земледѣлія въ городъ, а «это бѣгство тяжело отражается на душѣ бѣднаго труженика-земледѣльца», и еще болѣе тяжело на его хозяйствѣ, гдѣ, какъ сказано выше, «безъ бабы никакъ невозможно». И опять г. Осадчій разводитъ руками—ничего не подѣлаешь.

Обездоленный и одинокій нашъ интеллигентъ не можетъ существовать одинъ, и, видя его безвыходное положеніе, авторъ даетъ ему «подростка». Соображенія его вполнѣ основательны. За настоящимъ рабочимъ ему не угоняться, а подростокъ все же справитъ кое-что по дому, откуда сбѣжала жена. При содѣйствіи этого миѳическаго существа, которое, какъ deus ex machina, выручаетъ нашего интеллигента, авторъ, наконецъ, устраиваетъ его и въ концѣ книги сводитъ балансъ его хозяйства. Земля, постройка жилища, инвентарь и подростокъ оцѣниваются авторомъ въ 3.700 р., которыхъ нѣтъ у интеллигента, и авторъ, входя и на этотъ случай въ затруднительное положеніе образованнаго земледѣльца, придумываетъ особую комбинацію. «Крестьянскій банкъ въ преобразованномъ видѣ долженъ бы способствовать и образованному человѣку, желающему пахать землю и жить трудами рукъ своихъ». Рѣшеніе очень не хитрое, но, право, намъ ближе толстовцы, которые, по крайней мѣрѣ, оставляютъ въ покоѣ государственный банкъ и устраиваются собственными средствами,—какъ, это уже ихъ дѣло. Но образованные земледѣльцы, «взыскующіе града» на казенный счетъ, это новинка во вкусѣ князя Мещерскаго и едва ли по вкусу интеллигенціи. Если она чувствуетъ себя плохо на казенной службѣ, то все же у нея есть хоть тѣнь оправданія, что она «служитъ», исполняетъ какую ни на есть работу, хотя и несимпатичную по существу. Г. Осадчій ни мало, однако, не смущается и продолжаетъ учетъ доходовъ и расходовъ, въ результатѣ котораго приходитъ къ выводу, что «на удовлетвореніе личныхъ потребностей семьи земледѣльца остается 100 р. въ годъ». Сумма эта еще понизится до 80 р., если исключить отопленіе, освѣщеніе, домашнюю

рухлядь. «Все это очень скупо,—замѣчаетъ онъ.—Средній годъ (едва) даетъ возможность земледѣльцу по человѣчески удовлетворять свои потребности, сводя концы съ концами. И если здѣсь въ общихъ цифрахъ трудно ихъ сводить, то въ жизни еще труднѣе».

На этомъ мы покончимъ съ г. Осадчимъ. Дѣтское что-то и жалкое слышится въ его разсужденіяхъ, которыя заслуживаютъ вниманія не сами по себѣ, а какъ нѣкое проявленіе ненормальности условій, при которыхъ дѣйствительно приходится существовать многочисленному классу интеллигентнаго пролетаріата. На помощь ему выступаетъ и упомянутая выше г-жа Аргамакова, человѣкъ несомнѣнно добрѣйшей души, но обнаруживающая еще болѣе слабое пониманіе дѣйствительности. Она озабочена въ равной мѣрѣ и мужикомъ, и интеллигенціей, и желаетъ ихъ сблизить, перекинуть между ними мостикъ, на которомъ сошлись бы эти не понимающія другъ друга «державы».

Разобраться въ писаніяхъ нашего автора трудъ самъ по себѣ немалый. Г-жа Аргамакова попрыгиваетъ съ предмета на предметъ съ поразительной легкостью. То начнетъ говорить о воспитаніи дѣтей, которымъ не слѣдуетъ читать Достоевскаго, ибо Бѣлинскій говоритъ—слѣдуетъ цитата. То заведетъ рѣчь о невозможности безбрачія въ земледѣльческой жизни, и опять цитата,—и т. д. Съ большими усиліями улавливая неугомонную писательницу, можно понять, что и она недовольна положеніемъ современной интеллигенціи и зоветъ ее къ землѣ. Здѣсь необходима интеллигенція для борьбы съ невѣжествомъ мужика, которому авторша приписываетъ всякіе пороки и отказываетъ во всѣхъ добродѣтеляхъ. Планъ ея таковъ: «Если бы нѣсколько интеллигентныхъ колоній разбросать между деревнями и притомъ дать имъ естественный строй, т. е. чтобы они жили не коммунами, а жили отдѣльно семьями, съ правомъ (?) держать необходимое число работниковъ, однимъ словомъ, организоваться, подобно семьямъ зажиточныхъ крестьянъ, то дѣло бы пошло успѣшно какъ въ отношеніи благосостоянія колоніи, такъ и со стороны нравственнаго вліянія, которое могли бы оказать колоніи на крестьянъ, въ смыслѣ контроля надъ произволомъ, царствующимъ въ нашихъ деревняхъ». Послѣдняя фраза наводитъ на мысль, что этимъ колоніямъ приписываются функціи земскихъ начальниковъ, но это просто сорвалось у г-жи Аргамаковой, какъ и многое другое, въ чемъ она не даетъ себѣ отчета, легкомысленно изрекая разныя сентенціи направо и налѣво.

Центръ ея размышленій—мужикъ и его безнравственность, дошедшая, по ея мнѣнію, до крайней степени распущенности. О чемъ бы ни завела рѣчь г-жа Аргамакова, она сведетъ ее въ концѣ концовъ къ мужицкой безнравственности. Личный опытъ, конечно, на первомъ планѣ. «Крестьянамъ очень трудно бороться съ соблазномъ скупщиковъ, потому что вино составляетъ чуть ли не единственное наслажденіе въ жизни крестьянъ, да и вообще расположеніе къ пьянству врождено у нихъ.... Все крестьянское управленіе, хозяйство и судъ подчинилось господствующему стремленію къ пьянству». Далѣе идетъ «наглость и сутяжничество», кражи и праздность, отлыниваніе отъ работы и попрошайство. «Деревенскую жизнь (помѣщика), при настоящихъ условіяхъ, можно сравнить развѣ съ жизнью на какой-либо азіатской окраинѣ, гдѣ ежеминутно приходится оборонять свое имущество и охранять не только спокойствіе, но и самую жизнь, а если вы будете доступны народу, то можете неожиданно наткнуться на самыя грубыя выходки и даже побои». Словомъ «оррёръ, оррёръ, оррёръ», говоритъ наша дама «пріятная во всѣхъ отношеніяхъ». Съ нею случаются въ деревнѣ постоянно всякіе казусы. Ее обкрадываютъ «пейзане», въ которыхъ она мечтала найти просто «душекъ», волокутъ ее въ судъ, лжесвидѣтельствуютъ и даже потомъ хвастаютъ этимъ въ кабакѣ; воруютъ прямо изъ подъ носа, надуваютъ самымъ наглымъ образомъ и потомъ сами же надъ нею издѣваются. Придя въ ужасъ отъ такого ихъ поведенія,

г-жа Аргамакова «поражается сходствамъ многихъ изъ нихъ съ арестантами» и ссылается на очерки Мельшина.

Но, какъ мы говорили выше, г-жа Аргамакова женщина добрая и великодушная, всегда готовая забыть личныя обиды и платить за зло добромъ. Разувѣрившись въ крестьянствѣ, она не взываетъ къ власти, не грозитъ скорпіонами,—она желаетъ пристроить тоскующую по чемлѣ интеллигенцію и примѣромъ ея нравственнаго и добраго поведенія облагородить мужика. Сердце у нея широкое, и она сама, не обинуясь, рекомендуетъ себя: «Каждому мыслящему дѣлается жаль этихъ бѣдныхъ тружениковъ, и невольно благоговѣешь передъ лицами, старающимися имъ помочь... Эту помощь нужно распространить не на однихъ крестьянъ, какъ въ большинствѣ высказываются у насъ народники, а на всѣхъ вообще землевладѣльцевъ безъ различія званій, стараясь при этомъ уничтожить рознь между классами общества. Можетъ быть, я, какъ женщина, и ошибаюсь, но все-таки мнѣ кажется, что мой взглядъ шире взгляда народниковъ; я люблю человѣка, какихъ бы онъ происхожденія и націи ни былъ, лишь бы онъ былъ не негодяй». Сообразно такой широтѣ сердца, и размахъ у г-жи Аргамаковой шире. Она «мечтала о громадномъ обществѣ, которое бы простирало свою дѣятельность отъ столицы ко всѣмъ дальнимъ уголкамъ государства, во главѣ котораго стояли бы лица, могущія защитить отъ произвола каждаго изъ своихъ членовъ, причемъ и общество должно имѣть такую организацію, чтобы получить возможность наблюдать и отвѣчать за дѣйствія своихъ членовъ». Что же касается средствъ, то «само собой очевидно,—фондомъ интеллигентныхъ колоній можетъ служить коллективный трудъ, кредитомъ же на устройство производительно-воспитательныхъ (?) колоній должно снабдить государство чрезъ посредство дворянскихъ и крестьянскихъ банковъ или черезъ банки, открытые правительствомъ со спеціальной цѣлью организаціи интеллигентныхъ колоній». Выгоды проекта несомнѣнны: интеллигенція получитъ разомъ огромное движеніе по службѣ. Прежде всего въ «спеціальныхъ банкахъ», а остальная часть, для которой мѣста въ банкахъ не хватитъ,—въ «производительно-воспитательныя колоніи» для насажденія добродѣтели въ мужикахъ.

Могли ли думать поклонники земледѣльческаго труда, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости разовьютъ ихъ простую мысль новые послѣдователи? Легкость, съ которой сочиняется г-жею Аргамаковой проектъ о грандіозномъ обществѣ интелигентныхъ коллоній, не напоминаютъ ли нѣкоторыхъ «утопій», къ сочиненію которыхъ такъ были склонны еще недавно наши народники?

Намъ кажется, что объ разобранныя книжечки знаменуютъ окончательное паденіе идеи «опрощенія», и, право, едва ли стоитъ жалѣть объ этомъ. Это была мертвая идея, явившаяся какъ результатъ общественнаго упадка и застоя общественной мысли, не находившей въ жизни матеріала для себя. По мѣрѣ того, какъ исчезаетъ прежнее настроеніе, исчезаетъ и живой интересъ къ опростительнымъ идеямъ, которыя и достаются въ концѣ концовъ на долю гг. Осадчихъ и Аргамаковыхъ.

27-го декабря исполнится двадцатилѣтіе со дня смерти Н. А. Некрасова. Въ этотъ день великій пѣвецъ народныхъ страданій тихо скончался, послѣ долгой и тяжкой агоніи, продолжавшейся почти годъ. Въ недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ д ра Бѣлоголоваго читатели могутъ найти подробное описаніе болѣзни, такъ безвременно сведшей въ могилу поэта въ расцвѣтѣ силъ, когда еще столько оставалось имъ не допѣтаго, столько чудныхъ произведеній могла еще ожидать отъ него русская литература. Талантъ поэта словно крѣпчалъ, и во время самыхъ тяжкихъ мукъ являлись такія чудныя стихотворенія, какъ «Мать» и «Баюшки-баю», напечатанныя въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1877 г.

Немного въ нашей литературѣ именъ, значеніе которыхъ могло бы равняться Некрасову. Ему пришлось выступить въ тяжелую пору русской литературы, когда самое существованіе ея было сомнительно, а дѣятельность писателя одна изъ самыхъ трудныхъ.

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли.

Въ этотъ мертвый періодъ, съ начала сороковыхъ и до второй половины 50-хъ годовъ, изъ Некрасова выработался великій поэтъ, которому суждено было сыграть роль «могучей руки», направлявшей публику въ теченіе почти тридцати лѣтъ къ единой цѣли—«счастье народа».

И съ перваго шага вплоть до могилы Некрасовъ не измѣнилъ избранному направленію, народъ и его страданія остались единственной темой его вдохновенной музы, «музы мести печали»,—«и выстраданный стихъ, пронзительно-унылый» также ударялъ по сердцамъ съ «невѣдомою силой» въ послѣднихъ его стихахъ, какъ и въ первыхъ. Даже больше,—именно его произведенія послѣдняго періода отличаются необычайной силой и глубиной. Это, вообще, было удивительно мощное поколѣніе людей, къ которому принадлежали Некрасовъ и Щедринъ. Они всю жизнь словно росли, ихъ талантъ, не смотря на всякія случайности и удары жизни, только крѣпчалъ, развивался, становился шире и глубже. Некрасовъ, умирающій, истощенный, прикованный къ постели невыносимыми муками, сочиняетъ «Послѣднія пѣсни», Щедринъ, при совершенно такихъ же условіяхъ, дописываетъ холодѣющей рукой «Пошехонскую старину». Было въ нихъ самихъ что-то, что поддерживало въ самыя трудныя минуты, давало пищу уму, спасало талантъ отъ застоя и упадка и вдохновляло къ работѣ наперекоръ слабѣющимъ физическимъ силамъ. Это была незыблемая вѣра въ правду того, чѣмъ они жили, что составляло лучшую часть ихъ дѣла, въ чемъ они всегда могли найти утѣшеніе среди общаго смятенья, измѣнъ, предательства и злобныхъ гоненій, какія каждому изъ нихъ приходилось переживать не разъ. Спасала вѣра въ народъ, который Некрасовъ зналъ, какъ никто, и любовь къ нему, любовь сознательная, страстная и увѣренная, которая не боится правды и не скрываетъ ея, какъ и дѣлалъ Некрасовъ, никогда не воскурявшій фиміама народу и высказывавшій не разъ самыя горькія истины по его адресу (напр., въ «Кому хорошо живется на Руси»). Въ поэзіи Некрасовъ первый заговорилъ о народѣ не въ условно-патріотическомъ жанрѣ, и его «Въ дорогѣ», «Родина», «Псовая охота», «Тройка» открыли русскому обществу глаза на этотъ невѣдомый народъ, появившись одновременно съ «Антономъ-Горемыкой» и «Записками Охотника».

Теперь, когда многое позабылось и даже раздаются порой голоса разныхъ г.г. Льдовыхъ и имъ подобныхъ, отрицающихъ значеніе Некрасова, какъ поэта, для современнаго поколѣнія,—не лишне напомнить въ общихъ чертахъ его жизнь и ту роль, которую сыгралъ Некрасовъ въ развитіи русской журналистики. Съ начала и до конца эта жизнь была далеко не радостной, и «терновый вѣнецъ» пѣвца, о которомъ говоритъ Лермонтовъ, не покидалъ головы поэта. Еще почти наканунѣ смерти Некрасовъ, по словамъ Бѣлоголоваго, жаловался ему: «Вотъ оно, наше ремесло литератора! Когда я началъ литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе, и опять-таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами». Но эти «ножницы» не были единственнымъ зломъ, съ которымъ приходилось считаться, и, пожалуй, далеко

не самымъ чувствительнымъ. Некрасовъ былъ боевая натура, въ жизни и литературѣ онъ искалъ новыхъ путей, избѣгая проторенныхъ дорожекъ, а такимъ бойцамъ сильнѣе всего достается. Злоба и клевета сторожатъ ихъ на каждомъ шагу, и малѣйшій невѣрный или неосторожный поступокъ вызываютъ тысячи издѣвательствъ и поруганій. Черезъ все прошелъ поэтъ, одержавъ въ концѣ концовъ рѣшительную побѣду, но чего она стоила ему, видно изъ его лучшихъ, самыхъ искреннихъ и прочувствованныхъ произведеній. Напомнимъ хотя бы чудное стихотвореніе «Неизвѣстному другу», въ которомъ поэтъ самъ дѣлаетъ суровую и далеко несправедливую оцѣнку своей дѣятельности. Вотъ оно,—приводимъ его цѣликомъ, не надѣясь, что современный читатель помнитъ его.

Умру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина! оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость—въ мучительной борьбѣ.
Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.
На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина! печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути?
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ;
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разстались со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь;
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
За то, что я остался одинокимъ,
Что я ни въ комъ опоры не имѣлъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути—
За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о родина, прости!

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ,
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой,
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о родина! прости!..

Нельзя читать безъ глубокаго волненія эти стихи, словно вопль, вырвавшіеся изъ груди замученнаго человѣка. Своей искренностью они лучше всякихъ

словъ убѣждаютъ, какую муку приходилось переживать поэту, какой тяжелый гнетъ тоски давилъ его душу, удивительно чуткую къ несправедливости. Въ этомъ стихотвореніи, вылившемся въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ, какіе не разъ приходилось переживать Некрасову въ его журнальной дѣятельности,—нѣтъ ни одного дѣланнаго звука, чувствуется, что поэтъ не играетъ сочиненными страданіями. Здѣсь все правда, кромѣ излишней суровости къ самому себѣ.

Некрасовъ родился 22 ноября 1821 года, какъ извѣстно, въ семьѣ небогатаго помѣщика, и съ 16-ти лѣтъ уже сталъ жить на свой собственный счетъ. До тридцати лѣтъ эта жизнь была сплошной борьбой за существованіе, когда Некрасовъ, по его словамъ, ради хлѣба написалъ до 300 листовъ прозы. Это былъ «черный литературный трудъ въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальныхъ работъ, навертывавшихся случайно», говоритъ г. Скабичевскій. Просто удивительно, какъ поэтъ находилъ еще силы отдаваться своему призванію, такъ какъ въ промежуткахъ между писаньемъ рецензій, водевилей, романовъ, критическихъ статеекъ, имъ были написаны тѣ его произведенія, которыя заставили Бѣлинскаго привѣтствовать въ лицѣ Некрасова «истиннаго поэта». Только со второй половины 50-хъ годовъ начинается болѣе свѣтлая полоса въ жизни Некрасова, когда расцвѣтъ русской жизни отразился и на «Современникѣ», до тѣхъ поръ едва-едва дышавшемъ. Тѣмъ не менѣе, къ этому періоду, съ 1846 по 1855 годъ, относятся лучшія его вещи, особенно лирическія, которыя признаются шедеврами даже критикой, отрицательно относящейся къ Некрасову, какъ поэту «гражданской скорби». Кто не знаетъ: «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной», «Поражена потерей невозвратной», «Я сегодня такъ грустно настроенъ», «О, письма женщины намъ милой», «Мы съ тобой безтолковые люди», и его большихъ вещей той же эпохи «Псовая охота», «Саша», «Въ тоскѣ по юности моей» и др.? Этотъ первый періодъ журнальной дѣятельности, совпавшій съ особенно печальной полосой русской жизни, и выработалъ изъ Некрасова закаленнаго бойца, котораго никакія послѣдующія неудачи не могли сокрушить и дѣлали только сильнѣе и болѣе стойкимъ.

Второй періодъ, съ 1856 по 1866 г., былъ самымъ блестящимъ и плодотворнымъ. Время «Современника», когда Некрасовъ работалъ рука объ руку съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, сказалось необыкновеннымъ подъемомъ духа поэта, и лучшія его большія произведенія явились тогда, а именно: «Коробейники», «Морозъ Красный-носъ», «Крестьянскія дѣти», «Желѣзная дорога», знаменитое «Размышленіе у парадная подъѣзда». Пѣвецъ народнаго горя созрѣлъ вполнѣ, его протестъ противъ зла, въ началѣ неопредѣленный и безформенный, получилъ вполнѣ сознательную цѣль и стремленіе, намѣтилъ ясную дорогу, съ которой поэтъ уже не сходилъ ни разу. «Муза мести и печали» съ тѣхъ поръ не умолкаетъ, и каждое новое произведеніе становится ярче, сильнѣе, стихъ «пронзительно-унылый»—тверже и выработаннѣе. Закрытіе «Современника» въ 1866 г. не отражается упадкомъ силъ и унынiемъ въ работѣ поэта, какъ показываетъ вышеприведенное стихотвореніе «Неизвѣстному другу», которое по силѣ выраженія имѣетъ мало равныхъ въ русской поэзіи. «Медвѣжья охота» и «Дѣдушка» свидѣтельствуютъ, какой высоты достигъ Некрасовъ въ эту тяжелую пору жизни, когда любимая его журнальная дѣятельность прекратилась.

Третій, самый близкій къ намъ и по времени, и по направленію, періодъ «Отечественныхъ Записокъ» показалъ, сколько еще силъ таилось въ душѣ Некрасова. Вмѣстѣ съ Щедринымъ, Елисѣевымъ и г. Михайловскимъ, Некрасовъ создалъ настоящій журналъ, типъ котораго до сихъ поръ преобладаетъ въ журналистикѣ, сохранившись почти безъ измѣненій до нашихъ дней. Къ этому времени относятся вещи, пользующіяся особой популярностью—«Русскія женщины», самое большое по размѣрамъ произведеніе «Кому на Руси жить хо-

рошо», сатира «Современники» и «Послѣднія пѣсни», которыя заканчиваются великолѣпнымъ обращеніемъ къ музѣ,—послѣднимъ произведеніемъ, написаннымъ почти наканунѣ смерти:

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба—
Не плачь! Завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому кровному союзу!
Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови
. . . . . изсѣченную музу...

Слова поэта оказались пророческими. За эти двадцать лѣтъ, протекшихъ со дня его смерти, многое измѣнилось, но «кровный союзъ» между поэтомъ и его читателями такъ же живъ, какъ живъ интересъ и любовь къ народу, несравненнымъ печальникомъ котораго до сихъ поръ остается Некрасовъ. Начинаютъ доходить и до народа его произведенія, какъ, напр., «Коробейники» въ дешевомъ изданіи, нѣкоторыя мелкія стихотворенія въ школьныхъ изданіяхъ, и если чего мы можемъ пожелать, вспоминая о тяжелой утратѣ, понесенной обществомъ двадцать лѣтъ назадъ, то—лишь бы скорѣе настало время, когда бы народъ могъ познакомиться въ полномъ объемѣ съ твореніями пѣвца своихъ страданій.

Какія бы перемѣны ни настали въ общественномъ настроеніи, память Некрасова не изчезнетъ и не изгладится, и «муза мести и печали» навсегда останется дорога сердцу русскаго читателя. Можетъ мѣняться форма, въ которой выражается любовь къ народу, въ зависимости отъ нашего пониманія его нуждъ и потребностей, но основной тонъ отношенія къ народу, данный Некрасовымъ,—неизмѣненъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Результатъ нормировки рабочаго дня. Несмотря на нѣкоторую неясность въ новомъ законѣ о нормировкѣ рабочаго дня, начали уже проявляться хорошіе результаты этого, въ общемъ, благодѣтельнаго закона. Такъ, изъ различныхъ свѣдѣній, появляющихся въ газетѣ, заслуживаетъ вниманія, напр., корреспонденція въ «Рус. Вѣд.» изъ Иваново-Вознесенскаго округа.

Законъ 2-го іюня о рабочемъ днѣ уже успѣлъ повліять на условія фабричной работы, хотя онъ не вступалъ еще въ дѣйствіе. До изданія закона на ткацкихъ, прядильныхъ и ситце-печатныхъ фабрикахъ Владимірской губерніи работа производилась или въ одну смѣну (отъ 5 час. утра до 8 час. вечера, съ перерывомъ въ 1—1 ч. 30 мин.), или двумя смѣнами. Въ послѣднемъ случаѣ каждая смѣна работала или 12 часовъ, или только 9 час., въ зависимости отъ того, существуетъ ли на фабрикѣ ночная работа (отъ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра). Всѣ ситце-печатныя фабрики и незначительная часть ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ работали въ одну смѣну, а остальныя фабрики—въ

двѣ смѣны. Какъ только былъ опубликованъ новый законъ о рабочемъ времени, всѣ ткацкіе фабриканты въ г. Шуѣ, работавшіе раньше въ одну смѣну, перешли къ работѣ двумя 9-ти-часовыми смѣнами съ повышеніемъ разцѣнокъ на 25—40 проц. Такимъ образомъ, рабочій день шуйскихъ ткачей сократился съ 13 час. 30 мин. до 9 час., причемъ заработная плата или осталась на прежнемъ уровнѣ, или даже нѣсколько повысилась. Ситце-печатные фабриканты не рѣшились перейти къ двухсмѣнной работѣ и на недавно бывшемъ засѣданіи Иваново-Вознесенскаго комитета торговли и мануфактуръ, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», рѣшили съ 1-го января 1898 года начинать работу въ 6 часовъ утра и кончать въ 7 часовъ вечера, съ перерывомъ въ 1 ч. 30 м. Такимъ образомъ 13 ч. 30 м. рабочій день ситце-печатныхъ рабочихъ, подъ вліяніемъ закона, сократился до 11 ч. 30 м. Тѣ ткацкіе фабриканты, которые работали цѣлыя сутки, съ 1-го октября нынѣшняго года уничтожили ночныя работы и перешли къ 9-ти-часовому дню съ повышеніемъ расцѣнокъ на 25—30 проц. Такое измѣненіе было произведено на ткацкихъ фабрикахъ Ковровскаго уѣзда. Только незначительное количество фабрикъ, и притомъ расположенныхъ въ глухихъ деревняхъ, сохранили ночныя работы, но, подъ вліяніемъ закона, должны были сократить суточную работу фабрики на 2 ч. 30 мин., вслѣдствіе чего ночная смѣна теперь работаетъ 10 час. и дневная 11 час. 30 мин. (На фабрикахъ сосѣдней Костромской губерніи такой порядокъ является общимъ правиломъ). Такимъ образомъ, съ изданіемъ новаго закона въ предѣлахъ нашей губерніи наиболѣе типичнымъ является 9-ти-часовой рабочій день для ткачей и прядильщиковъ и 11 час. 30 мин.—для рабочихъ на ситце-печатныхъ фабрикахъ.

Таковъ результатъ дѣйствія новаго закона. Скоро ли отразится сокращеніе рабочаго времени на здоровьѣ рабочихъ и ихъ умственномъ развитіи, это покажетъ будущее; несомнѣнно только одно, что развитіе рабочихъ пойдетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ скорѣе будутъ созданы для нихъ разныя образовательныя учрежденія: воскресныя школы, чтенія, библіотеки, театры, техническіе классы и т. д., между тѣмъ ко всѣмъ просвѣтительнымъ начинаніямъ подобнаго рода относятся какъ-то недовѣрчиво. Многіе крупные фабриканты упомянутаго уѣзда не могли получить разрѣшенія на открытіе народныхъ библіотекъ при своихъ фабрикахъ.

Положеніе заводскаго населенія на Уралѣ и золотопріискателей въ Маріинскомъ округѣ. Какъ мы видѣли, благодаря новому закону, можно ожидать улучшенія быта рабочихъ въ Россіи, чего, къ сожалѣнію, не видно на ея восточной окраинѣ. Газета «Уралъ» приводитъ интересныя данныя о заводскомъ населеніи Урала и условіяхъ работы на золотыхъ пріискахъ Маріинскаго округа въ Сибири.

Останавливаясь на матеріальномъ положеніи уральскихъ рабочихъ, газета обращается къ исторіи земельнаго обезпеченія горнозаводскихъ рабочихъ.

«Передъ освобожденіемъ мастеровыхъ господствовало созданное горнозаводчиками мнѣніе, что мастеровые, получивъ «волю», побросаютъ опостылѣвшіе имъ заводы и займутся какимъ-либо своимъ дѣломъ, слѣдовательно, заводы останутся безъ рабочихъ. Поэтому-то законодательство, принимая мѣры къ земельному обезпеченію горнозаводскаго населенія, съ самаго же начала стремилось ограничить въ его средѣ землевладѣніе и старалось создать особый промышленный классъ, который средства своего существованія получалъ бы, главнымъ образомъ, отъ горнаго промысла, т.-е. желало какъ бы закрѣпить это свободное населеніе попрежнему за заводами, поставивъ его въ необходимость для своего пропитанія, за неимѣніемъ земли, жить трудомъ на заводахъ. Практическое примѣненіе этихъ принциповъ еще болѣе развило ихъ, въ особенности, благодаря злоупотребленіямъ со стороны заводовладѣльцевъ и мировыхъ посредниковъ. Особенно велики были эти злоупотребленія относительно раздѣленія заводскихъ людей на разряды: на

мастеровъ и на сельскихъ работниковъ. Такъ, въ большинствѣ заводовъ не оказалось вовсе сельскихъ работниковъ, какъ будто никто не исполнялъ въ нихъ вспомогательныхъ работъ, и все населеніе зачислено въ разрядъ мастеровыхъ, какъ имѣющихъ право только на покосную землю. Грамоты, въ законный срокъ не обжалованныя, вошли въ законную силу, и въ настоящее время населеніе многихъ частныхъ заводовъ тщетно старается поправить дѣло.

«Не многимъ лучше обошлось и поземельное устройство казеннаго населенія. Здѣсь видны тѣ же злоупотребленія. Изъ уставныхъ грамотъ оказывается, что раздѣленіе казенныхъ мастеровыхъ на собственно мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ произведено часто безъ всякаго основанія, и послѣдніе получили надѣлъ даже меньшій положеннаго для мастеровыхъ; по нѣкоторымъ заводамъ земель, расчищенныхъ собственнымъ трудомъ мастеровыхъ, вовсе не показано и они включены въ надѣлъ и обложены оброкомъ; вообще покосы и пашни показаны безъ опредѣленія границъ, по приблизительному вычисленію, на основаніи заводскихъ документовъ, почему въ надѣлы вошли земли заброшенныя, покрытыя лѣсомъ и т. п. Кромѣ того, земельный надѣлъ получили не всѣ рабочіе, а только «годные», т.-е. имѣющіе отъ 18 до 60 лѣтъ. Словомъ, исторія поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія — исторія чрезвычайно темная, запутанная и перепутанная, продолжающаяся, къ тому же, вплоть до настоящаго времени».

Та же газета признаетъ не менѣе безвыходнымъ положеніе рабочихъ золотыхъ пріисковъ.

«Среди многочисленныхъ золотыхъ пріисковъ Маріинской системы, Томской губерніи, несмотря на близость какъ горнаго округа, такъ и административнаго центра губерніи, положеніе горныхъ рабочихъ представляется крайне незавидным. Здѣсь еще крѣпокъ укоренившійся строй дореформенной Сибири, когда произволъ золотопромышленниковъ не находилъ никакой препоны и практиковался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только подъ сурдинкою казацкой пріисковой нагайки, но нерѣдко даже съ вѣдома горныхъ исправниковъ. Въ силу такихъ устоевъ, даже и теперь, когда новая Сибирь полна надеждъ, когда условія золотопромышленниковъ нѣсколько измѣнились въ силу новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, когда, наконецъ, подъ бокомъ почти открытъ судъ скорый, правый и милостивый, золотопромышленники никакъ не могутъ обуздать своей привычки въ сферѣ законности и справедливости и практикуютъ по прежнему всяческія безобразія. Правда, новый судъ стѣснилъ золотопромышленниковъ въ способахъ «упрощенной» расправы съ рабочими, но насколько увеличилась степень ихъ отвѣтственности передъ закономъ, настолько же и они изощряются въ виртуозности на почвѣ борьбы съ рабочими и изыскивая новые пути, закономъ, по ихъ мнѣнію, не наказуемые. Такъ, напримѣръ, недавно золотопромышленники въ массѣ экземпляровъ разослали печатные списки рабочихъ, прогнанныхъ за дурное поведеніе и бѣжавшихъ съ пріисковъ Маріинскаго горнаго округа въ 1896 г. Эта маленькая брошюра, въ нѣсколько печатныхъ листовъ, вмѣщаетъ въ себѣ 139 человѣкъ рабочихъ, какъ прогнанныхъ за дурное поведеніе, такъ и бѣжавшихъ съ пріисковъ. Кромѣ этого циркуляра-списка, изготовленъ еще новый на 240 человѣкъ рабочихъ этихъ же категорій, который также разошлется по горному округу. Разосланный списокъ составленъ по такой формѣ: имя, отчество и фамилія рабочаго, мѣсто пріиска, время разсчета или побѣга, владѣлецъ пріиска и примѣчаніе, въ которомъ чаще всего пестритъ передъ глазами «прогнанъ». Просматривая этотъ списокъ, прежде всего бросается въ глаза, что изъ числа 20 значащихся въ немъ золотоискателей, больше всего «прогоняется» рабочихъ съ пріисковъ г. С. Буткевичъ, который въ 1896 году «прогналъ» 34 чел. раб., а братъ его, Р. Буткевичъ, также собственникъ пріисковъ,—25 чел. раб. Нужно имѣть въ виду, что гг. Буткевичи не первостатейные предприниматели, поэтому спрашивается: что дѣлаютъ наши пріисковые «крезы» въ болѣе глухихъ тайгахъ нашей обширной Сибири, у кото-

рыхъ горные исправники не такъ давно получали десятки тысячъ дополнительнаго «жалованья», какъ это отмѣчалось своевременно «Сибирской Газетой»? Затѣмъ невольно напрашивается вопросъ: по какому праву гг. Буткевичи берутъ на себя смѣлость опредѣлять степень дурного поведенія рабочаго и гдѣ тотъ критерій, которымъ они руководствуются въ этомъ отвѣтственномъ дѣлѣ? Намъ думается, что законнаго права нѣтъ у гг. Буткевичей, а о нравственномъ и говорить нечего; одинъ изъ бр. Буткевичей недавно обвинялся у тисульскаго мирового судьи въ подлогѣ, и дѣло для санкціи отправлено въ томскій окружный судъ, а 1 октября, онъ же, по другому дѣлу, приговоренъ тѣмъ же судьей на 4 мѣсяца въ тюрьму за мошенничество. Что же можно ожидать отъ такого предпринимателя? Что же касается списка «прогнанныхъ и бѣжавшихъ» изъ Маріинскаго горнаго округа за 1896 г., то въ селѣ Тисулѣ, напримѣръ, списки эти составляются горнымъ исправникомъ».

Является весьма любопытный вопросъ, — спрашиваетъ «Уралъ», — какими общегражданскими законами или распоряженіями руководствуется горный исправникъ при составленіи такихъ списковъ и не являются ли они прямымъ произволомъ, который наказуется, какъ превышеніе власти въ горномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ общегражданскихъ законахъ, ни въ циркулярныхъ распоряженіяхъ министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ не имѣется?..

Очевидно, законность въ этихъ глухихъ мѣстахъ нѣчто пока невѣдомое и неслыханное. Сибирская желѣзная дорога, быть можетъ, внесетъ и это начало общегосударственной жизни въ глушь Сибири, вмѣстѣ съ новыми судами и новыми культурными стремленіями.

Пріюты городской голи въ нашихъ городахъ. «Каждому человѣку надо куда-нибудь пойти»,—этими словами изъ «Преступленія и Наказанія» начинаетъ «Смоленскій Вѣстникъ» статью о невыносимыхъ условіяхъ, при которыхъ ютится городской нищенствующій пролетаріатъ въ Смоленскѣ. То, что пишетъ газета о своемъ городѣ, вовсе не представляетъ чего-либо исключительнаго, и потому заслуживаетъ вниманіе какъ общее для огромнаго большинства нашихъ городовъ явленіе. Въ г. Смоленскѣ съ его 50-тысячнымъ населеніемъ, съ двумя существующими и третьей строющейся желѣзными дорогами, при сравнительной близости къ Москвѣ, во всякое время найдется не мало бездомнаго люда, отчасти живущаго дешевымъ трудомъ, частью находящагося безъ работы и ожидающаго мѣста или какого-нибудь заработка, для которыхъ вопросъ, гдѣ пріютиться на ночь безработнымъ мастеровымъ и проч., чрезвычайно серьезный, а осенью и зимою является вопросомъ жизни.

Несомнѣнно, не мало людей покончило преждевременно свое существованіе, ночуя въ холодную и сырую погоду на открытомъ воздухѣ или въ какомъ-нибудь холодномъ, нежиломъ помѣщеніи. Какъ обнаружилось при производствѣ въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года первой всеобщей переписи, въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, имѣется достаточное число людей безъ опредѣленныхъ занятій, такъ называемыхъ «золоторотцевъ» или «босяковъ». Эти «золоторотцы» и «босяки» даже зимою, въ стужу, ночуютъ въ остывшихъ печахъ кирпичныхъ и известковыхъ заводовъ, расположенныхъ вблизи города, а утромъ выходятъ на промыселъ.

До сихъ поръ въ Смоленскѣ не было такихъ ночлежныхъ пріютовъ, гдѣ бы неимущій человѣкъ могъ найти даровой теплый уголъ. Существующіе постоялые дворы крайне тѣсны, да и притомъ за ночлегъ въ нихъ требуется, хотя и небольшая, но все-таки плата, которая не всегда и не у всякаго изъ безпріютныхъ найдется, а потому нерѣдки случаи, что въ стужу такіе бездомные явля-

ются въ полицейскія части съ просьбой позволить имъ переночевать въ арестантской.

Практикуется еще ночлегъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ торговыхъ баняхъ. Хозяева бань пускаютъ туда ночлежниковъ на ночь и въ видѣ платы требуютъ отъ нихъ работы въ родѣ распилки дровъ и пр. Во время всеобщей переписи пришлось зарегистровать въ ночь съ 27 на 28 января настоящаго года до 50 ночлежниковъ въ баняхъ. Чрезвычайно тяжелую картину представляли группы ночующихъ, расположившихся безъ всякой подстилки на полкахъ, скамьяхъ и на полу грязной сырой бани, не раздѣваясь и не снимая обуви, такъ какъ въ баняхъ было довольно холодно. Въ большинствѣ случаевъ это были крестьяне, явившіеся въ городъ на заработки, съ ними было нѣсколько человѣкъ городскихъ обывателей безъ опредѣленныхъ занятій, большею частью пропойцы, подростковъ, дѣтей, на долю которыхъ выпали самыя худшія мѣста у сырыхъ каменныхъ стѣнъ подъ лавками. Среди ночлежниковъ было нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ безъ сапогъ и теплой одежды. Несомнѣнно, такіе квартиранты въ общественныхъ баняхъ крайне нежелательны, но вѣдь нужно же и имъ гдѣ-нибудь имѣть пріютъ.

Въ какомъ положеніи находятся существующіе нынѣ въ г. Смоленскѣ платные постоялые дворы, въ которыхъ теперь находятъ ночной пріютъ и босяки, и поденщики, и на рынокъ пріѣзжающіе крестьяне, и всѣ, кому «некуда пойти»,— видно изъ слѣдующаго краткаго описанія, произведеннаго лицами, осматривавшими дворы 30 октября этого года. Постоялый домъ Васильева на Петербургской улицѣ, такъ называемая казарма, т. е. комната для ночлега людей обоего пола и всякаго возраста, уплачивающихъ по 3 коп. за ночь, представляетъ бревенчатую избу въ $12^1/_2$ арш. въ квадратѣ при высотѣ $3^3/_4$ арш. Освѣщается 5 окнами достаточной величины. Для ночлежниковъ устроены во всю стѣну нары въ два этажа: нижній—на аршинъ отъ полу, верхній—на такомъ же разстояніи отъ потолка; но спятъ люди въ три этажа, ибо подъ нарами помѣщается столько же тѣлъ, какъ и на каждомъ этажѣ наръ; свободное отъ наръ пространство пола занято также ночлежниками. Это единственный постоялый дворъ, гдѣ ночующимъ на полу полагается отъ хозяина солома, маленькая охапка которой совершенно достаточна для выполненія «положенія»; казалось, она была случайно занесена на одеждѣ ночующихъ. «Для нихъ не напасешься!» нашелся отвѣтить дворникъ, на замѣчаніе, что «соломки-то больно мало». Въ $11^1/_2$ ч. ночи при 30 челов. ночевавшихъ, единственная лампа уже не давала свѣта, а нещадно коптила; попытка увеличить свѣтъ оказалось мало успѣшною. Свѣта какъ было, такъ и осталось недостаточно, а копоти много прибавилось. Дѣло, очевидно, заключалось не въ лампѣ, а въ воздухѣ, въ которомъ кислорода хватало лишь для неполнаго сгоранія фотогена съ массой продуктовъ въ видѣ копоти. Такимъ образомъ, въ день посѣщенія на человѣка приходилось 0,4 куб. саж. воздуха Въ базарный день, по заявленію дворника (онъ же завѣдывающій казармой), бываетъ 100, бываетъ и болѣе, т. е. человѣку на ночь приходится 0,1 куб. саж. воздуха и менѣе. Изъ всѣхъ постоялыхъ домовъ это—лучшій.

Хуже другихъ производитъ впечатлѣніе постоялый дворъ Кузьмина. Онъ занимаетъ комнату 12 ар. длины и $7^1/_2$ ширины и $3^1/_2$ аршина высоты. Въ этой комнатѣ отгороженъ тесомъ уголъ дворнику; пространство, отнятое изъ этой комнаты для дворника, длиною 2 саж. 13 в., шир. 1 саж. 10 в. Здѣсь-же находится печь большихъ размѣровъ. Чтобы не утомлять вниманія цифрами точно произведенныхъ измѣреній, приводимъ конечный результатъ вычисленій этого «гостепріимнаго дома». Объемъ комнаты—11,5 куб. саж. Если изъ этого объема вычесть занятое печкой 0,9 куб. саж., и дворницкой 3,8 куб. саж. то на долю ночующихъ остается 6,8 куб. саж. воздуха. Въ моментъ посѣщенія ночующихъ было, по заявленію дворника, «Богъ ихъ знаетъ сколько», а денегъ отобрано у пѣшихъ 66 коп. Въ обыкновеніи постоялыхъ дворовъ спрашивать деньги вечеромъ

у пѣшихъ, а у пріѣхавшихъ на лошади деньги спрашиваются утромъ. Пересчитать точно ночлежниковъ, не производя безпокойства,—задача трудная, ибо въ грудѣ тѣхъ безпорядочно втиснутыхъ и на нары и подъ нары—нельзя разобраться. Достаточно сказать, что верхній этажъ наръ отъ потолка всего лишь на 10 вершковъ и взрослый человѣкъ въ зимней одеждѣ съ трудомъ засовываетъ себя въ эту щель. При 30 челов. ночующихъ на каждаго приходится здѣсь только 0,2 к. саж. воздуха, а въ базарный день ночуетъ здѣсь «много болѣ».

Всѣ остальные постоялые дворы мало отличаются отъ двухъ описанныхъ и особыхъ индивидуальныхъ отличій не имѣютъ. Вездѣ спертый, вонючій воздухъ, въ которомъ лампа не горитъ, а чадитъ, грязь на полу, грязь на нарахъ, грязь на стѣнахъ и тѣснота, ужасающая тѣснота. Въ лучшемъ случаѣ приходится менѣе 0,4 куб. саж. воздуха, въ худшемъ—въ базарный день менѣе 0,1. Чтобы наглядно изобразить себѣ значеніе этихъ цифръ, представимъ, что каждый ночлежникъ пользуется здѣсь изолированнымъ помѣщеніемъ, тогда помѣщеніе это въ лучшемъ случаѣ (0,4 куб. саж.) будетъ напоминать большой платяной шкафъ, а объемъ помѣщенія въ базарные дни не превышаетъ обыкновеннаго гроба для взрослаго человѣка. Тутъ нѣтъ преувеличеній, ибо въ комнатѣ постоялаго двора Кузьмина нельзя помѣстить столько гробовъ, сколько вмѣщается человѣческихъ тѣлъ для ночлега. Только высокая степень приспособляемости, свойственная такому совершенному организму, какъ человѣкъ, способна выносить эти, поистинѣ ужасныя, условія «ночного отдыха». У свѣжаго человѣка появляются послѣ кратковременнаго пребыванія въ атмосферѣ постоялыхъ казармъ головная боль и тошнота отъ промзглаго запаха, этого ужасно противнаго запаха коноти, пота, разныхъ газовъ и испареній отъ носильнаго тряпья. Люди, спящіе здѣсь, похожи на травленныхъ мухъ: онъ еще живъ, но движеніи вялы, глаза блуждаютъ, отяжелѣвшая голова плохо воспринимаетъ впечатлѣнія извнѣ. По крайней мѣрѣ появленіе осматривающихъ ночлежный домъ въ числѣ 6 человѣкъ не нарушало замѣтно спокойствія ночующихъ: откроетъ босякъ глаза, смотритъ, не перемѣняя позы, и по тупому взгляду не трудно опредѣлить, что отуманенная голова не воспринимаетъ и ничего не соображаетъ. Ночевавшіе въ постоялыхъ домахъ жалуются на утреннія головныя боли и отупѣніе, которое на воздухѣ проходитъ послѣ движенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта атмосфера вредно дѣйствуетъ на людей, и достойно удивленія, какъ живутъ нѣкоторые, годами пользуясь услугами постоялаго двора. Привести въ порядокъ, т. е. въ удобный для ночлега видъ, существующіе постоялые дворы можно единственнымъ путемъ—путемъ разрѣженія населенія этихъ жилищъ. А разрѣдить можно только давши пріютъ хотя бы половинѣ населенія, что можно достигнуть устройствомъ ночлежнаго дома».

Что читаютъ крестьяне Пермской губерніи. При статистическомъ отдѣленіи Пермской губернской управы, собирается уже нѣсколько лѣтъ матеріалъ по вопросу о томъ, въ какихъ преимущественно знаніяхъ нуждается наша деревня. Свѣдѣнія эти собирались путемъ добровольнаго опроса деревенскихъ корреспондентовъ, изъ среды крестьянъ, причемъ въ вознагражденіе за ихъ труды, губернская управа разсылаетъ корреспондентамъ сельскохозяйственныя книги. Этимъ достигаются двѣ цѣли: во-первыхъ, распространяются среди населенія разнаго рода знанія, практическаго характера, а во-вторыхъ, корреспонденты, польщенные вниманіемъ земства, усердно продолжаютъ свое полезное сотрудничество.

Собранный такимъ путемъ сырой матеріалъ былъ обработанъ г. Бобылевымъ, статья котораго «Къ вопросу о распространеніи среди населеній сельскохозяйственныхъ знаній», напечатана въ «Сборникѣ пермскаго губернскаго земства». Группируя и обобщая цифровыя данныя, г. Бобылевъ пришелъ къ тому выводу, что популярная книга по уѣздамъ Пермской губерніи распространяется такимъ

образомъ: въ Верхотурскомъ уѣздѣ—крестьяне прежде всего желаютъ книгъ о домашнихъ животныхъ и обработкѣ земли, интеллигенція—о скотѣ и огородничествѣ; въ Екатеринбургскомъ — крестьяне требуютъ книги по скотоводству и о законахъ, интеллигенція—календари, о содержаніи скота и законы; въ Ирбитскомъ—крестьяне—о законахъ и скотоводствѣ, интеллигенція—о скотоводствѣ и обработкѣ земли; въ Камышловскомъ—крестьяне заявляютъ громадное требованіе на законы, календари и о лѣченіи домашнихъ животныхъ, интеллигенція—объ уходѣ за скотомъ, народной медицинѣ и календари; въ Красноуфимскомъ—и крестьяне и интеллигенція прежде всего требуютъ законы и календари; въ Кунгурскомъ—крестьяне—о законахъ и календари, интеллигенція—по скотоводству; въ Осинскомъ—тѣ и другіе требуютъ книги по скотоводству; въ Оханскомъ—крестьянамъ нужны книжки о лѣченіи скота, календари, о законахъ, о самоуправленіи, интеллигенціи—о народной медицинѣ и гигіенѣ, календари и о лѣченіи домашнихъ животныхъ; въ Пермскомъ — крестьяне требуютъ книги по народной медицинѣ и ветеринаріи, интеллигенція—о несгораемыхъ постройкахъ и календари; въ Соликамскомъ уѣздѣ—крестьяне и интеллигенція—объ удобреніи земли, воздѣлываніи хлѣбовъ и скотоводствѣ; въ Чердынскомъ—крестьяне спрашиваютъ календари, книги о законахъ и скотоводствѣ, интеллигенція—календари и о законахъ и, наконецъ, въ Шадринскомъ у.—крестьяне интересуются книгами по ветеринаріи, о законахъ, интеллигенція—о скотоводствѣ, обработкѣ земли и садоводствѣ.

Такимъ образомъ, интересы крестьянина-земледѣльца и деревенскаго интеллигента (т. е. священника, учителя, писаря) не совпадаютъ. Крестьяне отдаютъ преимущество книгѣ справочнаго характера, о законахъ и объ уходѣ за скотомъ, и какъ исключеніе—книгѣ объ улучшенныхъ способахъ обработки земли (Соликамскій и Верхот. уѣзды).

Группируя другія данныя, г. Бобылевъ говоритъ, что въ уѣздахъ зауральскихъ,—Екатеринбургскомъ, Ирбитскомъ и Камышловскомъ, среди мѣстныхъ крестьянъ совершенно отсутствуетъ спросъ на книги о раціональномъ веденіи пчеловодства, тогда какъ въ уѣздахъ Осинскомъ, Оханскомъ, Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ, спросъ на эти книги доходитъ до 10%.

Интересенъ тотъ фактъ, что деревенская интеллигенція стоитъ впереди въ запросахъ на книгу: по огородничеству, садоводству и пчеловодству, наравнѣ съ крестьянами интересуется обработкой земли, новыми орудіями, травосѣяніемъ, скотоводствомъ, ремеслами, народной медициной, но уступаетъ крестьянину въ степени интереса книгами о законахъ, самоуправленіи и возведеніи огнестойкихъ зданій. Такимъ образомъ, крестьяне въ большинствѣ случаевъ стоятъ на одномъ уровнѣ запросовъ съ деревенской интеллигенціей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже опередили ее.

Уже изъ приведенныхъ отрывочныхъ и краткихъ свѣдѣній видно, какое преимущество крестьянинъ отдаетъ книжкѣ о законовѣдѣніи. Да оно и понятно: мужику нѣтъ ни охоты, ни времени ходить къ разнаго рода темнымъ ходатаямъ, а между тѣмъ, ему часто приходится обращаться въ судъ и по своимъ личнымъ дѣламъ, и по общественнымъ. Крестьянину негдѣ было и некогда ознакомиться съ обрядовой стороной судопроизводства и законами, и здѣсь онъ блуждаетъ хуже, чѣмъ въ темномъ лѣсу. Поэтому распространеніе въ деревнѣ популярной книги по законовѣдѣнію является въ высшей степени желательнымъ. Къ сожалѣнію, въ современной литературѣ брошюръ по законовѣдѣнію, которыя бы вполнѣ отвѣчали назрѣвшимъ потребностямъ деревенскихъ читателей, немного. Книжка г. Архангельскаго «О русскихъ гражданскихъ законахъ» имѣетъ, какъ видно изъ тѣхъ же данныхъ, громадный спросъ среди крестьянъ Пермской губерніи; большой спросъ имѣется также на книжку г. Блинова «Толковая книжка по сельскому хозяйству», и нѣсколько меньшій на книжки г. Фармаковскаго «Книжка

*

для присяжныхъ засѣдателей» и г. Хмѣльницкаго—«Новое положеніе о паспортахъ». Въ общемъ въ теченіе одного года было запрошено отъ губернской управы 1.011 экземпляровъ этихъ книжекъ, такъ какъ другихъ юридическихъ сочиненій, доступныхъ пониманію деревенскихъ читателей, на книжномъ рынкѣ не было.

Затѣмъ 717 требованій поступило на медицинскую книгу. Говорить о необходимости распространенія гигіеническихъ свѣдѣній среди населенія, конечно, излишне. Только ярые сторонники народнаго невѣжества противъ популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, и въ этой области также еще слишкомъ мало продано дешевыхъ популярныхъ брошюръ. Наибольшими симпатіями среди крестьянъ пользуются—брошюрка г. Вишневскаго: «Какую пищу и какъ надо ѣсть» (139 требованій), его же: «Какъ избавиться намъ отъ простуды» (202 тр.), на книжку г. Рахманова «О работахъ, вредныхъ для здоровья», было 90 треб., на книжку г. Рудина «Заразныя болѣзни и ихъ признаки»—81, и на книжку г-жи Трутовской «Дурная болѣзнь»—64.

Значительнымъ спросомъ пользуются также книги о содержаніи скота и лѣченіи его: было требованій на книгу о скотѣ 1.038. Это, конечно, вполнѣ понятно, такъ какъ рабочій скотъ играетъ довольно важную роль въ сельскомъ и даже заводскомъ хозяйствахъ. Но въ этой области еще менѣе можно найти хорошихъ, дешевыхъ и популярныхъ изданій.

Въ заключеніе нельзя не пожелать,—замѣчаетъ газета «Уралъ», изъ которой приводимъ эти любопытныя данныя,—чтобы земство пришло на помощь населенію, предоставившему возможность за нѣсколько копѣекъ купить дешевую, хорошую книжку. Выписывать ее по почтѣ изъ города крестьянинъ, по многимъ причинамъ, не имѣетъ возможности, и въ этомъ случаѣ земство должно взять на себя роль посредника между читателями и издателями, хотя бы путемъ устройства земскихъ книжныхъ складовъ.

Къ исторіи артелей г. Левитскаго. Мы уже отмѣчали далеко не блестящее положеніе, такъ называемыхъ, земледѣльческихъ артелей г. Левитскаго. Теперь самъ ихъ иниціаторъ, въ письмѣ въ «Нов. Время», вынужденъ признать, что многія изъ его упованій не осуществимы, и вмѣсто «артели» приходится перейти просто къ союзамъ и товариществамъ, давно уже существовавшимъ на югѣ подъ именемъ «задруги».

Упомянувъ о разныхъ встрѣченныхъ на дѣлѣ затрудненіяхъ, г. Левитскій пишетъ: «Порѣшилъ же я перейти къ болѣе простой организаціи крестьянскихъ союзовъ, дающихъ вполнѣ удовлетворительные результаты, еще и въ силу того, что я не сторонникъ упиранія лбомъ въ стѣну и беру отъ жизни, что она можетъ дать. Въ селахъ «пока» еще нѣтъ интеллигенціи, и я, при множествѣ всякихъ неблагопріятныхъ причинъ и условій, не имѣю возможности здѣсь проводить въ жизнь такъ, какъ хотѣлось бы, ту болѣе сложную организацію артелей, требующую много къ себѣ непосредственнаго вниманія на мѣстѣ, которую я самъ же и намѣтилъ въ артельномъ договорѣ своемъ. Если почему либо, въ силу обстоятельствъ, отъ меня не зависящихъ, я вынужденъ перейти къ иному возможному и при этихъ условіяхъ типу союзовъ, то я и дѣлаю это безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, предварительно, конечно, взвѣсивъ всѣ данныя для новаго направленія дѣла, лишь бы только эти союзы давали благопріятные результаты въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, что для меня самое главное, а это несомнѣнно существуетъ, поэтому я и совершенно спокоенъ. Я рѣшилъ перейти къ организаціи совершенно простой и доступной и для крестьянъ, т.-е. къ артельнымъ кассамъ того типа, о которомъ я сообщалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ, не менѣе настоятельная потребность существуетъ и въ артельныхъ или общественныхъ потребительныхъ лавкахъ,—онѣ крайне необходимы,—артель-

щики сознаютъ ихъ пользу и просятъ устроить ихъ; въ одномъ изъ селъ даже и лавку уже пріискали (въ м. Аджамкѣ), но и для этого опять же нужны и средства, и преданные дѣлу люди, которые смогли бы отдаться этому доброму дѣлу; но этого пока ничего нѣтъ и поэтому я приступаю къ организаціи простыхъ потребительныхъ артелей, о которыхъ я помѣстилъ замѣтку въ «Новомъ Времени». Наконецъ, по тѣмъ же причинамъ, не имѣя здѣсь возможности, въ силу массы тяжелыхъ условій, осуществлять и далѣе довольно сложную организацію земледѣльческихъ артелей по типу, намѣченному мною въ артельномъ договорѣ, я перехожу, вынужденный къ тому обстоятельствами, къ болѣе простой организаціи ихъ, при которой лошади хотя и содержатся отдѣльно у каждаго артельщика, но онѣ немедленно сводятся для полевой работы, когда въ этомъ есть необходимость, напр., пахота, а то и бороньба на снятыхъ сообща артелью участкахъ и, вообще, при всякихъ общихъ предпріятіяхъ, гдѣ члены артели участвуютъ со своимъ скотомъ. И этотъ типъ организаціи, несомнѣнно, дастъ вполнѣ положительные результаты, хотя, конечно, здѣсь нѣсколько и сокращается артельный элементъ, но все-таки даже и эта простая форма артельнаго союза уже обнаружила свое благотворное вліяніе на поднятіе экономическаго благосостоянія членовъ этихъ союзовъ, съ каждымъ годомъ увеличивающихъ запашку, лучшимъ доказательствомъ чего являются слѣдующія цифры посѣвовъ 83 артелей въ 1895 г. — 660 дес., въ 1896 г.—1.000 дес., а въ 1897 г.—1.300 дес., не говоря уже о томъ, что число рабочаго скота у артелей учетверилось сравнительно съ тѣмъ, что было до составленія артелей. Но, кромѣ всего этого, друзья земледѣльческихъ артелей вообще могутъ не тревожиться еще, и вотъ почему: я могу съ спокойной совѣстью порадовать ихъ, что артельное дѣло вступило уже въ такой фазисъ развитія, когда херсонскія артели являются лишь небольшой точкой въ той общей массѣ не только живого интереса къ нимъ, но и желанія практически поработать въ направленіи осуществленія идеи земледѣльческихъ артелей. Во всѣхъ концахъ Россіи уже есть убѣжденные и преданные дѣлу этому люди, не только готовые и приступающіе къ дѣятельности въ духѣ артельномъ, но уже и организовавшіе артели по типу нашихъ».

Разсказавъ затѣмъ о симпатіяхъ, встрѣченныхъ имъ даже въ «Европѣ, Сѣверной и Южной Америкѣ, Сиріи и т. д.», г. Левитскій заканчиваетъ жалобой на мѣстное земство, которое его не поддержало и съ которымъ онъ «порвалъ» всякія сношенія.

Вотъ пока все, что самъ устроитель артелей можетъ сообщить интересующимся этимъ дѣломъ. Онъ, впрочемъ, добавляетъ еще, что «всѣ трудности и вообще всѣ тѣ испытанія, какія приходится мнѣ переживать за послѣдніе три года, стоя у дѣла организаціи земледѣльческихъ артелей, не убиваютъ во мнѣ энергію и вѣру въ дѣло.»

Самозванецъ-судья. Необычайное по существу и прямо невѣроятное дѣло разбиралось въ уголовномъ отдѣленіи лубенскаго окружного суда въ г. Прилукахъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Болѣе, чѣмъ всякія статьи или беллетристическіе разсказы самыхъ талантливыхъ и вдумчивыхъ художниковъ, рисуетъ оно «культуру» деревни.

Какъ сообщаютъ «Харьковскія Губ. Вѣдомости», судился крестьянинъ Августъ Баранъ, по обвиненію въ присвоеніи себѣ званія судьи и истязаніяхъ.

Дѣло это возникло по заявленію дворянина Константина Борвицкаго, поданному 2-го сентября 1896 года приставу 3-го стана Прилукскаго уѣзда, въ которомъ указывалось, что въ с. Туровкѣ лакей помѣщицы Екатерины Фрицъ, Августъ Баранъ объявилъ себя мировымъ судьей 8-го участка, устроилъ въ экономическомъ флигелѣ присутственную камеру, разбираетъ дѣла между ра-

бочими и постановляетъ приговоры по указу Его Императорскаго Величества, которые вслѣдъ за объявленіемъ приводитъ къ немедленному исполненію, присуждая однихъ къ тѣлесному наказанію, а другихъ къ лишенію свободы. Полицейскимъ дознаніемъ заявленныя обстоятельства вполнѣ подтвердились, и Августъ Баранъ былъ преданъ суду по обвиненію въ самовольномъ присвоеніи судебной власти, пользуясь которой онъ причинилъ истязаніе разнымъ лицамъ. Спрошенные на предварительномъ слѣдствіи многочисленные свидѣтели, изъ которыхъ большая часть еще сохранила на тѣлѣ слѣды приговоровъ самозваннаго судьи, удостовѣрили, что въ августѣ 1896 г. Баранъ устроилъ въ одномъ изъ флигелей экономическаго двора г жи Фрицъ камеру и, объявивъ, что онъ занимаетъ должность мирового судьи 8 участка, приступилъ къ разбору дѣлъ. Въ камерѣ у него находился столъ съ письменными принадлежностями, какой-то толстой книгой и колокольчикъ, а на стѣнѣ висѣлъ портретъ Государя Императора. Къ разбору дѣлъ онъ приступалъ по непосредственно усмотрѣннымъ безпорядкамъ или по заявленію кого-либо изъ дворни и засѣданія устраивалъ по вечерамъ, отъ 10-ти до 12-ти часовъ, причемъ стороны вызывались повѣстками, которыя писалъ по его приказанію мальчикъ Аѳанасій Паливода, а вручалъ ихъ рабочій Іосифъ Мищенко, называвшійся судебнымъ приставомъ. При явкѣ вызываемыхъ Баранъ объявлялъ засѣданіе открытымъ и послѣ неистоваго трезвона колокольчикомъ приступалъ къ допросу потерпѣвшихъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей, послѣ чего снималъ со стѣны портретъ Государя и, держа его въ рукахъ, объявлялъ приговоръ: «По указу Его Императорскаго Величества я, мировой судья 8-го участка Прилукскаго уѣзда, на основаніи 46—54 и 42 статьи приговорилъ такого то или такую-то къ столькимъ-то ударамъ розогъ, или къ аресту, или къ тому и другому». Розги онъ обыкновенно назначалъ отъ 25 до 40 ударовъ, арестъ опредѣлялся отъ 3 до 7 дней, и помѣщеніемъ для арестуемыхъ служилъ ледникъ, называвшійся «холодной»; но иногда осужденные приговаривались къ тюремному заключенію, и тогда ихъ запирали въ погребъ. Приговоры приводились въ исполненіе немедленно, и для исполненія ихъ назначены были экономическіе рабочіе Ефимъ Мирошкинъ и Акимъ Маляръ, которые носили названіе «катовъ». Если кто изъ вызываемыхъ къ судьѣ не шелъ добровольно, тѣхъ тащилъ силою Ефимъ Мирошкинъ, а если кто изъ осужденныхъ сопротивлялся и не желалъ подчиниться приговору, тому связывали руки и ноги и сѣкли или запирали подъ арестъ. При этомъ, если Баранъ замѣчалъ, что «каты» сѣкутъ слабо, то самъ принималъ участіе въ нанесеніи ударовъ, или же подвергалъ наказанію исполнителей приговора. Тѣлесное наказаніе производилось на первыхъ порахъ дѣятельности Барана кнутомъ, а потомъ стали заготовлять по его распоряженію пучки розогъ изъ колючей акаціи, которыми и сѣкли безъ милосердія, не разбирая ни пола, ни возраста.

Кириллъ Руденко, казакъ 25-ти лѣтъ отъ роду, получивъ отъ «судьи» повѣстку явиться свидѣтелемъ по какому то дѣлу, не явился къ означенному сроку; тогда Баранъ вызвалъ его повѣсткой вторично, уже какъ обвиняемаго. По явкѣ Руденко Баранъ объявилъ ему приговоръ, которымъ присуждалъ его за неявку по вызову суда къ 20-ти поклонамъ «съ крючкомъ». Этотъ видъ снисходительнаго взысканія тоже нерѣдко былъ примѣняемъ «мировымъ судьей» за маловажные проступки и заключался въ томъ, что виновный, стоя на колѣняхъ, долженъ былъ дѣлать поклоны, приподнимая при каждомъ поклонѣ вверхъ правую ногу. Выслушавъ приговоръ, Руденко заявилъ недовольство и намѣреніе жаловаться на судью. Тогда Баранъ постановилъ второй приговоръ, которымъ присудилъ обвиняемаго «за дерзкое поведеніе» къ 45-ти розгамъ и къ десятидневному аресту, что и было, не смотря на сопротивленіе осужденнаго, тутъ же приведено въ исполненіе. «Когда я подралась съ своей подругой Дарьей Семенцовой,—показывала свидѣ-

тельница Наталья Мирошниченкова,—то меня въ тотъ же день вечеромъ потребовали на судъ къ Августу Ивановичу. Когда меня привели, то въ камерѣ уже находились свидѣтели; допросивъ свидѣтелей, онъ прочиталъ мнѣ приговоръ, по которому я присуждалась къ 25-ти розгамъ и къ аресту на 7 дней, велѣлъ сейчасъ же ложиться для исполненія приговора. Я попросила отсрочки на 30 дней, какая дается обвиняемымъ въ волостномъ судѣ, но Баранъ возразилъ, что по уголовнымъ дѣламъ отсрочки не полагается. Я все-таки не хотѣла ложиться; тогда онъ, снявши съ себя ремень, велѣлъ Акиму Маляру связать мнѣ ноги, а затѣмъ разложить на землѣ. Тогда меня стали бить нагайкою, такъ какъ розогъ не оказалось. Сѣкъ Ефимъ Мирошкинъ, но Баранъ закричалъ на него: «ты не такъ бьешь, вотъ какъ надо!»—и, взявъ у него кнутъ, сильно ударилъ меня три раза; боль была нестерпимая, и я страшно кричала. На другой день Аѳанасій Паливода опять принесъ мнѣ повѣстку съ вызовомъ къ судьѣ; а какъ я ни за что не хотѣла идти, то меня потянули силою, а когда привели въ камеру, то Баранъ велѣлъ мнѣ бить поклоны «съ крючкомъ». Я ударила три поклона, но ноги не могла приподнять; тогда Баранъ сталъ бить меня ремнемъ. Затѣмъ меня и бывшую въ то время въ камерѣ Ксенію Минкину, тоже за что-то осужденную, Баранъ приказалъ «катамъ» Маляру и Мищенко связать по рукамъ и ногамъ возжами и отнести въ погребъ. Въ погребѣ насъ заперли, но чрезъ нѣсколько часовъ намъ удалось развязаться, и мы вылѣзли чрезъ отверстіе въ трубѣ отдушины».

Крестьянка Дарья Семенцова тоже была приговорена къ 40 ударамъ розогъ, хотѣла жаловаться, но побоялась, чтобы не было хуже. Подвергались тѣлесному наказанію и многіе другіе, въ томъ числѣ крестьянинъ Ефимъ Узовченко, Наталья Перепелицына, Ксенія Минкина. На вопросы, отчего не жаловались, потерпѣвшіе объяснили, что боялись Барана, который пользовался въ экономіи большою властью и дѣлалъ все, что хотѣлъ, и самъ управляющій былъ отъ него въ зависимости. То же подтвердилъ и заявитель о преступленіи дворянинъ Борвицкій, служившій въ экономіи приказчикомъ; на протестъ его противъ творимыхъ Бараномъ безобразій владѣлица объявила, что не его дѣло вмѣшиваться, и пригрозила «холодной».

Соображаясь съ установленными слѣдствіемъ данными, что наказаніе «осужденныхъ» колючими розгами и кнутомъ производилось продолжительное время (нѣкоторыхъ сѣкли въ теченіе получаса), что удары были сильные, оставляли кровоподтеки и причиняли такую боль, что наказываемые плакали и неистово кричали,—уѣздный врачъ Артемьевъ далъ заключеніе о наличности въ данномъ случаѣ истязаній, а побои призналъ тяжкими.

На судебномъ слѣдствіи обвиняемый указывалъ въ свое оправданіе на то обстоятельство, что потерпѣвшіе сами противъ него никогда не возбуждали жалобъ и теперь формально не жалуются; что устроенный имъ «судъ» былъ не что иное, какъ шутки для препровожденія времени, и что сѣкъ онъ игравшихъ роли обвиняемыхъ въ этой забавѣ съ ихъ согласія, такъ какъ они жалобъ не возбуждали, а молчаніе—значитъ согласіе.

Выставленные Бараномъ свидѣтели, составлявшіе, вѣроятно, публику при «игрѣ» въ судъ, тоже, съ своей стороны, удостовѣряли, что «сѣкли не больно, такъ что особенныхъ страданій наказываемые не могли испытывать»; сѣкли обыкновенно не по голому тѣлу, а потому «хотя и давали отъ 8-ми до 15-ти и рѣдко отъ 15-ти до 40 розогъ, но удары не были мучительны».

Въ составъ присяжныхъ засѣдателей вошли одни крестьяне и казаки; старшиною избранъ былъ тоже крестьянинъ, и по рѣшенію ихъ Баранъ признанъ былъ виновнымъ лишь въ присвоеніи судейскаго званія, фактъ же причиненія имъ въ этомъ званіи разнымъ лицамъ истязаній былъ ими отвергнутъ. На

основаніи этого вердикта окружный судъ приговорилъ подсудимаго крестьянина Подольской губерніи Августа Барана къ заключенію въ тюрьму на четыре мѣсяца.

Юбилей Н. Н. Златовратскаго. 16-го ноября, въ Москвѣ, происходило чествованіе Николая Николаевича Златовратскаго по случаю исполнившагося 30-ти-лѣтія его литературной дѣятельности. Въ 12 часовъ дня въ квартирѣ юбиляра привѣтствія начались чтеніемъ слѣдующаго адреса отъ Общества любителей россійской словесности, поднесеннаго временнымъ предсѣдателемъ Общества А. Н. Веселовскимъ и временнымъ секретаремъ В. И. Шенрокомъ.

«Высокоуважаемый Николай Николаевичъ! Въ нынѣшнемъ году исполнилось тридцать лѣтъ, какъ вы выступили на литературное поприще. На всемъ протяженіи этого тридцатилѣтія ваша почтенная и глубокосимпатичная дѣятельность, всегда отличавшаяся совершенно опредѣленнымъ и строго выдержаннымъ характеромъ, представляя собой служеніе въ высшей степени жизненной и плодотворной идеѣ — идеѣ народнаго блага, была проникнута и согрѣта чувствомъ сердечной симпатіи къ народной массѣ, непросвѣщенной и обездоленной, но, несмотря на многовѣковыя тяжкія условія своего быта, сохранившей въ себѣ столько добраго и истинно прекраснаго,—именно эта-то лучшая свѣтлая сторона народной души и нашла въ васъ, Н. Н., искренняго и убѣжденнаго защитника и талантливаго истолкователя. Выступивъ вмѣстѣ съ Гл. Ив. Успенскимъ, наиболѣе виднымъ продолжателемъ славнаго дѣла, начало которому было положено двумя незабвенными для Россіи представителями умственнаго движенія 1840-хъ годовъ, вы внесли въ такъ называемую народническую литературу собственный цѣнный вкладъ, явившись народникомъ новаго типа; вы изобразили деревенскую жизнь во всей ея полнотѣ, во всѣхъ ея будничныхъ проявленіяхъ, но особенно посвятили свои силы изученію крестьянской общины съ ея сложившимися устоями, давъ такимъ образомъ, по счастливому выраженію одного критика, какъ бы «энциклопедію будничной деревенской жизни». Имѣя передъ собой такую прекрасную и въ полномъ смыслѣ гуманную задачу, вы отдали выполненію ея свои лучшія силы, свое любящее отзывчивое сердце. Ваша любовь къ народу—не порывъ восторженной благородной вспышки энтузіазма, не холодная дань хотя бы великому и священному долгу, тѣмъ болѣе не увлеченіе модой, но глубокая органическая потребность, составляющая внутреннее завѣтное содержаніе вашей души, любовь сильная, искренняя и задушевная. Общество любителей россійской словесности, высоко цѣня ваши заслуги передъ русской литературой, считаетъ своимъ непремѣннымъ и пріятнымъ долгомъ въ нынѣшній торжественный день выразить вамъ искреннѣйшее желаніе продолженія вашей благородной дѣятельности съ прежней энергіей и въ томъ же направленіи».

Затѣмъ прочитаны были привѣтственныя телеграммы: отъ литературнаго фонда, отъ комитета Союза писателей и отъ Императорскаго вольно-экономическаго общества. С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевскій и С. А. Щепотьевъ привѣтствовали юбиляра отъ «товарищей-писателей». Далѣе принесены были привѣтствія представителями редакцій: «Русской Мысли», «Новаго Слова», «Вопросовъ Философіи и Психологіи», «Вѣстника Воспитанія», «Дѣтскаго Чтенія», «Посредника», «Русскихъ Вѣдомостей», и прочитаны телеграммы отъ журналовъ «Русское Богатство» и «Міръ Божій». Отъ русскихъ женщинъ поднесенъ былъ адресъ, на бюварѣ котораго, украшенномъ серебряной позолоченной доской, помѣщена акварель художника Мясоѣдова, изображающая сѣятеля. Отъ московскихъ почитателей поднесенъ адресъ, покрытый почти 1.000-ю подписей. Засимъ слѣдовали адресы и привѣтствія: отъ народныхъ учительницъ, отъ народныхъ учителей, отъ учительницъ съ родины юбиляра—изъ Владимірской

губерніи, отъ почитателей изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ, отъ земскихъ врачей, отъ фельдшерицъ, отъ женщинъ-врачей, отъ владимірской интеллигенціи, отъ учащихся во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ учащихся въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ множества частныхъ лицъ и различныхъ общественныхъ группъ. Отъ кружка фельдшерицъ поднесена лира изъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ, перевязанная бѣлой лентой съ надписью золотыми буквами: «Въ память Нади Побѣдинской» (одинъ изъ типовъ Н. Н. Златовратскаго). Отъ художниковъ Касаткина и Грандковскаго поднесены картины, исполненныя акварелью. Какъ привѣтствія, такъ и отвѣты на нихъ юбиляра отличались рѣдкой задушевностью и сердечностью. Въ 6 ч. веч., по словамъ «Р. В.», въ колонной залѣ гостинницы «Эрмитажъ» данъ былъ обѣдъ въ честь Н. Н. Златовратскаго. Участвовавшихъ на обѣдѣ было 240 человѣкъ. Первую рѣчь сказалъ отъ лица московскихъ почитателей юбиляра проф. Н. А. Карышевъ. Затѣмъ говорили: В. П. Вахтеровъ, привѣтствовавшій юбиляра отъ Московскаго Общества грамотности, проф. А. Н. Веселовскій, Н. А. Каблуковъ—отъ земскихъ статистиковъ, М. К. Чернова-Бларамбергъ, привѣтствовавшая юбиляра отъ русскихъ женщинъ, и др. ораторы. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ различныхъ общественныхъ группъ, послѣ чего прочитано было много телеграммъ, полученныхъ изъ различныхъ городовъ отъ почитателей юбиляра, между прочимъ, отъ статистиковъ Владимірской губерніи, отъ преподавательскаго персонала Владимірской воскресной школы, отъ московскаго Правленія кассы взаимопомощи при Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, отъ астраханскаго литературнаго общества, отъ земскихъ врачей Московской губерніи, отъ Павловской кустарной артели, отъ студентовъ-владимірцевъ изъ Томска, отъ народныхъ учителей изъ Ельца, отъ К. К. Арсеньева, К. М. Станюковича, отъ Семевскихъ, отъ Ф. Д. Нефедова, отъ редакцій: народныхъ изданій «Посредника», «Сына Отечества», «Хозяина», отъ Г. А. Мачтета, проф. М. В. Духовскаго и др. На привѣтствія Н. Н. Златовратскій отвѣтилъ рѣчью, въ которой передалъ свои воспоминанія изъ эпохи 60-хъ годовъ, и, коснувшись различныхъ литературныхъ теченій, поднялъ бокалъ за объединеніе всѣхъ направленій современной русской мысли на почвѣ освободительныхъ идей 60-хъ годовъ. Во время обѣда устроена была подписка въ пользу фонда для основанія народной библіотеки или начальной школы имени юбиляра. Всего для этой цѣли собрано 425 р.

За границей.

Первая руководительница женскаго движенія. Во всѣ времена и даже въ древности среди женщинъ встрѣчались отдѣльныя личности, которыя значительно выдавались надъ общимъ уровнемъ своими знаніями и своею дѣятельностью, но собственно вопросъ о правахъ женщины, о ея образованіи и воспитаніи, т. е. такъ называемое женское движеніе возникло и распространилось лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Однако, не слѣдуетъ думать, что только въ XIX вѣкѣ женщины стали требовать расширенія своихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка нашлось нѣсколько смѣлыхъ женщинъ, которыя въ рѣчахъ и статьяхъ проповѣдывали эмансипацію женщины. Такова была Олимпія де-Гужъ, погибшая въ эпоху революціи, и голландка Пальмъ Эльдеръ. Объ одной изъ такихъ прародительницъ женскаго движенія, говоритъ д-ръ Невилль въ своей статьѣ, напечатанной въ «Revue des Revues».

Англичанка Мэри Уольстонкрафтъ Годуинъ хотя и не можетъ быть названа иниціаторомъ женскаго движенія, такъ какъ, кромѣ нея, и другія женщины

старались проповѣдывать идеи женскаго равноправія, но, тѣмъ не менѣе, ей все-таки принадлежитъ первенство, потому что она первая выступила съ вполнѣ формулированной программой женскихъ требованій, указала на несправедливости, отъ которыхъ приходится такъ много терпѣть всѣмъ женщинамъ, на необходимость единенія и на цѣль, къ которой всѣ должны стремиться, указавъ въ то же время и пути къ скорѣйшему достиженію этой цѣли.

Мало найдется женщинъ, которымъ пришлось столько терпѣть отъ несправедливости разныхъ общественныхъ учрежденій по отношенію къ женщинѣ, сколько вытерпѣла Мэри Уольстонкрафтъ и никто не высказывалъ такого горячаго и краснорѣчиваго протеста противъ этой несправедлисти, какой вырвался у Мэри Уольстонкрафтъ, страдавшей всю свою жизнь отъ произвола, поддерживаемаго законами. Мэри родилась въ деревнѣ, въ 1759 г., въ окрестностяхъ Лондона и съ ранняго дѣтства была свидѣтельницей и жертвой самаго беззастѣнчиваго произвола и тираніи, опирающейся на право и авторитетъ главы семейства. Отецъ ея требовалъ абсолютнаго повиновенія отъ всѣхъ членовъ своей семьи и никто, даже въ шутку, не осмѣливался ему противорѣчить. Онъ билъ свою жену и Мэри также не разъ получала отъ него толчки да побои. Обѣ, и мать и дочь, находили только утѣшеніе во взаимной любви и часто плакали въ объятіяхъ другъ друга Но матери, терпѣвшей всю свою жизнь отъ деспота мужа, никогда и въ голову не приходило возмутиться противъ тираніи своего супруга. Не смѣя даже роптать на судьбу и покорно снося брань и побои супруга, мать постоянно учила маленькую Мэри быть терпѣливой и кроткой. Но у Мэри была старшая сестра, еще болѣе несчастная. Ея жизнь была настоящій адъ. Одинъ разъ маленькая Мэри даже осмѣлилась вступиться за нее и спрятала ее отъ мужа въ свою комнату, смѣло выдержавъ атаку этого послѣдняго и не испугавшись ни его угрозъ, ни его крика.

Разумѣется, такія картины семейной жизни не могли не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на молоденькую дѣвушку, тѣмъ болѣе, что онѣ далеко не составляли исключенія. Мэри Уольстонкрафтъ видѣла, какъ живутъ ея замужнія подруги, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ эту жизнь можно было назвать счастливой. Большею частью она видѣла въ бракѣ торжество произвола мужчины, опирающагося на законное право и абсолютное рабство и подчиненіе женщины. Мало-по-малу у молодой дѣвушки сложилось убѣжденіе, что такое положеніе вещей несправедливо, ненормально и что надо освободить женщину изъ подъ тяготѣющаго надъ нею ига мужчины. Со зломъ надо бороться и Мэри Уольстонкрафтъ рѣшила начать проповѣдь въ пользу освобожденія женщины. Но она знала, что ей надо для этого обладать даромъ краснорѣчія и умѣньемъ излагать свои мысли убѣдительно. И то, и другое она надѣялась пріобрѣсти и принялась усердно работать. Ей было 28 лѣтъ, когда она написала свой первый трудъ: «Мысли о воспитаніи дѣвочекъ и объ отношеніяхъ женщины къ главнымъ обязанностямъ жизни». Написавъ эту книгу, Мэри Уольстонкрафтъ отвезла рукопись къ издателю Джонсону въ Лондонъ, который принялъ ее очень любезно и, взявъ у нея рукопись, обѣщалъ ей дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. Онъ такъ и сдѣлалъ и не только принялъ рукопись Мэри, но одобрилъ ея рѣшеніе заниматься литературой, предложивъ ей даже участвовать въ издаваемомъ имъ журналѣ. Разумѣется, Мэри съ радостью приняла это предложеніе и стала писать нравственныя повѣсти для дѣтей, педагогическія сказки съ философскимъ оттѣнкомъ, какъ это было въ модѣ въ концѣ XVIII вѣка; кромѣ того, она занималась также переводами, которые ей заказывалъ издатель.

Книжная лавочка Джонсона была обычнымъ мѣстомъ, куда собирались всѣ англійскіе литераторы той эпохи и тамъ же происходили собранія революціонеровъ

того времени. Мэри Уольстонкрафтъ встрѣтила двухъ писателей, знакомство съ которыми имѣло рѣшительное вліяніе на ея судьбу. Одинъ изъ нихъ, Томасъ Пэнъ, которому тогда было пятьдесятъ лѣтъ, уже пользовался громкою извѣстностью, какъ авторъ знаменитаго памфлета «Здравый смыслъ»; другой, Уильямъ Гольдуинъ, былъ прежде священникомъ въ одной изъ конгрегацій по сосѣдству Лондона, но затѣмъ вышелъ изъ рядовъ духовенства, когда убѣдился, что не можетъ раздѣлять его воззрѣній. Онъ такъ же, какъ и мэри Уольстонкрафтъ, увлекался французскими энциклопедистами и мечталъ о пересозданіи общества. Въ собраніяхъ, происходившихъ въ лавочкѣ Джонсона, весьма часто поднимался и обсуждался вопросъ о современныхъ условіяхъ брака, семейной обстановкѣ и т. п. Мэри внимательно слушала эти рѣчи и только изрѣдка вмѣшивалась въ споры, приводя какой-нибудь аргументъ въ пользу того, что необходимо преобразовать условія брака и поставить женщину въ менѣе зависимое положеніе. Такимъ образомъ женскій вопросъ уже служилъ одною изъ главнымъ тэмъ, обсуждавшихся на этихъ собраніяхъ, гдѣ часто бесѣдовали о средствахъ вывести женщину изъ ея подчиненнаго положенія и поставить ее рядомъ съ мужчиной въ общественной жизни. Однако, когда вспыхнула французская революція, то вопросъ этотъ самъ собою отошелъ на второй планъ. Тогда вспыхнула полемика между Бёркомъ и Пэномъ, написавшимъ въ отвѣтъ Бёрку свой знаменитый памфлетъ «Права человѣка». Мэри Уольстонкрафтъ также приняла участіе въ этой полемикѣ и своими статьями противъ Бёрка обратила на себя общее вниманіе, сразу занявъ мѣсто въ ряду выдающихся писателей. Тогда она рѣшила, что наступило время поднять тотъ вопросъ, который ей былъ всего ближе къ сердцу—вопросъ о правахъ женщины и въ 1792 году напечатала свою брошюру «A vindication of the Rights of Woman» (Требованіе правъ женщинѣ), которое представляетъ настоящее воззваніе въ пользу женщины и, конечно, составило эпоху въ исторіи женскаго движенія. Въ этомъ воззваніи Мэри срываетъ лицемѣрную маску любезности къ женщинѣ, подъ которою въ сущности скрывается презрѣніе, но вовсе не думая идеализировать женщину и, пожалуй, даже намѣренно сгущая краски въ изображеніи ея недостатковъ, Мэри именно и напираетъ на эти недостатки, являющіеся результатомъ ненормальнаго положенія вещей, недостаточнаго воспитанія и преградъ, воздвигаемыхъ умственному развитію женщины. Мэри вовсе не требуетъ для женщинъ какихъ-нибудь привилегій, а только правъ человѣка. Несмотря на то, что книга ея появилась больше 100 лѣтъ тому назадъ, она представляетъ самое краснорѣчивое слово, сказанное когда-либо въ защиту женщины, какъ человѣка. Въ каждой строкѣ этого воззванія сквозитъ глубокая вѣра въ дѣло женщины и въ то же время вполнѣ безпристрастное къ ней отношеніе. Мэри высказываетъ при этомъ рѣдкую здравость сужденія, ни разу не вдается въ крайности и не только обсуждаетъ женское движеніе въ его настоящемъ и прошломъ, съ того момента, какъ въ женщинѣ проснулось сознаніе ея человѣческаго достоинства, но предвидитъ и его дальнѣйшее развитіе. Она доказываетъ, что середины тутъ не можетъ быть и нельзя далѣе попирать ногами достоинство женщины, какъ человѣка: либо надо вернуться къ древнимъ и восточнымъ нравамъ, запирать женщину въ Гинекеи и стараться заглушить въ ней всякія человѣческія стремленія, сдѣлавъ изъ нея исключительно орудіе наслажденій, либо надо окончательно порвать связывающія ее путы, стѣсняющія ея движенія, мѣшающія ея развитію, и дать ей возможность свободно и безпрепятственно развиваться, чтобы уже по праву занять мѣсто рядомъ съ мужчиной, какъ его товарищъ и равноправный членъ общества. Только тогда, когда вѣковой гнетъ будетъ разрушенъ и исчезнутъ всѣ его слѣды, прогрессъ общества будетъ вполнѣ обезпеченъ и вѣковая несправедливость будетъ загдажена.

Такъ говорила Мэри Уольстонкрафтъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ говорятъ

и теперь всѣ приверженцы женскаго движенія. Слѣдовательно, именно теперь, когда женское движеніе широкимъ потокомъ разлилось по всѣмъ цивилизованнымъ странамъ, не мѣшаетъ вспомнить объ англійской писательницѣ, возвысившей свой голосъ въ защиту женщины, какъ человѣка, въ то время, когда во всемъ европейскомъ обществѣ царили самые заскорузлые взгляды на женщину и никто не признавалъ ея правъ на иное отношеніе къ себѣ, чѣмъ то, которое царило въ обществѣ.

Книга Мэри Уольстонкрафтъ произвела впечатлѣніе и многіе изъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей въ Европѣ согласились съ тѣмъ, что во взглядахъ, высказанныхъ ея авторомъ, заключается очень и очень много справедливаго. Разумѣется, она возбудила горячую полемику въ печати; сторонники вѣковыхъ традицій, требующихъ абсолютнаго господства мужчины, уже видѣли въ книгѣ Мэри подрываніе семейныхъ и даже соціальныхъ основъ. Но тѣмъ не менѣе, книга эта сдѣлала свое дѣло и дала толчокъ движенію, которое съ тѣхъ поръ все разростается. Книга была переведена на нѣмецкій, шведскій и даже русскій языкъ и особенный успѣхъ имѣла въ Америкѣ и только во Франціи на нее почему-то не обратили вниманія. Теперь, впрочемъ, во всѣхъ рѣчахъ, произносимыхъ на собраніяхъ такъ-называемыхъ «феминистовъ» во Франціи, всегда высказываются тѣ самыя идеи, которыя уже высказала Мэри въ своей книгѣ.

Но бѣдная Мэри не съумѣла сама избѣжать той участи, противъ которой такъ горячо ратовала. Судьба точно на зло, подсмѣялась надъ нею. Она влюбилась, когда ей было 34 года, и, повѣривъ обманчивымъ обѣщаніямъ, послѣдовала за своимъ избраннымъ въ Парижъ. Она пережила тамъ страшное время террора, но все-таки всего ужаснѣе было то разочарованіе, которое ей пришлось пережить. Въ концѣ концовъ она прибѣгла къ самоубійству, бросилась въ Темзу, но была спасена и снова очутилась во власти своего мужа. На ея счастье, онъ самъ вскорѣ бросилъ ее и тогда она, встрѣтивъ своего стараго друга, Гольдуина, вышла за него замужъ и на этотъ разъ была счастлива, но не долго. Она умерла отъ родовъ. Дочь ея впослѣдствіи сдѣлалась женою Шелли.

Двойной юбилей Вирхова *). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года Германія отпраздновала двойной юбилей своего великаго ученаго и замѣчательнаго политическаго дѣятеля Рудольфа Вирхова, прозваннаго «отцомъ современной медицины». Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, молодой 26-ти-лѣтній врачъ, Рудольфъ Вирховъ, былъ сдѣланъ приватъ-доцентомъ при берлинскомъ университетѣ и утвержденъ въ должности прозектора при больницѣ Шаритэ. Несмотря на свою молодость, Вирховъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе ученаго міра своими смѣлыми нападками на тѣ идеи, которыя многія сотни лѣтъ господствовали въ медицинѣ и считались незыблемыми уже въ силу своего вѣкового господства. Вирховъ, однако, не побоялся вступить въ борьбу съ рутиной и, основавъ въ томъ же году, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Рейнгардтомъ, журналъ «Archiv für pathol. Anatomie und Physiologie und für klin. Medicin» (Архивъ для патологической анатоміи и физіологіи и клинической медицины), пользующійся нынѣ всемірною извѣстностью подъ именемъ Вирховскаго архива, Вирховъ сразу выступилъ въ роли новатора въ области медицины. Своими работами Вирховъ установилъ тѣсную связь медицины съ областью естествознанія и освободилъ ее отъ разныхъ умозрительныхъ гипотезъ. Онъ сдѣлался основателемъ такъ-называемой «целлюлярной» (клѣточной) патологіи, въ которой всѣ болѣзненные процессы сводятся къ измѣненіямъ въ жизнедѣятельности клѣ-

*) Помѣщая настоящій очеркъ жизни и дѣятельности Вирхова, редакція имѣетъ въ виду дать въ будущемъ году подробную біографію и оцѣнку его роли въ наукѣ. *Ред.*

токъ—элементарныхъ, мельчайшихъ частей животнаго организма, и провозгласилъ знаменитый тезисъ «omnis cellula e cellula» (клѣтка происходитъ только отъ клѣтки), который долженъ былъ порѣшить споръ біологовъ о самозарожденіи организмовъ.

Въ научной области заслуги Вирхова несомнѣнны и велики, но тѣ безчисленныя депутаціи, чуть ли не со всѣхъ уголковъ Германіи, явившіяся привѣтствовать знаменитаго ученаго въ день его юбилея, чествовали не только ученаго, но и политическаго общественнаго дѣятеля, такъ какъ вмѣстѣ съ его ученымъ юбилеемъ совпалъ и юбилей его политической и общественной дѣятельности.

Строго научная и политическая дѣятельность лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ идти параллельно, воплощаясь въ одномъ и томъ же лицѣ. Большею частью ученые, поглощенные своими изслѣдованіями, не принимаютъ непосредственнаго участія въ политической и общественной жизни. Однако, бываютъ исключенія, напр., Гексли, Фохтъ и нѣкоторые другіе, которымъ стѣны кабинета не мѣшали видѣть и слышать, что творится кругомъ. Вирховъ принадлежалъ къ числу такихъ счастливыхъ исключеній, воплощая въ своемъ лицѣ выдающіяся качества ученаго и общественнаго дѣятеля. Но на политическое поприще онъ выступилъ случайно и притомъ былъ приведенъ туда не жаждою славы, а гуманными чувствами. Онъ былъ командированъ министерствомъ въ Верхнюю Силезію для изученія свирѣпствовавшей тамъ въ концѣ 1847 года тифозной эпидеміи. Конечно, отправляя въ эту командировку молодого врача, министерство имѣло въ виду только начную цѣль, да и самъ Вирховъ, оправляясь туда, не имѣлъ въ виду ничего другого. Но случилось то, чего менѣе всего ожидали отъ молодого ученаго, поглощеннаго своею наукой. Вирховъ изслѣдовалъ сущность эпидеміи, но изслѣдовалъ въ то же время и многое другое, чего ему никто не поручалъ. Верхняя Силезія — одна изъ бѣднѣйшихъ провинцій Пруссіи и передъ Вирховымъ раскрылись такія страшныя картины нищеты, гнета, всяческихъ страданій и невѣжества, что онъ содрогнулся до глубины души, такъ какъ ни о чемъ подобномъ не подозрѣвалъ, сидя въ тиши своей лабораторіи.

Страшно возмущенный всѣмъ, что онъ видѣлъ, всѣми соціальными несправедливостями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Вирховъ вернулся изъ Силезіи новымъ человѣкомъ и очертя голову бросился въ водоворотъ политической жизни. Ему казалось немыслимымъ заниматься рѣшеніемъ научныхъ проблемъ, которыя лишь въ отдаленномъ будущемъ могутъ принести пользу человѣчеству, когда тутъ непосредсвенно скопилось столько зла и столько невыразимыхъ страданій. Пылкій молодой ученый энергично принялся за дѣло и съ момента его возвращенія изъ Силезіи, жизнь его какъ бы раздвоилась; онъ былъ въ одно и то же время міровымъ кабинетнымъ ученымъ, повидимому не интересующимся ничѣмъ, кромѣ своей науки, и политическимъ дѣятелемъ, энергичнымъ и смѣлымъ, отзывающимся на всѣ злобы дня. Но замѣчательно, что ни наука, ни политика нисколько не пострадали отъ такого раздвоенія. Вирховъ обладалъ и до сихъ поръ обладаетъ по истинѣ изумительною способностью къ работѣ и можетъ какъ-то совершенно незамѣтно переходить отъ одного занятія къ другому, отъ одного порядка идей къ другому; наука и политика шли у него параллельно и нисколько не мѣшали одна другой и даже въ одной области, области общественной медицины, онѣ сживались вмѣстѣ, составляя какъ бы одно гармоническое цѣлое. Вирховъ, побывавъ въ Силезіи, пришелъ къ убѣжденію, что «врачъ долженъ быть адвокатомъ бѣдныхъ и что значительная часть соціальнаго вопроса входитъ въ область его юрисдикціи». Исходя изъ этой точки зрѣнія, Вирховъ тотчасъ же сталъ горячо проповѣдывать необходимость преобразованія санитарнаго дѣла. Къ чему служитъ изслѣдованіе эпидемій въ научномъ отношеніи, говорилъ онъ, если условія жизни народа таковы, что они слу-

жатъ лучшею почвой не только для развитія заразы, но и для самостоятельнаго зарожденія эпидемій. Нужно не только оказывать помощь въ бѣдствіи, но и самое бѣдствіе сдѣлать невозможнымъ. Съ цѣлью распространенія своихъ идей Вирховъ основалъ журналъ «Медицинская реформа», въ которомъ онъ и напечаталъ цѣлый рядъ блестящихъ статей, обсуждавшихъ задачи общественной медицины. Чтобы способствовать развитію санитарнаго дѣла и проводить свои идеи, Вирховъ сталъ служить въ выборныхъ городскихъ учрежденіяхъ, и дѣйствительно, благодаря его энергичному воздѣйствію на правительство, германскіе города достигли той высокой степени совершенства въ санитаромъ отношеніи, на которой они находятся въ настоящее время. Въ особенности, конечно, Берлинъ ему многимъ обязанъ въ этомъ отношеніи.

Однако статьи, которыя Вирховъ печаталъ въ своемъ журналѣ, проникнутыя идеями 1848 года, не могли не возбудить неудовольствія прусскаго правительства, очень косо посматривавшаго на дѣятельность пылкаго ученаго, а горячее участіе, которое Вирховъ принялъ въ парламентскихъ выборахъ, не прошло ему даромъ. Тотчасъ же послѣ этого Вирховъ безъ всякаго предувѣдомленія былъ уволенъ отъ должности прозектора. Правда, отставка эта продолжалась недолго, всего какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, такъ какъ общественное мнѣніе до такой степени возмутилось подобнымъ произволомъ правительства и поднялась такая агитація въ пользу Вирхова, что правительство рѣшило лучше уступить, нежели создавать ему ореолъ мученика за идею, такъ какъ даже изгнаніе тутъ ничему бы не помогло и имя Вирхова пріобрѣло бы еще большую популярность. Вообще правительство очутилось тогда передъ трудною дилеммой, какъ поступить съ Вирховымъ. Какъ ни былъ, однако, силенъ произволъ въ Пруссіи въ эпоху реакціи, все-таки онъ никогда не заходилъ за извѣстные предѣлы. Къ Вирхову не за что было придраться, онъ не совершилъ ничего противозаконнаго и поэтому его нельзя было отдать подъ судъ, и хотя всякая свободная мысль и движеніе въ тѣ времона подвергались преслѣдованію, но все-таки всѣ эти преслѣдованія прикрывались законностью. Поэтому министерство вынуждено было уступить давленію общественнаго мнѣнія и предложило Вирхову снова занять прежнее мѣсто. Но сдѣлавъ эту уступку, министерство все-таки захотѣло чѣмъ-нибудь отмстить Вирхову и лишило его половины содержанія. Хотя Вирховъ и былъ человѣкомъ обезпеченнымъ, но тѣмъ не менѣе служба при такихъ условіяхъ, когда можно было ожидать постоянно новыхъ придирокъ отъ правительства, нисколько ему не улыбалась. Какъ разъ въ это время Вирховъ получилъ предложеніе занять каѳедру патологической анатоміи въ вюрцбургскомъ университетѣ и, разумѣется, поспѣшилъ этимъ воспользоваться, чтобы уѣхать изъ Берлина.

Въ Вюрцбургѣ Вирхова приняли съ распростертыми объятіями и Вирховъ пробылъ тамъ семь лѣтъ. Вирховъ называетъ это время лучшимъ въ своей жизни. По характеру онъ больше подходилъ къ южногерманцамъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни властолюбія, ни страсти къ военнымъ почестямъ и славѣ. Онъ дорожилъ гораздо больше гражданскою свободой, нежели военнымъ могуществомъ и даже въ эпоху самаго сильнаго всеобщаго увлеченія громомъ побѣдъ и славой, доходившими до умопомраченія послѣ 1870 года, Вирховъ не поддался всеобщему настроенію. Его не увлекали громкія побѣды германскаго оружія; онъ не вѣрилъ, чтобы имперія, объединенная желѣзомъ и кровью, могла принести счастье германскому народу, поэтому онъ и не хотѣлъ принять депутатскія полномочія, когда его просили объ этомъ, говоря, что онъ совершенно не подходитъ къ всеобщему настроенію. «Если наступитъ такое время, когда мой голосъ снова понадобится народу,—сказалъ Вирховъ,—то я приду, какъ только меня позовутъ». И онъ сдержалъ свое слово.

Между тѣмъ Вирховъ пріобрѣлъ въ бытность свою въ Вюрцбургѣ такую

громкую научную славу, что прусское правительство находило не совсѣмъ удобнымъ то, что такой знаменитый ученый находится не въ берлинскомъ, а въ провинціальномъ университетѣ. Волей-неволей нужно было загладить сдѣланную ошибку и берлинскій университетъ самъ пришелъ на помощь правительству, обратившись къ нему съ просьбой пригласить Вирхова въ Берлинъ.

Вирховъ не отказался вернуться въ столицу Пруссію, но поставилъ условіемъ, чтобы при университетѣ былъ устроенъ особый патологическій институтъ со всевозможными кабинетами и лабораторіей. Требованіе такой знаменитости, какой уже былъ Вирховъ тогда, не могло не быть уважено и министерство, желая во что бы то ни стало переманить Вирхова въ Берлинъ и понимая, что слава этого знаменитаго ученаго прибавитъ блеска столицѣ объединенной Германіи, согласилось на его требованія; институтъ былъ основанъ и вскорѣ сдѣлался центромъ притяженія для всѣхъ европейскихъ ученыхъ. Наши русскіе ученые и врачи очень много обязаны этому институту вообще и Вирхову въ частности. Вокругъ Вирхова быстро сгруппировались лучшія медицинскія силы и онъ сталъ во главѣ цѣлой школы.

Но Вирховъ остался вѣренъ себѣ; слава не отуманила его. Во время юбилейныхъ торжествъ одинъ изъ его бывшихъ учениковъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Вы учили насъ смотрѣть на научные труды какъ на важнѣйшее звено въ великой цѣпи гуманитарныхъ стремленій. Вы всегда старались внушить намъ высокое воззрѣніе на медицину, представляющую не только науку о человѣкѣ, но и работу на пользу человѣчества». Это было справедливо. Вирховъ всегда проповѣдывалъ и проповѣдуетъ и теперь самые идеальные взгляды на роль медицины въ общественной жизни. Въ наукѣ онъ выше всего на свѣтѣ ставилъ истину, въ политикѣ же онъ выше всего ставилъ свободу и право. Онъ училъ своихъ послѣдователей никогда, ни ради какихъ соображеній не приносить въ жертву даже малѣйшей частицы права и свободы, составляющихъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣческой культуры и первый показывалъ примѣръ этого. Избранный въ депутаты прусскаго сейма, онъ сталъ во главѣ партіи свободомыслящихъ и, благодаря ему, партія эта пріобрѣла большое значеніе и вліяніе въ политической жизни страны. Но за то эта партія и навлекла на себя страшную ненависть Бисмарка. Имя Вирхова, какъ политическаго дѣятеля, сдѣлалось вскорѣ такимъ же знаменитымъ, какъ и имя его, какъ ученаго.

Когда была создана имперія, то Вирховъ пересталъ являться въ парламентъ и сеймъ. Новое направленіе претило ему и онъ, не стѣсняясь, высказывалъ свое отвращеніе къ этой искусственно созданной имперіи, которая, по его словамъ, будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ могилою свободы германскаго народа. Его предсказанія сбылись, но когда реакціонная политика достигла высшаго развитія и Бисмаркъ наложилъ желѣзную руку на гражданскія права народа, — Вирховъ, вѣрный своему обѣщанію, снова вступилъ въ парламентъ, въ качествѣ депутата отъ города Берлина, и не разъ своими рѣчами давалъ рѣзкій отпоръ Бисмарку, противопоставляя его власти и авторитету свои собственные престижъ и вліяніе.

Вирхову въ настоящее время 76 лѣтъ, но несмотря на такой почтенный возрастъ, онъ не утратилъ ни силы, ни любви къ работѣ и такъ же, какъ и прежде, способенъ принимать горячо къ сердцу общественныя дѣла. Рѣдко, когда нравственный образъ человѣка, ученаго и политическаго дѣятеля, могъ сохраниться въ такой незапятнанной чистотѣ и Вирховъ по справедливости можетъ быть названъ одною изъ самыхъ высокихъ въ нравственномъ отношеніи личностей современной Германіи, и даже клевета никогда не осмѣливалась коснуться его хрустально-чистой репутаціи честнаго человѣка.

Тридцать двѣ профессіи, открытыя для женщинъ въ Германіи. Германскій писатель Вильдъ-Кейснеръ издалъ очень курьезную брошюру, подъ заглавіемъ: «Что будетъ съ нашими дочерьми?», въ которой самымъ добросовѣстнымъ образомъ обсуждаетъ всѣ профессіи, открытыя для женщинъ въ настоящее время и приводитъ списокъ этихъ профессій. Очевидно, авторъ имѣлъ въ виду написать руководство для нѣмецкихъ родителей при выборѣ карьеры для ихъ дочерей и въ то же время утѣшить ихъ отчасти въ томъ, что у нихъ родилась дочь, а не сынъ. Авторъ по крайней мѣрѣ вполнѣ откровенно заявляетъ, что рожденіе дочери въ семьѣ составляетъ лишь «половину радости» и что въ такой семьѣ всѣмъ, приходящимъ освѣдомиться, заявляютъ обыкновенно: «Увы, это дѣвочка!» и т. д. и т. д.—однимъ словомъ, ясно, что рожденіе дочери не составляетъ счастливаго событія, прибавляетъ авторъ, даже въ такихъ семьяхъ, въ которыхъ уже есть мальчики. Констатируя этотъ прискорбный фактъ всеобщаго огорченія въ семьѣ по поводу рожденія дочери, авторъ старается пріискать ему объясненіе. Оно заключается въ слѣдующемъ: для мальчика открытъ цѣлый міръ, онъ можетъ выбрать какую угодне профессію, ремесло, сдѣлаться независимымъ, основать свой собственный очагъ и не быть въ тягость своей семьѣ; для дѣвочки же всѣ двери закрыты, она составляетъ бремя для семьи и освободиться отъ этого бремени можно только единственнымъ способомъ — выдавъ ее замужъ, но и этотъ способъ не всѣмъ доступенъ!

Итакъ, нѣмецкіе родители горюютъ, когда у нихъ родится дочь, и если вѣрить Вильдъ-Кейснеру—даже приходятъ въ полное отчаяніе, предвидя въ будущемъ массу затрудненій, заботъ и т. д. Вильдъ-Кейснеръ старается ихъ утѣшить и доказываетъ имъ, что вовсе не такъ уже трудно отдѣлаться отъ дочерей и что, кромѣ брака, есть еще много другихъ исходовъ, есть много профессій, открытыхъ для женщинъ, только надо умѣть взяться за дѣло. Далѣе авторъ дѣлаетъ вполнѣ справедливое замѣчаніе нѣмецкимъ родителямъ, что они плохо воспитываютъ своихъ дочерей, и если бы они воспитывали ихъ по другому, то дѣвочки перестали бы служить бременемъ для семьи и могли бы сдѣлаться независимыми. По мнѣнію Вильдъ-Кейснера, главная вина нынѣшняго воспитанія молодыхъ нѣмокъ заключается въ томъ, что ихъ обучаютъ массѣ безполезныхъ вещей, которыя имъ потомъ ни на что не нужны. Несмотря, однако, на довольно наивныя разсужденія Вильдъ-Кейснера о семейной жизни, о недостаткахъ воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, о способахъ сдѣлать ихъ болѣе независимыми, нельзя не признать все-таки, что въ его словахъ заключается большая доля истины. Но онъ, какъ добрый нѣмецъ, все-таки заботится прежде всего о томъ, чтобы дѣвушка обладала всѣми знаніями и качествами настоящей нѣмецкой «Hausfrau» и потому онъ такъ и возстаетъ противъ обученія музыкѣ, пѣнію, рисованію и т. п., если только дѣвочка не обладаетъ выдающимся талантомъ, который при должномъ развитіи могъ бы служить ей рессурсомъ въ жизни. Въ противномъ же случаѣ, это будетъ потерянным временемъ, восклицаетъ Вильдъ-Кейснеръ, и лучше было бы, еслибъ вмѣсто этого дѣвочку учили стирать, гладить, шить и стряпать.

Но если дѣвочка, воспитанная такимъ образомъ, что вполнѣ отвѣчаетъ идеалу нѣмецкой «Hausfrau», все-таки не находитъ себѣ мужа, то Вильдъ-Кейснеръ приходитъ къ ней или, вѣрнѣе, къ ея родителямъ на помощь и указываетъ имъ на 32 профессіи, изъ которыхъ они могутъ выбрать любую для своей дочери. Вильдъ-Кейснеръ перечисляетъ ихъ, но мы напрасно пытались найти тутъ что-нибудь новое, что-бы дало право заключить, что въ Германіи для женщинъ открыто болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. О какой-нибудь ученой карьерѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, конечно, и авторъ упоминаетъ лишь вскользь о такихъ профессіяхъ, а преимущественно останавливается на тѣхъ, которыя давнымъ-давно и во всѣхъ странахъ доступны

женщинамъ; это профессіи: гувернантки, учительницы, компаньонки, продавщицы, кассирши, модистки и т. д., но курьезнѣе всего, что, представивъ нѣмецкимъ родителямъ этотъ длинный списокъ профессій, авторъ затѣмъ, при болѣе подробномъ изученіи вопроса, приходитъ къ печальному выводу, что лишь семь или восемь изъ этихъ профессій, не болѣе, могутъ вполнѣ обезпечить существованіе молодой дѣвушки и поэтому вопросъ, поставленный въ заголовкѣ брошюры—«Was soll unsere Tochter werden»—такъ и остается открытымъ, несмотря на всѣ старанія почтеннаго автора разрѣшить его болѣе или менѣе удовлетворительно. Надо надѣяться, что сильно распространившееся въ послѣднее время женское движеніе въ Германіи скорѣе найдетъ рѣшеніе этого вопроса.

Помощь рыбакамъ. Ежегодно тысячи моряковъ отправляются ловить треску къ берегамъ Исландіи и Ньюфаундленда и врядъ ли какая-нибудь другая профессія сопряжена съ большими опасностями и лишеніями, чѣмъ эта. Область океана, въ которой имъ приходится проводить долгіе мѣсяцы, часто посѣщается ураганами; кромѣ того, туманы составляютъ тамъ очень частое явленіе и затрудняютъ движенія рыбачьихъ судовъ, подвергая ихъ серьезной опасности. Въ области Ньюфаундленда суда обыкновенно стоятъ на якорѣ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ берега, почти на пути большихъ трансатлантическихъ пароходовъ и часто случается, что во время тумановъ какой-нибудь изъ этихъ пароходовъ налетаетъ на маленькое рыбачье судно, которое послѣ того безслѣдно исчезаетъ, подчасъ даже со всѣмъ своимъ небольшимъ экипажомъ, въ глубинахъ океана. Исландскіе рыбаки, однако, не подвергаются такой опасности, такъ какъ они остаются совершенно въ сторонѣ отъ большого пароходнаго пути, но зато море у береговъ Исландіи еще болѣе бурное и паруса на судахъ никогда не спускаются. Бѣднымъ рыбакамъ приходится жить такъ долгіе мѣсяцы, не видя ничего, кромѣ неба и воды, и работая безъ устали, когда уловъ хорошъ. Помѣщеніе на этихъ рыбачьихъ судахъ всегда очень тѣсное, пища скудная и притомъ не свѣжая и, разумѣется, ни о какихъ гигіеническихъ правилахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи и даже больные остаются безъ всякой медицинской помощи. Заработокъ рыбаковъ весьма не великъ, но тѣмъ не менѣе многія тысячи людей рискуютъ ежегодно своимъ здоровьемъ и жизнью ради полученія этого скуднаго заработка. Единственная помощь, на которую могутъ разсчитывать рыбаки, можетъ быть оказана имъ только военными французскими и англійскими судами, заходящими въ эти края, и естественно, что рыбаки ждутъ прихода этихъ судовъ, какъ великаго событія. Пришедшія суда забираютъ больныхъ, снабжаютъ рыбаковъ свѣжей провизіей и часто принуждаютъ шкиперовъ рыбачьихъ судовъ, черезчуръ уже небрежно относящихся къ своимъ обязанностямъ и пренебрегающихъ даже наиболѣе элементарными гигіеническими правилами, выказывать большую заботливость о своемъ экипажѣ.

Одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, посѣтившій Исландію и прожившій нѣсколько недѣль среди рыбаковъ, проникся горячимъ состраданіемъ къ ихъ судьбѣ и по возвращеніи напечаталъ рядъ статей, въ которыхъ описывалъ ихъ тяжелое существованіе и говорилъ объ условіяхъ, способствующихъ развитію и распространенію пьянства среди рыбаковъ. Статьи произвели впечатлѣніе и, какъ всегда въ Англіи, сочувствіе общества выразилось не одними только платоническими заявленіями и соболѣзнованіями, а привело къ практическимъ результатамъ. Очень быстро организовался союзъ для помощи рыбакамъ и были зафрахтованы суда, которыя должны были доставлять исландскимъ рыбакамъ свѣжую провизію и др. припасы и привозить имъ газеты и вѣсти съ родины. Идея такой помощи рыбакамъ имѣла большой успѣхъ и сразу пріобрѣла приверженцевъ. Начавъ свою дѣятельность очень скромно, союзъ распо-

лагаетъ теперь большими средствами и имѣетъ въ своемъ распоряженіи 14 судовъ, изъ нихъ три парохода. Слѣдуетъ прибавить также, что онъ пріобрѣлъ уже большую популярность среди моряковъ и судамъ союза не разъ приходилось оказывать помощь морякамъ безъ различія національностей. Кромѣ того, союзъ уже принесъ пользу тѣмъ, что вызвалъ нѣкоторое уменьшеніе пьянства и заболѣваемости среди исландскихъ моряковъ, но современемъ онъ надѣется достигнуть еще большаго и совершенно измѣнить условія жизни этихъ послѣднихъ.

Франція, увлеченная примѣромъ Англіи, основала точно такое же общество «Oeuvres de Mer» и, благодаря весьма горячей пропагандѣ, успѣла уже собрать суммы, необходимыя для постройки трехмачтоваго судна, которое и было послано на ньюфаундлендскую мель къ стоящимъ тамъ рыбачьимъ судамъ. Къ несчастью, это судно погибло на обратномъ пути, наткнувшись на берегъ во время тумана, но тѣмъ не менѣе оно успѣло уже сдѣлать свое дѣло, посѣтило 29 рыбачьихъ судовъ, снабдило ихъ свѣжей провизіей, книгами, газетами и т. п. и оказало медицинскую помощь всѣмъ больнымъ. Гибель этого судна, однако, не затормозила дѣятельности общества; для пополненія потери со всѣхъ сторонъ стекаются пожертвованія и теперь уже комитетъ общества приступилъ къ постройкѣ двухъ новыхъ трехмачтовыхъ судовъ, которыя и должны будутъ отправиться въ будущемъ году на помощь морякамъ.

Генри Джорджъ. (Некрологъ). Въ ноябрѣ текущаго года умеръ извѣстный американскій писатель и общественный дѣятель Генри Джорджъ. Редакція «Міра Божія» надѣется съ теченіемъ времени представить своимъ читателямъ подробную оцѣнку экономической теоріи Генри Джорджа, а пока мы ограничимся только краткими біографическими свѣдѣніями объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Генри Джорджъ въ полномъ смыслѣ слова былъ тѣмъ, что англичане называютъ «a self-made man», т. е. человѣкомъ, добившимся всего своими собственными усиліями. Онъ родился въ Филадельфіи въ 1839 г. Отецъ его былъ бѣднымъ таможеннымъ чиновникомъ, который не могъ дать своему сыну высшаго образованія. Съ 16-ти лѣтъ Генри Джорджу пришлось самому зарабатывать себѣ пропитаніе и онъ поступилъ наборщикомъ въ типографію. Однообразная механическая работа не удовлетворяла юношу, мечтавшаго совсѣмъ о другой жизни, и вотъ мы видимъ его, покидающимъ родину и поступающимъ юнгою на корабль. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже очутился въ Австраліи золотоискателемъ. Но золота онъ не нашелъ и вернулся въ Америку такимъ же бѣднякомъ, какъ и уѣхалъ оттуда. Въ 1861 г. онъ поселяется въ Санъ-Франциско и снова дѣлается наборщикомъ. Набирая мѣстную газету, онъ пробуетъ писать въ ней статейки и мало-по-малу втягивается въ газетную работу. Въ концѣ концовъ онъ дѣлается главнымъ редакторомъ газеты. Благодаря этому, у него является возможность слѣдить за литературой и заниматься своимъ образованіемъ. Онъ старается наверстать потерянное время, занимается изученіемъ общественныхъ вопросовъ и результатомъ его занятій является его знаменитая книга «Прогрессъ и бѣдность», вышедшая въ 1880 г.

Съ выходомъ этой книжки положеніе Джорджа сразу мѣняется. Никому неизвѣстный наборщикъ дѣлается однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей Америки, книга его расходится въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и образуется партія—United-Labour Party—поставившая себѣ задачей проведеніе его идей въ жизнь. Въ 1886 г. онъ выступилъ кандидатомъ на должность нью-іоркскаго мэра и хотя и не былъ выбранъ, но все-таки получилъ въ свою пользу очень значительное число голосовъ—около 67.000, между тѣмъ какъ побѣдившій противникъ его получилъ около 90.000 голосовъ. Сторонниками Джорджа были въ большинствѣ случаевъ фермеры и мелкіе землевладѣльцы,

сочувствовавшіе основной идеѣ Джорджа — идеѣ націонализаціи земли. Кромѣ того, Джорджа поддерживали многіе вліятельные представители католическаго духовенства.

Но партія, основанная Джорджемъ, просуществовала не долго, и уже въ 1888 г. распалась окончательно. Причина этого заключалась въ утопичности плановъ Джорджа, въ ихъ непримѣнимости къ жизни. Потерпѣвъ неудачу на поприщѣ практической дѣятельности, Джорджъ какъ писатель продолжалъ пользоваться огромной популярностью. Но позднѣйшія его сочиненія («Протекціонизмъ или свободная торговля», «Соціальныя проблемы» и др.) не имѣли уже такого значенія, какъ его первая и самая замѣчательная книга «Прогрессъ и бѣдность». Книга эта переведена на русскій языкъ даже въ 2-хъ изданіяхъ, и читается съ захватывающимъ интересомъ, благодаря талантливости изложенія и страстной, краснорѣчивой защитѣ авторомъ интересовъ обездоленныхъ классовъ.

Въ текущемъ году Генри Джоржъ опять выступилъ кандидатомъ на должность нью-іоркскаго мэра и смерть застигла его въ самый разгаръ избирательной борьбы.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».

Сестра знаменитаго германскаго философа Ницше, г-жа Фёрстеръ, выразилась однажды, что счастье и трагедію всей жизни ея несчастнаго брата составила его дружбы съ Рихардомъ Вагнеромъ, продолжавшаяся около семи лѣтъ и окончившаяся тяжелымъ взаимнымъ разочарованіемъ, которое вырыло глубокую и непроходимую пропасть между двумя бывшими друзьями. Г-жа Фёрстеръ въ недавно написанной ею біографіи своего брата, извлеченія изъ которой напечатаны въ «Revue de Paris», очень подробно описываетъ этотъ любопытный эпизодъ изъ жизни ея брата и бросаетъ совершенно новый свѣтъ на отношенія, существовавшія между ея братомъ и знаменитымъ композиторомъ. Въ первомъ фазисѣ своего философскаго развитія Ницше былъ страстнымъ вагнеріянцемъ и стремился поближе сойтись съ Вагнеромъ, которому было уже 57 лѣтъ, когда молодой 24-хъ-лѣтній Ницше явился къ нему. Вагнеръ находился тогда какъ бы въ изгнаніи; онъ долженъ былъ уѣхать изъ Мюнхена, гдѣ навлекъ на себя всеобщую ненависть своими экстравагантными выходками и возбудилъ опасанія тѣмъ, что окончательно подчинилъ своему вліянію молодого баварскаго короля Людовика II. Поселившись въ своемъ имѣніи въ Швейцаріи, Вагнеръ велъ очень уединенную жизнь и порядочно таки скучалъ и потому охотно послалъ приглашеніе Ницше, котораго онъ встрѣтилъ какъ-то въ Лейпцигѣ и замѣтилъ. Ницше же мечталъ познакомиться поближе съ Вагнеромъ. Онъ жилъ въ это время въ Базелѣ, гдѣ ему была предложена каѳедра филологіи въ тамошнемъ университетѣ. Ницше принялъ это предложеніе, но далеко не съ тѣмъ восторгомъ, какой можно было бы ожидать отъ 24-хъ-лѣтняго молодого человѣка, которому должно было бы льстить званіе профессора. Ницше даже злило, что всѣ его знакомые и родные такъ радуются за него и гордятся тѣмъ, что онъ такой молодой и уже профессоръ! Ницше хотѣлось пожить независимою жизнью, заниматься только тѣмъ, что интересовало его, но обстоятельства вынуждали его закабалить свою свободу, такъ какъ онъ былъ бѣденъ, профессорская же должность обезпечивала его.

«И чему всѣ радуются?—писалъ онъ своему пріятелю.—Одною пѣшкой больше на свѣтѣ только и всего! Прощай золотое время свободной дѣятельности, не признающей никакихъ оковъ, когда власть настоящей минуты была

*

всесильна надо мной и когда я могъ наслаждаться искусствомъ и міромъ, какъ простой зритель, почти непричастный къ нему. Все это прошло теперь безвозвратно...»

Вагнеръ сразу заинтересовался Ницше; онъ распозналъ въ немъ чарты своихъ героевъ, особенно того, которымъ онъ въ данный моментъ интересовался больше всего—Зигфрида, и это еще больше расположило его въ пользу молодого поклонника, съ которымъ у него сразу установилась тѣсная идейная связь.

Казалось, дѣйствительно, что новые друзья были созданы для того, чтобы понимать другъ друга. Ницше былъ въ полномъ восторгѣ отъ Вагнера и писалъ своему пріятелю: «Вагнеръ оправдываетъ всѣ наши ожиданія; это чудный, богатый и великій умъ и энергичный характеръ. Это очаровательный человѣкъ, достойный любви и жаждущій все знать... Прошу тебя, не вѣрь, что пишутъ журналисты и музыкографы о Вагнерѣ... Милый другъ, все, что я вижу и слышу здѣсь—передать невозможно. Шопенгауэръ и Гёте, Пиндаръ и Эсхилъ еще живы, повѣрь мнѣ!»

Трудно постигнуть отношенія Вагнера и Ницше, не составивъ себѣ яснаго понятія о личности и характерѣ Вагнера. Прежде всего вся жизнь Вагнера состоитъ изъ противорѣчій; онъ вѣчно мѣняется и нисколько не смущается этимъ. Уже въ семь лѣтъ онъ мечтаетъ о славѣ. Сначала онъ хочетъ достигнуть славы посредствомъ литературы, потомъ онъ обращается къ музыкѣ, затѣмъ къ политикѣ и, наконецъ, опять къ музыкѣ. Неуспѣхъ при началѣ карьеры заставляетъ его бросаться изъ стороны въ сторону. Такъ какъ въ Парижѣ ему не удается добиться постановки своей оперы, сочиненной во французскомъ вкусѣ, то онъ возвращается въ Германію и становится немного поздно «истымъ нѣмцемъ». Наступаетъ господство гегелевской философіи и тогда Вагнеръ становится гегеліанцемъ и пробуетъ воспроизвести въ музыкѣ эту философію. Наступаетъ 1848 годъ. Вагнеръ становится революціонеромъ, надѣясь стяжать лавры, но вмѣсто этого ему снова пришлось бѣжать и приняться за работу. Наступаетъ господство Шопенгауэра, который затмѣваетъ Гегеля, и Вагнеръ, въ свою очередь, бросаетъ Гегеля и становится пессимистомъ. Наполеонъ III приказываетъ играть его оперы въ Парижѣ и Вагнеръ тотчасъ же бѣжитъ въ Парижъ и проникается энтузіазмомъ къ Франціи, но въ Парижѣ его освистали и тогда онъ снова превращается въ «истаго нѣмецкаго композитора». Въ концѣ концовъ старый революціонеръ превращается въ придворнаго и становится фаворитомъ при дворѣ въ Мюнхенѣ. Окончивъ свою пессимистическую тетралогію, Вагнеръ ставитъ ее на сценѣ своего театра, выстроеннаго для этой цѣли, но затѣмъ, пресытившись Шопенгауэромъ, обращается къ христіанству и пишетъ «Парсифаля». Великому творцу красоты надоѣдаетъ Германія въ концѣ концовъ и онъ тогда устремляется въ Италію, гдѣ и сочиняетъ свое мистическое завѣщаніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что у Вагнера не было какой-нибудь одной преобладающей идеи и онъ могъ мѣнять ихъ до безконечности. Изъ всѣхъ германскихъ композиторовъ онъ меньше всѣхъ былъ проникнутъ исключительнымъ культомъ нѣмецкаго отечества, не былъ подверженъ никакому расовому предразсудку и не находился подъ исключительнымъ вліяніемъ той или иной идеи. Онъ бросался направо и налѣво и менѣе всего могъ быть названъ непоколебимымъ. Онъ отражалъ въ себѣ всѣ теченія и вѣянія и поэтому не поддавался никакой характеристикѣ. Единственное, что въ немъ было прочно и неизмѣнно—это жажда славы и красоты. Судьба столкнула его съ Ницше и Вагнеръ подчинилъ своему вліянію эту дѣтскую душу и самъ инстинктивно измѣнилъ свой образъ мыслей, проникся идеей Ницше и, отождествивъ его со своими собственными, посвятилъ Ницше во всѣ свои тревоги и проблемы. Ницше былъ очарованъ Вагнеромъ. Прошло 14 мѣсяцевъ — един-

ственные въ жизни Ницше, которые можно назвать счастливыми. Ницше не способенъ былъ увлекаться глубоко женщинами, такъ какъ умственная жизнь поглощала его всего, но въ то же время онъ былъ слишкомъ сантименталенъ, чтобы обходиться безъ любви и дружба замѣнила ему страсть. Ницше жилъ тогда полною жизнью; его любилъ, понималъ и восхищалъ геніальный человѣкъ, съ которымъ онъ говорилъ какъ съ равнымъ и мечталъ идти рука объ руку къ побѣдѣ міра и вдвоемъ при помощи философіи и искусства дать міру давно потерянныя могущество и красоту!

Слушая Ницше, Вагнеръ всегда отвѣчалъ ему въ его же тонѣ; это видно изъ ихъ переписки: «Преобразуйте филологію такъ же, какъ я преобразовалъ музыку,—писалъ онъ ему,—и помогите мнѣ подготовить великое «возрожденіе», въ которомъ Платонъ соединится съ Гомеромъ и Гомеръ, проникшись идеями Платона, станетъ впервые великимъ Гомеромъ». Ницше глубоко вѣрилъ Вагнеру и, занимаясь въ это время своею книгой о Греціи, слѣдовалъ его совѣтамъ и придавалъ ей форму трактата вагнеровской эстетики.

Но вотъ наступила война 1870 года. Вагнеръ былъ снова охваченъ патріотическимъ энтузіазмомъ и этотъ энтузіазмъ сообщился и его другу Ницше, которому хотѣлось бы отправиться служить въ германскую армію, но это было невозможно. Принимая каѳедру въ Базелѣ, Ницше долженъ былъ натурализоваться въ Швейцаріи и не могъ теперь поступить въ ряды германскаго войска. Но когда сестра принесла ему газету, сообщающую о побѣдѣ въ Фрешвиллерѣ, то онъ уже болѣе не могъ выдержать и сталъ хлопопать, чтобъ его отпустили, но швейцарскія власти разрѣшили ему отправиться только въ качествѣ санитара.

Онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ сестрою и однимъ пріятелемъ. Сначала они встрѣчали на станціяхъ только толпу, проникнутую энтузіазмомъ; вагоны были наполнены людьми, ѣдущими, чтобы занять мѣсто въ рядахъ войска. Это всеобщее восторженное настроеніе дѣйствовало на Ницше и его спутниковъ. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ къ поѣзду прицѣпили вагоны, въ которыхъ везли раненыхъ, и когда на моментъ затихли бравурныя пѣсни, то явственно слышны были ихъ стоны; пѣсни больше не возобновлялись!

Ницше былъ отправленъ на поле битвы. Онъ переходилъ изъ одного перевязочнаго пункта въ другой и вездѣ присутствовалъ при одномъ и томъ же отталкивающемъ зрѣлищѣ страданія, ненависти, грубой и нелѣпой запальчивости. Вагнеровскій миражъ разсѣялся и Ницше увидѣлъ голую дѣйствительность, лишенную всякой красоты. Всѣ эти ужасы, составляющіе неизбѣжныхъ спутниковъ войны, бѣдствія населенія, инфекціонныя болѣзни, отъ которыхъ люди умирали даже больше, чѣмъ отъ ранъ,—все это страшно угнетало впечатлительную душу Ницше. Ему поручили отвезти въ Германію шестерыхъ раненыхъ, притомъ страдающихъ дифтеритомъ и дизентеріей. Это было ужасное путешествіе. Ницше въ теченіе двухъ сутокъ оставался одинъ со своими больными въ герметически закрытомъ товарномъ вагонѣ. Въ Карлсруэ онъ самъ захворалъ тѣми же самыми болѣзнями, но, выздоровѣвъ, уже не могъ больше вернуться на театръ военныхъ дѣйствій, онъ былъ слишкомъ слабъ, и потому отправился къ матери. Онъ перенесъ очень сильное нравственное потрясеніе и силы его возстановлялись весьма медленно. Но мысль его лихорадочно работала и онъ писалъ своему пріятелю Герсдорфу, что его познаніе вещей прошло черезъ испытаніе огнемъ Несомнѣнно, что уже тогда появились первые признаки страшнаго недуга, сломившаго этотъ великолѣпный умъ. Ницше не могъ оправиться отъ нравственнаго потрясенія, испытаннаго имъ во время войны. Отправляясь туда, онъ совершенно не представлялъ себѣ, что это такое. Онъ мечталъ о философскомъ торжествѣ Германіи; онъ полагалъ, что, одержавъ побѣду, Германія сосредоточитъ всѣ свои духовныя силы и поста-

рается оправдать эти побѣды, но между тѣмъ кругомъ себя Ницше видѣлъ только взрывы грубой радости и веселья, глупое хвастовство и ничего больше. Въ это время Ницше получилъ приглашеніе отъ Вагнера и поспѣшилъ воспользоваться имъ. Онъ горѣлъ желаніемъ излить свою душу своему геніальному другу, въ надеждѣ, что тотъ пойметъ его. Но понялъ ли его Вагнеръ? Сомнительно. Вагнеръ въ то время былъ весь проникнутъ восторгомъ, что, наконецъ, онъ можетъ играть своихъ Нибелунговъ такъ, какъ ему хочется, и не могъ постичь того, что его идеи красоты уже лишились своего значенія для Ницше. Въ тетради своихъ замѣтокъ Ницше тогда писалъ слѣдующее: «Міръ Олимпа, воздвигнутый на ужасающемъ фундаментѣ, точно Декамеронъ, написанный во время чумы». Очевидно, война не выходила у него изъ головы.

Въ то время недугъ Ницше уже началъ проявляться различными физическими признаками. Онъ страдалъ сильнѣйшими головными болями и доктора находили у него довольно тревожные симптомы. Ему совѣтовали отдыхъ. Но какъ заставить остановиться круговоротъ мыслей, увлекаемый непреодолимою силой? Какъ это ни странно, но именно эти годы начала развитія недуга были самыми плодотворными въ области философской работы мысли. Художественный темпераментъ Ницше сказывается тутъ во всѣхъ его работахъ, и идеи его нѣсколько разъ претерпѣваютъ коренныя метаморфозы. Такія же метаморфозы происходили и въ немъ самомъ; то онъ былъ мраченъ, сосредоточенъ, у него появлялись различныя нервныя разстройства; то вдругъ онъ какъ бы снова возрождался, становился веселъ, безпеченъ, — казалось, жизнь била у него ключемъ. Онъ работалъ, обыкновенно, какими-то лихорадочными приступами, чувствуя себя одинокимъ среди людей. Онъ приходилъ тогда въ отчаяніе отъ того, что дѣлается кругомъ. Его приводило въ ужасъ, что Германія не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія отвѣтственности, налагаемой побѣдой, и ни одного благороднаго чувства. Во Франціи господствуетъ анархія и Парижъ находится въ рукахъ варваровъ. «Когда я узналъ о парижскихъ пожарахъ,—писалъ онъ своему другу Герсдорфу,—то въ теченіе нѣсколькихъ дней я совершенно не могъ придти въ себя и совсѣмъ потерялся въ слезахъ и сомнѣніяхъ. Вся научная, философская и художественная жизнь показалась мнѣ такою нелѣпостью, такъ какъ я увидѣлъ, что достаточно одного дня, чтобы уничтожить всѣ великія произведенія искусства. Что я говорю? — не только произведенія, но даже цѣлые періоды художественной дѣятельности исчезаютъ безслѣдно»...

Послѣ періода лихорадочной дѣятельности Ницше почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Закончивъ свою книгу «Die Geburt der Tragödie», онъ вернулся къ занятіямъ профессурой и попрежнему сталъ посѣщать Вагнера. Но тутъ, какъ и вездѣ, онъ замѣтилъ перемѣну послѣ войны. Въ домѣ Вагнера, нѣкогда столь тихомъ, уединенномъ, гдѣ, казалось, все жило созерцательною жизнью, теперь появились какіе-то шумные незнакомцы. Всѣ были возбуждены, много говорили и Вагнеръ, воодушевленный мыслью о возможности теперь реализировать свою мечту—построить образцовый театръ, увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ. Ницше былъ также увлеченъ этою идеей, но къ его увлеченію примѣшивался испугъ. Онъ чувствовалъ себя неловко среди всѣхъ этихъ чуждыхъ людей. Ницше во всемъ находилъ перемѣну, даже въ самомъ Вагнерѣ, который сдѣлался слишкомъ возбужденъ, шумливъ и говорливъ, и Ницше онъ казался нѣсколько вульгарнымъ. Ницше никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что для торжества идеи надо привлечь на службу страсти. Вагнеръ же находилъ это вполнѣ естественнымъ и былъ шовинистомъ съ шовинистами, идеалистомъ съ идеалистами, галлофобомъ съ галлофобами и т. д. Для однихъ онъ возстановлялъ греческую трагедію, для другихъ возрождалъ древніе германскіе миѳы; онъ былъ то пессимистомъ, то христіаниномъ — если нужно, но, самое главное, онъ всегда былъ искреннимъ въ ту минуту. Вагнеръ умѣлъ пользо-

ваться всѣми голосами и превратилъ Германію въ гигантскій оркестръ, которымъ онъ управлялъ по произволу. Онъ отвелъ и Ницше извѣстную роль въ этомъ оркестрѣ и, быть можетъ, Ницше тутъ впервые почувствовалъ, что для Вагнера онъ былъ не болѣе, какъ инструментомъ среди тысячи другихъ, и это вызвало въ немъ горькое чувство.

Появленіе книги Ницше «Die Geburt der Tragödie», которая была написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ вагнеровскихъ идей, возобновила интимную дружбу между двумя, столь разными людьми, каковы были Ницше и Вагнеръ. Вагнеръ, конечно, былъ въ восторгѣ отъ этой книги, которая такъ много содѣйствовала его славѣ, и, казалось, между нимъ и Ницше узы дружбы стали еще крѣпче и прочнѣе. Но отъѣздъ въ Байретъ нанесъ рѣшительный ударъ этой дружбѣ. Въ Байретѣ Вагнеръ снова показался Ницше какимъ-то совсѣмъ другимъ, чуждымъ ему человѣкомъ. Онъ не находилъ своего прежняго героя, и мало-по-малу недовѣріе все больше закрадывалось ему въ душу. Вагнеръ и Ницше перестали понимать другъ друга или, вѣрнѣе, Ницше сознялъ, чтѣ Вагнеръ не понимаетъ его. Вагнеръ былъ слишкомъ авторитетенъ, слишкомъ требователенъ, даже тираниченъ, и Ницше глубоко страдалъ отъ этого.

Книга Ницше «Die Geburt der Tragödie» не была понята и оцѣнена по достоинству. Критика отнеслась къ ней очень недоброжелательно; художники же были смущены тою странною смѣсью античной исторіи и вполнѣ современныхъ тревогъ и огорченій, которыя она представляла. Появился памфлетъ «Филологія будущаго», отвѣтъ Ницше, прямо задѣвавшій его и Вагнера. Вагнеръ самъ отвѣчалъ на этотъ памфлетъ и снова присталъ къ Ницше, чтобы онъ напечаталъ свои публичныя лекціи объ основаніяхъ современной культуры. Вагнеръ раньше настаивалъ на этомъ, но Ницше не соглашался и теперь Вагнеру также не удалось убѣдить Ницше. «Этотъ Ницше вѣчно хочетъ дѣлать по своему!» говорилъ онъ съ неудовольствіемъ. Но Ницше былъ глубоко огорченъ какъ неуспѣхомъ своей книги, такъ и мелочностью Вагнера. Ему не хотѣлось ни писать, ни говорить, да и стоило ли высказывать свои мысли, если имъ суждено оставаться непонятыми!

Въ такомъ настроеніи Ницше, конечно, не могъ отозваться на приглашеніе Вагнера пріѣхать и опять углубился въ свои книги, принявшись за изученіе древней философіи, но расшатанное его здоровье не могло возстановиться. Онъ поѣхалъ путешествовать по Италіи и это нѣсколько подкрѣпило его силы. Тутъ онъ снова свидѣлся съ Вагнеромъ и короткое время, которое они пробыли вмѣстѣ, не было испорчено ни малѣйшею тѣнью несогласія. Но Ницше не хотѣлъ принимать никакого участія въ полемикѣ печати и только разъ нарушилъ молчаніе — когда какой-то врачъ напечаталъ памфлетъ, въ которомъ доказывалъ, что Вагнеръ сумасшедшій. Ницше, точно предчувствуя свою судьбу, выступилъ съ горячею защитой друга.

Однако къ Вагнеру Ницше долгое время не ѣхалъ, хотя снова получилъ отъ него приглашеніе. Онъ никакъ не могъ найти своего прежняго героя. Но наступилъ все-таки такой моментъ, когда ему захотѣлось увидѣть Вагнера. Это случилось послѣ періода лихорадочной дѣятельности; Ницше почувствовалъ потребность отдыха, ему захотѣлось поговорить съ друзьями и онъ почти неожиданно уѣхалъ въ Байретъ.

На этомъ оканчивается статья въ «Revue de Paris», но въ слѣдующемъ нумерѣ будетъ продолженіе и намъ придется, вѣроятно, вернуться къ ней въ ближайшемъ будущемъ.

«Что думаютъ нѣмецкіе профессора о допущеніи женщинъ въ университеты»—такъ озаглавливаетъ свою статью Вальберъ въ «Revue des deux Mondes». Германія, изъ всѣхъ странъ Европы, всего менѣе склонна удовлетворить

требованія женщинъ и открыть имъ доступъ въ университеты, поставивъ ихъ на одинъ уровень съ мужчинами. Но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, сопротивленіе это не будетъ продолжаться долго и мало-по-малу женщины достигнутъ своей цѣли. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ спросилъ по этому поводу мнѣнія болѣе чѣмъ ста наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ и опубликовалъ ихъ въ отдѣльной книгѣ («Die Akademische Frau»). Оказывается, что такіе непримиримые ученые, которые ни въ какомъ случаѣ не желаютъ допускать женщинъ въ святилище науки, составляютъ незначительное меньшинство. Во главѣ ихъ находится почтенный профессоръ геттингенскаго университета Фердинандъ Вюстенфельдъ. Но этому профессору 88 лѣтъ и естественно, что онъ не желаетъ никакихъ нововведеній. Противъ допущенія женщинъ высказался и профессоръ берлинскаго университета Гирке, который сказалъ, что Германія переживаетъ слишкомъ серьезное время, и потому не слѣдуетъ теперь заниматься подобными экспериментами, какъ допущеніе женщинъ къ высшему образованію. «Надо, чтобы наши мужчины оставались мужчинами,—сказалъ онъ,—и это всегда было признакомъ упадка, когда въ мужчинахъ обнаруживался недостатокъ зрѣлости и поневолѣ приходилось обращаться къ женщинамъ».

Но хотя абсолютныхъ противниковъ ученыхъ женщинъ не такъ много въ Германіи, тѣмъ не менѣе и сторонниковъ полнаго женскаго равноправія также очень мало. Въ общемъ, однако, большинство профессоровъ, опрошенныхъ нѣмецкимъ журналистомъ, принадлежитъ къ числу такихъ, которые думаютъ, что нельзя заставить теченіе идти въ обратномъ направленіи и кто не хочетъ потонуть въ немъ, тотъ долженъ плыть по теченію. Они высказываютъ опасенія, что студентка, если она некрасива, явится опасною соперницей студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, а если она красива, то будетъ отвлекать ихъ отъ этихъ занятій. «Но что же дѣлать?—говорятъ эти профессора, со вздохомъ покоряясь судьбѣ.—Женщины хотятъ отнять у насъ наши привилегіи и мы не въ состояніи помѣшать имъ въ этомъ. Нелѣпо покоряться неразумнымъ капризамъ, но мы живемъ въ такое время, когда волей-неволей приходится считаться съ разнаго рода безразсудствами. Женщина перемѣнила мнѣніе о самой себѣ; будемъ же потворствовать ея новымъ причудамъ, и, быть можетъ, она скорѣе отрѣшится отъ нихъ, чѣмъ это думаютъ!»

Такъ говорятъ покорившіеся судьбѣ, чуть-чуть пріотворяя двери женщинамъ. Но женщинѣ только это и нужно. Ей рѣшительно все равно, охотно или неохотно ее принимаютъ, лишь бы ей дали возможность проскользнуть въ двери. Попавъ въ новое жилище, она, конечно, ужъ съумѣетъ укрѣпиться тамъ. Но ей, однако, должно несомнѣнно доставлять удовольствіе то, что въ принципѣ, какъ ея друзья, такъ и ея враги, вполнѣ признаютъ интеллектуальное равенство женщины, и если не хотятъ допустить женщинъ въ университеты, то изъ другихъ соображеній. Нѣкоторые, впрочемъ, преимущественно профессора исторіи, доказываютъ, что женщина всего менѣе способна къ историческимъ изслѣдованіямъ. Одинъ изъ нихъ, Іосифъ Каро, говоритъ, что женщины соединяютъ въ себѣ любовь къ деталямъ съ любовью къ химерамъ и что онѣ слишкомъ часто воображаютъ, что соціальные недуги можно излѣчивать искусственными средствами. «Предоставить исторію женщинамъ,—восклицаетъ онъ,—это значитъ объявить революцію постоянной». Другіе менѣе трагичны, но тѣмъ не менѣе высказываются не въ пользу женщинъ.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ опрошенныхъ профессоровъ математики высказали наибольшую склонность воздать хвалу женскому уму и способностямъ. Феликсъ Клейнъ, напримѣръ, находитъ, что женщины выказываютъ удивительныя способности къ абстрактнымъ наукамъ: онъ съ чрезвычайною похвалою отзывается о шести женщинахъ, занимавшихся у него въ послѣднемъ семестрѣ. Это были двѣ американки, одна англичанка и три русскихъ. Вейеръ перечи-

сляетъ 100 женщинъ, прославившихся въ области математическихъ наукъ. Несомнѣнно, однако, что еслибъ составить конгрессъ изъ 120 профессоровъ, мнѣнія которыхъ напечатаны въ книгѣ, то женщины бы выиграли свое дѣло, но онѣ должны помнить, что во всякомъ случаѣ убѣжденныхъ сторонниковъ у нихъ немного и большинство, которое высказалось бы въ ихъ пользу, это тѣ, которые опасаются плыть противъ теченія, и если женщина потерпитъ неудачу въ новыхъ условіяхъ жизни,—они первыя порадуются этому.

Новые золотые пріиски въ Аляскѣ.

(Письмо изъ Нью-Іорка).

Вотъ уже около шести мѣсяцевъ, какъ здѣсь говорятъ и пишутъ о новыхъ золотыхъ пріискахъ, открытыхъ въ Аляскѣ у самаго полярнаго круга. Klondike (Клондайкъ)—имя рѣчки, на которой сдѣланы самыя богатыя раскопки, теперь стало самымъ популярнымъ въ Америкѣ. Проходя по улицамъ Нью-Іорка, просматривая страницу объявленій въ газетахъ, вы на каждомъ шагу натыкаетесь на имя Klondike. Одинъ торговецъ сообщаетъ вамъ, что его складъ настоящій Klondike, другой же увѣряетъ, что вамъ незачѣмъ отправляться за золотомъ въ Klondike, такъ какъ онъ продаетъ вамъ всѣ товары такъ дешево, что можеге богатѣть отъ одной дешевизны. Третій прямо креститъ свое добро звучнымъ именемъ Klondike, такъ что вы имѣете Klondike—сапоги, Klondike—печки, Klondik—галстухи и т. д.

Дѣйствительно, новые золотые пріиски уже въ короткое время дали больше двухъ тоннъ золота и, по отзывамъ экспертовъ, превзойдутъ по богатству нѣкогда достославные Калифорнскіе рудники. Нечего удивляться поэтому, если «золотая горячка» начинаетъ принимать неимовѣрные размѣры. Тысячи людей, изъ всѣхъ классовъ и сословій, бросаютъ свои занятія и второпяхъ ликвидируютъ свои дѣла, чтобы отправиться въ новое Эльдорадо. Каждый день выростаютъ новыя акціонерныя компаніи для эксплуатаціи новыхъ пріисковъ.

Но чтобы вполнѣ оцѣнить, насколько фантазіи американцевъ воспламенены новыми источниками золота, нужно принять во вниманіе климатъ Аляски и условія, при которыхъ піонерамъ приходится работать. Рѣчка Klondike, на берегахъ которой сдѣланы были самыя богатыя раскопки, составляетъ притокъ великой рѣки Youkon'а (Юкона), впадающей въ Берингово море. Эта рѣчка, равно какъ и городъ Dawson city, находятся на 65° сѣверой широты, въ Канадскихъ владѣніяхъ Америки. Лѣто продолжается тамъ всего не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а во всѣ остальные десять термометръ не подымается выше нуля, опускаясь до 40 и болѣе град. Цельз. Земля всегда покрыта толстымъ слоемъ льда, и, при раскопкахъ, приходится долго оттаивать замерзшую землю кострами. Къ счастью, климатъ тамъ очень сухой и холодъ поэтому легко переносится.

Но разъ вы тамъ, вамъ уже, сравнительно, какъ мы увидимъ ниже, живется недурно. Главныя трудности представляетъ дорога туда. До сихъ поръ есть два пути: одинъ водный—по рѣкѣ Youkon'у, а другой сухопутный—черезъ горный проходъ Chilkoot pass. Первый легкій и длинный, такъ какъ разстояніе отъ Нью-Іорка до Klondike по рѣкѣ Youkon составляетъ около 8.000 англ. миль. Вы садитесь на пароходъ въ Санъ-Франциско или въ портовомъ городѣ Siattle (Сіэтлъ) и ѣдете до острова St. Michael, расположеннаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья рѣки Youkon'а, а оттуда, вверхъ по Youkon'у, до самаго Klondike или города Dawson city. Ясно, что этотъ маршрутъ доступенъ только въ лѣтніе мѣсяцы, такъ какъ Youkon освобождается отъ льда только въ серединѣ іюня. Но этотъ маршрутъ связанъ съ еще большими неудобствами,

такъ какъ пароходная компанія сама занимается доставкой провіанта въ Klondike, и потому не позволяетъ золотоискателямъ брать съ собой достаточно провизіи. Аргонавты поэтому избираютъ болѣе трудный и болѣе опасный сухопутный маршрутъ черезъ проходъ Chilkoot, который кстати и ближе. Человѣкъ, отправляющійся по этому маршруту, запасается провизіей, приблизительно, на цѣлый годъ. Помимо нужныхъ орудій, онъ, по совѣту опытныхъ золотоискателей, долженъ имѣть шерстяную одежду, высокіе непромокаемые сапоги, сани, собаку, а пожалуй, и лодку. Изъ пищи онъ долженъ взять съ собой 10 мѣшковъ муки, 100 фунтовъ соленой свинины, 150 ф. сахару, 30 ф. кофе, 10 ф. чаю, 100 ф. фасолей, 50 ф. овсяной крупы, 100 ф. плодовъ, 25 ф. соли, затѣмъ разныхъ пряностей и хинина. Это обходится ему въ 200 дол., но никто не долженъ двинуться въ путь, не имѣя 500 дол. Путь начинается съ портоваго города Джюно, а оттуда пароходомъ въ Чилькатъ, затѣмъ въ Дайго, откуда начинается взбираніе на вершину горы. Вотъ какъ описываетъ этотъ маршрутъ одинъ золотоискатель: «Я выѣхалъ изъ Чикаго 26-го марта 1897 г. и прибылъ въ Klondike 19 іюля. У меня было съ собой около 1.200 ф. клади. Я купилъ себѣ собаку и сани. Путь связанъ съ различными трудностями. Дороги, въ собственномъ смыслѣ слова, нѣтъ, и приходится самому пробить себѣ путь черезъ непроходимые лѣса, скалы и пропасти. Собака можетъ на себѣ таскать ношу, не превышающую 10—20 ф. Если вы встрѣчаете рѣчку, вы останавливаетесь, ждете другихъ путниковъ, и когда соберется достаточно людей, приступаете къ прокладыванію мостика, что беретъ достаточно времени. Работать приходится днемъ и ночью, такъ какъ первый дождь или снѣгъ можетъ легко его сорвать. Когда мы достигли Sheeps Camp, мы разбили лагерь. Отсюда только три мили (англ.) до вершины Chilkoot pass. Всю кладь приходится, при взбираніи на вершину, таскать на себѣ, такъ какъ подъемъ слишкомъ крутъ, чтобы можно было пользоваться санями. Смотря по погодѣ, работаютъ днемъ и ночью. Съ первымъ мѣшкомъ берутъ съ собой высокій шестъ, къ которому привѣшивается родъ флага. Флагъ этотъ вы воздвигаете тамъ, гдѣ оставляете провизію, такъ какъ снѣгъ можетъ такъ занести ваши тюки, что вы ихъ безъ флага не можете найти. Подниматься можно въ лучшемъ случаѣ одинъ или два раза въ день. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъемъ такъ крутъ, что приходится лазить на четверенькахъ, при этомъ весьма часто случается, что скатываешься внизъ на нѣсколько футовъ. Со мной это несчастье случилось 19 разъ». Такъ вамъ приходится подниматься еще на нѣкоторыя вершины. Послѣ многихъ затрудненій, вы, наконецъ, достигаете озера Linderman. «Если оно еще покрыто снѣгомъ, вы продолжаете свой путь на саняхъ. Если же ледъ уже растаялъ, приходится строить лодки, что продолжается отъ одной до двухъ недѣль»... Переѣздъ по этому озеру, равно какъ по озеру Bennet, очень опасенъ, такъ какъ они изобилуютъ водопадами. И такихъ озеръ приходится проходить довольно много, и вы повсюду должны лавировать, чтобы избѣгнуть водопадовъ. Не одна лодка уже потонула за этотъ годъ, но людей, къ счастью, до сихъ поръ погибло очень немного. На саняхъ или въ лодкѣ вы, наконецъ, добираетесь до желаннаго пункта, города Dawson city. Путь, какъ можно видѣть, далеко не легкій, но близко время, когда цивилизація и тутъ произведетъ революцію. Имѣются планы для устройства регулярной перевозочной системы черезъ горный проходъ на мулахъ, затѣмъ Пульманская компанія, прославившаяся своими спальными вагонами, намѣревается перевозить пассажировъ черезъ проходъ на саняхъ, двигаемыхъ электричествомъ.

Насколько все это вѣрно и осуществимо теперь еще трудно предсказать. Пока же у подошвы Chilkoot pass собралось больше тысячи человѣкъ, не имѣющихъ возможности перейти черезъ гору. Мѣстные индѣйцы, помогающіе таскать кладь на гору, берутъ громадныя деньги за свои услуги, и они находятъ свою

Эльдорадо по этой сторонѣ прохода. Но разъ вы прибыли въ Dawson city, у васъ заботы мало.

Этотъ городъ возникъ очень недавно. До прошлаго года, когда богатства Klondike еще не были извѣстны, золотоискатели пытали свое счастье въ американской части Аляски, и центральнымъ городомъ былъ Circle city. Когда же разнесся слухъ о кладахъ Klondike, всѣ стремглавъ понеслись туда. Circle city опустѣлъ, и скоро выросъ новый городъ Dawson city въ Канадскихъ владѣніяхъ. Весной въ немъ уже было больше 3.000 населенія, а къ слѣдующей веснѣ оно несомнѣнно удесятерится. Въ Dawson city человѣку, желающему работать, пропасть уже невозможно. Нужда въ рабочихъ огромная и заработная плата составляетъ 10—15 долларовъ въ день. Упомянутый выше корреспондентъ, по ремеслу сигарочникъ, поступилъ къ парикмахеру и, по своимъ собственнымъ словамъ, живетъ припѣваючи.

Прежде чѣмъ перейти къ общественной жизни и правамъ золотоискателей, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ исканіи золота. Канадское правительство держитъ въ Klondike своего коммиссара и полицію и строго регулируетъ раскопку золота. Оно также взымаетъ довольно большіе налоги съ золотоискателей, но за то заботится объ общественномъ спокойствіи и оказываетъ рудокопамъ большія услуги. Коммиссаръ является верховнымъ судьей, онъ же рѣшаетъ всѣ спорные вопросы.

Раскопка идетъ самымъ примитивнымъ образомъ: мерзлая земля оттаивается и выкапывается такъ называемый золотой песокъ, который промывается въ короткіе лѣтніе мѣсяцы, когда вода легко доступна. При этомъ никто не возится съ такимъ пескомъ, который даетъ меньше 2 дол. золота на лоханъ песка. Если песокъ такого низкаго качества, золотоискатель бросаетъ этотъ пріискъ и ищетъ другой. Если золотоискатель натыкается на пріискъ и хочетъ его присвоить, онъ обязанъ въ теченіе шестидесяти дней доставить коммиссару золото съ своего рудника, въ доказательство, что онъ дѣйствительно наткнулся на золотой пріискъ, и тогда пріискъ считается его собственностью. Но такимъ путемъ онъ можетъ пріобрѣсть только одинъ пріискъ; если онъ натыкается на другой, онъ долженъ бросить первый. Но ему предоставляется право скупать у другихъ пріиски. Затѣмъ каждый золотоискатель долженъ обрабатывать свой пріискъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году по меньшей мѣрѣ, иначе онъ лишается его. По оффиціальнымъ докладамъ еще тысячи золотоискателей могутъ найти выгодные пріиски въ Klondike. Но незачѣмъ непремѣнно копать золото тамъ, такъ какъ Klondike, по мнѣнію проф. Emmon'sa есть только маленькая часть большого золотоноснаго района, покрывающаго почти всю Аляску. Съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ эксперты и многочисленные геологи, которые теперь взялись за изученіе этого округа.

Сколько золота было до сихъ поръ вывезено изъ Klondike, съ точностью трудно сказать, такъ какъ возвращающіеся золотоискатели, по обыкновенію, скрываютъ количество имѣющагося у нихъ золота. Интересную картину представляютъ пароходы, прибывающіе изъ Аляски въ Санъ-Франциско или Сіэтлъ. Пароходъ встрѣчается громадной толпой, и золотоискатели привѣтствуются съ большимъ энтузіазмомъ. Каждый искатель тащитъ съ собой свой золотой песокъ. Одинъ держитъ его въ мѣшкахъ, другой въ бутылкахъ, третій въ сапогахъ, а иные и въ чулкахъ.

И нечего сказать, не мало богачей вышло уже за это короткое время изъ Klondike. Судьба нѣкоторыхъ весьма интересна: больше всѣхъ повезло молодому Берри съ женой, бѣдному фермеру въ Калифорніи. Три года тому назадъ онъ отправился искать счастья въ Аляску, но, пробывъ тамъ до прошлаго года безъ всякихъ надеждъ на успѣхъ, вернулся обратно въ родное село. Тамъ его ожидала невѣста, которая уговорила его еще разъ попытать счастья

вмѣстѣ съ ней. 15 марта 1896 г. они женились и на слѣдующій же день отправились въ путь. Денегъ у нихъ едва хватало на дорогу и на провизію. Поѣхали они черезъ Chilkoot pass и послѣ 78-дневнаго путешествія прибыли въ селеніе Forty miles, гдѣ все тогда было довольно мертво. Дѣла Берри пошли сначала довольно туго, но жена его ободряла. Когда пошли слухи о Klondike, жена начала уговаривать мужа отправиться туда немедленно. Онъ послушался ея и это было поворотнымъ пунктомъ въ ихъ жизни. Берри прибылъ уже довольно поздно, но наткнулся на богатый пріискъ, откуда сразу вычерпалъ на 130.000 (260.000 р.) дол. золота. Этотъ пріискъ теперь почти самый богатый въ Klondike, и только одна десятая его площади тронута. Въ началѣ зимы молодая жена присоединилась къ мужу. Она работала на пріискѣ одинаково съ нимъ и сама выкопала на 10.000 долларовъ золотыхъ самородковъ. Теперь молодая пара вернулась на родину, и Берри больше не намѣревается вернуться въ Аляску. И ему дѣйствительно незачѣмъ. Помимо своего собственнаго пріиска, онъ имѣетъ часть въ 16 другихъ богатыхъ пріискахъ, и оцѣниваетъ свое богатство въ 2 милліона долларовъ. Теперь онъ поѣхалъ обратно въ родное село, гдѣ думаетъ зажить по старому, но наврядъ ли пробудившійся въ немъ инстиктъ и страсть къ наживѣ дастъ ему успокоиться на роднѣ.

Не такъ романтична и далеко не такъ удачна судьба другого золотоискателя, Іосифа Лоода. 15 лѣтъ онъ пробылъ въ Аляскѣ, и ни разу не натыкался на богатые пріиски. Но онъ пристроился и разбогатѣлъ другимъ образомъ. Онъ пріобрѣлъ въ собственность почти всю землю, на которой стоитъ городъ Dawson, а съ увеличеніемъ населенія поднимается, конечно, земельная рента, и въ скоромъ времени онъ сдѣлается милліонеромъ. Помимо того, онъ завелъ лѣсопильный заводъ въ Dawson city, и при громадномъ спросѣ на доски дѣлаетъ громадные барыши. Теперь онъ пріѣхалъ домой въ Нью-Іоркскій штатъ и думаетъ весной отправиться обратно въ Аляску. Газетные репортеры бѣгали за нимъ, какъ за какимъ-то чудомъ, его отчеты о Klondike появились въ крупнѣйшихъ газетахъ и журналахъ, и, наконецъ, этотъ едва ли грамотный человѣкъ написалъ книгу о Klondike подъ именемъ «Klondike facts».

Женщины тоже не отстаютъ отъ мужчинъ по смѣлости и предпріимчивости. Если госпожа Берри отправилась за золотомъ вмѣстѣ съ мужемъ, то 45-лѣтняя госпожа Wills оставила своего больного мужа дома и сама отправилась въ Аляску искать счастья для обоихъ. У нея было около 250 ф провизіи и она сама тащила свои сани на разстояніи 700 англ. миль. Сначала она занималась печеніемъ хлѣба и стиркой бѣлья для золотоискателей. Когда же началась золотая горячка въ Клондайкѣ, она тоже бросилась туда и сразу наткнулась на пріискъ, который оцѣнивается въ 250.000 долларовъ. Но пока другіе оспариваютъ ея собственность на этотъ пріискъ, и она зарабатываетъ 15 дол. въ день въ качествѣ кухарки.

Какъ я уже сказалъ, далеко не всѣмъ такъ везетъ, какъ вышеупомянутымъ героямъ. Многіе едва покрыли свои расходы а нѣкоторые замерзаютъ при переходѣ черезъ Chilkoot pass. А сколько изъ тѣхъ тысячъ, которые теперь находятся въ Дайѣ, достигнутъ своего назначенія, трудно предсказать. Многіе уже возвращаются обратно съ дороги, не увидѣвъ даже обѣтованной земли. Наконецъ, путь длиненъ, и вообщѣ нельзя предвидѣть всѣхъ опасностей, связанныхъ съ этимъ путешествіемъ. Мѣсяцъ тому назадъ, напр., произошло слѣдующее трагическое событіе, бросающее много свѣта, на жестокіе нравы золотоискателей, равно какъ и на весь характеръ золотой горячки. Въ серединѣ августа компанія въ 30 человѣкъ вышла изъ Джюно въ Klondike. Всѣ были здоровые и рослые люди съ веселыми надеждами на будущее. Между ними какъ-то затесался одинъ молодой болѣзненный 16-лѣтній мальчикъ. Онъ былъ любимцемъ всей компаніи, и не разъ золотоискатели носили его цѣлыми ми-

лями на своихъ плечахъ. Особенно привязался этотъ мальчикъ къ нѣкоему Вилліаму Мартину, который былъ мрачнѣе всѣхъ. Это былъ бѣдный фермеръ въ Миссури, всю жизнь боровшійся съ бѣдностью и нищетой, безъ всякихъ надеждъ на какое-либо избавленіе. Наконецъ, онъ все распродалъ и украдкой отправился въ Klondike. По дорогѣ онъ часто вынималъ фотографическую карточку своего годовалаго ребенка, котораго онъ оставилъ дома съ болѣзненной женой, и цѣловалъ. Товарищи часто смѣялись надъ его сентиментальностью, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе и угрюмѣе. Запасъ его провизіи приближался къ концу, а до слѣдующей станціи было еще далеко. Его ожидалъ голодъ. Однажды утромъ, когда золотоискатели остановились у рѣчки, чтобы наловить нѣсколько рыбы, одинъ золотоискатель заявилъ вожаку компаніи, что у него украли кусокъ сала. Сейчасъ же сдѣлали обыскъ, и въ мѣшкѣ Мартина нашли украденное добро. Мартина при этомъ не было, онъ былъ у рѣки, и когда вернулся, сейчасъ же завалился спать. Товарищи отошли въ сторону и стали заочно судить преступника. Вожакъ произнесъ рѣчь, что единственнымъ наказаніемъ за это преступленіе можетъ быть повѣшеніе. Стали баллотировать. 29 человѣкъ было за казнь, одинъ только мальчикъ былъ противъ и сталъ умолять своихъ товарищей сжалиться надъ несчастнымъ Мартиномъ. Но ничто не поколебало твердости золотоискателей. Разбудили Мартина и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, спросили его, хочетъ ли онъ что нибудь сказать передъ смертью. Онъ не могъ говорить. Когда петля была уже у него на шеѣ, осужденный заговорилъ. «Ребята,—сказалъ онъ,—я не такъ плохъ, какъ вамъ кажется. Я не воръ. Были ли вы въ положеніи человѣка, который, распродавъ все и оставивъ дома жену и ребенка, отправляется въ Klondike, и на порогѣ своего счастья долженъ умереть голодной смертью? Понимаете ли вы это? Оставьте же меня. Я не боюсь смерти, но мнѣ жаль жены и ребенка». «Все это тебя не спасетъ,—отвѣтилъ вожакъ,—но если хочешь что-нибудь оставить, можешь это сдѣлать». Мартинъ видѣлъ, что все пропало, и написалъ слѣдующую характерную записку женѣ, составляющую ключъ къ пониманію всей золотой горячки: «Надѣясь, что деньгами, которыя я заработаю въ Клондайкѣ, мнѣ удастся выгнать нужду за дверь, и что любовь тогда вернется черезъ окно, я васъ оставилъ. Поцѣлуй Тодди (сына), но никогда не говори ему объ этомъ». Черезъ нѣсколько минутъ его трупъ уже качался на соснѣ.

Весь этотъ разсказъ очень характеренъ, и можно сказать съ увѣренностью, что не одного еще золотоискателя постигнетъ такая же несчастная судьба. Бѣдность гонитъ не мало людей въ холодную Аляску. Примѣръ удачниковъ слишкомъ заразителенъ, и несомнѣнно, что масса людей ѣдетъ безъ достаточныхъ средствъ и безъ тѣхъ физическихъ качествъ, которыя необходимы для трудной жизни рудокопа, сопряженной съ многочисленными опасностями. А между тѣмъ, скоро на поле дѣйствія явятся богатыя компаніи, которыя начнутъ орудовать машинами, и несомнѣнно загребутъ лучшіе пріиски. Доля бѣднаго золотоискателя несомнѣнно ухудшится. Многіе дѣйствительно разбогатѣютъ, но еще больше людей потеряетъ все свое состояніе и обѣднѣютъ. И неустойчивость, непостоянство общественнаго положенія, которая и такъ характеризируетъ весь западъ Америки, еще усилится.

Но вернемся къ Dawson city и посмотримъ, какова тамъ общественная жизнь. По словамъ упомянутаго уже нами корреспондента, въ Dawson city въ іюлѣ мѣсяцѣ было около 4.000 жителей, 20 кабаковъ, 2 танцовальныхъ залы, 2 театра, 5 врачей, 2 зубныхъ врача, 2 лѣсопильныхъ завода, 2 пивоварни и множество мѣстъ для азартной игры. Городъ не можетъ гордиться изяществомъ своихъ построекъ. Люди живутъ въ самыхъ простыхъ избахъ, и въ нихъ же золотоискатель копаетъ золотой песокъ. Въ теченіе зимы умываться

довольно трудно. Ѣсть приходится то, что привезено было съ собой, такъ какъ все тамъ стоитъ приблизительно въ 5—6 разъ дороже, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Такъ, напримѣръ, мѣшокъ въ 50 ф. муки стоитъ 6 долларовъ, фунтъ сахару 30 сентовъ. Въ кабакахъ стаканъ пива или водки стоитъ 50 сентовъ, сигара 50 сентовъ, за бритье вы заплатите 1 долларъ и т. д. Но лѣтомъ вся природа оживаетъ. Температура часто поднимается до 90° по Фаренгейту. Люди работаютъ около 16—18 часовъ въ сутки надъ промываніемъ золотого песка. Разнообразія въ пищѣ нѣтъ. Рѣки изобилуютъ семгой, но дичи нѣтъ и люди сильно страдаютъ цынгой. По увѣреніямъ свѣдущихъ людей, можно разводить овощи на разстояніи 400 миль къ югу отъ Dawson city, и если это осуществится, оно сильно облегчитъ жизнь въ Klondike. Денегъ въ собственномъ смыслѣ тамъ нѣтъ и золотой песокъ употребляется въ качествѣ монетъ. Каждый имѣетъ при себѣ вѣсы и мѣшочекъ песку. Унція песку оцѣнивается въ 17 долларовъ. Раньше золотоискатели сами завѣдывали своими дѣлами и имѣли родъ вѣча, но при этомъ происходили, по словамъ золотоискателя Іосифа Лоо да, крупные безпорядки и надувательства. Въ Канадскихъ же владѣніяхъ всѣми дѣлами завѣдываетъ коммиссаръ и полиція, которая даже слѣдитъ за моралью женщинъ; коммиссаръ же является тамъ полнымъ властелиномъ во всѣхъ вопросахъ. Впрочемъ, функціи полиціи тамъ вообще довольно ограничены, такъ какъ въ городѣ существуетъ какъ бы вооруженный нейтралитетъ. Никто не запираетъ дверей своей избы, и между тѣмъ кражи тамъ совершенно неизвѣстны. Всякій сознаетъ, что ему укрыться отъ преслѣдованія невозможно, и что ему не сдобровать, если онъ осмѣлится хоть самымъ незначительнымъ образомъ нарушить заповѣдь «не укради». Мы уже упомянули, что въ Dawson city есть пять врачей, въ скоромъ времени тамъ появится госпиталь и школа для дѣтей. Въ другихъ поселеніяхъ золотоискателей уже давно были школы и госпитали, но такъ какъ тѣ поселенія теперь пали, то вмѣстѣ съ ними навѣрное падутъ и зачатки цивилизаціи. Зимою, когда работать долго нельзя, золотоискатели проводятъ свободное время въ кабакахъ, танцовальныхъ залахъ и въ азартной игрѣ, которая особенно тамъ процвѣтаетъ. Къ этому располагаетъ вся жизнь золотоискателя. Онъ легко и быстро пріобрѣтаетъ свое золото, и мало горюетъ, если оно отъ него быстро уплываетъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ упомянутый уже нами Іосифъ Лоодъ: «Почти все время, когда искатели не могутъ работать, они проводятъ въ азартной игрѣ. Кабаки и трактиры разукрашены зеркалами и вообще носятъ приличный видъ... Надувательства при игрѣ нѣтъ, такъ какъ трактирщики этого не допустятъ. Никто не носитъ при себѣ огнестрѣльнаго оружія, такъ какъ оно не нужно. Есть, положимъ, охотники стрѣлять, но они не пытаются этого дѣлать на Youkon'ѣ». Теперь тамъ организовалось уже одно вспомогательное общество, состоящее изъ золотоискателей прибывшихъ въ страну раньше 1889 г. Вообще, въ городѣ довольно много увеселительныхъ мѣстъ, но одно плохо... тамъ женщинъ мало, вслѣдствіе чего послѣднія въ большой цѣнѣ. Нѣкоторыя женщины вышли уже замужъ самымъ выгоднымъ образомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ золотоискатели предлагаютъ своимъ избраннымъ дамамъ цѣлые десятки тысячъ долларовъ за руку и сердце.

Читатель такимъ образомъ видитъ, что цивилизація тамъ уже въ полномъ разгарѣ, со всѣми своими свѣтлыми и темными ея сторонами. Наконецъ, 17 іюля появился самый главный вѣстникъ цивилизаціи—газета. Газета называется «Klondike News», т.-е. «Клондайкскія Новости», выходитъ разъ въ недѣлю и нумеръ ея стоитъ 75 сентовъ. Она такъ характерна, что мы сдѣлаемъ изъ нея нѣсколько выписокъ. Вотъ ея цѣль и программа: «Съ этимъ нумеромъ начинаетъ выходить «Klondike News». Нелегкая вещь быть въ одно и то же время редакторомъ, наборщикомъ, репортеромъ, управляющимъ и т. д. въ единственной газетѣ для го-

рода въ 5.000 жителей. Мы какъ піонеры въ издательскомъ дѣлѣ принуждены быть всѣмъ въ газетѣ, такъ какъ наборщикъ, котораго мы привезли съ собой, оставилъ насъ, потому что ему выгоднѣе заниматься раскопкой золота... Газета «Клондайкскія Новости» надѣется быть главной въ городѣ. Она намѣревается давать всѣ свѣдѣнія о пріискахъ во всемъ Youkon'скомъ районѣ, и вообще думаетъ посвятить себя всецѣло интересамъ этого округа. Въ обмѣнъ за это она проситъ поддержки у всѣхъ. Газета надѣется также быть вполнѣ независимой во всѣхъ отношеніяхъ». Дальше редакторъ сообщаетъ о трудностяхъ, встрѣченныхъ имъ при основаніи газеты, о перевозкѣ матеріала, о томъ, какъ его наборщикъ, наткнувшись на пріискъ, оставилъ его, какъ имъ приходилось самимъ строить свою редакцію, самимъ собирать объявленія, но, благодаря тому, что они прибыли въ лѣтніе мѣсяцы, имъ возможно было работать около 18 часовъ въ сутки, и они справились со своей работой. Затѣмъ слѣдуютъ новости. Самое характерное сообщеніе слѣдующее: молодой парень Альбертъ Грей, пробывшій два года въ Klondike, увлекся танцовщицей и подарилъ ей половину дохода съ своего пріиска. Узнавъ объ этомъ, отецъ отправился изъ Висконсина въ Klondike. Тогда Альбертъ назначилъ танцовщицу управляющимъ надъ всѣмъ пріискомъ, а самъ уѣхалъ изъ Klondike на мѣсяцъ или на два. Отецъ пріѣхалъ, но, не найдя сына, уѣхалъ обратно. Альбертъ вернулся въ Klondike и потребовалъ обратно свой пріискъ, но дѣвица отказалась, утверждая, что она ему, будто, бы сполна заплатила за пріискъ. Онъ пожаловался коммиссару, но послѣдній отказался вмѣшаться въ это дѣло, «на томъ основаніи, что молъ по дѣломъ ему, пусть слушается отца». Дальше сообщаются свѣдѣнія о бракахъ, о продажѣ пріисковъ, о смерти нѣкоторыхъ золотоискателей, о томъ, что тифозная горячка свирѣпствуетъ въ городѣ, что у нѣкоего Макъ Гранагана родился 12 ти-фунтовый ребенокъ и т. д. Первый нумеръ состоитъ изъ 4 страницъ и заключаетъ около 2 столбцовъ мѣстныхъ объявленій. Объявляются главнымъ образомъ танцовальныя залы, гдѣ «можно весело провести время и гдѣ вино великолѣпное». Одинъ кабакъ ставитъ себѣ въ достоинство, что у него вѣсы вѣрные и что золотоискателей не обманываютъ. Газета, конечно, надѣется долго жить.

Таковъ Klondike теперь, въ моментъ своего рожденія. Зима отгородила эту часть земли отъ насъ до будущей весны, когда по всѣмъ видимостямъ туда хлынетъ масса народа и жизнь станетъ гораздо разнообразнѣе и богаче. Во всякомъ случаѣ этотъ новооткрытый и завоеванный цивилизаціей уголокъ земли еще долго будетъ служить удобнымъ мѣстомъ, для изученія нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ современной цивилизаціи и ея вліянія на нравы человѣка.

С. П—инъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

СТАРОЕ И НОВОЕ О ПЛАНЕТѢ «МАРСЪ».

Бруно Бюргеля, лектора берлинской «Уранiи».

(Перев. съ рукописи З. Н. Журавской).

Какъ далеко теперь отъ насъ доброе старое время, когда человѣкъ считалъ землю,—эту малую точку въ міровомъ пространствѣ, проявляющую свое бытіе у предѣловъ нашей солнечной системы лишь слабымъ мерцаніемъ,—центромъ вселенной, вокругъ котораго въ бурной пляскѣ кружатся всѣ яркія небесныя свѣтила, каждые двадцать четыре часа начиная движеніе сызнова! Какъ далека та эра, когда человѣкъ въ благородной скромности именовалъ себя конечной цѣлью и вѣнцомъ творенія, воображая, что все остальное въ мірѣ существуетъ лишь для его блага и удовольствія!

Въ наши дни старинная точка зрѣнія, слава Богу, давно оставлена; низвергнута тѣсная башня, въ которой въ былое время томился человѣческій духъ; огненный мечъ естествознанія разсѣкъ послѣднія нити, приковывавшія насъ къ матери землѣ, и умъ свободно паритъ въ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ сонмы свѣтилъ неслышно свершаютъ свое вѣковое теченіе, гдѣ взоръ человѣческій дивится сверканію и блеску небесныхъ алмазныхъ полей, но, не имѣя силы выдержать ихъ, обращается снова къ нашей отчизнѣ—землѣ, богаче еще однимъ доказательствомъ ничтожности своего «я».

Когда люди такимъ образомъ убѣдились, что земля — только одинъ атомъ во вселенной, капля въ великомъ океанѣ міровъ, что надъ нашими головами плывутъ небесныя тѣла, во много-много тысячъ разъ бо́льшія, чѣмъ *наша* планета,—они естественно стали спрашивать себя: что же такое эти небесныя тѣла — окоченѣлые трупы, или и на ихъ поверхности раскинулась свѣжимъ ковромъ живая природа, и *на нихъ* бьется живая, способная къ развитію жизнь, вѣнцомъ которой являются разумныя существа, намъ подобныя? Естественно, люди прежде всего обратили взоры къ наиболѣе близкимъ сосѣдямъ Земли — *Лунѣ*, *Меркурію*, *Венерѣ*, къ планетамъ *Юпитеру* и *Сатурну*, свойства поверхности которыхъ намъ болѣе или менѣе хорошо извѣстны, но всѣ эти свѣтила подавали мало надежды встрѣтить на нихъ органическую жизнь. На Лунѣ, гдѣ отсутствіе всякихъ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ атмосферы заранѣе обѣщало мало утѣшительнаго, телескопъ не открылъ ничего, кромѣ дикой горной пустыни и лишенныхъ тѣни равнинъ; Меркурій и Венера такъ близки къ солнцу, на нихъ царитъ такой зной, что даже у полюсовъ этихъ небесныхъ тѣлъ, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на землѣ разстилаются огромныя ледяныя поля, стоитъ тропическая жара; понятно, здѣсь жизнь не

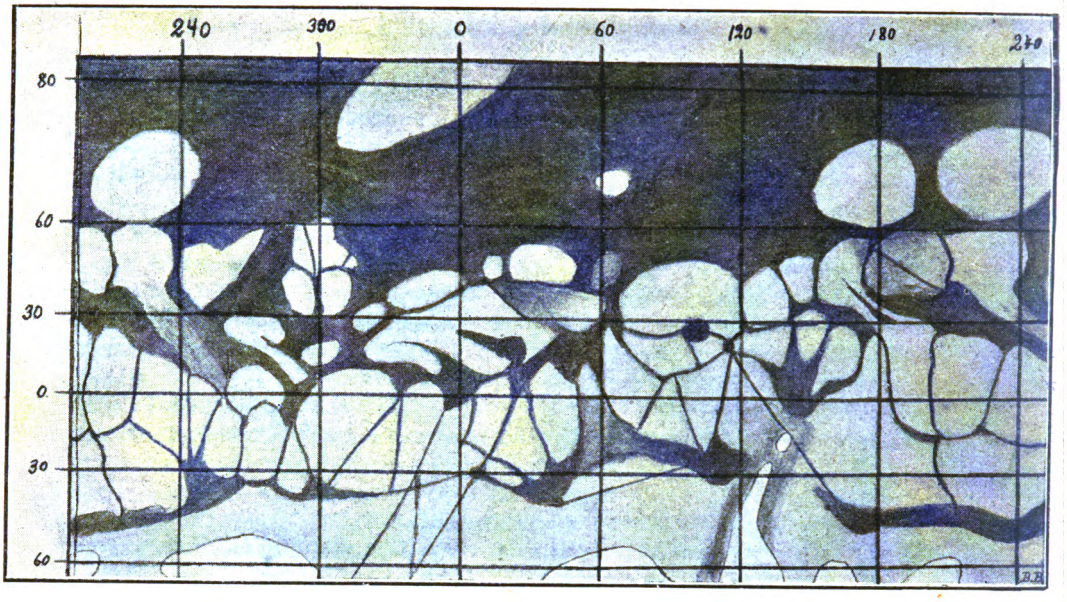


Рис. 2.

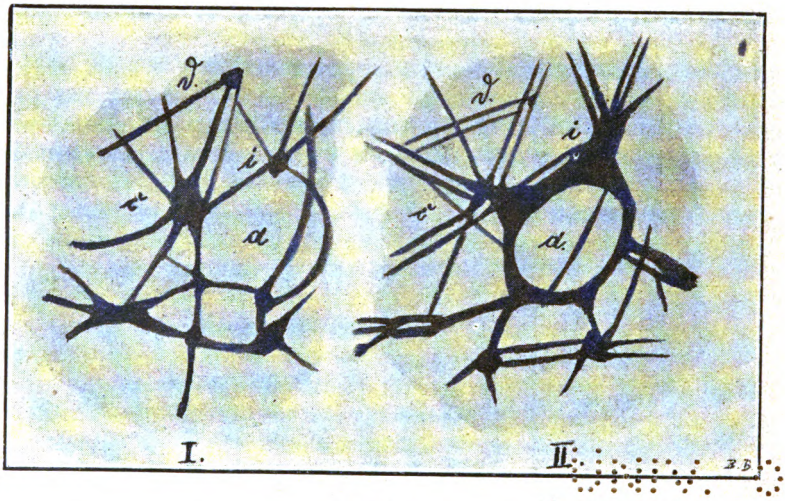
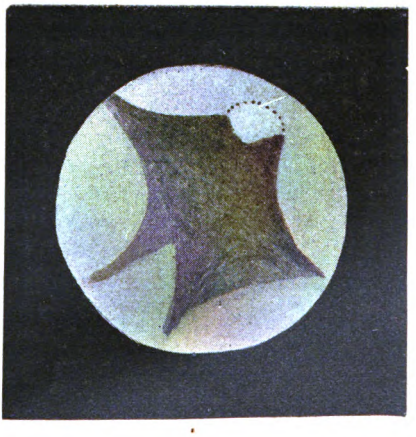


Рис. 3.

CALIFORNIA



можетъ достигнуть высокой ступени развитія. Что же касается Юпитера и Сатурна, то мы имѣемъ достаточное основаніе полагать, что на нихъ еще не образовалось твердой коры, и они частью находятся въ мягкомъ, кашеобразномъ состояніи.

И однако же, есть планета, позволяющая надѣяться, что мы не единственныя мыслящія существа, которыхъ животворный огненный шаръ, солнце, радуетъ своими дарами; планета эта—«*Марсъ*». Уже догадки *Вильяма Гершеля*, что условія жизни на этой планетѣ, по всей вѣроятности, сходны съ земными, обратили на нее вниманіе публики, но еще болѣе заинтересовалась она, когда были опубликованы удивительныя наблюденія миланскаго астронома *Скіапарелли*. Въ 1877 г., когда Марсъ находился по отношенію къ землѣ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ освѣщенія, этотъ астрономъ замѣтилъ на поверхности планеты цѣлую сѣть тонкихъ темныхъ линій, по всей вѣроятности, водяныхъ путей или канавъ, которыя онъ окрестилъ «*каналами*». Предположить, что эти «каналы» возникли естественнымъ путемъ, было довольно трудно, въ виду ихъ почти полной прямолинейности и, такъ сказать, математической точности размѣровъ. Это открытіе обратило на себя вниманіе даже тѣхъ, кто раньше никогда не задумывался надъ вопросомъ, что происходитъ въ небесномъ шатрѣ, для кого неизмѣримыя небесныя тѣла были лишь свѣтящимися точками на небосводѣ, и публика съ напряженнымъ интересомъ — смѣсью любопытства и жажды знанія—набросилась на журналы и газеты, жадно слѣдя за всѣми появлявшимися тамъ, нерѣдко далеко не научными, сообщеніями по этому вопросу.

Съ тѣхъ поръ о нашей сосѣдкѣ въ міровомъ пространствѣ много было написано, а еще больше сочинено басенъ. Сдержанныя, съ большой осторожностью высказываемыя сужденія изслѣдователей Марса подхватывались репортерами гоняющихся за сенсаціонными новостями газетъ, искажались, выдавались за установленные факты, служили поводомъ ко всевозможнымъ и даже невозможнымъ догадкамъ относительно обитателей Марса и способовъ вступить съ ними въ сношенія. Попытаемся въ краткихъ, но ясныхъ чертахъ изложить все, что до сихъ поръ путемъ опыта стало извѣстно намъ о родственной землѣ планетѣ Марсъ.

Въ качествѣ первой *верхней* планеты (т. е. находящейся внѣ пути тѣлъ, вертящихся вокругъ солнца), Марсъ свершаетъ свое обращеніе вокругъ центральнаго свѣтила въ теченіе одного года и 322 дней. Описываемая имъ кривая сильно эксцентрична, сильно уклоняется отъ фигуры круга; благодаря этому, удаленность его отъ солнца бываетъ весьма различна: онъ можетъ приблизиться къ солнцу на 205 милліоновъ километровъ и удалиться отъ него на 248 мил. килом. Эта же сильная эксцентричность пути, проходимаго Марсомъ, причиной тому, что *для насъ* его яркость подвергается значительнымъ колебаніямъ: въ моментъ наибольшей близости его къ землѣ, когда онъ удаленъ отъ насъ всего на 57.000.000 килом., онъ представляется намъ красивой, горящей сильнымъ красноватымъ свѣтомъ звѣздой, превосходящей яркостью всѣ неподвижныя звѣзды; въ моментъ же наибольшаго удаленія онъ уступаетъ въ блескѣ даже полярной звѣздѣ; впрочемъ, и то сказать, тогда его отдѣляетъ отъ насъ почтенное разстояніе въ 396.000.000 километровъ. Послѣ Меркурія, Марсъ самая маленькая планета нашей солнечной системы; діаметръ его заключаетъ въ себѣ всего 6.750 килом.; размѣрами онъ даже и вдвое не превосходитъ Луны; для того, чтобы составить ядро, величиной съ нашу землю, понадобилось бы около 7 такихъ тѣлъ; для того же, чтобъ удержать въ равновѣсіи чашки вѣсовъ, положивъ на одну изъ нихъ Землю, на другую понадобилось бы положить 10 Марсовъ. .

Притяженіе, оказываемое тѣломъ на другія тѣла, опредѣляется, какъ извѣстно, его собственнымъ составомъ. На землѣ падающее тѣло, стремящееся къ центру земли, въ теченіе 1 секунды проходитъ разстояніе приблизительно въ 5 метровъ (точнѣе 4,91 м.). На Марсѣ всякое падающее тѣло въ тотъ же промежутокъ времени приближается къ его поверхности всего только на $1^{3}/_{4}$ метра. Говоря словами *Жюля Верна*, если бы купецъ съ земли, исполняя порученіе обитателя Марса, доставилъ ему туда бочку вина въ 300 кило, тотъ, бѣдняга, счелъ бы насъ, жителей земли, изрядными плутами, ибо, взвѣсивъ свою бочку, съ ужасомъ замѣтилъ бы, что она вѣситъ всего 110 кило, и былъ бы неправъ: виной всему его планета, на которой тѣла вѣсятъ всего $^{1}/_{3}$ своего земного вѣса.

Долгое время думали, что Марсъ, подобно Меркурію и Венерѣ, не имѣетъ *Луны*, т.-е. спутника въ своемъ обращеніи вокругъ солнца. Превосходный нѣмецкій астрономъ *Медлеръ* (*Mädler*), въ своей «*Популярной Астрономіи*» 1861 года, выражается слѣдующимъ образомъ: «...У него нѣтъ луны или, по крайней мѣрѣ, луна эта такъ мала, что не можетъ идти въ сравненіе ни съ однимъ міровымъ тѣломъ. Имѣй спутникъ Марса хотя бы 22 километра въ діаметрѣ, онъ не могъ бы пройти незамѣченнымъ при благопріятныхъ противостояніяхъ». Но Медлеръ былъ не правъ. Въ ночь на 11 августа 1877 г., въ Вашингтонѣ, *Голль* (*Holl*), бывшій плотникъ, промѣнявшій топоръ и угольникъ на подзорную трубу, наблюдая планету въ сильный телескопъ мѣстной обсерваторіи, открылъ вблизи нея крошечную точку. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней дурная погода мѣшала Голлю убѣдиться, дѣйствительно ли открытая имъ звѣздочка—спутникъ Марса, или просто неподвижная звѣзда, случайно находившаяся по близости; наконецъ, черезъ пять дней, показавшихся Голлю вѣчностью, небо прояснилось; къ величайшей радости своей, онъ увидалъ звѣздочку снова, и на этотъ разъ призналъ въ ней несомнѣннаго *спутника Марса*. 17 августа тотъ же астрономъ былъ настолько счастливъ, что открылъ и второго спутника Марса, съ большою скоростью обращавшагося вокругъ главнаго свѣтила. Обѣимъ лунамъ онъ далъ имена, заимствованныя изъ греческой миѳологіи: *Фобосъ* и *Деимосъ*—Страхъ и Ужасъ, постоянные спутники бога войны. Эти два миніатюрныхъ міровыхъ тѣла—наименьшія въ солнечной системѣ. *Фобосъ*, бо́льшій изъ двухъ, имѣетъ $8^{1}/_{3}$ километровъ въ діаметрѣ; *Деимосъ*—всего только $7^{1}/_{5}$ клм.; хорошій ходокъ въ три часа обошелъ бы обѣ планеты, а скорому поѣзду понадобилось бы для этого всего только 25 минутъ; какъ видите, совершить кругосвѣтное путешествіе тамъ не трудно. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы эти двѣ луны дарили планетѣ свѣтлыя ночи; хотя онѣ и очень близки къ главному тѣлу,—ближайшій спутникъ въ 60 разъ ближе къ Марсу, чѣмъ луна къ землѣ,—все же обитателямъ Марса, если таковые имѣются, онѣ должны казаться не больше, чѣмъ намъ свѣтлая Венера въ періодъ своей наибольшей яркости. Почтенному бургомистру какого-нибудь городка на Марсѣ, такимъ образомъ, волей-неволей приходится зажигать по ночамъ фонари, все равно, ясно ли небо или покрыто тучами; онъ не имѣетъ возможности утѣшить обывателей, платящихъ за освѣщеніе города, луннымъ свѣтомъ, обозначеннымъ въ *календарѣ*, какъ это часто дѣлаютъ градоправители на нашей высоко-цивилизованной планетѣ.

Вообще, луны Марса—тѣла, интересныя во всѣхъ отношеніяхъ: оба эти кобольда свершаютъ кругъ обращенія вокругъ своей планеты въ невѣроятно короткій срокъ и тамошнимъ жителямъ приходится наблюдать весьма странныя явленія. Деимосъ обращается вокругъ Марса приблизительно въ $30^{1}/_{4}$ часовъ, а Фобосъ—въ $7^{1}/_{2}$. Если принять въ разсчетъ, что Марсъ въ $24^{1}/_{2}$ часа обращается вокругъ своей оси, что, слѣдовательно, сутки на Марсѣ длятся всего получасомъ дольше земныхъ, оказывается, что луна Фобосъ за *одинъ* день 3 раза

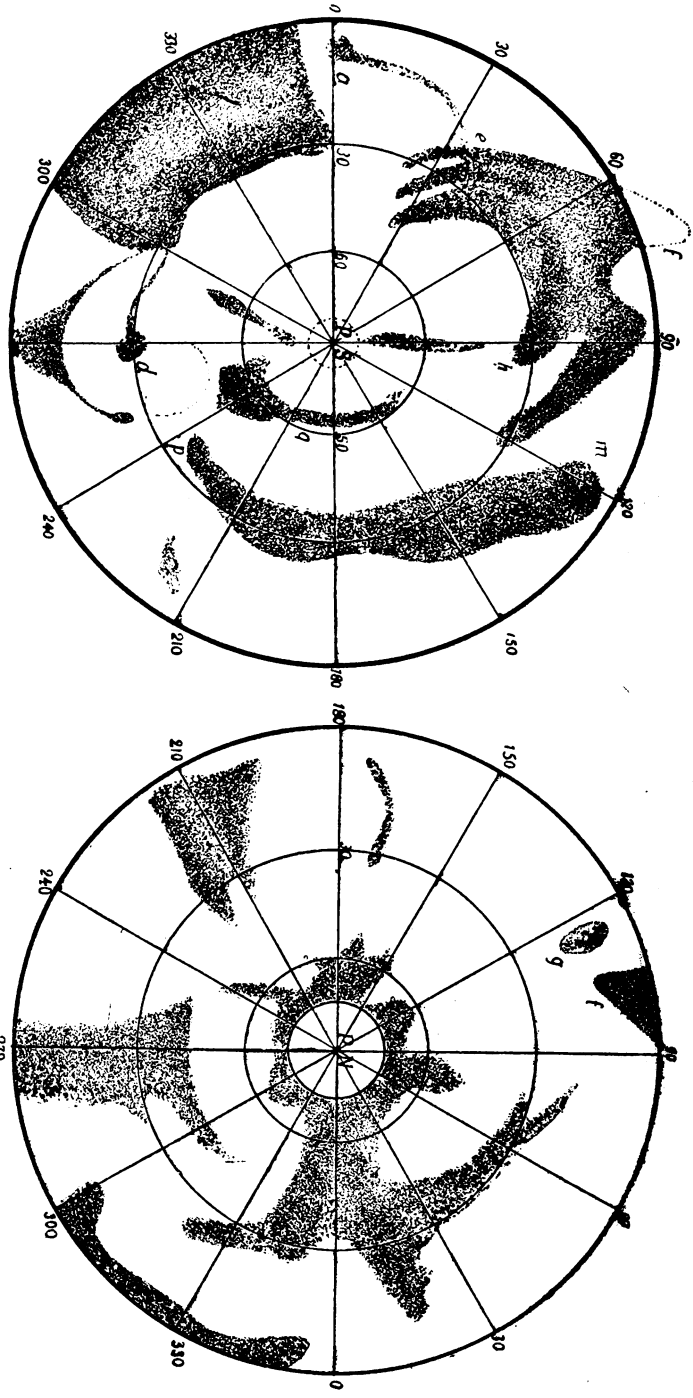
обходитъ кругомъ своего повелителя, и возможно, что житель Марса трижды въ одинъ день видитъ восходъ ея и трижды закатъ. Но, между тѣмъ какъ солнце и всѣ неподвижныя звѣзды восходятъ на востокѣ и заходятъ на западѣ, Фобосъ движется какъ разъ въ обратномъ направленіи; по крайней мѣрѣ, такъ это должно казаться наблюдателю съ Марса. Эта особенность объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что луна Фобосъ быстрѣе обращается вокругъ главнаго тѣла, чѣмъ это послѣднее вокругъ своей оси.

Когда, въ 1610 году, былъ изобрѣтенъ дивный инструментъ, силой своей побѣдившій пространство и открывшій намъ несчетные сонмы новыхъ міровъ, гигантскимъ окомъ своимъ проникшій въ отдаленнѣйшія глубины вселенной и сорвавшій завѣсу тайны со многаго, что происходитъ надъ нами; когда *Галилей* открылъ горы на лунѣ, луны Юпитера, пятна на солнцѣ, измѣнчивыя свѣтовыя фигуры на Венерѣ,—*телескопъ* направили и на Марсъ, но въ то время астрономы были еще слишкомъ неопытны, слишкомъ плохо умѣли смотрѣть, самые инструменты были слишкомъ первобытны, чтобы распознать что-нибудь на сосѣдней планетѣ; полнымъ ожиданія взорамъ представлялся только небольшой красноватый дискъ. Всего двадцать лѣтъ спустя, *Фонтанъ* (*Fontana*), одному изъ дѣятельнѣйшихъ астрономовъ того времени, удалось уже различить случайныя пятна; не ускользнуло отъ него и то обстоятельство, что эти пятна скользили по диску Марса и исчезали, но только славный *Доминикъ Кассини* вывелъ отсюда заключеніе, что Марсъ, подобно землѣ, вращается вокругъ своей оси, и вычислилъ скорость этого вращенія въ 24 ч. 40 м.; эта цифра мало разнится отъ нынѣ установленной—24 ч. 37 м. 23 с., несмотря на то, что первое вычисленіе было сдѣлано въ 1660 г. Къ тому же времени относятся и первыя карты Марса, составленныя голландцемъ *Гюйгенсомъ* (Huyghens); само собой, это лишь неопредѣленные тѣневые наброски, но и тамъ уже можно различить особенно выдающіяся части, которыя мы различаемъ теперь. Рисунки *Кассини* и *Мераль ди* представляютъ уже кое-что интересное: оба они подмѣтили вблизи полюсовъ Марса свѣтлыя бѣловатыя блестящія пятна, не мѣнявшія своего положенія, и отсюда заключили, что на Марсѣ, какъ и на землѣ, у полюсовъ разстилаются обширныя пространства снѣга и льда. Однако, всѣ такія наблюденія, равно какъ и тѣ, которыя были сдѣланы въ началѣ *нашего* вѣка, такъ разнились другъ отъ друга, что изъ нихъ нельзя было вывести ничего прочнаго, положительнаго; трудно было даже съ увѣренностью сказать, что именно представляютъ собой эти пятна, подмѣченныя на Марсѣ—прочныя ли и неизмѣнныя фигуры, соотвѣтствующія нашимъ морямъ и материкамъ, или же преходящія, быть можетъ, туманныя очертанія? Только благодаря усиліямъ двухъ нѣмецкихъ астрономовъ, *Беера* (*Beer*) и *Медлера* (*Mädler*) въ 1830—1839 г. была выработана карта Марса, дающая дѣйствительно вѣрныя и относительно подробныя свѣдѣнія объ этой планетѣ; она состоитъ изъ двухъ плоскошарій, изображающихъ сѣверное и южное полушарія Марса. Именно потому, что эта карта—первая, представляющая какой-либо интересъ и открывшая новую эпоху въ изслѣдованіи Марса, я не хотѣлъ утаить ея отъ уважаемаго читателя и позволилъ себѣ воспроизвести здѣсь рисунки, приложенные къ вышеупомянутому сочиненію Медлера. (Рис. 1).

Итакъ, то не измѣнчивыя облачныя пелены, не волнующіеся клубы тумана, подобно насмѣшливымъ призракамъ, явились неутомимо трудящимся изслѣдователямъ неба, въ необъятной дали, куда доступъ возможенъ лишь лучу свѣта, явились только затѣмъ, чтобы тотчасъ же снова закружиться въ дикомъ хаосѣ? Такъ значитъ дѣйствительно та яркая звѣздочка такой же міръ, покрытый сушей и моремъ, какъ наша земля?! И если этотъ далекій міръ не безусловно отличенъ отъ нашего, если тамъ царятъ не какія-нибудь особенныя, иныя, чѣмъ у насъ, силы природы, такъ значитъ эти сѣро-зеленыя пятна должны

*

быть морями, или, по крайней мѣрѣ, обширными плоскостями, а вонъ тѣ оранжевыя, свѣтлыя части—большими пространствами суши, соотвѣтствующими на-



Южное полушаріе. Сѣверное полушаріе.

Рис. 1.

Карта Марса, по наблюденіямъ 1830—1839 гг. Беера и Медлера.

шимъ материкамъ. Но что же означаютъ эти бѣлыя пятна у полюсовъ? почему они находятся именно у полюсовъ, чѣмъ могутъ быть они, какъ не ледяными пустынями, подобными нашимъ земнымъ? Вѣдь уже замѣчено, что эти пятна увеличиваются или уменьшаются, смотря по тому, лѣто или зима стоитъ на наблюдаемомъ полушаріи Марса; замѣчено и то, что, съ уменьшеніемъ ихъ, сѣрыя области становятся темнѣе и больше; развѣ нельзя предположить, даже съ увѣренностью утверждать, что подъ лучами высоко стоящаго солнца таютъ ледяныя поля и отъ набѣжавшей воды расширяются бассейны морей?

И въ самомъ дѣлѣ, даже самые строгіе ученые не могли обойти подобнаго объясненія и, по весьма понятнымъ причинамъ, удвоили свои старанія глубже проникнуть въ тайны сосѣдняго міра.

Какъ уже сказано выше, Марсъ не во всякое время одинаково хорошо виденъ намъ. Уважаемый читатель легко пойметъ, что его поверхность всего доступнѣе наблюденію въ тѣ періоды, когда онъ стоитъ всего ближе къ землѣ и въ то же время *противъ* солнца (in *Opposition*), т. е. въ томъ же положеніи относительно солнца, какъ наша луна во время полнолунія; тогда онъ бываетъ виденъ всю ночь. Если при этомъ планета стоитъ настолько высоко надъ горизонтомъ наблюдательнаго пункта, что пары, наполняющіе нижніе слои атмосферы, не туманятъ и не искажаютъ ея очертаній, значитъ, всѣ благопріятныя условія налицо. Такія сочетанія благопріятныхъ условій повторяются однако же очень рѣдко; въ промежуткахъ мы, конечно, не можемъ разсчитывать обогатить науку новыми свѣдѣніями относительно интересующей насъ планеты; неудивительно поэтому, что изслѣдованіе Марса идетъ скачками.

Сильные телескопы, появившіеся повсюду въ половинѣ этого столѣтія, въ виду ихъ огромной оптической силы, давали, конечно, несравненно болѣе значительные результаты, чѣмъ часто первобытныя орудія, употреблявшіяся въ былыя времена; карты Марса становились все яснѣе и обильнѣе подробностями; выдающимся частямъ планеты для большей вразумительности стали давать названія, причемъ астрономъ *Проктеръ (Proctor)* окрестилъ ихъ по именамъ знаменитыхъ астрономовъ, какъ это уже было сдѣлано раньше съ горами луны; на его картахъ мы находимъ, напримѣръ, землю *Гершеля*, землю *Коперника*, озеро *Тихо* и т. д. Современемъ однако же эти названія, по настоянію самаго выдающагося изъ нынѣ живущихъ изслѣдователей Марса, *Скіапарелли*, наблюдавшаго эту планету подъ чистымъ небомъ Италіи, были замѣнены другими, заимствованными изъ географіи и миѳологіи древнихъ.

Такъ продолжалось до 1877 г., которому суждено было составить столь важную эпоху въ исторіи изслѣдованія Марса; положеніе его по отношенію къ солнцу было въ 1877 г. самое благопріятное, какое только можно себѣ представить, и телескопы всѣхъ странъ направились на эту планету, сіявшую яркимъ свѣтомъ. Много новаго было открыто и занесено на карты; многое старое было провѣрено и подтвердилось; сдѣланные наброски установили фактъ, извѣстный и на землѣ, а именно—что если принимать сѣро-зеленыя пятна дѣйствительно за моря, южное полушаріе Марса, какъ и земли, богаче ими, чѣмъ сѣверное. Многія области, ясно и рѣзко выдѣлявшіяся при прежнихъ противостояніяхъ, въ особенности тѣ, которыя напоминали наши острова и полуострова, теперь вовсе не были видимы, или выдѣлялись очень слабо. Очевидно, тутъ произошло что-то вродѣ наводненія; уровень моря значительно повысился, быть можетъ вслѣдствіе сильнаго притока водъ отъ таянія снѣговъ, вода затопила низменныя части острововъ, и естественно, что теперь распознать ихъ было гораздо труднѣе. Во многихъ мѣстахъ на дискѣ планеты виднѣлись свѣтлыя блестящія пятна малыхъ размѣровъ; въ особенности явственно выдѣлялись они по близости къ краю; это какъ бы говорило въ пользу предположенія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *возвышенностями*, *горами* и т. п. Въ продолженіе этого противостоянія (*Opposition*)

южное полярное пятно все уменьшалось и уменьшалось, а такъ какъ на южномъ полушаріи Марса въ это время какъ разъ стояло лѣто, это обстоятельство опять-таки подтверждало предположеніе относительно ледяныхъ массъ, тающихъ подъ лучами животворящаго солнца. Вдобавокъ, въ это же время были открыты два спутника Марса, о чемъ мы уже упоминали выше, и предпринято много другихъ наблюденій, имѣвшихъ цѣлью разрѣшить спорный вопросъ, имѣетъ ли Марсъ атмосферу, или не имѣетъ ея, который и былъ разрѣшенъ въ *утвердительномъ* смыслѣ. Но какъ же удивились астрономы, когда миланецъ *Скіапарелли* опубликовалъ свои наблюденія! На его карты занесена была обширная сѣть *тонкихъ темныхъ линій*, которыя во многихъ мѣстахъ перекрещивались и тянулись почти *прямолинейно*, по всѣмъ направленіямъ бороздя поверхность планеты; эти линіи онъ окрестилъ *каналами*. Чего неумѣли или плохо умѣли разсмотрѣть въ свои гигантскія трубы другіе изслѣдователи неба, то разглядѣлъ *Скіапарелли*, пользуясь сравнительно небольшимъ телескопомъ съ 8-ми-дюймовымъ отверстіемъ, благодаря прозрачному воздуху верхней Италіи и зоркости собственныхъ глазъ, удивительно воспріимчивыхъ къ самымъ слабымъ свѣтовымъ впечатлѣніямъ. Достойный итальянскій астрономъ говоритъ, что дискъ планеты временами имѣлъ такой видъ, «*какъ будто былъ покрытъ тонкой вышивкой*». Измѣренія показали, что каналы эти имѣютъ въ ширину 30—40, иные даже до 100 километровъ; длина ихъ очень различна, начиная отъ 500 километровъ; есть и такіе, которые охватываютъ $^1/_3$ всей планеты; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ три, иной разъ даже шесть или восемь такихъ каналовъ перекрещиваются между собою, они образуютъ большія *озера*. Иные соединяютъ морскую бухту южнаго полушарія съ такой же бухтой на сѣверномъ, и всѣ идутъ прямо почти какъ натянутый шнуръ.

Что можно было сказать объ открытіи Скіапарелли? какъ объяснить себѣ эти загадочныя линіи?

Ихъ цвѣтъ, напоминавшій окраску моря, а также сравнительно малая ширина ихъ заставляли признать въ нихъ водяные пути, или рѣки; но гдѣ же на землѣ рѣки, которыя на протяженіи многихъ тысячъ километровъ тянулись бы прямо, какъ бы проведенныя съ помощью линейки? Или считать ихъ искуственными каналами, дѣломъ рукъ разумныхъ существъ, какъ то стараются доказать нѣкоторые ученые? Прямизна и, такъ сказать, *экономическое* расположеніе ихъ говоритъ въ пользу этой догадки, но какой же гигантскій трудъ требуется для проведенія подобной сѣти каналовъ? Мыслимо ли предположить, что эти водяные рвы въ нѣсколько тысячъ километровъ длиною, въ сто километровъ шириною вырыты человѣческими руками? Или существа, обитающія на Марсѣ, превосходятъ силой тѣхъ великановъ, съ которыми мы знакомимся въ путешествіяхъ Гулливера?

Кто разрѣшитъ эту загадку, принесенную намъ яркимъ лучемъ съ далекаго неба?

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности помѣстить здѣсь *оригинальную* карту Марса, составленную Скіапарелли, и просимъ читателя великодушно удовольствоваться вмѣсто нея другой (рис. 2, см. таблицу), составленной, впрочемъ, также главнымъ образомъ по трудамъ этого изслѣдователя и содержащей многіе изъ вышеупомянутыхъ каналовъ. Съ тѣхъ поръ Скіапарелли не пропускалъ ни одного благопріятнаго противостоянія Марса, чтобы не обогатить науку новыми свѣдѣніями относительно этой единственной планеты, поверхность которой доступна нашему наблюденію.

Если открытіе каналовъ произвело такую сенсацію, въ какое же удивленіе должно было повергнуть міръ сообщеніе Скіапарелли о томъ, что во время противостоянія 1882 г. онъ видѣлъ на Марсѣ многіе каналы вдвойнѣ: параллельно старому каналу шелъ новый, сопровождая его на всемъ протяженіи пути; если

первый дѣлалъ изгибъ, буквально то же повторялъ и второй; если первый терялся въ озерѣ, тамъ же заканчивался и второй; словомъ, два канала шли неразлучно рядомъ, какъ рельсы желѣзной дороги. *Скіапарелли* удалось прослѣдить *развитіе* этихъ удвоеній на многихъ каналахъ; въ пространной статьѣ, посвященной этому явленію и напечатанной въ ежемѣсячномъ журналѣ «*Himmel und Erde*», издаваемомъ въ Берлинѣ «*Уранією*», итальянскій астрономъ говоритъ, что это удвоеніе, повидимому, стоитъ въ связи съ нѣкоторымъ туманнымъ образованіемъ, вначалѣ окутывавшимъ старый каналъ, но затѣмъ исчезнувшимъ, и что каналъ представился ему двойнымъ именно послѣ того, какъ туманная гряда раздѣлилась. Совершенно непонятно, однако, то обстоятельство, что эти гигантскія измѣненія происходятъ въ такой малый промежутокъ времени, за который мы, люди, на землѣ успѣли бы развѣ перекопать рвомъ полдороги; Скіапарелли много разъ случалось наблюдать двойной каналъ тамъ, гдѣ всего день или даже нѣсколько часовъ тому назадъ онъ видѣлъ ординарный. Интересно, что всѣ расширенія и т. п., одной вѣтви діаметрально противоположно повторяются и на другой. Пространство, раздѣляющее двѣ вѣтви канала, бываетъ различной ширины, иной разъ такъ мало, что его едва можно различить; опредѣляя ширину его съ земли при помощи хорошаго телескопа, мы по большей части получаемъ 40—50 килом., но бываютъ промежутки въ десять разъ бо́льшіе. Здѣсь опять-таки мы имѣемъ дѣло съ загадками, которыя долго казались неразрѣшимыми, такъ какъ долгое время одинъ только Скіапарелли подмѣчалъ эти необъяснимыя явленія; ихъ приписывали обману зрѣнія, несовершенству его инструмента и т. д. Но когда тѣ же явленія были замѣчены и съ другихъ обсерваторій, а именно *Перротекомъ* въ *Ниццѣ*, сомнѣнія разсѣялись; теперь уже навѣрное извѣстно, что эти странныя явленія не миражи, созданные телескопомъ или свойствами нашей атмосферы, но дѣйствительно принадлежатъ сосѣднему міру.

Какъ же объяснить себѣ эти двойные каналы на Марсѣ, когда на нашей планетѣ мы не видимъ ничего подобнаго? Пока мы не знаемъ навѣрное, что̀ собственно представляютъ эти «каналы», мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго и объ удвоеніи ихъ. Нѣкоторые астрономы, въ томъ числѣ извѣстный французскій писатель *Камиллъ Фламмаріонъ*, держатся того мнѣнія, что это нѣчто въ родѣ воздушнаго миража, подобнаго извѣстной *фата-моргант*, которая нерѣдко наблюдается и на землѣ, въ особенности когда атмосфера сильно насыщена водянымъ паромъ. Спектроскопическія наблюденія показали, что воздушная оболочка Марса *весьма богата* вышеупомянутымъ газомъ; если признать видѣнныя Скіапарелли *туманоподобныя* образованія, скрывавшія каналъ передъ его удвоеніемъ, за настоящій туманъ, т. е. за облака, содержащія большое количество водянаго вещества (пара?), получится большое вѣроятіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ *фата-моргано̀й*, которая рядомъ съ настоящимъ каналомъ рисуетъ намъ его призрачное отраженіе.

Однако, даровитый изслѣдователь Марса не согласенъ съ такимъ толкованіемъ; онъ скорѣе склоняется въ пользу слѣдующаго остроумнаго объясненія, къ которому, независимо отъ него, пришли и другіе астрономы, а именно: плотность атмосферы Марса въ три раза менѣе плотности земной атмосферы; слѣдовательно, облаковъ и осадковъ тамъ не имѣется вовсе, или имѣется очень мало, и на всемъ материкѣ долженъ сильно ощущаться недостатокъ воды. Чтобы помочь горю, обитатели Марса (предполагается, конечно, что они существуютъ) утилизируютъ обильныя наводненія, происходящія отъ таянія ледяныхъ массъ у полюсовъ, для орошенія своей страны. Въ видахъ этого они по всѣмъ направленіямъ изрѣзали ее каналами, наибольшіе изъ этихъ каналовъ, быть можетъ, ранѣе были рѣками; въ общемъ, всѣ они не глубоки, но все же участки земли, орошаемые живительной влагой, даютъ роскошную растительность, и эти-то

участки растительности представляются намъ двумя темными полосами, обрамляющими каналъ. Какъ видите, благодаря этой гипотезѣ, все удивительное явленіе каналовъ объясняется сравнительно легко. Скептику, конечно, покажется фантастичнымъ предположеніе, будто эта красноватая свѣтящаяся точка на небосклонѣ населена разумными существами, способными предпринять и выполнить такія гигантскія сооруженія, но, съ другой стороны, признавать это прямо невозможнымъ—значитъ мыслить очень узко и мелко. *Лоуэлль (Lowell)*, директоръ прекрасной обсерваторіи въ *Аризонѣ*, утверждаетъ, что всякій, лично наблюдавшій эти каналы, долженъ придти къ убѣжденію, что тутъ дѣйствовала *не одна* только природа. Скіапарелли уже вскорѣ послѣ открытія двойныхъ каналовъ высказалъ мнѣніе, что это явленіе находится въ связи съ временами года на Марсѣ и что, если его догадки справедливы, въ 1892 г., когда снова должно имѣть мѣсто благопріятное противостояніе, на Марсѣ *не должно* замѣчаться никакихъ удвоеній. И предсказаніе его оправдалось: во все продолженіе 1892 года на Марсѣ не было замѣчено ни одного двойного канала. Чтобы наглядно представить читателю это явленіе, мы на рис. 3 (см. табл.) изобразили мѣстность «Элизіумъ» во время нормальнаго (1) и удвоеннаго (2) состоянія каналовъ, когда та же мѣстность настолько мѣняетъ свой видъ, что ориентироваться въ ней можно только при помощи печатныхъ указаній.

Авторъ этихъ строкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занятій въ общедоступной обсерваторіи при берлинскомъ народообразовательномъ учрежденіи «Уранія», нерѣдко имѣлъ случай убѣждаться, какъ наивна «большая публика» во всемъ, что касается астрономіи, и хотѣлъ бы здѣсь сказать по этому поводу нѣсколько словъ, рискуя даже заслужить упрекъ въ высокомѣріи. Въ обсерваторію приходитъ много любопытныхъ, прочитавшихъ въ газетѣ о *каналахъ*, *полярныхъ пятнахъ* на Марсѣ и т. п., чтобы взглянуть на нихъ *собственными глазами*. И какъ подивится такой любознательный гость, не видя въ телескопъ ничего, кромѣ свѣтлаго, красноватаго диска; развѣ иногда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, иной, особенно зоркій, разглядитъ на этомъ дискѣ сѣроватые оттѣнки. А между тѣмъ подзорная труба, въ которую онъ смотрѣлъ, имѣетъ нѣсколько метровъ длины, толщиною помѣряется съ нимъ самимъ, и вообще съ своими стержнями и винтами производитъ впечатлѣніе могучей и сложной машины. «Эге,—думаетъ себѣ любознательный обыватель, покидая тихіе своды обсерваторіи,—астрономы-то, какъ видно, изрядные хвастуны и врутъ въ своихъ книгахъ не хуже Мюнхгаузена!»

Эти господа не соображаютъ, что для того, чтобъ разглядѣть такія мелкія подробности, кромѣ хорошаго телескопа, необходимъ чистый, прозрачный воздухъ, хорошіе глаза, благопріятное положеніе планеты, и, прежде всего, привычка и умѣнье смотрѣть. Кто сталъ бы требовать отъ человѣка, первый разъ въ жизни взявшаго въ руки ружье, чтобы онъ первыми же выстрѣлами положилъ на мѣстѣ вольную птицу. А между тѣмъ скромнѣе требовать этого, чѣмъ желать, чтобы непосвященный распозналъ строеніе поверхности Марса. Благосклонный читатель долженъ принять въ разсчетъ еще и то, что Марсъ *никогда* не представляется намъ такимъ, какимъ его рисуетъ прилагаемая карта; эта послѣдняя—результатъ несчетныхъ и многолѣтнихъ наблюденій; иной разъ лучше видна одна часть планеты, другой—другая, и каждый разъ которой-нибудь бываетъ вовсе не видно. Рис. 4 (см. табл.), снятый съ планеты въ октябрѣ 1894 г. въ обсерваторіи *Лоуэлля*, изображаетъ Марсъ, какимъ онъ представляется *опытному* глазу при одномъ только наблюденіи, хотя и при благопріятныхъ условіяхъ; рис. 5 (см. табл.)—такимъ, какимъ его видитъ еще плохо умѣющій смотрѣть наблюдатель. Этотъ послѣдній рисунокъ составленъ самимъ авторомъ въ ноябрѣ 1891 года.

. . . . . .

Въ послѣднее время, когда повсюду, въ особенности въ Соединенныхъ Шта-

тахъ Сѣверной Америки одинъ за другимъ воздвигаются въ помощь наукѣ гигантскіе телескопы, оттуда приходятъ къ намъ новыя сообщенія о Марсѣ, которыя частью разъясняютъ, частью запутываютъ уже сложившіяся понятія о загадочныхъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ на этой планетѣ. Такъ, напримѣръ, директоръ *Ликской* (*Lick*) обсерваторіи, *Шеберле* (*Schaeberle*) высказалъ мнѣніе, что въ желто-красныхъ частяхъ поверхности Марса слѣдуетъ видѣть не сушу, а воду; сушей же надо считать сѣрыя части. Мнѣніе это однако же не встрѣтило нигдѣ сочувствія, такъ какъ *альбедо* (*Albedo*) воды, т. е. ея способность отражать свѣтъ гораздо меньше, чѣмъ *альбедо* суши, и потому, на большомъ разстояніи, водная поверхность должна казаться *темнѣе* твердой поверхности. Болѣе вѣско замѣчаніе *Кемпбелля*, астронома той же обсерваторіи, относительно атмосферы Марса. Дѣло въ томъ, что, въ противоположность всѣмъ указаніямъ прежнихъ изслѣдователей звѣздъ, нынѣшнимъ превосходнымъ инструментамъ никакъ не удается открыть хотя бы слѣды атмосферы и, слѣдовательно, если только она существуетъ, она должна быть чрезвычайно рѣдка. Этому, въ свою очередь, можно противопоставить недавно установленный многими астрономами фактъ, что ядро планеты нерѣдко бываетъ окутано *облачными образованіями*; если бы Кемпбелль былъ правъ, откуда же бы имъ было взяться?

Нѣкоторыя другія наблюденія, вышедшія изъ обсерваторій Лоуэлля и Лика, указываютъ на существованіе горъ, подобныхъ горамъ на землѣ и лунѣ. На *томъ* краю планеты, гдѣ день разлучается съ ночью, замѣчены были свѣтлыя блестящія линіи и точки, вдвигающіяся далеко въ области ночи, для которой однако солнце уже закатилось. Очевидно, точки эти должны находиться на значительной высотѣ, чтобы на нихъ могли попадать лучи солнца; предполагается, что это вершины горъ, высотою въ 3.000—4.000 метровъ. Въ заключеніе упомянемъ еще о замѣченной Лоуэллемъ и другими *темно-зеленой окраскѣ* цѣлыхъ участковъ суши; въ виду того, что на Марсѣ все зависитъ отъ перемѣнъ временъ года, можно предположить, что это обширные лѣса или луга, покрытые цвѣтущей растительностью.

Какъ бы тамъ ни было, а всѣ эти многообразныя измѣнчивыя явленія, частію появляющіяся и исчезающія вмѣстѣ съ временами года, не подтверждаютъ слова *Скіапарелли*, что эта планета «*пустыня изъ мертвыхъ скалъ*». Нѣтъ, Марсъ не безжизненный трупъ, въ призрачномъ спокойствіи кружащійся въ безконечномъ пространствѣ; здѣсь еще мощно бьются пульсы міровой жизни; неутомимо созидающія и разрушающія силы природы не успѣли еще обратить его въ сплошныя развалины; вѣсть, которая несется къ намъ изъ областей эфира на трепетномъ лучѣ свѣта, не зловѣщее *memento mori*, но призывъ—разбить тѣсныя оковы предразсудка, налагаемыя на насъ общественнымъ положеніемъ и національностью, и всѣмъ *заодно*—накаленнымъ южнымъ зноемъ, и поблѣднѣвшимъ подъ ледянымъ дыханіемъ сѣвера—*общими силами* добиваться знанія, проникать въ тайны природы.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія. 1) Ближайшее солнечное затменіе. 2) Изъ планетнаго міра: Новое раздѣленіе кольца Сатурна. Меркурій. Три новыхъ астероида. 3) Новая звѣзда въ туманности Оріона. Новая комета. **Метеорологія.** 1) Изслѣдованіе высокихъ слоевъ нашей атмосферы. Опредѣленіе высоты тучъ. Привязные аэростаты. 2) Скорость вѣтра. 3) Атмосферное электричество и связь его съ атмосфернымъ давленіемъ. 4) Содержаніе углекислоты въ воздухѣ. **Химія.** Сжиженіе фтора. **Геологія.** 1) Землетрясеніе въ Индіи. Вліяніе луны на землетрясенія. 2) Геометрическій градусъ. 3) Источникъ углекискаго газа. **Біологія.** 1) Насѣкомые и цвѣты. 2) Гебриды лягушки. 3) Непрерывность растительной протоплазмы. 4) Еще о туберкулезной бациллѣ. **Техника.** 1) Окрашиваніе безъ помощи красокъ. 2) Гигантскій телескопъ. 3) Электричество при приготовленіи дрожжей. 4) Новый способъ сохраненія и перевозки молока. **Научныя экспедиціи.** 1) Новая полярная экспедиція. 2) Нѣмецкая экспедиція въ Тихій океанъ.

Астрономія. 1) *Ближайшее солнечное затменіе.* Полное солнечное затменіе можно будетъ наблюдать 21-го января (нов. ст.) будущаго года въ полосѣ, идущей отъ индійскаго города Ратнагири (на Бомбейскомъ берегу) къ сѣверо-востоку до Непала, проходящей почти около самого Эверсета и теряющейся въ Тибетѣ; вся же тѣнь луны охватитъ часть бомбейскаго президентства, провинціи Гидерабадъ, Бераръ, часть центральной Индіи, Бенгаліи и сѣверо-западныхъ провинцій. Длина этого пространства поперегъ Индіи равняется, приблизительно, 1.600 километрамъ, ширина же почти 80. Продолжительность времени полнаго затменія по центральной линіи будетъ равняться — 2′10″ для Бомбейскаго берега и 1′40″ для сѣверо-восточнаго. Несмотря на такую громадную площадь, которую охватитъ затменіе, наблюдать его будетъ не очень легко, въ виду того, что Индія все же еще далеко не Европа. Организуется много научныхъ экспедицій для наблюденія этого солнечнаго затменія. Оффиціальная англійская экспедиція подъ управленіемъ королевскаго астронома *Christie* будетъ располагать фотогеліографомъ Томсона, позволяющимъ получить изображеніе солнца въ 10 сантиметр. діаметровъ. У другихъ англійскихъ экспедицій фотографическіе снимки не будутъ достигать такихъ размѣровъ. Американская обсерваторія Лика тоже приметъ участіе въ наблюденіи январьскаго солнечнаго затменія. Вообще наблюденія будутъ, главнымъ образомъ, фотографическія и спектроскопическія. Указанія относительно маршрутовъ и различныхъ льготъ, которыя будутъ предоставлены индійскимъ правительствомъ, пароходными и желѣзнодорожными компаніями для лицъ, желающихъ наблюдать это затменіе, можно получить въ правленіи общества «Asiatic Socity of Bengal» (57, Park Street; Калькута).

2) *Изъ планетнаго міра.* Несмотря на относительную близость къ намъ нашихъ міровыхъ собратьевъ-планетъ, все же ихъ строеніе остается еще до сихъ поръ далеко неизвѣстнымъ даже въ общихъ чертахъ; не мудрено поэтому, что и въ этой области астрономіи открытія слѣдуютъ за открытіями. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. *Sckaeberle*, астрономъ обсерваторіи Лика, открылъ, что среднее кольцо,

окружающее планету Сатурнъ, въ свою очередь, дѣлится на двѣ части, хотя и не по всей окружности; размѣры этой, если можно такъ выразиться, круговой трещины, приблизительно, такіе же, какъ и «трещина» Кассини. Ученый, открывшій это новое раздѣленіе кольца Сатурна, не думаетъ, чтобы здѣсь совершенно отсутствовала космическая матерія, но рѣшить этотъ вопросъ болѣе опредѣленно пока еще трудно, такъ какъ вещество, заполняющее это пространство, такъ хорошо отражаетъ свѣтовые лучи, что его трудно отличить отъ окружающихъ его блестящихъ частей кольца. Нужно надѣяться, что громадные телескопы Америки все же разрѣшатъ эту загадку.

Меркурій. О болѣе близкомъ намъ *Меркуріи* мы получили недавно, благодаря наблюденіямъ *Ловеля*, съ помощью экваторіала, увеличивающаго въ 300 разъ, крайне интересныя свѣдѣнія. При этомъ увеличеніи гористая поверхность Меркурія представляется какъ бы разрисованной прямыми и кривыми линіями; блескъ его слабѣе блеска Венеры и уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается видимая часть. Мы можемъ иногда надблюдать $^5/_8$ его поверхности). Г. Ловель думаетъ, что Меркурій ли шенъ атмосферы *), а слѣдовательно и воды, и г. Ловель думаетъ, что многочисленныя горы Меркурія сложены такъ же, какъ и лунныя, твердыми, сухими и нористыми породами.

Три новыхъ астероида. Въ 1801 году, въ пространствѣ между Марсомъ и Юпитеромъ, былъ открытъ первый *астероидъ*—Церера, маленькая планета; черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1807), къ нимъ прибавлено было еще 3, но число это не увеличивалось вплоть до 1845, когда Генеке открылъ Гебу и Астрею; въ скоромъ времени Гольдшмидтъ прибавилъ къ нимъ еще 5 астероидовъ. Въ послѣдніе года, благодаря трудамъ многихъ астрономовъ (особенно г. Петерса), число извѣстныхъ намъ астероидовъ (или планетоидовъ) перевалило уже за 300. Съ 1890 по 1895 г. каждый годъ открывалось не менѣе 20 новыхъ планетоидовъ, но въ 1897 открыто всего три г. *Шарлуа*, астрономомъ обсерваторіи въ Ниццѣ, да и то еще ученые не вполнѣ увѣрены, не совпадаютъ ли эти «новички» съ открытыми уже планетоидами. Видимо, мы дошли до границы, либо, силы нашихъ инструментовъ, либо дѣйствительнаго числа астероидовъ.

Новая звѣзда въ туманности Оріона. 3) Отъ нашего «маленькаго» планетнаго міра перейдемъ къ безконечному звѣздному пространству — въ немъ тоже сдѣлано за это время нѣсколько интересныхъ открытій. Во-первыхъ, найдена новая звѣзда въ южной части туманности Оріона. Какъ и всегда за послѣднее время, открытіе сдѣлано благодаря фотографіи, однимъ изъ астрономовъ минезотскаго университета (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты). Новая звѣзда принадлежитъ, вѣроятно, къ звѣздамъ 11-го порядка.

Новая комета. За послѣднее десятилѣтіе мы какъ-то привыкли, что астрономическія «новинки», въ видѣ открытій новыхъ небесныхъ тѣлъ, намъ преподносятъ, главнымъ образомъ, американцы, да оно и понятно,—у нихъ наиболѣе сильные телескопы.

Первую новую комету въ текущемъ году открылъ американецъ *Перрейнъ*, одинъ изъ астрономовъ Ликовской обсерваторіи; ему же удалось 16 октября (нов. стиля) сего года открыть въ 23° отъ сѣвернаго полюса еще одну. Эта комета, по мнѣнію ея крестнаго отца, «хвостатая». Такъ какъ она удаляется отъ солнца, то, вѣроятно, не будетъ видима простымъ глазомъ.

Метеорологія. 1) *Изслѣдованіе высокихъ слоевъ нашей атмосферы.* Вниманіе метеорологовъ обращено въ настоящее время, можетъ быть, больше, чѣмъ на что бы то ни было, на тучи. Главныя усилія направлены теперь на то чтобы опредѣлить высоту различныхъ типовъ тучъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ

*) Это мнѣніе противорѣчитъ мнѣнію прежнихъ наблюдателей, предполагавшихъ, что атмосфера этой планеты весьма плотна и, подобно земной, богата облаками.

Клевеландъ Аббе предложилъ очень интересный способъ для опредѣленія высоты тучъ вообще и типа *stratus* въ частности. Способъ состоитъ въ томъ, что отбрасываютъ на тучи вертикальный пучекъ свѣта и наблюдать получившуюся освѣщенную часть съ ближайшей станціи; затѣмъ высота тучъ опредѣляется очень простымъ вычисленіемъ. Г. *Аббе* недавно снова вернулся къ этому предмету и указалъ, что при помощи тѣхъ мощныхъ источниковъ свѣта, которыми мы теперь владѣемъ, можно примѣнить этотъ способъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ констатировать присутствіе и развитіе тумановъ. Былъ опубликованъ опытъ надъ опредѣленіемъ высоты тучъ на горѣ *Лоу* и у *Пазадена*. Гора *Лоу* находится почти въ 24 километрахъ къ сѣв.-сѣв.-вост. отъ *Лосъ-Анжелосъ* и почти въ 10 километрахъ отъ *Пазадена*. Когда свѣтовой пучекъ падаетъ на тучи и дѣлаетъ ихъ блестящими, то съ замѣчательною ясностью вырисовываются всѣ ихъ особенности. Когда же такой самый пучекъ свѣта встрѣчаетъ падающій дождь, то появляется свѣтлый конусъ, подобный массѣ расплавленнаго металла.

Интереснымъ новымъ способомъ изученія высокихъ слоевъ нашей атмосферы является спускъ привязанныхъ аэростатовъ, снабженныхъ различными приборами съ саморегистрирующими приспособленіями. Этотъ способъ ревностно пропагандировалъ *Л. Ретшъ*, директоръ одной изъ сѣвероамериканскихъ обсерваторій. 19-го сентября (нов. ст.) былъ спущенъ такой аэростатъ и достигъ наибольшей высоты, какая только была осуществлена до сихъ поръ такими привязными баллонами. Спущенный около полудня этотъ аэростатъ оставался въ воздухѣ до 7 часовъ вечера, при чемъ въ теченіе первыхъ пяти часовъ его высота надъ обсерваторіей достигала 1.500 метровъ, но послѣ 4-хъ часовъ дня онъ поднялся до 2.860 метровъ; на этой высотѣ была зарегистрирована температура 3°3 Цельсія, въ то время на землѣ температура достигала 17°2. Такимъ образомъ, среднее паденіе температуры было 1° на 200 метровъ, величина нѣсколько меньшая обыкновенной. Относительная влажность внизу была 60%, но она быстро росла по мѣрѣ поднятія аэростата до высоты 1.200 метровъ, высоты, на которой обыкновенно держатся облака «cumulus»; затѣмъ падала, но вскорѣ снова поднималась до точки насыщенія на высотѣ 2.000 метровъ; когда же аэростатъ поднялся еще выше, то влажность быстро упала до 20%. Во все время поднятія небо было совершенно ясно; на землѣ дулъ южный вѣтеръ, а въ высокихъ слояхъ атмосферы господствовало теченіе съ запада. Можно ожидать блестящихъ результатовъ для метеорологіи съ введеніемъ во всеобщее употребленіе этихъ привязныхъ аэростатовъ.

2) *Скоростъ вѣтра.* Послѣ тучъ вѣтеръ занимаетъ метеорологовъ больше всего. Недавно появилась очень обстоятельная работа *Гельмана*—плодъ десятилѣтнихъ изслѣдованій, о зависимости скорости вѣтра отъ различныхъ причинъ; приведемъ здѣсь главнѣйшія выводы автора.

а) Скорость вѣтра увеличивается съ широтою и уменьшаются по направленію отъ берега внутрь страны.

б) Годовой максимумъ для большихъ широтъ и для береговъ, подверженныхъ вѣтрамъ, приходится на зимы, тогда какъ внутри континентовъ этотъ максимумъ между мартомъ и іюлемъ.

в) Періодъ максимальной скорости совпадаетъ, обыкновенно, съ періодомъ бурь.

г) Минимальная скорость вѣтра для внутреннихъ странъ наблюдается, обыкновенно, въ августѣ и сентябрѣ (максимумъ у нихъ, обыкновенно, весной), тогда какъ для береговыхъ станцій, съ зимнимъ максимумомъ, минимумъ бываетъ или въ іюнѣ, или въ іюлѣ.

д) Амплитуда годового періода больше на берегу, чѣмъ внутри страны; наибольшей величины она достигаетъ въ областяхъ, подверженныхъ періодическимъ вѣтрамъ и муссонамъ.

3) *Атмосферное электричество.* Откуда берется атмосферное электричество?—вотъ вопросъ, который уже въ теченіе многихъ десятилѣтій различные ученые рѣшаютъ различнѣйшимъ образомъ; укажемъ еще на новое объясненіе. Извѣстный французскій физикъ *Марсель Брилуэнъ* сдѣлалъ докладъ на С.-Этьенскомъ конгрессѣ «Французской ассоціаціи для развитія естественныхъ наукъ», въ которомъ доказывалъ, что атмосферное электричество развивается благодаря, главнымъ образомъ, дѣйствію ультрафіолетовыхъ лучей солнца на ледяныя иглы облаковъ «cirrus», но есть и другія причины, хотя и не имѣющія такого значенія, по мнѣнію докладчика,—это перемѣщеніе высокихъ слоевъ атмосферы, по отношенію къ землѣ-магниту, а также разсыпаніе въ пыль капель дождя, ударяющихся о какое-нибудь препятствіе.

Вопросъ этотъ настолько сложный, что мы не можемъ здѣсь останавливаться ни на деталяхъ доклада г-на Брилуэна, ни на критикѣ, и перейдемъ къ интереснымъ работамъ берлинскаго ученаго *Розенбаха* о связи между атмосфернымъ давленіемъ и молніей. Уже давно было извѣстно, что существуетъ какая-то связь между молніей и измѣненіемъ атмосфернаго давленія; интересно было выяснить характеръ этой связи. Для выясненія этого вопроса Розенбахъ произвелъ рядъ изслѣдованій съ такъ-называемымъ *варіометромъ* фонъ-*Гефнера-Альтенека*,—приборомъ, позволяющимъ констатировать самыя незначительныя и крайне быстрыя измѣненія воздушнаго давленія. Когда нѣтъ усложняющихъ явленій, напр., дождя, или неправильныхъ порывовъ вѣтра, то всегда передъ сильной молніей наблюдаются значительныя измѣненія давленія. Именно непосредственно *передъ* молніей, или же въ самый моментъ ея констатируется пониженіе давленія, значитъ разрѣженіе воздуха. Но г. Розенбахъ не удовольствовался наблюденіями и поставилъ рядъ опытовъ съ цѣлью выяснить, не вызовутъ ли разряды электрической машины уменьшеніе давленія въ окружающемъ воздухѣ. Явленія были тѣ же, какъ и при наблюденіяхъ надъ естественной молніей, и авторъ пришелъ къ выводу, что ни молніи нельзя считать причиной констатированнаго пониженія давленія, ни пониженіе давленія—причиной молніи (часто пониженіе давленія весьма значительное, а молніи все же нѣтъ) и что приходится допустить, что общей причиной обоихъ явленій — и молніи, и пониженія атмосфернаго давленія—являются значительныя колебанія электрическаго потенціала нашей атмосферы.

4) *Содержаніе углекислоты въ воздухѣ.* За послѣднее время появляются попытки и измѣняющійся (въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ, конечно) составъ воздуха поставить въ связь съ атмосферными явленіями. Недавно въ нѣмецкомъ химическомъ журналѣ появилось сообщеніе англійскаго химика *С. Вильямса* о содержаніи углекислаго газа въ воздухѣ Шеффильда. Среднее изъ 142 анализовъ воздуха, взятаго изъ различныхъ предмѣстій Шеффильда, равняется 3.266 частямъ CO_2 на 10.000 частей воздуха, причемъ максимумъ достигалъ 5,14 и минимумъ 2,16; въ воздухѣ, взятомъ изъ центральной части города, среднее изъ 22 анализовъ было 3,9, цифра, превышающая соотвѣтствующія—Парижа (2,85), Дьеппа (2,94) и Одессы (3,04), но ниже содержанія углекислаго газа въ воздухѣ Дунде (3,9). Вильямсъ нашелъ, что туманъ и снѣгъ увеличиваютъ количество углекислаго газа въ атмосферѣ, но дождь не оказываетъ никакого вліянія. Максимальное процентное содержаніе приходится на январь, затѣмъ идетъ постепенное паденіе до апрѣля. Авторъ замѣтилъ также, что процентъ содержанія углекислаго газа въ воздухѣ уменьшается по мѣрѣ возвышенія температуры, что можно объяснить болѣе сильнымъ процессомъ окисленія, а, слѣдовательно, и выдѣленія углекислаго газа, во время холодовъ; высокое атмосферное давленіе связано съ увеличеніемъ содержанія углекислоты въ воздухѣ, и наоборотъ.

Химія. *Сжиженіе фтора.* Въ одномъ изъ октябрьскихъ засѣданій Парижской академіи наукъ г.г. Муассанъ и Деваръ сообщили результаты своихъ изслѣдованій надъ сжиженіемъ фтора. Этотъ газъ легко сжижается при температурѣ «вскипанія» атмосфернаго воздуха (т.-е. при температурѣ, при которой жидкій воздухъ переходитъ снова въ газообразное состояніе). Точка кипѣнія жидкаго фтора—187°. Жидкій фторъ растворимъ въ жидкомъ кислородѣ и воздухѣ во всевозможныхъ отношеніяхъ. Перевести жидкій фторъ въ твердое состояніе не удалось даже при —210°. Плотность жидкаго фтра=1,14, капиллярность меньше, чѣмъ жидкаго кислорода. При t —210° жидкій фторъ не реагируетъ на сухой кислородъ, воду и ртуть, но дѣйствуетъ еще на водородъ и на терпентинъ.

Геологія. 1) *Землетрясеніе въ Индіи. Вліяніе луны на землетрясенія.* Въ настоящее время, благодаря предварительному отчету директора индійскаго геологическаго комитета *Ольдама*, можно уже составить себѣ довольно ясное представленіе объ ужасномъ землетрясеніи, разразившемся въ Индіи 12 іюня (нов. стиля) этого года. 12-го іюня, въ 5 часовъ послѣ полудня, Калькутта была потрясена, небывалымъ еще здѣсь, землетрясеніемъ; множество домовъ разрушено, сотни жителей лишены крова. Но вскорѣ узнали, что другія мѣстности Индіи подверглись еще болѣе сильному опустошенію. Телеграфныя и желѣзнодорожныя сообщенія были прерваны на нѣсколько дней и когда, наконецъ, прибыли запоздалыя новости, то стало ясно, что землетрясеніе 12-го іюня по силѣ и распространенію можетъ соперничать съ знаменитымъ Лиссабонскимъ. Тотчасъ же съ лихорадочной быстротой геологи и администрація Индіи начали собирать всевозможныя справки изъ различнѣйшихъ мѣстъ, подвергшихся дѣйствію землетрясенія 12 іюня. Геологическій комитетъ не могъ еще разобраться вполнѣ въ громадномъ количествѣ собранныхъ свѣдѣній и даетъ пока слѣдующія предварительныя сообщенія. Землетрясеніе охватило громадную площадь. Мы не станемъ здѣсь давать точныя географическія опредѣленія этой мѣстности, скажемъ только, что площадь охватываетъ 24 градуса долготы и 16 градусовъ широты, слѣдовательно, равняется 1.275.000 квадратныхъ миль. Площадь разрушенія тоже очень велика: отъ Дартелинга, Монгира и Калькуты на западѣ, до Жората на востокѣ дома опустошены и часто совсѣмъ разрушены; но наибольшаго дѣйствія разрушительная сила достигла въ Шилонгъ, Шерапунжи и Тейрѣ. Въ области Шилонгъ не осталось камня на камнѣ; всѣ каменныя постройки разрушены, стѣны не перевернуты, а разбиты въ куски, фундаменты тоже. Оказалось, что матеріалъ построекъ вліялъ на степень разрушенія; такъ, у одного отеля весь центральный каменный корпусъ разрушенъ совершенно, деревянныя же боковыя пристройки, хотя и потерпѣли поврежденія, но все же остались на мѣстѣ. На основаніи нѣкоторыхъ сейсмометрическихъ данныхъ можно вычислить, что сила сотрясенія въ Шилонгъ, была, по крайней мѣрѣ, равна колебанію въ 40 сантиметровъ, повторившемуся 60 разъ въ минуту. Повсюду въ аллювіальной равнинѣ между Пурнеа и Жоратъ наблюдались трещины въ землѣ и какъ бы взрывы песка, который засыпалъ дренежные каналы и колодцы. Подземный толчокъ распространялся со страшной скоростью, приблизительно, 3.000 метровъ въ секунду. Но пока нужно считать эту цифру только весьма приблизительной, такъ какъ громадный собранный уже матеріалъ наблюденій далеко еще не обработанъ. Кромѣ той центральной, такъ сказать, области, гдѣ землетрясеніе ощущалось непосредственно, болѣе незамѣтные толчки констатированы при помощи сейсмометровъ, въ Бомбеѣ и даже во многихъ пунктахъ Европы, напр., въ слѣдующихъ обсерваторіяхъ: Рокка-ди-Папа (около Рима), недалеко отъ Неаполя, въ падуанскомъ университетѣ и въ Эдинбургѣ. По кривымъ, представленнымъ Эдинбургской обсерваторіей видно, что эти слабыя, едва замѣтныя даже при помощи приборовъ колебанія начались 11-го іюня, въ 11 час. 7 м. вечера (по Гринвичу); но вдругъ они смѣнились очень сильными (для сейсмометровъ)

сотрясеніями, которые и продолжались, слабѣя въ интензивности до 12 ч. 33 м. ночи. Въ Ровка-ди-Папа наиболѣе сильные колебанія были зарегистрированы въ 12 ч. ночи (по Гринвичу). Въ Падуѣ колебанія начались 11 ч. 27 м. вечера (Гринв.) и продолжались до 11 ч. 35 м., когда были поглощены болѣе медленными, но болѣе широкими колебаніями, которыя отдѣлялись другъ отъ друга промежуткомъ покоя. Вообще можно допустить, что почва Италіи была въ теченіе 4-хъ часовъ потрясаема довольно сильными (для приборовъ) колебаніями, Англія и Франція (хотя въ послѣдней и не было сдѣлано никакихъ наблюденій) тоже, а между тѣмъ нигдѣ эти сотрясенія не были ощущаемы людьми непосредственно.

Приблизительно можно дать слѣдующія цифры: подземный толчокъ распространился поперекъ Индостана—отъ Мадраса до Калькутты въ теченіе 6 минутъ, и достигъ Эдинбурга черезъ $1^1/_2$ часа.

Такъ какъ имѣются гипотезы, которыя, какъ читатель увидитъ ниже, связываютъ землетрясенія съ движеніемъ луны, то укажемъ, что во время индостанскаго землетрясенія луна еще не достигла полнолунія и что она пересѣкла меридіанъ около 9 часовъ.

Гипотезу вліянія луны на землетрясенія вновь выдвигаетъ г. *М. Кнottъ* въ «Proccedings of the Royal Society» (LX. 1897). Этотъ ученый пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: а) Установлено, что колебанія земли въ Японіи подвержены періодичности, стоящей въ связи съ луннымъ днемъ, б) Половина лунныхъ сутокъ имѣетъ ясное вліяніе какъ на напряженность землетрясеній, такъ и на ихъ правильность. в) Вѣроятно, морскіе приливы не имѣютъ прямого вліянія на землетрясенія. г) Слѣдовательно, вліяніе луны прямое. д) Въ сейсмическихъ явленіяхъ наблюдается періодъ въ 15 дней. е) Вѣроятно существуетъ отношеніе между разстояніями луны отъ земли и частотою землетрясеній; максимумъ почти совпадаетъ съ перигеліемъ. Эти выводы сдѣланы на основаніи изученій 1.000 землетрясеній, наблюдавшихся въ теченіи 8 лѣтъ.

2) *Геотермическій градусъ.* Какъ для практическихъ цѣлей (напр., для проложенія туннелей), такъ и для чисто теоретическихъ соображеній о состояніи ядра нашей планеты, необходимо знать, съ какой быстротой повышается температура земной коры при углубленіи внутрь ея. Это повышеніе въ различныхъ мѣстахъ земли различно. Геотермическимъ градусомъ называютъ число метровъ, на которое надо углубиться въ земную кору въ данномъ мѣстѣ, чтобы получилось повышеніе температуры на 1° Цельсія. Этотъ геотермическій градусъ мѣняется не только съ мѣстностью, но и съ глубиной данной мѣстности. Геотермическій градусъ опредѣляется при искусственныхъ выемкахъ земли—при буреніи глубокихъ колодцевъ, при прокладкѣ туннелей и т. п. Недавно было произведено два очень глубокихъ буренія: одно въ Парушовитцъ, близъ Рибника (Силезія), другое—въ Сѣв. Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Парушовитцъ буреніе достигло 2.004,34 метра, когда буръ сломался. Во время работъ было сдѣлано 384 измѣренія температуры, но температурныя измѣненія были настолько неправильны, что часто не обнаруживали даже увеличенія температуры съ глубиной. На глубинѣ 2.004,34 метра геотермическій градусъ былъ 34,14 метра.

Въ Америкѣ новый колодецъ достигъ глубины 1.620 метровъ. На глубинѣ 705 метр. температура была 25,5°, на глубинѣ 1.500 метр.—49,4°, на днѣ же колодца, вѣроятно, достигала 53°. Эти цифры близки къ тѣмъ, которыя были получены при буреніи колодцевъ въ Западной Виргиніи.

3) *Источникъ углекислаго газа.* Въ Лангедокѣ, почти въ центрѣ громадной равнины, которая тянется отъ береговъ Роны до Сетты, въ мѣстечкѣ, называющемся «Bouillens», давно уже, со временъ римскаго владычества, существуетъ прудъ, на поверхности котораго безпрестанно выдѣляются пузыри

углекислаго газа замѣчательной чистоты. Какъ показали анализы, въ немъ въ 6 разъ меньше постороннихъ примѣсей, чѣмъ въ газѣ, которымъ насыщаютъ такъ-называемую сельтерскую воду. Газъ выдѣляется черезъ лучистую разсѣлину въ Травертино, служащемъ подпочвой данной мѣстности. Индустрія воспользовалась уже этимъ летучимъ даромъ Божіимъ и углекислый газъ, вмѣсто того, чтобы разсѣяваться даромъ въ пространствѣ, вгоняется теперь въ бутылки и превращаетъ бѣлое вино въ «шипучку», а простую воду—въ сельтерскую; такъ какъ источникъ выдѣляетъ довольно солидное количество углекислаго газа—около 1.000 килограммовъ въ день, то такихъ бутылокъ можно приготовить 300.000 въ сутки.

Прежде объясняли образованіе углекислаго газа въ земной корѣ дѣйствіемъ сѣрной кислоты, происходящей изъ пиритовъ (сѣрнистое желѣзо), на известняки, но г. Леватъ справедливо говоритъ, что такое громадное и интензивное выдѣленіе газа на такомъ сравнительно незначительномъ пространствѣ, указываетъ, что этой причины, по крайней мѣрѣ, недостаточно, что эта углекислота, вѣроятно, путешествуютъ изъ очень далекихъ мѣстъ, изъ какихъ-нибудь глубокихъ пустотъ въ земной корѣ; во время этого далекаго путешествія потокъ углекислаго газа не разъ профильтровывался и черезъ водные бассейны и такимъ образомъ очистился отъ различныхъ примѣсей, напр., отъ сѣрной кислоты и сѣрнистаго водорода.

Біологія. 1) *Насѣкомыя и цвѣты.* Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что со временъ Дарвина большинство естествоиспытателей видитъ причину окраски и причудливыхъ формъ окраски во взаимодѣйствіи растеній и насѣкомыхъ. Иногда это взаимодѣйствіе такъ рѣзко выражено, извѣстное растеніе такъ тѣсно связано съ жизнью извѣстнаго насѣкомаго, что эту связь можно, дѣйствительно, назвать *симбіозомъ*, какъ и называетъ г. *Уле* тѣ отношенія, которыя существуютъ между очень распространеннымъ въ Бразиліи растеніемъ *Asclepias curassavica* и бабочкой *Danais euripus*: гдѣ вы видите одно, тамъ можете быть убѣждены, что встрѣтите и другую, и наоборотъ. Гусеница бабочки живетъ на растеніи и бабочка постоянно посѣщаетъ его цвѣты и является главнымъ посредникомъ въ оплодотвореніи ихъ. Когда Asclepias curassavica распространилось изъ Бразиліи и въ другихъ жаркихъ странахъ, то и бабочка послѣдовала за нимъ почти всюду. Нужно прибавить, что и растеніе покровительствуетъ своему другу—окраска ихъ очень походитъ друга на друга и когда бабочка сидитъ на цвѣткѣ Asclepias curassavica, то ее крайне трудно отличить отъ цвѣтка.

Но за послѣднее время нѣкоторые естествоиспытатели начинаютъ сомнѣваться въ той громадной роли, которую, по теоріи Дарвина, играютъ насѣкомыя въ жизни растеній, какъ индивидуальной, такъ и видовой, другіе же ученые вводятъ свои дополненія въ ученіе Дарвина. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ г. *Генслоу*. Онъ признаетъ вліяніе насѣкомыхъ на развитіе формъ и окраску растеній, но не въ силу какихъ-нибудь эстетическихъ предпочтеній (окраски) или же предпочтенія цвѣтовъ, наиболѣе богатыхъ нектаромъ и болѣе доступныхъ, а вслѣдствіе механическаго возбужденія, которое производится насѣкомыми въ растеніяхъ. Насѣкомое давитъ на нижній лепестокъ, онъ удлиняется и это удлиненіе передается, въ силу наслѣдственности, потомству. Насѣкомое прогуливается по внутренней части лепестковъ, его ножки возбуждаютъ тѣ части, къ которымъ прикасаются, въ этихъ мѣстахъ развиваются пигменты и также передаются потомству; насѣкомое зондируетъ своимъ хоботкомъ цвѣтокъ, чтобы добраться до нектара, возбужденіе вызываетъ выдѣленіе сока и перепроизводство его, и т. д.

Гипотеза г. *Генслоу* очень смѣла, чтобы не сказать фантастична, такъ какъ требуетъ отъ растеній слишкомъ быстрыхъ измѣненій. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы она была оригинальна въ основѣ, какъ то кажется съ перваго взгляда,

такъ какъ сводится въ концѣ концовъ на принципы Дарвина: предпочтеніе насѣкомыми того или иного растенія и пользу перекрестнаго опыленія.

Т. Бульманъ и подходитъ къ вопросу съ этой стороны, онъ спрашиваетъ, дѣйствительно ли насѣкомыя оказываютъ предпочтеніе нѣкоторымъ цвѣточнымъ типамъ, дѣйствительно ли полезно перекрестное опыленіе? Въ рѣшеніи перваго вопроса г. *Бульманъ* опирается на свои личныя наблюденія, производимы имъ въ теченіе многихъ лѣтъ надъ пчелами. Дж. Лебоккъ замѣтилъ при своихъ лабораторныхъ изслѣдованіяхъ, что пчелы предпочитаютъ красный и синій цвѣтъ, особенно послѣдній, но г. *Бульманъ* утверждаетъ, что при своихъ наблюденіяхъ надъ пчелами въ природѣ, въ саду, гдѣ имѣются цвѣты всевозможнѣйшихъ цвѣтовъ, совсѣмъ нельзя было замѣтить этого предпочтенія: иные голубые цвѣты пчелы посѣщали часто, другіе же совсѣмъ не посѣщали, вообще пчелами совершенно не руководили какія-нибудь цвѣтныя симпатіи и антипатіи. Не оказывали пчелы предпочтенія и той или иной формы цвѣтка; присутствіе или отсутствіе чашечки тоже не вліяло на нихъ: если чашечка очень стѣсняла ихъ, то они по просту прокалывали ее въ какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ, чтобы достигнуть нектара. Одно можно было замѣтить, что разъ пчела начала свой сборъ съ какого-нибудь растенія, то она охотно придерживается его во все время этой экскурсіи, но все же посѣщаетъ и другія разновидности и даже виды, часто совершенно противоположные по формѣ и по окраскѣ. Итакъ, у пчелы нѣтъ постоянства, однообразія во вкусахъ и поэтому она должна вліять на растенія не въ сторону расчлененія на разновидности, а скорѣе въ сторону бо̀льшаго однообразія вида. Къ дополненіямъ г. *Генслоу*, *Бульманъ* относится, конечно, критически.—Кто можетъ согласиться съ тѣмъ, спрашиваетъ онъ, что случайные визиты насѣкомыхъ могутъ вызвать возбужденіе, достаточное для того, чтобы тотъ или иной лепестокъ удлинился и чтобы это удлиненіе передалось по наслѣдству, кто видѣлъ это удлиненіе?.. Да, еслибъ оно и было констатировано, почему его нѣтъ у всѣхъ цвѣтовъ, которые посѣщаются растеніями, почему все же существуютъ правильные цвѣты? Нужно искать какихъ-нибудь другихъ причинъ для того, чтобы объяснить появленіе растительныхъ разновидностей, заключаетъ свою смѣлую, но крайне интересную работу г. *Бульманъ*.

2) *Гибриды лягушки.* Крайне интересныя изслѣдованія сдѣланы *Пфлюгеромъ* и *Борномъ* надъ искусственнымъ оплодотвореніемъ яицъ различнѣйшихъ видовъ лягушекъ сперматозоидами другихъ видовъ. Предупредимъ читателя, что на первомъ мѣстѣ у насъ будутъ стоять виды, отъ которыхъ взяты яйца, на второмъ—виды, доставлявшіе сперматозоидовъ.

Bufo vulgaris—Rana fusca: сегментація идетъ до стадіи морула, затѣмъ яйцо умираетъ.

Rana fusca—Bufo vulgaris: ничего, сегментація даже не начинается.

R. fusca—R. esculenta: оплодотворенія не происходитъ.

R. esculenta—R. fusca: сегментація яйца идетъ до стадіи бластула, затѣмъ наступаетъ смерть.

R. fusca—Triton alpestris: легкое измѣненіе яйца, но недостаточное для развитія яйца.

Triton alpestris—R. fusca: ничего.

Rana arvalis—R. fusca. Здѣсь скрещиванье даетъ хорошіе результаты: полное оплодотвореніе, яйцо развивается хорошо, образуются головастики, а затѣмъ и лягушки.

Наоборотъ, *R. fusca—Rana arvalis* не даетъ никакого результата.

Bufo cinerus—B. variabilis: полное оплодотвореніе,—головастики и жабы. А между тѣмъ эти два вида гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ *R. fusca* отъ *Rana arvalis*.

Чему же приписать такое различіе въ результатахъ? Пфлюгеръ думаетъ, что здѣсь играютъ главную роль мужскіе элементы — сперматозоиды: тамъ, гдѣ они похожи на сперматозоидовъ того вида, яйцо котораго мы оплодотворяемъ, тамъ скрещиванье возможно, тамъ же, гдѣ сперматозоиды данныхъ двухъ различныхъ видовъ очень различаются, тамъ оплодотворенія не происходитъ. Но бываютъ случаи, когда большое различіе не исключаетъ возможности скрещиванья, напр., у *Rana arvalis* и *Rana fusca*. Но здѣсь является другая причина: сперматозоиды *R. fusca* имѣютъ головной конецъ крайне тонкій и заостренный, что даетъ ему большія преимущества для проникновенія въ яйцо и, дѣйствительно, этотъ видъ оплодотворяетъ яйца почти всѣхъ видовъ, съ которыми были сдѣланы опыты. Наоборотъ, сперматозоиды съ большой и толстой головой, каковы, напр., сперматозоиды *R. arvalis* и *R. esculenta*, не могутъ войти въ яйца *R. fusca*. Можно думать, что вообще сперматозоиды съ заостренной и тонкой головой, способны оплодотворять почти всѣ яйца, тогда какъ толстоголовые—наоборотъ, только яйца своего вида. Очень можетъ быть, что и для всѣхъ вопросовъ оплодотворенія и безплодія дѣло сведется къ подобному механическому объясненію и эти капитальнѣйшіе вопросы выйдутъ наконецъ изъ тѣхъ туманныхъ дебрей, въ которыхъ, къ сожалѣнію, обрѣтаются еще до сихъ поръ.

3) *Непрерывность растительной протоплазмы.* *Walter Gardiner*, занимавшійся уже въ теченіе многихъ лѣтъ изученіемъ растительной протоплазмы, напечаталъ недавно весьма важную работу о непрерывности протоплазмы въ растеніяхъ. Авторъ приходитъ къ выводу, что протоплазма клѣтокъ растенія не разъединена другъ отъ друга клѣточными оболочками, но что въ послѣднихъ находятся микроскопическія отверстія, черезъ которыя протоплазма сосѣднихъ клѣтокъ и сообщается другъ съ другомъ при помощи тонкихъ плазматическихъ нитей. Такимъ образомъ «тѣло растенія образуетъ нѣчто непрерывное и стѣнки клѣтокъ играютъ вторичную роль». Эти плазматическія нити служатъ «для проведенія раздраженій и для циркуляціи пищи». Если изслѣдованія г. Gardiner'а подтвердятся и дальнѣйшими изслѣдованіями, то нужно ожидать большихъ измѣненій въ нашихъ представленіяхъ о жизни и отправленіяхъ растительнаго организма.

4) *Еще о туберкулезной бациллѣ.* Г. *Ферранъ* представилъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи свои изслѣдованія надъ туберкулезной бациллой; если изслѣдованія эти и выводы автора окажутся правильными, то заколдованная коховская бацилла будетъ, наконецъ, побѣждена. Авторъ утверждаетъ, что ему удалось доказать, что эта бацилла можетъ вести и не паразитный образъ жизни, что она владѣетъ нѣкоторыми свойствами, сближающими ее съ тифозной бациллой. Больше, онъ думаетъ, что измѣненная такимъ образомъ бацилла явится и медицинскимъ средствомъ, будетъ предупреждать и излѣчивать туберкулезъ. Такъ много обѣщаній, и столько пораженій потерпѣли мы уже въ борьбѣ съ этимъ ужаснымъ врагомъ, что, при всей соблазнительности сообщенія *г. Феррана*, оно вызываетъ больше недовѣрія, чѣмъ вѣры. Поживемъ, увидимъ.

Техника. 1) *Окрашиваніе безъ помощи красокъ.* Воспользовавшись явленіями такъ-называемаго поверхностнаго натяженія жидкостей, *Шарль Генри* изобрѣлъ способъ получать *сохраняющіяся* окраски, не прибѣгая къ краскамъ. Различныя эссенціи, имѣющія поверхностныя натяженія болѣе слабыя, чѣмъ вода, отлагаются на ея поверхности въ видѣ тонкихъ пленокъ, переливающихъ всѣми цвѣтами радуги. Если дуть на такую пленку, то каждой высотѣ звука соотвѣтствуетъ особое колебаніе этой пленки, производящее на ея поверхности, такъ сказать, молекулярный пейзажъ. Но эссенціи испаряются быстро и такъ же быстро пропадаютъ эти волшебные пейзажи. Чтобы сохранить ихъ, Ш. Генри

пришло въ голову ввести въ жидкость какое-нибудь вещество, которое, послѣ испаренія жидкости, сохранило бы толщину пленки, а, слѣдовательно, и ея цвѣта. Генри прибѣгъ къ различнымъ резинамъ и смоламъ, не растворимымъ въ данныхъ жидкостяхъ. Оставалось только принять образовавшуюся пленку на какую-нибудь твердую поверхность и закрѣпить ее на ней. Цвѣтъ этихъ поверхностей играетъ большую роль въ «окраскѣ»; если поверхность черная, то окраска получается интензивная, если бѣлая, то нѣжные, промежуточные цвѣта даютъ весьма различные оттѣнки.

Теперь получаютъ такіе «молекулярные пейзажи» и ручнымъ способомъ, и фабричнымъ. Первый состоитъ въ томъ, что глянцовитую, непроницаемую для воды бумагу кладутъ въ особую кювету съ многочисленными кранами по бокамъ, затѣмъ наливаютъ воды, и, принявъ предосторожность, чтобы бумага представляла совершенно ровную поверхность, прибавляютъ нѣсколько капель особой смѣси, которая разстилается по водѣ тонкимъ слоемъ и вскорѣ образуется пленку. На этой пленкѣ, при помощи свистка, или прямо механическаго воздѣйствія, возбуждаютъ волнообразное движеніе; на пленкѣ образуются легкія складки, тогда открываютъ кранъ и медленно сливаютъ воду, пленка осѣдаетъ на бумагу, ее вынимаютъ и уносятъ сушиться. Можно, конечно, осаждать эти пленки не только на бумагу, но и на другія пластинки. На фабричномъ способѣ приготовленія этихъ *ирихромотическихъ* рисунковъ (такъ назвалъ ихъ авторъ) мы не станемъ останавливаться. Благодаря способу г. Генри получаются безконечно разнообразныя окраски, а, слѣдовательно, и безконечно разнообразные рисунки, похожіе на тѣ, которыми морозъ покрываетъ наши стекла, но только рисунки цвѣтные. Этому производству предстоитъ, по всей вѣроятности, широкое развитіе.

2) *Гигантскій телескопъ.* Послѣ двухъ лѣтъ тяжелой работы кончена, наконецъ, шлифовка громаднаго зеркала для телескопа въ вашингтонскій университетъ. Оно получило названіе—«зеркало мамонтъ» и имѣетъ 1,525 метра въ діаметрѣ. Оно еще не посеребряно, но и въ этомъ видѣ даетъ прекрасное изображеніе, напр., отчетливо виденъ волосъ или булавка, находящіеся на разстояніи 300 метровъ отъ зеркала. Отраженное изображеніе принимается въ фокусѣ плоскимъ зеркаломъ, дѣлающимъ 45° съ осью трубы, и отражается въ увеличительную зрительную трубу.

3) *Электричество при приготовленіи дрожжей.* Вѣнскій химикъ *Мюллеръ* предложилъ ввести электричество въ процессъ приготовленія дрожжей, такъ какъ, по его мнѣнію, электрическій токъ опредѣленной силы убиваетъ бактерій кислаго броженія и паразитныхъ. Въ главныхъ чертахъ способъ г. Мюллера состоитъ въ слѣдующемъ: Послѣ осахариванія сусла, его охлаждаютъ до 15—18° Цельсія и подвергаютъ въ то же время дѣйствію тока въ 5 амперовъ; этотъ токъ убиваетъ всѣхъ бактерій и зародыши другихъ низшихъ организмовъ, попавшихъ изъ воздуха или принесенныхъ съ матеріаломъ. Послѣ этого сусло переводятъ въ бакъ, дно котораго занято пластинкой цинка или, еще лучше, алюминія, соединенной съ однимъ изъ полюсовъ источника электричества, тогда какъ второй полюсъ сообщается съ другой пластинкой, находящейся на поверхности жидкости. Материнскія дрожжи, оставшіеся отъ предъидущей подобной операціи тоже подвергаютъ дѣйствію тока, чтобы убить бактерій. Интенсивность этого тока отъ 3 до 7 амперовъ, смотря по тому, какія дрожжи хотятъ получить; нѣкоторыя расы дрожжей оказываются болѣе чувствительными къ дѣйствію электрическаго тока, чѣмъ другія, и убиваются имъ одновременно съ посторонними ферментами. Затѣмъ сѣютъ такимъ образомъ очищенныя дрожжи въ стерилизованное сусло, на которое и во время процесса ферментаціи не перестаютъ дѣйствовать электрическимъ токомъ. По утвержденію г. Мюллера, этимъ способомъ получаются замѣчательно дѣятельныя дрожжи.

4) *Новый способъ сохраненія и перевоза молока.* Способъ г. Casse состоитъ въ слѣдующемъ: приблизительно 1/4 отправляемаго молока замораживается въ видѣ кусковъ въ 10—15 кило; эти куски опускаются въ резервуары съ молокомъ, вмѣстимостью въ 500 литровъ; резервуары закрыты простыми крышками, не герметически; замерзшіе куски плаваютъ по поверхности молока и образуютъ зернистую массу, перемѣшанную съ болѣе или менѣе крупными обломками. Это постепенное таяніе вызываетъ въ молокѣ циркуляцію, которая препятствуетъ образованію сливокъ и позволяетъ сохранить молоко въ теченіе 15 дней безъ всякаго измѣненія. Такимъ образомъ приготовленное молоко можетъ быть отправлено даже въ обыкновенныхъ вагонахъ, но, конечно, во время жаркой погоды резервуары должны быть защищены соломой. Такое молоко можетъ сохраняться еще въ продолженіе многихъ недѣль; его переводятъ только въ круглые пріемники, снабженные мѣдными змѣевиками, черезъ которые пропускаютъ теплую воду; такимъ образомъ, молоко постепенно оттаиваетъ. По разсчету г. Casse, расходъ на замораживаніе и размораживаніе нѣсколько больше одного сантима (0,4 копѣйки). Неизвѣстно, конечно, во сколько обошлась бы эта операція у насъ, въ Россіи.

Научныя экспедиціи. 1) *Новая полярная экспедиція. Вальтеръ Вельманъ,* журналистъ и путешественникъ, только что прибылъ въ Нью-Іоркъ изъ Норвегіи, гдѣ подготовлялъ новую полярную экспедицію. Г. Вельманъ разсчитываетъ отплыть изъ Бергена въ іюнѣ 1898 года къ землѣ Франца-Іосифа, устроить станцію—складъ пищевыхъ продуктовъ и достигнуть мыса Флигелю передъ началомъ зимы. Весной же 1899 г. онъ хочетъ отправиться къ полюсу въ саняхъ, надѣясь сдѣлать на собакахъ 900 километровъ, которые отдѣляютъ мысъ Флигелю отъ полюса.

2) *Нѣмецкая экспедиція въ Тихій океанъ* Въ октябрѣ мѣсяцѣ вернулась, послѣ четырнадцати-мѣсячнаго плаванія, экспедиція, производившая изслѣдованія въ Тихомъ океанѣ, подъ управленіемъ г. *Шаунсфельда,* директора бременскаго естественно-историческаго музея. Экспедиція сдѣлала массу интересныхъ наблюденій и собрала великолѣпныя коллекціи. Особенно интересные результаты дало изученіе почти совсѣмъ неизвѣстнаго до сихъ поръ острова Лайзанъ; прекрасно изучены птицы этого острова, ихъ привычки, всѣ фазы ихъ развитія, собраны сотни птичьихъ кожъ, гнѣздъ, перья, пухъ и т. п. Привезены также прекрасныя петрографическія и этнографическія коллекціи.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Декабрь 1897 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги.* Беллетристика. — Исторія всеобщая.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Естествознаніе.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1897 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.* Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ю. Веселовскій. «Стихотворные переводы». — *Г. Э. Лессингъ.* «Натанъ-Мудрецъ». — *К. Э. Францозъ.* «Сендеръ Глатейзъ».

Юрій Веселовскій. Стихотворные переводы. Выпускъ I. (Гейне. Армянскіе поэты. Ибсенъ). Москва 1898. Ц. 50 к. Имя г. Ю. Веселовскаго уже нѣсколько лѣтъ мелькаетъ въ русской литературѣ, хотя, правду сказать, мы не можемъ припомнить ни одной достойной вниманія страницы, подписанной этимъ именемъ. Мелкія статейки по армянской и французской литературѣ, переводы какихъ-то безцвѣтныхъ армянскихъ стиховъ,—все это не оставило въ насъ никакого яснаго впечатлѣнія, не сообщило намъ ни одного новаго идейнаго представленія. Теперь мы имѣемъ цѣлую книжку *стихотворныхъ переводовъ* этого автора, и она позволяетъ намъ провѣрить наши мимолетныя впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ его поэтическому творчеству. Къ сожалѣнію, названный сборникъ не въ силахъ измѣнить нашего мнѣнія. Послѣ такихъ переводчиковъ, какъ Плещеевъ, Мей, А. Михайловъ, которые при всемъ своемъ мастерствѣ часто терпѣли фіаско въ переводахъ изъ Гейне, слѣдовало бы съ большей осторожностью вступать въ состязаніе съ ними, а особенно не слѣдовало ставить себя въ смѣшное положеніе, конкуррируя съ Лермонтовской *Сосной:* вѣдь должна быть мѣра и самонадѣянности. Такъ, какъ г. Ю. Веселовскій переводитъ Гейне, можетъ переводить всякій, кто вообще пишетъ стихи. Растянутый стихъ, вялый языкъ, часто неуклюжіе обороты не даютъ никакого представленія о непринужденной граціи и геніальной простотѣ оригинала. Приведемъ только одинъ примѣръ, чтобы не быть голословными.

Du bist wie eine Blume
So hold und schön und rein;
Ich schau'dich an, und Wehmut
Schleicht mir ins Herz hinein.
Mir ist, als ob ich die Hände
Aufs Haupt dir legen sollt',
Betend, dass Gott dich erhalte
So rein und schön und hold.

Говорятъ, эти стихи сдѣлались давно народной пѣсней. Можно ручаться, что натянутый, прозаичный переводъ г. Ю. Веселовскаго народной поэзіи не обогатитъ:

Ты, какъ цвѣтокъ, хороша, дорогая,—
Также прекрасна, чиста и нѣжна...
Молча любуюсь тобою,—и часто
Грусти душа моя тайной полна...

Съ радостью,—вѣрь мнѣ, дитя,—свои руки
Я бъ на головку твою возложилъ,
Тихо молясь, чтобъ Господь въ этой жизни
Нѣжной и чистой тебя сохранилъ...

Гдѣ Гейне просто «смотритъ»—переводчикъ «молча любуется», Гейне просто «молится», переводчикъ «тихо молится». Нѣмецкому поэту кажется, что ему «надо положить руки на голову» чистой дѣвушкѣ, а русскій стихотворецъ *увѣряетъ*, что онъ съ радостью бы это сдѣлалъ, какъ будто ему безъ того не повѣрятъ. Въ такомъ родѣ всѣ переводы изъ Гейне: нигдѣ собственно нельзя указать какой-нибудь вопіющей безграмотности, но всюду приличная банальность и традиціонно условная выспренность. За Гейне слѣдуютъ армянскіе поэты. Г. Ю. Веселовскій давно уже имѣетъ очень похвальное намѣреніе познакомить русскую читающую публику съ молодой армянской литературой. Только до сихъ поръ намѣреніе это не имѣло цѣнныхъ послѣдствій. Въ чемъ тутъ вина,—въ молодости ли армянской литературы, или въ неудачномъ выборѣ произведеній, или, наконецъ, въ неудачной передачѣ на русскій языкъ,—пусть судятъ тѣ, которые знаютъ эту литературу въ оригиналѣ. Но на основаніи приводимыхъ въ разсматриваемомъ сборникѣ поэтическихъ образцовъ мы готовы предположить, что неудачный выборъ и плохая передача играютъ бо́льшую роль, чѣмъ молодость армянской поэзіи. Переводчикъ замѣчаетъ въ предисловіи, что онъ «не надѣялся, конечно, дать *полное* понятіе о современной армянской поэзіи, хотя и очень молодой, но все же довольно разнообразной»... его переводы, говоритъ онъ, «знакомятъ не со всѣми дѣятелями и теченіями этой поэзіи. Ему хотѣлось только сдѣлать *первый шагъ*»... Шагъ этотъ сдѣланъ недостаточно осмотрительно, и о «теченіяхъ» армянской лирики мы не получаемъ никакого представленія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ втиснуть въ какое-нибудь теченіе безконечное воспѣваніе красавицы, которая похожа на «бутонъ» розы, и розы, которая напоминаетъ «щечки дѣвы нѣжной», изрѣдка проклятія «пошлому, тщеславному и слѣпому свѣту», неизвѣстно, за что, и борьбу противъ «стараній упорнаго и гибельнаго зла». Такихъ теченій мы и въ русской лирикѣ не знаемъ, куда дѣвать, но, по крайней мѣрѣ, русскіе современные стихотворцы, при скудости идейнаго содержанія, обнаруживаютъ часто много виртуозности въ формѣ. Поэзія «молодой Арменіи» въ передачѣ г. Ю. Веселовскаго одинаково бѣдна мыслью и внѣшней красотой. Иногда даже совсѣмъ нельзя уловить логическую связь, которая необходима вѣдь и въ самой смѣлой поэзіи. Изъ многихъ мы возьмемъ опять только одинъ примѣръ:

Все было тихо... Ночь настала...
А тамъ, въ небесной вышинѣ,
Такъ много яркихъ звѣздъ блистало,
И душу радовало мнѣ...
Въ тиши вдыхалъ я грудью жадной
Цвѣтовъ роскошныхъ ароматъ...
И, освѣженъ росой прохладной,
Дремалъ такъ мирно чудный садъ...
И пѣлъ я съ чистою душою
Всѣ пѣсни скромныя свои...
Я пѣлъ о родинѣ *порою*,
О чувствѣ искренней любви...

Мы не будемъ настаивать на бѣдности и шаблонности поэтической картины ночи, на прозаичности «чувства искренней любви», на плохой риѳмѣ «свои» и «любви», мы хотимъ понять только схему всего стихотворенія. Ночь, звѣды, ароматъ цвѣтовъ, роса вдохновляютъ поэта. Затѣмъ ожидается, что онъ запоетъ пѣсню, вспомнитъ про родину, про любовь. Но нѣтъ,—онъ пропѣлъ всѣ свои скромныя пѣсни, порою, т.-е. съ перерывами пѣлъ онъ о родинѣ, порою о чувствѣ искренней любви... Это ужъ не вдохновеніе, а шарманка. Виноватъ ли тутъ

оригиналъ, или переводъ? Мы не знаемъ, мы думаемъ только, что такихъ произведеній не стоило переводить. Если бы можно было допустить, что г. Ю. Веселовскимъ даны намъ лучшіе образцы армянской лирики, то что же интереснаго она можетъ представить для русскаго читателя? Но допустить это трудно. Нельзя себѣ представить, чтобы армянскій народъ, переживающій, съ одной стороны, такой драматическій моментъ своей исторіи, а съ другой — подъемъ національнаго самосознанія въ лицѣ своей молодой интеллигенціи, не съумѣлъ внушить своимъ поэтамъ болѣе глубокихъ чувствъ, болѣе живыхъ мыслей и болѣе сильныхъ образовъ. Въ заключеніе мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что переводъ пѣсни Орнульфа изъ *Съверныхъ Богатырей* Ибсена сдѣланъ очень недурно. Кромѣ неудачнаго выраженія: «семь бойцовъ отважныхъ мнѣ сынами были» и небольшихъ вольностей въ нѣсколькихъ мѣстахъ, все стихотвореніе удачно воспроизводитъ суровую, энергическую поэзію надгробной пѣсни стараго викинга

Г. Э. Лессингъ. Натанъ-Мудрецъ. Драматическая поэма. Перев. В. С. Лихачева. Съ 34 иллюстраціями. Изд. Гоппе. Спб. 1897. Ц. 2 р. Одновременное появленіе двухъ изданій русскаго перевода «Натана-Мудраго» лучше всего говоритъ о томъ вниманіи, какое это безсмертное произведеніе обращаетъ теперь на себя. Мы думаемъ, что наболѣвшій въ Россіи вопросъ о необходимости вѣротерпимости съигралъ въ данномъ случаѣ вполнѣ опредѣленную роль. Послѣ средневѣкового мрака, навѣяннаго миссіонерскимъ съѣздомъ въ Казани, общество инстинктивно ищетъ свѣжей мысли, дуновенія свѣжаго духа, и гдѣ же болѣе, чѣмъ въ «Натанѣ», можетъ оно найти его? Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это величественное завѣщаніе свободной души и безграничной любви къ бѣдному, заблудшему человѣчеству вылилось изъ-подъ пера Лессинга,—и, кажется, будто теперь только написано оно, будто безсмертный творецъ его хочетъ отвѣтить призывомъ къ добру и правдѣ на слова ненависти и изувѣрства:

«...Подражайте
Отцу въ его любви неподкупной
И чуждой предразсудковъ!—Силу перстня,
Какой кому врученъ, другъ передъ другомъ
Наперерывъ старайтесь обнаружить!
Чтобъ сила эта крѣпла, будьте сами
Скромны, миролюбивы, милосердны
И преданы чистосердечно Богу!»

О глубокомъ значеніи этого произведенія не будемъ распространяться, такъ какъ еще недавно о немъ говорилось у насъ. Новый переводъ г Лихачева не уступаетъ старому переводу г. Крылова. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже лучше, ближе къ подлиннику и изящнѣе, легче читается и языкъ его образнѣе. Видимо, переводчикъ, вполнѣ владѣя формой, вложилъ въ свою работу много любви. Такъ, особенно тщательной отдѣлкой выдѣляются нѣкоторыя мѣста, какъ, напр., разсказъ Натана о трехъ перстняхъ, заключительныя слова котораго приведены выше. Самое изданіе по внѣшности если и уступаетъ изданію г. Маркса, не будучи столь роскошнымъ и богатымъ, тѣмъ не менѣе, прекрасно и по цѣнѣ неизмѣримо доступнѣе большой публикѣ. Рисунки и гравюры по большей части тѣ же, что и въ указанномъ изданіи, кромѣ нѣкоторыхъ, заказанныхъ г. Марксомъ спеціально для своего изданія. По большей части (если не всѣ) они взяты изъ роскошныхъ нѣмецкихъ изданій «Натана Мудраго», который до сихъ поръ у себя на родинѣ является излюбленной книгой, и на изданіе ея нѣмцы не жалѣютъ ни труда, ни денегъ. Лучшіе художники приложили свой талантъ для иллюстраціи «Натана», издатели соперничаютъ въ изяществѣ и дешевизнѣ, чтобы сдѣлать любимаго писателя возможно доступнымъ и пріятнымъ для большой публики. Отъ души желаемъ, чтобы и у насъ Лессингъ дождался такихъ же дешевыхъ и прекрасныхъ изданій.

К. Э. Францозъ. Сендеръ Глатейзъ. Романъ въ пяти книгахъ. Изъ еврейской народной жизни. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к. Имя Францоза не чуждо русскому читателю. Наибольшей популярностью пользуется его романъ «Борьба за право» изъ быта гуцуловъ. Новое произведеніе Францоза написано имъ спеціально для журнала «Восходъ», въ которомъ и печаталось въ 1895 г. Въ предисловіи Францозъ помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ своей автобіографіи, изъ которой мы узнаемъ, что Франмозъ еврей, родившійся въ Россіи. Отецъ его былъ выдающимся по своему времени человѣкомъ. Врачъ по профессіи, онъ страстно боролся за просвѣщеніе той темной и суевѣрной среды, какую въ огромной массѣ представляетъ еврейское населеніе въ «чертѣ осѣдлости». Борьба не дала практическихъ результатовъ. «Этотъ благородный человѣкъ былъ «мечтателемъ»; онъ, правда, понялъ, что отдѣльный человѣкъ не можетъ бороться съ общими предразсудками, тѣмъ не менѣе, не ожесточился, не опустилъ безсильно рукъ, остался вѣренъ чистой дѣятельнуй любви къ человѣку, продолжалъ надѣяться на лучшіе дни». Эту любовь и надежду онъ передалъ и сыну Карлу-Эмилю, которому пришлось пройти черезъ тяжкія испытанія, пока природный талантъ не направилъ его на настоящую дорогу. Въ образованной и гуманной средѣ семьи онъ, еще мальчикомъ, увлекался высокими мечтами отца о преданной любви ко всѣмъ угнетеннымъ и униженнымъ, и рѣшилъ избрать ученую карьеру, стать профессоромъ. Для этого требовалось выхлопотать правительственную стипендію. «Отвѣта мнѣ пришлось, однако, долго ждать. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день меня позвали къ представителю власти, и этотъ добрый человѣкъ съ видимымъ замѣшательствомъ сказалъ мнѣ: «Стипендію вы можете получить, но...» Эти три точки означали отступничество». Это былъ первый ударъ, встрѣтившій талантливаго юношу на порогѣ жизни. Францозъ не сталъ отступникомъ, не отказался отъ «кольца», унаслѣдованнаго отъ предковъ, хотя оно и превратилось для него въ цѣпь, сковавшую его первые шаги. Онъ поступилъ на юридическій факультетъ и сталъ готовиться къ юридической карьерѣ. «Но вдругъ мое еврейское происхожденіе причинило мнѣ новое тяжелое горе. Я полюбилъ. Мнѣ пошелъ тогда всего двадцать второй годъ. Но, тѣмъ не менѣе, ударъ былъ жестокій, когда любимая дѣвушка мнѣ сказала: «Сердце мое надрывается, но вы—еврей...» Опять—отступничество, опять требованіе измѣны вѣрѣ отцовъ. Францозъ былъ слишкомъ гордъ и—устоялъ. Наконецъ, университетъ оконченъ. «Я почувствовалъ, что не могу быть адвокатомъ, судьею я могъ бы быть, но... Читатель догадывается, что и эти три точки означаютъ отступничество. Но я не колебался, когда былъ юношею—тѣмъ менѣе теперь. Однако, надо было жить, и я обратился къ журналистикѣ». Францозъ, такимъ образомъ, силою вещей былъ вынужденъ уйти въ единственную пока область, гдѣ сбылись слова евангелія въ дѣйствительности: «и не будетъ тамъ ни іудея, ни эллина». Выручилъ талантъ, выдвинувшій Францоза въ первые ряды современныхъ писателей и богато вознаградившій за стойкость и вѣрность взглядамъ и убѣжденіямъ. «Какъ видитъ читатель,—говоритъ авторъ,—я вовсе не преднамѣренно сталъ беллетристомъ и въ особенности бытописателемъ гетто; это случилось какъ бы само собой. Прежде всего я подчинился своей художественной наклонности изображать знакомую жизнь. Затѣмъ я хотѣлъ дѣйствовать на пользу моихъ идей, тѣхъ идей, для которыхъ боролись мой отецъ и дѣдъ: я объявилъ войну хасидизму, религіозному суевѣрію, фанатизму, обособленности самихъ евреевъ, но не менѣе энергично—предразсудкамъ христіанъ противъ евреевъ; я старался выяснить, что не одни евреи восточной Европы или, по крайней мѣрѣ, не они одни виноваты въ томъ, что они стоятъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ ихъ западные единовѣрцы. Я резюмировалъ свою мысль въ слѣдующемъ афоризмѣ: всякая страна имѣетъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ».

Новый романъ знаменитаго писателя даетъ широкую бытовую картину именно такого еврейскаго гетто въ юго-восточномъ городкѣ. Герой Сендеръ Глатейзъ — это будущее еврейство, выбивающееся теперь на свѣтъ изъ мрачной и затхлой трущобы хасидизма, религіознаго суевѣрія и фанатизма. Сендеръ—даровитый юноша, съ прирожденнымъ актерскимъ талантомъ, унаслѣдованнымъ отъ отца, нищаго—«шнорера», веселаго разсказчика, странствующаго пѣвца и комедіанта. Сендеръ грудным ребенкомъ еще попадаетъ къ доброй женщинѣ, которая воспитываетъ его, какъ сына, и онъ ничего не знаетъ о своемъ происхожденіи. Судьба талантливаго юноши, его бозсознательное вначалѣ стремленіе къ искусству, борьба съ окружающей тьмой, когда это стремленіе получаетъ вполнѣ опредѣленный характеръ, и смерть на порогѣ въ жизнь свѣта и сознательнаго служенія искусству—такова фабула романа. Главное достоинство его составляетъ описаніе быта евреевъ черты осѣдлости. Русскому читателю эта жизнь совершенно чужда и мало знакома, такъ какъ единственное большое художественное произведеніе изъ этой области, это—«Мейеръ Іозефовичъ» Элизы Ожешко, переведенное на русскій языкъ. Но при всѣхъ достоинствахъ произведенія уважаемой польской писательницы, оно не даетъ полнаго представленія о еврейскомъ гетто Юго-западнаго края. Талантъ г-жи Ожешковой мягкій и поэтическій, и нѣсколько меланхолическій темпераментъ ея не въ состояніи рисовать сжатыми, твердыми штрихами, а отсутствіе юмора лишаетъ ея картины жизненной окраски, примиряющей и смягчающей слишкомъ жесткую правду. Ея Мейеръ слишкомъ идеализированъ, безплотенъ, его стремленія—не отъ міра сего, онъ уходитъ изъ глазъ читателя въ невѣдомую даль, оставляя ощущеніе смутной, неясной фигуры, какъ сонное видѣніе. Такой же отпечатокъ воздушности и поэтичной грезы лежитъ на избранницѣ его сердца, ея дѣдушкѣ, на сочувствующемъ Мейеру юномъ поколѣніи. Даже суровый раввинъ, торжественно изрекающій «херемъ» (проклятіе) на Мейера, мало жизненная фигура. Это скорѣе ветхозавѣтный пророкъ въ обстановкѣ польско-еврейскаго городка.

«Сендеръ Глатейзъ» Францоза свободенъ отъ этихъ недостатковъ Фигура самого Сендера вышла слабѣе другихъ, но онъ очерченъ ясно, во весь ростъ, со всѣми достоинствами и недостатками. Онъ понятенъ съ перваго и до послѣдняго шага, въ его стремленіяхъ нѣтъ ничего смутнаго, неземного, нѣтъ мистически идеальнаго порыва, проникающаго Мейера. Сендеръ—паяцъ, какъ его величаютъ и понимаютъ окружающіе. Для себя самого онъ тоже паяцъ вначалѣ, пока его склонность къ шуткамъ и веселью, способность воплощаться въ знакомыхъ, подражать имъ и передразнивать, не получаетъ опредѣленнаго характера—стремленія къ театру, которое вполнѣ естественно возникаетъ въ немъ, когда онъ видитъ впервые настоящую сцену и настоящихъ актеровъ. Также естественно и понятно развивается борьба съ окружающими, для которыхъ Сендеръ-паяцъ—лицо свое, родное, но Сендеръ-художникъ—нѣчто страшное, беззаконное, гнусное, достойное отверженія и суроваго, безпощаднаго гоненія.

Смерть Сендера, умирающаго отъ чахотки, не нарушаетъ гармоніи. Авторъ представилъ его вполнѣ, дальше явилось бы повтореніе, и если бы авторъ сдѣлалъ его знаменитостью или указалъ бы намъ его шествующимъ по широкой дорогѣ большого свѣта, мы не вынесли бы новыхъ впечатлѣній. Напротивъ, эта смерть гармонично заканчиваетъ книгу побѣдой Сендера надъ мракомъ, и послѣднія слова бѣднаго паяца—«моя жизнь была такъ прекрасна .. такъ чудно хороша» — не кажутся насмѣшкой надъ разбитыми надеждами, а побѣднымъ возгласомъ человѣка, обрѣвшаго свѣтъ и во тьмѣ.

И эта тьма въ изображеніи Францоза рѣзко отличается отъ той, что мы видимъ въ романѣ г-жи Ожешковой. Юморъ оживляетъ каждую фигуру, выводимую авторомъ, дѣлаетъ человѣчной, не лишая типичности. Его персонажи гетто

живутъ и дышатъ, они жестикулируютъ съ неподражаемой живостью еврейскаго темперамента, увлекаются, мечтаютъ, ссорятся, мошенничаютъ, восторгаются, вы слышите въ ихъ рѣчахъ жаргонъ еврейской рѣчи. Языкъ романа, вообще, составляетъ одно изъ лучшихъ его достоинствъ, и читатель, привыкшій знакомиться съ Французомъ въ слабыхъ переводахъ, поражается чистотой и изяществомъ его языка, которымъ Французъ владѣетъ съ рѣдкой свободой и легкостью. Эта свобода чувствуется въ описаніяхъ, въ простомъ и жизненномъ развитіи драмы, въ отсутствіи напыщенности въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ.

Таково это замѣчательное произведеніе еврейскаго писателя, на которое обращаемъ вниманіе русскихъ читателей. Оно неизмѣримо больше и лучше знакомитъ ихъ съ еврейскимъ вопросомъ, чѣмъ злобныя клеветы «неподкупнаго» г. Комарова въ «Свѣтѣ» и издѣвательства нововременской сыщицко-доносительной «литературы». Въ романѣ Француза еврейскій вопросъ развернутъ во всю ширь, читателю остается только вдумчиво всмотрѣться въ эту картину, и тогда въ его сердцѣ, быть можетъ, найдутъ откликъ заключительныя слова предисловія къ роману: «Я знаю, дорогіе мои русскіе братья, какъ вамъ тяжело и почему вамъ тяжело. Я знаю это столь же хорошо, какъ если бы я жилъ среди васъ, потому что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ я говорилъ съ сотнями... нѣтъ, съ тысячами изъ вашихъ земляковъ, проѣзжавшихъ черезъ Берлинъ, покидавшихъ старую родину и искавшихъ новую. И всѣ они говорили одно и то же... Дорогіе друзья, я знаю, знаю... И тѣмъ не менѣе говорю вамъ: пусть они найдутъ счастье въ новомъ отечествѣ, а вы—въ старомъ. Не теряйте мужества, не опускайте рукъ. Я до этого не доживу, не доживете до этого и вы и ни одно изъ ближайшихъ поколѣній, и все-таки: какъ вѣрно, что солнце сіяетъ надъ всѣми нами и что послѣ зимы должна наступить весна, такъ, говорю вамъ, вѣрно и то, что настанетъ день, когда евреи въ Россіи будутъ русскими еврейскаго вѣроисповѣданія, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ согражданъ, кромѣ формы, въ которой они покланяются Богу. Сколько слезъ будетъ пролито до тѣхъ поръ, и, быть можетъ, не однихъ только слезъ! Но тѣмъ не менѣе будьте мужественны, не теряйте надежды!..»

ИСТОРІЯ.

С. Бекъ и *М. Браннъ*. «Еврейская исторія».—*В. М. Грибовскій*. «Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ».

Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Т. II. Западный періодъ. Одесса. 1897. Ц. за оба тома 3 р. 50 к. «Безрадостно проходилъ несчастный сынъ гетто свой жизненный путь, и только горячая вѣра въ Провидѣніе спасала его отъ духовной смерти и заставляла самоотверженно бороться за тѣ историческія начала, во имя которыхъ жилъ и страдалъ еврейскій народъ», говорятъ авторы «Исторіи еврейскаго народа», описывая мрачныя срдневѣковыя гоненія. Эти слова могли бы служить эпиграфомъ къ этой исторіи, представляющей скорѣе мартирологъ, въ которомъ кровавыми буквами занесены дѣянія благороднѣйшихъ борцовъ человѣчества за право свободы мысли и вѣры, съ одной стороны, и грубѣйшаго суевѣрія, невѣжества и нетерпимости—съ другой. Исторія еврейскаго народа ничто иное, какъ борьба этихъ двухъ началъ, и смотря по тому, которое изъ нихъ въ данный періодъ беретъ перевѣсъ, такъ и слагается судьба гонимаго народа. Эпохи свѣтлаго, радостнаго росцвѣта человѣческаго духа въ то же время и эпохи расцвѣта еврейства, которое въ каждой странѣ въ эти

времена выступаетъ во главѣ науки, искусства и общественной жизни. Такъ было, напр., въ періодъ высшаго развитія арабскаго владычества въ Испаніи, гдѣ евреи рука объ руку съ арабами кладутъ начала культуры и науки, возрождаютъ греческую образованность и развиваютъ ее дальше. То же самое мы видимъ въ первый періодъ испанскаго владычества, далѣе во времена Казимира Великаго въ Польшѣ, въ началѣ возрожденія въ Италіи, хотя здѣсь уже слабѣе, такъ какъ гнетъ среднихъ вѣковъ не могъ не отразиться даже на поразительно гибкомъ и стойкомъ духѣ еврейскаго народа. Чтобы понять то отчужденіе отъ другихъ національностей, обособленность, которую ставятъ въ упрекъ евреямъ современные Гаманы, нужно представить себѣ жизнь еврейскаго гетто въ періодъ съ конца XI и до конца XVIII вѣка. На протяженіи восьми вѣковъ эта жизнь сплошной ужасъ. Въ замкнутой, строго оберегаемой оградѣ, представляющей какую-то берлогу, откуда выходъ строго воспрещенъ, на порогѣ которой ждетъ или смерть, или гнуснѣйшее поруганье самыхъ примитивныхъ человѣческихъ чувствъ,—тѣснятся тысячи существъ. Съ пеленокъ каждый уже знаетъ, что для него нѣтъ закона, нѣтъ права, нѣтъ милосердія. Все, что обязательно и освящено религіей по отношенію къ другимъ, имѣетъ обратный смыслъ по отношенію къ нему. Быть добрымъ христіаниномъ значитъ ненавидѣть и преслѣдовать еврея. Быть честнымъ гражданиномъ значитъ грабить еврея. Быть порядочнымъ въ обще-принятомъ смыслѣ человѣкомъ значитъ глумиться еврея. Папы, императоры, отцы церкви, рыцари, представители науки соперничаютъ съ невѣжественной толпой, съ отбросами и подонками общества въ презрѣніи, ненависти и насиліи надъ евреями. Дикіе гонители и насильники возводятся въ святые за травлю евреевъ, какъ, напр., Іоаннъ Капистранъ въ концѣ XV в., который «разъѣзжалъ по городамъ Германіи, Богеміи, Моравіи и Силезіи и вездѣ своими церковными филиппиками возбуждалъ правовѣрныхъ католиковъ противъ евреевъ. Зная, что легче всего возбуждать массу путемъ потоканія ея грубымъ предразсудкамъ, онъ въ своихъ проповѣдяхъ обвинялъ евреевъ въ томъ, что они убиваютъ христіанскихъ младенцевъ и оскверняютъ дары». Этотъ ревнитель вѣры самъ пыталъ обвиняемыхъ и сжегъ въ Бреславлѣ 40 евреевъ. Таковы были «святые»; чего же можно было ждать отъ «грѣшныхъ»? Не было такой нелѣпости, которая по отношенію евреевъ не была бы освящена церковью и наукой и возведена закономъ въ непререкаемый фактъ. Людей жгли и преслѣдовали не за то, что они насильничали, а за то, если они осмѣливались выражать недовѣріе къ нелѣпымъ обвиненіямъ противъ евреевъ.

Не тому приходится удивляться, что гетто наложило на еврейскую массу отпечатокъ отчужденности. Напротивъ, съ изумленіемъ останавливается читатель этой любопытнѣйшей исторіи предъ необычайной живучестью человѣческаго духа въ этой массѣ. Какъ подъ пепломъ, казалось, давно потухшаго костра тлѣютъ подчасъ искры, готовыя разгорѣться при дуновеніи вѣтерка въ яркое пламя, такъ въ гетто искры мысли и стремленія къ свѣту никогда не угасаютъ и при первой возможности пробиваются наружу. Мы не говоримъ о великихъ именахъ, принадлежащихъ не еврейской, а общечеловѣческой исторіи, какъ Борухъ Спиноза, Мендельсонъ, другъ и вдохновитель Лессинга, Гуцковъ и другіе. Насъ останавливаетъ именно темная невѣжественная еврейская масса, которая подъ живительнымъ вліяніемъ гуманныхъ идей XVIII в. начала воскресать къ новой жизни и на всѣхъ поприщахъ западно-европейской цивилизаціи выдвинула сотни виднѣйшихъ борцовъ. Волна антисемитизма, всколыхнувшая общественную жизнь Запада въ концѣ нашего вѣка, дала новое направленіе еврейскимъ стремленіямъ, выразившееся въ сіонистскомъ движеніи, самая характерность котораго свидѣтельствуетъ о живучести еврейства, какъ націи, полной силъ и энергіи. Само по себѣ это движеніе не приведетъ къ намѣченнымъ

результатамъ, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ общимъ стремленіемъ современнаго общества, но сколько нужно вѣры въ свои силы, чтобы послѣ двухъ тысячъ лѣтъ гоненій мечтать о самостоятельномъ царствѣ! Розсматриваемое съ этой точки зрѣнія сіонистское движеніе нашихъ дней одно изъ любопытнѣйшихъ и благороднѣйшихъ явленій.

Второй томъ «Еврейской исторіи» Бека и Бранна доведенъ до конца 80-ыхъ годовъ. Онъ дополненъ исторіей польско-русскихъ евреевъ, составленной г. Дубновымъ очень обстоятельно и добросовѣстно. Изложеніе авторовъ строго объективно и безпристрастно, нигдѣ не замалчиваются и не затушевываются темныя стороны еврейства, а свѣтлыя не превозносятся свыше мѣры. Въ общемъ, это почтенный и полезный трудъ, который можетъ оказать цѣнную услугу русскому читателю, какъ строго-научный источникъ для ознакомленія съ одной изъ самыхъ трагическихъ сторонъ общечеловѣческаго развитія.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. in 8-vo. Стр. 4 + XXII + 412 + 2 Ц. 2 руб. Книга г. Грибовскаго по своему заманчивому заглавію не минуетъ рукъ любознательнаго читателя изъ публики; первобытная легкость, съ какой она написана, дастъ возможность читателю, ищущему научнаго знанія, но мало опытному, одолѣть ее отъ начала до конца. Въ результатѣ—горькое сознаніе зря потраченнаго времени... Этимъ объясняется, почему присяжный рецензентъ обязанъ говорить о ней въ общемъ журналѣ. Но книга г. Грибовскаго интересна и въ другомъ отношеніи: она — опытъ «историко-догматическаго изслѣдованія» на степень магистра государственнаго права, авторъ ея—приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета, который въ предисловіи открыто заявилъ, что назначеніе его труда «не самостоятельное, но служебное», что въ немъ не мало «недочетовъ» (стр. XXI «въ этомъ авторъ нисколько *не* сомнѣвается»), что, издавая ученое изслѣдованіе по византійскому праву, онъ и не думаетъ посвящать себя «нарочитымъ занятіямъ византологіей», а написалъ его «такъ сказать, попутно» и притомъ въ «короткій промежутокъ времени», что цѣль книги—посодѣйствовать «значительному русско-византійскому движенію»... Оригинально, смѣло, а главное, искренно... Попутно, не занимаясь спеціально предметомъ, написать по этому предмету спеціальную работу, невзначай много разъ процитовать съ должнымъ эпитетомъ, полнымъ піетета и преданности, работу декана факультета, какъ бы по ошибкѣ поставить его же во главѣ какого-то «значительнаго русско-византійскаго движенія», распустить въ книгѣ какъ бы въ порывѣ sanctae simplicitatis нѣсколько «благонамѣренныхъ» мыслей, а затѣмъ равнодушно, невзначай схватить ученую степень,—ну какъ послѣ всего этого не согласиться съ авторомъ, что назначеніе его труда—чисто «*служебное*». Остается лишь тайной для читателя: кому или чему такъ усердно служитъ почтенный авторъ?

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, *служить наукѣ* посредствомъ изданія работъ по спеціальнымъ вопросамъ безъ спеціальнаго ихъ изученія? Съ нашей точки зрѣнія подобная политика является показателемъ отрицательнаго отношенія къ служенію наукѣ, и мы готовы вѣрить, что упомянутое выше признаніе автора—просто каламбуръ, готовы утверждать, что и вся его книга—каламбуръ, преостроумно вышутившій нашихъ ученыхъ мужей, принявшихъ его за серьезное изслѣдованіе.

Работа г. Грибовскаго состоитъ изъ предисловія и трехъ раздѣловъ: *общія начала*, *населеніе и власть*. Каждая изъ этихъ частей, подвергнувшись спеціальной, ученой критикѣ, превращается въ чистый листъ бумаги, на которомъ записана превосходная тема для ученой работы, намѣчены пособія, сдѣланы изъ послѣднихъ кое-какія выписки, набросаны нѣкоторыя впечатлѣнія автора; ученаго изслѣдованія, положительныхъ выводовъ—нѣтъ и слѣда, ибо спеціальная

критика, какъ замѣчено выше, удаляетъ въ отставку все, что въ книгѣ исправляло должность сихъ послѣднихъ. Тема, поставленная авторомъ представляетъ несомнѣнный *научный* интересъ и значеніе, заслуживаютъ вниманія и широкая постановка темы и попытка спеціальнымъ экскурсамъ по народу и власти въ Византіи предпослать общія теоретическія соображенія по вопросамъ о государствѣ и правительствѣ. Какъ только начинается практическое осущественіе намѣченной работы, сейчасъ же встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ недоумѣній, упорно преслѣдующихъ читателя до конца книги.

Въ раздѣлѣ (стр. 1 — 140) *общія начала*, состоящемъ изъ трехъ главъ, читателя поражаетъ необыкновенная наивность автора. Двѣ, три книжки и знаменитый Моль вдохнули въ автора смѣлость дать собственное опредѣленіе понятія *государства*, еще двѣ, три книжки и авторъ по своему расправляется съ понятіями объ *эллинизмѣ и романизмѣ*, а въ качествѣ резюме преподноситъ сжатый фактическій разсказъ изъ исторіи Византіи отъ Константина до латинскаго завоеванія: нигдѣ нѣтъ и слѣда работы по источникамъ, зато очень много темныхъ слѣдовъ старой тенденціи, которая гласила, что свѣтъ только съ востока, что западъ сгнилъ, что Россія—наслѣдница Византіи и проч., что сдано въ архивъ, не успѣвъ появиться на свѣтъ. Государство для г. Грибовскаго «загадочное явленіе» (стр. 1), «загадочный незнакомецъ нашего времени» (стр. 7), государство или что одно и то же «общество въ государственномъ состояніи», пишетъ г. Грибовскій (стр. 22), есть «*моментъ* (или: *система*— отр. 35; или: *состояніе*—стр. 280) сложнаго подвижнаго равновѣсія многообразныхъ личныхъ и групповыхъ интересовъ на почвѣ исторически выработаннаго культурно-бытового единства». Обойдясь безъ научной эрудиціи, авторъ въ своемъ опредѣленіи понятія государства—въ пику «формальной школѣ» государственниковъ «въ области *подвѣдомственнаго* ему (sic!) знанія» (стр. 16)— видитъ то главное достоинство, что оно универсально и хронологически, и топографически, т. е. что оно совсѣмъ не приложимо ни къ какому государству. А что же такое культура? спрашиваетъ г. Грибовскій. Культура... это, видите ли, «та или другая выработанная *техника* жизни, имѣющая своимъ назначеніемъ облегчить человѣку его мало обезпеченное пребываніе на земномъ шарѣ. Культура есть только форма, въ которую вливается независящее отъ нея самобытное содержаніе» (стр. V, 15). Таково опредѣленіе понятія культуры, какъ извѣстной житейской техники; оно тѣмъ цѣннѣе, что пережито самимъ авторомъ, человѣкомъ особенно *культурнымъ*, т. е. обладающимъ изумительной техникой провести подъ видомъ ученаго изслѣдованія наборъ фразъ, окрашенный тенденціей и раболѣпствомъ. Послѣднее авторъ возводитъ въ принципъ открыто, когда на стр. 27 пускаетъ въ ходъ слѣдующую тираду: «въ обычныхъ условіяхъ всякій протестъ личности и даже извѣстной суммы ихъ безсиленъ произвести какое бы то ни было измѣненіе въ установившейся системѣ житейскихъ отношеній и всякая попытка таковаго протеста подавляется какъ бы стихійно. Постепенно незыблемость основъ даннаго союза отвлекается въ представленіи его членовъ и создаетъ идею *безплодности борьбы* и необходимости безусловнаго подчиненія ему. Отсюда рождается представленіе о существованіи въ средѣ союза всепоглощающей, всеподчиняющей, неотразимой силы, именуемой государственной властью». Не разъ на пространствѣ 400 страницъ своей книги авторъ вдругъ поражаетъ читателя такими своеобразными фразами и идеями, что послѣдній отказывается вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Что, напр., означаетъ такое замѣчаніе автора: государство есть «сумма всѣхъ юридическихъ нормъ, т. е. само право; такой выводъ, однако, мало говоритъ *сердцу*». При чемъ тутъ сердце (въ другихъ случаяхъ авторъ ссылается на «волю судьбы»)?!

Третій раздѣлъ книги *власть* (стр. 280 — 411), подобно первому, начи-

нается соображеніями высшаго порядка, теорісй. Авторъ даетъ здѣсь совершенно дѣтское изложеніе древнегреческихъ ученій о правительствѣ, доказывая, что и на западѣ государство было *моментъ-система-состояніе* равновѣсія.

Зачѣмъ автору понадобилось самое изложеніе теорій Платона и Аристотеля, къ тому же не изученныхъ имъ основательно, мы рѣшительно не понимаемъ. Развѣ только для того, чтобъ диссертація выглядѣла солиднѣе и толще. Какъ въ первомъ раздѣлѣ авторъ безплодно толковалъ на тему о невозможности раздѣленія общества и государства, понимая этотъ вопросъ крайне узко, такъ здѣсь зря толкуетъ о томъ, что «въ исторіи понятіе правительства обыкновенно сливалось съ понятіемъ правящаго или правящихъ классовъ». «*Въ исторіи*,—категорически сказано въ разбираемой книжкѣ (стр. 283),—правительство и правящіе классы, какъ группы, входили одно въ другое, и управляемымъ нечего было ждать отъ правительствовавшихъ особаго вниманія къ ихъ подавляемымъ интересамъ. *Современное* же *правительство* не заинтересовано въ спеціальныхъ выгодахъ той или другой части населенія». Изъ дальнѣйшаго изложенія совсѣмъ не видно, для чего это сказано нашимъ авторомъ. При характеристикѣ въ томъ же раздѣлѣ теорій византійскаго и римскаго имперіализма, отношенія власти царя и патріарха въ Византіи авторъ впадаетъ въ тѣ неловкости и преувеличенія, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ его взглядами на эллинизмъ, какъ величайшее добро, и романизмъ, какъ величайшее зло. Любовь къ фразѣ и здѣсь его не оставляетъ. «Въ теченіе всей своей долгой жизни,—читаемъ на стр. 295,—римляне, *народъ огня, крови и желѣза*, проводили мысль подчиненія побѣжденныхъ и господства побѣдителей»; или на стр. 295: «населеніе византійскихъ городовъ оказалось мало способнымъ къ безропотному подчиненію выпавшей ему на долю тяжкой доли несенія грѣховъ запада»; или на стр. 307: «нужно помнить, что коронованный пастухъ (т. е. Юстиніанъ) со своей супругой—публичной женщиной (Ѳеодора), вмѣняли себѣ въ особую заслугу усиленное гоненіе всякаго античнаго мудрствованія»; или на стр. 367, послѣ того, какъ авторъ заявилъ, что «византійская монархія по существу своему была даже абсолютнѣе римской» (стр. 328) и что, къ счастью, византійскимъ императорамъ принадлежало «все верховенство въ вопросахъ догмы и церковнаго управленія»: «государственное единство было разбито соглашеніемъ Фотія и Василія Македонянина. Законъ (Эпанагога) создавалъ въ Константинополѣ новаго папу, и въ будущемъ рисовались заманчивыя картины восточной Каноссы съ ея распущенностью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ императорской власти». Четыре сейчасъ приведенныхъ выдержки, помимо массы другихъ, которыя можно было бы привести, даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ оперируетъ нашъ авторъ надъ западной культурой. «Коронованному пастуху», какъ выразился г. Грибовскій, достается отъ него, вѣроятно, за Corpus juris civilis, а Каноссѣ за то, что, какъ выразился недавно одинъ критикъ, «словно авторъ самъ былъ когда-то сыномъ запада, который теперь считаетъ нужнымъ смѣшать съ грязью».

Второй раздѣлъ книги *населеніе* (стр. 141 — 279) производитъ наиболѣе тягостное впечатлѣніе своимъ не въ мѣру элементарнымъ изложеніемъ положенія общественныхъ классовъ въ византійскомъ государствѣ, гдѣ толпа «сказочнымъ образомъ» (стр. 142) превратила гипподромъ въ политическое собраніе. Вообще, надо замѣтить, что случай, доля, воля судьбы, чудесное и сказочное играютъ-таки роль въ историческомъ изложеніи г. Грибовскаго. Во второмъ раздѣлѣ далеко не лишенъ своеобразнаго интереса параграфъ подъ заголовкомъ «*тяготѣніе къ самоопредѣленію*». Вглядываясь въ сѣдую старину, авторъ пытается здѣсь угадать самыя сокровенныя желанія византійскаго населенія. «Мечта коренного населенія византійской имперіи,—говоритъ онъ (стр. 190—191),—заключалась въ томъ, чтобы подъ знаменемъ духовной и тѣлес-

ной свободы всѣ города востока, въ качествѣ полунезависимыхъ самоуправляющихся единицъ, объединялись въ высшемъ союзѣ добровольного подчиненія ихъ представляющему цѣлому. Преданія запада не дали возможности этой идеѣ осуществиться». Вы, можетъ быть, разсчитываете, что авторъ далѣе разовьетъ свою мысль и сдѣлаетъ ее сколько-нибудь осязательной. Ничуть. Авторъ слѣдитъ далѣе за внутреннимъ распаденіемъ византійской имперіи, неудачно разрѣшившей «сложный вопросъ согласованія римской централизаціи съ греческимъ самоуправленіемъ».

Печальную картину представляетъ диссертація г. Грибовскаго, эта никому не нужная и безполезная апологія византійскаго строя въ стилѣ загадочнаго періода русской исторической науки.

Авторъ обнаружилъ много смѣлости, мало эрудиціи, большую способность къ строго, выдержанному тенденціозному изложенію. Конечно, можно быть тенденціознымъ, опираясь на солидные факты или умѣло изображая ихъ солидность, но быть тенденціознымъ безъ фактовъ, переходить въ уродливую каррикатуру— непростительно. Для чего рисовалась каррикатура столь старательно? Неужели для того, чтобы въ концѣ концовъ признаться, что Византія, какъ была для другихъ, такъ и для автора осталась сфинксомъ. Сфинксомъ осталось для автора и самое понятіе *византизмъ*, который у него опредѣляется такимъ наборомъ словъ: византизмъ «это — переработка могучей, сложной средой христіанскаго востока въ него попавшихъ и насильно механически внѣдрившихся римскихъ началъ» *).

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. В. Ивановскій. «Русское государственное право».—*А. Г. Тимофеевъ.* «Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ».—*С. К. Гогель.* «О институтѣ условнаго осужденія».

В. В. Ивановскій. Русское государственное право. Томъ первый. Верховная власть и ея органы. Выпускъ пятый. Мѣстныя установленія окраинъ. Финляндія. Царство Польское. Кавказъ. Туркестанъ. Сибирь. Цѣна 50 коп. Казань. 1897 г. Настоящій пятый выпускъ «Русскаго государственнаго права» ординарнаго профессора казанскаго университета В. В. Ивановскаго, составляя часть курса государственнаго права, представляетъ самостоятельное цѣлое, посвященное изложенію мѣстныхъ установленій нашихъ окраинъ. Наибольшій интересъ имѣетъ отдѣлъ о государственныхъ установленіяхъ Финляндіи. Признавая, что изложеніе государственнаго права Великаго Княжества Финляндскаго могло бы быть сдѣлано самостоятельно и не стоять на ряду съ изложеніемъ мѣстнаго управленія другихъ окраинъ, проф. Ивановскій, тѣмъ не менѣе, включаетъ его въ свой курсъ русскаго государственнаго права, въ виду спорности вопроса о государственномъ положеніи Финляндіи, а также потому, что государственное право Финляндіи оказывается еще вовсе неразработаннымъ.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, что такое Финляндія—конституціонное

---

*) Русская литература по исторіи Византіи, несомнѣнно, черезчуръ нуждается въ новыхъ работахъ *научнаго* характера. Почти нечего рекомендовать для чтенія большой публикѣ. Для первоначальнаго общаго ознакомленія съ предметомъ можно назвать работы *Гериберга*. Исторія Византіи, *Н. Скабалановича*. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, *Ѳ. Успенскаго*. О философскомъ и богословскомъ движеніи въ Византіи (Жур. Мин. Народн. Просв. за 1891 и 1892 гг.), отдѣльныя статьи въ Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ ред. *П. Г. Виноградова*, *В. К. Надлера*. Юстиніанъ и партіи цирка. Жаль, что нѣтъ въ русскомъ переводѣ любопытной книги *A. Rambaud*. L'empire grec au dixième siècle.

государство, состоящее въ уніи съ Россіей, или только область, пользующаяся широкой автономіей, авторъ разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ.

Каждая страна, имѣющая свое особое законодательство и особыя законодательныя учрежденія, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ и особый порядокъ изданія законовъ, является несомнѣнно и особымъ государствомъ. Гдѣ существуютъ два законодательства и двѣ системы законодательныхъ органовъ, тамъ существуютъ двѣ верховныхъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и два особыхъ государства. Мѣстная автономія можетъ быть, конечно, очень широкою, но она не можетъ возвышаться до законодательства, потому что послѣднее есть исключительно функція верховной власти. Защитники финляндской инкорпораціи должны были бы доказать, что въ Финляндіи нѣтъ особаго, отличнаго отъ русскаго, законодательства и что финляндскій ландтагъ есть только органъ самоуправленія, а его постановленія не законы, а только распоряженія подзаконныя. Доказать этого однако нельзя. Равнымъ образомъ, нѣтъ возможности установить и того, что финляндскій сеймъ есть установленіе законосовѣщательное, а не законодательное. На основаніи точнаго смысла § 71 утвержденнаго Императоромъ Александромъ II сеймоваго устава 1869 г. и манифеста Императора Александра III отъ 13 іюня 1886 года, гдѣ дана новая редакція § 51 того же сеймоваго устава, необходимо придти къ тому заключенію, что финляндскій ландтагъ есть органъ верховнаго управленія, не законосовѣщательное учрежденіе, а законодательное собраніе. Если, такимъ образомъ, въ Финляндіи существуютъ особые законодательные органы, то значитъ есть и особое законодательство, значитъ должна быть допущена и особая верховная власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндія должна быть признана и особымъ государствомъ, соединеннымъ съ Россіей личностью Императора.

Разрѣшая, такимъ образомъ, вопросъ, повидимому, въ пользу политическаго бытія Финляндіи, проф. Ивановскій считаетъ все-таки нужнымъ оговориться, что и у сторонниковъ полной инкорпораціи Финляндіи имѣются вѣсскія данныя, такъ что окончательный выводъ автора, какъ видно изъ всего изложенія, состоитъ въ томъ, что нѣтъ никакой возможности примирить два крайнія мнѣнія. Намъ кажется, что недоумѣніе разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Наука государственнаго права на западѣ за послѣдніе годы, въ лицѣ извѣстнаго государствовѣда профессора Георга Іеллинека, выдвигаетъ ученіе о такъ называемомъ «фрагментарномъ государствѣ» (Ueber Staatsfragmente von Georg Iellinek. Heidelberg 1896 г.). Господствующее въ государственной наукѣ воззрѣніе, что между государствомъ съ одной стороны и провинціей или провинціальными союзами съ другой стороны нѣтъ промежуточной ступени, неправильно по мнѣнію Іеллинека. Существуютъ на самомъ дѣлѣ политическія образованія, которыя хотя и подчиняются государству, тѣмъ не менѣе, не окончательно въ немъ исчезаютъ; они не суть вполнѣ государства, но представляютъ собою зародыши государства. Это и есть «фрагментарное государство» (Staatsfragmente). Къ такому типу фрагментарнаго государства Іеллинекъ относитъ наряду съ Канадой, Исландіей, Эльзасъ-Лотарингіей, Кроаціей-Славоніей и др., также Финляндію. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно изложить ученіе о фрагментарномъ государствѣ. Указываемъ поэтому только на то, что такое понятіе въ наукѣ существуетъ, а, слѣдовательно, противорѣчія въ вопросѣ о политической сущности Финляндіи легко устраняются при помощи указанной выше теоріи проф. Г. Іеллинека. Финляндія— не инкорпорированная провинція, а хотя и *фрагментарное*, но все-таки *государство*.

А. Г. Тимофѣевъ, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Практическое руководство. Спб. 1897 года. Цѣна 1 руб. Изданіе автора. Настоящій трудъ г. Тимофѣева представляетъ обработанный курсъ по судебному краснорѣчію,

читанный въ 1896 г. студентамъ с.-петербургскаго университета, и есть опытъ практическаго руководства, содержащаго наиболѣе общіе правила и пріемы техники ораторскаго искусства, дозволяющіе начинающимъ воспользоваться тѣмъ, что было выработано уже извѣстными ораторами. Другими словами, цѣль настоящаго руководства—дать правила и примѣры составленія обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей въ уголовномъ процессѣ. Сначала авторъ излагаетъ правила подготовки судебной рѣчи по содержанію и по формѣ, затѣмъ разсматриваетъ болѣе спеціальные вопросы о такъ называемыхъ частяхъ рѣчи, и наконецъ, дѣлаетъ необходимые общіе выводы.

Въ введеніи г. Тимофѣевъ высказываетъ слѣдующія нелишенныя интереса общія замѣчанія о предварительной работѣ оратора. Широкое общее образованіе составляетъ залогъ успѣха какъ оратора вообще, такъ и судебнаго оратора въ частности. Цѣль рѣчи—произвести впечатлѣніе, увлечь слушателей, завладѣть ихъ вниманіемъ и симпатіей; ораторское искусство безсильно, если ораторъ не въ состояніи дать, благодаря своимъ знаніямъ, дѣйствительно интереснаго содержанія рѣчи, и если его слова не представляются для слушателей результатомъ искренняго глубокаго убѣжденія: ораторъ долженъ быть образованнымъ и честнымъ человѣкомъ, нравственно авторитетнымъ для аудиторіи.

Такъ какъ ораторское искусство каждаго народа имѣетъ свой самостоятельный характеръ, то, составляя руководство для русскихъ судебныхъ ораторовъ, авторъ разбираемой книжки пользовался для иллюстраціи общихъ положеній почти исключительно рѣчами русскихъ судебныхъ ораторовъ, какъ наиболѣе полезнымъ матеріаломъ, подходящимъ къ условіямъ нашего судебнаго краснорѣчія.

Молодые судебные дѣятели съ благодарностью приступятъ къ изученію прекраснаго руководства г. Тимофѣева, пополняющаго весьма существенно пробѣлъ въ нашей литературѣ по судебному краснорѣчію. А многочисленныя выдержки изъ рѣчей нашихъ выдающихся уголовныхъ ораторовъ придаютъ разбираемой книжкѣ также общій интересъ.

С. К. Гогель. О желательности и возможности введенія въ Россіи института условнаго осужденія. Спб. 1897 года. Изъ «Журнала Министерства Юстиціи». Цѣна 40 коп. Сущность института условнаго осужденія заключается въ томъ, что преступника, впервые совершившаго преступленіе, за которое полагается въ видѣ наказанія краткосрочное лишеніе свободы, и на исправленіе котораго судъ можетъ надѣяться,—приговариваютъ къ установленному въ законѣ наказанію, но не приводятъ этого наказанія въ исполненіе. Сдѣлавъ преступнику внушеніе, судъ даетъ ему нѣсколько лѣтъ для испытанія, причемъ при хорошемъ поведеніи, по истеченіи установленнаго срока, преступникъ освобождается совсѣмъ отъ наказанія, при дурномъ—онъ отбываетъ наказаніе и за новое, и за прежнее преступленіе.

Уголовная статистика и тюрьмовѣдѣніе показываютъ, что на значительную часть тюремныхъ обитателей тюремное заключеніе не дѣйствуетъ вовсе, во всякомъ случаѣ не исправляетъ; а такъ какъ рецидивъ все увеличивается, въ нѣкоторыхъ странахъ даже и быстро, то мало-по-малу стало ясно, что одной изъ причинъ рецидива является негодность того средства, которое примѣняется въ борьбѣ съ преступленіемъ, именно тюремнаго заключенія. Извѣстный криминалистъ Dr. Julius Vargha говоритъ, что трудно даже понять, какъ люди могли додуматься до того, чтобы собирать всѣ безнравственные элементы со всей страны въ одно мѣсто и надѣяться такимъ образомъ достигнуть какихъ-нибудь другихъ цѣлей, кромѣ культивированія преступности и обращенія этихъ самыхъ мѣстъ заключенія въ entehrende Kasernen, обезчещивающія казармы. Въ настоящее время сознана открыто и откровенно необходимость установленія новой системы наказанія, въ которой тюрьма занимала бы мѣсто не цѣли-

тельнаго средства отъ всѣхъ болѣзней, какъ теперь, а лишь неизбѣжнаго зла, предѣлы котораго необходимо, по возможности, ограничить.

Одной изъ мѣръ для борьбы съ преступностью въ новой системѣ наказанія и является институтъ условнаго осужденія, имѣющій своею задачею борьбу съ случайнымъ преступникомъ и предназначенный для наказанія такихъ преступниковъ безъ изъятія ихъ изъ среды нормальнаго общества. Родиной условнаго осужденія являются Америка и заатлантическія колоніи Англіи. Затѣмъ оно введено постепенно въ дѣйствующія законодательства Англіи, Бельгіи, Франціи, Норвегіи, Португаліи, Италіи (въ особенной формѣ), въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи, въ Германіи (въ формѣ испрошенія высочайшаго повелѣнія о помилованіи) и предположено къ введенію законопроектами швейцарскаго и австрійскаго уложеній. Россія, по словамъ автора разбираемой брошюры, скоро окажется единственной цивилизованной страной, въ которой нѣтъ условнаго осужденія.

Г. Гогель является убѣжденнымъ и талантливымъ защитникомъ условнаго осужденія. Онъ старается разобрать высказываемыя у насъ противъ этого института возраженія, выяснить самый принципъ, природу условнаго осужденія и, наконецъ, и это главное, обсудить вопросъ о желательсти и возможности введенія этого института у насъ въ Россіи. Институту условнаго осужденія, говоритъ г. Гогель, почему-то у насъ не посчастливилось, въ отношеніи его сложился какой-то предразсудокъ. Спокойно заимствуя, продолжаетъ онъ, изъ западно-европейскихъ законодательствъ различные весьма сложные правовые институты, которые потомъ вполнѣ оправдывали смѣлость заимствовавшихъ и прекрасно прививались на русской почвѣ, мы почему-то питаемъ недовѣріе къ институту условнаго осужденія, смотримъ на него или какъ на проектъ, не провѣренный опытомъ, или какъ на такой институтъ, примѣненіе котораго, можетъ быть и даетъ хорошіе результаты, но лишь при особенныхъ условіяхъ, которыхъ у насъ нѣтъ, видимъ въ немъ одинъ изъ видовъ помилованія, составляющаго неотъемлемую принадлежность верховной власти, и признаемъ, что условное осужденіе есть не болѣе, какъ частичное техническое улучшеніе, которое можно ввести, но безъ котораго можно такъ же легко и обойтись.

Все дальнѣйшее изложеніе представляетъ убѣдительное и краснорѣчивое опроверженіе сложившагося у насъ предубѣжденія относительно условнаго осужденія. Написанная горячо и съ большимъ знаніемъ дѣла, брошюра г. Гогеля имѣетъ несомнѣнный общественный интересъ и можетъ быть рекомендована всѣмъ интересующимся прогрессомъ нашего уголовнаго законодательства.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Гербертъ Спенсеръ. «Основныя начала».—*Рибо.* «Психологія чувствъ».—*Рибо.* «Психологія вниманія».

Гербертъ Спенсеръ. Основныя начала. Спб. 1897 г. Изд. Пантелѣева. Сочиненія Герберта Спенсера. Основанія психологіи. Части I—V. Спб. 1897. Изд. товарищества Сытина. Знаменитый англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ родился въ 1820 г. Въ 1844 г. впервые выступилъ на литературное поприще и до 60-хъ годовъ писалъ на различныя темы по философіи и естествознанію. Въ началѣ 60 хъ годовъ онъ задумалъ написать огромное сочиненіе: «Основы синтетической философіи», и только недавно вышедшій 3-й томъ «Соціологіи» завершилъ собой огромный трудъ—плодъ почти полувѣковой работы. «Основы синтетической философіи» содержатъ «Основныя начала», «Основанія біологіи» (2 т.), «Основанія психологіи» (2 т.), «Основанія со-

ціологіи» (3 т.), и, наконецъ, «Основанія этики» (2 т.). Уже изъ заглавія этихъ трудовъ легко видѣть, что сочиненія Спансера захватываютъ всѣ отрасли человѣческаго познанія. По энциклопедичности своихъ познаній Гербертъ Спенсеръ можетъ быть поставленъ на ряду съ О. Контомъ и даже съ Аристотелемъ и Лейбницемъ. Подобно имъ, онъ обладаетъ той полнотою знаній, какая не обходима для созданія цѣльной философской системы.

Гербертъ Спенсеръ относится къ числу тѣхъ философовъ, которые у насъ пользуются наибольшимъ признаніемъ. Россія была первой страной, въ которой больше всего переводились его сочиненія и гдѣ они читались, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кромѣ Англіи. Это объясняется тѣмъ, что система философіи Спенсера строится на обширномъ научномъ фундаментѣ. Онъ смотритъ на философію, какъ на сводъ научныхъ знаній, какъ на особенный синтезъ ихъ и въ своихъ философскихъ построеніяхъ пользуется такой огромной массой чисто научныхъ данныхъ, что въ нашу эпоху, когда повсюду замѣчается стремленіе къ строго-научнымъ построеніямъ, когда всѣ спекулятивныя построенія подверглись всеобщему осмѣянію, его философія, разумѣется, должна была вызвать всеобщія симпатіи, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ никогда не было своей философіи. Вѣроятно, недостаточная распространенность философіи въ Россіи была также причиной того, что публика не могла точно опредѣлить тотъ типъ философіи, къ которому слѣдуетъ отнести философію Герберта Спенсера. Одни считаютъ его матеріалистомъ и читаютъ его сочиненія сквозь очки ходячаго матеріализма, другіе считаютъ его типичнымъ представителемъ позитивизма вообще и англійскаго позитивизма въ частности, но и то и другое нельзя признать правильнымъ. Что онъ совсѣмъ не матеріалистъ въ обыкновенномъ смыслѣ, читатель можетъ легко убѣдиться, если прочтетъ послѣднія главы его «Основныхъ началъ» и «Основаній психологіи» (часть V). Вѣрнѣе всего было бы считать его пантеистомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы, напр., считаемъ Спинозу. Онъ думалъ, что можно примирить религію и науку. По его мнѣнію, во всѣхъ религіозныхъ системахъ выступаетъ истина, которая сначала лишь смутно предчувствуется, именно, что есть нѣчто вездѣсущее, непостижимое, обнаруженіями котораго служатъ всѣ явленія. Этой основной истинѣ религій идетъ на встрѣчу наука со своимъ познаніемъ, что скрытая за всѣми явленіями реальность должна оставаться постоянно непознаваемою. Такимъ образомъ, всѣ религіи и философскія системы находятся въ согласіи въ томъ отношеніи, что онѣ признаютъ существованіе *абсолюта*. Спенсеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые признаютъ послѣднее.

Гораздо чаще, какъ мы сказали, его причисляютъ къ позитивной школѣ, но вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ нашихъ позитивистовъ, В. В. Лесевичъ: «Говоря объ этихъ писателяхъ (т. е. о представителяхъ позитивизма), мы не имѣемъ въ виду однако же Герберта Спенсера, сопричисляемаго къ позитивной школѣ только по недоразумѣнію. Еще Милль выражалъ удивленіе, встрѣчая со стороны Макъ-Кошa увѣреніе, будто Спенсеръ повиненъ у него въ заимствованіяхъ. Въ настоящее время просто смѣшно принимать мистико-метафизическое построеніе Спенсера за позитивное. Въ основоначалахъ философіи Спенсера можно видѣть повтореніе послѣ-кантовскихъ натуро-философскихъ пареній, и къ Сенсеру приложимо названіе его англійскимъ Гегелемъ. Для насъ выясняются тогда, какъ его скачки и противорѣчія, такъ и заднія мысли не научнаго пошиба и всѣ вообще блѣдные призраки мысли въ царствѣ тѣней». (Что такое научная философія. Спб. 1891, стр. 103—104). Мы не станемъ разбирать, въ какой мѣрѣ былъ правъ г. Лесевичъ, давая такой приговоръ о системѣ Г. Спенсера, а замѣтимъ только, что такой взглядъ на Спенсера не стоитъ особнякомъ. Вообще послѣдовательные позитивисты не могутъ признать его позитивистомъ въ строгомъ смыслѣ слова,

*

и это легко объяснить почему. Всякій позитивистъ долженъ быть непремѣнно *феноменалистомъ*, т. е. онъ долженъ сказать, что человѣческое познаніе ограничивается только лишь тѣмъ, что составляетъ предметъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія. Все то, что по самой природѣ своей не можетъ быть предметомъ чувственнаго воспріятія, то не только не можетъ быть познаваемо, но самое существованіе чего-либо въ этомъ родѣ (что философы называли нѣсколько неопредѣленнымъ терминомъ «вещь въ себѣ») весьма сомнительно. Нѣчто подобное признавалъ и Спенсеръ, когда утверждалъ, что въ основѣ всѣхъ вещей лежитъ нѣчто, что можетъ быть названо «*непознаваемымъ*». Но строгіе позитивисты (напр., Милль, Литтре) возстали противъ спенсеровскаго «непознаваемаго». Милль находилъ это понятіе полнымъ противорѣчія, ибо если все познаваемое нами существующее есть *обнаруженіе* этого непознаваемаго, то, слѣдовательно, это непознаваемое въ извѣстномъ смыслѣ познаваемо. Литтре упрекалъ Спенсера въ томъ, что онъ говорилъ о «непознаваемомъ» такъ, какъ если бы онъ его прекрасно познавалъ. Какъ бы то ни было, Спенсеръ не можетъ быть признанъ позитивистомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова.

Все это мы говоримъ вовсе не для осужденія его системы, а только лишь для того, чтобы ближе опредѣлить его, такъ сказать, философскую физіономію. Его система представляетъ громадный интересъ для всякаго читателя. Та грандіозная философская концепція, которая лежитъ въ основаніи его системы дѣлаетъ изученіе его сочиненій высокопоучительнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Съ особеннымъ удовольствіемъ считаемъ нужнымъ отмѣтить, что переводы «Основныхъ началъ» въ изданіи Пантелѣева и «Психологіи» въ изданіи Сытина исполнены безукоризненно хорошо.

Рибо. Психологія чувствъ. Переводъ М. Гольдсмитъ. Спб. 1898. Изд. Павленкова. Рибо. Психологія чувствъ. Кіевъ 1897. Изд. Іогансона. Книга Рибо имѣетъ своимъ содержаніемъ цѣлый отдѣлъ психологіи и представляетъ особый интересъ потому, что разсматриваетъ вопросъ о чувствахъ со всѣхъ сторонъ, какъ съ фактической, такъ и съ теоретической, какъ съ точки зрѣнія психологической, такъ и съ философской. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ психологіи состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, что лежитъ въ основаніи душевной жизни. Какъ извѣстно, всѣ психическія явленія дѣлятся на слѣдующія три группы: на явленія познанія, чувства и волевыя. Были психологи, которые на поставленный нами вопросъ отвѣчали въ томъ смыслѣ, что въ основаніи духовной жизни лежатъ процессы познанія. Это направленіе, которое можно назвать *интеллектуалистическимъ*, было до сихъ поръ господствующимъ. Самымъ типичнымъ представителемъ этого ученія нужно считать нѣмецкаго философа Гербарта. По его мнѣнію, чувствъ, какъ самостоятельныхъ явленій, собственно не существуетъ. Реально и первоначально существуютъ только познавательные процессы, представленія. Что же касается чувствъ, то они суть не что иное, какъ только лишь результатъ взаимодѣйствія представленій. Всякое чувство возникаетъ изъ сосуществованія въ духѣ представленій, которыя вступаютъ другъ съ другомъ въ соединеніе или которыя вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ. Чувство само по себѣ не существуетъ. Оно похоже на музыкальныя созвучія и диссонансы; подобно тому, какъ эти послѣднія, хотя и отличаются отъ элементарныхъ тоновъ, но получаютъ существованіе только лишь благодаря имъ, такъ и чувства, хотя и отличаются отъ познавательныхъ состояній, но находятся въ зависимости отъ нихъ. Уничтожьте познавательное состояніе и вмѣстѣ съ нимъ будетъ уничтожено и чувство. Это интеллектуалистическое направленіе въ настоящее время уступаетъ другому, которое называютъ *волюнтаризмомъ*, потому что оно кладетъ въ основаніе всѣхъ психическихъ явленій *волю* или *влеченіе*, первоначально совсѣмъ не сопровождаемое сознаніемъ, представленіемъ. Начало этому движенію положилъ нѣмецкій философъ Шопенгауэръ. Наиболѣе видными представителями этого направленія

въ настоящее время слѣдуетъ считать Вундта и Паульсена. Къ тому же направленію принадлежитъ и Рибо. Основа аффективной жизни есть влеченіе (l'appetit) или его противоположное, т.-е. движеніе или остановка движенія. Влеченіе въ своей основѣ есть состояніе, совершенно независимое отъ познанія, которое не имѣетъ никакого къ нему отношенія и можетъ вовсе не существовать въ то время, когда влеченіе существуетъ. Поэтому, влеченіе слѣдуетъ считать основнымъ элементомъ душевной жизни. Оно можетъ появляться тогда, когда о познаніи не можетъ быть и рѣчи.

Такова въ существенныхъ чертахъ основная мысль разбираемой нами книги. Но намъ необходимо сказать нѣсколько словъ и о переводахъ ея. Нужно пожалѣть, что гг. издатели, въ похвальномъ стремленіи къ удешевленію книги, не присоединили еще заботы о томъ, чтобы переводъ такого спеціальнаго сочиненія былъ порученъ лицамъ опытнымъ. Какъ одинъ, такъ и другой переводъ не могутъ считаться вполнѣ удовлетворительными. Въ переводѣ г. Гольдсмита, кромѣ неточностей, мѣстами мы имѣемъ парафразъ, простую передачу своими словами мысли автора. Напр., на 1-й стр. у него говорится: «Психологія аффективныхъ состояній, по общепринятому мнѣнію, до сихъ поръ очень туманная и мало разработанная *наука*». Такъ какъ такой науки не существуетъ, то слѣдовало бы сказать: «психологія аффективныхъ состояній, по всеобщему признанію, очень туманна и мало разработана». Нѣсколькими строками ниже у переводчика сказано: «теорія Джемса и Ланге... вызвала интересъ среди читателей и изслѣдователей». Между тѣмъ какъ у Рибо сказано: «вызвала наблюденія и изслѣдованія». На стр. 3 сказано: «но самого по себѣ чувствованія не существуетъ; подобно гармоніи и диссонансу въ музыкѣ, оно отличается отъ простыхъ звуковъ, хотя благодаря имъ только и существуетъ». Въ переводѣ выходитъ, что будто по Рибо чувствованіе зависитъ отъ простыхъ звуковъ и будто оно только благодаря имъ и существуетъ. На стр. 420 tempere переводится черезъ «умѣренные», вмѣсто «уравновѣшенные», и подобныхъ неточностей можно указать множество.

Менѣе удовлетворительнымъ нужно считать изданіе Іогансона. Очевидно, переводчикъ переводилъ чисто механически. Напр., на стр. 6 сказано: «уничтожьте всякое сознаніе» (tout état intellectuel) вмѣсто «познавательное состояніе». Мысль Рибо оказывается въ этомъ мѣстѣ крайне извращенной. Стр. 7—fixer, вмѣсто «опредѣлить» переводится укрѣпить. Стр. 13: «перенесемся отъ мрака къ свѣту, отъ физики къ психикѣ» (du vital au psychique), вмѣсто «отъ жизненнаго къ психическому». Стр. 17: «избыточныя ощущенія», вмѣсто «эмоціи, происходящія отъ избытка энергіи». Слово «trouble», что значитъ просто «разстройство», не дается переводчику: въ одномъ мѣстѣ, напр., онъ переводитъ его черезъ «потрясеніе»; напр., «trouble de la motilité» онъ переводитъ (стр. 201) черезъ «потрясеніе движущей силы», вмѣсто «разстройство двигательной способности». Вмѣсто «кенестезія» или, въ крайнемъ случаѣ, «ценестезія», переводчикъ пользуется неупотребительнымъ у насъ терминомъ «сенестезія». Но въ особенности переводчикъ погрѣшаетъ въ передачѣ собственныхъ именъ извѣстныхъ авторовъ, такъ, напр., Ферворнъ у него названъ Веруорномъ, Бастіанъ названъ Бостэномъ, Хэкъ Тюкъ—Гокъ Тукъ, Шилле вмѣсто Шюле, Кюлпе вмѣсто Кюльпе, Уайлашекъ вмѣсто Валашекъ и т. под.

Рибо. «Психологія вниманія». Кіевъ, 1897. Изд. Іогансона. Нельзя думать, что вниманіе есть какая-нибудь частная психическая способность. Оно находится въ такой тѣсной связи съ чувствами и съ волей, что трактатъ о немъ долженъ интересовать всякаго, кто интересуется общими вопросами психологіи. Многіе психологи въ прежнее время склонны были думать, что вниманіе есть какая-то духовная способность, стоящая внѣ всякой связи съ физіологическими процессами. Книжка Рибо является реакціей противъ этого взгляда. Рибо послѣ

тщательнаго изслѣдованія механизма вниманія, именно съ точки зрѣнія физіологическихъ условій, сопровождающихъ процессъ вниманія, приходитъ какъ разъ къ обратнымъ выводамъ. По его мнѣнію, способность вниманія всецѣло зависитъ отъ физіологическихъ условій, главнымъ образомъ, отъ мускульныхъ напряженій и вообще отъ двигательныхъ элементовъ. Онъ утверждаетъ, что двигательные элементы въ процессѣ вниманія есть все. Вниманіе дѣйствуетъ на нихъ и черезъ нихъ. Оно представляетъ двигательный механизмъ.

Переводъ этой книжки, изданной очень дешево, сдѣланъ удовлетворительно.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

К. Клаусъ. «Основы зоологіи».—*А. Брандтъ.* «Учебникъ зоологіи для студентовъ».—*В. Уминскій.* «На шарѣ къ полюсу».—*В. Уминскій.* «Невѣдомый міръ».

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Сочин. доктора Карла Клауса. Перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, т. II. (Членистоногія, мягкотѣлыя, моллюскообразныя, оболочники). Съ 505 политипажами въ текстѣ. М. Изд. Н. И. Мамонтова. 1898 г. 669 стр. Ц. 5 р. Въ послѣднее время русская зоологическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ учебниковъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, таковы учебники: Бобрецкаго, Кащенко, Брандта, Гертвига, Клауса и др. Тѣмъ не менѣе,—говоритъ г. Кулагинъ въ предисловіи къ разсматриваемой книжкѣ,—предлагаемый переводъ «Основъ зоологіи» Клауса является далеко не лишнимъ. Однако, это не совсѣмъ такъ. Мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ появленіе въ свѣтъ научнаго сочиненія является *излишнимъ*. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ того же предисловія, предлагаемый переводъ «обнимаетъ собой только типы Arthropoda, Mollusca, Molluscoidea и Tunicata», т. е. представляетъ только серединy учебника Клауса, безъ начала и конца Г. Кулагинъ мотивируетъ выпускъ въ свѣтъ только этой части учебника тѣмъ соображеніемъ, что проф. Клаусъ лично занимался спеціальной разработкой класса ракообразныхъ, принадлежащаго къ типу Arthropoda. Соображеніе это нисколько не уменьшаетъ силы нашего замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ, ученому спеціалисту она не нужна, потому что это—учебникъ; учащемуся она непригодна потому, что это учебникъ безъ начала и конца. На книгу могъ бы быть спросъ въ томъ случаѣ, если бы въ продажѣ существовали I-я и послѣдняя части того же сочиненія, хотя бы стараго изданія; между тѣмъ изъ объявленія, приложеннаго къ ней, мы узнаемъ, что I-я часть стараго изданія распродана. Существуетъ еще «Учебникъ зоологіи» того же автора, изданный въ русскомъ переводѣ въ Одессѣ въ 1888 г. и отличающійся отъ «Основъ зоологіи», главнымъ образомъ, меньшимъ количествомъ рисунковъ и распредѣленіемъ матеріала. Такъ какъ этотъ учебникъ продается только весь цѣликомъ, къ тому же въ I-й его части заключается почти все то, что имѣется въ разсматриваемой книжкѣ, то замѣнить недостающія въ изданіи г. Мамонтова части чѣмъ-нибудь другимъ, безъ непроизводительной траты денегъ, оказывается невозможнымъ. Едва ли много найдется желающихъ жертвовать 5 руб. (цѣна «Основъ зоологіи») за нѣсколько лишнихъ рисунковъ. Чтобы поправить промахъ, г. Мамонтову остается только издать русскій переводъ начала и конца «Основъ зоологіи». Такое изданіе будетъ тѣмъ болѣе полезнымъ, что «Учебникъ зоологіи» Клауса, изданный въ Одессѣ, почти распроданъ, а всѣ другіе учебники, упомянутые въ началѣ этой рецензіи, по тѣмъ или другимъ причинамъ менѣе пригодны для университетскихъ слушателей, нежели учебники Клауса. Только одно руководство г. Бобрецкаго превосходитъ ихъ въ отношеніи текста, но оно лишено рисунковъ.

Что касается перевода разсматриваемой книги, то его нельзя признать безукоризненнымъ. Попадается не мало выраженій и терминовъ произвольныхъ или не употребительныхъ въ научномъ языкѣ, напр.: двуснастный вмѣсто двуполый; путеводное тѣльце—вмѣсто направляющій пузырекъ или полярная клѣтка; чувственныя клѣтки—вмѣсто чувствующія клѣтки и т. д. Со стороны внѣшности изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Учебникъ зоологіи для студентовъ, приноровленный къ программѣ испытанія въ государственной физико-математической коммиссіи. А. Брандта, профессора Харьковскаго университета. Съ 524 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 75 к. 1898 г. Одно уже имя автора, извѣстнаго нашего зоолога, опытнаго и талантливаго профессора, ручается за то, что скромная, но трудная задача, поставленная имъ въ заголовкѣ книги, будетъ выполнена настолько хорошо, насколько позволитъ самая постановка подобной задачи; что она трудна, видно уже изъ того, что авторъ самъ не можетъ опредѣленно очертить кругъ читателей, на который разсчитана его книга. Въ своемъ предисловіи проф. Брандтъ говоритъ, что онъ «отнюдь не задается цѣлью вытѣснить своимъ учебникомъ другіе, уже получившіе у насъ право гражданства», что «отъ слушателя высшаго учебнаго заведенія мы въ правѣ ожидать сознательнаго отношенія къ дѣлу», а, слѣдовательно, въ правѣ ожидать, что онъ разберется въ существующихъ большихъ курсахъ зоологіи (Бобрецкаго, Клауса, Шимкевича и др.), съумѣетъ отличить главное отъ второстепеннаго и донести это главное до зеленаго стола государственной коммиссіи. Но, говоритъ почтенный профессоръ, «и для самыхъ внимательныхъ и прилежныхъ изъ числа студентовъ наступаетъ страдная пора экзаменовъ, когда является потребность еще разъ, въ сжатомъ видѣ, обозрѣть и закрѣпить въ памяти совокупность пройденнаго. Пособіемъ къ удовлетворенію этой потребности и предназначенъ служить, главнымъ образомъ, предлагаемый учебникъ, въ которомъ опущены по преимуществу детали по систематикѣ, едва ли требуемыя кѣмъ-либо изъ экзаменаторовъ». Намъ неясно, почему эта потребность не могла бы быть удовлетворена тѣми же большими курсами зоологіи, разъ таковой курсъ *уже пройденъ* студентомъ. Обыкновенно, при прохожденіи такого курса составляются конспекты или дѣлаются соотвѣтствующія помѣтки на поляхъ, благодаря чему при повтореніи передъ экзаменами все главное возстаетъ съ большей рельефностью, продѣлывать же это по *другой* книгѣ, какъ бы коротка она ни была, по нашему мнѣнію, гораздо труднѣе. Да, вѣроятно, и самъ авторъ не въ этомъ видѣлъ главное назначеніе своего учебника, такъ какъ въ томъ же предисловіи онъ говоритъ: «Тѣмъ не менѣе, *прилежными* посѣтителями лекцій и практическихъ занятій, стѣсняющимися пріобрѣтеніемъ болѣе дорогихъ учебниковъ, могъ бы быть поставленъ вопросъ о томъ, нельзя ли имъ обойтись однимъ моимъ учебникомъ? Предоставляю этотъ вопросъ на ихъ же рѣшеніе». Ставя этотъ вопросъ въ своемъ предисловіи на рѣшеніе *прилежныхъ* студентовъ, профессоръ Брандтъ самъ рѣшаетъ его и выдаетъ патентъ «прилежаніе» всѣмъ студентамъ огуломъ, озаглавивъ свою книгу: «Учебникъ зоологіи для студентовъ etc.» Мы принуждены, конечно, слѣдовать за авторомъ и разсматривать данную книгу не какъ репетиторіумъ, а какъ полноправный учебникъ зоологіи, только приноровленный къ экзаменаціоннымъ цѣлямъ. Но и этому, болѣе широкому требованію учебникъ проф. Брандта вполнѣ удовлетворяетъ; изложеніе автора ясное, точное, лаконическое, намъ кажется, иногда даже слишкомъ лаконическое; характеристики отдѣловъ и классовъ (на что обращено главное вниманіе) рельефныя, лишняго — ни слова, описанія родовъ и видовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ опущены совершенно; рисунки, очень недурные, являются не излишней роскошью, не украшеніемъ, а необходимымъ, органическимъ дополненіемъ текста. Вообще авторъ почти вполнѣ осуществилъ свой девизъ: «non multa, sed multum». Мы написали «почти», такъ какъ, по

нашему мнѣнію, въ такомъ краткомъ экзаменаціонномъ учебникѣ зоологіи или не слѣдовало вовсе давать главъ, посвященныхъ сравнительной анатоміи, гистологіи и эмбріологіи, такъ какъ студентамъ читаются спеціальные курсы по этимъ предметамъ, или же, если давать, то нѣчто менѣе конспективное, чѣмъ то предлагаетъ данный учебникъ. Вообще намъ кажется, что и весь отдѣлъ общей зоологіи слѣдовало бы нѣсколько расширить: общія понятія надо продумать и усвоить во всей ихъ полнотѣ, конспективность здѣсь можетъ повредить, создать даже иногда ложное представленіе о точности и стройности нашихъ знаній по тѣмъ вопросамъ, которые еще очень далеки отъ этого идеала. Но «la critique est aisée, l'art est difficile», и тѣмъ болѣе надо удивляться «искусству» почтеннаго автора, что поставленная имъ главная задача осложнялась еще тѣмъ, что нужно было строго держаться въ рамкахъ «программы государственной комиссіи». Мы убѣждены, что «Учебникъ зоологіи» проф. Брандта получитъ самое широкое распространеніе, несмотря на относительно высокую цѣну, и что не только «прилежные», но и вообще всѣ студенты-естественники, не желающіе спеціализироваться по зоологіи, вполнѣ «обойдутся однимъ этимъ учебникомъ».

_ 1) **В. Уминскій. «На шарѣ къ полюсу» (приключенія во льдахъ) перев. Ф. В. Домбровскаго. Съ рисунками. 260 стр. Цѣна 1 р. 2) В. Уминскій. Невѣдомый міръ (Марсъ и его жители). Перев. Ф. В. Домбровскаго. Съ рисунками. 245 стр. Цѣна 1 р.** У Жюль Верна и Фламмаріона, какъ извѣстно, много подражателей, но какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, подражаютъ недостаткамъ и рѣзкостямъ, для достоинствъ же не хватаетъ силъ: у однихъ нѣтъ живости разсказа, нѣтъ занимательной интриги Жюль Верна, у другихъ широкаго научнаго базиса знаменитаго популяризатора-астронома. Особенно печальные и комическіе результаты получаются, когда такой подражатель силится совмѣстить въ своей особѣ обоихъ популяризаторовъ и Жюль Верна, и Фламмаріона. Г. Уминскій являетъ собою блестящій образчикъ такой смѣлости, и мы взялись за рецензію этихъ двухъ книжекъ съ спеціальной цѣлью предостеречь читателя,—заглавія вѣдь такъ занимательны и обѣщаютъ трактовать такіе модные вопросы: о планетѣ Марсъ пишутъ чуть не въ каждомъ № журналовъ, путешествіе Андре занимало всю прессу, пожалуй, больше, чѣмъ экспедиція Нансена.

Въ первой изъ разбираемыхъ нами книжекъ описывается фантастическое путешествіе на какомъ-то удивительномъ шарѣ, изобрѣтенномъ польскимъ инженеромъ Громскимъ, къ полюсу. Это смѣсь различныхъ quasi-научныхъ соображеній и выкладокъ съ quasi - жюльверновскими приключеніями: ни живыхъ людей, ни маломальски сносныхъ описаній природы вы не встрѣтите здѣсь; что же касается научной части, то большую публику она приведетъ только въ смущеніе и останется ей сплошь непонятной, людямъ же, получившимъ естественно-историческое образованіе, можетъ представить только интересъ курьеза, да и то ненадолго, въ концѣ концовъ обозлишься. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ слѣдующіе перлы: «Вѣдь вамъ извѣстно по термохиміи,—поучаетъ знаменитый изобрѣтатель Громскій,—что одинъ килограммъ водорода, соединенный съ восемью килограммами тлѣнія даетъ 34.000 единицъ тепла, то-есть, въ четыре раза больше, чѣмъ обыкновенный, употребляемый нами матеріалъ. Четыреста шестисотенныхъ метровъ водорода.——» (стр. 128). Можетъ быть, читатель подумаетъ, что тутъ виноватъ переводчикъ, дѣйствительно блещущій поразительнымъ невѣжествомъ и полнымъ незнаніемъ русскаго языка. Конечно г. Домбровскій много помогъ г-ну Уминскому, но г. Уминскій хорошъ и самъ по себѣ. Какъ нравится вамъ, напр., заявленіе, что «экваторы сходятся у полюсовъ» (стр. 86), или «аэростатъ описалъ дугу около 80 градусовъ по 300-метровой чертѣ круга...» (стр. 32), или «зрительный лучъ представляетъ геометрически пропорціональную средину между подъемомъ, а середина земли—увеличенная на этотъ подъемъ» (62), или, напр., такое открытіе: «Да вѣдь и физіологія доказываетъ намъ,—говоритъ одинъ изъ героевъ воздушнаго пу-

тепловствія,—что происхожденіе животнаго тепла является отъ сгоранія углекислоты, введенной въ организмъ вмѣстѣ съ пищей» (стр. 175). Но нужно сознаться что научный туманъ автора совершенно меркнетъ въ поразительномъ невѣжествѣ переводчика. Удивительно, какъ при такой массѣ переводчиковъ находятъ спросъ и такія лица, какъ г. Домбровскій. Особенно хорошо переведены у него научные термины: *тайное* содержаніе теплоты (224), *коловратное* вращеніе земли (176), *непроницательность* оболочки шара (103), *регулярные* контуры (14) и тому подобныя прелести. Но термины не единственное слабое мѣсто г. Домбровскаго, хорошъ у него вообще русскій языкъ: «чайки *залегали* почти каждую верхушку горъ и прикливая толпа ихъ совсѣмъ не обращала вниманія на нашихъ героевъ, которые, желая пройти, должны были палками *торить* себѣ дорогу» (171) «поверхность скалы тоже *залегали* толстые слои помета...» (172), «*цѣлодневное* искаліе» (182), капитанъ *пристращался* (182)—такъ и пестрятъ книгу; не могу отказать себѣ въ нѣкоторомъ злорадномъ удовольствіи и приведу слѣдующую дивную фразу: «...чувствовалъ на удахъ и на боку болѣзненные слѣды «клычковъ» моржа» (276). Вторая книжка (Невѣдомый міръ), пожалуй, даже превосходитъ первую: то же отсутствіе интриги и живыхъ людей и то же искаженіе науки, какъ авторомъ, такъ и переводчикомъ. Хороши здѣсь: паровая машина (на яхтѣ) въ 10.000 лошадиныхъ силъ (75), костеръ съ вольтомъ (193); недурно опредѣленіе алюминія, какъ «легкаго металла, находящагося въ глинѣ и горящаго точно такъ же, какъ и магній, ослѣпительно бѣлымъ свѣтомъ, не уступающимъ по своей яркости электрической вольтовой дугѣ» (109); но лучше всего геологическія свѣдѣнія, которыми дѣлится авторъ съ своими читателями: «...Странно подумать, говоритъ онъ (стр. 139), что весь нашъ земной шаръ состоитъ изъ раскаленной глыбы жидкой лавы, покрытой тонкой корочкой, которая можетъ проломиться подъ ногами»... Подумать-то не странно, мало ли что нашъ крестьянинъ о трехъ китахъ думаетъ, а вотъ печатать такой вздоръ не только странно, но и не позволительно. Переводчикъ, конечно, отличается по прежнему:—окуляръ у него «*зрительная люнета*», герои «*энергично гимнастируются*» (167), муловъ ведутъ «*мульники*»; но особенно хороши совмѣстныя экскурсіи автора и переводчика въ область художественнаго творчества; мы удовольствуемся только однимъ морсо: «Эта пробуждающаяся къ новой жизни улыбка натуры успокоительно подѣйствовала на сжавшееся отъ свѣжаго разочарованія сердце астронома, напомнила ему о существованіи прекраснаго міра и разгладила морщины на его челѣ, поблѣднѣвшемъ отъ напряженія мысли» (63).

Вѣроятно, и у нашего читателя «разгладятся морщины на челѣ» и онъ поневолѣ улыбнется при чтеніи этихъ строкъ, какъ улыбались и мы, когда перелистывали совмѣстныя упражненія гг. Уминскаго и Домбровскаго. Но улыбнувшись, неужели мы не вознегодуемъ на тѣхъ, кто голоднымъ подаетъ камень вмѣсто хлѣба? Неужели еще долго народную жажду знанія будутъ удовлетворять издатели и авторы Никольскаго рынка!

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1897 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Январь. Викторъ Гюго. «Собраніе стихотвореній».
Габріэль Сандуніянцъ «Пепо». Комедія.
Мартъ. А. П. Барыкова. «Стихотворенія и прозаическія произведенія».
Марко Вовчокъ. «Полное собраніе сочиненій».
С. Я. Елпатьевскій. «Очерки Сибири».
Гюи-де-Мопассанъ. «Чудный другъ».
Апрѣль. И. Н. Потапенко. «Повѣсти и разсказы».
В. Сѣрошевскій. «На краю лѣсовъ».
К. Тавастшерна. «Мать и сынъ».
Іюнь. Робертъ Бернсъ. «Стихотворенія».
П. И. Захарьинъ-Якунинъ. «Грёзы и пѣсни».
М. М. «Стихотворенія».
В. А. Дмитріевъ. «Грёзы юности».
«Призывъ», сборникъ.
Іюль. Л. Гуревичъ. «Плоскогорье», романъ.
К. Льдовъ. «Лирическія стихотворенія».
А. Мамонтовъ. «Фаустъ», перев. съ нѣм.
Сентябрь. Іоаннъ Мильтонъ. «Потерянный и возвращенный рай».
Октябрь. Н. П. Маклецова. «Фаустъ», перев. съ нѣм.
С. Г. Фругъ. «Лирическія стихотворенія».
И. Н. Захарьинъ. «Люди темные», «Разсказы».
Декабрь. Ю. Веселовскій. «Стихотворные переводы».
Г. Лессингъ. «Натанъ-Мудрый», перев. Лихачева.
К. Францозъ. «Сендеръ Глатейзъ». Романъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мартъ. Брандесъ. «Литературныя характеристики».
А. М. Скабичевскій. «Исторія новѣйшей русской литературы».
«Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ». Подъ ред. Венгерова.
Іюль. Д. Мережковскій. «Вѣчные спутники».
К. Головинъ. «Русскій романъ и русское общество».
Августъ. Н. И. Стороженко. «Вольнодумецъ эпохи возрожденія».
Н. Дашкевичъ. «Зезенгеймская идиллія».
А. Новицкій. «Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство».
Сентябрь. Ф. Брюнетьеръ. «Возрожденіе идеализма».
Н. П. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина».
Ноябрь. А. Гаспори. «Исторія итальянской литературы». Т. II.

БІОГРАФІИ.

Январь. В. Я. Классенъ. «Жизнь Ф. Лассаля» (см. «Публицистику»).
Мартъ. Ч. Вѣтринскій. «Т. Н. Грановскій».
Давидъ Штраусъ. «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ».
Сентябрь. С. Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ.
Ноябрь. В. Д. Смирновъ. «Жизнь А. И. Герцена (см. «Критику и Исторію литературы»).

ПУБЛИЦИСТИКА.

Январь. В. Вахтеровъ. «Всеобщее обученіе».
«Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія».
А. Быкова. «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты».
Май. Б. Ф. Брандтъ. «Борьба съ пьянствомъ».
Н. Гумилевскій. «Сущность питейной реформы».
Л. А. Комаровскій. «Восточный вопросъ».
Н. П. Бѣлоконскій. «Народное образованіе въ Курской губерніи».
Н. В. Тулуповъ. «Воскресныя чтенія для рабочихъ».
А. Ф. Кони. «Судебныя рѣчи».
Іюнь. К. Ф. Одарченко. «Нравственныя и правовыя основы народнаго хозяйства».
Б. Глинскій. «Русское судебное краснорѣчіе».
Л. Д. Ляховецкій. «Характеристика русскихъ извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ».
Н. Дружининъ. «Юридическое положеніе крестьянъ».
Поль-Луи Курье. «Сочиненія».
В. А. Гольцевъ. «Воспитаніе, нравственность, право».
Іюль. П. Мижуевъ. «Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи».
Д. Руссель. «Народные университеты Англіи и Америки».
М. де-Местръ. «Философія войны».
Августъ. М. Н. Катковъ. «О женскомъ образованіи».
П. Н. Ковалевскій. «Психологическіе эскизы изъ исторіи».
Октябрь. «Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи».
І. Фудель. «Народное образованіе и школа».
Ноябрь. Н. И. Мессарошъ. «Финляндія—государство или русская окраина?»
«Коммиссія по организаціи домашняго чтенія».
В. В. Быховскій. «Обвиненіе и защита по закону 18 марта 1896 года.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Январь. Г. Д. Трайль. «Общественная жизнь Англіи». Т. І.
А. Brückner. «Geschichte Russlands».
Февраль. «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ». Подъ редакціей проф. Виноградова.
Лависсъ и Рамбо. «Всеобщая исторія».
А. Мензисъ. «Исторія религій».
Мартъ И. П. Филевичъ. «Исторія древней Руси».
Г. Ф. Герцбергъ. «Исторія Византіи».

Гастонъ Додю. «Исторія монархическихъ учрежденій въ латино-іерусалимскомъ королевствѣ.

Апрѣль. Гастонъ Легра. «Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ».

П. Гиро. «Частная и общественная жизнь грековъ».

П. Милюковъ. «Главныя теченія русской исторической мысли».

Май. Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Александръ I».

Іюнь. Э. Лависсъ. «Очерки по исторіи Пруссіи».

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. «О древне-русской дружинѣ въ былинахъ».

Сентябрь. Г. Д. Трайль. «Общественная жизнь Англіи». Т. II.

Ш. Сеньебосъ. «Политическая исторія современной Европы».

А. М. Фадѣевъ. «Воспоминанія».

Ноябрь. К. Д. Кавелинъ. «Сочиненія». Т. I.

Гринъ. «Исторія англійскаго народа».

Ш. Сеньебосъ. «Политическая исторія современной Европы».

Декабрь. Грибовскій. «Народъ и власть въ Византіи».

Бекъ и Браннъ. «Исторія еврейскаго народа».

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Февраль. А. Менгеръ. «Соціальныя задачи юриспруденціи».

Г. Ф. Шершеневичъ. «Опредѣленіе понятія о правѣ».

Декабрь. Тимофѣевъ. «Судебное краснорѣчіе».

Гогель. «О институтѣ условнаго осужденія».

Ивановскій. «Русское государственное право».

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ЭТИКА.

Февраль. Я. Колубовскій. «Философскій ежегодникъ».

А. Фулье. «Темпераментъ и характеръ».

В. Вундтъ. «Опытъ психологіи».

Эльзенгансъ. «Элементарное описаніе душевныхъ явленій».

Поланъ. «Физіологія ума».

Г. Челпановъ. «Указатель литературы по вопросу о матеріализмѣ».

Іюль. Кантъ. Критика чистаго разума».

А. И. Смирновъ. «Публичныя лекціи по философіи наукъ».

Вундтъ. «Очерки психологіи».

Фоулеръ. «Прогрессивная нравственность».

Декабрь. Г. Спенсеръ. «Основныя начала».

Рибо. «Психологія чувствъ».

Рибо. «Психологія вниманія».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Январь. А. Эспинасъ. «Исторія политико-экономическихъ доктринъ».

Апрѣль. «Промышленность». Изъ «Handwörterbuch der Staattswissenschaften». «Освобожденіе крестьянъ на Западѣ». Оттуда же. «Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи».

Май. «Роспись доходовъ и расходовъ вел. кн. Финляндскаго».
Г. Фонъ-Шульце-Гевернитцъ. «Крупное производство».
Ж. Сисмондъ-де-Сисмонди. «Новыя начала политической экономіи».
Іюнь. Н. Водовозовъ. «Экономическіе этюды».
А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири».
Л. Бухъ. «Основные элементы политической экономіи».
«Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства».
Августъ. Н. Карышевъ. «Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.
М. Шиппель. «Денежное обращеніе».
Ѳ. Тернеръ. «Государство и землевладѣніе».

СОЦІОЛОГІЯ.

Сентябрь. Л. Уордъ. «Психическіе факторы цивилизаціи».
А. Позада. «Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства».
Г. Тардъ. «Происхожденіе семьи и собственности».
Октябрь. В. Киддъ. «Соціальное развитіе».

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ, АНТРОПОЛОГІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

Апрѣль. Эдуардъ Тэйлоръ. «Первобытная культура».
Февраль. Л. Крживицкій. «Антропологія».
Вестермаркъ «Исторія брака».
А. Позднѣевъ. «Монголія и монголы».
И. Коростовцевъ. «Китайцы и ихъ цивилизація».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Январь. Б. Ю. Кольбе. «Введеніе въ ученіе объ электричествѣ».
К. Келлеръ. «Жизнь въ морѣ».
«Программа и наставленіе для собиранія коллекцій».
Февраль. Д. Кукъ. «Новая химія».
«Метеорологическій Вѣстникъ».
Мартъ. «Русскій астрономическій календарь».
К. Фламмаріонъ. «Живописная астрономія».
Г. Предтеченскій. «Кометы и падучія звѣзды».
А. Мильнъ. «Лягушка». Введеніе въ анатомію, эмбріологію и гистологію.
Іюнь. Г. Гетчинсонъ. «Автобіографія земли».
Д. Боголѣповъ. «Начальныя основанія метеорологіи».
М. Сіязовъ. «Краткій курсъ ботаники».
Сентябрь. «Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева».
Ф. Вальдъ. «Современная метеорологія».
Вюильменъ. «Біологія растеній».
Октябрь. М. Нейманръ. «Исторія земли».
Ноябрь. А. Г. Столѣтовъ. «Общедоступныя лекціи и рѣчи».
А. П. Павловъ. «Полвѣка въ наукѣ объ ископаемыхъ».

Декабрь. Клаусъ. «Учебникъ зоологіи».
А. Брандтъ. «Учебникъ зоологіи».
Уминьскій. «На шарѣ къ полюсу».
Уминьскій. «Невѣдомый міръ».

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Мартъ. В. В. Рахмановъ. «Общедоступный лѣчебникъ».
«Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи»
Май. «Городъ С.-Петербургъ съ точки зрѣнія медицинской полиціи».
М. Н. Покровская. «Санитарный надзоръ надъ жилищами».
«Седьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей».
Августъ. «Отчетъ Общества врачей Енисейской губерніи».
Н. Горовая. «Гигіеническіе очерки».
Е. Членовъ. «Глухонѣмые и ихъ обученіе»-
Октябрь. И. Скворцовъ. «Гигіена».
М. Мильманъ. «Общедоступная медицинская библіотека».
И. Сѣченовъ. «Физіологическіе очерки».
Ноябрь. Э. А. Андерсъ. «Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ».
И. К. Хмелевскій. «Заиканіе».

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Октябрь. В. Острогорскій. «Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній».
А. Филоновъ. «Русская хрестоматія».

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Январь. Ф. Девель. «Разсказы о Восточной Сибири». Изданія Вольно-Экономическаго Общества для народныхъ чтеній.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го октября по 15-е ноября 1897 года.

Г. Зиммель. Проблеммы философіи исторіи. Изданіе «Книжнаго Дѣла». Москва. 1898 года. Ц. 60 к.

Догуревичъ. Свѣтъ Азіи. Распространеніе христіанства въ Сибири. Изд. Сойкина. Книжки иллюстрир. журнала «Русскій Паломникъ» за 1897 г. Кн. XI.

Я. А. Харламовъ. Бой-баба. Спб. Изданіе Наумова. 1898 г. Ц. 60 к.

Н. А. Лухманова. Новые разсказы. Изъ міра жизни и фантазіи. Спб. Изданіе М. В. Попова. 1898 г. Ц. 75 к.

М. Леонозъ. Стихотворенія. Изданіе II. Москва. 1898 г. Ц. 75 коп.

Н. Алексѣевъ. Среди бѣдъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Спб. Изданіе Д. Наумова. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Алексѣевъ. Преступный путь. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Спб. Изданіе Д. Наумова. 1897 г. Ц. 75 к.

И. Анненскій. Геракль. Трагедія Еврипида. Спб. 1897 г.

Д. А. Линевъ. Вторая книга «не сказокъ». Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Т. I. Изданіе А. И. Попова. Москва. 1898 г. Ц. 2 р.

Тина ди Лоренцо. Театральн. и біографич. замѣтки, диктованныя Камиллой Антона Траверси. Перев. съ итальянскаго.

Габріэль Сундукіанцъ. Супруги. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, перев. съ арм. Изданіе автора. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 75 к.

Кв. Горацій Флаккъ. Оды. Книга I, перев. въ стихахъ съ примѣч. П. Порфирова. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изданіе II. 1896 г. Ц. 1 р.

Н. Н. Златовратскій. Сочиненія. Изданіе III, дополн. въ трехъ томахъ съ портретомъ автора. Т. III. Москва. 1897 г. Ц. за три тома 4 р.

В. И. Виноградовъ. Начальная химія для школъ и самообразованія. Ц. 65 к. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1897 г.

Н. А. Лухманова. Черты общественной жизни. Спб. изданіе М. В. Попова. 1898 г. Ц. 1 р.

Отто Фогель. Начальная ботаника. Перев. съ 15-го нѣмецк. изданія М. А. Петунниковой съ 216 рис. Москва. 1898 г. Ц. 75 к.

Эдвинъ Ланкастеръ. Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребл. микроскопа, какъ средство для удовольствія и поученія. Перев. съ англ. 17-го изданія. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1897 г. Ц. 75 к.

Л. А. Золотаревъ. Личная и общественная борьба съ развратомъ. Москва. 1897 г.

Ф. Лавровъ. О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятн. наставл. преимущественно для сельскихъ жителей. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1897 г. Ц. 6 коп.

О. Треворъ-Бетти. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе на островъ Колгуевъ. Перев. съ англ. А. Филиппова съ 13 рис. Изд. Сойкина. «Полезная библіотека». Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Гр. Ф—та. Завоеваніе воздуха. Очерки изъ исторіи воздухоплаванія. Съ 44 рис. Изд. П. Сойкина «Полезная библіотека». Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

L. Berthenson. L'industrie du pétrole au point de vue sanitaire. Paris. 1897 г.

Х. Д. Максимовъ. Учитель. Педагогическо-общественно-списаніе. 1897 — 1898 година. Пловены. 1897 г.

А. П. Лопухинъ. Промыслъ Божій въ исторіи человѣчества. Опытъ философско-историческаго обоснованія воззрѣній блажен. Августина и Боссюэта. Изданіе II. Спб. 1898г. Ц. 60 к. безъ перес., 75 к, съ перес.

В. Лункевичъ. Среди животныхъ. Очеркъ изъ жизни животныхъ для дѣтей старшаго возраста. Съ 50 рис. въ текстѣ. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Г. С. Десятовъ. Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова. Изд. газ. «Волжскій Вѣстникъ». Казань. 1897 г. Ц. 5 к.

Придорогинъ. Воспитаніе телятъ молочной породы. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1898 г. Ц. 5 к.

В. Н. Сатаровъ. Практическій курсъ элементарной грамматики. Учебное пособіе для учениковъ народн. и церковно-приходск. школъ. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1897 г. Ц. 15 к.

М. А. Нетыкса. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Съ 232 политп. въ текстѣ. Москва. Изданіе К. Тихомирова. 1897 г. Ц. 60 к.

В. Пржеіорскій. Орошеніе луговъ въ связи съ ихъ осушеніемъ. Изданіе Петерсена. Москва. 1897 г. Ц. 10 к.

Кернеръ Ф. Марилаунъ. Жизнь растеній, перев. съ 2-го вновь перераб. и дополн. нѣмецк. изданія съ библіогр. указат. и оригин. дополненіями А. Генкеля и В. Транделя. Подъ ред. проф. И. П. Бородина. 30 вып. Изданіе «Просвѣщенія» Спб. 1898 г. Ц. за 30 вып., по подпискѣ 12 р. 80 к., каждаго выпуска 50 к.

Проф. І. Ранке. Человѣкъ. Перев. съ 2-го изданія д-ра мед. Берл. унив. А. Л. Синявскаго подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. «Просвѣщенія». Ц. за 30 вып. по подпискѣ 12 р. Спб. 1897 г.

Джозуэ Кардуччи. Очеркъ развитія національной литературы въ [illegible] 5 лекцій, Перев. съ итал. яз. П. [illegible]арьковъ. 1897 г. Ц. 70 к.

Д-ръ Варминга. Основы ботаники. Систематика растеній. Въ двухъ частяхъ, перев. съ 3-го датск. изд. Е. И. Ростовцева и М. И. Голенкина, с предисл. проф. К. А. Тимирязева. Ч. I. Москва 1897 г. Ц. за 2 части 5 рублей.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. 22-й. Изданіе Д. В. Байкова и К°. Москва. 1897 г. Цѣна за всѣ выпуски съ перес. 9 р., безъ доставки и перес. 7 р.

С. А. Венгеровъ. Русская поэзія. Собраніе произв. русскихъ поэтовъ. Вып. VI. Ц. 2 р. Спб. 1897 г.

Л. Бертенсонъ. Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Склада. Альманахъ Року Божого 1897 г. Спорудивъ К. А. Биловскій въ пользу общества для вспомощ. нуждающимся переселенцамъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Д. Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. III, перев. съ англ. П. Николаева. Ц. 2 р. 50 к. Москва. 1897 г.

Вильямъ Стоддардъ. Сынъ оружейника. Съ англ. А. Н. Рождественскаго. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1897. Ц. 30 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Бѣлое Золото. «Библіотека Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1897 года. Ц. 50 к.

Н. П. Дружининъ. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе. «Библіотека Дѣтскаго Чтенія. Москва. 1898. Ц. 1 р.

И. А. Бѣлоусовъ. Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія. «Библіотека Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1897 г. Ц. 25 к.

В. Е. Ермиловъ. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Москва. 1897 г. Ц. 25 к.

День Царя Алексѣя Михайловича. «Библіотека Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1897 г.

Божій Міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Начальные уроки міровѣдѣнія. Сост. Полемъ Бэромъ, перев. съ франц. подъ ред. Е. Чижова. Ц. 30 коп. Москва. 1897 г.

Из. Якунинъ. Графиня-Тюремщица. Нѣмецкое сказаніе. Москва. 1897 г. Изданіе Посредника. Ц. 1½ к.

Элиза Ожешко. Колдунья. Изданіе «Посредника». Москва. 1897 г. Ц. 3 коп.

Дитя и Мать. Сборникъ разсказовъ. Изданіе 6-е. «Посредника». Москва. 1897 г. Ц. 1½ к.

П. Эркману Шатріану. Воспоминанія часового мастера. Москва. 1897 г. Изданіе «Посредника». Ц. 3 к.

Уйдъ. Келло и Патрашъ. Перев. съ англ. Изданіе «Посредника». Москва. 1897 г. Ц. 1½ к.

В. Севастопольскій. О томъ, какъ удобрять землю. Съ рис. Изд[illegible] Москва. 1897 г. Ц. [illegible]

К. Э. Линдеманъ. Основы общей зоологіи. 175 рис. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1 р. 60 к.

Ванъ Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Вып. I. Съ 35 политип. Изданіе Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

С. В. Сперанскій. Къ исторіи нищенства въ Россіи. Спб. 1897 г. Оттискъ изъ «Журнала Благотворительности».

Ив. Царевскій. Лучше поздно, чѣмъ никогда. По поводу статей проф. Исаева о земледѣльцахъ изъ образованнаго класса. Кутаисъ. 1897 г. Ц. 10 к.

Д-ръ Максъ Веберъ. Биржа и биржевыя сдѣлки. Перев. съ нѣм. Изданіе Юровскаго «Международная библіотека». Одесса. 1897 г. Ц. 15 коп.

В. П. Авенаріусъ. Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Съ 12-ю портретами и видами. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 25 к.

Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. и статистическіе матеріалы о ея дѣятельности за 1895—1896 гг. Москва. 1897 г.

Людовикъ Страшевичъ. Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1897 г.

Журналъ Владимірской губернской оцѣночной коммиссіи. Владиміръ. 1897 г. Изданіе губернской управы.

Обзоръ Владимірской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи за 1896 г. Владиміръ. 1897 г.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Одесскаго Свято-Андреевскаго братства въ 1895 г.

Отчетъ Совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1896 г.

Организація Епифанской Общины сестеръ милосердія въ связи съ организаціей борьбы съ эпидеміями въ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губ.

Отчетъ за 1896—1897 уч. годъ безплатной школы для бѣдныхъ дѣтей обоего пола. Спб. 1897 г.

Отчетъ Кіевскаго литературно-артистическаго общества за 1896—1897 гг.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространія техническихъ знаній, за 1896 г. Москва. 1897 г.

Отчетъ руководителя педагогическихъ курсовъ въ Москвѣ отъ Московскаго уѣзднаго земства, Д. И. Тихомирова. 1897 г. Москва.

Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію» за 1897 г. Вып. III. Иркутскъ. 1897.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

8Jun'62L7	
REC'D LD	
JUN 2 1962	

LD 21A–50*m*-3,'62
(C7097s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636738